
Сергей Лавренов, Игорь Попов

Советский Союз в локальных войнах и конфликтах

«Лавренов С. Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах»: АСТ, Астрель; Москва; 2003
ISBN 5—17—011662—4, 5—271—05709—7

Аннотация

«Холодная война» начиналась с противостояния двух неравных по мощи сверхдержав. Хотя СССР был способен сокрушить ближайших европейских союзников США, американские бомбардировщики и ракеты могли стереть с лица земли его основные жизненные центры, в то время как сами США вплоть до конца 50-х гг. оставались неуязвимыми для контрудара. В своих расчетах каждая система исходила из того, что противная сторона хочет ни больше ни меньше как полного уничтожения своего оппонента-противника. При этом Запад рассматривал советскую внешнюю политику как своеобразный симбиоз стародавнего русского империализма со стремлением распространить влияние коммунизма в Европе. Москве приходилось отчаянно бороться за сохранение, а там, где это возможно, и расширение своей «странной», не похожей ни на какую другую в мировой летописи, «империи».

Сергей Лавренов, Игорь Попов

Советский Союз в локальных войнах и конфликтах

Война — всегда война. Ей трудно быть иною. Куда опасней мир, коль он чреват войною.

Ф. Логау, немецкий поэт XVII в.

Предисловие

Первые майские дни 1945 года стали звездным часом Человечества. На какие-то мгновения мир наполнился радостью, счастьем, вселенским единением народов и наций. Казалось, война навсегда ушла в прошлое и теперь на Земле воцарится Вечный Мир, Добро и Справедливость.

Отрезвление наступило достаточно быстро: армии и горы оружия не растаяли под весенним майским солнцем. Потенциал вражды и ненависти в отношениях между народами и

государствами нарастал с каждым днем.

Мир вступал в эпоху «холодной войны»: неустойчивого равновесия, кризисов, конфликтов. Умами политиков и простых граждан овладевал страх атомного Армагеддона.

«Холодная война» начиналась с противостояния двух неравных по мощи сверхдержав. Хотя Советский Союз был способен сокрушить ближайших европейских союзников США, американские бомбардировщики и ракеты могли стереть с лица земли его основные жизненные центры, в то время как сами Соединенные Штаты вплоть до конца 50-х гг. оставались неуязвимыми для контрудара.

Другим существенным фактором этой войны явилась постепенная утрата европейскими государствами своих колониальных империй, многие из которых подпали под влияние и правление коммунистов.

В своих расчетах каждая система исходила из того, что противная сторона хочет ни больше ни меньше как полного уничтожения своего оппонента-противника. При этом Запад рассматривал советскую внешнюю политику как своеобразную смесь стародавнего русского империализма с одновременным стремлением распространить влияние коммунизма в Европе.

Москве приходилось постоянно доказывать обратное и в неблагоприятных условиях отчаянно бороться за сохранение, а там, где это возможно, и расширение своей «странной», не похожей ни на какую другую в мировой летописи, «империи».

Часть первая. Кризисы «холодной войны»: история

Глава 1. «Особая» историческая миссия

Весна надежд 1945 года

В общественном сознании многих народов освобождение от фашизма и социализм слились едва ли не в одно понятие. «Полевение» политической жизни произошло практически во всех ведущих странах мира. В июле 1945 г. выборы в Великобритании, несмотря на огромную личную популярность консерватора У. Черчилля, принесли успех лейбористам. Программа новой правящей партии предусматривала национализацию важных секторов экономики. Схожие программы выдвигались на европейском континенте многими другими политическими силами. Почти во всех западноевропейских странах доля голосов, поданных за коммунистов во время выборов, колебалась между 10 и 20 процентами. Это произошло даже в таких чуждых социалистическим лозунгам странах, как Швеция, Голландия, Бельгия и Дания¹. Установление государственной собственности на основные средства производства — одно из фундаментальных положений теории и практики социализма — уже не рассматривалось как разрушение самих основ жизни. Новые сторонники коммунизма при этом не знали, а скорее всего не хотели знать обо всех «темных» пятнах сталинского режима. В СССР они видели прежде всего силу, которая повергла казавшийся непобедимым нацизм.

Еще более радикальные изменения происходили за пределами Европы. Период революционного подъема переживал Китай. В ходе борьбы с японскими оккупантами коммунисты действовали эффективнее, чем их политические соперники из Гоминьдана, также воевавшие с японцами, и, окрепнув, были уже в состоянии дать отпор правительству Чан Кайши.

В свою очередь Индия потребовала от Великобритании независимости и обрела ее в 1947 г., хотя и ценой расчленения на два государства: мусульманское население древней страны сконцентрировалось в пределах вновь образованного Пакистана.

Своим собственным путем шла Бирма. Страны Индокитая и Индонезия освободились от

¹ Д Боффа. История Советского Союза. — М.: Международные отношения, 1990. С. 252.

японских захватчиков, а затем провозгласили независимость и оказали сопротивление попыткам восстановить французское и голландское колониальное правление.

Германия, Япония и Италия пребывали в стане побежденных. От довоенного могущества Франции, страны-победительницы, осталась лишь тень. Существенно девальвировался мировой статус Великобритании в результате нараставшего кризиса экономики и утраты большей части колоний.

Многим, очень многим в те дни казалось, что заря социализма всходит над всем миром. В своем победоносном ореоле СССР реально превратился в мировую евроазиатскую державу, без которой — даже если бы этого очень хотелось — не могла вершиться мировая политика. Кроме искушенных политиков, мало кто задумывался над тем, что Советский Союз был фактически обескровлен. Людские потери были огромны — 27 млн человек. Войной был выбит «цвет» нации — настоящие патриоты, «идеалисты», готовые к самопожертвованию ради государственных идеалов. Генофонд нации оказался серьезно — может быть, необратимо — ослабленным. Колоссальность принесенных жертв была особенно ощутима в сравнении с потерями союзников. Американцы оставили на войне 450 тыс. человек, англичане — 375 тысяч.

Огромный урон понесла советская экономика. 1710 населенных пунктов городского типа и 70 тыс. деревень и селений были разрушены, 25 млн человек потеряли крышу над головой. В той или иной степени ущерб понесли 32 тыс. промышленных предприятий. Подлинно драматическая ситуация сложилась в деревне, в первую же послевоенную зиму пережившей страшный голод. Объем производства в сельском хозяйстве к 1945 г. снизился до 60% довоенного уровня, а в районах, находившихся под немецкой оккупацией, почти наполовину.

Однако, несмотря на огромные потери и разруху, Сталин уже на завершающем этапе войны сделал свой выбор. По его мнению, теперь и только теперь через распространение сферы влияния Советский Союз мог приобрести статус мировой сверхдержавы. С этой целью, по его замыслу, освободительная миссия Советской Армии в Восточной Европе должна была завершиться утверждением гам полнокровной социалистической модели. Беседуя в 1944 г. с югославским коммунистом М. Джиласом, Сталин заявил об этом более чем откровенно:

«Эта война — не то что в прошлые времена. Тот, кто захватил территорию, устанавливает на ней свой общественный строй. Каждый устанавливает свою систему, если его армии достаточно сильна, чтобы сделать это. Иначе и быть не может»².

Объяснимое стремление победителя в максимальной степени воспользоваться плодами победы трансформировалось в необоснованные претензии. Необоснованными потому, что если не брать в расчет военную мощь, подлинной сверхдержавой в тот момент Советский Союз, при всем своем морально-политическом авторитете, не являлся. В подобных условиях решение поставленной задачи неизбежно должно было сопровождаться не только сверхперенапряжением и без того истощенных собственных ресурсов, но и принуждением потенциальных союзников к навязываемой модели хозяйствования.

Однако эта устремленность Советского Союза не являлась догматическим выполнением ленинской программы мировой революции, как может показаться на первый взгляд. Тем более ее трудно оценить и как прагматическую, точно соизмеряющую поставленные цели с имеющимися возможностями, а главное — с целесообразностью.

Скорее это было очередным проявлением парадоксальной исторической судьбы России, когда ради решения директивно возложенных на себя мессианских задач приносилось в жертву обустройство, налаживание собственной внутренней жизни.

Экскурс в историю

² M. Djilas. Conversations with Stalin. London: Rupert Hart-Davis, 1962. P. 105.

Отечественная история полна примеров жертвенности и лишений, принесенных народом на алтарь имперских целей, нередко ради «облагодетельствования» человечества.

В течение XVIII столетия пространство России, прежде всего в результате военных действий, увеличилось на 104 тыс. кв. км, в том числе в европейской России — на 25,6 тыс. кв. км за счет территорий, отвоеванных у Турции, Польши и Швеции.

Основное население присоединенных местностей составили близкие русским белорусы и украинцы. Однако в состав Российской империи одновременно вошли финны, поляки, балтийские немцы, латыши, литовцы, татары, евреи — народы с самобытной историей. В случае неудачного решения крайне сложных задач по экономическому и духовному сближению с ними вновь присоединенные местности могли только ослабить Россию. Забегая вперед, можно констатировать, что именно так в конце концов и произошло.

Форсированная внешнеполитическая деятельность России в XVIII столетии, главным инструментом которой являлась армия, хотя и была на первый взгляд успешной, тяжело отразилась на жизненных силах государства. Одним из основных тревожных симптомов стало настойчивое, целеустремленное уклонение населения от уплаты податей (налогов). В различных местностях России, даже в Москве, недовольство широких масс населения проявлялось в стихийных бунтах, благодаря чему Пугачевское восстание приняло обширные, угрожающие для государства размеры.

На фоне бурного роста городов, внешней пышности двора, во многом показного поощрения Екатериной II науки и культуры, что так резко отличало XVIII век от XVII, простой народ оставался беден, невежествен, плохо защищен от произвола властей и собственных хозяев, владевших огромным количеством крепостных.

Победы и завоевания России, выдвинувшие ее в ряд мировых держав, одновременно вызвали рост недоверия и недоброжелательности к ней других ведущих государств, готовность совместно противодействовать дальнейшему усилению России.

После победы русских войск в войне с Турцией 1787—1790 гг. (справедливости ради не стоит забывать, что войны с Турцией в XVIII в. Россия вела в самом тесном союзе с Австрией) европейские державы пришли к соглашению не позволить России воспользоваться плодами своих побед. С этой целью сформировался союз в составе Англии, Пруссии, Австрии и Турции, к которому готовились примкнуть также Голландия, Испания и Королевство обеих Сицилии. Над Россией нависла угроза коалиционной войны, от которой ее спасла лишь разразившаяся во Франции революция, сплотившая феодальные монархии против более опасного «идеологического» врага.

Таким образом, на исходе XVIII столетия как по внутренним, так и по внешним причинам Россия нуждалась в длительном мире и в продолжительном восстановлении сил. Однако в следующем столетии ее военная активность стала еще более напряженной. В XIX веке Россия вела 15 внешних и 3 внутренних войны, которые длились в общей сложности 67 лет. Если же учесть, что русским войскам приходилось действовать одновременно на различных театрах военных действий, получается, что в одном только столетии военные действия заняли 124 года.

Войны, проведенные Россией в XIX веке, могут быть подразделены в основном на три типа: за упрочение и расширение границ России на Кавказе и в Средней Азии; за включение в сферу своего влияния народов, проживающих на Балканском полуострове; за поддержание баланса сил в Европе.

Российскому народу достигнутые победы мало что принесли, хотя и доставались очень дорогой ценой.

К примеру, освоение среднеазиатских владений шло с большим трудом. К концу XIX века русское население там составило только 9% от общего числа проживавших. Внедрявшаяся система управления, характеризовавшаяся многоначалием при одновременной атрофии власти и фактическом бесправии подавляющей части населения, не только нуждалась в собственном коренном преобразовании, но и не учитывала местные особенности, что в дальнейшем привело к серьезному осложнению внутривластной обстановки.

Присоединение Северного Кавказа породило еще большие управленческие сложности. Крайне сложный в этнографическом отношении состав населения, различные вероисповедания, резкие отличия в нравах и традициях, своеобразный исторический путь, пройденный разными

северокавказскими народами и народностями, — все это требовало величайшей осторожности при ломке существовавших укладов жизни. При этом же сами русские порядки служить образцом, особенно в судебной и полицейской сферах, не могли.

Не менее парадоксально складывались отношения России с европейскими государствами: чем бескорыстнее вмешивалась Россия в их дела, тем с большим недоверием относились к ней соседние страны, тем охотнее объединялись они в союзы антироссийской направленности.

Вынеся на своих плечах главную тяжесть войны с Францией в 1798—1799, 1805 г., 1806—1807 и 1812—1814 гг., освободив Австрию и Пруссию от наполеоновской зависимости, Россия фактически оказалась проигравшей стороной: сразу после победы над Францией в 1814 г. Англия и Австрия заключили союзный договор с Францией, направленный против России.

«Вознаграждением» за принесенные в этих войнах жертвы стало присоединение к России Варшавского герцогства по решению Венского конгресса. Однако поляки, всегда ощущавшие отчужденность от русских, особенно из-за разницы в вере, не признали этого решения, что подтвердили восстания 1830 и 1863 гг.

В свою очередь венгры не забыли о подавлении венгерского восстания 1848 г.

Российские амбиции часто встречали неожиданное противодействие даже государств Балканского полуострова, которые подобно Греции, Румынии, Сербии и Болгарии получили независимость при помощи Российской армии. Едва окрепнув, они начинали проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, нередко вопреки позиции России.

Известный в XIX веке русский историк С. Татищев писал об этом так:

«В силу своего исторического призвания Россия освобождала одну за другою христианские народности Балканского полуострова, находившиеся под господством турок. Ей, и ей одной, обязаны свободою и Румыния, и Сербия, и Греция, и, наконец, Болгария.

Но, вглядываясь в отношения, установившиеся между державою-освободительницею и молодыми государствами, ею же созданными, нельзя не отметить того поразительного по своему постоянству явления, что, по мере достижения независимости каждой из упомянутых стран, русское влияние в них постоянно падало, и новообразованные государства становились часто в положение даже враждебное России, которая таким образом освободительную миссию свою совершила в явный ущерб себе и своему политическому воздействию на судьбы Востока».

Несмотря на идеалистичность и нерасчетливость российской политики во многих случаях, в ней Запад видел лишь стремление России включить освобождаемые местности в сферу своего влияния. Это впечатление поддерживалось нередко откровенным, нетактичным вмешательством России во внутреннюю политику новообразованных государств. Примеры тому — попытки по своему вкусу избирать правителей в Молдавии и Валахии, жестко контролировать основные звенья управления воссозданной Болгарии и ряд других.

Росту симпатий к России не способствовали и чрезмерно прямолинейные попытки внедрения в освобожденных странах основных методов хозяйствования по российскому образцу. Весьма характерно в этом отношении донесение русского представителя в Дунайских княжествах Северина послу в Стамбуле Булгакову от 1786 г., в котором говорилось, что все в Бухаресте «приступили к Северину с вопросом, „примечая, что с тех пор, как наш двор стал стараться о блаженстве их земли, она хуже стала“³.

Налицо исторический парадокс: огромные финансовые траты России на благоустройство жизни других народов приводили к тому, что собственное население ослабевало и скудело, в то время как «облагодетельствованные» находили, что эти заботы не приносят им пользы.

Наконец, немалый ущерб России в этот период нанес существенный для отечественной политики «субъективный фактор» — непоследовательность, «зигзагообразность», чрезмерная

³ Цит. по: Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. С-Пб., 1910. Т.2. С. 152.

зависимость от предпочтений и симпатий конкретного правящего лица, отпугивавшая многих ее потенциальных союзников. Так, выдающийся государственный деятель Австрии XVIII столетия Кауниц, выражая свои опасения в целесообразности полагаться на Россию, считал, что поскольку «политика этого государства истекает не из действительных его интересов, но зависит от индивидуального расположения отдельных лиц, то невозможно строить на ней продолжительную систему»⁴.

В целом военно-политическое вмешательство в дела Европы не принесло России пользы. Печальным признанием этого послужила предсмертная «Записка о политических соотношениях России» министра иностранных дел К.В. Нессельроде, датированная 11 февраля 1856 г. В ней старый канцлер пишет о необходимости «разрыва» с политической системой, которой держались сорок лет; о том, что на первое место следует отныне ставить не «обязанность отстаивать, хотя бы с оружием в руках, условия европейских трактатов и частных соглашений, заключенных нами с некоторыми державами», но «требования русских интересов». Наконец, в ней заявлялось о «неотлагаемой необходимости заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. Эта внутренняя работа является первою нуждою страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена»⁵.

Характерно, что все это канцлер осознал лишь в отставке. Во время же своей многолетней службы, как верный слуга трона, он проводил прямо противоположную политику.

Мессианское наследие

Россия так и не сумела избавиться от инерции этой политической традиции. В привычной исторической колее, несмотря на заявленную идеологическую несовместимость с прошлым, оказался и Советский Союз, что с особой очевидностью проявилось после Второй мировой войны.

В первые послевоенные годы к своей «мессианской» роли готовилась и другая держава-победительница — Соединенные Штаты Америки, которые, в отличие от Советского Союза, к концу войны действительно превратились в полноценную сверхдержаву — в экономическом и военном отношениях.

В экономике США, бывших основным поставщиком и финансистом всей победоносной коалиции, в годы Второй мировой войны произошел невиданный скачок: потенциал мощностей промышленности вырос на 50%, производство ее продукции увеличилось в два с половиной раза, а сельскохозяйственное производство выросло на 36%⁶. Между экономиками Советского Союза и Соединенных Штатов в первые послевоенные годы существовал огромный разрыв, который может быть приблизительно оценен как 1:5. Без учета СССР промышленное производство США превосходило производство всех других стран мира вместе взятых⁷.

В сложившихся условиях появление у США атомной бомбы имело символическое значение, свидетельствовавшее о неоспоримом мировом лидерстве этой страны.

Американские руководители ясно осознавали огромное превосходство США над СССР. Вновь избранный президент США Г. Трумэн однозначно огласил это на весь мир: «Мы вышли из этой войны как самая мощная в мире держава, возможно, самая могущественная в человеческой истории»⁸. И подобное заявление не было чрезмерно претенциозным.

⁴ Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. С-Пб., 1910. Т.2. С. 152.

⁵ Русский архив. 1972. № 2. С.337—344.

⁶ Е. Варга. Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны. М, 1946. С. 120—122.

⁷ Международные отношения после Второй мировой войны. Т. 1. С.315.

⁸ Le Monde. 11 Auguste 1945; W.A. Harriman and E. Abel. Special Envoy to Churchill and Stalin. New York, 1976.

Сложившееся положение, к примеру, прекрасно понимал и У. Черчилль, который в порыве откровенности как-то сказал американскому послу в Москве Гарриману: «Центром власти теперь является Вашингтон»⁹.

В Соединенных Штатах, как и в Советском Союзе, уже в годы войны велись интенсивные приготовления к тому, чтобы во всеоружии встретить революционные изменения, которые война породила в мире. Мотивы традиционного господства: экспорт капитала, контроль над иностранными рынками, обладание источниками сырья, завоевание военных позиций — были для вашингтонской политики уже узки.

Соединенные Штаты почувствовали себя в силах перестроить по своему образу и подобию если не весь мир, то по крайней мере его значительную часть. Решению этой задачи способствовало всевозрастающее единство мирового развития — неизбежный результат роста экономики, развития коммуникаций и современных средств связи.

В самих США господствовало всеобщее убеждение в превосходстве своей страны над всеми другими. Подавляющая часть населения была вдохновлена амбициозной целью вашингтонских политиков руководить миром. Все, что теперь не вписывалось в американский «стандарт», стало отвергаться с порога.

Идеологическая программа нового «крестового похода» против Востока была сформулирована в знаменитой речи У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. Начав с утверждения, что Соединенные Штаты находятся на «вершине мирового могущества», Черчилль далее изложил свою генеральную стратегическую концепцию. Хорошо, говорил он, что атомная бомба находится в руках американцев: никто не смог бы спать спокойно, если бы «временная монополия на обладание этим ужасающим оружием» была захвачена «каким-либо коммунистическим или неонацистским государством». К тому дню, когда эта монополия может быть утеряна, США необходимо гарантировать себе «обладание таким превосходством, такой ужасающей мощью», которые бы предотвратили саму возможность использования кем бы то ни было другим этого оружия. В то же время необходимо защищать повсюду в мире «великие принципы свободы и прав человека, которые являются общим историческим наследием англоязычного мира». Этой фразой Черчилль недвусмысленно отводил роль мирового правящего центра Западу, прежде всего США и Великобритании.

Выводом отсюда последовало предложение, которое Черчилль объявил основной целью своего визита за океан, — создание широкой ассоциации Британской империи и Соединенных Штатов, причем не только в политической, но и в военной сферах.

Необходимо спешить — «времени осталось мало». «Никто не знает, — говорил Черчилль, — что Советская Россия и ее международная организация намерены предпринять в ближайшем будущем и каковы те пределы, если они вообще есть, в которых будет разворачиваться их экспансия и их стремление к вербовке новых сторонников». Здесь он произнес фразу, которой суждено было стать знаменитой: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике опустился над Европейским континентом железный занавес». Вслед за описанием так называемых «полицейских режимов», которые утверждались и действовали за этой завесой, последовало еще более грозное предупреждение: «Вдали от русских границ пятая колонна коммунистов ведет свою работу она представляет собой нарастающую угрозу для христианской цивилизации».

Черчилль не утверждал, что Советский Союз хочет войны, но отмечал, что СССР желает воспользоваться «плодами войны и получить возможность неограниченного распространения своего могущества и своей доктрины». Поэтому никакое умиротворение, по его мнению, невозможно. Это замечание звучало особенно вызывающе: оно содержало аналогию между СССР 1946 г. и Германией 1930-х гг.¹⁰, аналогию, которую позднее Черчилль проводил еще

P.447—450,543.

⁹ WA. Harriman and E. Abel. Special Envoy to Churchill and Stalin. P.533.

¹⁰ Полный текст речи воспроизведен в работе: J. P. Morray. Storia della guerra fredda. Da Yalta al disarmo. Roma, 1962. P.62—70.

более недвусмысленно.

Противостояние

Напряженность в стане победителей нарастала. Постепенно она приобретала черты враждебности. Две сверхдержавы уже не стеснялись во взаимных обвинениях, не скрывали раздражения.

На Западе это противостояние очень точно и образно охарактеризовали как «холодную войну». Без прямого вооруженного конфликта, которого «два мира — две системы» смогли избежать. Но с изощренным противоборством дипломатов, разведок и контрразведок, соревнованием экономик и культур, самого образа жизни.

Американский президент Г. Трумэн окончательно избрал идеологическим фундаментом своей политики положение, выдвинутое Черчиллем в Фултоне. Мир представлялся ему ареной, на которой разворачивался конфликт между силами добра и зла, то есть между «свободными обществами» и «обществами угнетения». Это было не просто провозглашением политической линии — это было объявлением крестового похода. Политические свободы Трумэн связывал со «свободным предпринимательством», то есть с капитализмом. Более того, именно он впервые стал утверждать, что «мир в целом должен принять американскую систему», иначе она не сможет уцелеть и в самой Америке¹¹. Новая «доктрина Трумэна» обязывала Соединенные Штаты немедленно вступать в бой с любым революционным движением, любой попыткой социалистического переустройства, любыми притязаниями Советского Союза.

Были отброшены различные проекты кредитования Советского Союза. Наиболее влиятельные экономические и дипломатические советники, в том числе и посол Гарриман, однозначно выступили против этого проекта. При этом Гарриман был одним из тех американских деятелей, кто яснее прочих представлял себе масштабы чудовищной нужды, царившей в СССР после войны. Более предпочтительным он считал предоставление американских займов малыми дозами, и всякий раз на условиях выполнения правительством Москвы тех или иных политических требований. Другие советники строили планы еще более энергичного экономического давления.

Эта закулисная сторона дела была известна советскому руководству. Тем не менее Сталин вновь и вновь возвращался к вопросу о возможном кредитовании, отдавая себе отчет в тяжелой экономической ситуации в стране. Даже в апреле 1947 г., когда Сталин встречался с новым американским государственным секретарем Маршаллом, он кратко заметил, что советская просьба о кредите остается без ответа в течение вот уже двух лет. После первых весьма скромных сумм СССР больше не получил ни одного доллара.

Отсутствие кредитов делало еще более острой проблему получения репараций с Германии, и в этом отношении Советский Союз, начиная с Потсдама, сталкивался с нараставшим сопротивлением Запада. Не встречая затруднений при получении репараций из своей зоны оккупации в Германии, Советский Союз не получил практически ничего из западных зон, несмотря на обязательства, принятые в Потсдаме его союзниками.

Однако подлинным камнем преткновения между Москвой и Западом стал так называемый «план Маршалла», который был призван устранить разительную диспропорцию между американским богатством и бедственным положением Европы.

5 января 1947 г. американский государственный секретарь Дж. Маршалл выдвинул идею выделения значительных финансовых ресурсов на цели восстановления европейских стран. Средства должны были предоставляться частями в течение ряда лет. Советскому правительству было предложено провести совместное обсуждение необходимых шагов, которые создали бы благоприятные условия для реализации американской инициативы. По «плану Маршалла», реализация всех проектов зарубежной экономической помощи должна была находиться под международным, а фактически — американским контролем.

¹¹ D. R. Fleming. The Cold War and its Origins 1917—1962. New York, 1961. Vol.1, P. 436—437.

В Вашингтоне этот план рассматривался как достаточно эффективное средство экономического давления на Советский Союз. Дело в том, что в Ялте и Потсдаме стороны пришли к соглашению: Германия будет выплачивать репарации в виде оборудования, промышленных станков и машин, легковых автомобилей, грузовиков и строительных материалов регулярно — в течение пяти лет. Особенно важны были эти поставки для советской химической и машиностроительной промышленности, нуждавшихся в модернизации. Международному контролю репарации не подлежали.

Однако с помощью «плана Маршалла» британское и американское правительства хотели приостановить репарации Советскому Союзу и странам Восточной Европы, а взамен предоставить международную помощь, основанную не на двусторонних соглашениях, а на международном контроле.

Подобная ситуация была для Советского Союза абсолютно неприемлемой. В конечном счете она могла привести к утрате советского контроля над Восточной Европой, поскольку коммунистические партии, уже утвердившиеся в Румынии, Болгарии, Польше, Чехословакии и Венгрии, были бы лишены экономических рычагов власти. О подобных намерениях Запада в Москве стало известно из докладной записки одного из наиболее ценных агентов советской разведки Д. Маклина.

Вполне прогнозируемый отказ Советского Союза от участия в «плане Маршалла» не обескуражил Вашингтон. Приглашение участвовать в этом плане было разослано всем странам Восточной Европы. Некоторые из них, к примеру югославы, сразу же отказались. Однако поляки и чехословаки, напротив, проявили заинтересованность в приглашении. Им было заявлено, что присоединение к «плану Маршалла» будет рассматриваться в СССР как враждебное действие. В конце концов все страны Восточной Европы образовали с Москвой единый фронт.

Один из основных авторов «плана Маршалла», Дж. Кеннан, считавшийся ведущим американским экспертом по СССР, опубликовал в те дни статью, которой также суждено было стать знаменитой¹². Вместо подписи он поставил одну лишь букву «Х», однако вскоре его авторство было раскрыто. Кеннан предлагал не просто «сдерживать» Советский Союз. Он пришел к выводу, что Соединенные Штаты не должны ограничиваться удержанием своих позиций: оказывая на СССР жесткое давление, они могли бы привести в действие такие пружины, которые вызвали бы его крах или по крайней мере ослабление.

Со второй половины 1947 г. термин «холодная война» прочно обосновался в политическом словаре мира. После введения в действие «плана Маршалла» отношения СССР с его бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции быстро эволюционировали в сторону открытой враждебности. В марте 1948 г. перестала функционировать четырехсторонняя контрольная комиссия стран-оккупантов, уже находившаяся в кризисном состоянии. В июне в западных частях Германии была осуществлена сепаратная денежная реформа, а немного спустя французы согласились слить свою оккупационную зону с англо-американской «Бизонией». В результате разразился острый Берлинский кризис 1948 г., из которого Советский Союз вышел если и не побежденным, то далеко не победителем.

Психологическая атмосфера, создавшаяся в результате Берлинского кризиса, облегчила создание западного альянса, направленного против СССР. Экономический союз, рожденный в рамках «плана Маршалла», быстро превратился в политический и военный блок. 4 апреля 1949 г. США и Канада вместе с десятью западноевропейскими странами подписали Атлантический пакт. Говорилось, что это договор об обороне. Но любой союз является оборонительным только для его участников. Именно так и расценили ситуацию в СССР.

Европа оказалась разорванной надвое.

В мае 1949 г. была принята конституция сепаратного западногерманского государства — Федеративной Республики Германии, которая к лету имела уже и свои правительственные органы. В ответ СССР в октябре создал в своей зоне другое немецкое государство — Германскую Демократическую Республику.

¹² George F. Kennan. Memoirs 1925—1950. P. 364—367.

Снова европейский континент, который лишь недавно был театром разрушительных сражений, стал ареной противостояния двух враждебных блоков.

СССР вступил в оказавшуюся для него смертельной схватку со всем западным миром.

Глава 2. Иранский кризис (1945—1946 гг.)

Неизвестная операция

Иран сыграл в годы Второй мировой войны особую миссию в политических и дипломатических акциях союзников по антигитлеровской коалиции: именно здесь в 1943 г. состоялась встреча «большой тройки» — лидеров СССР, США и Англии. Однако мало кому известно, что чуть позже Ирану предстояло сыграть еще одну роль — едва ли не первого провозвестника начала «холодной войны» между Советским Союзом и Западом. Это признал, в частности, иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви, который писал в мемуарах: «Как мне кажется, историки подтвердят, что „холодная война“ фактически началась в Иране. Хотя ее симптомы наблюдались также и в других районах земного шара, впервые признаки этой формы войны явственно проявились в Иране»¹³.

Как и любой другой, иранский кризис имел свою предысторию. Все началось с ввода союзных войск на территорию Ирана в 1941 г.

В начале Великой Отечественной войны, 8 июля 1941 г., И.В. Сталин в беседе с послом Великобритании в СССР Р. Криппсом поднял вопрос о ситуации на Среднем Востоке. Его беспокоила чрезмерная концентрация немецкой агентуры, в том числе и диверсантов, на территории Ирана и весьма высокая вероятность присоединения этой страны к германской оси, что поставило бы под угрозу южные границы Советского Союза¹⁴. Английская сторона, несмотря на нейтралитет, заявленный Ираном, отнеслась к опасениям Москвы с пониманием.

Позже обозначилась и другая, не менее важная причина, обусловившая необходимость присутствия союзных войск в Иране. С началом войны в Великобритании, а позже и США было принято решение о военных поставках в Советский Союз по программе ленд-лиза. С августа 1941 г. грузы стали поступать в северные морские порты, находившиеся ближе к фронтам боевых действий: Мурманск, Архангельск, Молотовск (ныне — Северодвинск) и др. Грузы из США принимали также Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Ногаево (Магадан), Находка. Однако германской разведке удалось установить основные маршруты союзных морских конвоев. Немецкие подводные лодки и самолеты, базировавшиеся в Норвегии, развернули настоящую охоту за морскими караванами. Для охраны конвоев привлекались сотни боевых кораблей, тысячи самолетов и десятки тысяч людей, но они не спасали от серьезных потерь. В этих условиях все более привлекательным становился южный маршрут — через порты Ирана и Ирака в советские Армению, Азербайджан и Туркменистан.

17 августа 1941 г. правительству Ирана была вручена совместная англо-советская нота. В ней содержалось требование к иранскому правительству добиться выезда из страны всех немецких специалистов. Несмотря на ультимативный характер ноты, Иранское правительство согласилось удовлетворить англо-советские требования с таким количеством оговорок и условий, что его ответ в целом был признан неприемлемым.

Тогда союзники приняли решение перейти к военным акциям. Советское правительство направило в Тегеран ноту, в которой указывалось на то, что если правящие круги Ирана не пресекут деятельность германских агентов на территории страны, то правительство СССР будет

¹³ Mohammad Reza Pahlavi, Shahanshah of Iran, *Mission for my Country*, London, 1960. P. 118.

¹⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945. Т. I. М.: Политиздат, 1983. С. 80.

вынуждено в целях самообороны ввести в Иран войска. Естественно, иранское правительство, тесно связанное с германскими кругами, не имело возможности пресечь подобную деятельность, тем более в кратчайшие сроки. Практические действия Москвы последовали незамедлительно.

25 августа 1941 г. войска 44-й армии под командованием генерал-майора А.А. Хадеева и 47-й армии под командованием генерал-майора В.В. Новикова вступили на территорию Иранского Азербайджана.

27 августа войска Среднеазиатского военного округа перешли советско-иранскую границу на тысячекилометровом протяжении от Каспийского моря до Зульфагара. Эту операцию выполняла 53-я Отдельная Среднеазиатская армия, которую возглавил командующий округом генерал-лейтенант С.Г. Трофименко. 31 августа в районе иранской Астарты был высажен десант в составе 105-го горнострелкового полка и артиллерийского дивизиона 77-й горнострелковой дивизии. В порты Пехлеви, Ноушехр, Бендершах вошли советские канонерские лодки. Всего было перевезено и высажено свыше 2,5 тыс. десантников.

Советские части входили в Иран с боями, вступая в столкновения с регулярными частями иранской армии. Цифры советских потерь в результате этих боев неизвестны до сих пор.

Британские войска вступили на территорию Ирана также 25 августа, двигаясь двумя колоннами: первая — из Басры на Абадан и нефтяные промыслы в районе Ахваза; вторая — из Багдада на нефтяные промыслы в районе Занекена и далее на север.

29 августа английские передовые части вошли в соприкосновение с советскими войсками в районе Сенендедж, а двумя днями позже другая группировка встретила с советскими частями в нескольких километрах южнее Казвина. Операция по вводу союзных войск в Иран была завершена.

Согласно ранее достигнутой договоренности зона радиусом в 100 км вокруг Тегерана осталась союзными войсками не занятой.

19 сентября 1941 г. Черчилль в письме Сталину подтвердил свое намерение оказывать всяческую поддержку в организации южного маршрута поставок вооружения и грузов в Советский Союз: «Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями»¹⁵. 29 января 1942 г. был подписан англо-советско-иранский договор, по которому СССР и Великобритания обязались уважать территориальную целостность Ирана, защищать его от агрессии со стороны Германии, содержать на территории Ирана сухопутные, морские и военно-воздушные силы и вывести их в шестимесячный срок после окончания боевых действий.

По мере изменения обстановки на фронте, особенно в тяжелые дни 1941—1942 гг., часть советских соединений была переброшена из Ирана на угрожаемые участки советско-германского фронта. Оставшиеся в Иране части активно привлекались к транспортировке военных грузов, поставлявшихся в СССР через иранскую территорию.

В конце 1942 г. на территорию Ирана были введены войска США. Командование американских вооруженных сил в Персидском заливе не имело какой-либо договоренности на этот счет с иранским Правительством, но не встретило противодействия со стороны кабинета Кавама-эс-Салтане, взявшего курс на поощрение американского присутствия в стране. Тем самым он пытался уравновесить чрезмерную зависимость от Советского Союза и Великобритании.

В тот критический для СССР период англичане неоднократно выражали готовность непосредственно участвовать в боях на советской территории. Так, в 1942 г. англо-американское командование, узнав о тяжелом положении на южном крыле советско-германского фронта, пыталось получить согласие Сталина на ввод английских войск и авиации в Закавказье. Сталин отказался, заподозрив англичан в далекоидущих стремлениях укрепиться в этом регионе после войны. Вместо этого Ставка по его указанию перебросила в

¹⁵ Цит. по: Независимое военное обозрение. 1999. № 31. С.5.

Закавказье из Средней Азии и других мест, в том числе из Ирана, все имевшиеся в наличии резервные формирования. Ситуация на фронте стабилизировалась.

В целом Персидский коридор сыграл в годы войны огромную роль: по нему было переправлено 23,8% всех военных грузов, адресованных СССР в рамках программы ленд-лиза. Почти две трети от общего числа всех автомобилей, поставленных в годы Второй мировой войны, прошли именно этим путем. Одним только автосборочным заводом в местечке Андимешк почти за три года было собрано и отправлено в СССР около 78 тыс. автомобилей.

До осени 1942 г. жизнедеятельность всех транспортных коммуникаций в Иране обеспечивали только англичане. Однако с увеличением объема перевозок плохое состояние иранских коммуникаций сказывалось все сильнее. Англичане уже не справлялись с их восстановлением. Недовольные этим, американцы в октябре 1942 г. взяли контроль за работой портов, аэродромов, железных и шоссейных дорог в свои руки. В марте 1943 г. в ведение США перешел и контроль за работой Трансиранской магистрали и портов в Персидском заливе. К 1944 г. состав войск армии США в Иране возрос до 30 тыс. человек.

Западные союзники проделали огромную работу по улучшению инфраструктуры Ирана. Английская администрация на Ближнем Востоке осуществила работы по подготовке государственной Трансиранской железной дороги в южной части Ирана к перевозкам грузов для СССР. Американская строительная фирма «Фолспен» приступила к сооружению шоссе от Хорремшехра на север и к строительству железнодорожной ветки от Ахваза к этому порту с ответвлением на Танума. Была проведена реконструкция портов в Хорремшехре, Бендер-Шахпуре и Басре; в порту Хорремшехр появились авиа — и автосборочные заводы, в порту Бушир — автосборочный завод. Там собирали «Виллисы», «Доджи», «Студебеккеры» и другие марки автомобилей. В середине 1943 г. также заработали предприятия в Шуайбе (Ирак) и местечке Андимешк, лежащем на Трансиранской железнодорожной магистрали. На всех автосборочных предприятиях работали местные жители, администрация заводов состояла из американцев и англичан, а принимали продукцию советские военные специалисты.

В иранские и иракские порты автомобильная техника прибывала на грузовых судах в виде сборочных комплектов — в ящиках. Собирали автомобили на берегу. Сначала качество сборки было низким: она производилась вручную, а квалификация большинства рабочих оставляла желать лучшего. Рабочие и инженеры сталкивались с большими бытовыми трудностями. Со временем, однако, для рабочих были построены барачные городки, налажен быт и питание; оплата труда стала сдельной; за брак в сборке были установлены штрафы. Качество работ постепенно повысилось. С начала 1942 г. через Персидский залив в СССР стало поступать примерно 2 тыс., а с 1943 г. — от 5 до 10 тыс. автомашин в месяц. Первая колонна из 50 автомобилей отбыла в Советский Союз 23 февраля 1942 г. из Бушира через Джульфу (иранскую и советскую).

Перегон машин более чем на 2 тыс. километров через горы и равнины, часто по бездорожью, оказался чрезвычайно сложным. Автоколонны состояли обычно из 40—50 «Студебеккеров», «Фордов», «Шевроле» и шли на север своим ходом. Командовали колоннами советские офицеры и сержанты, шоферами были в большинстве иранцы и арабы, зачастую наспех обученные вождению машин. Охрану трассы южнее Тегерана несли в основном индийские воинские подразделения. Все машины были загружены до предела: везли запчасти, оружие, продукты и другие товары, поставлявшиеся союзниками по ленд-лизу. Марши осуществлялись по узким горным дорогам, через крутые перевалы с бесчисленными «слепыми» поворотами, через раскаленную зноем пустыню, окутанную густой пылью, которую не в состоянии был пробить свет автомобильных фар. На трассах появились вооруженные банды, совершавшие диверсии, вооруженные нападения, грабежи.

Особо трудной и ответственной задачей была доставка в Советский Союз авиационной техники. Самолеты либо собирались на заводах, построенных союзниками в Иране и Ираке, и перегонялись по воздуху на советские аэродромы, либо направлялись на автомобилях в разобранном виде, а затем собирались на советских авиазаводах. Чтобы ускорить перегон самолетов, в короткий срок была создана специальная авиационная база в Маргиле и промежуточная — в Тегеране. В Азербайджанской ССР были также подготовлены аэродромы для приема боевых и транспортных самолетов, их технического обслуживания, подготовки

летчиков к боевому использованию американских и английских истребителей и бомбардировщиков.

Работа в тяжелых климатических условиях требовала большого напряжения. По воспоминаниям участников событий, сборка, к примеру, бомбардировщиков «Бостон» в Маргиле сначала осуществлялась силами английских военных специалистов. Работа начиналась в 3—4 часа утра и заканчивалась в 11 часов дня. В другое время работать было физически невозможно: машины так накалялись под палящим солнцем, что рабочие получали ожоги. Затем к сборке самолетов начали привлекать советских специалистов. Только за один год, с 1 июля 1943 по 30 июня 1944 г., удалось собрать и отправить в СССР около 2900 самолетов¹⁶.

10 февраля 1944 г. на встрече со специальным посланником американского президента А. Гарриманом нарком внешней торговли СССР А.И. Микоян выразил удовлетворение успешным поступлением грузов, шедших по южному маршруту через Персидский залив. В связи с этим 15 апреля 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа американских офицеров была награждена советскими орденами и медалями. В частности, американский генерал Конноли, ведавший всей этой работой, был удостоен ордена Суворова II степени.

После открытия союзниками второго фронта во Франции поставки в Советский Союз южным маршрутом постепенно пошли на убыль. Сборку автомобилей сворачивали, предприятия демонтировали; советские, американские и английские специалисты отправлялись на родину. 15 октября 1944 г. был выведен личный состав из советского военного лагеря в Шуайбе; 24 октября прекратило свою деятельность агентство в Басре. В ноябре 1944 г. были собраны последние автомобили в Андимешке, а сам завод был демонтирован в январе 1945 г. Тогда же было ликвидировано и агентство в Бендер-Шахпуре. С осени 1944 до августа 1945 г. все ленд-лизские поставки осуществлялись только через северные и дальневосточные порты СССР.

В соответствии с договором о ленд-лизе, после войны СССР должен был вернуть всю уцелевшую исправную технику, но мог и выкупить ее. Часть автомобилей после капитального ремонта в 1946—1947 гг. была возвращена бывшим союзникам в северных и дальневосточных портах. Отношения между Москвой и западными союзниками были уже испорчены, поэтому и приемка техники осуществлялась более чем оригинальным способом. Западные союзники пригнали несколько пустых барж и спецкорабль, оснащенный прессом и специальными «ножницами». Американская приемная комиссия придирчиво принимала технику, проверяла наличие заводской комплектации. Затем на виду у советских представителей автомобили пускались под пресс, и аккуратные «кубы» прессованного металлолома грузились на баржи.

В самом Иране тем временем разворачивалась своя интрига.

Нефтяная подоплека

Помимо военных специалистов в годы войны на территории Ирана, прежде всего на севере, работал и гражданский персонал из СССР.

По итогам проведенной разведки, советские специалисты-геологи доложили в Москву о перспективности нефтяных месторождений в Гогране, Мазандаране и Гиляне, которые на северо-западе смыкались с нефтяными разведочными и эксплуатационными землями Советского Азербайджана, а на северо-востоке — с Туркменской ССР. Одновременно они отмечали, что промышленная разработка нефтерожждений потребует больших капиталовложений и — ни больше, ни меньше — «отчуждения» части иранской территории.

Тем временем экономическую активность в Иране развернули и тогдашние союзники СССР. С конца 1943 — начала 1944 г. две американские нефтяные компании — «Стандард вакуум» и «Синклер ойл» — и английская компания «Шелл» при поддержке посольств США и Великобритании и благосклонном отношении иранского правительства приступили в Тегеране к переговорам о предоставлении им нефтяных концессий на юге Ирана, в Белуджистане. Активность союзников встревожила Москву и ускорила работу над подготовкой проекта

¹⁶ См.: Зорин Л.И. Особое задание. М.: Политиздат, 1987. С.131.

договора о заключении нефтяной концессии с Ираном.

Ключевой фигурой, стоявшей за этим проектом, был Л.П. Берия, в тот период заместитель председателя СНК. Рассмотрев подготовленный к 11 марта 1944 г. пакет документов, относившихся к созданию объединения «Советско-иранская нефть» и договору о концессии, он остался недоволен «чрезмерно низкими запросами» советской стороны и потребовал существенной переработки документов в сторону увеличения перспективных возможностей Москвы в Иране. 16 августа 1944 г. Берия направил И.В. Сталину и народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову аналитический доклад Совета народных комиссаров, касавшийся вопросов мировых запасов и добычи нефти, нефтяной политики Англии и США. Берия предлагал «энергично взяться» за переговоры с Ираном на получение концессии в Северном Иране, подчеркивая при этом, что «англичане, а возможно и американцы, ведут скрытую работу по противодействию передачи нефтяных месторождений Северного Ирана для эксплуатации Советским Союзом».

За этим стремлением к получению концессии не стояло настоятельной потребности в получении дополнительного источника нефти: даже в этот тяжелейший для страны период СССР по нефтяным ресурсам был самодостаточен. Москвой двигало желание покрепче привязать Тегеран к советской политике, не допустить создания блока капиталистических стран на своих южных границах. Естественно, в Кремле понимали и значимость нефти как основного стратегического энергетического ресурса любой страны. Поэтому борьба за иранскую нефть развернулась в двух направлениях: за получение доступа к нефти и за недопущение других стран к обладанию нефтяными ресурсами Ирана. В этом, кстати, проявилась черта, впоследствии ставшая едва ли не доминирующим мотивом советской политики, — ни в чем, даже в самом малом, не уступать западным державам.

В сентябре-октябре 1944 г. в Иран прибыла правительственная комиссия СССР во главе с заместителем наркома иностранных дел С.И. Кавтарадзе, основной задачей которой являлось заключение нефтяной концессии.

Судьба самого Кавтарадзе несла на себе драматический отпечаток той сложной эпохи. Друг детства Сталина, он был арестован в 1937 г. Его не уничтожили только потому, что в списке приговоренных к смертной казни Сталин против его фамилии поставил какую-то закорючку, которую никто не смог расшифровать. Чтобы не попасть впросак, осужденного решили оставить в живых. В начале войны С. Кавтарадзе по указанию Сталина забрали из лагеря и доставили на сталинскую дачу. «Здравствуй, Серго, — приветствовал его Сталин. — Где был? Где пропадал?» «Сидел я», — ответил Кавтарадзе. Сталин удивленно поглядел на него и с присущим ему «черным» юмором сказал: «Нашел время сидеть — война же идет». После последовавшего разговора С. Кавтарадзе был назначен заместителем наркома иностранных дел.

Советская миссия в Иране не привела к успеху. 2 декабря иранский парламент — меджлис, в подавляющем большинстве не испытывавший симпатии к СССР, принял закон, запрещающий премьер-министрам не только самостоятельно предоставлять концессии зарубежным государствам, но даже вести переговоры о них. Правящие круги Ирана склонялись к тому, чтобы в своей послевоенной политике сделать ставку на США, видя в них надежный противовес традиционному влиянию Лондона и Москвы.

Американцы воспользовались выгодными для себя настроениями в руководстве Ирана. Особую роль сыграла американская финансовая миссия во главе с А. Мильспо, который был приглашен иранским правительством на должность финансового эксперта, «генерального администратора иранских финансов». Однако вскоре Мильспо и его миссия подчинили своему контролю всю внутреннюю и внешнюю торговлю, промышленность, продовольственные ресурсы, нормирование и распределение товаров, автотранспорт и перевозки по шоссейным дорогам Ирана.

В Иране работали также американские военные миссии: полковника Н. Шварцкопфа — в иранской жандармерии и генерала К. Ридли — в иранской армии. В конечном счете именно посольство США в Иране выступило в роли главного советника кабинета премьер-министра Саеда по вопросу о предоставлении СССР нефтяной концессии на севере.

Однако в тот момент советское руководство было дезориентировано, сочтя, что за спиной

иранского правительства стоят англичане. 19 февраля 1945 г. в Москве было получено сообщение информатора ЦК ВКП(б), находившегося в Иране еще со времени существования Коминтерна, о том, что принятое меджлисом решение прямо вызвано деятельностью проанглийских сил. Правящие круги Великобритании, в свою очередь, были весьма обеспокоены произошедшим за годы войны укреплением позиций СССР в Иране, который они продолжали рассматривать как собственную «сферу влияния». Главные надежды на изменение положения они связывали с окончанием войны и выводом советских войск из северных провинций.

Именно здесь Москва и увидела свой шанс. В ее распоряжении остался едва ли не единственный рычаг давления на иранское правительство в вопросе о нефтяной концессии — затягивание вывода войск.

Согласно тройственному договору о союзнических отношениях между СССР, Великобританией и Ираном от 29 января 1942 г., вывод советских и английских войск, не имевших оккупационного статуса, предусматривался не позднее шести месяцев после окончания всех военных действий между союзными государствами и державами «оси». После разгрома гитлеровской Германии численность иностранных войск на территории Ирана была следующей: английских — примерно 20—25 тысяч человек; американских — 4—4,5 тысячи. Численность советских войск достигала 30 тысяч человек. 19 мая 1945 г. иранское правительство обратилось к Англии, СССР и США с предложением о досрочном выводе их войск из страны, мотивируя это окончанием войны с Германией.

Озабоченное перспективой закрепления «проникновения» СССР в Иране, английское правительство решило поддержать позицию Ирана и 31 мая через своего посла в Москве А. Керра направило в НКВД СССР письмо, где предлагалось договориться о досрочном выводе союзных войск из этой страны. Советское правительство на письмо не ответило. НКВД хранил молчание и по поводу письма американского посла А. Гарримана от 14 июня, сообщавшего об окончании миссии американского командования в Персидском заливе и мероприятиях по сокращению вооруженных сил США в Иране.

Лишь на Потсдамской конференции в июле — августе 1945 г. английской делегации удалось «привлечь внимание» Сталина к своему плану трехступенчатого вывода войск. Советский лидер в тот момент просто не мог проигнорировать иранский вопрос. Согласно английскому плану, союзные войска сначала должны были быть выведены из Тегерана, затем — из всего Ирана, за исключением Абадана, где оставались английские войска, и зоны на северо-востоке и северо-западе страны, где оставались советские войска. За этим должен был последовать полный вывод войск из всего Ирана.

В результате обмена мнениями глав трех великих держав договоренность была достигнута только в отношении Тегерана. Дальнейшее решение вопроса было отложено до заседания Совета союзных министров иностранных дел в сентябре в Лондоне.

В докладной записке Молотову от 25 мая 1945 г. Кавтарадзе так объяснил мотивы затягивания вывода советских войск из Ирана: «Вывод советских войск из Ирана поведет, несомненно, к усилению в стране реакции и неизбежному разгрому демократических организаций. Реакционные и проанглийские элементы приложат все усилия и пустят в ход все средства, чтобы ликвидировать наше влияние и результаты нашей работы в Иране».

Ситуация постепенно переходила к острому противостоянию вчерашних союзников.

События в Иранском Азербайджане

Как раз во время проработки в высших инстанциях СССР предложения о нефтяной концессии в Северном Иране, в июле 1944 г., в структуре ЦК ВКП(б) был создан Отдел международной информации (ОМИ). Он являлся прямым аппаратно-кадровым наследником Коминтерна, распущенного в мае 1943 г. Создание нового отдела было вызвано необходимостью как сохранить контроль за мировым коммунистическим движением, так и закрепить влияние СССР в тех регионах, которые рассматривались как сфера советских национальных интересов. К ним был отнесен и Северный Иран. ОМИ, а с конца декабря 1945 г. его преемник — Отдел внешней политики (ОВП) — активно подключились к реализации

оформившихся к концу войны экономических и политических планов СССР в отношении Ирана.

Советскими руководителями, с учетом сохранявшегося военного присутствия, была сделана ставка на поддержку активизировавшегося национально-освободительного движения в Северном Иране, имевшего глубокие исторические корни. Здесь, в Иранском Азербайджане, все военные и послевоенные беды Ирана — голод, безработица, неграмотность — проявлялись с удвоенной силой. Однако все выступления компактно проживавших тут в большом количестве азербайджанцев за расширение своих прав, за учет национально-этнической специфики и трудного социально-экономического положения провинции жестоко подавлялись местными властями. Центральные власти, не считаясь с потребностями этой провинции, усиленно вывозили из нее в Тегеран сельскохозяйственные продукты. Азербайджанцы были лишены возможности развивать свою культуру: им было запрещено иметь школы с преподаванием на родном языке, издавать на нем книги, газеты. Все делопроизводство в учреждениях велось на персидском языке, которого большинство населения не знало.

Ситуация с окончанием войны только ухудшилась. 5 июня 1945 г. новым премьер-министром Ирана был избран восьмидесятилетний Мохсан Садр — непоколебимый консерватор, противник любых демократических движений. По приказу правительства жандармерия и войска под командованием начальника генерального штаба генерала Арфа фактически приступили в Иранском Азербайджане к разгрому профсоюзов, редакций прогрессивных газет, к разгону митингов и демонстраций.

В начале августа 1945 г. по приказу командира дивизии генерала Дерехшани отряд солдат ворвался в тебризскую тюрьму, где находилось до 500 арестованных крестьян, и открыл по ним стрельбу¹⁷. 12 августа в Тебризе, столице Иранского Азербайджана, состоялась демонстрация протеста, в ходе которой были выдвинуты требования о наказании виновников произвола, об отставке правительства Садра и др. 23 августа вооруженные отряды так называемой Народной партии Ирана (партия Туде) попытались овладеть Тебризом, где дислоцировался и штаб советских оккупационных сил. При поддержке советских войск повстанцами был захвачен ряд правительственных зданий, после чего руководством партии был издан манифест с требованием предоставить Азербайджану административную и культурную автономию.

На следующий день иранское правительство направило в район беспорядков жандармские подразделения, однако они не были допущены в советскую зону оккупации. Напряжение несколько спало лишь после того, как в конце сентября функционеры партии Туде согласились покинуть захваченные правительственные здания.

6 сентября в Иранском Азербайджане была создана Демократическая партия Азербайджана (ДП), в которую влились распущенные провинциальные организации партии Туде и рабочие союзы Азербайджана. Лидером партии стал Джафар Пишевари, до 1941 г. находившийся в тюрьме, а с 1943 г. избранный в меджлис от Тебриза. Ее основными требованиями были национальная и культурная автономия в пределах Ирана и введение в официальное употребление азербайджанского языка.

Москва активно поддержала новую политическую партию, программа которой наиболее полно отвечала ее нынешним интересам. Этот политический маневр был тем более очевиден, что вплоть до последнего времени Москва делала основную ставку на Народную партию Ирана (партию Туде). Ядро этой партии составляли бывшие коммунисты, вышедшие из тюрем после вступления Красной Армии в Иран 25 августа 1941 г. Многие члены Политбюро Туде и ее активисты окончили в 30-е гг. советские партийные учебные заведения.

В случае получения автономии Иранским Азербайджаном, этнически связанным с Советским Азербайджаном, политическое влияние СССР в Иране и на всем Среднем Востоке могло бы значительно усилиться.

16 ноября 1945 г. при поддержке советских войск вооруженные формирования Демократической партии подняли восстание, выдвинув в качестве главного требования предоставление Азербайджану автономии. 17 ноября иранское правительство направило в очаг

¹⁷ «Известия». 19 августа 1945 г.

восстания войска, однако они были остановлены советскими частями.

19 ноября примерно 1,5 тысячи солдат, направленных по приказу шаха в Тебриз для подавления мятежа, были фактически блокированы советским гарнизоном в Казвине. При содействии советской стороны в Иранском Азербайджане были созданы отряды народного ополчения, которые «оседлали» все дороги, связывавшие Иран с провинцией.

20 и 21 ноября в Тебризе состоялось заседание Всенародного собрания Азербайджана, которое приняло Декларацию, адресованную меджлису, иранскому правительству и шаху, с требованием о предоставлении Иранскому Азербайджану автономии в составе Ирана. В документе говорилось о намерении азербайджанского народа создать собственное национальное правительство и национальный парламент.

В этой обстановке прошли выборы в меджлис Иранского Азербайджана. 12 декабря открылось его первое заседание.

По поручению меджлиса Иранского Азербайджана лидер Демократической партии Пишевари сформировал и возглавил первое национальное правительство. Его программа предусматривала проведение ряда насущных социально-экономических реформ, в частности бесплатное распределение государственных земель и воды между крестьянами. Было принято постановление о конфискации имущества тех лиц, которые покинули Азербайджан и вели враждебную деятельность против демократического движения. Национальное правительство также предложило всем иранским войскам, жандармерии и полиции, находившимся в провинции, подчиниться его приказам. Эти распоряжения, не подкрепленные решениями центральной государственной власти, вызвали ожесточенные и кровопролитные столкновения в отдельных населенных пунктах Ирана. Вскоре действия Демократической партии Иранского Азербайджана, фактически направленные на раскол страны, восстановили против нее, как, впрочем, и против Москвы, основные политические силы Ирана.

Для иранского правительства ситуация осложнялась тем, что на территории Иранского Азербайджана находились советские войска. Правительство Ирана потребовало от советского командования разрешения на ввод в северные районы страны в дополнение к уже находившимся там регулярным иранским воинским частям и жандармерии дополнительных правительственных войск, но ответ советской стороны был отрицательным. В результате советско-иранские отношения резко осложнились. Для иранского правительства не оставалось сомнений в том, что успех национально-освободительного движения в северных районах связан не только с моральной, но и с непосредственной военной поддержкой самопровозглашенной там власти со стороны Советского Союза.

Последовал обмен жесткими дипломатическими нотами. Тегеран требовал незамедлительного вывода советских войск. В ноте иранскому министерству иностранных дел от 26 ноября, в письме Гарриману от 29 ноября и английскому послу Керру от 30 ноября Москва заявила, что переброска Тегераном новых правительственных подразделений в район конфликта лишь усилит беспорядки и «может привести к кровопролитию». Подобное развитие обстановки вынудит советское правительство ввести в Иран свои дополнительные войска для охраны порядка и обеспечения безопасности своих границ.

Однако до прямого вооруженного противостояния между советскими и иранскими войсками дело не дошло. В СССР учитывали, что это могло перерасти в военное столкновение с США и Великобританией.

Политическое урегулирование кризиса

Иранский внутривнутриполитический кризис постепенно сдвигался в плоскость межгосударственных переговоров. Иранское правительство, разочарованное ответом советского посольства от 26 ноября, на неофициальном уровне приступило к процедуре вынесения спорного вопроса в ООН. При этом, не доверяя имперской политике Англии, иранские правящие круги удвоили усилия по привлечению на свою сторону США.

29 ноября новый посол Ирана в Вашингтоне Х. Ала, вручая верительные грамоты президенту Г. Трумэну, немало говорил о «советской угрозе» и в заключение заявил: «В этой критической ситуации я откровенно прошу вас, господин президент, продолжать отстаивать

права Ирана. Только ваша страна может спасти нас, потому что вы всегда защищали нравственные идеалы и принципы, и ваши руки чисты».

Первоначально Тегеран предполагал вынести свой вопрос на декабрьское (1945 г.) Московское совещание министров иностранных дел. Иранское правительство даже намеревалось направить в Москву делегацию в составе премьер-министра и министра иностранных дел. Однако, планируя повестку дня Совещания, ответственные сотрудники советского НКВД были согласны включить в нее иранскую проблему лишь при условии одновременного рассмотрения вопроса о выводе английских войск из Греции и американских — из Китая. Для западных столиц такой подход был однозначно неприемлем.

Нерешенность иранского вопроса на Московском совещании открывала прямую дорогу к его вынесению, при активной поддержке США, на обсуждение в ООН. В Вашингтоне события в Иране и Турции в этот период однозначно толковались как попытка СССР сломать последний барьер и устремиться на юг — к Индии и другим колониальным владениям Англии, которые последняя уже не в состоянии была защитить. Для подобного рода выводов дала основание сама Москва: еще на Потсдамской конференции Советский Союз предъявил территориальные претензии к Турции, а также внес предложение о совместной обороне черноморских проливов, предложи в разместить советские войска на Босфоре и в Дарданеллах.

Прекрасно понимая уязвимость своей позиции, Кремль прилагал все усилия, чтобы избежать публичного обсуждения иранского вопроса. 19 января 1946 г. на заседании собравшейся в Лондоне Генеральной Ассамблеи ООН глава иранской делегации С.Х. Тагизаде передал исполнявшему обязанности Генерального секретаря этой организации Х. Джеббу письмо с требованием расследовать факты «вмешательства СССР во внутренние дела Ирана». С этого момента советская дипломатия получила указание «возвратить» иранский вопрос в русло двусторонних отношений.

В ходе последовавших переговоров Москва по-прежнему настаивала на своем предложении 1944 г. о предоставлении Советскому Союзу нефтяной концессии в Северном Иране на условиях, аналогичных с английской концессией в Южном Иране, подчеркнув, что разработка иранских нефтяных месторождений Англией или США вблизи советской границы будет рассматриваться как угроза государственным интересам СССР. В свою очередь, достижение стабилизации в Иранском Азербайджане и — как следствие — вывод советских войск Кремль напрямую увязывал с необходимостью переговоров Тегерана с азербайджанскими лидерами.

Тем временем политико-дипломатическая ситуация вокруг Ирана складывалась явно не в пользу Москвы. К 1 января 1946 г. Иран покинули все американские войска. Лондон заявил, что его войска уйдут до 2 марта.

Для демонстрации гибкости Советского Союза было издано сообщение ТАСС, согласно которому СССР был готов со 2 марта начать выводить свои войска из «относительно спокойных», то есть северных районов Ирана. Это, однако, не изменило общего негативного отношения Тегерана к сущности выдвинутых Москвой условий.

4 и 5 марта советские танковые колонны начали движение в трех направлениях: к границам с Турцией и Ираком, а также к Тегерану. Эти меры встретили жесткую реакцию не только Ирана, но и ведущих западных столиц. Правительство Ирана 18 марта 1946 г. в острой форме поставило перед Советом Безопасности вопрос о немедленной эвакуации всех советских войск. Москва пыталась отложить проведение заседания Совета Безопасности хотя бы до 1 апреля. Когда это не удалось, советский представитель А.А. Громыко покинул заседание Совета.

Москва фактически исчерпала реальные возможности давления на иранское правительство. Жесткая позиция западных стран, негативное международное общественное мнение вынудили Кремль пойти на уступки. 24 марта Москва сообщила, что соглашение с Тегераном достигнуто и что советские войска будут выведены из Ирана в течение 5—6 недель.

Уже 24 марта тегеранское радио сообщило о возобновлении вывода советских войск из Ирана. Источником информации послужила состоявшаяся в тот же день встреча Кавама с новым советским послом И.В. Садчиковым, на которой иранской стороне и было вручено письмо о полученном советским командованием предписании закончить все приготовления к

выводу войск в полуторамесячный, считая с 24 марта, срок.

В рамках достигнутого компромисса Тегеран дал согласие на создание смешанного советско-иранского нефтяного общества, однако ни по каким другим вопросам на уступки не пошел. В отношении Иранского Азербайджана Тегераном было высказано формальное намерение урегулировать взаимоотношения с национальным правительством этой провинции. Хотя иранское правительство настаивало, чтобы официальным языком там являлся персидский, а не азербайджанский, оно разрешило вести делопроизводство на двух языках, обещало свободу деятельности общественных и профсоюзных организаций, обязывалось не применять репрессий в отношении населения и лидеров национально-освободительного движения, соглашалось увеличить представительство Иранского Азербайджана в меджлисе пропорционально численности населения провинции.

Основные требования Демократической партии Иранского Азербайджана, казалось, были учтены. Однако лидер партии Д. Пишевари посчитал себя «брошенным на произвол судьбы» и, как показали дальнейшие события, не без основания. За день до полного вывода советских войск из Ирана Сталин счел нужным направить ему личное послание, в котором дал анализ военно-политического положения в Иране и поставил задачи на будущее:

«Товарищу Пишевари.

Мне кажется, что Вы неправильно оцениваете сложившуюся обстановку, как внутри Ирана, так и в международном разрезе.

Первое. Вы хотите добиться всех революционных требований Азербайджана теперь же. Но нынешняя обстановка исключает возможность осуществления такой программы. В Иране нет теперь глубокого революционного кризиса. В Иране мало рабочих, и они плохо организованы. Иранское крестьянство не проявляет пока серьезной активности. Иран не ведет сейчас войны с внешним врагом, которая могла бы ослабить реакционные круги Ирана в виде неудачи в войне. Следовательно, в Иране нет такой обстановки, которая позволяла бы проводить тактику Ленина в 1905 и 1917 гг.

Второе. Конечно, Вы могли бы рассчитывать на успех в деле борьбы за революционные требования азербайджанского народа, если бы советские войска продолжали оставаться в Иране. Но мы не могли их оставлять дальше в Иране, главным образом потому, что наличие советских войск в Иране подрывало основы нашей освободительной политики в Европе и Азии.

Англичане и американцы говорили нам, что если советские войска могут оставаться в Иране, то почему английские войска не могут оставаться в Египте, Сирии, Индонезии, Греции, а также американские войска — в Китае, Исландии, в Дании. Поэтому мы решили вывести войска из Ирана и Китая, чтобы вырвать из рук англичан и американцев это оружие, развязать освободительное движение в колониях и тем сделать свою освободительную политику более обоснованной и эффективной.

Третье. Пока советские войска находились в Иране, Вы имели возможность развернуть борьбу в Азербайджане и организовать широкое демократическое движение с далеко идущими требованиями. Но наши войска должны были уйти и ушли из Ирана. Что же мы теперь имеем в Иране? Мы имеем конфликт правительства Кавама с англофильскими кругами в Иране, представляющими наиболее реакционные элементы Ирана. Каким бы реакционером ни был в прошлом Кавам, он вынужден теперь в интересах самозащиты и защиты своего правительства пойти на некоторые демократические реформы и искать опору среди демократических элементов Ирана.

Какова должна быть наша тактика при этих условиях? Я думаю, что мы должны использовать этот конфликт для того, чтобы вырвать у Кавама уступки, оказать ему поддержку, изолировать англофилов и создать тем некоторый базис для дальнейшей демократизации Ирана. Из этого положения и исходят все наши советы.

Четвертое. Если Вы поведете себя разумно и добьетесь при нашей моральной поддержке тех требований, которые легализуют в основном нынешнее фактическое положение Азербайджана, то Вас будут благословлять и азербайджанцы, и Иран как пионера прогрессивно-демократического движения на Среднем Востоке».

9 мая 1946 г. эвакуация советских войск и имущества с территории Ирана была полностью завершена. Последующий ход событий показал, что в большинстве своих прогнозов Сталин на этот раз ошибся.

Вскоре после вывода советских войск иранское правительство фактически «торпедировало» все ранее достигнутые договоренности с Москвой. 21 ноября 1946 г. премьер-министр Кавама под предлогом выборной кампании заявил о введении во все провинции, включая Иранский Азербайджан, правительственных войск. СССР ограничился только «дружеским предупреждением» и рекомендацией отказаться от таких планов. После вступления войск в Иранский Азербайджан 11 декабря 1946 г. национально-демократическое движение в этой провинции, как и в Иранском Курдистане, было жестко подавлено. Избранный к середине 1947 г. новый состав меджлиса отказался ратифицировать советско-иранское соглашение о совместном нефтяном обществе.

Рассерженная Москва в ответ сделала ставку на иранских курдов, организовав базы подготовки боевиков на территории Советского Азербайджана. Главная цель заключалась в разжигании восстания на территории Иранского Курдистана. В 1947 г. вооруженные отряды курдов численностью до 2 тысяч человек под командованием муллы М. Барзани перешли границу с Ираном и вступили в бой с шахскими войсками на территории Иранского Азербайджана, однако вскоре отошли под ударами регулярных иранских частей. Барзани стал настаивать на формировании курдских боевых формирований, но реализовать этот план в полной мере не удалось. Курдов готовили и нацеливали на проведение диверсионных операций на Ближнем Востоке, в частности, на выведение из строя нефтепроводов на территории Ирака, Ирана и Сирии в случае возникновения военных действий или прямой угрозы ядерного нападения на СССР.

Перспектива же самоопределения самих курдов, их настойчивое стремление образовать самостоятельное государство Курдистан мало волновала не только Вашингтон и Лондон, но и Москву.

В целом последствия «иранского кризиса» далеко вышли за региональные рамки. События вокруг Ирана повлияли на становление тех компонентов послевоенной системы международных отношений, которые составили основу политики «холодной войны»: партнерство США и Англии (их «особые» отношения) против СССР и его политики в стратегически важных районах; отказ США от изоляционистской политики и переход к глобализму; выработку стратегии «сдерживания» коммунизма; вовлечение стран «третьего» мира в противоборство великих держав и др.

Глава 3. За кулисами гражданской войны в Китае

Китай просыпается...

Великая Китайская империя вступила в XX век ослабленной и униженной. Будучи по сути дела полуколонией великих держав, она сотрясалась внутренними конфликтами и восстаниями, избавлялась от традиционной политики изоляционизма, обращалась липом к миру. Синьхайская революция 1911—1912 гг. привела к отречению от власти последнего китайского императора из маньчжурской династии, однако с крахом империи фактически рухнуло и единое централизованное государство. Реальная власть рассредоточилась между местными военными правителями, из которых наиболее могущественными стали мукденская (прояпонская) клика Чжан Цзолина и чжилийская (проамериканская) военная клика во главе с Цао Кунем и У Пэйфу.

Однако в начале 20-х гг. в Китае появился новый региональный центр власти — Кантон, где правила китайская националистическая партия — партия Гоминьдан (ГМД). Во главе Гоминьдана стоял великий деятель китайской истории XX века, харизматический лидер Сунь Ятсен. В своих программных заявлениях он ставил цель объединить Китай, модернизировать

экономику, добиться введения подлинной демократии и уменьшить западное влияние.

Примерно в это же время, в 1921 г., в Китае была создана и Китайская коммунистическая партия (КПК), малочисленная и не пользовавшаяся в тот период особой популярностью. В ней числилось всего 44 члена, многие из которых впоследствии изменили свои взгляды и вышли из компартии. С самого начала между китайскими националистами и коммунистами согласия и единодушия не было, но хотя Советская Россия симпатизировала китайским коммунистам, оказывала им возможную помощь, это не мешало и Сунь Ятсену рассчитывать на поддержку своего северного соседа. Гоминьдан нуждался не только в эффективной политической организации, но и в собственных вооруженных силах.

И действительно, в январе 1923 г. Москва пообещала Сунь Ятсену оказать помощь в объединении Китая, а в конце года в качестве советника Сунь Ятсена в Китай прибыл специальный посланник советского правительства М. Бородин. За ним последовало около 1000 военных советников и специалистов. Вооруженные силы ГМД стали интенсивно насыщаться советским вооружением и военной техникой. Предполагалось, что в ходе предстоящих боев Гоминьдан сможет установить контроль по крайней мере над югом и востоком страны.

При этом между ГМД и КПК продолжали сохраняться странные отношения. В отличие от компартии, в Гоминьдане вплоть до 1923 г. не было ни программы, ни устава. Организационная структура оставалась расплывчатой, все руководство осуществлял сам Сунь Ятсен. Несмотря на принципиальные разногласия между двумя политическими организациями и острое соперничество в борьбе за власть, рядовым коммунистам было разрешено вступать в Гоминьдан.

Но столкновение между националистами и коммунистами становилось неизбежным.

В марте 1925 г. умер Сунь Ятсен. Сталин решил воспользоваться этим для усиления советского влияния в высших властных эшелонах Гоминьдана: так он хотел обеспечить доминирующее положение в ГМД китайских коммунистов, которые затем могли бы окончательно «оседлать» революционное движение в Китае. Его планам, однако, активно мешал ближайший военный советник Сунь Ятсена — Чан Кайши, одновременно возглавлявший военную академию «Вампу». В марте 1926 г. он осуществил в Кантоне военный переворот, изгнал из города коммунистов, а спустя три месяца был избран председателем Гоминьдана и главнокомандующим вооруженными силами. Добившись высшей власти, Чан Кайши приблизил к себе выпускников академии, которым он доверял, стал перестраивать свою армию по европейскому образцу, пригласив с этой целью немецких советников во главе с бывшим генералом рейхсвера фон Сектом. Немецкие советники, сделав особый акцент в обучении гоминьдановской армии на умении вести позиционную войну, сыграли в её дальнейшей судьбе не самую лучшую роль.

В 1926 г. Национально-революционная армия Китая Чан Кайши предприняла так называемый Великий Северный поход. В течение шести месяцев непрерывных боев от власти местных военных правителей были освобождены центральные районы Китая. В начале 1927 г. части Гоминьдана захватили г. Шанхай, крупнейший промышленный и торговый центр страны. Именно здесь 12 апреля 1927 г. Чан Кайши пошел на открытый развал единого фронта КПК и ГМД: его войска начали разоружение шанхайских рабочих отрядов и дружин. Для разгона народных демонстраций гоминьдановские войска применили оружие, начались массовые аресты и казни профсоюзных деятелей и коммунистов. Эти события захватили и другие крупные города Китая.

18 апреля Чан Кайши сформировал в Нанкине новое китайское правительство, после чего последовало окончательное изгнание из страны советских военных советников. Казалось, странный «союз» Москвы и Гоминьдана завершился. Советский советник М. Бородин, покидая Китай, рекомендовал китайским коммунистам уйти в подполье и оттуда организовать вооруженное сопротивление Гоминьдану.

ГМД и КПК уже не скрывали своего антагонизма. Дело стало доходить до прямых вооруженных столкновений. В декабре 1927 г., по рекомендации Сталина, было поднято коммунистическое восстание в Кантоне, которое гоминьдановцы жесточайшим образом подавили после четырех дней кровопролитных боев. С ликвидацией кантонской коммуны дипломатические отношения между Москвой и гоминьдановским правительством были

разорваны.

Тем временем ГМД успешно наступал по всей стране. В 1928 г. его войска овладели Пекином. Однако, несмотря на все попытки Чан Кайши окончательно расправиться с коммунистическим подпольем, КПК не просто выжила, но и укрепила свои силы. Вынужденная отступать под нажимом Гоминьдана, она закрепилась вместе со своими вооруженными отрядами в горных приграничных районах провинций Цзянси, Хубэй и Хунань. Там была установлена китайская советская власть и начато формирование Китайской Красной армии.

Именно в этот период Мао Цзэдун, находясь с отрядом в 1 тысячу человек в Цзинганшани в провинции Цзянси, сформулировал свои основные «идеи в военной области», которые позже станут идеологической основой КПК и ее вооруженных сил. Говоря о массовом героизме бойцов новой революционной армии, Мао писал: «Мы — партия трудящегося народа, жестоко угнетаемого, мы — партия революции, которая сметет всю гниль с этой земли. Смерть — это только физический уход из жизни. И если человек, а тем более коммунист, может своей смертью, умом, храбростью принести пользу, то он не должен задумываться».

На I Всекитайском съезде Советов, проведенном в ноябре 1931 г. в Центральном советском районе в Цзянси, было сформировано советское правительство Китая во главе с Мао Цзэдуном. К этому времени вооруженные силы коммунистов контролировали территорию с населением свыше 60 млн человек, а в Китайской Красной армии насчитывалось 150 тысяч бойцов.

Гоминьдановские силы, которым продолжали оказывать помощь западные военные советники, не оставляли попыток разгромить коммунистов. В качестве советников у Чан Кайши действовали офицеры Германии: полковник В. Бауэр (друг Гитлера и ученик Людендорфа), нацист подполковник Крибель, генерал-лейтенант Ветцель, генерал Сект, генерал Фалькенхаузен и др. Гоминьдановцы старательно перенимали опыт нацистов по наведению порядка в стране. Китайские офицеры в организованном порядке направлялись на обучение в Германию¹⁸.

Для борьбы с коммунистическими опорными базами в горах применялись артиллерия и авиация, активно действовали репрессивно-карательные отряды, полиция, разведка и контрразведка ГМД. К середине 30-х гг. положение КПК и ее вооруженных сил стало критическим. Под натиском превосходящего противника 15 октября 1934 г. коммунистические войска численностью около 100 тысяч человек были вынуждены начать знаменитый Великий поход: КПК перебазировалась из горных районов Цзянси сперва на запад, а затем — на север, в провинцию Шэньси. Основные силы Китайской Красной армии соединились в Шэньси в конце 1936 г., преодолев с боями за прошедшие почти два года путь в 13 тысяч километров. Всего 20 тысячам китайских партизан удалось пережить этот полный трудностей и лишений поход. Там, на севере Китая, Мао Цзэдун основал новую опорную базу — Особый район Шэньси-Ганьсу-Нинся, а Яньань стала фактически столицей коммунистического Китая.

В этих условиях Мао Цзэдуну неожиданно помогла международная обстановка: осенью 1931 г. агрессию против Китая начала Япония. Ослабленный длительной и кровопролитной гражданской войной, раздираемый внутренними противоречиями, Китай не смог найти в себе сил для должного отпора. 18 сентября после серии провокаций японцы перешли в наступление, за короткое время оккупировав всю Маньчжурию. В марте 1932 г. здесь было провозглашено прояпонское марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое возглавил Пу И — последний отпрыск маньчжурской династии Цин, свергнутой в Китае в годы Синьхайской революции.

Однако даже внешняя агрессия, борьба с которой стала главной задачей всех патриотических сил Китая, не смогла сплотить коммунистов и гоминьдановцев во имя освобождения родины.

7 июля 1937 г. конфликтом у моста Лугоуцяо недалеко от Пекина началась «большая» война. С этого момента, по мнению китайских историков, начинается Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе, закончившаяся только в сентябре 1945 г. Действуя силой и хитростью, японцы уже к августу заняли Пекин и Тяньцзинь. Три месяца продолжались бои за

¹⁸ Ефимов Г. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951. С.319.

Шанхай, закончившиеся его падением. В декабре того же года пала и тогдашняя китайская столица город Нанкин. К концу 1938 г. гоминьдановцы были вынуждены оставить практически все города Восточного и Центрального Китая.

Вторжение японцев серьезно повлияло на ход гражданской войны в Китае. Японо-китайская война «взрыхлила» традиционную социальную структуру общества, резко ослабила гражданскую и военную власть гоминьдановцев, привела к невиданным экономическим потрясениям: так, за периоде 1937 по 1945 годы цены в Китае увеличились на 2500%. Все это позволило коммунистам существенно усилить свое влияние. Они продвинулись в районы Северного и Центрального Китая, создавая по пути опорные базы и формируя антияпонские и антигоминьдановские организации и группы. В глазах основной массы китайского населения коммунистические силы выгодно отличались от коррумпированного и неэффективного гоминьдановского руководства, скомпрометированного сотрудничеством с японскими захватчиками, консолидацией, жесткой дисциплиной и организованностью.

Партизанская война по Мао Цзэдуну

После провала линии на организацию вооруженных восстаний в крупных городах Китая, которая была рекомендована Москвой, Мао приступил к разработке теории и практики «народной революционной войны». В мае 1938 г. Мао Цзэдун пишет работу «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков», вслед за тем — «О затяжной войне»; в ноябре того же года — работу «Война и вопросы стратегии». За этим последовала решительная смена Китайской Красной армией форм и способов ведения вооруженной борьбы. Если в недавнем прошлом партизанская война рассматривалась лишь как вспомогательное средство к основным военным операциям, то теперь Мао придал ей первостепенное стратегическое значение.

Заслугой Мао Цзэдуна можно считать глубокую разработку концепции партизанской войны с политической, военно-стратегической, оперативно-тактической и чисто тактической точек зрения. Он писал: «...Партизанская война против японских захватчиков будет представлять собой в основном не вспомогательные по отношению к операциям регулярной армии боевые действия на внутренних линиях, а самостоятельные боевые действия на внешних линиях»¹⁹. Поскольку Китай представляет собой обширную и не развитую в экономическом отношении страну, единственно правильным курсом для КПК является ведение именно партизанской войны. Только массовая мобилизация крестьянства позволит взять верх над японскими оккупантами и гоминьдановской регулярной армией. Доминирующей, по мнению Мао, должна быть тактика типа «нанеси удар и скройся», названная им тактикой «воробьиной войны».

Позже эта тактика была конкретизирована в знаменитых 10 принципах ведения боевых действий, которые стали своеобразным катехизисом ведения партизанской войны во многих странах. В докладе на заседании ЦК КПК 25 декабря 1947 г. Мао Цзэдун обобщил накопленный за прошедшие годы Китайской Красной армией опыт ведения партизанской войны.

«Наши военные принципы заключаются в следующем:

- 1) сначала истреблять распыленные и изолированные части противника, а затем уничтожать крупные сосредоточения его сил;
- 2) сначала занимать маленькие и средние города и обширные сельские районы, а затем брать большие города;
- 3) главная цель заключается не в удержании или захвате городов и территории, а в уничтожении живой силы противника; занятие или удержание того или иного города или территории есть результат уничтожения живой силы врага, и часто город неоднократно переходит из рук в руки, прежде чем удастся захватить или удержать

¹⁹ Мао Цзэдун. Избранные произведения по военным вопросам. М.: Воениздат, 1958. С. 198.

его окончательно;

4) при каждой боевой операции необходимо концентрировать вооруженные силы так, чтобы добиться абсолютного превосходства над врагом (в два, три, четыре, пять и даже шесть раз), окружать противника, добиваться его полного уничтожения, не давать ему выходить из окружения. В особых обстоятельствах надо прибегать к тактике сокрушительного удара по врагу, то есть, концентрируя все силы, наносить лобовой удар и атаковать его фланг или оба фланга сразу с тем, чтобы полностью уничтожить одну часть вражеских сил и нанести поражение другой, чтобы иметь возможность быстро перебрасывать наши войска для уничтожения других частей противника. Всеми силами избегать войны на истощение, в которой потери превышают выигрыш или только равны ему. Таким образом, хотя общее превосходство (численное) и на стороне врага, но в каждой операции мы можем создавать абсолютное превосходство сил, которое обеспечит нам успех; со временем мы обеспечим себе и общее превосходство, которое приведет к уничтожению всех сил противника;

5) не начинать боя без подготовки; не начинать боя, не имея полной уверенности в победе; при проведении каждой операции быть подготовленными как можно лучше; стремиться к созданию такого соотношения сил, которое давало бы нам полную уверенность в победе;

6) воспитывать в войсках боевую отвагу, самоотверженность, неутомимость, непрерывную боеспособность (способность в течение короткого промежутка времени проводить без передышки несколько боевых операций подряд);

7) всеми силами добиваться уничтожения противника на марше, но в то же время придавать важное значение и тактике атаки укрепленных позиций и захвата укрепленных пунктов и городов противника;

8) решительно брать штурмом все слабо укрепленные пункты и города противника, а пункты и города, обладающие укреплениями средней мощности, захватывать при первом подходящем случае, если обстановка это позволяет. Что касается сильно укрепленных вражеских пунктов и городов, то захват их не предпринимать до тех пор, пока для этого не будут созданы все необходимые условия;

9) пополнять вооружение и людской состав за счет трофеев и пленных. Источник нашей живой силы и материальных ресурсов находится главным образом на фронте;

10) умело использовать промежутки между военными операциями для отдыха и обучения войск. Промежутки эти, как правило, не должны быть слишком длительными; всемерно стремиться не давать противнику времени для передышки»²⁰.

При кажущейся банальности эти принципы Мао Цзэдуна в совокупности представляли собой достаточно эффективную программу действий. Он учил, что во всех случаях силы противника следует атаковать прежде всего в колоннах, когда они находятся на марше, а позиционную войну следует избегать любой ценой. В партизанских действиях главное — это внезапность, позволяющая достичь инициативы. Необходимо особенно тщательно выбирать местность, где предстоит разыгаться сражению. Для достижения максимального эффекта партизанам следует завлекать противника как можно глубже на свою территорию.

Мао строго проводил различие между стратегическими и тактическими операциями. В начале первого этапа народной войны в Китае он считал, что противник в стратегическом плане будет превосходить вооруженные силы КПК в соотношении 10:1. Но затем, в результате постепенного наращивания своих сил, за счет революционной дисциплины и поддержки местного населения, партизаны смогут настолько поднять свой боевой потенциал, что десятикратно превзойдут противника.

На втором этапе партизанской войны Мао предполагал достичь стратегического равновесия с противником (японскими войсками и Гоминьданом), по мере того как истощатся его резервы.

²⁰ Мао Цзэдун. Избранные произведения по военным вопросам. М.: Воениздат, 1958. С.380—381.

КПК должна была заняться организацией опорных баз, уточнением политической и военной стратегии и постепенным формированием полурегулярной армии. Этот этап совпал с периодом так называемого «объединенного антияпонского фронта» в Китае, длившимся с 1937 по 1945 годы.

Наконец, третий этап партизанской войны планировалось начать со стратегического контрнаступления, что и имело место в период 1945—1949 гг. Мао точно предсказал, что к этому времени противник будет измотан, его политическая, военная и социальная инфраструктуры станут разваливаться, а общество в целом будет стремиться к миру и стабильности вне зависимости от того, какая бы политическая сила при этом ни пришла к власти.

Один из важнейших постулатов маоцзэдуновской теории партизанской войны — концептуальное положение о том, что победа в длительной войне будет на стороне тех, у кого выше моральный дух.

Выводя формы войны из ее сущности, Мао Цзэдун «привязывал» их к конкретно-историческим условиям Китая.

«...Суть войны, то есть цель войны как таковой, заключается в сохранении своих сил и уничтожении сил противника. Для достижения же этой цели имеются три формы военных действий: маневренные действия регулярных войск, позиционная война и партизанская война. Степень эффективности этих форм при их использовании различна, вследствие чего принято разделять войны на так называемые войны на истощение и войны на уничтожение.

Мы можем прежде всего сказать, что война против японских захватчиков является войной на истощение и в то же время войной на уничтожение. Главным средством, дающим Китаю возможность вести затяжную войну, является истощение противника путем уничтожения его сил»²¹.

В телеграмме своим военачальникам Линь Бяо и Пэн Дэхуаю от 18 мая 1941 г. Мао был откровеннее:

«Наш нынешний курс заключается в необходимости наносить удары по японцам. Но ни в коем случае нельзя наносить эти удары слишком сильно. Если не наносить удары по японцам, то Гоминьдан начнет об этом говорить. Об этом заговорят также и промежуточные силы. Однако если наносить удары по японцам слишком сильно, то это вызовет другую опасность: японцы переключатся на нас для сведения счетов»²².

Нельзя не заметить цинизма такой позиции: в то время как Мао рассчитывал силу ударов, китайский народ страдал под кровавым деспотическим режимом милитаристской Японии, нуждаясь как никогда в вооруженной защите.

В целом основные положения теории и практики ведения боевых действий методами партизанской войны не отличались в интерпретации китайских коммунистов особой новизной: они были известны давно. Главная заслуга Мао заключалась в том, что конкретные вопросы тактики боевых действий он тесно увязывал с избранной политической и военной стратегией. Основным акцент ставился на материальной и морально-психологической подготовке партии, армии и населения к ведению длительной и ожесточенной вооруженной борьбы, в которой, как гласил один из важнейших постулатов маоцзэдуновской теории, победа будет на стороне тех, у кого выше моральный дух.

²¹ Мао Цзэдун. Избранные произведения по военным вопросам. М.: Воениздат, 1958. С.305—306.

²² Цит. по: А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937—1952. М., 1999. С. 273.

Безусловным приоритетом деятельности КПК Мао считал расширение социальной базы партии и, соответственно, ее вооруженных сил. Начиная с середины 30-х гг., политический отдел 8-й полевой армии развернул активную работу по завоеванию симпатий крестьянства: партизаны оплачивали все реквизированные продукты и имущество, нередко участвовали в полевых работах, а мелкие и средние землевладельцы не обкладывались чрезмерными поборами в надежде, что рано или поздно они поддержат коммунистов. В сельской местности, находившейся под властью коммунистов, в интересах широких масс крестьянства проводилась земельная реформа.

В результате этих усилий в 1935—1945 гг. Мао Цзэдуну удалось на севере Китая не только создать социальную базу своему движению, но и организовать отряды сельской самозащиты и милиции общей численностью около 2 миллионов человек.

Мао исходил из того, что устойчивая убежденность как солдата, так и гражданина формируется только культивированием образа врага. Конкретный враг может меняться, но образ врага должен быть постоянным. Таким врагом на протяжении почти всего XX в. для коммунистического Китая выступал Гоминьдан: сперва как политический соперник, затем как политический враг, позднее — как военный и политический противник. Это состояние взаимоотношений КПК и ГМД уже после окончания гражданской войны в Китае и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики оказалась на долгие годы «законсервированным» в форме проблемы Тайваня.

Советская помощь Китаю

В Москве пристально наблюдали за тем, как развивались события в Китае. Для Сталина в конце концов было не так важно, какое правительство окончательно обоснуется в Пекине, — главное, чтобы оно являлось антиимпериалистическим, дружественным Москве.

Чан Кайши долгое время воспринимался Москвой как более значимая в Китае фигура: он был официальным лидером Китайской Республики, и, естественно, ставка делалась на него. В феврале 1938 г. состоялся визит в Москву специального представителя Чан Кайши Сунь Фо. Чан Кайши просил у Сталина советников, оружия, но главное, чтобы СССР объявил войну Японии. Сталин пообещал не только оружие, но и помощь в строительстве 1—2 авиазаводов, а также нескольких заводов по производству артиллерийского вооружения. При новой встрече с Сунь Фо через три месяца, 23 мая 1938 г., советский вождь уже был готов предоставить Чан Кайши многомиллионный долларовый заем на закупку оружия и развертывание собственного военного производства.

В конце 1938 г. Чан Кайши обратился к советскому правительству с просьбой прислать в Китай в качестве главного военного советника Маршала Советского Союза В.К. Блюхера. Советский военачальник уже имел аналогичный опыт работы в Китае, а затем командовал Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.

На обращение китайского лидера Сталин не отреагировал никак. Однако в беседах с советским послом И.Т. Луганец-Орельским Чан Кайши продолжал настаивать на своей просьбе. 15 декабря лидер Гоминьдана заявил, что направление в Китай Блюхера было бы равносильно посылке на помощь Китаю 100 тысяч войск Красной армии: «Так мы его ценим». — подчеркнул он²³. Задержку с ответом из Москвы советский посол мотивировал тем, что «вероятно, Блюхер нужен Родине». Когда произносились эти слова, Блюхера уже не было в живых.

Реальная военная помощь Чан Кайши поступала из Москвы вплоть до 1946 г.

В начале января 1946 г. в Москву со специальной секретной миссией был послан Цзян Цзинго, сын Чан Кайши и его личный представитель. У него состоялись две встречи со Сталиным, на которых велось подробное обсуждение внутренних и внешних проблем, связанных с Китаем. Из протоколов видно, что Сталин считал ГМД «более широкой и влиятельной партией, чем компартия».

²³ Там же. С. 251.

Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся в Москве, была политика Гоминьдана по отношению к разгромленной милитаристской Японии. Оправдывая фактическое сотрудничество Гоминьдана с японскими оккупантами в годы войны, Цзян Цзинго мотивировал это тем, что Чан Кайши «на самом деле вел ПОДГОТОВКУ к войне с Японией».

Сталин был осторожен в критических высказываниях в адрес Чан Кайши. В то же время о Мао Цзэдуне он высказывался более свободно: «Советское правительство не понимает, почему оказывается невозможным соглашение между Чан Кайши и Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун — своеобразный человек и своеобразный коммунист. Он ходит по деревням, избегает городов и ими не интересуется...»

Относительно подробно обсуждавшихся китайско-советско-американских отношений китайский представитель был прям:

«Чан Кайши поручил ему откровенно заявить Генералиссимусу Сталину, что Китай заинтересован в сотрудничестве между Китаем, Советским Союзом и США, так как союз между ними имеет большое значение не только для Дальнего Востока, но и для всего мира. Ни один американский представитель из числа тех, которые побывали в Китае и беседовали с Чан Кайши, и в частности генерал Маршалл, ни разу не отзывались плохо о Советском Союзе. Генерал Маршалл сказал, что он полностью доверяет Генералиссимусу Сталину. Разного рода рассуждениями занимаются лишь те люди, которые стремятся заработать себе на этом капитал. Чан Кайши заявляет, что он заинтересован в союзе Советского Союза, Китая и США.

Тов. Сталин замечает, что Чан Кайши прав.

Цзян Цзинго говорит, что, однако, в силу исторических и географических причин Чан Кайши ближе к Советскому Союзу. Китай прямо заявляет, что он ожидает экономической помощи от США, но он не будет терять самостоятельности в политике.

Тов. Сталин говорит, что это правильно».

По поводу будущего советско-китайских отношений Цзян Цзинго от имени своего отца заверил Сталина:

«Чан Кайши просил его передать, что в будущих международных делах Китай будет заранее советоваться с Советским Союзом и будет договариваться с Советским Союзом с тем, чтобы выступать с общей точки зрения».

В беседе с посланцем Чан Кайши Сталин проявил себя абсолютным прагматиком, давая «дружеские советы» о том, как Китаю строить свою внешнюю политику:

«Он, тов. Сталин, считает правильной политику дружбы Китая с Америкой, которую намерен проводить Чан Кайши. Советский Союз не может оказать большую экономическую помощь Китаю. Чан Кайши ждет помощи от США, и поэтому его политика дружбы с США правильна».

Такие советы советского руководителя резко контрастируют с представлениями о нем как о лидере, всецело охваченном идеей «мировой революции». По крайней мере, в январе 1946 г. в беседе с высокопоставленным представителем Китая он даже намеком не коснулся этой темы.

Однако секретная миссия Цзян Цзинго в Москву явилась всего-навсего «разведкой боем». Стороны «прощупали» позиции друг друга по всем важнейшим проблемам, соблюли этикет — и все. В Москве прекрасно видели и понимали, что в Китае идет ожесточенная борьба за власть. В этой борьбе обе стороны, Чан Кайши и Мао Цзэдун, искали опору, в качестве которой могли выступить или США, или СССР.

В октябре 1945 г. Мао Цзэдун, отвечая на вопрос советского посла А.А. Петрова, что он думает о Чан Кайши и его политике, сказал: «У Чан Кайши пока нет глубокой

идейно-политической устремленности или, как мы говорим, центрального звена, вокруг которого вращалось бы все остальное. Сам Чан Кайши не знает, по какому пути ему идти: по пути диктатуры или по пути демократии. Во внешней политике Чан Кайши не знает, на кого ориентироваться: на США или на СССР. Ориентироваться целиком на США он не решается в силу международного влияния СССР, а на СССР — опасается»²⁴.

Знала Москва и о сущности самого Мао Цзэдуна. Еще в мае 1942 г. в Яньань, в штаб-квартиру Китайской Красной армии, был командирован в качестве связного Коминтерна при руководстве ЦК КПК П.П. Владимиров. Вместе с группой советских специалистов он поддерживал радиосвязь с Москвой и регулярно доносил о всех заслуживающих внимания событиях в руководстве КПК во главе с Мао Цзэдуном. Параллельно в своих дневниках Владимиров записывал:

«Мао Цзэдун изобретателен, ловок. За простоватостью этого рыхлого, вялого человека — огромная целеустремленность и четкое знание своих целей, а значит — врагов и союзников. Для Мао Цзэдуна мы не идейные союзники, а оружие, которым он рассчитывает пользоваться для решения собственных целей. У Мао Цзэдуна органическая неприязнь к Советскому Союзу. В Советском Союзе, несмотря на все его заявления о дружбе, он видит идейного недруга. Это не причуда — неприязнь к Коминтерну, ВКП(б) — и отнюдь не личные обиды. Существенно другое: этот антисоветизм имеет уже десятилетнюю историю».

В последние месяцы своего пребывания в Яньани, в сентябре 1945 г., П. Владимиров сделал последнюю принципиальную запись:

«В значительной мере благодаря Мао Цзэдуну единый антияпонский фронт в стране был фактически развален. Углубление раскола между Гоминьданом и КПК поставило Китай на грань национальной катастрофы. Боевые действия последних лет развивались трагически и предвещали победу фашистской Японии».

Однако такой поворот событий не тревожил Мао. Учитывая политическую обстановку в мире, он сосредоточил все усилия на захвате власти в стране, переложив заботы по разгрому Японии на плечи СССР и союзников. Мао маневрировал политически и не вел активной борьбы с оккупантами, выжидая момента, когда после разгрома Германии СССР и союзники обрушат весь свой боевой потенциал на Японию. Страна опустошалась оккупантами, народ бедствовал, погибал, вымирая с голоду, но Мао выжидал своего часа, чтобы двинуть всю свою военную силу на захват власти»²⁵.

И все же, зная обстановку и расстановку политических сил на внутривосточной арене Китая, Москва в конечном счете сделала ставку на Мао Цзэдуна.

«Свою игру» в годы Второй мировой войны вели в Китае и США. Они также «прощупывали» позиции главных политических оппонентов — Чан Кайши и Мао Цзэдуна, готовые поддержать того из них, кто в схватке за власть «вырвется вперед». Американские советники и специальные миссии, постоянно работая с Чан Кайши, наведывались в горный район Яньани к коммунистам. Шла все та же «разведка боем».

В конечном счете, причем в немалой степени по идеологическим соображениям, администрация США поддержала Гоминьдан и проиграла. Впоследствии в США будет инициирована целая кампания разбирательств по поводу «потери Китая».

СССР в тот период, тоже в первую очередь по идеологическим соображениям, сделал

²⁴ Там же. С. 45.

²⁵ Владимиров. П.П. Особый район Китая. 1942—1945. М.: АПН, 1973.

свой окончательный выбор в пользу Мао. И, как показала впоследствии жизнь, тоже проиграл.

Победа коммунистов

Разгром милитаристской Японии в августе — сентябре 1945 г. завершил Вторую мировую войну, освободив от порабощения страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Внешняя агрессия как фактор политической реальности Китая перестал существовать, однако о стабильности в этой огромной стране не могло быть и речи. В Китае шла ожесточенная гражданская война.

Советская Красная Армия полностью оккупировала Маньчжурию, приняв капитуляцию фактически у всей японской Квантунской армии. Пребывание советских войск в Северо-Восточном Китае создавало для китайских коммунистов потенциально выгодную ситуацию. К тому времени на территории Маньчжурии действовали лишь разрозненные партизанские отряды и разведгруппы китайских партизан.

С сентября 1945 г. начала осуществляться массовая переброска вооруженных сил КПК из Северного и Восточного Китая на северо-восток страны. К ноябрю туда перешли около 100 тысяч бойцов 8-й и Новой 4-й армий. Из этих частей, партизанских формирований и местных жителей была сформирована Объединенная демократическая армия (ОДА) Северо-Востока, которая стала костяком Народно-освободительной армии Китая.

Советская армия находилась в Маньчжурии вплоть до мая 1946 г. За это время советская сторона помогла китайским коммунистам организовать, обучить и вооружить новые китайские войска. На их вооружение только в октябре — ноябре 1945 г. были переданы 861 самолет. 686 танков, 43 100 орудий и минометов, 13 тысяч пулеметов, корабли Сунгарийской военной флотилии. В Маньчжурии была создана промышленная база по производству военной техники и вооружений.

В результате, когда правительственные — гоминьдановские — войска начали в апреле 1946 г. входить в Маньчжурию, они, к своему удивлению, обнаружили там не разрозненные партизанские отряды, а современную дисциплинированную армию коммунистов, вовсе не намеревавшуюся самораспускаться.

Ситуация в Маньчжурии стала шоком и для Вашингтона. Первый отряд вооруженных сил США в составе двух дивизий морской пехоты высадился в Китае в районе Тяньцзиня еще 30 сентября 1945 г. К осени в Китае насчитывалось уже свыше 100 тысяч американских военнослужащих. Американские экспедиционные войска, главным образом части морской пехоты, старались не вмешиваться в отношения между КПК и ГМД. Однако они активно взаимодействовали с вооруженными силами легитимного китайского правительства — войсками Гоминьдана, прежде всего в приеме капитуляции японских войск в Северном и Центральном Китае, а также в поддержании порядка и охране различных важных объектов в китайских городах.

На этот раз гоминьдановские войска в Маньчжурии нанесли поражение Объединенной демократической армии, выведя из строя до 40 тысяч ее бойцов. Части ОДА начали беспорядочно отступать к советским границам.

К тому времени в составе правительственных войск Гоминьдана насчитывалось 2 млн солдат и офицеров регулярной армии и еще 2,3 млн бойцов милицейских отрядов. На их вооружении имелась тяжелая техника — танки, артиллерия, самолеты. 45 дивизий численностью 150 тысяч человек были подготовлены американскими военными советниками и инструкторами. Войска КПК насчитывали в своих рядах около 400 тысяч человек в регулярных частях и 800 тысяч — в милицейских формированиях. По тяжелому вооружению они значительно уступали гоминьдановцам. Однако моральное превосходство, равно как и поддержка местного населения, были на стороне коммунистов.

Местное население быстро изменило отношение к армии Чан Кайши, вначале вполне благожелательное. Дело в том, что выходцы из южных и центральных районов Китая, из которых в основном набиралась гоминьдановская армия, традиционно относились к маньчжурам с пренебрежением и нередко вели себя как оккупанты. Результат не замедлил сказаться: гоминьдановские силы в Маньчжурии и на севере Китая были окружены и втянулись в тяжелую позиционную войну, резко усилилось дезертирство.

С самого начала командование войск ГМД допустило стратегическую ошибку: несмотря на успех первых столкновений с ОДА в Маньчжурии, военные действия в Северо-Восточном Китае не были доведены до конца; ГМД направил свои усилия не на борьбу с регулярными войсками КПК, а на уничтожение партизанского движения и партизанских баз в Центральном, Восточном и Северном Китае. Об опасности втягивания в длительную и бесперспективную партизанскую войну предостерегал Чан Кайши американский генерал А. Ведемейер, командующий американскими силами в Китае. Он считал, что это может привести к неоправданному распылению сил на тыловых коммуникациях вместо использования их в борьбе с живой силой реального противника — регулярными частями КПК. Партизанская война продолжалась почти два года, однако успеха войскам Гоминьдана, естественно, не принесла. Партизанские формирования КПК имели широкую социальную базу в регионах своего действия, умело использовали условия местности (горы, реки, ущелья, леса), скрываясь от преследования в труд недоступных местах, а при необходимости «растворялись» среди местного населения. Уничтожение одной опорной базы партизан вело к возникновению другой базы в новом месте.

Сосредоточив основные усилия на борьбе с партизанами, гоминьдановцы «оставили без присмотра» Объединенную демократическую армию КПК в Маньчжурии. Укрепившись с помощью советской стороны, войска Мао Цзэдуна к осени 1948 г. достигли численности в 600 тысяч человек. С 1 ноября ОДА стала именоваться 4-й Полевой армией. Возглавил ее Линь Бяо.

В ноябре 1948 г. 4-я Полевая армия перешла к решительным боевым действиям против гоминьдановцев. За короткий срок было разбито 52 дивизии Чан Кайши, еще 26 дивизий, обученных военными инструкторами США, перешли на сторону КПК. В начале 1949 г. 4-я Полевая армия вошла в Северный Китай, где объединилась с войсками 8-й армии КПК. 15 января был взят Тяньцзинь, 22 января — Пекин.

К весне 1949 г. вооруженные силы КПК освободили от гоминьдановцев весь Китай севернее реки Янцзы и восточнее провинции Ганьсу. К этому времени они уже превосходили гоминьдановскую армию по численности и снаряжению, не говоря уже о моральном духе. К концу гражданской войны Народно-освободительная армия Китая представляла собой мощную 4-миллионную армию, крупнейшую в Азии.

В сложившихся условиях последней надеждой для ГМД были США: только военное вмешательство Соединенных Штатов могло изменить стратегическую обстановку. Однако Вашингтон благоразумно предпочел ограничиться исключительно политическими мерами, экономической и военной помощью. Кроме того, Сталин спутал американские карты, пойдя на обострение обстановки в Германии, в результате чего в 1948 г. возник Берлинский кризис. Это в какой-то мере отвлекло фокус военно-политических усилий США от Азиатско-Тихоокеанского региона в пользу стратегически и политически более важного Европейского театра военных действий.

Попытки посредничества между КПК и ГМД со стороны великих держав оказались по целому ряду причин безрезультатными. Компартия в принципе была не заинтересована в диалоге с Гоминьданом: ее победа в гражданской войне была предрешена. Более того, Мао Цзэдун, естественно, не собирался в будущем «делиться» властью с какими бы то ни было другими политическими силами и партиями. Позиция руководства КПК была сформулирована в выступлении Мао Цзэдуна «Довести революцию до конца», то есть до полного разгрома Гоминьдана, не вступая с ним ни в какие переговоры и не идя ни на какие компромиссы. Начавшиеся между КПК и ГМД переговоры с самого начала были обречены на провал: стороны не шли ни на какие уступки.

Когда же КПК пошла на некоторое смягчение своих требований в адрес ГМД, Гоминьдан не счел их приемлемыми и не ответил на ультиматум коммунистов. Мао Цзэдун отдал вооруженным силам приказ форсировать реку Янцзы и перейти в наступление.

24 апреля 1949 г. войска КПК под командованием маршала Лю Бочэна вступили в столицу гоминьдановского Китая — город Нанкин. Само гоминьдановское правительство еще в феврале переехало на юг страны, в Кантон, а затем вместе с остатками верных ему войск — бежало на остров Тайвань. К концу года Народно-освободительная армия Китая уничтожила все основные военные группировки Гоминьдана на континенте, победоносно завершив тем самым третью

гражданскую войну в Китае.

1 октября 1949 г. в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика. На следующий же день Советский Союз признал КНР и вскоре заключил с ней Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Таким образом, в конце 1949 г. родился советско-китайский «монолит» — тот самый, который на многие годы стал кошмаром для Запада.

Успех коммунистов настолько встревожил американского президента Г. Трумэна, что он принял решение о непосредственном привлечении американских войск для поддержки «шатающегося» гоминьдановского режима. Рассматривался даже вопрос о возможности применения против китайских коммунистов атомного оружия. 14 ноября 1949 г. Трумэн дал указание государственному департаменту и военным ведомствам представить планы возможных действий против КНР. Через четыре дня председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал О. Брэдли представил министру обороны специальный меморандум о возможных путях и формах осуществления вооруженного вмешательства. В целом позиция военных была более чем сдержанная. Американские генералы понимали, что за спиной КНР стоял Советский Союз, войска и силы флота которого, кстати, дислоцировались на советских базах в Порт-Артуре и Дальнем.

С созданием КНР резко изменилась военно-политическая обстановка в мире в целом. Теперь лагерь социализма ограничивался не только масштабами СССР и стран Восточной Европы, но и распространился на восток. Запад не мог не считаться с огромной территорией, демографическим потенциалом и мощным военным потенциалом социализма, включая и советское ракетно-ядерное оружие. Победа коммунистов в Китае явилась крахом политики США, их планов остановить «коммунистическую экспансию», «сдержать» Советский Союз, «сохранить» Китай.

Коммунисты победили в самом многонаселенном государстве мира, продемонстрировав не просто новые способы ведения войны, но, что еще важнее, — новую философию войны.

Третья гражданская война в Китае стала первым непрямым военно-политическим столкновением СССР и США в Азии в послевоенную эпоху. Его специфика состояла в том, что обе сверхдержавы действовали в Китае «за кадром», помогая двум антагонистическим силам внутри страны — КПК и ГМД. С одной стороны, в Китае шла борьба за будущее этой великой страны и ее народа. С другой стороны, в Китае имело место ожесточенное сражение между СССР и США за расширение и укрепление сферы своего влияния, достижение превосходства над своим противником.

Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе в послевоенное время была значительно более напряженной и опасной, чем в Европе. Вскоре после победы коммунистов в Китае началась война в Корее. Она стала первым военным столкновением социализма и капитализма, когда мир был поставлен на грань ядерного конфликта.

Однако, как показали последующие события, не все было так просто в раскладе военно-политических сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На долгие годы Китай стал самой «любимой» и действенной картой в глобальной «игре» двух сверхдержав за свое доминирование в мире.

Глава 4. **Гражданская война в Греции**

Предыстория

В 1941 г. после вторжения немцев в Грецию король Георг II со своим правительством оказался в изгнании. Коммунистическая партия Греции (КПГ) во главе с Д. Сьянтосом сумела создать широкий Фронт сопротивления (ЭАМ) со своей собственной подпольной военной организацией (ЭЛАС), ставшие наиболее многочисленными и боеспособными организациями национального сопротивления в период оккупации. К 1944 г. командующий ЭЛАС генерал С. Сарафис, опираясь на проверенные в боях воинские формирования, был в состоянии в случае

приказа взять под контроль территорию всей страны.

Однако такого приказа не последовало. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль после долгих переговоров со Сталиным сумел в 1944 г. добиться решения о том, что Греция отойдет в британскую сферу влияния.

В соответствии с соглашением между греческим и британским правительствами, заключенным в Касерте 20 сентября 1944 г., все вооруженные формирования в стране поступали в подчинение верховного главнокомандования Греции, которое фактически возглавил британский генерал Скоби.

Но уже 3 декабря между греческими коммунистами-демонстрантами и полицией вспыхнула перестрелка. Этот инцидент фактически положил начало гражданской войне в Греции, которая с небольшими перерывами длилась вплоть до 1949 г.

Ставки в развернувшейся борьбе были более чем высоки. Для коммунистов речь шла не только о политическом, но и о физическом выживании. Для англичан под вопросом оказалось их влияние во всем балканском регионе.

После столкновения между полицией и греческими коммунистами У. Черчилль приказал генералу Скоби вмешаться в происходящие события, открывая при необходимости огонь по демонстрантам и всем лицам, не выполняющим приказы властей. 24 декабря, ввиду серьезности сложившегося положения, британский премьер лично вылетел в Афины, пытаясь нащупать возможность компромисса между враждующими политическими силами, однако его не удалось найти даже «хитрому лису» Черчиллю.

Как следствие, вооруженные формирования ЭЛАС численностью около 40 тысяч человек в начале 1945 г. попытались по пятам отступавших немцев захватить Афины, но натолкнулись на ожесточенное сопротивление британских войск. Хорошо вооруженные англичане при поддержке авиации и горной артиллерии нанесли ЭЛАС тяжелые потери, тысячи греческих бойцов были окружены и сдались в плен. Уйти в горы удалось лишь небольшому числу непримиримых. По мере нарастания трудностей признаки раскола обозначились внутри самого Национально-освободительного фронта Греции: значительная часть его руководства выступила за отказ от продолжения вооруженной борьбы.

В сложившихся условиях коммунистическая партия Греции по настоянию своего лидера Сьянтоса согласилась на прекращение вооруженной борьбы и участие в легальной политической деятельности на равных условиях с другими партиями и движениями. В январе 1945 г. греческие партизаны подписали невыгодное для них перемирие, а 12 февраля между представителями греческого правительства и руководством КПГ и ЭАМ в городе Варкиза было заключено компромиссное соглашение. В соответствии с ним ЭЛАС распускалась. Но радикально настроенная группировка греческого сопротивления во главе с А. Велухиотисом отказалась соблюдать подписанное соглашение, не без основания полагая, что коммунисты все равно будут обмануты.

В сентябре 1945 г. в Грецию вернулся король Георг. Однако его едва ли не триумфальное возвращение в Грецию омрачалось тем, что непримиримые партизаны обратились к диверсионной и террористической борьбе. Основные их лагеря и базы снабжения находились на территории соседних государств — Югославии и Албании.

Югославия играла наиболее важную роль в поддержке греческих партизан с конца 1944 г. Когда британские войска совместно с греческими правительственными силами развернули кампанию преследования сторонников Национально-освободительного фронта (ЭАМ) и Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС). Руководство КПГ попыталось получить поддержку у коммунистических партий соседних стран, прежде всего Югославии и Болгарии. В ноябре 1944 г. член Политбюро ЦК КПГ П. Русое встретился с И.Б. Тито, который согласился помочь ЭАМ/ЭЛАС в военном отношении в случае конфликта между ними и британцами. Речь шла прежде всего о так называемой Македонской бригаде, сформированной из греческих беженцев, которые, спасаясь от преследования правых сил, перешли на территорию Югославии. Какой-либо иной крупной военной помощи Югославия в тот период предоставить, естественно, не могла.

Но этого было явно недостаточно, и лидеры КПГ попытались активизировать свои отношения с Болгарской рабочей партией (коммунистов). Однако Болгария, не без оглядки на

Москву, заняла уклончивую позицию. 19 декабря 1944 г. Л. Стрингосу, члену Политбюро ЦК КПГ, была передана радиограмма с посланием Г. Димитрова. Он писал, что ввиду «нынешнего международного положения вооруженная поддержка греческим товарищам извне полностью невозможна. Помощь со стороны Болгарии или Югославии, которая поставит их и ЭЛАС против английских вооруженных сил, мало сейчас поможет греческим товарищам, но в то же время, наоборот, может очень сильно повредить Югославии и Болгарии». Далее в телеграмме говорилось, что ЭАМ/ЭЛАС должны рассчитывать прежде всего на свои собственные силы.

Осторожная позиция болгар во многом объяснялась и тем, что в разгоравшемся внутригреческом конфликте Болгария была далеко не бескорыстна: в Греции циркулировали слухи о том, что София имела намерение предъявить свои претензии на греческую Македонию.

В сложном положении оказалась и Югославия. Западные державы обвинили Белград во «враждебном вмешательстве» во внутренние дела Греции. По их настоянию для изучения ситуации на югославско-греческой границе была направлена специальная комиссия ООН.

Между тем обстановка продолжала накаляться. 29 мая 1945 г. в Грецию вернулся генеральный секретарь ЦК КПГ Н. Захариадис, находившийся с 1941 г. в концлагере Дахау. Это событие было сразу расценено как переломное: Захариадис настроен на вооруженную борьбу за власть. 2 октября 1945 г. открылся VII съезд КПГ, который рассмотрел внутри — и внешнеполитические проблемы, прежде всего обстановку в Балканском регионе. Касаясь путей установления народно-демократического строя, Н. Захариадис отверг позицию некоторых членов КПГ, считавших, что существует возможность мирного прихода к власти. Он заявил, что это — «только лишь возможность, но не действительность, потому что существовал и существует иностранный, английский, точнее сказать англосаксонский фактор...»

Второй пленум ЦК КПГ, состоявшийся 12—15 февраля 1946 г., принял решение об отказе от участия в выборах и необходимости перехода к организации вооруженной народной борьбы против «монархофашистов» в условиях, когда страна находится под военной оккупацией Великобритании. Решение было принято под нажимом Н. Захариадиса, считавшего существование СССР и стран с «народно-демократическим строем» на Балканах гарантиями победы социалистической революции в Греции. Он был уверен, что в этой ожесточенной борьбе Советский Союз с его огромным международным авторитетом не оставит греческих коммунистов без помощи и поддержки.

Весной 1946 г., возвращаясь со съезда Коммунистической партии Чехословакии, генеральный секретарь ЦК КПГ встретился в Белграде с И.Б. Тито, а затем прибыл в Крым на встречу с И.В. Сталиным. Руководители обоих государств высказались в поддержку позиции КПГ.

Но Захариадис не знал о негласном соглашении между Сталиным и Черчиллем о разделе сфер влияния в Европе. Сталин, прекрасно осознавая ограниченность своих военно-политических ресурсов, в реальной политике был склонен проявлять осмотрительность и осторожность. Его безусловным приоритетом в тот период являлась прежде всего Восточная Европа, а не Балканы. В итоге он мог предложить греческим коммунистам не так уж много — моральную и политико-дипломатическую поддержку. Далеко не всегда это оказывается достаточным.

В конечном счете греческие коммунисты оказались фактически один на один с правительственными войсками, опиравшимися на мощную военную поддержку США и Великобритании.

Борьба обостряется

Начало новому, более ожесточенному этапу гражданской войны положил вооруженный захват отрядом греческих партизан во главе с Ипсиланти населенного пункта Литохоро. Это произошло накануне выборов в Греции, состоявшихся 31 марта 1946 г. В свою очередь в районе Западной и Центральной Эгейской Македонии к вооруженной борьбе обратился Национально-освободительный фронт (НОФ) славяно-македонцев.

События развивались со стремительной быстротой. 3 июля группа партизан НОФ атаковала пост жандармерии в районе населенного пункта Идомени, после чего ушла на

югославскую территорию. Затем населенные пункты стали захватываться партизанами один за другим. К исходу лета 1946 г. НОФ, используя спрятанное после перемирия оружие, смог распространить свое влияние практически на всю территорию Эгейской Македонии.

Руководство КПГ, и прежде всего сам Захариадис, сначала приветствовало решительные действия НОФ, однако среди греческого населения они были восприняты неоднозначно. Вновь стали распространяться слухи, что они нацелены прежде всего на раскол страны, отделение от Греции Эгейской Македонии и выгодны только Югославии. Такая ситуация заставила руководство греческих коммунистов отмежеваться от поддержки НОФ. Захариадис был вынужден публично заявить об отсутствии каких-либо связей между КПГ и НОФ.

Сохранив верность идеологическим принципам, КПГ потеряла в военном отношении: боевые возможности греческих коммунистов оказались значительно ограниченными. Тем временем массовый характер приобрели вооруженные стычки в Северной Фракии и Западной Македонии. В середине июля 1946 г. перед руководством КПГ вплотную встал вопрос о необходимости развертывания партизанской войны в общенациональном масштабе. Однако из-за небольшой численности коммунисты были пока готовы лишь к пробе сил. Всего к августу 1946 г. в районе Македонии и Фессалии и основных горных массивах страны насчитывалось около 4 тысяч вооруженных повстанцев. Вместе с тем повстанческая армия имела значительные мобилизационные возможности за счет набора рекрутов среди местного населения.

Правительство могло противопоставить им 22 тысячи человек из жандармского корпуса и 15 тысяч регулярной армии. Но это были официальные цифры. На самом деле многие низшие чины греческой армии не только симпатизировали партизанам, но и нередко с оружием в руках переходили на их сторону.

Наиболее активная партизанская борьба шла в северной части Греции. Это заставляло официальные Афины, а также столицы западных стран выступать с недвусмысленными угрозами в адрес Белграда и Тираны за их прямую поддержку греческих повстанцев. И для этого были основания.

До середины 1948 г., когда произошел окончательный разрыв между КПЮ и Информационным бюро коммунистических партий, югославское руководство обеспечивало основную материальную и военную помощь повстанческому движению в Греции. В защиту позиций Югославии и Албании в тот момент активно выступал Советский Союз. 1 сентября 1946 г. в Совете Безопасности ООН советский представитель Д.З. Мануильский выступил от имени СССР в защиту славянского меньшинства в Греции и, следовательно, в поддержку Югославии. 4 сентября советская сторона заявила о поддержке Албании, в отношении которой Афины рассматривали возможность проведения акций возмездия, мотивируя их албанской поддержкой коммунистических партизан в Греции. Однако, несмотря на противодействие Советского Союза, западным державам все же удалось добиться принятия на II сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре — ноябре 1947 г. резолюции с осуждением Югославии, Болгарии и Албании за «антигреческую» деятельность.

В целом период 1945—1946 гг. стал для греческих партизан временем накопления сил и выбора оптимальной тактики ведения вооруженной борьбы. Их деятельность на этом этапе сводилась в основном к пополнению своих формирований личным составом, вооружением и снаряжением. Постепенно из разрозненных партизанских отрядов и групп была сформирована Демократическая армия Греции под общим командованием генерала Маркоса Вафиядиса, одного из наиболее талантливых генералов-коммунистов. Он был твердым сторонником ведения с греческим правительством партизанской войны на «истощение».

Партизаны первоначально вооружались оружием, собранным на полях боев Второй мировой войны. Но оружия, как и боеприпасов к нему, не хватало. Основным источником пополнения вооружения для греческих партизан стала Югославия. Оттуда поставлялось по большей части советское оружие: автоматы, минометы, огнеметы, полевые артиллерийские и зенитные орудия. Партизаны имели в своем распоряжении несколько сторожевых кораблей и даже подводную лодку итальянского происхождения, доставлявшую им грузы военного назначения.

В этих условиях основной тактикой партизан стало совершение стремительных налетов на

деревни с целью захвата оружия и продовольствия, убийства сторонников правительства, захвата заложников и пополнения своих отрядов личным составом. Подобная тактика, по замыслу КПГ, должна была привести к распылению правительственных войск по всей территории страны и соответственно резкому ослаблению их совокупной ударной мощи.

Однако если с военной точки зрения подобные действия были оправданы, то с политической — явно ущербны. Негативное отношение населения к партизанам усилилось по мере того, как становилось все более очевидным: налеты на деревни сопровождались большими потерями со стороны гражданского населения. Растущее недоверие греческого населения по отношению к партизанам во многом объясняет тот факт, что численность Демократической повстанческой армии редко переваливала за отметку в 25 тысяч человек. По этому поводу достаточно точно выразился лидер компартии Албании Э. Ходжа: «Врагу удалось отделить греческих партизан в горах, потому что Греческая коммунистическая партия не имела здорового фундамента среди народа»²⁶.

Отсутствие массовой поддержки вынуждало партизанское командование выбирать в качестве крупных целей только приграничные населенные пункты, что, в случае неудачи или затяжного боя позволяло им быстро отойти на территорию соседних Югославии и Албании. Подобным образом была проведена операция по захвату городов Контса и Флорина. Целью операции, в которой приняло участие свыше 2 тысяч человек, являлось создание «освобожденной зоны», где могло бы впоследствии обосноваться оппозиционное коммунистическое правительство. Однако греческим партизанам пришлось отойти.

Разгром

К 1947 г. силы греческих партизан насчитывали 23 тысячи человек, из них примерно 20% — женщины. В свою очередь, правительственные войска представляли собой уже более чем внушительную силу — 180 тысяч человек, однако они были рассеяны по мелким гарнизонам в городах и крупных деревнях.

Партизаны по-прежнему активно прибегали к диверсионным и террористическим акциям в отношении правительственных органов власти и войск. Так, Афины и Салоники в тот период соединяла только одна стратегически важная железнодорожная ветвь, ведшая затем к границам Югославии, Болгарии и Турции. Партизаны этим неоднократно пользовались, надолго выводя из строя отдельные участки дороги. Имея базы на территории Югославии и Албании, они нередко обстреливали из артиллерийских орудий греческие города непосредственно с сопредельных территорий. Греческое правительство, как правило, воздерживалось от преследования партизан на территории Югославии и Албании, опасаясь спровоцировать с ними вооруженный конфликт. Однако подобная тактика, при всех ее краткосрочных успехах, не могла привести партизан к решающей победе. В связи с этим Н. Захариадис считал необходимым создать на базе партизанских отрядов регулярную армию, которая постепенно расширила бы пояс освобожденных районов вплоть до самой столицы.

Лидер греческих коммунистов рассчитывал добиться решающего успеха уже к середине 1947 г. и вновь обратился в Москву, Белград и Тирану с просьбой увеличить военную помощь. В ответ на это 20 марта 1947 г. греческое правительство провело успешную операцию по стратегической дезинформации: оно санкционировало публикацию в ряде афинских центральных газет вымышленного интервью И.В. Сталина, в котором открыто говорилось о поддержке Советским Союзом «народно-демократических стран» в деле расчленения Греции.

Весной 1947 г. обстановка на Балканах быстро накалялась. Соединенные Штаты, заменившие Великобританию в качестве доминирующей силы в районе Средиземноморья, торопились «навести порядок» в Греции. Поражение коммунистического движения в этой стране должно было послужить сигналом для выступления политической оппозиции во многих «народно-демократических» европейских государствах.

В конце июня руководство КПГ заявило о необходимости создания Временного

²⁶ Hodja E. With Stalin. Tirane, 1978. P.I 16.

демократического правительства Свободной Греции. С 30 июля по 1 августа того же года состоялись переговоры между Г. Димитровым и И.Б. Тито, на которых обсуждались перспективы создания болгаро-югославской федерации. Планы образования южнославянской федерации, а также оформившийся югославо-албанский военно-политический союз дали лидерам греческих коммунистов повод надеяться на признание своего Временного правительства, и 23 декабря было провозглашено создание Временного демократического правительства Свободной Греции. Югославская, болгарская и албанская стороны отнеслись к этому событию позитивно, восторженно отозвавшись о «победе» греческих коммунистов. Вскоре, однако, отношение изменилось.

Сталин, не желая окончательно рассориться с бывшими союзниками, не признал самопровозглашенное правительство греческих коммунистов. Более того, к началу 1948 г. советский вождь начал проявлять заметное раздражение затянувшимся конфликтом, полагая, что последний является дестабилизирующим фактором на всем Балканском полуострове. В феврале на встрече с югославской делегацией он заявил: «Вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты — Соединенные Штаты, самое мощное государство в мире, — позволят нам прорвать их линию коммуникации в Средиземноморье? Чуть. А у нас нет флота. Восстание в Греции должно быть свернуто как можно быстрее»²⁷. Югославам предписывалось передать этот наказ — а фактически приказ греческим коммунистам как можно быстрее. Однако в результате состоявшейся вскоре встречи руководителей Югославии с представителями греческой компартии последние пришли к выводу, что если нет прямого указания из Москвы, значит, свобода маневра у них сохраняется.

Надежда греческих коммунистов на то, что Москва, как это было во время гражданской войны в Испании, направит в Грецию свои интернациональные бригады, окончательно исчезла. Теперь главная установка Демократической армии Греции заключалась в захвате жизненно важных центров на севере страны с тем, чтобы в дальнейшем приступить к окончательному разгрому правительственных войск. Это окончательно развязало руки правительственным войскам, которые с начала 1948 г. приступили к разгрому повстанческого движения.

Огромную роль в поддержке Афин сыграли США, которые не только направили в греческую армию своих советников, но и не поскупились на ее быстрое перевооружение. В марте 1947 г. президент Г. Трумэн запросил в конгрессе 400 млн долларов для оказания помощи Греции и Турции, заявив при этом: «Политикой США должна стать поддержка свободных народов, которые оказывают сопротивление попыткам подчинения их вооруженным меньшинствам или внешнему давлению».

Наиболее ожесточенные сражения между правительственными войсками и партизанами происходили в горных районах страны. Горная местность благоприятствовала партизанам в их излюбленной тактике «булавочных» уколов; именно там они имели наилучшие шансы «подпитываться» новыми людьми, оружием и продовольствием. Около 40% населения страны были крестьянами и проживали именно в горных деревушках, которые зимой из-за дождя и обильного снега, отсутствия подъездных дорог становились недоступными. Тогда единственным реальным «транспортным» средством и для повстанцев, и для правительственных солдат в горных районах оставались мулы. Однако правительственные войска в это время года, как правило, прекращали свои операции: они имели возможность переждать ненастье в теплых казармах, чего партизаны были лишены.

После получения относительно современных американских самолетов греческая армия стала наносить партизанским базам болезненные авиационные удары. Деятельность партизан вызывала и все более растущее неприятие местного населения: они не только увлеклись террором и убийством правительственных чиновников, но и были вынуждены прибегнуть к насильственной вербовке рекрутов, включая несовершеннолетних подростков, которых затем через границу переправляли в тренировочные лагеря.

Перестала приносить прежние успехи и традиционная тактика повстанцев: при приближении превосходящего противника «раствориться», используя естественные укрытия

²⁷ Djilas M. Conversations with Stalin. Harmondsworth, 1963. P.41.

местности, а после его ухода — вернуться вновь. Правительственные войска уже изучили ее и успешно противостояли с помощью устройства засад и минирования возможных путей подхода.

В некоторых приграничных районах партизаны попытались использовать новую тактику: сковать в боях как можно более значительные силы правительственных войск, а затем, измотав их и нанеся как можно больше потерь в живой силе, скрыться на территории соседних стран. Однако вскоре выяснилось, что подобные операции стали самыми рискованными. Так, в ходе боя, развернувшегося в августе 1948 г., около 40 тысяч правительственных войск окружили одну из наиболее крупных партизанских группировок численностью около 8 тысяч человек. Командир партизанского отряда генерал М. Вафиадис замешкал с отходом и вынужден был пробиваться из окружения с боем, ежеминутно рискуя быть убитым или оказаться в плену. В итоге партизаны стали всячески избегать крупных вооруженных столкновений.

В 1949 г. талантливый военный руководитель генерал Вафиадис был отстранен от командования Демократической армией Греции якобы по причине ухудшившегося здоровья. На этом посту его сменил лично Н. Захариадис. Если Вафиадис придерживался единственно правильной и оправдавшей себя стратегии продолжения партизанской войны, то Захариадис считал себя в силе сделать ставку на ведение регулярной войны крупными войсковыми формированиями. Он надеялся победить прежде, нежели греческая армия будет с американской помощью кардинально реорганизована. Однако эта стратегия оказалась ошибочной: крупные соединения партизан стали относительно легкой добычей для правительственной армии.

Поражение партизан предопределила и успешная тактика генерала Папагоса, главнокомандующего правительственными войсками. Оставив минимум войск для блокирования противника в горных районах, он сконцентрировал основные свои силы в районе Пелопоннеса, считая своей первостепенной задачей разгром законспирированного коммунистического подполья и уничтожение его разведывательной сети. Все населенные пункты, которые, по агентурным данным, симпатизировали партизанам, были окружены плотным кольцом правительственных войск. Повстанцы фактически лишились и без того скудных и ослабленных линий снабжения.

Весной 1949 г. Пелопоннес был очищен от партизан. В середине лета подконтрольной правительственным войскам стала и Центральная Греция. Затем пришла очередь наиболее крупных партизанских баз Граммос и Витси.

В ходе обороны Витси командование повстанцев, численность которых составляла около 7,5 тысяч человек, допустило роковую ошибку: вместо заблаговременного отхода перед лицом превосходящего противника партизаны все же решили оборонять базы, используя при этом самую невыгодную в сложившихся условиях тактику позиционной войны. К середине августа они были вытеснены из базы и подверглись уничтожению. Спасти сумели лишь немногие, уйдя на территорию Албании и позже влившись в ряды защитников последнего оплота повстанцев — базы Граммос. Папагос атаковал базу Граммос 24 августа, и к концу месяца с партизанским движением было покончено.

Конечное поражение партизан было обусловлено не только количественно неблагоприятным для них соотношением сил, но и рядом совершенных ими стратегических ошибок.

Прежде всего они неумело и недальновидно повели себя по отношению к гражданскому населению, часто допуская акты неоправданного насилия и жестокости, и не смогли обеспечить своему движению стабильную и широкую социальную базу. Не смогли они и воодушевить население страны своими лозунгами и идеями. Напротив, правительственные войска под командованием генерала А. Папагоса, пользуясь ошибками партизан, успешно привлекали население на свою сторону.

Не менее важной причиной поражения греческих коммунистов стала массированная военная и иная помощь США правительству Греции. Помощь же греческим партизанам со стороны Югославии, Болгарии и Албании уменьшалась с каждым днем борьбы. Самые катастрофические последствия в этом смысле имел конфликт Югославии с Москвой: сразу же ослабла моральная и материальная помощь повстанцам со стороны Югославии.

Одновременно обострилась ситуация внутри самой КПП, вызванная неприкрытым

конфликтом между генеральным секретарем Н. Захариадисом и главой Временного демократического правительства, главнокомандующим Демократической армией Греции М. Вафиадисом. Последний, используя коминтерновскую практику обращений к Москве как «третейскому судье» во внутрипартийных конфликтах, передал в ЦК ВКП(б) обширное послание, в котором Захариадис был назван «предателем». Москва, все более отстраняясь от греческих событий, на это послание не отреагировала. Но Захариадис узнал о письме и решил избавиться от оппонента «по-сталински»: он организовал засаду на греко-албанской границе, которую Вафиадис должен был пересечь, отправляясь в Тирану «на лечение», а по сути — в ссылку.

Помимо конфликта в верхах фактически расколотой оказалась коммунистическая организация северных районов страны, прежде всего Македонии, где среди большей части коммунистов были сильны про югославские, по сути — антигреческие настроения. Компартия Греции предприняла последнюю попытку преодолеть раскол. Пленум компартии, прошедший в начале 1949 г., принял решение о вхождении Македонии как равноправного государства в планируемую Балканскую федерацию. Правительственные СМИ Греции без сокращений процитировали сообщение радиостанции КПГ, прекрасно понимая, что теперь для большинства греков победа компартии будет ассоциироваться с расчленением страны.

Не воспринял решение греческих коммунистов и официальный Белград, который на фоне усиливавшегося конфликта с Москвой уже и не помышлял ни о каких федерациях. Взаимоотношения между КПГ и КПЮ резко ухудшились, и в июне 1949 г. наступила развязка: Тито, все более ориентировавшийся на Запад, окончательно заблокировал греко-югославскую границу. В главном штабе Демократической армии Греции стало известно, что между генеральным штабом вооруженных сил Югославии и греческим главным штабом было заключено специальное соглашение о выдаче греческим правительственным войскам партизан, перешедших границу Югославии. Хотя много позднее эти сведения оказались не соответствовавшими действительности, тогда это означало, что греческие партизаны лишились своих самых надежных тыловых баз.

Греческие коммунисты не нашли ничего лучшего, как обвинить Тито в сговоре с «монархофашистским» правительством в Афинах. Так же нервно отреагировала и Москва. Печатный орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» по этому поводу заявил, что данный акт правительства Югославии является «ударом ножом в спину национально-освободительной армии Греции в наиболее трудный момент ее борьбы против монархофашистской армии и ее англо-американских покровителей»²⁸. Однако в тех условиях официальная Москва фактически не предприняла никаких значимых шагов для урегулирования создавшегося на Балканах положения: Сталин помнил о договоренности с Черчиллем по поводу сфер влияния в послевоенном мире.

Таким образом, поражение партизан было неминуемо. Коммунисты лишились не только своих вооруженных сил, но, что еще более важно, народной поддержки. Компартия попыталась «сохранить лицо» официальным заявлением, что сама приняла решение прекратить боевые действия ради спасения греческого населения от взаимного уничтожения. Однако в условиях всеобщей изоляции коммунистического движения внутри страны это был уже запоздалый шаг.

В январе 1951 г. еженедельная газета генерального штаба Греции «Стратиотика» опубликовала обобщенные цифры потерь в ходе гражданской войны. Правительственные войска потеряли 12 777 убитыми, 37 732 ранеными и 4257 пропавшими без вести. По этим же данным, греческими партизанами было убито 4124 гражданских лица, в том числе 165 священников. На минах подорвался 931 человек. Были взорваны 476 обычных и 439 железнодорожных мостов. Уничтожено 80 железнодорожных станций.

Потери партизан составили около 38 тысяч человек, 40 тысяч были захвачены в плен или сдались.

Гражданская война в Греции окончилась полным разгромом коммунистических сил. В условиях начавшейся «холодной войны» между двумя мирами Греция вместе с Турцией и

²⁸ «Правда». 1949. 6 декабря.

Югославией вошла в сферу стратегических интересов США. Москва оказалась «выдавленной» с Балканского полуострова, хотя и сохранила свои позиции в Албании, Болгарии и Румынии. Таким образом было достигнуто определенное военно-политическое равновесие двух сверхдержав в этом традиционно крайне взрывоопасном по меркам не только Европы, но и всего мира, регионе.

Глава 5. Югославская «крамола»

Верный союзник

Суровое лихолетье Второй мировой войны народы Советского Союза и Югославии прошли рука об руку, как братья по оружию. При этом Советский Союз рассматривал рождавшуюся в огне войны Народную Югославию не только как соратника по борьбе с фашизмом, но и как идейного единомышленника.

В последние месяцы войны западные союзники, и прежде всего Великобритания, были не на шутку встревожены растущим влиянием советской идеологии и политики на Балканах. Британский Форин Оффис лихорадочно пытался определить действительные намерения советского руководства. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден отмечал 3 апреля 1944 г., что стратегические цели России могут предусматривать установление господства в Восточной Европе и даже в Средиземноморье. В меморандуме Форин Оффиса о политике СССР на Балканах от 7 июня 1944 г. отмечалось, что «русские стремятся к господствующему положению в Юго-Восточной Европе и используют руководимые коммунистами движения в Югославии, Албании и Греции для достижения этой цели»²⁹.

Лондон в тот период явно проигрывал Москве в стратегическом противоборстве за Балканы. Англичанам так и не удалось примирить под своим контролем две основные антифашистские силы в Югославии — партизан И. Тито и четников генерала Михайловича. Нежелание СССР сотрудничать с Англией в этом процессе проявилось уже весной 1942 г.

Когда британское правительство обратилось к советскому руководству с просьбой оказать давление на титовцев и побудить их к сотрудничеству с четниками, советское правительство отклонило эту просьбу под предлогом того, что не хочет вмешиваться во внутренние югославские дела. В июле 1942 г. советская сторона заявила, что генерал Михайлович — «коллаборационист, с которым любые переговоры не только бесперспективны, но и аморальны».

В ноябре 1943 г. Антифашистское вече Народного Освобождения Югославии приняло решение об образовании народного правительства во главе с маршалом И. Тито и о лишении эмигрантского правительства, находившегося в Лондоне, всех его прав. Однако вскоре после смены руководящего состава эмигрантского правительства англичанам удалось возобновить пусть формальные, но переговоры между ним и Москвой.

Первая встреча югославских партизан-титовцев и Сталина состоялась уже в марте 1944 г. По иронии судьбы, а может быть, вследствие определенной исторической закономерности, в составе югославской группы, прибывшей в Москву, находился Милован Джилас, знаменитый впоследствии диссидент. Он сыграл ключевую роль не только в разрыве Тито со Сталиным, но и в судьбе самого Тито, став первым антикоммунистом в рядах югославской партократии. Спустя годы Джилас написал прогремевшую на весь мир книгу «Беседы со Сталиным», которая стала одним из наиболее знаменитых свидетельств этой встречи. В те дни для Джиласа «Сталин был чем-то большим, чем просто великий полководец. Он являлся живым воплощением великой идеи, превратившимся в умах коммунистов в чистую идею и тем самым — в нечто

²⁹ British foreign policy in the Second World War. Vol. 3. L: H.M. Stat. off., 1971. P. 104.

несокрушимое и непогрешимое»³⁰. Однако вблизи Сталин-человек вызвал у Джиласа скорее разочарование. Свое первое впечатление от советского лидера он описывал так: «Волосы — редкие, хотя он и не полностью лыс. Лицо белое, с румяными щеками. Позднее я узнал, что этот цвет лица, столь характерный для тех, кто проводит много времени в служебных кабинетах, в высших партийных кругах именуется „кремлевским“. Зубы черные и редкие, вогнутые внутрь. Даже его усы не были густыми и жесткими»³¹.

На этой встрече Сталин заявил, что партизанам надо попытаться скрыть тот факт, что они планируют социалистическую революцию, и прежде всего не пугать этим англичан. В тактических вопросах югославы были готовы идти на компромиссы.

Одоблив для видимости (чтобы не обозлять и без того раздраженных западных союзников) соглашение между Тито и новым эмигрантским премьером И. Шубашичем, советские руководители в то же время отказались принять Шубашича в Москве. Советская сторона отказалась также назначить своего посла при эмигрантском правительстве.

Первая личная встреча Сталина и Тито состоялась в сентябре 1944 г. и носила тайный характер: на Западе о ней не знали. Обе стороны пришли к взаимопониманию в отношении стратегии борьбы за власть в послевоенной Югославии.

В октябре 1944 г. в Москву прибыл У. Черчилль, ничего, однако, не звавший о состоявшейся буквально накануне встрече Сталина с Тито. Английский премьер в беседе с советским вождем очень лестно отзывался о югославском партизанском лидере. Сталин не стал информировать его о том, что уже знает Тито лично.

На переговорах со Сталиным Черчилль добивался того, чтобы советское правительство взяло на себя обязательство воздерживаться от односторонних действий в Югославии. В поисках компромисса английский премьер предложил разделить сферы влияния в этой стране поровну. Черчиллю показалось, что Сталин принял это предложение. На переговорах в Москве было достигнуто соглашение и о создании в Югославии коалиционного правительства, в которое вошли бы не только представители Национального комитета во главе с И. Тито, но и члены королевского эмигрантского правительства, руководимого И. Шубашичем.

Однако вскоре стало ясно, что формальное соглашение далеко от реального положения дел.

Для народов Балканского полуострова Англия олицетворяла старый мир со всеми его интригами, коварством, несправедливостью и попытками откровенного вмешательства в дела народов этого региона. Советский Союз, напротив, давал модель нового строя, звал в прекрасное будущее.

Тито, уже не таясь, стал ориентироваться на Москву.

В апреле 1945 г. харизматический лидер Движения югославского сопротивления И. Броз Тито во второй раз прибыл в Москву. 11 апреля он подписал полномасштабный югославо-советский Договор о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве. 13 апреля 1945 г. было заключено первое торговое соглашение между СССР и Югославией. По просьбе югославской стороны в Югославию были направлены советские гражданские и военные специалисты. Москва не отказалась и от предоставления Югославии военной помощи в виде поставок оружия. В советских военных академиях и училищах появились югославские слушатели и курсанты.

На апрельской встрече Тито подтвердил свою готовность соблюдать все достигнутые с правительством Шубашича договоренности, однако Тито вскоре проявил строптивость и повел собственную игру. Шубашич, хотя и получил пост министра иностранных дел, уже в октябре 1945 г. демонстративно подал в отставку в знак протеста против грубого нарушения Тито достигнутых договоренностей.

Но Тито ни в каких договоренностях уже не нуждался. В ноябре 1945 г. его правительство одержало на выборах убедительную победу, хотя на Западе считали, что выборы были

³⁰ Джилас М. Беседы со Сталиным. Лондон, 1962. С. 56.

³¹ Там же. С. 59.

подтасованы³².

В этот «медовый» период взаимоотношений Москвы и Белграда Сталина настораживала лишь излишняя, на его взгляд, самостоятельность Тито. Но для этого было и оправдание: в отличие от всех других создававшихся «народных демократий», югославские партизаны сами, практически без посторонней помощи вырвали победу у немецких и итальянских захватчиков.

Несмотря ни на что, Сталин был доволен. Дружественная Югославия имела большое, в том числе и геополитическое, значение для Москвы. Прежде всего она открывала широкий выход к Средиземному морю. Сам факт существования социалистической Югославии резко повышал шансы на победу повстанческого движения в Греции, где активно действовала компартия. В Кремле уже вынашивалась идея образования на Балканах большой социалистической федерации. И в этом процессе продолжавшейся «мировой революции» Югославии отводилась едва ли не главная роль.

Из всех восточноевропейских стран, оказавшихся после Второй мировой войны в сфере советского влияния, югославский политический стиль более всего напоминал советский. Югославы одними из первых определили сущность своего государства как «народную демократию», но, не колеблясь, расценивали эту формулу в качестве простого варианта «диктатуры пролетариата». Их народно-освободительные комитеты имели много схожего с Советами. Народный фронт представлял собой не коалицию различных партий, а фактически являлся массовой организацией, чья программа не отличалась от программы коммунистов³³. Конституция, принятая в 1946 г., была создана под влиянием советской Конституции 1936 г., в особенности в части решения национального вопроса путем создания федеративной системы. Первый экономический план югославов был составлен в форме пятилетнего плана индустриализации и развития, который напоминал первую пятилетку в СССР. В концепциях югославских коммунистов соединялись идеи Ленина и Сталина, программные положения из эпохи деятельности большевиков и опыт последующих лет развития советского строя. В этом смысле югославский деятель Джилас имел все основания заявить Сталину, что правительство его страны является «в полном смысле слова советским по своему типу».

В Советском Союзе с одобрением наблюдали за деятельностью Коммунистической партии Югославии (КПЮ) по социальному обновлению страны. В ноябре 1947 г. газета «Правда», назвав процесс политического и экономического развития Югославии «изумительным „„ свидетелем о том, что страна идет к социализму „своим оригинальным, своеобразным путем“, воздала должное ее «выдающимся государственным деятелям».

Столь же высоко оценивалась и внешняя политика новой Югославии. Ее первые внешнеполитические шаги были направлены на установление как можно более тесных политических, экономических и культурных связей с СССР, а также с возникшими в Центральной и Юго-Восточной Европе социалистическими государствами. Действуя в первые послевоенные годы на международной арене солидарно с СССР, Югославия выступила с осуждением «доктрины Трумэна», отказалась участвовать в «плане Маршалла». В свою очередь СССР безоговорочно поддержал Югославию в решении ее спорных территориальных вопросов.

Ничто, казалось, не могло омрачить это редкостное единодушие. Тем не менее постепенно, месяц за месяцем, незаметно для внешнего глаза в советско-югославских отношениях накапливались сложности и противоречия. Между Кремлем и Белградом возникало взаимное раздражение, которому вскоре суждено было выплеснуться фонтаном ненависти.

Одним из раздражителей стала чрезмерная, без оглядки на Москву, активность Тито на балканской политической сцене.

³² H. Thomas. *Armed Truce: The Beginnings of the Cold War*. London: Hamish Hamilton, 1986. P.298.

³³ S. Clissold. *Yugoslavia and the Soviet Union. 1939—1973. A Documentary Survey*. London, 1975. P. 166—167.

Тито «показывает зубы»

Сразу после окончания Второй мировой войны в Европе, в мае 1945 г., Югославия едва не оказалась на грани вооруженного конфликта с западными союзниками. Кризис возник после того, как западные державы в ультимативной форме потребовали, чтобы части югославской армии покинули ряд освобожденных ею районов, входивших до войны в состав Австрии.

За Югославию заступилась Москва. По этому поводу И. Броз Тито высказался следующим образом: «Мы потребовали от СССР, Англии и Америки разрешить нам оккупировать Каринтию, как это делают союзники — Англия и Америка. Советский Союз поддерживает наше требование, но англичане и американцы даже не ответили нам».

Стремясь избежать эскалации ненужного кризиса, Сталин с 20 апреля согласился уступить югославской армии в качестве оккупационной зоны часть австрийской территории, которую занимали советские войска. 19 мая Тито отдал приказ своим войскам в Австрии «отступить на довоенную пограничную линию».

Но в отношении Истрии, Триеста и Словенского Приморья (входивших до войны в состав Италии), И.Б. Тито занял жесткую позицию. В ответе правительствам Великобритании и США Белград заявил, что «югославская армия как одна из союзных армий имеет равное с остальными союзными армиями право оставаться на территории, которую она освободила в ходе ожесточенных боев против общего врага». В период триестского кризиса, когда в отношениях Югославии с США и Англией создавалась, по словам одного из руководителей Югославии Э. Карделя, «настоящая военная атмосфера», Советский Союз однозначно поддержал Югославию. В самый разгар англо-американских военных приготовлений, когда западные союзники намеревались вытеснить югославские части с итальянской территории вооруженным путем, Москва предупредила их о возможных последствиях. 22 мая 1945 г. И. Сталин направил Г. Трумэну и У. Черчиллю послания, в которых советское правительство настаивало на том, чтобы в отношении территории Истрии — Триеста не было «допущено каких-либо действий, которые не будут полностью учитывать законные претензии Югославии и вклад, внесенный югославскими вооруженными силами в общее дело союзников в борьбе против гитлеровской Германии».

Именно в этот драматический момент И.Б. Тито в речи, произнесенной в Любляне 27 мая 1945 г., допустил политическое заявление, всерьез рассердившее Сталина: «Мы не будем платить по чужим счетам, мы не будем разменной монетой, мы не хотим, чтобы нас вмешивали в политику сфер интересов. Мы не будем больше ни от кого зависимыми, чтобы бы там ни писали и ни говорили. Нынешняя Югославия не будет предметом сделок и торгов». Расценив эту речь как «недружественный выпад против Советского Союза», Сталин поручил советскому послу в Белграде обратить внимание югославского руководства на недопустимость отождествления политики СССР с политикой западных стран. Его предостережение звучало следующим образом: «Скажите товарищу Тито, что если он еще раз сделает подобный выпад против Советского Союза, то мы вынуждены будем ответить ему критикой в печати и дезавуировать его».

Первая шероховатость не сказалась, однако, на тесном советско-югославском внешнеполитическом сотрудничестве. Защищая позицию Югославии в триестском вопросе, И. Сталин вновь вернулся к нему в своих посланиях Г. Трумэну (8 июня 1945 г.) и У. Черчиллю (21 июня 1945 г.). Во многом благодаря советской позиции Парижская мирная конференция пошла на компромисс: большая, восточная часть Юлийской Крайны передавалась Югославии, а меньшая, западная, получившая название Свободной Территории Триест, поступала под управление ООН.

27 мая 1946 г. Тито с большой делегацией прилетел в Москву в третий раз. Вопреки своим правилам (Сталин мог заставить высокопоставленных зарубежных гостей ждать несколько дней), Тито был принят в Кремле сразу же после приезда. Обе стороны словно соревновались в любезностях, дружелюбии, взаимных похвалах. Обсуждались прежде всего вопросы налаживания экономических связей между двумя странами, расширения военного сотрудничества, а также югославско-албанские отношения.

Кремлевский диктатор предложил идею создания в Югославии смешанных

советско-югославских экономических обществ. Тито без долгих размышлений согласился. Для него значительно более важным в тот момент был вопрос оснащения своей армии современным вооружением. Маршал Югославии, решивший содержать постоянную армию численностью около 400 тыс. человек, уже получил от Советского Союза в конце войны и сразу же после ее окончания вооружения и боевой техники, достаточной для укомплектования 32 дивизий. Однако он хотел большего.

Сталин фактически согласился со всеми просьбами югославов оказать помощь в создании у них собственной военной промышленности, не говоря уже о новых военных поставках из СССР. Более того, несмотря на послевоенную разруху, Москва пошла на предоставление Белграду сырья и других технических материалов на самых льготных условиях.

Когда были улажены основные дела, Сталин предложил участвующим во встрече поехать к нему на дачу в Кунцево, как он выразился, «закусить». Уже на кунцевской даче Тито вручил присутствовавшим советским руководителям дорогие подарки (платиновые и золотые часы, кольца с бриллиантами и т.д.), привезенные для дочери Сталина, жены и дочери Молотова, жен Микояна, Жданова, Берии, Булганина, Вышинского и др.

Вечер проходил в веселой дружеской атмосфере. Ближе к концу пиршества растроганный Сталин, обращаясь к Тито, громко сказал: «Береги себя, ибо я не буду долго жить, физические законы, а ты останешься для Европы»³⁴. Присутствующие встретили это многозначительное заявление гробовым молчанием: Сталин фактически объявил своего преемника по руководству социалистическим лагерем.

До отъезда Тито 10 июня 1946 г. Сталин еще несколько раз встречался с ним, обговаривая главным образом балканские дела (однажды и с участием и Г. Димитрова, приехавшего на похороны М.И. Калинина), а также вопросы учреждения Коминформа (Коммунистического информационного бюро). Последний в усеченной форме должен был реанимировать распущенный в 1943 г. Коммунистический Интернационал.

Вскоре после «кремлевской» встречи Тито, обиженный «второсортным», как ему казалось, отношением к себе западных союзников-победителей, вновь проявил строптивость. Без консультаций с Москвой он опять выдвинул территориальные претензии к Австрии: речь по-прежнему шла о присоединении австрийской территории — Словенской Каринтии — к территории Югославии. Это вызвало жесткий демарш западных столиц.

На этот раз Сталин был по-настоящему раздосадован. Ему не нужен был лишний повод для обострения и без того напряженных отношений с Западом. Но все-таки и теперь он решил поддержать Белград. 21 апреля 1947 г. на Московской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) советская делегация заявила, что она признает обоснованными предложения югославского правительства о воссоединении Словенской Каринтии со Словенией, входившей в состав Югославии.

В этой ситуации Сталин воспринял как личное оскорбление известие о том, что Тито для решения своих спорных территориальных вопросов, даже не уведомив его, вступил в тайные переговоры с Лондоном. 5 августа 1947 г. советский вождь выразил правительству Югославии свое неофициальное недовольство по поводу «закулисных переговоров за спиной Советского правительства» с представителями Англии по поводу югославских территориальных требований к Австрии, а также недоумение тем, что оно «не сочло нужным информировать об этом Советское правительство».

Инцидент, казалось, был исчерпан. Но обида осталась.

В конечном счете Белграду удалось достигнуть договоренности о гарантии защиты прав словенского и хорватского национальных меньшинств в Австрии, а также о передаче Югославии австрийской собственности, прав и интересов на югославской территории в качестве возмещения ущерба, причиненного Югославии в период оккупации.

Все, казалось бы, обошлось. Но в отношениях Москвы и Белграда уже и в помине не было былой теплоты.

Не исключено, что резкому ухудшению этих отношений способствовала и растущая

³⁴ Цит. по: Д. Волкогонов. Семь вождей. Кн. I. С.244—245.

ревность дряхлеющего Сталина к огромной популярности молодого, энергичного Тито в формировавшемся социалистическом лагере. В этом смысле показателен эпизод, имевший место в конце 1947 г. во время официального визита венгерского руководителя Ракоши в Москву. Сталин, любивший своими неожиданными вопросами ставить собеседников в трудное положение, внезапно спросил Ракоши, что тот думает о Тито и о Югославии.

Получив от собеседника исполненный восхищения ответ, Сталин встретил его холодным молчанием³⁵.

Балканская федерация социалистических стран

Роковую роль в советско-югославских отношениях могла сыграть идея, особенно близкая Сталину, — о создании на Балканах федерации социалистических стран. На протяжении 1945—1948 гг. эта тема то и дело становилась предметом острых дискуссий и обсуждений между советскими, югославскими и болгарскими руководителями. Проект имел свою предысторию.

5 октября 1944 г. Национальный комитет освобождения Югославии и правительство Отечественного фронта Болгарии заключили соглашение «О военном сотрудничестве в борьбе против общего врага, немецких оккупантов». Вслед за этим в ноябре 1944 г. стороны обменялись проектами соглашений о создании югославо-болгарской федерации. Речь шла фактически о едином государстве. Первоначально имелось в виду заключить соответствующие соглашения еще до конца 1944 г. Однако в ходе визита одного из политических руководителей Югославии Э. Карделя в Софию с 22 по 24 декабря 1944 г. выявились различные представления сторон о том, какой должна быть эта федерация.

Как вспоминал впоследствии другой сподвижник Тито, М. Пьяде, «болгары хотели иметь такую федерацию, в которой бы и Болгария, и Югославия были представлены каждая как одно целое. Все бы строилось на паритетной основе. И в правительстве, и в парламенте представительство было бы равным, т.е. половина болгар и половина югославов». Тито этот вариант не устраивал. Он исходил из другой политической формулы. По его мнению, раз в состав Югославии входили шесть федеративных республик (Сербия, Черногория, Хорватия, Словения, Македония, а также Босния и Герцеговина), то объединение должно было произойти по семичленному принципу: 6 югославских республик плюс Болгария. Формально все республики были бы равноправными, однако фактически Белград имел бы доминирующее положение. В конце января 1945 г. эти вопросы стали предметом трудных и острых переговоров в Москве, куда прибыли представители Югославии и Болгарии. Представителей обеих стран принимал сам Сталин. Однако переговоры не привели к устранению разногласий сторон по поводу структуры федерации: каждая из сторон осталась на своей позиции.

Тем временем в процесс государственного строительства на Балканах вмешалась Великобритания, которая наряду с СССР и США являлась членом Союзной контрольной комиссии в Болгарии. Когда в Лондоне узнали о ведущихся между Югославией и Болгарией переговорах, то не преминули выступить с резким протестом. 26 января 1945 г. Великобритания, ссылаясь на сохраняющийся до подписания мирного договора статус Болгарии как страны, воевавшей до сентября 1944 г. на стороне стран «оси», заявила, что «не одобрит создания федерации или конфедерации только между Болгарией и Югославией».

Однако для Сталина идея федерации была слишком привлекательной, чтобы так просто от нее отказаться.

Во время встречи с Тито в мае — июне 1946 г. Сталин вновь поднял вопрос об объединении балканских стран в «единый фронт» с СССР. Первоочередной необходимостью он считал создание единого государства для Югославии, Албании и Болгарии.

Тито выразил согласие принять в Федерацию Албанию, но с Болгарией, заметил он, «ничего не выйдет». Сталин бросил жесткую реплику: «Это нужно сделать», — и продолжал настаивать: «На первых порах можно ограничиться пактом о дружбе и взаимной помощи, а по существу делать нужно больше». Тито промолчал. Для осторожной позиции Тито по этому

³⁵ L. Murcou. Le Kominform. Le coimmisme de guerre froide. Paris, 1977. P. 203.

щекотливому вопросу были основания.

С албанцам и, в отличие от Болгарии, у Бел града сложились доверительные отношения. Еще со времен войны КПЮ стала играть по отношению к созданной в 1941 г. компартии Албании попечительскую роль, которая сохранилась и после прихода к власти в этих странах коммунистов. Югославия еще 28 апреля 1945 г. первой признала народное правительство Албании. А 9 июня 1946 г., сразу после московских переговоров Тито, между Югославией и Албанией был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи. В соответствии с этим договором Югославия взяла на себя международно-правовое обязательство защищать независимость Албании. В рамках этого договора по просьбе правительства Албании Югославия приняла решение направить в южную часть соседней страны еще одну дивизию в дополнение к уже находившемуся там авиаполку для защиты албано-греческой границы. Эти действия не замедлили вызвать протест на Западе.

Сталин воспринял происходящее болезненно, как еще один, не слишком подходящий повод для усиления конфронтации с Западом. Недовольство советского вождя было вызвано и тем, что решение вновь было принято без предварительного согласования с Москвой. Сталин на этот раз не принял объяснений Белграда о том, что войска оказались там для защиты Албании от греческих «монархо-фашистов». Молотов в своей телеграмме пригрозил ни больше ни меньше как официальным разрывом отношений между двумя странами.

Несколько смягчил Сталина лишь приезд в Москву албанского лидера Ходжи³⁶. Первая встреча Э. Ходжи с кремлевским лидером состоялась в июле 1947 г. Гостя поразило все: и просторы кабинета, и мягкая обходительность хозяина, и категоричность его суждений. Особый восторг албанского лидера вызвало решение Сталина предоставить Тиране все вооружение бесплатно.

Вскоре появился новый повод для взаимного недовольства между Москвой и Белградом. Столкнувшись с усилившимся давлением Запада и неуступчивостью Тито, Сталин был вынужден пойти на компромисс в отношении федеративного проекта. Он был готов, не отказываясь от идеи федерации, вначале удовлетвориться заключением мирного договора между Югославией и Болгарией, но не оглашать его официально до тех пор, пока не отпадут все ограничения, связанные с Болгарией.

С учетом этого Г. Димитров и И. Тито решили не предавать гласности текст Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Югославией и Болгарией, согласованного ими в ходе проходивших в Белграде с 30 июля по 1 августа 1947 г. переговоров. Однако в официальном протоколе об итогах переговоров был обнародован факт согласования Договора.

В августе 1947 г. Сталин раздраженно заявил Тито, что фактическое парафирование без ведома СССР югославо-болгарского договора до вступления в силу мирного договора с Болгарией он считает «недопустимым забеганием вперед», могущим спровоцировать «империалистическую реакцию».

На фоне ухудшающихся отношений с Тито Сталин не только остыл к идее создания социалистической федерации, но и переменял свое отношение на противоположное: ему ни к чему был европейский конкурент в лице усиленной, федеративной Югославии.

В этой обстановке роль искры в назревающем конфликте сыграла знаменитая пресс-конференция Димитрова в январе 1948 г. Болгарский руководитель находился в тот момент в Бухаресте, где его принимали не просто торжественно, а с триумфом. Он прибыл в Румынию для подписания Договора о дружбе между двумя странами. На обратном пути Димитров дал пресс-конференцию журналистам, на которой назвал вопрос федеративного объединения восточноевропейских социалистических стран «несвоевременным», но тут же поспешил добавить: «Когда вопрос созреет, а это, безусловно, будет, наши народы, страны народной демократии (Румыния, Болгария, Югославия, Албания!) решат его. Им надлежит решить, что это будет — федерация или конфедерация, когда и как она будет создана. Можно сказать, что то, что делают сейчас наши народы, в значительной мере облегчает разрешение

³⁶ Ходжа Энвер. Со Сталиным. Воспоминания. Тирана, 1957. С.33—52.

этого вопроса в будущем»³⁷.

Г. Димитров имел за своими плечами огромный политический опыт; он не мог не понимать, что выступает с инициативой колоссально важной и одновременно чрезвычайно рискованной. Он прекрасно понимал, что реализация проекта создания федерации весьма проблематична — слишком различны народы, которые в ней предлагалось объединить. Такая идея уже была в старой программе Коминтерна, но касалась она лишь Балканского полуострова³⁸. Димитров сознавал, сколь «несвоевременными» были условия для такой федерации. И все же он выдвинул свою идею, предложив участвовать в ее реализации всем восточноевропейским странам в равной степени, исключая СССР. Более того, к своему проекту он добавил также программу тесной экономической интеграции. Это была совершенно новая концепция. И вновь она была высказана без предварительных консультаций с советскими руководителями, без предварительного одобрения Кремля.

Предложение Димитрова вызвало гнев у Сталина. Он усмотрел в его инициативе и в нарастающей дипломатической активности Тито контуры реальной оппозиции внутри создаваемого с таким трудом социалистического лагеря. Газета «Правда», официальный рупор Кремля, подвергла Димитрова резкой критике и выразила неудовольствие его «проблематичными и фантастическими „федерациями“ и „конфедерациями“.

К) февраля 1948 г. в Москве состоялась тяжелая, нервная встреча Г. Димитрова с советскими руководителями. На ней присутствовала и югославская делегация во главе с Э. Карделем. Тито на встречу не приехал. Разговор вел только Сталин. Он обвинил Димитрова в том, что тот ведет себя как глава несуществующего Коминтерна. А затем задал свой главный вопрос: «Федерация с кем и против кого?»³⁹ Какие-либо попытки создать в Восточной Европе коалицию или иную другую единую для восточноевропейских государств структуру должны были, по мнению Сталина, осуществляться только под эгидой Советского Союза, и никаким иным путем.

Спустя более 30 лет после разрыва со Сталиным, когда Тито уже доживал свои последние дни, загребское телевидение показало эту встречу 1948 г. в трагикомедии под названием «Большой напор».

Вот как описывает ее югославский исследователь В. Дедиер: «Встреча началась в 21.15. Сталин сидел во главе стола, а справа от него расположились Молотов, Маленков, Жданов, Суслов, Зорин. Слева от Сталина сидели Димитров, Коларов и Костов, а далее югославы — Кардель, Джилас, Бакарич. Встречу открыл Молотов, который сразу же, во вступлении, сказал, что существуют серьезные расхождения между Советским Союзом, с одной стороны, и Югославией, Болгарией — с другой, и что это недопустимо с партийной и государственной точек зрения. Молотов перечислил эти расхождения. Он назвал сначала заключение югославо-болгарского договора о союзе, затем заявление Димитрова о федерации восточноевропейских стран и балканских государств, включая Грецию, и, в-третьих, Албанию.

Когда Молотов перешел ко второму вопросу, вызвавшему недоразумения, и коснулся случая с заявлением Димитрова о федерации и таможенной унии, Сталин прервал Молотова и сказал: «А все, что говорит Димитров, что говорит Тито, за границей воспринимается как сказанное с нашего ведома».

Сталин вел беседу в крайне резких и грубых тонах, высказывая свое крайнее недовольство тем, что югославские и болгарские руководители действуют без консультаций с СССР, ставя его перед свершившимися фактами. Раскритиковав идею создания федерации с включением в нее всех восточноевропейских стран, И. Сталин высказался за немедленное провозглашение федерации между Югославией и Болгарией, имея в виду, что впоследствии к ней

³⁷ «Правда», 23 января 1948 г.

³⁸ L. Marcou. Le Kominform. Le communisme de guerre froide. Paris, 1977. P. 181—183.

³⁹ J. Merot. Dimilrov, un revolutionnaire de notre temps. Paris, 1972. P.220.

присоединится Албания. «Этот вопрос созрел», — повторил он свою любимую фразу.

Э. Кардель признал, что с болгаро-югославским договором, возможно, была проявлена спешка. В то же время он напомнил, что проект договора был своевременно направлен правительству СССР и что во внешней политике между СССР и Югославией нет расхождений. Кардель сказал, что он не помнит ни одного внешнеполитического вопроса, по которому югославское правительство не консультировалось бы с советским.

На это Сталин грубо ответил: «Неверно, вы вообще не консультируетесь».

В связи с направленностью югославско-болгарского договора «против любой агрессии, с какой бы стороны она ни исходила», он заметил: «Но ведь это же превентивная война. Это обычная громкая фраза, которая только дает пищу врагу».

Оправдывая намерение направить в Албанию югославскую дивизию, Э. Кардель утверждал, что этот шаг не представляет угрозы миру. Он вновь напомнил, что еще раньше по просьбе албанского правительства туда был направлен югославский авиаполк, и это не вызвало никаких осложнений. Сталин возразил и по этому поводу.

Хотя он был гораздо более резок с Димитровым, чем с югославами, Сталин прекрасно отдавал себе отчет, что подлинным препятствием для его намерений является Белград, а не София.

Димитров стоял во главе страны, потерпевшей в войне поражение, успех повстанческого движения в которой стал возможным только с приходом Советской Армии. За Тито стояло государство, рожденное в долгой и победоносной освободительной борьбе.

Джилас, присутствовавший на встрече в Москве, так прокомментировал происходящее: «Стало очевидно, что для советских лидеров с их великодержавным менталитетом, никогда не забывавших о том, что Красная Армия освободила Румынию и Болгарию, заявления Димитрова и строптивость Югославии были не только ересью, но и отрицанием „священного права“ Советского Союза. Димитров сделал попытку оправдаться, но Сталин без конца прерывал его, не давая закончить».

И общий нелицеприятный вывод: «Сталин наконец проявил свое истинное лицо. Его мудрость обернулась грубостью, а отстраненность — нетерпимостью».

Сталин тем временем продолжал настаивать на создании федерации Югославии, Болгарии и Албании:

«Такую федерацию необходимо создавать, и чем скорее, тем лучше. Да, если это возможно, то даже завтра! Давайте немедленно согласуем это».

Один из югославов заметил, что уже готовится проект федерации Югославии с Албанией, но Сталин тут же одернул его: «Нет, сначала федерация Болгарии—Югославии, а затем обеих с Албанией». И затем добавил, противореча ранее выдвинутому обвинению против Димитрова: «Мы думаем, что нужно создать федерацию, объединяющую Румынию с Венгрией, а также Польшу с Чехословакией».

Из всего этого Джилас заключил, что Сталин планировал объединить Советский Союз с «народными демократиями»: Украину с Венгрией, Белоруссию с Польшей и Чехословакией, а саму Россию — ни больше ни меньше с балканскими государствами.

В отличие от болгарской стороны, которая согласилась с предложением Сталина о безотлагательном создании болгаро-югославской федерации, Э. Кардель уклонился от конкретного ответа, сославшись при этом на необходимость проинформировать Политбюро ЦК КПЮ по этому вопросу. Этим он вновь вызвал недовольство Сталина.

По итогам встречи 11 февраля 1948 г. были подписаны соглашения СССР с Болгарией и Югославией о необходимости предварительных консультаций по всем внешнеполитическим вопросам.

Вскоре по возвращении Карделя и Джиласа из Москвы Тито созвал заседание Политбюро, куда пригласил нескольких старых коммунистов. Он обрисовал ситуацию, сложившуюся вокруг разногласий с Советским Союзом, особо подчеркнув отказ СССР подписать договор о торговле. Объявив о том, что отношения между двумя странами зашли в тупик, Тито неожиданно добавил: «Если они и дальше будут проводить по отношению к нам такую политику, я подам в отставку».

В отставку Тито, конечно, не подал, но подобная реплика свидетельствовала о

серьезности сложившегося положения.

Болгарского руководителя Г. Димитрова эти политические коллизии в скором времени перестали волновать: в 1949 г. он умер в одной из московских клиник. Болгарское правительство обратилось в ЦК КПСС с просьбой о бальзамировании его тела. Эту работу успешно выполнил академик Б.И. Збарский.

Страсти накаляются

Тем временем в отношениях Москвы и Белграда все более отчетливо стали проявляться разногласия и по другим вопросам. Прежде всего в области экономического сотрудничества.

В начале февраля 1947 г. были подписаны два соглашения о создании югославо-советского дунайского пароходного акционерного общества и югославо-советского общества гражданской авиации. Однако формирование других обществ застопорилось. Отмечая, что эта форма экономического сотрудничества «превратилась в источник трений и определенной раздражительности между нашим и советским правительствами», что «советские специалисты обладали всей полнотой власти», югославским же отводилась неравноправная подчиненная роль, а это «вызывало постоянные споры», Э. Кардель писал в своих мемуарах: «В таких условиях мы чувствовали себя не только оттесненными на задний план и низведенными до положения зависимости от советского партнера, но и в положении эксплуатируемого». В конце концов Сталин пошел на компромисс и, принимая 19 апреля 1947 г. Карделя, предложил отказаться от этой формы сотрудничества.

Но вскоре острые трения возникли вокруг статуса, в том числе финансового, советских военных и гражданских специалистов в Югославии.

Советские специалисты стали направляться в Югославию по просьбе югославского правительства с октября 1944 г. И уже в ноябре 1944 г. одним из югославских руководителей, а именно М. Джиласом, было допущено высказывание о том, что «советские офицеры в моральном отношении находятся ниже офицеров английской армии». Выразив недоумение по поводу того, что «отдельные инциденты и неправильные поступки некоторых офицеров и солдат Красной Армии обобщаются и распространяются на всю Красную Армию». Спалин писал Тито: «Так не может оскорбляться армия, которая помогает вам изгонять немцев и которая обливается кровью в боях с немецкими захватчиками». За свое высказывание М. Джилас был вынужден принести извинения лично Сталину.

Произошло это следующим образом. Через несколько месяцев после освобождения Белграда, зимой 1944/45 г., Сталин принял югославскую делегацию, в состав которой входил и Джилас. На обеде в Кремле Сталин подверг критике действия югославской армии, затем обрушился с критикой на самого Джиласа.

Вот как описывает тот выступление Сталина: «Он эмоционально рассказывал о страданиях, перенесенных Красной Армией, об ужасах, выпавших на долю русских солдат во время вынужденных тысячекилометровых переходов через разрушенную страну. Он даже заплакал, выкрикнув: «И такую армию никто не смел оскорблять, кроме Джиласа! Джиласа, от которого я меньше всего ожидал чего-нибудь подобного, от человека, которого я так тепло принимал.

А армия не жалела крови ради вас! Может быть, Джилас, который сам является писателем, не знает, что такое человеческое страдание и человеческое сердце? Неужели он не понимает, что если солдат, прошедший тысячи километров среди крови, огня и смерти, и побалуется с женщиной или возьмет себе что-нибудь — это пустяк?»

Сталин провозгласил тост, снова прослезился, после чего поцеловал жену Джиласа, подтверждая тем самым привязанность к сербскому народу, и вслух громко выразил надежду на то, что этот его жест не повлечет за собой обвинений в изнасиловании.

Нападки на Джиласа со стороны Сталина продолжились и в следующий приезд югославской делегации в марте 1945 г. На банкете и честь заключения советско-югославского договора о дружбе Сталин стал грубо подшучивать над Джиласом за то, что тот не притрагивается к спиртному: «Да ведь он совсем как немец — пьет пиво! Да ведь он немец!»

С этими словами Сталин протянул Джиласу фужер с водкой, настаивая на том, чтобы тот

поддержал тост. Джилас был вынужден принять огромный фужер, предполагая, что за этим последует тост за Сталина. «Нет, нет, — сказал Сталин. — Всего лишь за Красную Армию. Что, не будешь пить за Красную Армию?» Все это не могло не оставить у югославы крайне неприятного осадка.

Впоследствии вопрос о советских гражданских и военных специалистах, в том числе о так называемом их «привилегированном положении» и вмешательстве во внутренние дела Югославии, был предметом неоднократного обмена мнениями между советскими и югославскими представителями. По утверждению Э. Карделя, недовольство вызывало то, что советские специалисты «чрезмерно навязывают свои взгляды», «не учитывают специфику», «игнорируют мнение югославских партнеров», и это приводит к ссорам и трениям.

Масло в огонь подлили усилившиеся подозрения югославских руководителей в том, что Москва налаживает в их стране широкую разведывательную сеть. И действительно, основания для таких подозрений были.

В начале 1945 г. из Москвы в Белград прибыла киносъемочная группа фильма о партизанах с романтическим названием «В горах Югославии». Хотя актеру, игравшему Тито, отводилась в фильме главная роль, в сценарии имелся некий русский герой, выступавший в роли едва ли не главного военного советника партизан, предопределившего в конечном счете их боевые успехи.

При просмотре уже отснятого фильма Тито «охватил гнев и стыд, когда он понял, какой второстепенной оказалась его роль как в сюжете фильма, так и в контексте истории»⁴⁰.

Более того, вскоре стало известно, что советские специалисты использовали съемки фильма для создания в Югославии советской разведывательной сети. В составе киногруппы находились офицеры советской разведки, которые, путешествуя по всей стране в течение нескольких месяцев, занимались вербовкой югославских граждан. К началу 1945 г. в ЦК компартии Югославии стали поступать донесения от югославских коммунистов, которых просили или вынуждали собирать разведывательную информацию в пользу Советского Союза. Дело дошло до прямого противостояния между советником НКГБ в Белграде генерал-лейтенантом Тимофеевым и руководителем службы безопасности в югославском правительстве А. Ранковичем, жестким и бескомпромиссным по натуре человеком.

Наконец, произошел случай, заставивший Тито выйти из себя: НКГБ попытался завербовать Душицу Перович, которая руководила югославской службой криптографии⁴¹.

Парадокс ситуации, однако, заключался в том, что Тито и сам не брезговал обращаться к методам советских органов госбезопасности. После окончания войны так называемое Бюро народной защиты (ОЗНА), позднее переименованное в Управление государственной безопасности (УДБА), во главе с тем же А. Ранковичем, развязало фактически кампанию террора против «четников» Михайловича и других политических противников режима. Самого Михайловича поймали в 1946 г., после того, как один из его командиров, схваченный и завербованный ОЗНА, выманил его из тайного убежища. После показательного суда Михайлович был казнен.

Очевидец тех событий, английский обозреватель Ф. Уоддамс писал в 1946 г.: «ОЗНА осуществляла полный контроль над жизнью, свободами и собственностью всех граждан, и, если она решала кого-то арестовать, бросить в тюрьму без суда, выслать или „уничтожить“, никто не мог протестовать или спрашивать о причинах. В этом причина всеобщего ужаса населения»⁴².

В начале 1947 г. югославские «компетентные» органы приняли решение запретить государственным и партийным учреждениям Югославии на уровне ниже ЦК КПЮ и федерального правительства предоставлять экономическую информацию особо важного

⁴⁰ M. Djilas. Rise and Fall. London: Macmillan, 1985. С. 286.

⁴¹ Там же. Р. 32, 83—86.

⁴² Цит. по: N. Beloff. Tito's Flawed Legacy. London: Victor Gollancz, 1985. Р. 133—134.

характера советским представителям. Это было расценено Сталиным как попытка поставить местные органы власти в Югославии под контроль и надзор органов безопасности, установить за ними слежку. Позднее именно это решение югославских центральных властей обусловило столь серьезные противоречия в межгосударственных отношениях СССР и Югославии, что в конце концов привело к их фактическому разрыву.

Как вспоминал И.Б. Тито, он впервые почувствовал, что в отношениях между двумя странами имеются определенные недоверие или недоразумения, только в 1947 г., когда «нас начали обвинять в недружественном отношении к советским специалистам».

Но даже в начале 1948 г., когда до жесткой конфронтации с Советским Союзом оставалось всего лишь несколько месяцев, никто даже не подозревал о ее возможных масштабах. Ведь еще в сентябре 1947 г. на первой встрече Коминформа Югославию ставили в пример другим, менее решительным партиям, слишком осторожничающим в проведении социалистических реформ. Не случайно Белград был избран в качестве места пребывания секретариата Коминформа.

Однако разрыв отношений с СССР был уже неизбежен.

Встреча югославских руководителей со Сталиным в январе — феврале 1948 г. окончательно дезавуировала все положительное, что было накоплено в отношениях двух стран.

Переговоры в Москве вел Джилас, к которому позднее присоединился Э. Кардель. Сам Тито приехать отказался, сославшись на нездоровье. Возможно, он вспомнил о судьбе своего предшественника — генерального секретаря КПЮ Горкича, приехавшего в Москву в 1937 г. и так оттуда и не вернувшегося. Переговоры были очень трудными. Югославская делегация возвратилась в Белград с тяжелым чувством.

На расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ 1 марта 1948 г. Кардель рассказал о сути высказываний Сталина и Молотова, отметив грубый тон критических замечаний в адрес Югославии. В заключение своего доклада Кардель заявил: «Наша политика в отношении СССР остается и далее неизменной, но мы должны строго заботиться об интересах нашей страны. Мы считаем неправильным, когда у нас некоторых людей вербует на работу советская разведслужба в качестве агентов».

На заседании высказывались множественные претензии в адрес Советского Союза: «русские не хотят идти нам навстречу в вопросах вооружения армии»; они утверждают, что «нам не нужна сильная армия»; они «не хотят публиковать статьи о нашей стране»; в Москве отложили подписание очередного торгового соглашения на декабрь 1948 г.

Тито, констатируя, что отношения ФНРЮ с СССР «зашли в тупик», заявил: «На нас оказывается экономическое давление. Мы должны выдержать это давление. Речь идет о независимости нашей страны. Мы не пешки на шахматной доске. Мы должны ориентироваться только на собственные силы». Подчеркнув, что у Югославии нет разногласий с СССР в сфере внешней политики, югославский лидер высказался против создания федерации с Болгарией. Он заявил, что сам замысел этой федерации «напоминает троянского коня».

Сталин выходит из себя

Москва была в курсе всего того, что происходило на заседании Политбюро ЦК КПЮ. Один из участников этого заседания — министр финансов, член Политбюро ЦК КПЮ С. Жуйович — доверительно сообщал советскому послу в Югославии о том, что происходит на заседаниях Политбюро. Как подчеркивает итальянский исследователь Дж. Боффа, «Сталин был проинформирован о ходе событий присутствовавшим на заседании С. Жуйовичем, поэтому он сделал следующий шаг: из Югославии были отозваны все военные и гражданские советники. Свое решение от 18 и 19 марта советское правительство мотивировало тем, что они окружены „недружелюбием“».

Тито написал в Москву письмо, в котором попытался в мягкой, сдержанной манере доказать, что недружественного поведения югославов по отношению к советским специалистам нет. Советский ответ, адресованный «товарищу Тито и другим членам ЦК КПЮ», был подписан Молотовым и Сталиным — именно в такой последовательности.

Их письмо состояло из двух явно различных частей. В первой содержались жалобы на

атмосферу недоверия и враждебности, какой были окружены в Югославии советские советники, — вопрос хотя и болезненный, но второстепенный.

Зато во второй части шла сокрушительная критика стиля руководства и работы КПЮ; Как следовало из письма, КПЮ не может называться ни демократической, ни большевистской, так как она возглавляется руководителями, подобранными методом кооптации, и поставлена под контроль полиции. Помимо того, партия практически растворена в Народном фронте.

Наконец, Тито и его сторонники, по мнению Сталина и Молотова, отказались от классовой борьбы, допустив широкое развитие «капиталистических элементов в деревне и городе».

Содержание письма было откровенно вызывающим и во многом несправедливым по отношению к адресату. Обвинения, выдвинутые против руководства югославской компартии, свидетельствовали об особой болезненности сложившейся ситуации для Сталина: ранее он не «опускался» до грубых «разгонов» в адрес зарубежных компартий, предпочитая «парить» над схваткой, руководить процессами из-за кулис.

Что же касается других обвинений, то их целью было прежде всего подорвать представление о Югославии как о стране, дальше всех продвинувшейся по пути строительства социализма, на чем основывался ее престиж в коммунистическом движении, привлекательность югославской модели строительства социализма для других стран народной демократии. Письмом была начата общая атака на внутреннюю и внешнюю политику югославских коммунистов, и прежде всего за то, что те тайком позволяют себе критиковать Советский Союз за якобы «гегемонистские тенденции по отношению к народным демократиям».

В послании перечислялись факты, вызывающие недовольство советского правительства и ВКП(б) и ведущие к ухудшению отношений между СССР и Югославией:

тайные, закулисные, антисоветские высказывания «среди руководящих товарищей в Югославии» в стиле Троцкого о «вырождении ВКП(б)», о «великодержавном шовинизме» в политике СССР и др.;

полулегальное положение КПЮ, в которой не чувствуется внутрипартийной демократии, критики и самокритики, ввиду чего такая ее организация не может считаться «марксистско-ленинской, большевистской»;

отсутствие в КПЮ духа политики классовой борьбы, ее растворение в Народном фронте;

рост капиталистических элементов на селе и в городе;

приверженность «гнилой оппортунистической теории мирного вращивания капиталистических элементов в социализм, заимствованной у Бернштейна, Фольмара, Бухарина»;

пребывание на посту заместителя министра иностранных дел Югославии «английского шпиона Велебита», что «лишает возможности Советское правительство вести открытую переписку с югославским правительством через министерство иностранных дел Югославии».

В письме утверждалось, что югославское руководство способствовало созданию атмосферы недоверия и враждебности вокруг советских специалистов, не дало должного отпора попыткам дискредитировать Советскую Армию.

При этом дата письма, подписанного Молотовым — Сталиным 27 марта 1948 г. — по незнанию или умышленно носила оскорбительный для югославов характер: семь лет назад именно в этот день началось германское вторжение в страну, вызвавшее ее последующее расчленение и гибель полутора миллионов жителей.

Э. Кардель впоследствии говорил: «Тогда мы не могли даже представить себе, что наши мнения так рассердят Сталина. Конечно, мы понимали, что Сталин будет недоволен нашими позициями. Но нам даже во сне не могло присниться, по крайней мере лично мне, что он поступит так резко, как он поступил».

Мы считали, что в действительности речь шла не о таких уж больших различиях в позициях, которые могли бы в принципе вызвать конфликт, а тем более обострение межгосударственных отношений».

31 марта, через четыре дня после обращения к Тито, Сталин допел содержание своего письма до сведения руководителей других партий, входивших в Коминформ. Он предлагал им занять определенную позицию в этом вопросе. В течение апреля советскую сторону приняли

болгары, венгры, поляки, румыны, чехо-словаки. В мае к ним присоединились итальянская и французская компартии.

Кроме осуждения позиции югославов, все они безоговорочно поддерживали и два других тезиса. Во-первых, СССР и его партии по праву принадлежит руководящая роль как внутри коммунистического движения, так и в формирующемся социалистическом лагере. И во-вторых, тенденции в партиях, аналогичные тем, который получили развитие в Югославии, объявлялись опасными, и выражалось намерение вести с ними бескомпромиссную борьбу.

Сталин бросил на чашу весов весь свой колоссальный личный авторитет и огромное уважение, которое коммунисты в разных странах мира испытывали к Советскому Союзу. В результате он добился двойной цели: изолировал югославских «отступников» и пресек какие бы то ни было возможности возникновения альтернативы советской модели партийно-государственного устройства. Одновременно Сталин утвердил свою гегемонию в мировом коммунистическом движении, лишней раз показав, «кто в доме хозяин»...

Ситуация была настолько острой, что Тито решил созвать пленум ЦК — первый с 1940 г., то есть с тех пор, как он возглавил руководство КПЮ.

Пленум высказал политике Тито практически полную поддержку. Против выступили просоветски настроенный Жуйович, который имел тесные связи с «советскими товарищами», и председатель плановой комиссии Хебранг. Для изучения их деятельности тут же была образована специальная комиссия.

По результатам работы комиссии, представившей свой доклад 9 мая, оба «диссидента» были выведены из состава ЦК КПЮ, исключены из рядов партии и сняты с занимаемых ими государственных постов. Их дело было передано в органы госбезопасности для «расследования преступления против государства и его безопасности, выразившегося в раскрытии государственной и партийной тайны».

Впрочем, судьба обоих была решена значительно раньше — в кабинете Тито. Уже в апреле Жуйович и Хебранг были подвергнуты аресту по обвинению в попытке «осуществить внутренний путч в ЦК КПЮ». Несмотря на активные и настойчивые требования Москвы, ЦК югославской компартии отказал представителям ЦК ВКП(б) в возможности участвовать в расследовании их дела.

Позже было объявлено, что А. Хебранг в тюрьме покончил жизнь самоубийством. С. Жуйович пробыл в тюрьме без суда и следствия вплоть до 1950 г.

Упорство югославского руководства вызывало у Сталина стремление во что бы то ни стало наказать его «за непослушание». Переписка с югославской компартией становилась острее. Во втором письме от 4 мая 1948 г. в адрес ЦК КПЮ Сталин обрушился с оскорблениями на И. Броз Тито и некоторых его ближайших соратников, обвинил их «в непомерной амбициозности», «детских уловках голословного отрицания фактов и документов», пытался принизить вклад Югославии в разгром фашизма. В послании решительно отвергался тезис о том, что «советские люди вербуют югославских граждан».

Отклонив югославское предложение прислать в страну представителей ЦК ВКП(б) для переговоров на месте, Сталин высказался за необходимость обсудить вопрос «принципиальных разногласий» на ближайшем заседании Информбюро. В Белград было направлено сухое официальное приглашение на заседание Информбюро.

В ответном письме 17 мая 1948 г. ЦК КПЮ сообщил, что не может согласиться с необходимостью обсуждения создавшегося положения в Информбюро.

22 мая 1948 г. ЦК ВКП(б), оценив отказ явиться на заседание Информбюро «как переход на путь раскола единого социалистического фронта стран народной демократии и Советского Союза», поставил ЦК КПЮ в известность, что вопрос о положении в КПЮ будет обсужден на заседании Информбюро во второй половине мая независимо от участия югославских представителей.

ЦК КПЮ высказался за обсуждение спорных вопросов посредством прямых контактов между ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ в Югославии.

Белграду наметнули, что в заседании будет принимать участие сам Сталин.

Тито ответил, что не приедет ни при каких обстоятельствах.

Советский Союз повторно направил приглашение, а фактически требование прибыть на

предстоящее совещание Коммунистического информационного бюро в Бухаресте. Ехать или не ехать на это совещание стало главным вопросом, разделившим югославское руководство либо на приверженцев Тито, либо на сторонников Сталина — последних впоследствии стали именовать «информбюровцами».

Показателен для того тревожного июня разговор Джиласа с партийным функционером Б. Нешковичем, вскоре примкнувшим к «информбюровцам». Джилас пишет: «Он уверял меня в том, что просто не может быть, чтобы одно социалистическое государство напало на другое, тогда как я придерживался иной точки зрения. Я говорил, что, если это произойдет, это будет означать распад марксистской идеологии и коммунизма как мирового движения. Мы еще немного продолжили нашу дискуссию.

— Будем воевать с ними, — категорично заявил я.

— С Красной Армией? Нет, вести войну против Красной Армии я не буду».

В тот же день после обеда Джилас обсуждал ту же тему с Тито. В какой-то момент, когда встал вопрос о возможности советского вторжения. Тито воскликнул: «Умрем на родной земле! По крайней мере, хоть память о нас останется».

Совещание Информбюро состоялось в последней декаде июня 1948 г. в Румынии без представителей КПЮ. Как и в случае с письмом Молотова — Сталина, дата проведения мероприятия носила достаточно провокационный характер, по крайней мере в глазах сербов. 28 июня, в день святого Вита, отмечается годовщина трагической битвы при Косово, которая повлекла за собой мять веков турецкого владычества над сербским народом.

В принятой на совещании Коминформа резолюции «О положении в Коммунистической партии Югославии», опубликованной 29 июня 1948 г., руководители КПЮ были обвинены во всех, с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, смертных грехах. Им ставились в вину отождествление внешней политики СССР и капиталистических стран; непризнание марксистской теории классов и классовой борьбы в переходный период»; проведение неправильной политики в деревне, отказ от национализации земли, от ликвидации кулачества как класса; принижение роли рабочего класса, ликвидаторские тенденции в отношении КПЮ; насаждение «позорного, чисто турецкого, террористического режима»: переход КПЮ на путь национализма и разрыва с ее интернационалистскими традициями.

Составленная в грубом тоне и крайне оскорбительных выражениях, эта резолюция заканчивалась призывом к «здоровым силам КПЮ, верным марксизму-ленинизму», «сменить нынешних руководителей КПЮ и выдвинуть новое интернационалистское руководство КПЮ». Это говорило о том, что Сталин окончательно отказал Тито и его ближайшему окружению в политическом доверии.

Таким образом конфликт, который до этого держался в тайне, был предан широкой огласке. Пути к примирению были отрезаны окончательно.

Но Тито вызов принял. Уступить требованиям Сталина в сложившейся ситуации означало не что иное, как поступиться частью суверенитета. На это Тито пойти не мог и не хотел. Однако и открытая схватка со Сталиным казалась равнозначной политическому самоубийству. И все же Тито решил идти ва-банк.

Югославские лидеры оказались в серьезнейшей ситуации, из которой нашли достойный выход. Тито перевел спор из межпартийной области в межгосударственную. Одна из сторон была великой державой, а другая — малой страной. В результате межгосударственный спор принял форму отстаивания Югославией своего национального достоинства, суверенитета, независимости. Эти принципы, по мнению Тито, имели важнейшее значение в отношениях между социалистическими государствами. Его ответ от 13 апреля пункт за пунктом опровергал все обвинения советского вождя.

В периоде 1 по 10 июля 1948 г. почти все коммунистические и рабочие партии приняли соответствующие документы в поддержку резолюции Информбюро, что поставило КПЮ в положение полной изоляции.

Тито отреагировал энергично и смело, продемонстрировав голословность и необоснованность многих выдвинутых против Белграда обвинений. В Югославии, как и в других европейских странах, в наибольшей степени пострадавших от войны, условия жизни были трудными, и, конечно, существовало много причин для недовольства населения. Но

чувство национального достоинства югославов работало на Тито. 20 июля в Белграде был оперативно созван съезд КПЮ, который продемонстрировал полное единство рядовых коммунистов с руководством партии и государства. Тито продолжал выступать за проведение социалистической политики и за ориентацию на дружбу с Советским Союзом в той мере, в какой она возможна.

Другие партии — члены Коминформа по требованию Москвы вынуждены были бойкотировать съезд, хотя им направили официальные приглашения.

Даже Сталин теперь осознал, что его атака на Югославию будет далеко не таким простым предприятием, как представлялось ранее. Однако война была уже объявлена. Вести борьбу Сталин готовился теми методами, которые были ему знакомы по фракционным стычкам в собственной партии. Но характер конфликта был совсем иным, а его противники были вооружены теми же инструментами, какими превосходно владел и он сам.

Столкновение между партиями все глубже затрагивало и отношения между двумя государствами: советская дипломатия была поставлена на службу сталинской политике изоляции и «разоблачения» югославских руководителей.

Человек, который бросил вызов Сталину

Иосип Броз Тито родился 25 мая 1892 г. в с. Кумровец в Хорватии. Его жизненный путь, характеризующийся неуклонным подъемом вверх, изобилующий многочисленными званиями и титулами, в официальной биографии излагается следующим образом:

«Тито — деятель югославского и международного коммунистического движения, государственный и политический деятель СФРЮ, маршал (1943), трижды Народный герой Югославии (1944, 1972, 1977). Герой Социалистического Труда (1950), доктор военных наук (1976).

Член Коммунистической партии Югославии (КПЮ) с 1920. В 1910 вступил в социал-демократическую партию Хорватии и Словении, принимал участие в рабочем и профсоюзном движении. В 1913 призван в австро-венгерскую армию. В начале Первой мировой войны за антивоенную пропаганду арестован, затем направлен на фронт. Весной 1915 ранен, попал в плен в России. В октябре 1917 в Омске вступил в Красную Гвардию, участвовал в боях против колчаковцев. В сентябре 1920 возвратился на родину, включился в революционное рабочее движение. С 1928 — секретарь городского комитета КПЮ в Загребе. В том же году арестован за коммунистическую деятельность и осужден на 5 лет каторжной тюрьмы. В 1934, выйдя из заключения, возобновил нелегальную партийную работу, был членом крайкома КПЮ в Хорватии. В декабре 1934 был избран членом ЦК КПЮ и Политбюро ЦК КПЮ. В 1935—1936 находился в Москве, работал в Коминтерне, в составе делегации КПЮ участвовал в работе 7-го конгресса Коминтерна. В 1936 нелегально возвратился в Югославию. В декабре 1937 возглавил КПЮ, в октябре 1940 на 5-й общегославской конференции КПЮ избран генеральным секретарем ЦК КПЮ.

Во время народно-освободительной войны в Югославии 1941—1945 Тито — верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией и партизанскими отрядами Югославии. В ноябре 1943 избран председателем Национального комитета освобождения Югославии. В марте 1945 назначен председателем Совета Министров, министром обороны и верховным главнокомандующим вооруженными силами Югославии. В августе 1945 избран председателем Народного фронта (в 1953—1954 председателем Социалистического союза трудового народа страны). В ноябре 1945 возглавил правительство страны».

За этими скупыми, напоминающими победные репортажи строками, стоит насыщенная, полная не только звездных мгновений, но и драматизма жизнь незаурядного человека, который свою судьбу творил собственными руками.

В действительности Тито родился не 25, а 7 мая. Но вплоть до конца Второй мировой

войны он не любил праздновать ни официальный, ни подлинный день своего рождения. Почему его соратниками датой дня рождения Тито было выбрано 25 мая, неизвестно до сих пор. Поофициальней версии, именно на этот день в 1944 г. немцы запланировали так называемую операцию «Россельшпрунг» («Ход конем»), которая должна была завершиться физической ликвидацией Тито или по крайней мере захватом его в плен.

Тогда Тито чудом удалось уцелеть. Не в первый раз в его трудной и бурной жизни.

В юности Тито в поисках работы исходил вдоль и поперек Словению, а затем оказался в населенном итальянцами Триесте. Он был поражен праздничным видом этого города, однако работу там найти не смог и задержался в городе всего на десять дней.

Спустя сорок лет Тито, убежденный, что Триест по праву принадлежит Югославии, попробовал окончательно вытеснить оттуда итальянцев. Дело едва не дошло до вооруженного конфликта, но в конце концов ему пришлось отступить.

А в те годы Тито немало странствовал по Австро-Венгрии и Германии, останавливаясь там и тогда, где и когда ему подворачивалась какая-либо работа.

Когда в мае 1913 г. ему исполнился двадцать один год, он вернулся в Хорватию для прохождения двухлетней военной службы в армии. Вскоре Тито, в котором от природы были заложены яркие лидерские качества, был направлен в школу младшего командного состава, выйдя из которой стал самым юным старшиной в своем полку. В мемуарах Тито пишет о том, что использовал время службы в армии для того, чтобы «как можно лучше разобраться в военных вопросах», словно уже в то время наперед думал о том, как ему возглавить партизанское движение в годы Второй мировой войны⁴³.

С началом Первой мировой войны полк, в котором служил Тито, был переброшен в Галицию, поближе к Карпатам, чтобы остановить продвижение русских войск. На этот раз наступление противника предотвратить не удалось, и в марте 1915 г. Тито угодил в плен. Вот как он описывает этот эпизод:

«Русские неожиданно атаковали нас. Наши офицеры находились на тыловых позициях, празднуя Пасху в штабе. Мы стойко отражали атаки пехоты, наступавшей на нас по всему фронту, но неожиданно правый фланг дрогнул, и в образовавшуюся брешь хлынула кавалерия черкесов, уроженцев азиатской части России. Не успели мы прийти в себя, как они вихрем пронеслись через наши позиции, спешили и ринулись в наши окопы с копьями наперевес. Один из них вогнал свое двухметровое копьё, с железным наконечником, мне в спину под левую лопатку. Я потерял сознание. Затем, как мне рассказали позднее, черкесы принялись резать раненых, буквально кромсая их на куски своими кинжалами. К счастью, вскоре здесь появилась русская пехота и положила конец этой вакханалии»⁴⁴.

Попав в плен, Тито оказался далеко на востоке, в госпитале, развернутом в бывшем монастыре неподалеку от Казани. После выздоровления Тито был переведен на Урал надзирателем в лагерь для военнопленных, занятых на ремонте Транссибирской магистрали. В марте 1917 г., когда революционная стихия начала захлестывать Россию, Тито был освобожден из тюрьмы местными рабочими.

В июле 1917 г. он покинул Транссибирскую магистраль и нелегально приехал в Санкт-Петербург. Здесь, по его словам, он принял участие в июльских демонстрациях 1917 г. и даже попал под пулеметный огонь. После неудачного исхода этих выступлений он попытался бежать в Финляндию, однако был схвачен и отправлен обратно в Сибирь.

Уже в пути Тито узнал о победе Великой Октябрьской социалистической революции. Тогда он вступил в отряд Красной гвардии, направлявшийся в Омск. Именно в этом городе в том же 1917 г. Тито встретил русскую девушку Пелагею Белоусову, обыкновенную крестьянку, которой суждено было стать его первой женой.

В 1920 г., когда было восстановлено железнодорожное сообщение, Тито вместе с женой вернулся в Петроград, а затем присоединился к группе югославы, следовавших в Штеттин.

⁴³ Делиер В. Говорит Тито: его автопортрет и борьба со Сталиным. Лондон, 1953. С. 25.

⁴⁴ Там же. С. 29—30.

Проведя полгода в Германии, он в октябре 1920 г. вновь оказался в своем родном городе Кумровец. Узнав здесь о смерти матери и о переезде отца в другой город, он в поисках работы решил вместе с Пелагеей перебраться в Загреб. Впереди была полная неизвестность.

В Загребе Тито сменил множество профессий. Он работал официантом, занимался кузнечным ремеслом, получил место механика, чтобы вскоре его потерять. В Загребе у них с Пелагеей родился сын Жарко.

В 1921 г. совершилось знаменательное для Тито событие: он вступил в коммунистическую партию, где сразу зарекомендовал себя энергичным и толковым работником. В 1927 г. он уже секретарь профсоюза рабочих-металлистов в Загребе, а чуть позже — и всей Хорватии. В этом же году он был арестован.

В 1928 г. Тито удалось бежать из тюрьмы. Однако побег оказался неудачным. Его поймали и после сильных побоев поместили в следственный изолятор. Приговор суда — 5 лет за антигосударственную деятельность. Отбывая срок наказания в тюрьме, Тито сумел получить работу на электростанции. Ему выделили помощника из числа заключенных, некоего Моше Пьяде, белградского еврея, тоже коммуниста, вошедшего затем на многие годы в круг его ближайших сподвижников.

Выйдя из тюрьмы, Тито целиком посвятил себя партийной работе. По поддельным удостоверениям личности и паспортам ему приходилось переезжать с места на место. На партийной сходке возле Любляны Тито познакомился с молодым словенским учителем Эдвардом Карделем, который позднее стал одним из трех его самых близких друзей и соратников.

В октябре 1934 г. Тито получил от Центрального комитета распоряжение приехать в Вену. Ему предстояло отправиться в Москву для работы в представительстве Коминтерна. Там емугодились знания русского и немецкого языков.

К тому времени Тито уже расстался с Пелагеей и поэтому приехал в Москву один. События, происходившие в Советском Союзе в эти годы, обескуражили и во многом разочаровали его.

Тито стал свидетелем «вопиющего карьеризма». Впоследствии югославский лидер вспоминал: «Я не был в Москве, когда там происходили крупные чистки. Но в 1935 г. арестам уже не было видно конца, и те, кто арестовывал, вскоре тоже становились жертвами новых арестов. Люди исчезали в одну ночь, и никто не осмеливался спросить, куда они пропали»⁴⁵.

Во время чисток в сталинских лагерях сгинуло несколько сот югославских коммунистов, в том числе и предшественник Тито на посту Генерального секретаря компартии Югославии Милан Горкич.

Чтобы избежать серьезной душевной травмы, Тито ушел с головой и работу. В период с 1935 по 1940 г., утверждаясь на посту секретаря югославской компартии, он одновременно работал представителем Коминтерна в Югославии, Австрии и Франции, занимаясь в том числе и отправкой добровольцев в Испанию.

Примерно в 1937 г. Тито познакомился с Александром Ранковичем, сербом по национальности. Подобно Карделю, Ранкович прошел через многолетнее заключение и пытки, но никого не выдал, вполне заслуженно приобретя прозвище «железный Александр». Впоследствии он в течение долгих лет занимал пост министра внутренних дел Югославии. В эти же годы Тито приблизил к себе и Милована Джиласа — молодого черногорца, талантливого политического деятеля, впоследствии ополчившегося не только на сталинизм, но и на режим самого Тито.

С середины 30-х г. Сталин окончательно утратил доверие к Югославской коммунистической партии. Единственным видным югославским коммунистом, который вызывал у хозяина Кремля симпатию, оказался И.Б. Тито. О тех событиях сам Тито впоследствии вспоминал: «В 1938 г., когда я был в Москве, мы обсуждали, следует ли распустить Югославскую коммунистическую партию. Все югославские руководители, находившиеся в то время в Советском Союзе, были арестованы. Я остался один. Без

⁴⁵ Там же. С. 98.

руководства партия ослабела, а я был там совсем один»⁴⁶.

После очередного своего визита в Москву в 1939 г. Тито был официально назначен Генеральным секретарем Компартии Югославии.

Произошли изменения и в его личной жизни: Тито сошелся с молодой красавицей Гертой Хас, студенткой славяно-немецкого происхождения. В начале 1941 г. у них родился сын Александр-Мишо.

Однако любовь Иосипа была недолгой, к началу войны он охладел и к Герте. Тито вообще было любвеобилен. Новой его пассией стала также молодая девушка, коммунистка, приехавшая в Загреб учиться на радиотелеграфистку. Ее полное имя было Даворианка Паунович, но во время войны она была известна как Зденка. Взаимоотношения Иосипа и Зденки были достаточно сложными: как многие миловидные женщины, она отличалась эгоизмом и склонностью к постоянному выяснению отношений.

А тем временем постепенно разгоралась Вторая мировая война, вовлекая в свое пламя все новых и новых участников. Прежде чем приступить в мае 1941 г. к осуществлению плана «Барбаросса», в декабре 1940 г. Гитлер отдал распоряжение оккупировать Грецию. Для проведения обеих этих операций его армиям предстояло пройти через территорию Румынии и Болгарии, для чего требовалась если не помощь, то хотя бы невмешательство Югославии.

В феврале 1941 г. Гитлер вызвал к себе в Берхтесгаден югославского премьера и министра иностранных дел и потребовал от них активного содействия своей внешней политике. Поддавшись нажиму, Югославия вместе с Румынией и Болгарией подписали 25 марта трехсторонний пакт, надеясь, что Гитлер в результате не станет покушаться на их суверенитет и требовать военной поддержки.

В Белграде, однако, лидеры сербов увидели в этом пакте прямую угрозу государственной независимости. В день подписания пакта Патриарх Сербской православной церкви Гаврило Дожич выразил протест князю Павлу, а затем выступил по белградскому радио с призывом ко всем сербам теснее сплотиться перед лицом угрозы со стороны Германии. 27 марта группа младших офицеров армии и ВВС организовала в Белграде государственный переворот, сместив князя Павла и посадив на его место юного короля Петра. Новое правительство начало с того, что аннулировало трехсторонний пакт.

Гитлер вначале отказывался даже верить известиям о перевороте, настолько эта новость была для Берлина шокирующей. После ее подтверждения фюрер приказал подвергнуть Белград массовой бомбардировке, после чего приступить к вторжению в страну с территории Австрии и Болгарии.

Немецкие бомбардировщики на бреющем полете проносились прямо над крышами домов, безнаказанно обрушивая на мирных граждан смертоносные бомбы, превращая в руины жилые кварталы, больницы, церкви, школы. Под таким варварским налетом, в частности, погибла Национальная библиотека с ее бесценной коллекцией средневековых манускриптов. 10 апреля немецкие танки вошли в Загреб, через два дня они были уже в Белграде. Итальянские войска тем временем наступали вдоль Адриатического побережья. Юный король Петр и члены кабинета, не предприняв никакой попытки к организации сопротивления, бежали в Боснию, оттуда в Черногорию и наконец 12 апреля вылетели в Иерусалим.

Покорив Югославию, Германия приступила к перекройке ее границ. Непосредственно к Третьему рейху отошла Северная Словения. Италии досталась соответственно ее южная часть, Далматинское побережье и Черногория. Зависимая от Италии Албания получила округ Косово. Болгария «возвратила» себе части Фракии и Македонии, отошедшие после Второй Балканской войны 1913 г. Греции и Сербии. Венгрия прибрала к рукам плодородные земли Воеводины.

Все, что осталось от Сербии, попало в распоряжение Верховного командования вермахта. Внутренние районы Хорватии, Славония и Срем, вся Босния — Герцеговина 10 апреля были провозглашены Независимым Хорватским государством, оказавшимся под властью лидера усташей — полковника Анте Павелича. Тот без промедления развязал массовый террор, направленный прежде всего против сербов. Родной город Тито Кумровец вошел в состав

⁴⁶ M. V. Dnichkovich, B. Lazitch (eds.). The Comintern: Historical Highlights. N.Y., Praeger, 1966.

Независимого Хорватского государства и оказался под контролем хорватов — усташей.

Когда в апреле 1941 г. началась оккупация Югославии странами «оси», Тито был уже не очень молодым и ничем не примечательным представителем Коминтерна, скрывавшимся в Загребе под вымышленным именем. Лишь немногим было известно, кто он такой.

Всего за какие-то четыре года ему было суждено превратиться в прославленного на весь мир маршала Тито, чье имя прочно заняло место в ряду таких имен, как Сталин, Рузвельт, Черчилль и де Голль.

В годы войны Тито, сам хорват по национальности, зарекомендовал себя как человек, способный обеспечить единство всех южных славян. Благодаря во многом его личной энергии и высочайшему авторитету, в 1945 г. и была основана Югославия — федерация из шести республик: Сербии, Хорватии, Словении, Черногории, Македонии и Боснии — Герцеговины.

Югославское «дело»

После фактического разрыва межпартийных отношений между Москвой и Белградом наступила зловещая пауза. Сталин некоторое время решил выждать. После изгнания СКЮ из Информбюро он рассчитывал на неизбежное падение авторитета самого Тито на внутривластной арене. Сталин был слишком уверен в своей непогрешимости. По словам Н. Хрущева, заявил: «Мне достаточно шевельнуть мизинцем, и Тито исчезнет».

Однако он сильно преувеличил свои возможности по контролю над ситуацией в Югославии.

Тито, которого кремлевский вождь не случайно назвал когда-то своим «преемником» в социалистическом лагере, оказался достойным учеником «отца народов». Югославский лидер планомерно укреплял свою личную власть в партии и стране. Благодаря этому он не только уцелел сам, но и стал в социалистическом мире своеобразным центром оппозиции Сталину, который с удивлением и раздражением обнаружил, что его личная власть не безгранична.

В отношениях с Югославией Советский Союз занимал все более жесткую позицию.

После разрыва межпартийных связей с середины 1948 г. началось крупномасштабное свертывание межгосударственного сотрудничества СССР и других народно-демократических государств с Югославией. По инициативе советской стороны объем товарооборота между двумя странами на 1949 г. был сокращен по сравнению с предыдущим годом в восемь раз.

1 февраля 1949 г. правительство Югославии выразило удивление по поводу того, что Югославия не была приглашена участвовать в состоявшемся в январе 1949 г. в Москве экономическом совещании представителей СССР, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии. На этом совещании был создан орган экономического сотрудничества социалистических государств — Совет Экономической Взаимопомощи. В отношении Югославии был осуществлен акт дискриминации, противоречивший договорам, заключенным Югославией с этими странами.

Сигналом к дальнейшей эскалации антиюгославской пропаганды послужила опубликованная 8 сентября 1948 г. в «Правде» статья «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии». Подписью под этой статьей — «Цека», а также грубым запугивающим тоном она выдавала авторство И. Сталина.

Статья говорила о так называемой «фракции Тито», которая объявлялась меньшинством в КПЮ, якобы находящимся в состоянии войны со своей партией. В центральном партийном печатном органе советских коммунистов Тито и его сторонников обвинили в переходе на «путь пособничества империализму» и назвали «вырождающимися в клику политических убийц».

Эта статья стала провозвестником второй резолюции по югославскому вопросу, принятой Информбюро на заседании в Венгрии в ноябре 1949 г. Документ под названием «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» содержал поистине дикое утверждение о том, будто КПЮ попала в руки «пробравшихся к власти под маской друзей СССР врагов народа, убийц и шпионов», «наймитов империализма», которые «полностью сомкнулись с империалистическими кругами» и скатились «от буржуазного национализма к фашизму». В этих условиях «борьба против клики Тито» объявлялась «интернациональным долгом всех коммунистических и рабочих партий».

Принятию этой резолюции предшествовал ряд событий, резко обостривших конфликт. 1 мая 1949 г. «Правда» сообщила о выходе в свет первого номера газеты «За социалистическую Югославию», издаваемой, как подчеркивалось в информации, на сербском языке югославскими коммунистами-политэмигрантами, находящимися в СССР. В действительности эта газета стала органом учрежденного в СССР «Союза югославских патриотов за освобождение Югославии от фашистского ига клики Тито — Ранковича и империалистического рабства».

28 сентября 1949 г., обвинив правительство Югославии в «фактическом попрании и разрыве» советско-югославского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, советское правительство уведомило югославское руководство о том, что считает себя свободным «от обязательств, вытекающих из этого договора».

25 октября 1949 г. МИД СССР объявил, что считает «невозможным дальнейшее пребывание в СССР посла Югославии К. Мразовича», а в ноябре потребовал выезда и поверенного в делах. С конца 1949 г. при формальном сохранении дипломатических отношений связи между СССР и Югославией оказались прерванными. Примеру Советского Союза последовали все страны народной демократии. На югославских границах с Венгрией, Румынией и Болгарией резко обострилась обстановка, участились пограничные инциденты.

Этот процесс сопровождался «войной нервов», в ходе которой в Коминформе открыто обсуждалась возможность партизанской войны против «клики Тито»⁴⁷. Из-за множества пограничных инцидентов, которые стали происходить на югославской границе, угроза развязывания партизанской войны приобрела зримые черты. Нередко эти инциденты возникали из-за стремления югославских пограничников воспрепятствовать оттоку из страны просоветски настроенных беженцев, но были и провокации, особенно со стороны Албании и Болгарии. По утверждению Белграда, за 14 месяцев, прошедших после исключения Югославии из Коминформа, произошло 219 пограничных столкновений и 60 нарушений ее воздушного пространства.

К осени 1949 г., когда стало ясно, что конфликт приобретает затяжной характер, югославская сторона в свою очередь перешла к широкому политико-пропагандистскому наступлению. Она обвинила ВКП(б) в перерождении социализма в СССР в государственно-капиталистическую систему, в догматической ревизии марксизма-ленинизма, в бюрократизации партии и страны, в великодержавной, гегемонистской внешней политике, в агрессивном давлении на Югославию.

Москва вновь попыталась, теперь уже на территории Румынии, создать югославское правительство в изгнании. Однако эта попытка закончилась неудачей после того, как его предполагаемый глава был убит при невыясненных обстоятельствах на югославо-румынской границе. Методы расправы Тито со своими политическими противниками — и явными, и тайными — в немалой степени напоминали сталинские.

«Отлучение» Тито от социалистического лагеря Сталин считал недостаточным. Югославскую «крамолу» он решил использовать как повод для окончательного утверждения советской модели в восточноевропейских странах.

А политическая ситуация там была далеко не однозначной и почти повсюду отражала наличие двух тенденций. Одна была представлена так называемыми «москвичами», старой когортой сторонников СССР, а вторая — «националистами», выразителями интересов и стремлений тех кругов, которые отстаивали необходимость самостоятельного, независимого пути развития.

Политические противоречия существовали в руководстве болгарской и румынской партий. В Венгрии речь шла прежде всего о личном соперничестве.

Еще более открыто и остро обозначился после осуждения Тито политический конфликт в польской партии. Ее генеральный секретарь Гомулка проявил колебания в отношении сталинской модели социализма. Он исходил из того, что в ходе социалистического строительства необходимо полнее учитывать национальные особенности страны, и фактически

⁴⁷ S. Clissold, *Yugoslavia and the Soviet Union, 1939—1973: A Documentary Survey*. Oxford University Press for the Royal Institute of International Affairs, 1975. P. 55.

отказался от проведения коллективизации в польской деревне. Такая позиция не была одобрена в Москве, ее не разделяло и большинство деятелей в верхах польской партии.

В конечном счете Гомулка пришел в столкновение с большинством других партийных руководителей, которые увидели в его позиции «явное сходство» с тезисами югославских лидеров. Гомулка, как и вся группа его сторонников, был снят с основных политических постов.

На фоне конфликта с Югославией в различных партиях развернулась острая внутриполитическая борьба, которая привела к трагическим судебным процессам, состоявшимся по команде из Москвы в период между июнем и декабрем 1949 г. В качестве обвиняемых на них фигурировали деятели коммунистического движения, занимавшие ранее самое видное положение в своих партиях. Помимо албанского деятеля Дзодзе, в этом положении оказались мадьяр Райк и болгарин Костов, вместе с каждым из которых на скамье подсудимых находились более или менее многочисленные группы предполагаемых сообщников. Эти процессы почти в точности копировали судебные процессы в СССР в 30-е гг. Организаторами и руководителями так называемых расследований нередко были советские советники, которые отвечали за свои действия не перед местными правительствами, а лично перед Л. Берией.

Центральным персонажем в некоторых политических процессах стал некий Ноел Филд, бывший американский дипломат, а одновременно — советский агент и участник Движения Сопротивления. Его объявили шпионом США. Возведение обвинений на Филда было нужно для того, чтобы бросить тень на все международные связи, которые в ходе антифашистской борьбы установились между Востоком и Западом Европы, а затем и для полного разрыва этих связей, включая и контакты между прогрессивными движениями. Следствием «дела Райка» во многих восточноевропейских странах стали массовые аресты коммунистов, которые в период нелегальной работы в Движении Сопротивления приобрели опыт борьбы в Западной Европе в составе единого антифашистского фронта. В обвинениях против Райка проект федерации, выдвинутый Димитровым, был представлен как план создания вокруг Югославии военного блока буржуазных государств, который бы «пользовался поддержкой Америки и был бы направлен против СССР». Идея приписывалась уже не Димитрову, который к этому времени умер, а Тито.

В конечном счете во всех восточноевропейских странах народной демократии утвердилась единая и единственная государственная идеология, официально; называвшаяся марксизмом-ленинизмом.

Зеркальная ситуация в отношении инакомыслия сложилась внутри самой Югославии.

Многие югославы, учившиеся или работавшие в Советском Союзе, автоматически приобрели ярлык «информбюровцев» или, другими словами, врагов Тито. Репрессиям подверглись даже те из югославских коммунистов, кто был женат на русских женщинах. Многих из них отправили в тюрьмы. По признанию Джиласа, министру внутренних дел Ранковичу неоднократно в 1949 г. приходилось выслушивать восклицания Тито: «В тюрьму его! Отправить в лагерь! Что же можно от него ожидать, если он выступает против своей партии?» Советских агентов нашли якобы даже в личной охране Тито. На допросах они «сознались», что существовал заговор МГБ «с целью уничтожения всех членов Политбюро из автоматов, когда они играли на бильярде на вилле Тито»⁴⁸. Позднее Ранкович признал, что около 12 тысяч подозреваемых, причем во многих случаях безосновательно, были отправлены в специальный концлагерь на Голи Оток (Пустой остров).

Югославское руководство рассматривало в то время СССР в качестве серьезного источника опасности если не для самой Югославии, то уж по крайней мере персонально для Тито. И для этого были основания. В Москве всерьез приступили к подготовке физического устранения Тито. Готовилось сразу несколько операций по его ликвидации, в том числе и с участием советского агента-террориста Григулевича. Этот агент, принимавший участие в ликвидации Троцкого, выдвинулся на дипломатическом поприще в одной из

⁴⁸ M. Djilas. Tito: The Story from the Inside. London: Weidenfeld & Nicolson, 1981. P.84—87.

латиноамериканских стран, стал ее послом в Ватикане и по совместительству — в Белграде. Благодаря своему положению Григулевич получил прямой доступ к Тито.

Рассматривая различные варианты покушения, в Москве остановились на довольно экзотическом: советский посол вручает Тито коробку с бриллиантовым перстнем. Как только Тито попытается вынуть перстень, сработает механизм с быстродействующим смертоносным газом. Расчет делался на то, что Тито примерит перстень уже после ухода гостя.

Проведение этой операции отменила только смерть Сталина⁴⁹.

Во внешней политике Югославия постепенно дрейфовала в сторону Запада. В западных столицах не строили иллюзий в отношении того, что Тито вдруг стал приверженцем западной демократии, однако, будучи сталинистом во внутренней политике, в международной сфере Тито продемонстрировал значительную гибкость. К концу 1949 г. Югославия стала получать со стороны США не только широкую экономическую помощь, но и определенные заверения в том, что теперь ее безопасность не оставит Запад равнодушным. А опасность вторжения на протяжении всего 1949 г. оставалась достаточно серьезной. 13 февраля 1957 г. в «Правде» была опубликована заметка о том, что в середине 1949 г. в Москве обсуждались планы военного вторжения в Югославию, но в последний момент от них отказались. Несмотря на это, в полной мере завоевать доверие Запада Тито так и не удалось: к нему не могли не относиться с большой долей подозрительности. В этом смысле показательна книга историка-эмигранта А. Драгнич, ставшая популярной в те годы и называвшаяся очень метко — «Тито: Троянский конь Москвы».

На случай чрезвычайной обстановки Тито готовился сам и готовил югославский народ к широкой партизанской войне — испытанному средству национальной обороны в годы Второй мировой войны.

Особую нервность в Белграде вызвало начало войны в Корее летом 1950 г. В Югославии усилились военные приготовления. В феврале 1951 г., выступая перед командным составом дивизии партизанской гвардии, Тито заявил, что югославы должны быть готовы отразить любую агрессию, исходящую из любой части Европы, утверждая при этом, что в Европе локальная война более чем вероятна⁵⁰. А чуть позже, в июле того же года, ближайший помощник югославского вождя Кардель выразился еще более категорично: «Мы не позволим кому-либо организовать новую Корею в Югославии; так сказать, бросить на нее того или иного сателлита или нескольких из них против Югославии, в то время как он сам будет якобы отстаивать мир»⁵¹.

Весной 1951 г. Югославия подписала с США соглашение об оказании ей американской военной помощи. В конце декабря 1951 г. в связи с возрастанием возможности начала «общей войны» в Европе американский 6-й флот вошел в Средиземное море. На американском авианосце Тито совершил осмотр своих портовых сооружений. В тот момент Тито, более чем когда-либо, был обеспокоен возможностью советских военных действий против Югославии. В результате, если на момент разрыва со Сталиным в вооруженных силах Югославии было 23 дивизии то в 1952 г. — уже 42. В течение весны — лета 1952 г. 6-й флот ВМС США неоднократно усиливался, и в наибольшей степени после того, как Тито провозгласил свою решимость сражаться до конца в случае какой-либо военной провокации, намекая прежде всего на Советский Союз.

Фактический разрыв отношений между Советским Союзом и Югославией длился вплоть до смерти Сталина в марте 1953 г.

После этого Л. Берия предложил послать своего представителя полковника Федосеева для установления контакта с югославским руководством. Он должен был сообщить югославскому

⁴⁹ Д. Волкогонов. Семь вождей. Кн.1. С.247.

⁵⁰ H. Calvocoressi. Survey of International Affairs, 1951. — Oxford International Press, 1954. P. 211.

⁵¹ United States in World Affairs, 1951. P. 25—26.

руководству о намерении Москвы открыть новую главу в отношениях с Белградом.

Однако тень Сталина еще долгое время продолжала лежать на советско-югославских отношениях. Ситуацию в какой-то мере удалось переломить только Н. Хрущеву в ходе его личных переговоров с Тито в 1957 г.

Этому предшествовал забавный эпизод. Когда Хрущев прилетел в Белград на переговоры с Тито, тот в сопровождении свиты встречал гостя. Один из высокопоставленных югославских чиновников некстати обронил Хрущеву: «Россия и Сталин сделали нам так много плохого, что нам сегодня трудно доверять русским». Воцарилась напряженная тишина. Хрущев подошел к говорившему, хлопнул его по плечу и сказал, обращаясь скорее не к нему, а к Тито: «Товарищ Тито, когда тебе понадобится провалить какие-нибудь переговоры, назначь главой делегации этого человека».

Последовавший смех снял напряжение.

В тот момент ситуация была спасена. Но взаимная настороженность в двусторонних отношениях и независимость Белграда от советской внешней политики сохранились.

Глава 6. Берлинский кризис 1948—1949 гг.

Предыстория

Характерной чертой кризисных ситуаций в Восточной Германии (позднее — ГДР) являлось то, что они зарождались и в основном проходили в Берлине — центре Европы, где как бы сходились интересы западных держав и СССР.

Победный май 1945 г. отходил в прошлое, а вместе с ним — относительное взаимопонимание и терпимость вчерашних союзников. Хотя и те майские дни, ознаменовавшие собой окончание самой кровопролитной в истории человечества войны, думать о худшем не хотелось никому.

В соответствии с Декларацией о поражении Германии, подписанной в Берлине 5 июня 1945 г., верховную власть в стране временно взяли на себя правительства СССР, США, Великобритании и Франции. Германия была разделена на четыре оккупационные зоны. В каждой из них верховная власть принадлежала главнокомандующему соответствующими оккупационными войсками. Вопросы, затрагивавшие Германию в целом, был призван разрешать Контрольный Совет (КС) в составе четырех главнокомандующих.

Для управления в своей зоне оккупации советское правительство в июне 1945 г. создало специальный орган — Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ).

Трения между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стали нарастать не по дням, а по часам. Первые серьезные противоречия между ними были вызваны поддержкой англичанами и американцами правительства преемника Гитлера гросс-адмирала Деница. В Кремле это восприняли как явное намерение Запада дистанцироваться от Москвы в послевоенном устройстве Германии. Особую активность при этом развили англичане. Однако авантюра со ставкой на правительство Деница закончилась провалом. 23 мая 1945 г. практически все члены этого правительства были арестованы самими же союзниками и после тщательного обыска доставлены в тюрьму Бад-Монца.

Но восстановить отношения доверительности между бывшими союзниками это уже не могло. Демаркационные линии глубоко пролегли уже не только между географическими зонами оккупации, но и в сознании вчерашних товарищей по оружию.

Несмотря на свое поражение, Германия продолжала оставаться чрезвычайно важной величиной в геополитической расстановке сил. Каждая из держав-победительниц, стремясь изменить баланс сил в Европе и мире в свою пользу, делала ставку на побежденную страну и, как следствие, стремилась обеспечить себе в соответствующей зоне оккупации максимальную политическую поддержку. Взаимная подозрительность в отношениях сторон настоятельно требовала достижения соглашения о судьбе Германии.

Советский Союз в своей зоне оккупации содействовал проведению аграрной реформы и конфискации промышленных предприятий, принадлежавших нацистам. Американцы и британцы, напротив, искали поддержку у представителей немецкой экономической элиты. Проведению единой оккупационной политики с самого начала препятствовали различия в оценках природы нацизма. При этом в своих отношениях с немцами Советский Союз оказался в крайне невыгодном положении. В результате тяжелейшей, бескомпромиссной войны у обоих народов накопилась взаимная ненависть, а только что закончившиеся в Берлине бои носили исключительно жестокий характер. Все это не могло не отражаться на состоянии отношений между оккупационными властями и местным немецким населением, равно как и на отношениях между бывшими союзниками.

О накаленности послевоенной политической атмосферы в Контрольном Совете в определенной степени свидетельствуют меморандумы, превратившиеся в своего рода ультиматумы, которыми то и дело обменивались оппоненты. Не удивительно, что в подобной обстановке не могло быть и речи о какой-либо плодотворной совместной работе оккупационных властей в Германии.

Если в 1945—1946 гг. Контрольный Совет еще смог принять ряд решений, направленных на осуществление решений Потсдамской конференции о демилитаризации Германии, то в последующем его деятельность оказалась практически парализованной. Запад все более настраивался на конфронтацию с Советским Союзом.

Наиболее последовательным выразителем этого курса стал в последние месяцы войны У. Черчилль. Уже до этого активно выступавший в качестве инициатора «жесткой» политики в отношении Советского Союза, он 24 апреля 1945 г. заявил: «В дальнейшем отношения с СССР возможно строить только при признании русским народом англо-американской силы». В соответствии с этим он призывал Запад руководствоваться следующим: «Во-первых, тем, что Советская Россия стала смертельной опасностью для свободного мира. Во-вторых, тем, что против ее дальнейшего продвижения должен быть немедленно создан новый фронт. В-третьих, тем, что этот фронт в Европе должен пролегать как можно дальше на Востоке»⁵².

Аналогичные взгляды в целом разделяло и американское руководство. Так, заместитель государственного секретаря США Дж. Грю в меморандуме, составленном им весной 1945 г., заявил, что война с Советским Союзом «неизбежна», что она может разразиться в ближайшие годы. Он призывал американское правительство к укреплению своих позиций по отношению к СССР, чтобы держать его под угрозой⁵³. В США появился тезис о необходимости «сдерживания» коммунизма, одним из авторов которого стал высокопоставленный деятель госдепартамента, бывший посол Соединенных Штатов в Москве Дж. Кеннан. С приходом к власти Г. Трумэна антисоветский курс стал во внешней политике США официальным.

Западные союзники, сталкиваясь с твердостью советской позиции на переговорах, воспринимали это как вызов в свой адрес. В Великобритании и США стал изучаться вопрос о возможности немедленной превентивной войны против Советского Союза, чтобы сломить его упорство. Так, начальник имперского генерального штаба Великобритании фельдмаршал Аланбрук писал много лет спустя, что уже через две недели после окончания военных действий в Европе руководители штабов отдельных родов войск страны получили приказ подготовить меморандум о военных мероприятиях, «направленных против России»⁵⁴.

В подобных условиях великие державы-победительницы рассматривали оккупацию Германии почти исключительно как средство реализации собственных интересов в послевоенной Европе. В западных зонах оккупации все было нацелено на быстрое возрождение политических и экономических структур Германии с тем, чтобы «оттеснить» СССР если не из

⁵² Цит. по: История дипломатии. Т. V. — М., 1974, С. 10.

⁵³ G. Grew. The Turbulent Era. Vol. 2. Boston, 1952. P. 1446.

⁵⁴ A. Bryant. Triumph in the West. 1943—1946. Based on the Diaries of Field Marshal Alanbrooke. London, 1959. P. 70.

Восточной, то хотя бы из Центральной Европы. Противостояние между бывшими союзниками стало стремительно нарастать.

В ноябре 1945 г. советская сторона представила Контрольному Совету меморандум, в котором указывалось, что в одной только английской зоне оккупации содержалась целая немецкая армейская группа под командованием Мюллера численностью свыше 200 тыс. человек и были заново организованы два военных округа с соответствующими управлениями, штабами, службами, комендатурами, а в Шлезвиг-Гольштинии расквартировано около 1 млн немецких солдат и офицеров. При обсуждении этого вопроса 30 ноября 1945 г. командующий английскими войсками фельдмаршал Монтгомери обещал разобраться с выдвинутыми претензиями⁵⁵.

В декабре 1945 г. Контрольный Совет принял решение о роспуске такого рода военных формирований, но фактически они были сохранены в урезанном виде как «рабочие батальоны», «вспомогательные части» и пр. Эти формирования в дальнейшем составили основу бундесвера.

Крайне острой в отношениях между бывшими союзниками стала проблема Рурской области. Советский Союз добивался того, чтобы значительная часть выплавленной в этой области стали была представлена ему в качестве репараций. Запад активно препятствовал этому, понимая, на какие нужды немецкая сталь пойдет в Советском Союзе.

Взаимное недовольство между западными союзниками и Москвой в конце концов приобрело черты пропагандистской войны. Одной из основных ее тем стал якобы принудительный и не оговоренный предыдущими договоренностями демонтаж немецких предприятий и оборудования, производимый советскими властями. Такие факты действительно имели место, но демонтаж производился также и англичанами, и американцами.

Одновременно в западной пропаганде все активнее говорилось о неспособности советского руководства обеспечить приемлемые экономические условия для проживающего в его зоне немецкого населения и об отсутствии там свободы слова. Однако немало проблем в этой области возникало и у самих западных союзников.

Так, в сентябре 1946 г. в американской зоне издавалось 42 газеты тиражом в 5,5 млн экземпляров. Но эти газеты являлись свободными не в полной мере, поскольку подвергались военной цензуре, которая установила негласное запрещение на критику политики западных союзников в Германии.

В результате нараставшей конфронтации немцы советского сектора не могли познакомиться с западной периодикой, население западных секторов немецкой столицы было лишено возможности читать газеты советского сектора.

В 1946 г. в английской оккупационной зоне сложилось едва ли не катастрофическое положение с продовольственным обеспечением немецкого населения, что побудило Лондон публично заявить о своей неспособности самостоятельно решить эту задачу.

Но ни одна из сторон не собиралась уступать ни при каких обстоятельствах. В сложившейся обстановке политико-дипломатическое пространство для взаимных компромиссов в отношениях между СССР и Западом сокращалось с каждым днем.

Первыми в наступление перешли западные союзники.

6 сентября 1946 г. в Штутгарте государственный секретарь США Бирнс подтвердил объявленное накануне решение об экономическом объединении американской и английской зон оккупации и наметил основные направления этого курса, ближайшей целью которого являлась ликвидация четырехстороннего управления оккупированной территорией и создание сепаратного западногерманского государства. Подобное решение было продиктовано одним: возрождение экономически сильной Западной Германии и в Вашингтоне, и в Лондоне стало рассматриваться в качестве решающего фактора в западноевропейской системе безопасности в целом. Для Москвы это было абсолютно неприемлемо.

События развивались с устрашающей быстротой.

С 1 января 1947 г. в одностороннем порядке американская и английская оккупационные

⁵⁵ См.: История дипломатии. — Т. V. С.71.

зоны в Германии сливались в одну общую единицу — «Бизонию»⁵⁶, — которая объединяла весь Рур.

В марте 1947 г. президент США Г. Трумэн обнародовал названную его именем политическую доктрину, провозгласившую сферой национальных интересов США практически весь мир, а борьбу с «советским коммунизмом» — важнейшей приоритетной задачей.

Это заявление совпало по времени с проходившей в Москве (конец марта — апрель 1947 г.) конференцией четырех министров иностранных дел (США, СССР, Великобритания, Франция), призванной наконец решить будущую судьбу Германии. На самом деле конференция лишь продемонстрировала всю глубину и непреодолимость возникших противоречий по этому вопросу. Бывшие союзники расстались почти враждебно.

На опасения Сталина по поводу возможности быстрого возрождения германской угрозы с помощью западных стран особенно повлиял так называемый «план Маршалла». Он предусматривал восстановление и развитие Европы после Второй мировой войны на основе предоставления американской экономической помощи при соблюдении страной-получателем ряда благоприятных для Вашингтона условий. Советская разведка установила факт тайной договоренности между Вашингтоном и Лондоном о том, что в ходе реализации программы послевоенного восстановления Европы, и прежде всего Германии, будут прекращены репарационные платежи Советскому Союзу из текущей продукции западногерманских предприятий.

Уже в ноябре 1947 г. США начали вводить в действие целую систему ограничительных и запретительных мер в сферах финансов и международной торговли, что фактически ознаменовало начало полномасштабной экономической войны Запада против Москвы. Многие политические и военные деятели как в западных столицах, так и в Москве начали говорить о неизбежности военного столкновения Востока и Запада, прежде всего в Берлине.

Берлин, несмотря на то что был поставлен под четырехстороннее административное управление, находился в самом центре советской зоны. Экономический и политический разрыв страны на части, который становился с каждым днем все глубже, сказывался и на положении в городе.

Ситуация усугубилась тогда, когда западные оккупационные державы приняли решение распространить денежную реформу, проводившуюся в соответствующих оккупационных зонах, и на свой сектор в Берлине. С этого момента не только в Германии в целом, но и внутри самого Берлина в обращении стали циркулировать две различные денежные единицы, что создало серьезные сложности в работе советской администрации.

В конце февраля 1948 г. просоветские силы пришли к власти в Чехословакии. Тогда западные лидеры удвоили свои усилия по созданию Западной Германии и включению нового государства в европейскую систему восстановления. В ответ советские власти выступили с требованием о предоставлении им права осматривать составы военного назначения, идущие из западных зон Германии в Берлин. Среди берлинского населения стал быстро распространяться военный психоз. Большинство людей интересовались в тот момент лишь вопросом о том, у кого — у Советского Союза или западных держав — больше дивизий и самолетов и кто обладает более удобными базами для нападения.

Немалую роль в подспудно назревавшем кризисе сыграл и личностный фактор, прежде всего непримиримая антисоветская позиция американского генерала Клея, назначенного военным комендантом Западного Берлина. Сам генерал Клей производил впечатление добродушного, покладистого и довольного жизнью человека, ведущего пуританский образ жизни. Человек крепкого здоровья, он мог работать сутки напролет. Но при этом его очевидным недостатком было отсутствие сколько-нибудь значимого боевого опыта. В годы Второй мировой войны он пробыл на театре военных действий лишь несколько месяцев, время от времени совершая инспекционные поездки в Шербур. Об опыте боевого сотрудничества советских и американских войск он имел самое смутное, приблизительное представление. Направляясь в Германию, к месту своего нового назначения, Клей отнюдь не был настроен на

⁵⁶ От англ. «Bi-Zone» — «Две зоны».

какое-либо тесное взаимодействие с советскими властями. В результате с первых же шагов он сознательно пошел на обострение и без того сложных отношений между союзниками. Несмотря на возражения своих западных коллег в Союзной администрации, генерал Клей настоял на быстром восстановлении механизма самоуправления в Германии. Кроме того, он потребовал передать процесс денацификации страны под контроль самих немцев. Это привело к определенным осложнениям во взаимоотношениях Клея даже с британским главнокомандующим в Германии маршалом Королевского воздушного флота Ш. Дугласом, считавшим эти действия преждевременными.

В начале 1948 г. военные власти западных государств в Германии и западногерманское руководство приступили к обсуждению процедуры объединения западных зон и создания на их основе федеральной правительственной системы. У них не вызывало сомнений, что подобные действия вызовут возражения Советского Союза, который будет настаивать на сохранении в Германии четырехсторонней системы контроля, однако на возможную реакцию Москвы никто уже не обращал особого внимания.

По указанию из Вашингтона американцы первыми приступили к установке пограничных столбов между советской и американской зонами. Ответом на это стала раздраженная реакция Сталина в январе 1948 г.: «Запад из Западной Германии сделает свое, а мы из Восточной Германии — свое государство!» По замыслу советского руководителя, в том же году весь Берлин должен был стать «частью советской зоны оккупации»⁵⁷. В воздухе действительно запахло войной.

Игнорируя реакцию Москвы, западные союзники на Лондонской конференции в феврале — марте 1948 г. подтвердили свою решимость создать самостоятельное западногерманское государство и интегрировать его в западный блок. Но на Западе не учитывали, что Сталин все еще оставался Сталиным, бескомпромиссным и решительным политиком, умевшим просчитывать ходы и идти на взвешенный риск.

Начало кризиса

В марте 1948 г. напряженность в отношениях между бывшими союзниками достигла своего пика после инцидента, происшедшего на заседании Союзной контрольной комиссии. В ходе ее работы глава советской делегации маршал В.Д. Соколовский покинул зал заседания, заявив, что действия западных держав в их зонах оккупации фактически парализовали деятельность комиссии.

Уход советской делегации был вызван атмосферой недоверия и подозрительности, сложившейся в Контрольном Совете. В частности, западные союзники обвиняли советское правительство в том, что оно предпринимает «слишком энергичные меры» для создания коммунистического правительства в восточной зоне. Запад заявлял также о наличии некоего «всеобъемлющего советского плана» в отношении Германии, разработанного «специальной комиссией», которой руководили крупнейшие политические деятели СССР. В состав комиссии якобы входили шесть высших немецких штабных офицеров и два влиятельных бывших члена организации «Стальной шлем».

Не оставалась в долгу и советская сторона, также подозревавшая западные державы в «нечистоплотной игре». Маршал Соколовский по требованию Москвы неоднократно настаивал на неприемлемом для западной стороны условии: предоставить советским властям право выдавать торговые лицензии для всей территории Берлина.

Даже незначительного повода в установившейся обстановке нетерпимости между бывшими союзниками было достаточно для разрыва отношений. Однако инициативный выход советской стороны из Контрольного Совета был явно поспешен. Его негативно восприняло и немецкое население советской зоны оккупации, и лаже политические союзники. Бюро информации СВАГ периодически фиксировало это в своих документах и обзорах. Так, член СЕПГ Х. Шлегель, комментируя уход маршала Соколовского с заседания Контрольного Совета,

⁵⁷ Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). М., 1995. С. 404.

заявил: «Соколовский показал, чего стоят заявления Советского Союза о своей воле к единству Германии и миру. Русские постоянно утверждают, что они правы, но на деле выходит, что их понятие права совершенно другое, чем у остального мира».

Еще более резкие заявления делали представители других политических партий, деятельность которых была разрешена СВАГ в соответствии с договоренностями в Ялте и Потсдаме. Помимо Коммунистической партии Германии, в советской зоне официально возобновили свою деятельность Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Христианско-демократический союз (ХДС). Либерально-демократическая партия (ЛДП) и Объединение свободных немецких профсоюзов. В апреле 1946 г. коммунисты и социал-демократы объединились в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ).

Большинство членов ХДС придерживалось мнения, высказанного одним из ее членов, неким Краузе: «Нельзя отрицать того факта, что Советский Союз сделал первый шаг по пути, который угрожает миру. Ввиду того, что Советский Союз так часто подчеркивает свое миролюбие, он должен был бы пойти на компромисс».

Нежелание сторон искать и даже обсуждать какие бы то ни было компромиссы в своих взаимоотношениях загоняло ситуацию в тупик. В этих условиях Москва приступила к подготовке своего «ответа» бывшим союзникам в наиболее уязвимом для них месте. Таким местом являлись коммуникационные линии, ведущие из западных зон оккупации Германии в Западный Берлин. Четко согласованных норм, регламентировавших систему коммуникаций между западными оккупационными зонами и соответствующими секторами Берлина, не было. По завершении войны для этой цели просто было выделено несколько шоссе и железных дорог, а также три «воздушных коридора».

На конференции представителей США, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга по германской проблеме, которое прошло в Лондоне в феврале — марте 1948 г., было принято решение о создании самостоятельного западногерманского государства.

В ответ в Москве был разработан план «контрольно-ограничительных мероприятий на коммуникациях Берлина и советской зоны с западными зонами оккупации Германии»⁵⁸. Он представлял собой программу давления на западных союзников путем введения транспортной («кроме ограничений по воздушному сообщению») блокады западных оккупационных секторов Берлина. Осуществление плана возлагалось на Главнокомандующего Группой советских оккупационных войск (ГСОВГ) и руководителя Советской военной администрации в Германии (СВАГ) Маршала Советского Союза В. Соколовского. (31 марта 1949 г. его сменил на этом посту генерал армии В. Чуйков.) Москва надеялась, что тем самым ей удастся сорвать или по крайней мере нейтрализовать планы западных держав по объединению и последующему экономическому восстановлению западных зон оккупированной Германии. Как минимум, блокада могла бы ослабить позиции западных держав в самом Берлине.

В начале марта 1948 г. Р. Мэрфи, политический советник генерала Клея, докладывал госсекретарю США Дж. Маршаллу, что с середины января атмосфера заседаний четырехсторонней союзной контрольной комиссии в Берлине стала заметно ухудшаться. Это в конечном счете привело к невозможности «достигнуть соглашения по самым обычным вопросам». По его словам, советская делегация стала цепляться «за любой вопрос повестки дня и за любое заявление других делегаций, каким бы простым, дружественным и невинным оно ни было, с тем чтобы развернуть пропагандистскую атаку на другие три делегации».

25 марта 1948 г. В. Соколовский подписал приказ «Об усилении охраны и контроля на демаркационной линии советской зоны оккупации в Германии», в котором начальнику транспортного управления СВАГ предписывалось обеспечить сокращение до минимума движения пассажирских поездов и транспортов американских, английских и французских войск. Через два дня, в соответствии с его же приказом «Об усилении охраны и контроля на внешних границах Большого Берлина», были введены существенные ограничения на

⁵⁸ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 789. Л. 23.

передвижение людей и транспортные перевозки через берлинские границы⁵⁹. 15 апреля американской стороне было предложено эвакуировать подразделения войск связи, расположенные в советской зоне оккупации в Веймаре. 31 марта советское правительство заявило, что деятельность «подрывных и террористических элементов» обуславливает необходимость принятия более жестких мер для регулирования движения между Берлином и западными зонами, и ввело целый ряд ограничений, резко сокративших объем движения транспортных средств в город. При этом движение военных эшелонов из западных зон оккупации вообще было прекращено.

Раздраженный действиями русских, американский военный комендант в Германии генерал Л. Клей направил в Берлин несколько эшелонов с вооруженной охраной и приказом не допускать никаких проверок и инспекций со стороны русских. Однако эшелоны уперлись в советские блок-посты, перекрывшие доступ в Берлин. Не дожидаясь санкции Вашингтона, Клей приказал доставлять необходимые грузы самолетами. Одновременно он перекрыл все виды поставок из западных зон в советскую. В последующем советские действия получили в западной литературе наименование «детской блокады».

Со стороны Москвы блокада стала своего рода зондажом готовности и решимости западных держав отстаивать свои интересы в Берлине. Через несколько недель все вернулось к статус-кво.

Однако и после отмены «детской блокады» Советский Союз продолжал оказывать давление на западные державы с целью заставить их отказаться от односторонних действий в западных зонах оккупации.

Информация о советском поведении трактовалась в Вашингтоне по-разному. Еще в середине декабря 1947 г. ЦРУ предупредило президента Трумэна о том, что Москва, по всей видимости, прибегнет «ко всем возможным средствам, за исключением войны», для того чтобы «выдавить» западные державы из Берлина. В свою очередь армейская разведка США в начале мая 1948 г. сообщила, что согласно одному из ее источников Москва намеревается выдворить западные державы из Берлина не позже августа. Для этого советская сторона готова предпринять любые действия, вплоть до развязывания войны, однако наиболее реальна полномасштабная блокада Берлина.

Практически ежедневно слали свои тревожные депеши в Вашингтон Клей и Мэрфи. Сразу же после введения так называемой «детской блокады», в начале апреля, Клей сообщил генералу О. Брэдли, начальнику штаба армии, и генералу К. Роялу, министру армии, что оценивает последние по времени советские действия лишь как начальную стадию запланированной кампании давления на западные державы.

Однако далеко не вся разведывательная информация, поступавшая в Вашингтон, была подобного содержания. Значительная ее часть демонстрировала непонимание сложившейся ситуации и в результате объясняла действия Советского Союза лишь желанием разыграть пропагандистскую карту или просто-напросто «подразнить» западные державы, проверить их решимость отстаивать свои обязательства по Берлину. Особенно характерен такой подход был для донесений американского посла в Москве Б. Смита.

В итоге в Вашингтоне возобладала точка зрения, согласно которой Советский Союз не готов к чрезмерно решительным действиям.

За две недели до введения Москвой полномасштабной блокады Берлина директор ЦРУ США Р. Хилленкветтер информировал президента Трумэна, что Кремль, по всей видимости, решил отложить любые контрдействия в Берлине или в каком-либо другом месте Германии «до тех пор, пока он не будет окончательно убежден, что создание Западной Германии станет угрожающим фактором для советской внешней политики». По его мнению, жесткая и твердая позиция западных держав по берлинскому вопросу в целом сама по себе является сдерживающим фактором при любых провокационных действиях Москвы. Последняя точка зрения нашла понимание у Трумэна, который однозначно считал, что любые советские уступки или колебания являются прямым следствием твердости США.

⁵⁹ «Новая и новейшая история». 1995. № 3. С. 21.

На самом деле все было значительно сложнее. Несмотря на декларируемую бескомпромиссность, Трумэн признавал, что американское общественное мнение не настроено на крупный вооруженный конфликт с Советским Союзом по поводу Берлина. Это подтверждали его гражданские и военные советники.

Так, начальник штаба армии генерал О. Брэдли в разговоре с Клеем выразил мнение, что американский народ не разделяет стремления нести ответственность за Берлин в случае угрозы возникновения там войны. По его мнению, в создавшейся ситуации наиболее целесообразным было бы «наше собственное заявление об уходе и тем самым сохранение престижа, чем если бы пришлось уходить оттуда под давлением нависшей угрозы». Причина подобного заявления во многом обуславливалась скептицизмом американских военных в отношении возможности эффективной обороны Берлина в случае возникновения крупного военного конфликта.

Такую же точку зрения во многом разделяли и союзники США. В середине апреля американское посольство в Лондоне сообщило, что британские лидеры считают: уход западных держав из Берлина — это лишь вопрос времени. Одновременно они предложили в качестве будущей столицы Западной Германии выбрать город Франкфурт. В свою очередь и французы считали, что утрата Берлина не станет особой трагедией, и предостерегали своих союзников от слишком рискованных действий по берлинской проблеме.

Непоследовательность позиции и наличие многочисленных противоречивых мнений по берлинской проблеме привели к тому, что США так и не успели разработать четкий план действий на случай чрезвычайной обстановки в Берлине. Поэтому временное приостановление всех грузовых и пассажирских перевозок, введенное советскими властями 24 июня 1948 г. и означавшее не что иное, как начало полномасштабной блокады, вновь застало США врасплох. Это произошло даже несмотря на то, что уже 12 июня советская военная администрация под предлогом ремонта закрыла автомобильный мост через Эльбу.

Введением полномасштабной блокады Западного Берлина Советский Союз хотел если не помешать, то по крайней мере замедлить процесс появления на европейской карте возрожденного германского государства, которое неизбежно должно было встать под знамена Запада. При этом осуществление блокады, по мнению Москвы, не несло особого риска возникновения войны — сохранялась возможность в случае необходимости сделать обратный ход. Однако этот кризис, как любой другой, таил в себе возможность непредвиденных и опасных ситуаций.

С началом блокады соединения и части ВВС Группы советских оккупационных войск в Германии были приведены в состояние повышенной степени боевой готовности. Эта степень, естественно, не означала приказ открывать огонь по транспортам недавних союзников, но в ведущих столицах мира этого не знали: там царили напряженность и страх перед неизвестным будущим. Работала логика эскалации конфликта — уступки, компромиссы, отступление в этих условиях напрочь исключались обеими сторонами. Для американцев это означало бы полную компрометацию их новой европейской политики, являвшуюся для них важнейшим послевоенным приоритетом.

Генерал Клей и его политический советник Мэрфи настаивали на жестком противостоянии Москве, вплоть до применения военной силы. Фактически их позиция заключалась в решимости идти до конца, не останавливаясь даже перед угрозой развязывания третьей мировой войны между СССР и западными державами.

В Вашингтоне вновь развернулась острая дискуссия в отношении путей выхода из кризиса. Ряд политических и военных деятелей исходил в своих рекомендациях из военно-стратегической целесообразности пребывания в Берлине. Другие руководствовались преимущественно политическими соображениями. Первые опасались, что жесткое выполнение взятых на себя обязательств вынудит США развернуть значительный военный потенциал в Европе, что одновременно резко повысит риск развязывания войны на относительно малом и крайне уязвимом для обороняющихся участке территории. Эта позиция в обобщенном виде была выражена адмиралом У. Дихи, главой президентского аппарата, который записал в своем дневнике следующее: «Американская военная позиция в Берлине безнадежна вследствие явной недостаточности необходимой силы. Было бы предпочтительней для будущего США уйти из Берлина».

Подобную точку зрения разделяли многие высокопоставленные военные деятели в Вашингтоне, включая министра армии Роялла, так же как и некоторые советники генерала Клея. Сторонники другой точки зрения исходили из того, что США не могут оставить Берлин без непоправимой «потери лица» на международной арене. Наиболее яркими адвокатами этой точки зрения были Клей и Мэрфи. Согласно мнению Мэрфи, подобный исход стал бы новым «Мюнхеном 1948 года». Оба были готовы, если потребуется, на решительный вооруженный прорыв советской блокады, не задумываясь о последствиях такого шага.

В первые же дни блокады Клей неоднократно призывал Вашингтон одобрить его намерения и довести их до сведения Кремля. К середине июля военный штаб Клея разработал подробный план по прорыву блокады военной силой, который включал не только проведение конвоя до места назначения, но и, в случае необходимости, бомбардировку советских аэродромов в Восточной Германии, а также нанесение ударов по советским войскам, задействованным в блокаде. Более того, серией приказов он попытался организацию и время проведения этого конвоя поставить под свой личный контроль. Дело могло принять драматический оборот.

Однако против этих намерений высказался ряд авторитетных американских политиков. Американский посол в Москве Б. Смит предупредил, что любая попытка осуществления вооруженного конвоя станет вызовом для престижа СССР с непредсказуемыми последствиями, и если на первых порах приведет к «небольшой перестрелке», то затем быстро может перерасти в крупный вооруженный конфликт.

В Вашингтоне многие военные деятели разделяли подобную точку зрения, поэтому в первую же неделю кризиса Клею запретили высказываться на тему о возможности возникновения войны из-за Берлина.

Однако по мере развития берлинского кризиса в Вашингтоне сложилось достаточно единое мнение, что уход из Берлина станет непоправимым ударом по престижу США.

Выход из «Берлинского тупика»

Оптимальное решение из создавшейся тупиковой обстановки в отношениях между странами Запада и СССР по вопросу Берлина было неожиданно подсказано самой жизнью. В первые дни кризиса генерал Клей в качестве временной меры для доставки продовольствия в западные сектора Берлина прибегнул к использованию транспортных самолетов. И это неожиданно оказалось эффективным. В конечном счете был выбран именно этот вариант, хотя в тот момент никто в Вашингтоне не был уверен, что для преодоления кризиса этого окажется достаточно. Мало кто верил, что воздушный мост сможет длительное время бесперебойно обеспечивать жителей западных секторов Берлина всем необходимым. К примеру, представители американских ВВС на заседании Совета национальной безопасности 15 июля пренебрежительно отозвались о воздушном мосте как о полумере.

Но уже 22 июля на заседании того же Совета национальной безопасности генерал Клей безапелляционно гарантировал эффективность воздушного моста. В ходе обсуждения проблемы было принято решение об увеличении воздушных поставок, которое начало реализовываться немедленно. Только за один день, 18 сентября 1948 г., американские и английские военно-транспортные самолеты доставили 7 тыс. тонн продовольствия, горючего, снаряжения и др. И все же, несмотря на большой объем перевозимых грузов, жители Западного Берлина по-прежнему испытывали значительные трудности, особенно в связи с нехваткой топлива в зимний период.

Так начал действовать знаменитый «воздушный мост», который функционировал в течение 300 дней. Вокруг этого предприятия на Западе была организована громкая пропагандистская кампания: Берлин изображался «аванпостом свободного Запада», который необходимо отстоять любой ценой. Грамотно спланированная и проведенная, она дала свои ощутимые плоды: СССР оказался в затруднительном положении, а в американцах немцы начали видеть своих подлинных защитников.

В качестве средства «сдерживания Москвы» Г. Трумэн приказал 15 июля направить на территорию Великобритании две группы стратегических бомбардировщиков В-29, способных

нести ядерное оружие. Это было не что иное, как зарождение последующей американской стратегии сдерживания. Ни ядерного оружия на борту, ни приспособлений для его транспортировки на самолетах не было. Но в Москве этого не знали.

Игра велась опасная. Неясность в отношении намерений Запада могла подтолкнуть Советский Союз на крайние меры, вплоть до инициирования военных действий. Но и в Вашингтоне на протяжении всего кризиса не прекращалась отработка различных сценариев возможных ответных действий. Так, проведенная в самый разгар Берлинского кризиса, осенью 1948 г., штабная игра «Пэдрон» показала американскому военно-политическому руководству, что выиграть войну против Советского Союза США не сумеют даже с помощью ядерного удара силами своей авиации. Это вынудило Вашингтон предусмотреть ряд неординарных решений. В частности, в случае вооруженного конфликта с СССР американские войска вообще предполагалось эвакуировать с европейского континента. Это намерение держалось в строгом секрете как от потенциального противника, так и от союзников.

Но при этом Вашингтон не торопился отказываться и от идеи превентивного удара по Советскому Союзу. Только на протяжении 1946—1949 гг. один за другим разрабатывались чрезвычайные планы превентивной ядерной войны против СССР: «Пинчер», «Габбер», «Бройлер», «Халфмун», «Флитвуд», «Троян», «Оффтэкл», «Дропшот» — таков далеко не полный их перечень.

В свою очередь Советский Союз не мог прервать воздушное сообщение, налаженное западной стороной, не идя на риск войны. Это определенно не входило в расчеты Сталина.

Неожиданный успех в организации воздушного моста западными союзниками нельзя отнести к безусловным просчетам московских аналитиков — даже в западных столицах первоначально не было особой уверенности в его эффективности, пока жизнь не подтвердила обратного. Безусловным просчетом Кремля стала явная недооценка экономических трудностей, с которыми столкнется находящаяся под его контролем восточная зона Германии в случае полной изоляции от Запада.

Согласно сообщению ЦРУ, основывавшемуся на достоверном источнике, советские оккупационные власти испытали своего рода шок после сообщения восточногерманского руководства о всех вероятных последствиях западной контрблокады восточной зоны. 28 июня, спустя четыре дня после введения блокады, советские и восточногерманские власти провели тщательное обсуждение экономических последствий свертывания транспортных и торговых связей с Западом. Советский военный комендант был поражен выводами аналитического доклада об ужасающей перспективе блокады для восточногерманской промышленности. До этого весь расчет делался на то, что экономика восточной зоны сможет выжить даже в условиях блокады.

Тем не менее, скорее из пропагандистских соображений, советская поемная администрация объявила о повышении норм выдачи продовольствия в своей зоне оккупации. Это привело, однако, к совершенно обратному результату — к росту отрицательных настроений, которые, к примеру, широко распространились среди населения земли Бранденбург и были зафиксированы Бюро информации СВАГ. Так, заводской рабочий Скомеда из Эберсвальде заявил: «...Надо быть артистом, чтобы прожить целый день с прибавкой 50 грамм хлеба и 50 грамм картофеля и быть сытым». Председатель производственного совета верфи имени Э. Тельмана в г. Бранденбурге, член СЕПГ (фамилия не указана)», только с трудом мог успокоить возмущенных рабочих, когда им было объявлено о размерах повышения рационов»⁶⁰.

Ситуацию усугубили серьезные события, произошедшие в советской зоне оккупации. 9 сентября 1948 г. состоялась демонстрация восточных немцев у Бранденбургских ворот. Сначала митингующие выдвигали экономические требования, затем из толпы все чаще стали раздаваться политические лозунги антисоветской направленности. Кто-то из митингующих сорвал советский флаг. Со стороны советских солдат раздались одиночные выстрелы по толпе.

События 9 сентября оказались не досадной случайностью. Они стали вспышкой

⁶⁰ Бюро информации Советской военной администрации в Германии (СВАГ). — 1948, сентябрь. С. 98.

недовольства политикой советских властей, накопившегося у значительной части немецкого населения в восточной части Берлина. Характерно в этом отношении открытое письмо доктора Фриденсбурга, одного из лидеров Христианско-демократического союза Восточного Берлина, адресованное полковнику Тюльпанову, заместителю советского военного коменданта Берлина генерала Котикова:

«Даже наиболее доброжелательно настроенные люди чувствуют все большее разочарование и отчаяние в связи с позицией, которую Советский Союз занял по отношению к нашим примитивным и естественным демократическим воззрениям. Советская политика в отношении Германии, опирающаяся лишь на коммунистическую партию, заранее обречена на провал.

Непрерывные усилия наших коммунистов, несмотря на их малочисленность, навязать свою волю подавляющему большинству населения с помощью оккупационной власти непрерывно вызывают рост антикоммунистических настроений и на будущих выборах в Берлине, точно так же, как и в каком-либо другом месте, приведут к сокрушительному поражению коммунистической партии.

Немцы считают, что наши упреки в адрес других оккупационных держав являются перышком по сравнению с тем гнетом, которому советская оккупационная держава ежедневно подвергает наши сердца и нашу собственную и частную жизнь»⁶¹.

Вооруженное подавление демонстрации привело лишь к нарастанию антисоветских настроений в Восточном Берлине. Этому способствовали и проведенные восточногерманскими властями многочисленные аресты среди нарушителей общественного порядка. Бюро информации зафиксировало ряд высказываний, в которых выражалась одна мысль: проведенные аресты являются лишь доказательством слабости, «чрезвычайной нервности русских, везде видящих измену».

Как результат, последовали еще более резкие выпады в отношении Москвы. Так, газета «Дер Тагесшпигель» 11 сентября опубликовала статью некоего Э. Регера, который заявил: «За последние четыре месяца мир распознал, что Россия никогда не была союзницей западных держав. Даже в момент победы над Гитлером Россия была союзником Гитлера. Сегодня она является союзником мертвого Гитлера.

Полиция в советском секторе Берлина приступила к конфискации газет западных секторов. В ответ на это в западных зонах оккупации была запрещена деятельность коммунистической партии.

Стремясь использовать время действия эмбарго для укрепления собственных политических и экономических позиций в восточной зоне, Москва приступила к денежной реформе. Однако особой популярностью среди восточных немцев она не пользовалась. Так, на собрании районной организации ХДС Целендорфа выступавшие констатировали, что «русская держава в настоящий момент является более сильной, чем западные державы. Для достижения своих целей русские пытаются ввести в Берлине валюту восточной зоны, однако восточная марка не может расцениваться одинаково с западной маркой. Если бы не было блокады, то различие между обеими валютами было бы еще разительней, и это привело бы к окончательному провалу политики СЕПГ»⁶².

В свою очередь бургомистр района Целендорф в своем выступлении заявил: «Россия заблуждается по поводу своих успехов в восточной зоне, слишком понадеявшись на методы насилия. Лучшим доказательством этого заблуждения, — продолжал он, — будут следующие выборы в советской зоне, на которых СЕПГ получит не более 10 процентов...»

Становилось очевидным: советская блокада Берлина пошла на пользу не восточным, а западным немцам. Это, в частности, подтвердила и газета «Ди Вельт», которая утверждала в своей публикации, что «советская блокада Берлина принесла известную пользу, поскольку дала

⁶¹ Бюро информации СВАГ. — 1948, август. С.24.

⁶² Бюро информации С ВАГ. — 1948, сентябрь. С 48.

импульс строительству важных промышленных объектов в западных секторах Берлина»⁶³.

К концу февраля 1949 г. в результате встречной контрблокады Западом восточной зоны Берлина практически прекратились поставки из Западной Германии продовольствия, химикатов, стали и других видов жизненно важной продукции, что не замедлило сказаться на экономическом состоянии Восточной Германии.

О сложившемся положении маршал Соколовский был вынужден проинформировать Москву. Создававшаяся обстановка и осознание Москвой своей неудачи с проектом блокады Берлина многое объясняет в последующей уступчивости Сталина.

Этому способствовала и дипломатическая активность Запада, не оставлявшего попыток повлиять на позицию Советского Союза, в том числе и путем прямых обращений к Сталину и министру иностранных дел Молотову. В то же время эффективность воздушного моста позволяла западным державам не особенно торопиться со своими дипломатическими инициативами.

Кризис сопровождался неожиданными поворотами. Уже в самом его начале Москва, столкнувшись с умелой организацией воздушного моста западными союзниками, стала намекать, что готова на такой оригинальный способ разрешения конфликта, как обмен территорий. Речь шла, в частности, о ряде территорий в Тюрингии или Саксонии, входивших в советскую зону оккупации, на западные секторы в Берлине. С геополитической точки зрения подобный обмен давал США определенные стратегические выгоды, однако американские лидеры посчитали, что уход из Берлина подорвет их репутацию не только в Германии, но и во всем западном мире.

3 августа 1948 г. в переговорах между Сталиным и представителями трех западных правительств кремлевский вождь фактически отказался от своих первоначальных условий, предполагавших полный отказ Запада от планов создания западногерманского государства. Сталин заявил, что готов снять блокаду, если западные державы согласятся на совместное коммюнике, в которое будет включено положение о «непоколебимой позиции советского правительства», несогласного с лондонскими решениями, фактически декларировавшими намерение создать ФРГ. США, однако, отказались даже рассматривать это пожелание. В предложенном американской стороной тексте коммюнике, отправленном в Москву 6 августа, слова Сталина не нашли никакого отражения. Это вынудило В.М. Молотова заявить, что содержание коммюнике полностью отличается от того текста, который был согласован тремя днями ранее.

Был ли Сталин в тот период искренне заинтересован в снятии блокады в обмен на простое объявление своей оппозиции планам создания западногерманского государства? Вряд ли. Как свидетельствуют очевидцы, в августе 1948 г. Сталин был все еще уверен в эффективности блокады и надеялся рано или поздно преодолеть сопротивление союзников и скорее руководствовался стремлением внести смятение в западных столицах. Однако уже в сентябре Сталин почувствовал бесперспективность блокады и утратил интерес к переговорам по берлинскому вопросу. Так было с ним уже не раз, когда он приходил к выводу, что дело безнадежно проиграно.

Со своей стороны, убедившись в жизнеспособности воздушного моста, Вашингтон в начале января 1949 г. решил ускорить процедуру проведения денежной реформы в западных секторах Берлина. Это было сделано, несмотря на возражения англичан и французов, которые опасались, что подобный шаг окончательно отрежет любые возможности для ведения переговоров с Советским Союзом.

Американцы оказались правы. Под давлением сложившихся неблагоприятных обстоятельств Сталин был вынужден пересмотреть свою позицию в отношении блокады. После долгих месяцев дипломатического тупика он в конце января 1949 г. в интервью американскому журналисту намекнул на готовность Советского Союза рассмотреть возможность снятия ограничений на поставки в Берлин, если одновременно будет снята и контрблокада.

4 мая 1949 г. состоялись секретные переговоры между представителями СССР и США в

⁶³ «Die Welt». 1948. 30 октября.

ООН, в результате которых две стороны согласились отказаться от любых видов блокадных действий.

Тем самым первый Берлинский кризис подошел к концу. Советская блокада Западного Берлина, длившаяся 343 дня, закончилась. Несмотря на относительно мирное протекание кризиса, в ходе его несколько раз возникали ситуации, грозившие большой войной между двумя сверхдержавами.

Берлинский кризис стал своеобразной пробой на взаимное истощение. Советский Союз на этот раз был вынужден отступить. Основными, глубинными причинами провала блокады являлись в первую очередь тяжелое экономическое и политическое положение в самой советской зоне оккупации и очевидные успехи западных союзников в организации воздушного моста. Последние действительно проделали большую работу. К осуществлению воздушного моста было привлечено 575 самолетов (405 американских и 170 английских), из которых по разным причинам было потеряно 19 машин. Было совершено 277 264 полета в Берлин и доставлено 2,35 млн тонн грузов. Всего на работах по обеспечению воздушного моста было занято 57 тыс. человек⁶⁴.

Фактически провал блокады означал поражение Москвы. Об этом свидетельствовало и то, что Сталин вскоре сместил со своих должностей ряд авиационных военачальников. Лишился своего поста министра иностранных дел и В.М. Молотов.

7 сентября 1949 г. первая сессия Национального парламента провозгласила создание нового государства — Федеративной Республики Германии (ФРГ). Войска США, Англии и Франции оставались на территории нового государственного образования на европейском континенте. Их взаимоотношения с новыми властями регулировались «Оккупационным статутом», который сохранял за оккупационными командованиями право «взять на себя» всю полноту власти в стране, если они сочтут это необходимым. Вскоре началось создание западногерманской армии — бундесвера — в составе 25 дивизий. В полную силу заработал «план Маршалла» в отношении ФРГ и Западного Берлина.

В создавшейся обстановке Москва была вынуждена отвечать «зеркально» параллельным формированием в советской зоне оккупации восточногерманского государства. Это и было сделано 7 октября 1949 г. провозглашением Германской Демократической Республики (ГДР). Советская военная администрация в Германии передала принадлежавшие ей ранее функции управления временному правительству новой социалистической республики.

Таким образом, на немецкой земле возникло два антагонистических германских государства с различным общественно-политическим строем. Единая немецкая нация была искусственно разделена «по-живому».

Глава 7. Берлинский кризис 1953 г.

«Мармеладный» бунт

Сразу после смерти И. Сталина в марте 1953 г. социально-экономические неурядицы дали себя знать почти во всех странах народной демократии. Однако с особой силой они заявили о себе в ГДР. Здесь политический режим во главе с В. Ульбрихтом с чисто немецкой педантичностью и целеустремленностью был нацелен на «форсирование» темпов строительства социализма и недопущение каких бы то ни было «отклонений» от этого пути.

Принятые в апреле 1950 г. законы требовали от немецких рабочих укрепления дисциплины, резкого повышения производительности труда. Естественно, отношение широких масс населения к таким законам было неоднозначным. Однако уже 28 мая 1953 г. Совет министров ГДР вновь потребовал повышения рабочих норм на производстве, обосновав это

⁶⁴ См. Л.И. Грибков. Судьба Варшавского Договора. М.: Русская книга, 998. С. 85.

явно неудачно, в стандартном «советском» стиле, не учитывавшем специфики условий Германии того времени. В правительственном коммюнике с пафосом отмечалось: «Правительство Германской Демократической Республики приветствует инициативу рабочих по повышению норм выработки. Оно благодарит всех работников, которые повысили свои нормы за их большое патриотическое дело. Одновременно оно отвечает на пожелание рабочих по пересмотру и повышению норм»⁶⁵.

План экономического развития страны, принятый под воздействием советской стороны, предусматривал ускоренное развитие тяжелой промышленности, что, естественно, отражалось на работе отраслей, выпускавших потребительские товары. Населению ГДР было трудно понять это, особенно когда многие вещи повседневного спроса можно было получить только по карточкам.

Уже в мае 1953 г. в Восточной Германии начались проявления массового недовольства.

Но первоначально информация о недовольстве немецких рабочих была в Москве проигнорирована: рабочий класс Германии, мол, в любом случае жил лучше советского и, как следствие, просто не мог быть недоволен политическим режимом. Такая изначальная установка привела к тому, что к событиям 17 июня 1953 г. руководство Советского Союза оказалось просто неподготовленным⁶⁶.

В целом информированность Кремля о настроениях немецких рабочих оставляла желать лучшего. Взрыв негодования, спровоцированный повышением цен на мармелад, в первый момент вызвал недоумение. Не только в Москве, но и в советских представительствах в Берлине не подозревали или игнорировали то, что мармелад составляет чуть ли не основную часть завтрака немецкого рабочего.

Во многом именно «мармеладный бунт» и явился началом кризиса 1953 г.

27 мая 1953 г. министр иностранных дел СССР В. Молотов, курировавший ситуацию в ГДР, вынес вопрос о положении в Германии на заседание Президиума Совета Министров СССР. На этом заседании был сделан решительный вывод: без наличия советских войск существующий в ГДР режим неустойчив.

Мидовцы предлагали «не проводить форсированную политику строительства социализма в ГДР». Но еще более неожиданным стало выступление на заседании нового министра внутренних дел Л. Берия, предложившего вообще выбросить из решения слово «форсированный». На вопрос, почему он так считает, Берия ответил: «Потому что нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм или не будет, нам все равно». Для Советского Союза, продолжал Л. Берия, будет достаточно, если Германия воссоединится — пусть даже на буржуазных началах. Свою позицию он мотивировал частично и тем, что единая, сильная Германия станет серьезным противовесом американскому влиянию в Западной Европе⁶⁷.

Но подобная позиция вызвала жесткую реакцию В. Молотова. Он подчеркнул, что вопрос, по какому пути пойдет страна в самом центре Европы, очень важен. Хотя это и «неполная Германия», но от нее многое зависит. Следовательно, надо «взять твердую линию» на построение социализма в ГДР, но не торопиться с этим. По словам руководителя МИДа, «отказ от создания социалистического государства в Германии будет означать дезориентацию партийных сил не только Восточной Германии, но и во всей Восточной Европе в целом. А это, в свою очередь, откроет перспективу капитуляции восточноевропейских государств перед американцами».

Предложение В. Молотова поддержало большинство членов президиума»⁶⁸.

⁶⁵ Карта. Независимый исторический журнал. 1993. №2. С. 23.

⁶⁶ В. Мазаев. Берлин, 17 июня 1953 года...// Независимая газета. 18.06.1998 г.

⁶⁷ «Источник». 1993. № 4 С.85—86; «Родина». 1993. №11. С.80—81.

⁶⁸ Мемуары Н.С. Хрущева // «Вопросы истории». 1992, № 213. С.94.

Позже именно Л. Берия обвинят в том, что он якобы чуть ли не инициировал своими действиями беспорядки в Восточном Берлине. Основание для этого дало не только его вышеупомянутое выступление на заседании правительства, но и ряд практических мер. В частности, Берия лично распорядился отозвать в Москву уполномоченного МВД СССР по Германии и его заместителей, сократил в семь раз численность сотрудников самой службы в этой стране. Наконец, коллегия МВД вообще решила упразднить инструкторский аппарат в Германии.

Примечательно, что Берия уже в 1951 г. попал в немилость Сталина. Особняк Берия на ул. Малая Никитская, 28 (в настоящее время здание занимает посольство Туниса), который время от времени посещала жена помощника военного атташе американского посольства в Москве, был взят под наблюдение. Подслушивающие устройства были установлены даже в квартире матери Берия. А от самого Берия Сталин потребовал вести дело «мингрелов», обвинявшее их в заговоре с целью отделения Грузии от Советского Союза. Сталин распорядился также завести дело-формуляр и на самого Л.П. Берия. Это было вызвано подозрением, что Берия является ни больше ни меньше агентом английской разведки, которого впоследствии перевербовал американский антисоветский центр в Нью-Йорке. Как агент, он был якобы на длительное время «законсервирован», чтобы, добившись со временем высшего поста в партии и государстве, совершить государственный переворот и реставрировать капитализм в Советском Союзе. Главной целью Берия якобы являлся распад СССР и превращения его во второразрядную державу, сырьевой придаток Запада.

Впоследствии все эти обвинения, так и не доказанные, были использованы против Берия уже после смерти Сталина.

А в тот момент, видимо предчувствуя надвигающуюся личную опасность, Берия при первом известии о берлинском восстании, немедленно вылетел на место для проведения расследования.

Накануне восстания Москва лихорадочно пыталась изменить складывавшуюся в Восточной Германии взрывоопасную обстановку.

2 июня 1953 г. было издано распоряжение Совета Министров СССР «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». Через несколько дней, 9 июня, Политбюро ЦК СЕПГ, действуя в духе «московских решений», приняло постановление об исправлении создавшегося положения в стране. В опубликованном коммюнике назывались первоочередные мероприятия в области снабжения, финансов, сельского хозяйства и административной политики. Отменялись некоторые ограничения в отношении «буржуазных элементов» в городе и деревне, распускались сельскохозяйственные кооперативы, основанные с нарушением принципа добровольности и т.д.

Но было уже поздно. Обстановка в республике обострилась до предела.

9 июня 1953 г. по совету Кремля Политбюро ЦК СЕПГ приняло программу действий, названную «Новым курсом». Было публично признано, что в прошлом имели место некоторые ошибки. Впредь для улучшения снабжения населения предполагалось замедление темпов развития тяжелой промышленности. Отменялись и другие меры экономического характера, вызвавшие резкое недовольство населения. Однако запланированное повышение норм выработки было оставлено без изменений. Появившаяся 16 июня 1953 г. в профсоюзной газете «Трибуна» статья в защиту курса на повышение норм выработки стала последней каплей, переполнившей чашу народного недовольства.

Первыми прекратили работу строительные рабочие на Сталиналлее, организованно двинувшиеся в центр Восточного Берлина. К ним примкнули тысячи демонстрантов, которые перед «Домом министерств» — комплексом правительственных зданий — стали первоначально требовать отмены решения о повышении норм. Однако вскоре дело дошло и до политических лозунгов об отставке правительства и свободных выборах.

Быстро организованный здесь же, но, вероятнее всего, согласованный заранее оргкомитет назначил на следующий день, 17 июня, всеобщую забастовку. В возбужденной атмосфере митингующие уже не обратили никакого внимания, что главный повод для их недовольства — повышение норм выработки — был отменен в тот же день на экстренном заседании правительства. Это уже никого не интересовало, эмоции и страсти были накалены до предела.

Утром 17 июня многие рабочие-берлинцы последовали призыву к всеобщей забастовке. Они сформировали колонны и от своих предприятий и строительных площадок направились к торговому центру Восточного Берлина, где выдвинули свои политические требования. Рабочие требовали проведения свободных выборов, допуска к выборам западных партий, воссоединения Германии. Общая численность демонстрантов достигла впечатляющей цифры в 100 тыс. человек.

В других городах стачка проходила не менее бурно, чем в Берлине. В Дрездене, Герлице, Магдебурге и в некоторых других местах произошли вооруженные столкновения сначала с народной полицией, а затем и с советскими воинскими частями. В частности, в Дрездене подобное развитие событий было вызвано тем, что из тюрем были выпущены отбывавшие наказание уголовники, многие из которых немедленно присоединились к наиболее агрессивной части манифестантов.

В Берлине ситуацию накалило то, что к митингующим не вышел ни один представитель восточногерманского правительства, переложившего нелегкое бремя разгона демонстрации на советские войска и полицию.

Тем временем некоторые, заранее сформированные группы приступили к штурму партийных и правительственных зданий, предприятий государственной торговли. В некоторых местах возбужденные люди стали срывать советские и национальные государственные флаги.

«Иван, убирайся домой!»

В связи с резким обострением обстановки на улицах германской столицы появились советские танки из состава 12-й танковой и 1-й механизированной дивизий. На острие конфликта вновь оказалась Группа советских оккупационных войск, которую с 26 мая 1953 г. возглавил генерал-полковник А. Гречко.

По указанию Москвы, командование ГСОВГ совместно с органами МВД ГДР должны были действовать «твердо и решительно». На этом особенно настаивал Берия. Уже утром 17 июня для блокирования границы с Западным Берлином он приказал поднять по тревоге и выдвинуть в указанный район несколько стрелковых рот, находившихся в то время в столице.

Возбужденные участники демонстраций, размахивавшие старыми немецкими флагами, встретили советские войска лозунгами типа «Иван, убирайся домой!». Комендант советского сектора Берлина генерал-майор Дибрович ввел военное положение, фактически дав санкцию на применение оружия «в исключительных случаях». Лично Берия допускал возможность применения тяжелой техники. Вот что по этому поводу вспоминал В. Молотов: «Берия был в Берлине на подавлении восстания — он молодец в таких случаях. У нас было решение применить танки. Помню, что решили принять крутые меры, не допустить никакого восстания, подавить беспощаднейшим образом. Допустим, чтобы немцы восстали против нас?! Все бы закачалось, империалисты бы вступили, это был бы провал полнейший»⁶⁹.

На улицах немецкой столицы произошли вооруженные столкновения. Советские войска с танками Т-34, поддерживаемые цепями немецкой народной полиции, в конце концов рассеяли крупные группы демонстрантов перед правительственным комплексом на Ляйпцигер Штрассе. В отдельных случаях огонь открывался не только из карабинов, но и из пулеметов. В этот день погибло семь демонстрантов, многие получили огнестрельные ранения.

Вот как описывал события 17 июня 1953 г. один из очевидцев:

«По Вильгельмштрассе я подошел к границе сектора, которая пролегает там непосредственно около огромного здания Управления советской зоной (здания бывшего министерства воздушного транспорта). 30—40 полицейских в кожаных пальто перекрыли Вильгельмштрассе...

Через руины я попал на Ляйпцигер Штрассе, где — от Потсдамер Плац до

⁶⁹ Цит. по: Россия и Германия в годы войны и мира. С. 414—415.

Фридрихштрассе — царила невероятная сутолока. С горы руин, на которую вскарабкались десятки людей, я посмотрел на людскую толпу. Множество народных полицейских, которые держали друг друга за портупеи, оцепили четырехугольную площадь перед входами в здание, где во вторник проводили демонстрацию строительные рабочие. Сзади подъехали три покрашенные в зеленый цвет броневладельцы с угрожающе торчащими стволами пулеметов. Впереди же толпятся массы. Я подошел туда в то время, как град камней полетел в правительственные окна и побил почти все стекла на первом и втором этажах. Из зарешеченных входных ворот на Ляйпцигер Штрассе полицейский водомет посылает струю.

Непосредственно после этого по Ляйпцигер Штрассе прибыло много грузовиков с красноармейцами. Люди кричат: «Иван, давай! Иван, давай!» Но это был только передовой отряд. Из Вильгельмштрассе, с севера, с угрожающим грохотом подошли шесть советских танков и въехали на Ляйпцигер Штрассе по обеим сторонам улицы. Это был сигнал для продвижения вперед многих тысяч полицейских (около 10 тыс. — Авт.), которые до сих пор были спрятаны во дворах правительственных зданий.

Несколькими цепями народная полиция движется на восток, по Ляйпцигер Штрассе и на север, по Вильгельмштрассе, за ними торчат стволы орудий советских танков, еще дальше сзади — много грузовиков с сидящими в них советскими солдатами. С возгласами негодования толпа медленно отходит назад... Из громкоговорителей слышится: «Все это бессмысленно, Остробородый должен уйти!» Остробородый — это Ульбрихт, генеральный секретарь СЕПГ.

Дальше советские танки продвигаются уже без защиты народной полиции и пытаются оттеснить толпу к расположенной поблизости границе секторов. Хотя на свободной территории Фридрихштрассе им удастся разделить массу, но за ними потоки снова сливаются. Под возгласы негодования сотни кирпичей обрушиваются на танки, так что военные предпочитают закрыть люки. Внезапно раздаются пулеметные очереди, еще и еще. Народ, который как раз собирался вытащить портреты Гротеволья из разбитых окон правительственного здания, начинает разбегаться толпами, но сразу же возвращается назад, как только обстановка становится спокойнее. Раздаются выкрики: «Свиньи стреляют в рабочих! И это называется народным правительством?!» Другие сообщают, что советские танки врезались прямо в середину толпы.

На улице Унтер-ден-Линден царит оживление. Большие группы дискутирующих стоят перед университетом и арсеналом.

С двумя перекрещенными черно-красно-золотыми знаменами, под лозунгом: «Хлеба, дайте нам хлеба, или мы убьем вас!» — их там многие сотни. Однако в большом облаке пыли к этому месту уже мчатся три советских танка и четыре броневладельцы. Красноармейцы на грузовиках — со скатанными шинелями через плечо — едут следом. Везде слышны враждебные выкрики. Озлобление нарастает, когда прибывают транспортные автомобили с вооруженными карабинами молодыми народными полицейскими из находящихся на казарменном положении полицейских частей.

На площади Лустгартен, официальном месте парадов СЕПГ, видны следы танков на развороченной земле и на разбитых тротуарах. Цветочные клумбы раздавлены сотнями ног — и здесь танки вкатывались в толпу, и люди спасались на большой каменной трибуне, где обычно принимали одачи Ульбрихт, Пик и Гротеволь. На самом верху трибуны сидят несколько утомленных строительных рабочих с простеньким щитом: «За свободные выборы!»

На улице, ведущей к Александерплац, лежит сгоревший и раздавленный танками легковой автомобиль. На площади волнуются новые массы народа. Я снова наталкиваюсь на плотную заградительную цепь перед президиумом народной полиции.

Я отправляюсь назад пешком — езда невозможна из-за всеобщей забастовки транспорта — навстречу мне потоком идут люди, которые ранее стянулись к правительственному зданию с окраинных предприятий. Положение становится серьезным. На Лустгартен трещат выстрелы. Один советский танк выкатывается с улицы Унтер-ден-Линден мне навстречу и стреляет, передвигаясь зигзагами, в сторону городской электрички. Я обхожу Лустгартен и возвращаюсь через Шпиттельмарк к границе секторов Галльских ворот. По улицам все еще идут группы

людей, удивительно спокойных. Но со стороны Лустгартен раздаются пулеметные очереди и выстрелы танков. А когда я пересек одну улицу, то увидел танк, стреляющий в направлении Александерплац. Всплыло призрачное воспоминание о первых майских днях 1945 г., когда, не дожидаясь полного завершения вражды, люди возвращались в свои городские районы, а откуда-то, пролетая по полупустым улицам, свистели пули...

Во время моего путешествия я разговаривал со многими людьми: с жителями многоквартирных домов, расположенных вокруг Александерплац, с рабочими строительных площадок на Сталиналлее, с крупными предприятиями в Шеневайде, с городских заводов, с большого сталеплавильного комбината в Хеннигсдорфе, который расположен за пределами города и откуда через французский сектор к центральной части города прошла колонна демонстрантов из 12 000 человек (весь персонал, включая функционеров СЕПГ).

Везде я видел спокойную решимость проводить забастовку до выполнения требований. «Они слишком далеко завели дело и теперь полностью разоблачили себя» — таково было общее мнение....»⁷⁰.

Хотя демонстрантам под натиском танков пришлось уйти из правительственного квартала, ситуация продолжала оставаться крайне напряженной. На всех предприятиях, включая транспорт и водоснабжение, работа была остановлена. Положение усугублялось тем, что участников выступлений в Восточном Берлине сразу же поддерживали власти западных секторов города, самой ФРГ и ряда западноевропейских государств. Естественно, западные державы были заинтересованы в поддержании перманентной напряженности на границах с ГДР, что объективно вело к дестабилизации внутренней обстановки в самой республике.

По данным советской разведки, накануне июньских выступлений численность американских и английских военнослужащих в ФРГ увеличилась на 12 тысяч человек. А с началом массовых выступлений осуществлялось демонстративное выдвижение к границам с ГДР танков, бронетранспортеров и другой тяжелой боевой техники. Американская радиостанция «РИАС» и армейские радиоустановки также переместились к границе и развернули широкую пропагандистскую кампанию против «социалистических порядков» в ГДР. Нередко они участвовали в координации действий повстанцев.

Примечательно, что к началу 50-х г. советские спецслужбы имели в своем распоряжении агентов, которые могли не только вести наблюдение, но и проникнуть на военные базы и объекты в Норвегии, Франции, Австрии, Германии, США и Канаде и в случае необходимости установить там взрывные устройства.

Министр госбезопасности СССР Игнатьев и министр обороны маршал Василевский в 1952 г. одобрили план действий, направленных против американских и натовских стратегических военных баз в случае войны или вышедших из-под контроля локальных конфликтов. План предусматривал, что первой акцией при возникновении военного конфликта в Европе должно стать уничтожение коммуникаций натовской штаб-квартиры⁷¹.

Непосредственно в Западный Берлин прибыла группа влиятельных должностных лиц США, среди них — начальник разведки А. Даллес и его сестра Э. Даллес, занимавшая видный пост в госдепартаменте, генерал М. Риджуэй, бывший главнокомандующий многонациональными силами ООН в Корее и ряд других. Они призваны были тщательно изучать обстановку в ГДР и информировать американскую администрацию о формах и методах «восстановления демократии» в восточных землях, а также при необходимости оказывать помощь местной антисоветской оппозиции.

В этот период американские ВВС начали распространять в Берлине, других восточногерманских городах и в местах размещения частей и подразделений ГСОВГ всевозможные листовки и буклеты антисоциалистического и антисоветского содержания. «Над

⁷⁰ Карта. Независимый исторический журнал. 1993. №2. — С.24—25.

⁷¹ См.: П. Судоплатов. Специальные операции. — С.403.

рядом советских объектов ежедневно на низких высотах пролетают военно-транспортные самолеты С-47, с которых сбрасываются листовки, содержащие враждебные выпады в отношении Советских Вооруженных Сил и социалистического строительства в Восточной Германии», — информировал американскую сторону и одновременно докладывал в Москву посол СССР в ГДР В. Семенов.

В сложившихся условиях правительство ГДР 17 июня 1953 г. было вынуждено выступить с резким официальным заявлением, в котором говорилось:

«Мероприятия правительства Германской Демократической Республики по улучшению положения народа были отмечены фашистскими и другими реакционными элементами в Западном Берлине провокациями и тяжелыми нарушениями порядка в демократическом (советском. — Авт.) секторе Берлина. Эти провокации должны осложнить установление единства Германии.

Повод для оставления работы строительных рабочих в Берлине отпал после вчерашнего решения по вопросу о нормах.

Беспорядки, до которых затем дошло дело, являются делом провокаторов и фашистских агентов зарубежных держав и их помощников из немецких капиталистических монополий. Эти силы недовольны демократической властью в Германской Демократической Республике, организующей улучшение положения населения. Правительство призывает население:

Поддержать мероприятия по немедленному восстановлению порядка в городе и создать условия для нормальной и спокойной работы на предприятиях.

Виновные в беспорядках будут привлечены к ответственности и строго наказаны. Призываем рабочих и всех честных граждан схватить провокаторов и передать их государственным органам.

Необходимо, чтобы рабочие и техническая интеллигенция в сотрудничестве с органами власти сами предприняли необходимые меры по восстановлению нормального рабочего процесса».

Чрезвычайное положение в Берлине

В 13 часов советский комендант Берлина ввел в городе чрезвычайное положение. Приказ коменданта гласил следующее:

«Для установления прочного общественного порядка в советском секторе Берлина приказываю:

С 13 часов 17 июня 1953 г. в советском секторе Берлина объявляется чрезвычайное положение.

Запрещаются все демонстрации, собрания, митинги и прочие скопления людей более трех человек на улицах и площадях, а также в общественных зданиях.

Запрещается всяческое передвижение пешеходов и транспортных средств с 21 часа до 4 часов.

Нарушители этого приказа наказываются по законам военного времени.

Военный комендант советского сектора Большого Берлина.

генерал-майор Дибрович».

Долгое время советские власти не могли распечатать текст приказа о чрезвычайном положении: все типографии бастовали, в том числе и та, что выпускала советскую газету «Тэгliche рундшау».

Комендант Берлина генерал-майор Дибрович был вынужден запросить у поискового командования танк и направил его во двор типографии. Лишь после этого печатники приступили к работе.

Несмотря на введение чрезвычайного положения, в городе кое-где раздавались выстрелы.

Это были нападения на советских часовых и патрульных, но массового характера они не носили.

Много шума наделало непонятное похищение и вывоз в Западный Берлин председателя ХДС (ГДР) Отто Нушке. Немало пересудов было по поводу пожара в большом универмаге на границе с Западным Берлином.

В Карлхорсте тревогу вызвал инцидент с особенно непримиримыми манифестантами, арестованными в центре Берлина. Около 20—25 человек демонстрантов были доставлены в военный городок на грузовике под конвоем советских автоматчиков. При выгрузке задержанных один из немцев вырвал у растерявшегося солдата автомат и приготовился перестрелять всех, кто оказался рядом с грузовиком. К счастью, стоявший рядом советский офицер ударом в затылок сбил немца с ног и обезоружил его. Всех арестованных, по указанию генерал-полковника Семенова, привели к нему в кабинет. Он остался с ними наедине, не считая переводчика, и после долгой беседы объявил, что они свободны. Генерал отпустил всех задержанных, каждому пожав руку⁷².

Позже, однако, были сочинены многочисленные легенды о кровавой расправе с демонстрантами, о советских солдатах, отказывавшихся выполнять приказ стрелять в толпу.

Известие о берлинских событиях распространилось по всей ГДР. Во многих городах стихийно возникали забастовки и демонстрации.

Интенсивность народного восстания в разных городах была неодинаковой. Наряду со стачками и демонстрациями во многих населенных пунктах произошли настоящие мятежи и даже попытки — частью успешные — освобождения заключенных. Во многих местах для насильственного подавления выступлений использовались советские воинские части и подразделения.

Забастовки прошли в общей сложности в 304 населенных пунктах. В центрах восстаний бастовали по меньшей мере ПО крупных предприятий, на которых работали 267 тысяч рабочих. Крупными демонстрациями были охвачены 72 населенных пункта. При этом советские войска привлекались для «наведения порядка» в 121 населенном пункте.

Центрами демонстраций, помимо Берлина, стали прежде всего среднегерманская промышленная область с городами Биттерфельд, Галле, Лейпциг и Мерзебург и Магдебургский регион, в меньшей степени — области Йена-Гера, Бранденбург и Герлиц.

В целом по стране, согласно сообщению министра государственной безопасности ГДР, погибли 19 демонстрантов и 2 человека, не принимавших участие в событиях, а также 4 сотрудника полиции и госбезопасности. Ранены были 1236 демонстрантов, 61 прохожий и 191 сотрудник восточногерманских сил безопасности. Помимо официальных данных, есть сведения о более чем 267 убитых среди восставших и 116 убитых среди сил безопасности и функционеров режима⁷³.

В конечном счете восточногерманское правительство, отставки которого требовал и демонстранты, после событий 17 июня лишь укрепились. Тем министрам, которые сочувственно отнеслись к требованиям митингующих, пришлось покинуть свои посты.

Нелицеприятное свидетельство об атмосфере, царившей в партийной верхушке, оставил известный писатель и драматург Б. Брехт, обласканный, кстати, восточногерманскими властями. После смерти писателя в 1956 г. в его творческом наследии было найдено стихотворение «Решение»:

После восстания 17 июня секретарь Союза писателей
приказал раздавать на Сталиналлее листовки,
в которых можно было прочитать, что народ потерял доверие
правительства
и что возратить его он может только удвоенной работой.

⁷² Берлин, 17 июня 1953 года...// Независимая газета, 28 июня 1998 г.

⁷³ Карта. 1993. №2. С. 27.

Не было бы разве проще правительству
распустить народ и выбрать новый?⁷⁴

К 1 июля 1953 г. обстановка в ГДР в целом нормализовалась. В Берлине было отменено военное положение. Соединения и части ГСОВГ покинули улицы и площади населенных пунктов, прибыли в места постоянной дислокации и приступили к плановой боевой учебе.

За образцовое выполнение задач командования многие офицеры и солдаты Группы советских войск были награждены орденами и медалями СССР и ГДР, удостоены благодарности главнокомандующего ГСОВГ. 3 августа А. Гречко было присвоено воинское звание «генерал армии».

Сразу же после событий 1953 г. при активной помощи Советского Союза стала создаваться Национальная Народная Армия (ННА) ГДР. В 1954 г. оккупационные функции советских войск в Германии были упразднены. ГСОВГ стала называться Группой советских войск в Германии (ГСВГ). Правовой основой ее пребывания на территории Восточной Германии являлись Договор об отношениях между ГДР и СССР от 20 сентября 1955 г. и Соглашение по временному нахождению советских войск на территории ГДР, подписанное 12 марта 1957 г. и действовавшее до объединения Германии. В 1957 г. охрана государственной границы ГДР была полностью передана немецким пограничным войскам.

Глава 8. «Вихрь» в Будапеште, год 1956

Как все начиналось

Приоритетной военно-политической задачей СССР в нараставшем противоборстве с «мировым империализмом» являлось обеспечение стабильности внутри социалистического блока, устранение любой ценой самих предпосылок для появления здесь пятой колонны, «троянского коня». Малейший дисбаланс в мировой социалистической системе, попытка выхода за жесткие политико-идеологические правила игры немедленно находили в Москве предельно жесткий ответ. Противоборство с Западом было бескомпромиссным.

Для социалистической системы едва ли не самым серьезным потрясением стал кризис в Венгрии 1956 г. В Военной энциклопедии венгерский кризис и последовавшая затем советская военная акция определяется как «военное вмешательство Советского Союза во внутривнутриполитический кризис в Венгерской Народной Республике с целью сохранения социалистического строя в стране, недопущения выхода Венгрии из Организации Варшавского Договора (ОВД)»⁷⁵.

Оценка достаточно определенная.

Основной причиной кризиса явилась попытка венгерского руководства «модернизировать» социалистический строй, реанимировав демократические принципы внутривнутриполитической жизни и введя в экономику страны рыночные элементы.

Непосредственным поводом для этого стал «ветер перемен», казалось, пронесшийся над социалистическим лагерем после смерти Сталина.

В начале 1955 г. ряд венгерских писателей поднял голос против наиболее раздражавших сторон партийного диктата. Их статьи пока еще робко, с оглядкой, подвергли критике принцип партийности в литературе, а также непрофессиональное, огульное вмешательство партийных идеологов и функционеров в творческую деятельность писателей и художников⁷⁶.

⁷⁴ Карта. 1993. №2. С. 24.

⁷⁵ Военная энциклопедия. Т. 7 (о процессе ...).

⁷⁶ См.: История венгерской народной демократии. 1944—1975. Будапешт: Корвина, 1984. С. 296.

В мае 1955 г. была создана Организация Варшавского Договора, формально установившая равноправные отношения Москвы со своими восточноевропейскими союзниками.

В мае-июне 1955 г. произошло другое знаменательное событие: советские руководители прибыли в Белград с официальным визитом, в том числе для встречи с И. Тито. Примирение с Тито имело далеко идущие политические последствия. Если Тито таким образом реабилитирован Москвой, то, значит, немалое число людей, репрессированных в ходе кампании против «титоизма», осуждены невинно. Это оказало сильное отрезвляющее воздействие даже на тех, кто в странах Восточной Европы искренне верил в идеалы социализма. В этих государствах, в том числе и Венгрии, началась кампания по реабилитации лиц, пострадавших за «титоизм».

И, наконец, огромное значение имела разоблачавшая сталинский режим речь Хрущева на XX съезде КПСС (14—25 февраля 1956 г.), которая, несмотря на свою «секретность», в считанные недели стала широко известной в восточноевропейских странах. Критика недавнего прошлого, осуждение культа личности, ошибок и преступлений вызвала в социалистических странах Восточной Европы достаточно сильные, явные или скрытые, антисоветские настроения. Но именно в Венгрии, в силу сложившихся внутривнутриполитических условий, эти настроения достигли столь высокой степени, что едва не обрушили существовавший политический строй.

Одной из главных тому причин стала одиозность правления руководителя венгерской компартии Ракоши, не только принимавшего непосредственное участие в политических чистках, но и абсолютно «неспособного к политическому маневрированию, к искусству компромиссов»⁷⁷. В результате послевоенных репрессий в Венгрии в тюремных стенах исчезло около 1000 известных политических и общественных деятелей. После смерти Сталина в 1953 г. венгерское правительство было приглашено в Москву, где ему настоятельно рекомендовали для удержания контроля над страной скорректировать, смягчить свой политический курс. Несмотря на довольно острую критику, Ракоши сумел сохранить свой пост, однако в Москве было решено, что полезным дополнением к нему — председателем правительства Венгрии — должен стать Имре Надь.

Надь прежде всего попытался замедлить чрезмерно форсированную индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, однако грубая выволочка на Политбюро закончилась для него в апреле 1955 г. сердечным приступом, отставкой и исключением из рядов Венгерской партии трудящихся (ВПТ). Умеренные реформаторские замыслы Надя разбились о скалу косной прямолинейности Ракоши. Все, казалось, вернулось на круги своя. Ракоши потихоньку свернул кампанию по реабилитации, пребывая в убеждении, что сумел восстановить в стране партийный контроль.

Однако в марте 1956 г. на партийных собраниях в различных организациях и учреждениях Венгрии вновь прозвучали резкие требования довести до конца реабилитацию невинно осужденных, пересмотреть дела репрессированных в 1949 г. партийных лидеров.

В том же месяце генеральный секретарь Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши был вынужден объявить, что Райк и другие политические деятели были приговорены к смертной казни по «сфабрикованным обвинениям». Ласло Райка с товарищами казнили в 1949 г. по обвинению в шпионаже в пользу маршала Тито. Вынужденное официальное признание совершенных режимом преступлений произвело на страну колоссальное впечатление⁷⁸. В атмосфере растущего и уже не скрываемого недовольства народных масс правящим режимом Центральное руководство (ЦР) Венгерской партии трудящихся вынуждено было пойти на некоторые уступки, в частности, создать специальную партийную комиссию по изучению дел репрессированных, которая сразу же приступила к активной работе.

В ходе ее работы уже не только в Будапеште, но и в Москве почувствовали

⁷⁷ Политические кризисы и конфликты 50—60-х годов в Восточной Европе. М.: РАН, 1993. С. 228.

⁷⁸ Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М.: Наука, 1993. С. 180.

необходимость существенных политических перемен. Переломный момент пришелся на июль 1956 г.

Именно в это время в соседней Польше, в Познани, разразилась крупная забастовка, которая была подавлена. Ракоши принял было это как сигнал к решительному наступлению против оппозиционеров, но приехавший в Будапешт 18 июля А. Микоян объявил ему о рекомендации, а фактически о решении Москвы подать в отставку. На его место пришел Э. Герё⁷⁹.

Ракоши, однако, сумел сохранить за собой пост президента Венгерской Народной Республики, но ненадолго. Вскоре он был смещен со всех своих постов.

После падения Ракоши венгерский народ ожидал каких-либо изменений, оздоровления политической жизни в стране, но Герё продолжал копировать советский опыт без учета венгерских особенностей. Сбылась оценка его как человека «очень сурового в обращении с людьми, жесткого, не терпящего критики, не принимающего совета товарищей, нетерпеливого»⁸⁰. Всеобщее раздражение вызывали задержка реабилитации невинно осужденных по делу Ласло Райка и других, сокращение зарплаты, рост цен. Полумеры уже никого не устраивали. С памятью о лучших временах связывалось в народных массах имя бывшего премьер-министра Имре Надя, при котором в 1953—1955 гг. несколько ослаб введенный Ракоши тотальный контроль над общественной жизнью.

Политическая атмосфера в стране все более накалялась. Нарастало недовольство и среди представителей разных эшелонов правящей партии.

Тревожная информация постепенно накапливалась в советском посольстве. Советский посол в Венгрии Ю.В. Андропов на первых порах оценивал развитие событий как «серьезную уступку правым и демагогическим элементам» в стране. Эту оценку разделял и будущий председатель КГБ В.А. Крючков, который в 1955 г., в возрасте 31 года, прибыл в Будапешт для работы в качестве третьего секретаря советского посольства. Выступая перед руководящим составом советских войск в Секешфехерваре накануне июльского пленума ЦК Венгерской партии трудящихся, Андропов заявил об активизации «агрессивной оппозиции» в Венгрии и о существовании враждебных по отношению к Советскому Союзу настроений. Упомянул он и том, что венгерское руководство может обратиться к Москве за помощью⁸¹.

Донесения Андропова в Москву возымели свое действие. Для изучения ситуации в Будапешт были направлены члены Президиума ЦК КПСС М.А. Суслов и А.И. Микоян. Итогом их ознакомления с обстановкой стали рекомендации венгерскому руководству произвести такие внутренние кадровые перестановки, которые в конечном счете позволили бы «разгромить оппозицию и враждебные элементы»⁸². Однако конкретных рецептов решения проблем и противоречий венгерского общества советская сторона дать, естественно, не могла.

К этому времени резко активизировалась деятельность различных общественных объединений, приобретающих все более выраженный политический характер. Центром недовольства и сопротивления режиму стал Союз венгерских писателей. В созданном летом 1956 г. кружке «Петефи» под видом литературных дискуссий велись критика и дискредитация существовавшего в стране общественно-политического строя. Это происходило на фоне усилившихся идеологических кампаний Запада: радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки» призывали к открытому выступлению против правящего режима.

Важнейшим объектом идеологических и политических нападок оппозиционных сил внутри Венгрии стал Советский Союз. В стране усилились антисоветские настроения, о чем

⁷⁹ Советский Союз и Венгерский кризис 1956 г. Документы. — М., РОССПЭН, 1998. С. 176.

⁸⁰ Советский Союз и Венгерский кризис 1956 г. — С. 177.

⁸¹ Лашенико П.Н. Венгрия 1956 год// Военно-исторический журнал. 1989. №9.

⁸² О советском военном вмешательстве в Венгрии// Известия. 1992. 26 декабря.

вначале свидетельствовали незначительные, на первый взгляд, факты. В магазинах все чаще отказывались продавать товары советским военнослужащим и членам их семей. Повседневным явлением стали антисоветские высказывания на улицах венгерских городов. В общежитии советских офицеров в Сомбатхее ночью камнями были разбиты окна. На одном из железнодорожных переездов группу советских солдат забросали из проходившего поезда кусками угля. Комендант Будапешта полковник М.Я. Кузьминов сообщал, что неизвестные лица звонили по телефону в комендатуру, угрожали и предупреждали, что русских за все содеянное ждет кровавая расплата. Подобные эпизоды росли как снежный ком⁸³.

По-прежнему вдохновляющее воздействие на венгров оказывали события в Польше, где к середине октября 1956 г. своего апогея достигла борьба «за демократизацию социализма». Повсеместно проходившие в Польше массовые митинги грозили перерасти в вооруженные столкновения. Социалистический блок, казалось, трещал по всем швам.

За происходившими в Венгрии событиями с растущей тревогой пристально наблюдали из Москвы. В партийно-политическом руководстве СССР все чаще поднимался вопрос о возможности применения военной силы для умирения «бунтовщиков».

После Второй мировой войны советские войска на территории Венгерской Народной Республики (ВНР) находились в соответствии с соглашением союзных держав, а затем — в соответствии с мирным договором между СССР и Венгрией 1947 г. На том этапе войска в Венгрии официально размещались с целью обеспечения коммуникаций советских войск, дислоцированных в Австрии. Мирный договор, заключенный с Австрией в 1955 г., лишил их этого предлога. В дальнейшем, однако, присутствие советских войск в этой стране стало регламентироваться соответствующими пунктами Варшавского Договора.

После расформирования размещавшейся в Австрии Центральной группы войск, в подчинении которой находились войска в Венгрии, для руководства ими первоначально намечалось создать небольшое управление группы войск или отдельной армии. Однако наименования «группа войск» или «отдельная армия» не понравились руководству Министерства обороны СССР: могло сложиться впечатление, что группу вывели из Австрии и разместили в Венгрии. С другой стороны, в Румынии уже имелось управление отдельной механизированной армии. Министр обороны СССР маршал Г.К. Жуков предложил назвать новое управление Особым корпусом по аналогии с Особым корпусом советских войск в Монголии, которым он сам командовал в 1939 г., когда советские войска нанесли поражение японцам на реке Халхин-Гол.

Созданный таким образом Особый корпус был действительно особым: он объединил в себе группировку сухопутных войск и ВВС. В состав корпуса вошли 2-я и 17-я гвардейские механизированные дивизии. 195-я истребительная и 172-я бомбардировочная авиационные дивизии. 20-й понтонно-мостовой полк, зенитно-артиллерийские части и учреждения тыла. В сентябре 1955 г. было создано и управление Особого корпуса. Через Генеральный штаб Особый корпус был подчинен непосредственно министру обороны⁸⁴.

Советские части были размещены в городах Дьер, Сомбатхей, Керменд, Кечкемет, Сольнок, Цеглед, Дебрецен, Папа и других. Управление корпуса находилось в городе Секешфехервар. В самом Будапеште размещались военная комендатура, политотдел спецчастей, госпиталь и управление военной торговли.

Официально Особый корпус предназначался для прикрытия совместно с венгерскими частями границы с Австрией и обеспечения коммуникаций на случай выдвижения советских войск.

Командиром Особого корпуса был назначен генерал-лейтенант П.Н. Лашенко. В годы войны он командовал стрелковой дивизией и в Венгрию прибыл с должности командира стрелкового корпуса из Прибалтики. По отзывам сослуживцев, это был требовательный, здравомыслящий командир, хороший организатор. Он вместе с начальником штаба корпуса

⁸³ Малащенко Е.И. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С.22—30.

⁸⁴ Там же.

генерал-майором Г.А. Щелбаниным сумел быстро наладить сложную работу вверенных им органов управления.

Именно на Особый корпус было решено в Москве возложить при необходимости основную ответственность по «восстановлению порядка» в Венгрии. В начале июля 1956 г. из Министерства обороны СССР в штаб корпуса пришло распоряжение разработать план соответствующих действий. Для штаба это не представляло особого труда — ведь многие из тех, кто там служил, принимали непосредственное участие в освобождении Будапешта в 1945 г.

При разработке плана, получившего условное наименование «Компас», были учтены документы, разработанные венгерским Генштабом для совместных действий венгерской армии, органов госбезопасности и полиции по восстановлению общественного порядка в Венгрии, а также данные о важнейших государственных и военных объектах, предоставленные главным советским представителем в министерстве обороны ВНР генерал-лейтенантом М.Ф. Тихоновым.

Помимо плана была разработана и специальная инструкция, в которой указывались: порядок действий частей и подразделений в городе, задачи по охране и обороне объектов, порядок взаимодействия с венгерскими частями, порядок поддержания связи с их командирами и местными органами власти. Особо оговаривались случаи, когда разрешалось применять оружие.

Подробный и тщательно разработанный, план отличался продуманностью и высоким уровнем профессионализма.

Однако его разработчики, естественно, не могли заранее оценить масштабность возможного сопротивления. Планом предусматривалось привлечь к действиям по «восстановлению порядка» в Будапеште всего лишь одну, а именно 2-ю гвардейскую механизированную дивизию под командованием генерала С.В. Лебедева. Дивизия должна была выдвинуться из района Кечкемет и взять под охрану все важнейшие объекты столицы. В свою очередь 17-я гвардейская механизированная дивизия под командованием генерал-майора А.В. Кривошеева основными силами должна была прикрыть границу с Австрией и поддерживать общественный порядок в пунктах постоянной дислокации в городах Дьер, Кесег, Керменд, Сомбатхей⁸⁵. Авиационные дивизии, зенитно-артиллерийские, инженерные и другие специальные части к указанным действиям по плану не привлекались. Им предписывалось поддерживать порядок в местах постоянной дислокации, а также в случае чрезвычайной обстановки удерживать и оборонять свои военные городки, аэродромы, позиции, склады и другие объекты.

Однако в тот период план носил скорее условный характер. Специальная подготовка частей и подразделений к реальным действиям не проводилась.

В середине июля 1956 г. группой генералов и офицеров, возглавляемых первым заместителем начальника Генерального штаба СССР генералом армии А.И. Антоновым, была проведена проверка боевой готовности войск Особого корпуса. Комиссия в целом осталась удовлетворена боевой готовностью корпуса, но в то же время предложила на случай чрезвычайной обстановки внести некоторые коррективы в разработанный план его действий.

20 июля 1956 г. командир корпуса генерал-лейтенант П.Н. Лашенко утвердил новый вариант «Плана действия Особого корпуса по восстановлению общественного порядка на территории Венгрии». Он же после согласования с Москвой изменил и наименование плана, который теперь стал называться «Волна». В соответствии с внесенными в план изменениями частям корпуса отводилось от 3 до 6 часов для установления контроля над важнейшими объектами страны и Будапешта.

Восстание набирает силу

В сентябре 1956 г. в Венгрии заметно усилились оппозиционные выступления под лозунгом «более гуманного социализма» и восстановления в партии бывшего

⁸⁵ Малащенко Е.И. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №11. С.44—51.

премьер-министра Имре Надя.

Советский посол Ю. Андропов считал, что И. Надь не может быть возвращен в ВПТ, так как это повлечет за собой серьезное усиление «правых настроений» и фракционных тенденций в партии. В то же время он докладывал в Москву, что Надь, по словам большинства венгерских коммунистов, «не является антисоветски настроенным человеком», но хочет строить социализм «по-венгерски, а не по-советски»⁸⁶. Под сильнейшим давлением снизу партийное руководство Венгрии было вынуждено объявить 14 октября о восстановлении опального премьер-министра в ВПТ.

У реформаторов в ВПТ во главе с Имре Надем к этому времени уже была разработана программа демократического обновления общества. Как это чаще всего бывает в стихийно нарастающем революционном движении, реформаторы опирались в своих расчетах на протестный потенциал прежде всего интеллигенции и молодежи. Однако высвобожденная энергия этих слоев населения вскоре приобрела неуправляемый характер.

Переломным событием в этом процессе стало торжественное перезахоронение 6 октября 1956 г. останков Л. Райка, Д. Палфи, Т. Сене и А. Салоша, несправедливо казненных в 1949 г. по сфабрикованным делам. Недовольство существующим режимом уже не скрывалось, выплескивалось митингующими открыто и гневно.

16 октября студенты Сегедского университета создали независимую от официального Союза трудящейся молодежи самостоятельную организацию — Союз венгерских университетских и институтских объединений. 17 октября партийная организация Союза писателей в постановлении собрания потребовала созыва внеочередного съезда ВПТ. На собраниях, прошедших в вузах столицы и других городов с 16 по 22 октября, студенты выдвинули жесткие политические требования. Власти были вынуждены каким-то образом реагировать.

19 октября министр образования Альберт Коня в ответ на требования, выдвинутые венгерским студенчеством, объявил о существенных изменениях в системе образования. Он, в частности, дал обещание отменить обязательное изучение русского языка в школах. Однако это уже никого не устраивало. Мощные студенческие демонстрации прокатились в Сегеде и в других городах, где их участники обсудили и приняли еще более радикальные, теперь уже политические требования. Ожидания скорых неизбежных перемен подогревались передававшимися из уст в уста слухами об успехах реформаторов в Польше.

И действительно, обстановка в Польше выходила из-под контроля властей. Угроза внутривнутриполитической стабильности была там настолько сильна, что в сентябре 1956 г. Н. Хрущев вместе с Молотовым, Микояном, Булганиным и маршалом Коневым в «пожарном режиме» прилетели в Варшаву. Советская делегация прибыла без приглашения, вопреки протестам поляков.

В Варшаве сразу же начались трудные переговоры. Хрущев обвинял польское руководство — Охаба, Гомулку, Циранкевича — в том, что они отворачиваются от СССР, отвергают маршала Рокоссовского, занимавшего в тот момент пост министра обороны Польши, все чаще допускают антисоветские выступления в печати, не хотят иметь советских советников в польской армии. Поляки, в свою очередь, обвиняли Москву в просталинском, более нетерпимом стиле взаимоотношений. Споры достигли небывалого прежде накала. Дело дошло до того, что в один из моментов польское руководство по своим каналам получило сообщение о продвижении советских танков в направлении Варшавы. Но в ответ на гневные обвинения, а главным образом из-за опасения «увязнуть» в Польше вследствие неподготовленности военной операции, Хрущев был вынужден свернуть демонстрацию военной мощи. Это стало моральной победой Варшавы.

21 октября пленум ЦК ПОРП привел к руководству партией В. Гомулку, который в конце 40-х гг. был обвинен в «правонационалистическом уклонизме», а затем арестован.

Об этом инциденте Хрущев в мемуарах вспоминает неохотно, сквозь зубы: «Во время XX

⁸⁶ Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле: от Андропова до Горбачева. М.: АО «Московский центр искусств», 1991. С. 302.

съезда партии умер первый секретарь ЦК ПОРП Болеслав Берут. После его смерти в Польше были крупные беспорядки...»⁸⁷

Продолжались эти «беспорядки» долго.

В течение нескольких дней советское руководство продолжало обсуждать возможность вооруженного вмешательства в «польские события». Однако, учитывая то, что часть польских вооруженных сил поддержала Гомулку, а также крайне тревожную обстановку в соседней Венгрии, был найден единственно разумный в тех условиях выход — отказаться от силового способа разрешения польского кризиса. В последующем, к слову сказать, грамотные, решительные действия Гомулки сумели разрядить обстановку в стране и нейтрализовать грозившие обернуться мощным взрывом антикоммунистические настроения в Польше.

На фоне событий в Польше внутривосточная обстановка в Венгрии принимала все более угрожающий для Москвы характер.

В период с 6 по 19 октября советский посол в Венгрии Ю. Андропов неоднократно встречался с руководящим составом Особого корпуса. Его основной целью было разъяснение командному составу и партийно-политическому аппарату советских частей и соединений специфики сложившегося в Венгрии положения. Одновременно он хотел лично разобраться в настроениях генералов и офицеров. В середине октября генерал Лашенко был вынужден прервать плановый сбор командиров соединений и частей, приказать им вернуться в свои части и срочно принять необходимые меры на случай чрезвычайной обстановки, включая практическую подготовку к военным действиям непосредственно в Будапеште. 21 октября офицерами управления Особого корпуса была проведена проверка готовности соединений и частей к действиям по плану «Волна». Корпус в целом был готов к «прыжку».

Интенсивные меры на случай военного вмешательства в венгерские события проводились и непосредственно на территории Советского Союза. 19 октября 108-й гвардейский парашютно-десантный полк 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии был приведен в полную боевую готовность, а 20 октября сосредоточен на аэродромах Каунаса и Вильнюса.

Тем временем спираль кризиса в самой Венгрии закручивалась все сильнее.

22 октября, за день до массовых выступлений, в Будапеште прошли студенческие митинги. На самом значительном из них, состоявшемся в Политехническом университете, студенты приняли ставшую вскоре знаменитой программу требований из 16 пунктов, в которой сформулировали свои взгляды на политику страны. Значительная часть этих требований почти не претерпела никаких изменений в ходе всего восстания. Студенты требовали: немедленного вывода советских войск, создания нового правительства во главе с Имре Надем, проведения свободных выборов, гарантии свободы слова, восстановления многопартийной системы и пр.⁸⁸

Вечером того же дня несколько студентов, желая довести свои требования до сведения всего венгерского народа, сделали попытку зачитать «16 пунктов» по радио. Однако ведомство цензуры не согласилось пропустить в эфир пункты с требованием вывода советских войск и проведения свободных выборов. Студенты в свою очередь отказались обнародовать заявление в неполном виде. Конфронтация начинала приобретать открытый характер.

В ходе продолжавшегося тем временем митинга поступили сообщения о том, что Венгерский союз писателей готовится выразить свою солидарность с Польшей. Писатели намеревались на следующий день возложить венок к памятнику герою освободительной войны 1848—1949 гг. генералу Бему, поляку по происхождению. Студенты решили также принять участие в этой демонстрации.

К утру следующего дня уже весь Будапешт знал о выдвинутых студентами политических требованиях. Будапештское радио вначале сообщило о готовящейся демонстрации, но затем передало указ министра внутренних дел Л. Пироша о ее запрете. Однако в послеобеденные часы, когда демонстрация приняла невиданно массовый характер, власти были вынуждены

⁸⁷ См.: Хрущев вспоминает. М., 1971. С.337.

⁸⁸ Цит. по: Советский Союз и Венгерский кризис 1956 г. Документы. — М., РОССПЭН, 1998. С. 316—318.

снять запрет. В демонстрации приняли участие тысячи юношей и девушек, среди которых были студенты, заводские рабочие, солдаты в форме и другие категории населения. Стихийный митинг состоялся и возле памятника Петефи.

На этом фоне в 14.00 началось заседание венгерского правительства, на котором обсуждался ряд экстраординарных мер: введение чрезвычайного положения, изменения в составе Политбюро, секретариата и правительства, а также целесообразность обращения за помощью к советскому правительству. После недолгих дебатов единственно приемлемой кандидатурой на пост председателя совета министром, хоть как-то способной сдерживать стремительно нарастающие стихийные волнения, был признан И. Надь.

К 15 часам 23 октября около памятника Бему собралось уже около 50 тыс. демонстрантов. Председатель Венгерского союза писателей Петер Вереш зачитал перед собравшимися манифест, смысл которого заключался в солидарности с требованиями польской молодежи о демократизации политического режима. Люди все прибывали. К 6 часам вечера толпа уже насчитывала 200—300 тыс. человек. В ответ на многоголосые призывы на один из балконов здания парламента вышел И. Надь и обратился к присутствующим с приветственной речью. Однако его выступление своей умеренностью скорее разочаровало собравшихся.

Тем временем началось экстренное заседание Политбюро Центрального руководства (ЦР) ВПТ. Оно затянулось далеко за полночь. Политбюро утвердило назначение И. Надя Председателем Совета Министров. Его первым заместителем стал А. Хегедюш.

Улицы венгерской столицы уже не вмещали многотысячные толпы людей. Возникавшие то там, то здесь митинги переливались на площади, в скверы и парки. Требования митингующих на глазах радикализировались: в скандируемых лозунгах они уже требовали вывода советских войск из Венгрии и установления равноправных отношений с Советским Союзом. Раздавались также призывы к восстановлению прежней национальной эмблемы Венгрии, а также традиционных национальных праздников. Демонстранты требовали отмены военного обучения и уроков русского языка в школах, проведения свободных выборов.

В толпе раздавались выкрики: «Нам не нужны гимнастерки!», «Долой красную звезду!», «Долой коммунистов!», «Вон евреев!». Демонстранты срывали изображения государственного герба с национальных флагов ВНР, сжигали красные флаги⁸⁹.

Группы радикально настроенной молодежи от слов переходили к делу: захватывались склады со стрелковым оружием. Нападению подверглись районные центры Союза защиты родины, полицейские управления и казармы. Везде цель была одна — захват оружия. На улицах и площадях города появились грузовые автомобили, из которых всем желающим раздавались автоматы и винтовки.

Апофеозом беспорядков стал демонтаж гигантской статуи Сталина, которая затем была разбита на мелкие куски, разобранные на сувениры.

Серьезные события разворачивались у здания Радиоцентра Венгрии, куда прибыла толпа демонстрантов, требовавшая доступа к радиоэфиру и до поры до времени сдерживавшаяся полицией и силами госбезопасности (АВХ). Делегацию студентов пропустили в здание для ведения переговоров с директором. Вскоре пробежал неизвестно как появившийся слух о том, что одного из делегатов убили. Толпа заволновалась, раздались призывы к штурму здания. В отношении того, как развивались последовавшие события, мнения современников разделились.

По одной из версий, вскоре после 9 часов вечера из окна радиоцентра кем-то из охраны на первом этаже были выброшены фанаты со слезоточивым газом, а через одну-две минуты сотрудники госбезопасности открыли огонь по толпе. Потом появились белые машины «скорой помощи». Но вместо врачей из машин выскочили одетые в белые халаты сотрудники госбезопасности. Разъяренная толпа набросилась на них и отобрала оружие. В помощь АВХ были направлены части венгерской армии, но солдаты после недолго длившегося колебания перешли на сторону толпы.

Согласно другой версии, с 21.00 восставшие начали обстреливать здание Радиоцентра, и только когда несколько человек из его охраны было убито и ранено, сотрудники

⁸⁹ Малашенко Е. И. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993, №11. С.44—51.

госбезопасности получили разрешение открыть огонь. Как бы то ни было, вскоре после полуночи Радиоцентр был захвачен нападавшими.

Еще до этих драматических событий, примерно в 7 часов вечера 23 октября, Ю. Андропов позвонил по телефону ВЧ генералу Лашенко. Информировав его об обстановке в Будапеште, посол спросил, может ли тот направить войска для ликвидации беспорядков в столице. Лашенко не ответил определенно, сославшись на то, что порядок в столице должны наводить прежде всего венгерская полиция, органы госбезопасности и венгерская армия. Привлекать советские войска к выполнению подобных задач, по его словам, выходило за пределы компетенции командующего армией. Андропов немедленно связался с Москвой⁹⁰.

Через час последовало распоряжение из Генерального штаба Вооруженных сил СССР о приведении соединений и частей Особого корпуса в полную боевую готовность.

Одновременно было отдано распоряжение о введении на территорию Венгрии ряда соединений Прикарпатского военного округа и некоторых частей, дислоцированных в Румынии⁹¹.

Именно в это время по радио выступал первый секретарь ЦР ВПТ Эрне Герё, вернувшийся из Югославии, где он вел переговоры с маршалом Тито. Люди с напряженным интересом ожидали этой речи: все надеялись, что Герё с пониманием отнесется к выдвинутым студентами требованиям и сделает в связи с этим примиряющее заявление.

Однако это радиовыступление не содержало ничего похожего на уступки. Герё заявил, что начавшиеся события носят контрреволюционный характер. Всех, кто вышел на улицы Будапешта, он назвал врагами и пути выхода из кризиса не указал. Выступление Герё еще больше накалило обстановку. Первые выстрелы положили начало открытому, ожесточенному вооруженному противостоянию. К исходу 23 октября центр города практически полностью был охвачен восстанием. Вооруженному нападению повстанцев подверглись, кроме здания Радио, центральная телефонная станция, редакция газеты «Сабад неп», аэродром Ферихедь, железнодорожные вокзалы, оружейные склады, некоторые казармы воинских частей, зенитные батареи в Буде и базы автотранспорта.

Новости о столкновениях в центре венгерской столицы быстро распространились по всему городу. Из окраинных районов на грузовиках в центр Будапешта стали прибывать наскоро сформированные вооруженные отряды. В различных местах города то и дело возникали стычки.

Дальнейшие события развивались по жестким законам вооруженного восстания.

Время «Ч» — ровно в полночь

Окончательное решение о силовом разрешении венгерского кризиса было принято 23 октября на заседании Президиума ЦК КПСС, на котором Н.С. Хрущев высказался за «ввод войск» в венгерскую столицу. Против выступил только один член Политбюро, и ранее позволявший себе самостоятельность суждений, — А.И. Микоян.

Он считал, что применение силы приведет лишь к эскалации конфликта, к перерастанию восстания в национально-освободительную революцию. Как показали дальнейшие события, он оказался прав. Но тогда советский руководитель напрямую позвонил Э. Герё и поднял вопрос о «желательности официального письменного обращения к правительству СССР» с просьбой о военной помощи. В тот момент подобного обращения так и не последовало. Оно было оформлено 24 октября за подписью председателя Совета Министров ВНР А. Хегедюша, когда тот фактически уже был отстранен от власти и передавал полномочия И. Надю.

Это письменное обращение было представлено широкой публике лишь несколько дней спустя, когда вопрос о вмешательстве Советского Союза в венгерские события рассматривался

⁹⁰ Малашенко Е.И. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993, № 12.

⁹¹ Цит. по: Советский Союз и Венгерский кризис 1956 г. Документы. — М., РОССПЭН. 1998. С. 367—369.

в Совете Безопасности ООН⁹².

Венгерские события стали самым серьезным за весь послевоенный период испытанием советской системы на прочность. По мнению Кремля, речь шла ни больше ни меньше как о репутации всей мировой системы социализма. В военно-стратегическом смысле перед Москвой встал вопрос о сохранении Варшавского Договора перед лицом все более крепнущего северо-атлантического договора (НАТО).

В венгерском своеволии Москва увидела как отход от основополагающих советских образцов государственно-партийного строительства, так и ущемление своего престижа. И компромисса здесь быть не могло: «мятежные венгры» должны были быть наказаны, прежние порядки восстановлены.

Механизм для силового разрешения венгерского кризиса был отложен заблаговременно. Оставалось его запустить — что и было сделано.

Уже 20 октября развернулась подготовка к вводу в Венгрию советских вооруженных сил. 20 и 21 октября близ Захони на венгеро-советской границе были наведены понтонные мосты. В эти же октябрьские дни на прилегающих к венгерской границе румынских территориях были возвращены к месту службы находившиеся в отпусках советские офицеры, а также призваны из запаса офицеры, говорившие по-венгерски. Советские части и подразделения, дислоцированные в западных районах Венгрии, начали перемещаться в сторону венгерской столицы.

К исходу дня 23 октября приказом командующего войсками Прикарпатского военного округа генерала армии П.И. Батова были подняты по боевой тревоге 128-я гвардейская стрелковая дивизия и 39-я гвардейская механизированная дивизия 3-го стрелкового корпуса 38-й общевойсковой армии. Командиры соединений получили задачу перейти государственную границу Советского Союза и вступить на территорию Венгрии. Утром 24 октября выделенные войска перешли границу.

В 00 часов 35 минут 24 октября 33-я гвардейская механизированная дивизия Отдельной механизированной армии, дислоцированной в Румынии, была поднята по боевой тревоге с задачей совершить марш и выйти в район южнее города Будапешта в готовности к подавлению «контрреволюционного» мятежа. К 14 часам 24 октября дивизия завершила форсированный марш, и входивший в ее состав 104-й гвардейский механизированный полк с ходу вышел на площадь к Парламенту и Министерству обороны.

Но главной «контрповстанческой» силой по-прежнему оставался Особый корпус. В 23 часа 23 октября начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский по телефону ВЧ отдал командиру Особого корпуса распоряжение о выдвижении советских войск непосредственно в Будапешт, где они должны были установить контроль над ключевыми объектами столицы, восстановить в ней общественный порядок, а частью сил обеспечить прикрытие границы Венгрии с Австрией.

В ночь на 24 октября в Будапешт прибыла оперативная группа штаба Особого корпуса. Свой командный пункт она разместила в здании Министерства обороны В НА, где имела связь правительственная связь. Вот как описывает это генерал-лейтенант Малащенко:

«Командир Особого корпуса генерал Лашенко с оперативной группой штаба из Секешфехервара выехал в Будапешт. Его колонна состояла из нескольких легковых автомобилей, бронетранспортера и двух танков. Когда прибыли в Будапешт, увидели, что на улицах, несмотря на позднее время, очень оживленно. Встречались грузовые автомобили с вооруженными людьми в гражданской одежде. Люди держали в руках факелы, флаги и транспаранты. Со всех сторон доносились звуки выстрелов и автоматные очереди.

По центральным улицам невозможно было проехать. У парламента, в городском саду, у музея были толпы митингующих. Двигаясь по узким улицам и переулкам,

⁹² Цит. по: Советский Союз и Венгерский кризис 1956 г. Документы. — М., РОССПЭН, 1998. С. 323.

колонна с трудом пробилась к зданию министерства обороны.

В Будапеште имелось много автомобилей советского производства. Поэтому на наши легковые машины мало кто обратил внимание. Однако, когда одна из радиостанций отстала в Будапеште от колонны, то сразу подверглась нападению. Начальник радиостанции был ранен в голову, один из радистов убит. Машину с радиостанцией опрокинули и сожгли. И только благодаря тому, что подошли два наших танка и бронетранспортер, оставшихся членов экипажа удалось спасти»⁹³.

По свидетельству Малащенко, «в венгерском министерстве обороны царили нервозность и неразбериха. Сведения о действиях восставших, венгерских частей и полиции поступали самые противоречивые. Министр обороны Иштван Бата и особенно начальник генерального штаба Лайош Тот были в панике, оказались не в состоянии отдавать толковые распоряжения. Так, при нападении на оружейные склады из Генштаба был передан приказ не стрелять. В то же время, когда нападавшие уже вели огонь, некоторые венгерские воинские подразделения направлялись для охраны объектов без боеприпасов, и у них отбиралось оружие.

Нам сообщили, что здание Радио удерживается правительственными войсками, а для усиления охраны высланы танки и подразделения пехоты. В действительности там оставалась небольшая группа сотрудников госбезопасности и военнослужащих, и здание вскоре оказалось захваченным. Никто из нас не понимал, почему полиция и венгерские воинские части ничего не делают для наведения порядка.

Как только мы прибыли в генеральный штаб, на нас сразу же посыпались просьбы из Центрального руководства партии, от венгерского правительства, министерства обороны и наших военных представителей: усилить охрану важнейших объектов, взять под охрану здания райкомов партии, полицейских управлений, казарм, различных складов и даже квартиры отдельных лиц.

Естественно, что для всего этого требовалось большое количество войск, которых у нас не было, а главное, это не решало основной задачи — разгрома вооруженных отрядов и восстановления общественного порядка.

В министерстве обороны обстановку знали плохо. В Будапеште к тому времени находилось около 7 тысяч венгерских солдат и 50 танков. Их рассредоточили на десятках объектов, и никто не знал, где и сколько находится сил. В борьбе с вооруженными группами эти силы не использовались. Данные от венгерских офицеров продолжали поступать противоречивые»⁹⁴.

Таким образом, первые же часы выполнения боевого Приказа показали необходимость существенного уточнения плана действий, так как рассчитывать на помощь венгерской армии и полиции не приходилось.

Народная полиция в целом симпатизировала восставшим, передавала им оружие и сражалась на их стороне. Отдельные части венгерской армии также организованно перешли на сторону восставших, но венгерская армия в целом с начала восстания фактически развалилась. Большинство венгерских военнослужащих, хоть и молчаливо, отстранение, но поддержало перемены в венгерском правительстве. При малейшей возможности солдаты отдавали оружие и боеприпасы сражавшимся соотечественникам и во многих случаях по одному или группами переходили на их сторону. Вместе с тем офицеры высокого ранга в основном были настроены просоветски, и повстанцы им не доверяли.

В сложившихся условиях прежде всего было необходимо взять под контроль захваченные объекты и разоружить повстанцев в центре Будапешта.

В связи со сложной обстановкой в центре города, а также задержкой в подходе подкрепления, задачи 2-й гвардейской механизированной дивизии Особого корпуса были уточнены. 37-й танковый и 4-й механизированный полки этой дивизии направились в

⁹³ Малащенко Е.И. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993, №11. С.44—51.

⁹⁴ Малащенко Е.И. Особым корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993, № 12.

центральную часть города.

Огонь разрешалось открывать только при явном нападении.

37-й танковый полк получил задачу взять под охрану здания ЦР ВПТ, Парламента, советского посольства, мосты через Дунай и освободить здание Радио. Для сопровождения советских подразделений были выделены венгерские офицеры, однако часть из них по пути дезертировала.

При входе в город советские части сразу же оказались под обстрелом и градом камней. 37-й танковый и 4-й механизированный полки дивизии начали трудное, медленное продвижение в центр, причем танкистам пришлось с хода отражать атаку повстанцев, пытавшихся овладеть зданием Министерства обороны.

Действия повстанческих групп были организованы достаточно умело. Как вспоминал Малащенко, «повстанцы — в большинстве своем рабочие и частично студенты — как правило, сражались небольшими группами, но некоторые создали такие центры сопротивления, как например, кинотеатр „Корвин“. Наиболее употребительным оружием против советских танков был так называемый „коктейль Молотова“: неплотно закрытая бутылка с бензином, которая взрывалась от удара о танк. Такие созданные эспромтом доморощенные методы оказались очень эффективными в борьбе с советскими танками, которые с трудом могли маневрировать, особенно в узких улочках, и водители не могли соперничать в подвижности с молодыми боевиками, часто детьми»⁹⁵.

В этих условиях демонстрация силы с помощью танков, на которую рассчитывало советское командование, не получилась.

Танки утюжили улицы и аллеи в поисках неизвестно откуда появлявшегося и так же быстро исчезающего противника. Любой танкист, приоткрывший танковый люк, рисковал попасть под автоматную очередь или снайперский выстрел.

За броней танкисты, плохо знавшие город, оказались «слепы» и в уличном противостоянии малоэффективны. Это нередко приводило к их излишне жесткой ответной реакции. Огонь открывался по любой замеченной цели. Пехота поддержки танкам практически не оказывала.

24 октября на сторону восставших перешел ряд подразделений 8-го механизированного полка венгерской армии, строительные и зенитные части, ряд офицеров академии Зрини и курсанты военных училищ. Везде сооружались укрепленные баррикады.

Главные силы 2-й механизированной дивизии в составе 5-го и 6-го механизированных полков и 87-го тяжелого танко-самоходного полка подтянулись к городу лишь к 5 часам утра 24 октября.

Силы и средства советских частей в городе на тот момент не превышали 6 тысяч человек, 290 танков, 1230 бронетранспортеров и 156 орудий. Для наведения порядка в огромном городе с 2-миллионным населением этих сил и средств было явно недостаточно.

Подходящие советские части с ходу вступали в бой, упорно пробивая себе дорогу и «расчищая» от вооруженных групп захваченные объекты, беря под охрану вокзалы, мосты и некоторые склады. Подразделениям танкового полка из-за отсутствия пехоты удалось очистить от повстанцев лишь одно из зданий Радио. При этом четыре танка были подбиты.

В конце концов с большим трудом, но была организована охрана зданий ЦК, Парламента, Министерства иностранных дел, банков, аэродрома. Совместное советскими войсками действовали и ряд частей ВНА.

В 9 часов утра Будапештское радио объявило, что правительство «обратилось за помощью к расположенным в Венгрии советским частям», однако никакой информации о форме этой просьбы передано не было. В результате это сообщение было встречено всеобщим недоверием. Многим венграм было ясно, что, если бы Имре Надь действительно обратился за помощью, советские части из Цегледа и Секешфехервара не могли бы оказаться в Будапеште уже на рассвете 24 октября.

⁹⁵ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М.: Nota Bene, 1992.

В тот же день в Будапешт вслед за войсками прибыли члены Президиума ЦК КПСС А. Микоян и М. Суслов, которые на следующий день встретились с И. Надем. В специальном донесении в Москву они сообщали, что требования повстанцев о национальном суверенитете и выводе советских войск из страны «приобретают массовый характер». Имре Надю московские представители заявили, что советские войска возвратятся в прежние места их дислокации, «как только будет восстановлен порядок в Будапеште»⁹⁶.

А в городе до «восстановления порядка» было далеко.

В составе вооруженных отрядов повстанцев уже насчитывалось около 3000 человек. Ряд важных объектов по-прежнему находился в их руках. Продолжались бои в центральной и юго-восточной частях города, у здания Радио, в районе кинотеатра «Корвины», прилегающих к ним кварталах и на улице Юллей.

Имре Надь, возглавив правительство, потребовал прежде всего вооружить партийный актив. Оружие доставили в райкомы, в полицию и на крупные предприятия, но оно каким-то образом попало в руки восставших. Когда же венгерское правительство приняло решение вооружить рабочих, руководители Министерства обороны сообщили, что не имеют возможности обеспечить их оружием. Позднее, когда оружие нашлось, органы власти не проконтролировали его доставку, и оно опять в немалом количестве попало в руки восставших.

В самом венгерском Министерстве обороны продолжалась неразбериха. То и дело происходили на первый взгляд труднообъяснимые вещи. Так, в ходе боев были захвачены и разоружены около 300 вооруженных повстанцев. Их передали венгерской полиции. Но через несколько дней задержанных снова захватили с оружием в руках. Позднее стало известно, что по распоряжению начальника полиции Будапешта Шандора Копачи все задержанные были отпущены и оружие им было возвращено.

Сама полиция бездействовала. Венгерские части задач на ведение активных действий не получали. При этом венгерское правительство просило, чтобы советские войска огонь не вели и не предпринимали никаких активных действий. Советское командование старалось учитывать эти пожелания.

Сбор данных об обстановке шел трудно, сил и средств для ведения разведки явно не хватало. Поступавшие же сведения носили крайне тревожный характер: венгерские части и полиция бездействуют, из многих тюрем выпущены заключенные, через австрийскую границу, не встречая сопротивления пограничников, хлынули эмигранты, некоторые из них с оружием. Жертвами «народного самосуда» уже стали 28 человек, 26 из которых — сотрудники госбезопасности Венгрии.

В полдень 24 октября по венгерскому радио объявили о введении в Будапеште чрезвычайного положения и установлении комендантского часа. Жителям города запрещалось выходить на улицы в ночное время до 7 часов утра, проводить митинги и собрания. Восставшим предлагалось прекратить вооруженную борьбу и сложить оружие.

В этот же день к нации по радио обратился секретарь Центрального руководства ВПТ Я. Кадар. Он заявил, что демонстрация студентов, начавшаяся с приемлемых в значительной своей части требований, быстро превратилась в вооруженное выступление против народно-демократического строя. Признавая в целом справедливые требования восставших, Кадар тем не менее оценил вооруженное выступление как контрреволюционное по своему характеру. Он призвал повстанцев сложить оружие, восстановить спокойствие и нормальную жизнь в стране⁹⁷.

Советское военное присутствие в Будапеште тем временем наращивалось. Во второй половине дня к городу подошли 83-й танковый и 56-й механизированный полки 17-й гвардейской механизированной дивизии. Им были поставлены задачи обеспечить поддержание порядка в западной части города — Буда и охранять мосты через Дунай.

Части 177-й бомбардировочно-авиационной дивизии в этот день совершили 84

⁹⁶ Родионов Б. Оправданию не подлежит// Известия. 1991. 26 декабря.

⁹⁷ Цит. по: Советский Союз и Венгерский кризис 1956 г. Документы. — М. РОССПЭН, 1998. С. 384.

демонстрационных вылета над Будапештом и другими венгерскими городами.

Лишь к исходу 24 октября силам Особого корпуса и частям усиления в основном удалось выполнить поставленные перед ним задачи. Но в целом принятые меры не только не переломили хода событий, а, напротив, привели к ужесточению сопротивления повстанцев.

Межвременье

С 25 октября социально-политический кризис в партии и обществе стал стремительно приобретать форму национально-освободительного движения.

В этот день, 25 октября, действия восставших распространились фактически по всей стране. Во многих городах прошли митинги и демонстрации с требованиями немедленного вывода советских войск, а власть из рук коммунистического аппарата стала переходить в руки стихийно формируемых революционных комитетов и рабочих советов. В большинстве случаев эти органы брали власть без сопротивления.

Особую влияние приобрел Задунайский Национальный совет, который представлял население Западной Венгрии. Через Дьерскую радиостанцию он одним из первых потребовал выхода Венгрии из Варшавского Договора и объявления нейтралитета страны. В противном случае совет планировал создание собственного «независимого правительства». Это означало раскол страны.

И. Надь вначале не протестовал против участия советских войск в наведении порядка. Более того, выступив 25 октября по радио, он признал неизбежность вмешательства советских войск в сложившейся обстановке. Однако в тот же день, без согласования с советским командованием, он отменил комендантский час.

Драматические последствия не заставили себя ждать.

Многочисленные мелкие группы жителей венгерской столицы устремились на главные магистрали города. Толпа в несколько тысяч человек с национальными флагами двинулась к Парламенту. Тщетно венгерские офицеры, охранявшие Парламент, призывали собравшихся разойтись: людская лавина напирала и наконец подмяла охрану из советских военнослужащих. Вот как описывает дальнейшее Малащенко:

«Многие подошли к стоявшим здесь танкам, забирались на них и втыкали знамена в стволы орудий. С чердаков зданий, находящихся на площади против парламента, был открыт огонь по демонстрантам и советским военнослужащим. Два венгерских танка, сопровождавшие демонстрантов, сделали несколько выстрелов и исчезли. Командир одного из наших подразделений был убит.

Советские солдаты и сотрудники госбезопасности, охранявшие парламент, открыли ответный огонь по крышам зданий, откуда стреляли. На площади Лайоша Кошута возникла паника. Люди с первыми же выстрелами стали разбегаться в поисках укрытия. Когда перестрелка утихла, многие поспешили покинуть площадь. Двадцать два демонстранта были убиты, многие ранены. Погибли несколько наших военнослужащих и венгерских полицейских...»⁹⁸

По другой версии были убиты 61 и ранены 284 безоружных манифестантов⁹⁹.

А в городе из уст в уста уже передавалась весть: «Работники госбезопасности и советские войска стреляли в демонстрантов у парламента!»

Противники режима стали призывать будапештцев к массовой вооруженной борьбе против существующего режима и прежде всего против силовых структур.

В сложившихся условиях главный советник КГБ в Венгрии генерал Емельянов был отозван в Москву, а в Будапешт самолично вылетел председатель КГБ генерал армии И.А. Серов, известный своей жесткой хваткой: во время войны он осуществлял депортации на

⁹⁸ Там же. С. 325.

⁹⁹ S. Kopacsi. Au nom de classe ouvriere. Paris: Editions Robert Lafont, 1979. P. 119—222.

Кавказе и подавлял сопротивление в Прибалтике и Восточной Европе.

Генерал И.А. Серов взялся за дело с места в карьер. На состоявшемся в тот же день чрезвычайном заседании Министерства внутренних дел И.А. Серов, представленный как новый советский советник (имя его названо не было) заявил:

«Фашисты и империалисты выводят свои ударные силы на улицы Будапешта. И все же находятся товарищи в вооруженных силах вашей страны, которые сомневаются, применять ли им оружие».

Ш. Копачи, начальник будапештской полиции, вскоре перешедший на сторону восставших, попытался было возразить:

«Видимо, товарищ советник из Москвы не успел изучить обстановку в нашей стране. Надо сказать ему, что на демонстрации вышли не фашисты и прочие империалисты, а студенты университетов, лучшие сыны и дочери рабочих и крестьян, цвет нашей интеллигенции...»

Капочи Серов запомнил. Впоследствии, после разгрома восстания, тот был арестован одним из первых.

Затем генерал И.А. Серов в сопровождении первого заместителя начальника Генштаба генерала армии М.С. Малинина направился на советский командный пункт, располагавшийся в здании Министерства обороны ВНР. Не дослушав доклада, Серов высказал резкое недовольство нерешительными действиями советских частей.

Оперативная группа офицеров Генерального штаба под руководством генерала армии М.С. Малинина была оставлена в Будапеште для оказания практической помощи командованию Особого корпуса.

Особую позицию в сложившейся ситуации занял министр обороны Г.К. Жуков. По воспоминаниям Малащенко, «министр обороны маршал Г.К. Жуков в действия войск Особого корпуса не вмешивался, не звонил по телефону ВЧ, не присылал грозных шифровок и указаний, не ругал, вероятно, понимая сложность обстановки и наши трудности. Возможно, это было своеобразной реакцией на решение Н.С. Хрущева о вводе советских войск в Будапешт»¹⁰⁰.

Однако его мнение не играло решающей роли. Прибывшие в Будапешт 24 октября члены Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян и М.А. Суслов поддержали позицию посла Ю.В. Андропова, который был уверен, что в Венгрии происходит «контрреволюционный мятеж» и возглавляет его Имре Надь. Вооруженное выступление в Венгрии, считал посол, имеет антисоциалистический характер, в нем участвует незначительная часть трудящихся, в основном бывшие хортисты, контрреволюционеры, деклассированные и подрывные элементы, переброшенные с Запада. И если СССР не окажет вооруженной помощи, Венгрия станет жертвой контрреволюционного переворота и агрессии со стороны НАТО¹⁰¹.

Боевые действия в городе тем временем продолжались. 25 октября к Будапешту подошли 33-я гвардейская механизированная дивизия генерала Г.И. Обатурова (из Отдельной механизированной армии, дислоцированной в Румынии) и 128-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Н.А. Горбунова (из Прикарпатского военного округа). Обе дивизии вошли в состав Особого корпуса.

Сопротивление повстанцев в центре столицы продолжало нарастать. В связи с этим 33-й

¹⁰⁰ Малащенко Е.И. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. № 12.

¹⁰¹ Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле: от Андропова до Горбачева.

дивизии была поставлена задача «очистить от вооруженных отрядов» центральную часть города. Опорные пункты повстанцев были созданы в центре венгерской столицы: в секторе Кебанья, ул. Юллеи, районах, прилегающих к Дунаю, в том числе в здании Радио, казарме им. Килиана и районе кинотеатра «Корвин». На вооружении повстанцев уже имелись не только стрелковое оружие и бутылки с горючей смесью, но и противотанковые и зенитные орудия.

Некоторые части 33-й дивизии понесли потери сразу же при входе в город. Были подбиты танк и бронетранспортер, в которых следовали командиры двух полков, уничтожены штабные радиостанции. Артиллерийский полк дивизии на проспекте Ференци попал в засаду и почти полностью потерял второй дивизион. Командир полка Е.Н. Коханович был смертельно ранен.

В последующие дни части дивизии очистили многие кварталы, однако, несмотря на все усилия, так и не смогли овладеть опорными пунктами в районе кинотеатра «Корвин» и казармы им. Килиана, где, как выяснилось в дальнейшем, находились самые сильные узлы городского сопротивления — до тысячи повстанцев, несколько танков и орудий. На сторону восставших перешли и некоторые регулярные венгерские подразделения, что позволило им грамотно организовать оборону. Обороной казармы им. Килиана командовал полковник Пал Малетер, перешедший на сторону повстанцев с рядом подчиненных ему подразделений и пятью танками.

Боевые задачи советским частям приходилось выполнять в чрезвычайно сложных условиях. Так, принимавшие пищу солдаты 6-го мехполка были внезапно в упор обстреляны автоматчиком во дворе одного из домов. В результате девять человек получили ранения, один был убит. По воспоминаниям Малащенко, «в поселке Дунакеси, в 20 км севернее Будапешта, нападению подверглись две советские машины с продовольствием и горючим. Напавшие подожгли бензоцистерну и грузовую машину, расстреляли восемь солдат охраны. Захватив старшего группы раненого капитана П.И. Моисеенкова, они начали издеваться над ним, а затем завернули в плащпалатку, облили бензином и подожгли»¹⁰². В самом Будапеште участились попытки разоружения небольших групп советских солдат и отдельных военнослужащих.

В ответ на это генерал Лашенко приказал оказывать решительное сопротивление. Командиры советских частей и подразделений были строго предупреждены: они будут отстранены от должности, если допустят разоружение и захват оружия и боеприпасов.

Тем не менее в отдельных случаях ситуация складывалась более чем остро. Так, в штаб Особого корпуса позвонил командир 195-й истребительной авиационной дивизии полковник П.С. Кирсанов и сообщил, что повстанцы напали на склады и аэродром. Ему было рекомендовано до прибытия подкрепления поставить самолеты в круг и открыть по нападающим огонь из пушек и пулеметов, как это делалось в годы Великой Отечественной войны. Это сразу возымело действие.

В тот же день, 25 октября, в Будапеште состоялось чрезвычайное заседание Политбюро ЦР ВПТ. Присутствовавшие на нем А.И. Микоян и М.А. Суслов от имени Президиума ЦК КПСС рекомендовали избрать на пост первого секретаря Я. Кадара вместо Э. Герё.

На другой день уже бывший руководитель венгерской компартии Э. Герё попросил у советского военного командования политического убежища и позже был переправлен в Советский Союз. Тем временем стало меняться отношение И. Надя к характеру восстания. Наметившиеся перемены были сформулированы его ближайшим окружением. Так, Ф. Донат на заседании ЦР 26 октября заявил: «То, что вначале было выступлением небольшой враждебно настроенной группы, все больше становится народным движением». 27 октября И. Надь сформировал правительство, в которое вошли как коммунисты, так и некоммунисты. Среди последних были бывший глава государства Золтан Тилди, бывший генеральный секретарь Независимой партии мелких хозяев (НПМХ) Бела Ковач и Ференц Эрдеи из Национальной крестьянской партии.

27 октября в Прикарпатском военном округе были подняты по тревоге 27-я стрелковая дивизия, 11-я и 32-я механизированные дивизии, 60-я зенитно-артиллерийская дивизия, отдельные части 8-й механизированной армии. Они начали марш в восточные области Венгрии.

В Будапеште продолжались активные действия повстанцев. Им удалось взять под контроль и

¹⁰² Малащенко Е.И. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993, № 12.

закрепить за собой юго-восточную часть города. На сторону восставших перешли три строительных батальона ВНА. Вооруженные выступления охватили г. Дебрецен, Мишкольц, Секешфехервар, Печь, Татабанья и др.

Решающее значение для разгрома вооруженных отрядов повстанцев в Будапеште имела ликвидация сопротивления, продолжавшегося в юго-восточной части города, прежде всего объекта «Корвина» и прилегающих к нему кварталов. Окончательное уничтожение этих укрепленных очагов после серьезной подготовки намечалось на утро 28 октября совместными усилиями частей 33-й дивизии и венгерских подразделений 5-го и 6-го механизированных полков. Но на рассвете, буквально накануне атаки, венгерские части получили приказ своего правительства об отмене боевых действий. Объяснялось это тем, что повстанцы якобы готовы сложить оружие. Действительно, Имре Надь вел переговоры с руководителями вооруженных отрядов Ласло Иван-Ковачем, Гергеем Погрнацем и другими и поддержал их требования. Вслед за тем он позвонил по телефону в Министерство обороны и предупредил, что если будет осуществлен штурм «Корвина», он подаст в отставку.

С этого момента части ВНА по требованию правительства И. Надя сопротивления повстанцам не оказывали, приказов о ведении действий против восставших не получали. В Будапеште был создан Революционный Военный Совет в составе генерал-майора Б. Кирай, Л. Кана, И. Ковача, полковника П. Малетера и др.

Москва на этот раз была вынуждена смириться. В Кремле уже осознали: восстание носит массовый характер, в нем участвует значительная часть рабочего класса. Были приняты во внимание быстрота, с которой рухнула вся система органов власти в столице и на местах.

В этот день, 28 октября, Имре Надь в вечернем выступлении по радио впервые открыто заявил: «Правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее грандиозное народное движение рассматривается как контрреволюция...» Центральное Руководство Венгерской партии трудящихся одобрило заявление правительства ВНР. На следующий день в передовой статье органа ЦР ВПТ «Сабад неп» происходившие события были оценены как «национальное демократическое движение», а вооруженные повстанцы уже назывались «борцами за свободу».

При подобной трактовке советские войска оказывались в более чем двусмысленном положении, ведя борьбу уже не против вооруженных боевиков и антигосударственных элементов, а против широких народных масс.

28 октября правительство И. Надя после трудных переговоров с советским командованием объявило о прекращении огня. В средствах массовой информации началась враждебная публичная кампания против советских войск с требованием их немедленного вывода из Будапешта и территории Венгрии, а также расформировании всей структуры госбезопасности. 28 октября Совет Безопасности ООН включил в повестку дня обсуждение вопроса о положении в Венгрии.

На состоявшемся в штабе Особого корпуса совещании генерал П.Н. Лащенко предположил, что «в сложившейся обстановке советские войска надо выводить из города. Они несут потери, а действовать, как того требует обстановка, им не дают». Присутствовавший на совещании Ю.В. Андропов не согласился с мнением генерала. «Что, оставим народную власть, коммунистов и патриотов на растерзание?» — спросил он. Лащенко в ответ отметил, что венгерские коммунисты должны «сами защищать себя и свою власть. Мы не должны за них воевать. Кто желает, пусть уходит с нами». «Советские войска уйдут, — продолжал Андропов, — а завтра здесь будут США и их союзники. Надо разгромить в Будапеште вооруженные отряды мятежников, и все здесь успокоится».

В эти драматические дни все по достоинству отметили хладнокровие и выдержку, которые сохранял Ю. Андропов. Один молодой советский дипломат в Будапеште позже с восторгом вспоминал, что Андропов первым «раскусил» Надя и ни на один миг не терял самообладания на всем протяжении кризиса: «Он был абсолютно спокоен, даже когда кругом свистели пули и когда все мы чувствовали себя в посольстве, как в осажденной крепости»¹⁰³.

¹⁰³ Цит. по: A. N. Shevchenko. Breaking with Moscow. N.Y.: Balianline Books, 1985. P. 104.

Приостановка боев благоприятствовала в основном повстанцам. Она позволила им пополнить свои отряды людьми, оружием и боеприпасами. Напротив, партийный актив, защищавший общественные здания, министерства и райкомы, получил приказ венгерского правительства немедленно сдать все наличное оружие. Наиболее дисциплинированные коммунисты его выполнили и позже многие из них поплатились за это жизнью.

30 октября правительство Имре Надя потребовало незамедлительного вывода советских войск из Будапешта, и в 17 часов того же дня будапештское радио, прервав передачу, сообщило сенсационную новость — правительство Советского Союза удовлетворило это требование.

В тот же день Имре Надя объявил, что правительство упразднило «однопартийную систему». От имени коммунистов выступил Янош Кадар, все еще остававшийся первым секретарем ЦР ВПТ. Он поддержал эту меру, которая, по его словам, поможет «избежать дальнейшего кровопролития». Бывший руководитель Независимой партии мелких хозяев Золтан Тилди заявил, что по всей Венгрии будут проведены свободные выборы.

Венгерская политическая оппозиция, повстанцы были уверены: переговоры о полном удалении советских войск с территории Венгрии вскоре увенчаются успехом. Многочисленные революционные органы, новые политические партии и ожившие средства массовой информации безоговорочно поддерживали усилия правительства, направленные на полное избавление страны от советского контроля. В охваченном возбуждением Будапеште это казалось почти неизбежным.

И действительно, в ночь на 31 октября начался вывод советских войск из Будапешта. Вследствие уличных боев и артобстрелов немало зданий здесь превратились в развалины, тысячи домов были серьезно повреждены. К исходу 31 октября все советские соединения и части сосредоточились в 15—20 км от города. Штаб Особого корпуса разместился на аэродроме в Текеле, где базировалась одна из советских авиационных частей. В районах сосредоточения соединения и части приводили в порядок боевую технику и вооружение, пополнялись личным составом, боеприпасами, горючим и продовольствием.

В Будапеште и ряде других городов повстанцы, убежденные в своей победе, продолжали расправы над партактивом и сотрудниками госбезопасности, громили здания партийных и государственных органов, разрушали памятники советским воинам. Несмотря на объявленное прекращение огня, они предприняли штурм здания будапештского горкома партии, смертельно ранив секретаря горкома Имре Меze и зверски убив 24 защищавших его венгерских солдат.

Однако эйфория от ощущения близкой и полной победы была преждевременной.

Определенное влияние на бескомпромиссную позицию советских руководителей по венгерскому вопросу оказал и сам ход событий в этой стране: усилившийся разгул террора, разгром будапештского горкома партии, доклады Суслова, Микояна, а также информация бывших венгерских руководителей, находившихся в Москве. Ракоши, Герё, Ревай и другие все еще надеялись возвратиться в Венгрию. Окончательному выбору военного варианта решения венгерского вопроса благоприятствовала и международная обстановка.

Разразившийся на Ближнем Востоке Суэцкий кризис приковал к себе внимание ведущих западных держав мира и непосредственно втянул в свою орбиту вооруженные силы Великобритании, Франции и Израиля. Это позволило Хрущеву воспользоваться выигрышным не только в военно-стратегическом, но и в моральном отношении шансом. Теперь он мог действовать без оглядки на Запад.

В политике Кремля, однако, было и немало сумбура, импровизации, вообще свойственных руководящему стилю Хрущева. Например, 30 октября Советское правительство выступило с декларацией «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами». В ней отмечалось, что «страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения только на принципах равноправия, уважения, территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга». Эта декларация вызвала, мягко говоря, недоумение у всех, кто был осведомлен о происходившем в Венгрии.

Столь нелогичная политика Москвы имела свое объяснение. В эти тревожные дни, как потом признал Хрущев, Кремль пребывал в нерешительности: «применить военную силу» или

«уйти из Венгрии». «Не знаю, — писал советский лидер, — сколько раз мы принимали то одно, то другое решение»¹⁰⁴.

Общее руководство операцией было возложено на главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора маршала И.С. Конева, прибывший в Сольнок. В дополнение к имевшимся силам на территорию Венгрии предполагалось выдвинуть 38-ю армию и 8-ю механизированную армию из Прикарпатского военного округа. Воздушно-десантные части в готовившейся операции должны были захватить и взять под охрану венгерские аэродромы. Операция получила кодовое наименование «Вихрь».

Началась эвакуация семей советских военнослужащих, которых переправляли в Советский Союз железнодорожным и автомобильным транспортом через Чехословакию. Позднее к этой операции привлекли военно-транспортные самолеты, высвободившиеся после переброски воздушно-десантных частей. Были приняты необходимые меры к эвакуации работников венгерских партийных органов и госбезопасности. Впоследствии из числа офицеров венгерской госбезопасности были созданы группы для участия в операциях совместно с советскими войсками.

Поздним вечером 1 ноября на аэродром Текель, где находился штаб Особого корпуса, прибыл Я. Кадар. Его сопровождали три человека, один из которых был сотрудником советского посольства. Комментируя обстановку в Будапеште, Кадар ответил, что вышел из состава правительства Имре Надя и теперь думает, что делать дальше.

Для непосвященных это было, на первый взгляд, странное заявление. Ведь буквально накануне прибытия Кадара в Текель, 1 ноября в 21.50, венгерское радио передало его выступление о создании новой Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), которая должна была прийти на смену «не выдержавшей испытания временем» коммунистической партии (ВПТ).

Новая партия, по словам Кадара, будет защищать дело демократии и социализма, «не рабски копируя зарубежные образцы, а идя по пути, который соответствует историческим и экономическим особенностям нашей страны». Кадар призвал «вновь образованные демократические партии» укрепить правительство «во избежание опасности» вмешательства извне. «Мы больше не хотим ни от кого зависеть, не хотим, чтобы наша страна стала полем сражений», — заключил венгерский руководитель.

В Будапеште Я. Кадар появился вновь только через пять дней — уже после подавления основных очагов сопротивления повстанцев.

«Вихрь» над Венгрией

После объявления перемирия, вплоть до 4 ноября, население Будапешта вело разбор завалин, восстановление порядка и нормальных условий жизни. Основные политические силы в стране договорились приступить к согласительной работе с 5 ноября.

Тем временем советская военная группировка завершала свои последние приготовления, стягивая силы в единый мощный кулак.

1 ноября приказом командующего войсками Одесского военного округа генерал-полковника А.Л. Гетмана по боевой тревоге была поднята 35-я гвардейская механизированная дивизия. В ночь на 1 ноября приказом командующего войсками Прикарпатского военного округа была также поднята по боевой тревоге 31-я танковая дивизия с задачей сосредоточиться в районе Берегово.

Массированные передвижения советских войск не остались незамеченными со стороны венгерских властей. Утром 1 ноября И. Надь пригласил к себе посла Ю.В. Андропова и, выразив протест по поводу дополнительного ввода в Венгрию советских войск, потребовал немедленно убрать прибывшие соединения и части с венгерской земли. Надь обратил внимание посла на то, что эта акция означает нарушение принципов Варшавского Договора, и Венгрия выйдет из этой организации, если из страны не будут выведены советские подкрепления. В 2

¹⁰⁴ Tulbolt (ed.). Khrushchev Remembers. Vol. 1. P.418.

часа пополудни Имре Надь вновь связался с советским послом и сообщил ему, что за прошедшие три часа границу перешли новые советские части, вследствие чего Венгрия незамедлительно выходит из Варшавского Договора. Андропов ответил, что советские войска переходят границу только для того, чтобы сменить части, принимавшие участие в боях. Посол сообщил Надю, что советское правительство готово к переговорам о частичном выводе войск, и предложил назначить по две делегации с каждой стороны, одну из них — для обсуждения технических вопросов процесса.

Однако этот ответ вполне резонно не удовлетворил И. Надя. Обе стороны уже не испытывали друг к другу никакого доверия.

В 4 часа дня состоялось экстренное заседание Совета Министров Венгрии, единогласно принявшее постановление о выходе страны из Варшавского Договора и Декларацию о нейтралитете Венгрии.

И. Надь обратился в Организацию Объединенных Наций с посланием, в котором просил помощи четырех великих держав для защиты венгерского нейтралитета.

Советскому послу была передана нота с требованием немедленно начать переговоры о выводе советских войск с территории Венгрии.

Вечером в 19 часов 45 минут Имре Надь обратился по радио к венгерскому народу с речью, в которой огласил Декларацию о нейтралитете. Свое выступление он завершил словами:

«Призываем наших соседей, как ближние, так и дальние страны, уважать неизменное решение венгерского народа. Несомненно, что наш народ так един в этом решении, как, пожалуй, никогда еще в течение всей своей истории.

Миллионы венгерских трудящихся! Храните и укрепляйте с революционной решимостью, самоотверженным трудом и восстановлением порядка свободную, независимую, демократическую и нейтральную Венгрию».

В Будапеште, Мишкольце, Дьере, Дебрецене и других городах Венгрии бездействовали промышленные предприятия, общественный транспорт, госучреждения. Закрывались школы, театры, музеи, стадионы. «Всеобщая забастовка» должна была длиться до тех пор, пока советские войска не покинут Венгрию.

2 ноября правительство Надя призвало бывших работников госбезопасности явиться к властям для направления в проверочные комиссии. На следующий день в прокуратуры явилось большое число бывших сотрудников безопасности. Из тюрем освобождались все лица, осужденные по политическим мотивам, однако вместе с ними на свободу вышло, естественно, и немало уголовников. Из освобожденных таким образом политических заключенных самым уважаемым был кардинал Миндсенти, встреченный с большим ликованием. Сразу по прибытии в Будапешт кардинал обратился по радио к венгерской нации.

3 ноября было сформировано обновленное венгерское правительство, в котором коммунистам достались лишь три второстепенных министерских портфеля.

Новая венгерская власть попыталась сделать успокоительные, рассчитанные на Москву заявления в отношении будущего политического курса страны. Так, член Национальной крестьянской партии, государственный министр Ференц Фаркаш заявил, что правительство единодушно поддерживает сохранение всех тех социалистических завоеваний, которые «совместимы со свободным демократическим и социалистическим строем». Новые политические силы в Венгрии недвусмысленно высказались о том, что «осуждение поверженного строя, выразившееся в восстании», не касается коллективной собственности сельскохозяйственных и промышленных предприятий.

Однако подобного рода словесные заверения не могли ввести Москву в заблуждение. Советские лидеры понимали: речь идет в буквальном смысле об утрате Венгрии.

В Москве шли непростые переговоры с Я. Кадаром. Ему предназначалось сменить И. Надя. В конце концов Я. Кадар уступил.

К этому времени соединения и части Особого корпуса генерал-лейтенанта П.Н. Лашенко, 8-й механизированной армии генерал-лейтенанта А.Х. Бабаджаняна, 38-й общевойсковой армии генерал-лейтенанта Х.М. Мамсурова, назначенные к выполнению операции «Вихрь» и имевшие общую численность около 60 тыс. человек, получали последние распоряжения.

В соответствии с планом операции «Вихрь» Особый корпус должен был взять на себя

основную задачу по разгрому противостоящих сил противника.

Состав корпуса оставался прежним, однако он усиливался танками, артиллерией и воздушно-десантными частями. Дивизиям предстояло решать следующие задачи:

2-й гвардейской механизированной дивизии — захватить северо-восточную и центральную часть Будапешта, овладеть мостами через реку Дунай, зданиями Парламента, ЦК ВПТ, Министерства обороны, вокзалом Нюгати, управлением полиции и блокировать военные городки венгерских частей, не допустить подхода восставших в Будапешт по дорогам с севера и востока;

33-й гвардейской механизированной дивизии — осуществить захват юго-восточной и центральной частей Будапешта, овладеть мостами через реку Дунай, Центральной телефонной станцией, опорным пунктом «Корвин», вокзалом Келети, радиостанцией «Кошут», заводом «Чепель», Арсеналом, блокировать казармы венгерских воинских частей и не допустить подхода восставших в Будапешт по дорогам с юго-востока;

128-й гвардейской стрелковой дивизии — захватить западную часть Будапешта, овладеть Центральным командным пунктом ПВО, площадью Москвы, горой Геллерт и крепостью, блокировать казармы и не допустить подхода венгерских повстанцев к городу с запада.

Для захвата важнейших объектов во всех дивизиях были созданы по одному-два специальных передовых отряда в составе батальона пехоты, а также от 100 до 150 десантников на бронетранспортерах, усиленных 10—12 танками.

Продолжалась интенсивная эвакуация семей советских военнослужащих. 177-я гвардейская бомбардировочная авиационная дивизия с 1 по 3 ноября эвакуировала из Венгрии в СССР более 600 семей военнослужащих.

Ничто уже не могло остановить раскручивающийся военный маховик — даже созыв в Нью-Йорке специального заседания Совета Безопасности ООН для обсуждения вопроса «Положение в Венгрии».

Повстанцы, оценив ситуацию, также готовились к решительным действиям. К 4 ноября их вооруженные формирования получили значительные подкрепления. Вокруг столицы создавался оборонительный пояс. В населенных пунктах, прилегающих к городу, появились заставы с танками и артиллерией. Важнейшие объекты города занимались вооруженными отрядами, а на улицах патрулировали наряды военнослужащих и Национальной гвардии. Численность венгерских частей в Будапеште достигла 50 тысяч человек. Кроме того, более 10 тысяч человек входило в состав Национальной гвардии. В распоряжении повстанцев было около 100 танков.

Тем временем в здании Парламента продолжались начатые 3 ноября переговоры о выводе советских войск из Венгрии. Делегацию СССР возглавлял первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии М.С. Малинин, венгерскую — генерал П. Малетер. Советская сторона вела их формально, чтобы скрыть свои истинные намерения.

Обсуждение конкретных вопросов, связанных с выводом частей Советской Армии, поздно вечером 3 ноября по предложению советской стороны было перенесено на советскую военную базу Тёкёл. Члены венгерской делегации приняли здесь участие в торжественном ужине, устроенном для них советскими военными представителями. Была уже почти полночь, когда прием прервался прибытием шефа советской госбезопасности генерала Серова. В сопровождении офицеров НКВД он вошел в зал и приказал арестовать всю венгерскую делегацию.

Из промышленных районов в окрестностях Будапешта и различных революционных советов из провинции стали поступать сообщения о перемещениях советских войск.

Вначале И. Надь дал категорическое указание не стрелять в советские войска, надеясь, что переговоры о выводе войск все-таки увенчаются успехом.

3 ноября ночью командир Особого корпуса генерал-лейтенант П.Н. Лащенко, в соответствии с приказом Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами государств-участников Варшавского Договора маршала Советского Союза И.С. Конева и планом операции «Вихрь», отдал приказ командирам 2-й и 33-й гвардейских механизированных дивизий, 128-й гвардейской стрелковой дивизии, приданным и поддерживающим частям о начале штурма Будапешта в 5 часов 50 минут 4 ноября. Примерно в это же время командующий

8-й механизированной армией генерал-лейтенант А.Х. Бабаджанян отдал приказ командирам соединений и частей по разоружению венгерских воинских гарнизонов и захвату назначенных объектов в 6 часов 15 минут 4 ноября. Аналогичный приказ командирам подчиненных ему соединений и частей отдал и командующий 38-й общевойсковой армией генерал-лейтенант Х.М. Мамсуров.

В 5 часов 15 минут утра 4 ноября на волнах Сольнокского радио (а по некоторым сведениям, передача велась из советского города Ужгорода) прозвучало обращение нового, созданного якобы в Сольноке Революционного рабоче-крестьянского правительства во главе с Я. Кадаром. Это сообщение было составлено в форме открытого письма, которое подписали Кадар и три других бывших члена правительства Имре Надя. Они заявляли, что 1 ноября вышли из правительства Имре Надя, потому что это правительство было неспособно бороться с «контрреволюционной опасностью». Для «подавления фашизма и реакции» они сформировали Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство.

В 6 часов утра на тех же волнах можно было услышать голос Кадара, который объявил состав своего правительства. Он утверждал, что «реакционные элементы хотели свергнуть социалистический общественный строй в Венгрии и восстановить господство помещиков и капиталистов». Новое правительство, как сказал Янош Кадар, обратилось к командованию советскими войсками, чтобы оно «помогло нашему народу разбить черные силы реакции и контрреволюции, восстановить народный социалистический строй, восстановить порядок и спокойствие в нашей стране».

Кадар не объяснил, почему он изменил свою позицию с ночи 1 ноября, когда по радио высказался в поддержку Имре Надя.

В свою очередь Имре Надь выступил по будапештскому радио в 6 часов 20 минут утра. Его заявление затем до последней возможности непрерывно транслировалось радиостанцией «Сабад Кошут радио» из студии, оборудованной в здании венгерского Парламента. Текст заявления был следующим:

«Говорит Председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики Имре Надь. Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с явным намерением свергнуть законное венгерское демократическое правительство.

Наши войска ведут борьбу! Правительство находится на своем посту. Я заявляю это народу нашей страны и мировому общественному мнению».

Спустя некоторое время, однако, И. Надь покинул здание Парламента и укрылся в югославском посольстве. Вскоре от имени правительства был передан так называемый манифест Иштвана Бибо, ставший последним официальным документом венгерского правительства. Манифест гласил:

«Венгры!

Председатель Совета Министров Имре Надь на рассвете отправился в советское посольство для продолжения переговоров и не смог оттуда вернуться. Утром на созванном заседании Совета Министров кроме находившегося в здании Парламента Золтана Тильди могли присутствовать только государственные министры Иштван Б. Сабо и Иштван Бибо. Когда советские войска окружили здание Парламента, государственный министр Тильди во избежание кровопролития заключил с ними соглашение, следуя которому советские войска могут занять здание Парламента, предоставив находящимся там гражданским лицам возможность свободно покинуть его. Придерживаясь этого соглашения, он покинул здание.

В здании Государственного Собрания остался лишь нижеподписавшийся государственный министр Иштван Бибо как единственный законный представитель единственного законного венгерского правительства.

В сложившейся обстановке я заявляю следующее:

Венгрия не имеет намерения проводить антисоветскую политику, наоборот, она выражает свое полное желание жить в содружестве тех восточноевропейских народов, которые стремятся организовать жизнь в своих странах под знаком свободы и справедливости, в обществе, лишенном эксплуатации.

Перед лицом мира я отвергаю клеветнические обвинения в том, что славная венгерская революция запятнала себя фашистскими или антисемитскими выступлениями. В борьбе принял участие независимо от классовых или религиозных различий весь венгерский народ. Потрясающим и замечательным было гуманное, мудрое поведение восставшего народа, готового к проведению справедливых различий и повернувшего лишь против власти иноземных угнетателей и своих венгерских карательных отрядов.

Правительство сумело бы кратчайшим путем справиться как с некоторыми имевшими место случаями уличной расправы, так и с выступлениями ультраконсервативных сил, не проявивших вооруженного насилия. Утверждение о том, что с этой целью пришлось ввести на территорию страны огромную иноземную армию, — несерьезно и цинично. Как раз наоборот: присутствие этой армии стало важнейшим источником беспокойства и беспорядков.

Я призываю венгерский народ не считать верховной властью в стране оккупационную армию или ею создаваемое марионеточное правительство и выступить против них, используя все возможные средства пассивного сопротивления, за исключением тех, которые затрагивали бы снабжение и коммунальные службы Будапешта.

Отдать приказ о вооруженном сопротивлении я не имею права, так как включился в работу правительства всего лишь за день до этого и не имею информации о военном положении в стране, а потому было бы безответственно с моей стороны распорядиться дорогой кровью венгерской молодежи. Венгерский народ и до этого поплатился немалой кровью, чтобы показать всему миру свою приверженность свободе и справедливости. Теперь наступила очередь великих держав мира показать силу принципов Устава ООН, силу свобододолюбивых народов мира. Я прошу мудрого и смелого решения великих держав и ООН в интересах моей угнетенной нации.

Одновременно заявляю, что единственным законным представителем Венгрии за рубежом и законной главой всех ее иностранных представительств является государственный министр Анна Кетли.

Венгрия! Береги тебя Господь!»

Тем временем соединения армий генералов А. Бабаджаняна и Х. Мамсурова приступили к активным боевым действиям. Воздушно-десантные части начали разоружение венгерских зенитных батарей, блокировавших аэродромы советских авиационных частей в Веспреме и Тёкёле.

Во втором штурме была использована более сбалансированная и умело организованная сила. Если в первом штурме участвовали в основном танки Второй мировой войны Т-34, то ко второму штурму Будапешта были привлечены современные на тот период танки Т-54, которые были более маневренными и менее уязвимыми на улицах венгерской столицы.

Окружив Будапешт, советские войска захватили господствующую над городом высоту Геллерт на западном берегу Дуная. Здесь была установлена артиллерия и реактивные установки.

Штурм начался с артиллерийского обстрела. Затем танковые колонны устремились вперед для захвата мостов через реки и основных опорных пунктов сопротивления. Пехота при поддержке танков занялась «зачисткой» городских районов.

К 7.30 части 2-й гвардейской механизированной дивизии захватили мосты через Дунай, Парламент, здания ЦК, министерств внутренних и иностранных дел, горсовета и вокзала Ньюгати. В районе Парламента был разоружен батальон охраны и захвачены три танка. За день боя частями дивизии было разоружено до 600 человек, захвачено около 100 танков, два склада с артиллерийским вооружением, 15 зенитных орудий и большое количество стрелкового оружия.

Части 33-й гвардейской механизированной дивизии овладели складом вооружений, тремя мостами через Дунай, а также разоружили подразделения венгерского стрелкового полка, перешедшего на сторону восставших.

128-я гвардейская стрелковая дивизия действиями передовых отрядов в западной части города к 7 часам утра овладела аэродромом Будапешт, захватив при этом 22 самолета, а также заняла казармы школы связи и разоружила механизированный полк венгерской 7-й

механизированной дивизии. Попытки частей дивизии овладеть площадью Москвы, королевской крепостью и кварталами, прилегающими с юга к горе Геллерт, из-за сильного сопротивления повстанцев успеха не имели.

Для скорейшего разгрома вооруженных отрядов в Будапеште в состав Особого корпуса были дополнительно включены два танковых, два парашютно-десантных, стрелковый, механизированный и артиллерийский полки, а также два дивизиона тяжелой минометной и реактивной бригад. Большинство из этих частей вступило в бой на участках 33-й механизированной и 128-й стрелковой дивизий.

В отличие от повстанцев, венгерские войска вооруженного сопротивления практически не оказывали. К 8.30 десантники 108-го гвардейского парашютно-десантного полка во взаимодействии с 37-м танковым полком 2-й гвардейской механизированной дивизии захватили 13 генералов и около 300 офицеров Министерства обороны и доставили их в ставку генерала армии М.С. Малинина. Управление венгерскими вооруженными силами было окончательно парализовано.

Несмотря на полное советское превосходство в силах и средствах, венгерские повстанцы по-прежнему препятствовали их продвижению. Вскоре после 8 часов утра будапештское радио последний раз вышло в эфир и обратилось к писателям и ученым мира с призывом помочь венгерскому народу. Но к тому времени советские танковые части уже завершали прорыв обороны Будапешта и заняли мосты через Дунай, Парламент и телефонную станцию.

Особенно ожесточенные бои, как и предполагалось, развернулись за объекты «Корвина», площадь Москвы, здание Парламента, королевский дворец и др.

К полудню 5 ноября в столице остался фактически один сильный узел сопротивления в переулке Корвин. Для его подавления было привлечено 11 артиллерийских дивизионов, имевших в своем составе около 170 орудий и минометов, а также несколько десятков танков. К вечеру сопротивление повстанцев не только в переулке, но и во всем квартале прекратилось.

В течение 6 ноября советская группировка войск в Будапеште продолжала выполнять задачи по уничтожению отдельных вооруженных групп и пунктов сопротивления. Бои продолжались вплоть до вечера вторника, 6 ноября. К этому времени у большинства венгерских бойцов закончились боеприпасы.

Несколько очагов сопротивления внутри города продержались до 8 ноября, а в окраинных промышленных районах бои продолжались до 11 ноября. Ожесточенные бои имели место в рабочих пригородах Будапешта, в том числе в Чепеле и Уйпеште. Чепельские рабочие проигнорировали повторный советский призыв сдать оружие и сопротивлялись до вечера 9 ноября, хотя и подвергались сильному артиллерийскому обстрелу.

В ранее переименованном в Сталинварош селе Дунапентеле, ставшем значительным промышленным центром, местные жители проявили не меньшую решимость в борьбе с советскими войсками. На протяжении всего дня 7 ноября повстанцы неоднократно выдерживали атаки танковых подразделений и механизированной артиллерии.

Уже в ходе развернувшихся ожесточенных боев 6 ноября в 2 часа ночи Генеральная Ассамблея ООН 50 голосами «за», 8 — «против» и 15 «воздержавшимися» осудила Советский Союз за «совершение агрессии», призвала прекратить вооруженное нападение и обратилась к Генеральному секретарю ООН с просьбой о проведении расследования «инострального вмешательства во внутренние дела Венгрии». Однако это были уже запоздалые и никого ни к чему не обязывающие меры.

К 10 ноября сопротивление повстанцев в основном было подавлено, венгерская армия разоружена. Советское командование повсеместно приступило к созданию военных комендатур.

К 11 ноября вооруженное сопротивление было сломлено не только в столице, но и фактически на всей территории Венгрии. Прекратив открытую борьбу, остатки повстанческих отрядов ушли в леса с целью создания партизанских групп, однако в результате сплошного прочесывания местности были окончательно ликвидированы. В этой операции совместно с советскими войсками уже приняли участие венгерские офицерские полки.

Тем не менее отдельные очаги сопротивления в Будапеште еще продолжали тлеть до 14 ноября, а в южных предгорных районах — до конца года.

За период боев и после их окончания у вооруженных отрядов и населения было изъято более 44 тысяч единиц стрелкового оружия, в том числе около 30 тысяч винтовок и карабинов, 11,5 тысяч автоматов, около 2 тысяч пулеметов, а также 62 орудия, из которых 47 — зенитных.

Советские потери составили: 720 человек убитыми (из них 87 офицеров и 633 солдата и сержанта), 1540 ранеными; 51 человек пропал без вести. Санитарные потери (ранено, травмировано): офицеров — 225, солдат и сержантов — 2035 человек.

Больше половины потерь части Особого корпуса понесли преимущественно в октябре. Было подбито и повреждено много танков, бронетранспортеров и другой боевой техники. Много жертв было среди местного населения. По данным официального Будапешта, с 23 октября 1956 г. по январь 1957 г. (то есть до тех пор, пока не прекратились отдельные вооруженные стычки повстанцев с венгерскими властями и советскими войсками) 2502 венгра погибли и 19 229 человек были ранены. 842 венгерских гражданина были депортированы в СССР.

По итогам боевых действий 18 декабря Указом Президиума Верховного Совета СССР более 10 тысяч военнослужащих были награждены орденами и медалями, а 26 человек удостоены звания Героя Советского Союза (из них 14 посмертно).

24 ноября на совещании советских военных комендантов в Будапеште маршал И.С. Конев объявил решение Советского правительства о создании в Венгрии Южной группы войск.

Судьба Имре Надя

Рано утром 4 ноября Имре Надь покинул здание Парламента и попросил убежища в югославском посольстве. Позже в тот же день к нему присоединился ряд ведущих деятелей, в том числе и вдова Ласло Райка. В ноябре югославское правительство провело с Кадаром переговоры, в ходе которых обсуждалась судьба Имре Надя. Перед югославами с самого начала были выдвинуты следующие условия: Надь должен добровольно и публично отказаться от занимаемого им в правительстве поста, подвергнуть себя «самокритике» и «благоприятно отзываться» о правительстве Кадара. Надь отказался принять условия подобной «капитуляции». Это привело к усилению давления на Белград с целью его выдачи.

В конце концов югославское правительство согласилось выпустить Имре Надя и его окружение только в том случае, если Кадар как венгерский премьер-министр в письменном виде даст гарантии их свободного и беспрепятственного возвращения домой. Кадар в письменном ответе подтвердил, что венгерское правительство не собирается принимать против Имре Надя и членов его группы репрессивных мер за их политическую деятельность.

На следующий день, 22 ноября, в 6 часов 30 минут вечера перед югославским посольством остановился автобус, который должен был доставить домой членов группы И. Надя. Наряду с венгерскими в нем находились и советские военные. Югославский посол настоял на том, чтобы два работника посольства также заняли места в автобусе и лично убедились, что Имре Надь и его товарищи благополучно доставлены до места назначения.

Это, однако, уже ничего не могло изменить.

Автобус направился прямо в ставку советского командования, где советский подполковник попросил двух сотрудников югославского посольства удалиться. После этого автобус в сопровождении двух танков отбыл в неизвестном направлении.

Югославское посольство в устной ноте осудило венгерские действия как «явное нарушение предварительного соглашения». Оно заявило, что действия венгерской стороны свидетельствуют о «полном пренебрежении по отношению к общепринятой практике и нормам международного права». В ноте также отмечалось, что Имре Надь и его товарищи, несмотря на предоставленную возможность, отказались выехать в Румынию для спасения собственной жизни, а предпочли остаться в Венгрии и разделить судьбу своих товарищей.

Несмотря на этот протест, правительство Яноша Кадара опубликовало сообщение, согласно которому Надь с несколькими коллегами, скрывавшимися в югославском посольстве, по собственной просьбе были выдворены в Румынию в соответствии с их прежним решением удалиться на территорию другой социалистической страны. Однако позже, 26 ноября, выступая по будапештскому радио, Кадар заявил: «Мы обещали, что не будем привлекать Имре Надя и

его друзей к суду за их прошлые преступления, даже если они потом признают себя виновными». В феврале 1957 г. венгерское министерство иностранных дел подтвердило, что «не было намерений привлечь Имре Надя к суду».

Одним из условий этого, как стало известно впоследствии, должно было стать публичное покаяние И. Надя, которое бы означало не что иное, как его политическую смерть. И. Надь предпочел смерть физическую. Он наотрез отказался признать себя виновным в каких-либо политических прегрешениях.

Тайное судебное разбирательство над И. Надем и его сподвижниками состоялось в феврале 1958 г., затем было приостановлено и вновь возобновлено в июне 1958 г. Все обвиняемые были признаны виновными.

В приговоре суда Надь был охарактеризован как «послушный пособник» империализма и главный организатор контрреволюции. Радиостанция «Свободная Европа» была объявлена «военно-политическим штабом контрреволюции за рубежом», а посылки с помощью Красного Креста — главным средством переброски империалистического оружия через венгерскую границу. Непосредственное участие в руководстве восстанием принимал британский военный атташе полковник Д. Каули, а западногерманский парламентарий князь Х. фон Левенштейн был назван связующим звеном с «крупными империалистическими капиталистами в Западной Германии»¹⁰⁵.

Этот процесс стал последним политическим процессом в странах советского блока, на котором обвиняемым был вынесен смертный приговор.

В последнем слове, произнесенном 15 июня 1958 г., И. Надь заявил:

«Смертный приговор я, со своей стороны, считаю несправедливым. Мотивировку нахожу необоснованной, поэтому не могу ее принять.

Единственным моим утешением в нынешнем моем положении является убеждение в том, что рано или поздно венгерский народ и международный рабочий класс снимут с меня эти тяжкие обвинения, груз которых я должен сейчас нести, вследствие чего мне придется пожертвовать жизнью, но не могу от этого уклониться.

Я верю, придет время, когда в этих вопросах и в моем деле тоже можно будет разобраться справедливо в более спокойной обстановке, с более широким кругозором и на основании лучшего знания фактов.

Я чувствую, что являюсь жертвой тяжелого заблуждения, судебной ошибки.

О помиловании не прошу».

По разным данным за участие в восстании были подвергнуты смертной казни от 350 до 500 человек, более 10 тысяч были приговорены к тюремному заключению. В первые месяцы после подавления восстания страну покинули свыше 200 тысяч человек (при общей численности населения в 10 миллионов), подавляющее большинство которых составили молодые люди.

Трагедия, однако, состояла не только в этом. Глубокая травма была нанесена общественному сознанию венгерской нации, до этого верившей в возможность «обновленного» социализма с «гуманным лицом».

Но тогда многим казалось, что в отношениях между Будапештом и Москвой на долгие времена открывается новая эра. И никто не сможет отныне ее омрачить.

Глава 9.

Дыхание «горячей» войны в Европе, 1958—1962 гг.

«Для всех, кто имел отношение к берлинскому делу, это был самый

¹⁰⁵ Контрреволюционный заговор Имре Надя и его сообщников. Будапешт: Информационное бюро при Совете Министров, 1958. С. 13—18, 108—129.

серьезный кризис после Второй мировой войны, потому что он мог привести к прямому столкновению между Соединенными Штатами и Советским Союзом, и обе стороны (особенно Запад) вынуждены были в определенной ситуации использовать ядерное оружие».

**Шенбаум, американский историк, биограф госсекретаря США
Д. Раска**

«Недремлющее око» под землей и в воздухе

Берлинский кризис (1958—1962 гг.) вошел в историю как один из опаснейших эпизодов «холодной» войны.

В случае Берлинского кризиса (1948—1949 гг.) Сталин пытался ликвидировать анклав западного влияния внутри советской оккупационной зоны и заодно помешать западным планам образования Федеративной Республики Германии (ФРГ). В 1958—1961 гг. Хрущев рассматривал Западный Берлин как плацдарм для подрывных действий ФРГ и западных разведок против Германской Демократической Республики (ГДР) и социалистической системы в целом, но уже не пытался ликвидировать этот плацдарм силой. И тем не менее это едва не закончилось войной.

В отличие от Сталина, для которого ГДР долгое время была лишь плацдармом для укрепления советского влияния во всей Германии и Европе в целом, Хрущев прежде всего добивался от Запада признания ГДР, послевоенных границ в Европе и на этой основе — перехода от конфронтации к разрядке и снижению уровней военного противостояния на континенте.

Полной стабилизации обстановки в ГДР после подавления восстания 1953 г. не наступило. Только в 1956 г. ежемесячно через Берлин в Западную Германию нелегально бежало в среднем до 30 тысяч человек, преимущественно представителей интеллигенции, а также квалифицированных рабочих. Обратный поток не превышал 1500 человек в месяц — главным образом это были старики и инвалиды, пожелавшие возвратиться к «родным очагам», чтобы получать повышенные социальные льготы¹⁰⁶.

В ГДР понимали, что «открытая» западная граница приносила стране немалый экономический ущерб. Совокупные потери республики в этой сфере к началу 60-х гг. оценивались в 100 млрд марок¹⁰⁷.

В конце августа 1958 г. Ю.В. Андропов, в то время заведующий Отделом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами, информировал Президиум ЦК о тяжелом положении в ГДР в связи с растущим исходом интеллигенции на Запад. Он в осторожной форме намекнул, что дело не только в лучшей материальной обеспеченности специалистов в ФРГ, но и в политическом курсе Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), ущемлявшей престиж интеллигенции, и рекомендовал Хрущеву повлиять на В. Ульбрихта во время его отпуска в подмосковном санатории, чтобы руководство ГДР усилило «коммунистическое влияние на немецкую интеллигенцию».

Тем более что под воздействием венгерских событий 1956 г. в ГДР усилились антиправительственные выступления и забастовки, чему в немалой степени способствовали западные державы, спецслужбы, стремившиеся дестабилизировать ситуацию в Восточной Германии.

В 1951—1956 гг. американским ЦРУ и британской разведкой СИС была разработана и проведена знаменитая операция «Берлинский туннель», суть которой состояла в проникновении и подключении к важнейшим линиям связи советских и восточногерманских учреждений через специально построенный глубокий туннель под советским сектором в Берлине. В свое время аналогичную операцию под кодовым названием «Серебро» западные спецслужбы провели в

¹⁰⁶ Никольский В.А. Аквариум-2. С. 203.

¹⁰⁷ Россия и Германия в годы войны и мира (1945—1995). С. 417, 421.

советской зоне оккупации Вены. Туннель, прозванный американскими разведчиками «Нора Харви», был фактически готов к апрелю 1956 г., но воспользоваться им так и не удалось — «подземные работы» стали известны органам КГБ СССР.

Не оставались в долгу советские и восточногерманские спецслужбы, которые постоянно наращивали разведывательные усилия в отношении Западной Германии и группировки вооруженных сил США в Германии.

Самым продуктивным агентом КГБ, действовавшим в западногерманской разведке, стал Х. Фельфе, который в 1958 г. возглавил в западногерманской разведслужбе БНД отдел контрразведки, занимавшийся Советским Союзом¹⁰⁸. От него постоянно поступала информация о планах «подрыва экономического и политического развития ГДР», «активизации психологической войны» и «переманивания рабочей силы» со стороны ЦРУ и БНД.

Эффективность действий советской и восточногерманской разведок значительно повысилась после создания в составе Министерства государственной безопасности ГДР в 1956 г. Главного управления разведки (ГУР).

С момента основания этого ведомства и на протяжении целого поколения его главой, а также автором различных оригинальных программ внедрения агентов был Маркус Вольф, сын видного немецкого писателя-коммуниста, вынужденного бежать в Москву после прихода к власти Гитлера.

Ко времени выхода в отставку в 1987 г. за Вольфом закрепилась репутация блестящего разведчика и талантливого организатора, сумевшего вывести восточногерманскую разведку в ряд ведущих спецслужб мира.

Агенты М. Вольфа часто использовали т.н. «наступление на секретарш» — соблазнение одиноких женщин, обычно среднего возраста, состоявших на государственной службе и имевших доступ к секретной информации. В этих сетях в середине 50-х гг. оказалась И. Ремер, секретарь в боннском Министерстве иностранных дел. Она передавала листы копировальной бумаги с отпечатками секретных документов своему соблазнителю К. Хелмерсу, нелегалу ГУР. После своего ареста в 1958 г., когда стали известны методы работы восточногерманской разведки, Хелмерса с легкой руки журналистов стали называть «красный Казанова»¹⁰⁹. Однако никакая разведка не могла решить экономические проблемы ГДР.

В состязании двух немецких политико-экономических систем особую роль суждено было сыграть Берлину. Находясь на положении анклава на территории Восточной Германии, но в то же время тесно вросший в западногерманскую экономику, Западный Берлин олицетворял собой экономическое благоденствие и политические свободы, что еще более контрастировало с далеко не безоблачными реалиями ГДР.

В 1957 — начале 1958 г. ГДР осуществила целый ряд мер, направленных на повышение производительности труда в сфере сельского хозяйства и промышленности, не приведших, однако, к ощутимым результатам. Стагнация в восточногерманской экономике накладывалась на обострение военно-политических реалий вокруг нее.

После того как ГДР и ФРГ стали членами противостоящих военно-политических блоков — соответственно Варшавского Договора и НАТО, — началось ускоренное перевооружение обоих германских государств. Это происходило вопреки ограничениям, оговоренным в решениях Потсдамской конференции. В декабре 1957 г. Совет НАТО санкционировал размещение на территории Западной Германии ядерных ракет средней дальности. Напряженность в межгосударственных отношениях ГДР и ФРГ вскоре приобрела кризисные черты.

Если быть точнее, то в период с ноября 1958 г. по октябрь 1961 г. произошел не один, а два Берлинских кризиса.

Первый начался 27 ноября 1958 г. и продлился до конца 1959 г.

¹⁰⁸ К. Эндрю и О. Гордиевский. КГБ. История внешнеполитических операции. От Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 453.

¹⁰⁹ H. Rositzke. The KGB: Eyes of Russia. — London: Sidgwick & Jackson, 1983. P. 182.

Признаком приближавшегося кризиса стала нота, направленная правительством ГДР четырем державам 4 сентября 1958 г. В документе содержалось предложение о создании комиссии из представителей Западной и Восточной Германии для подготовки мирного договора. В свою очередь 18 сентября советская сторона направила трем западным державам ноту с поддержкой этого предложения ГДР. Тем самым Москва начала свое первое пропагандистское наступление.

На тот момент соотношение стратегических сил было не в пользу Москвы. США обладали подавляющим стратегическим превосходством в ядерном оружии и средствах его доставки, разместив это оружие прежде всего на тяжелых бомбардировщиках. СССР сделал ставку на развертывание межконтинентальных баллистических ракет. Накануне Берлинского кризиса в начале ноября 1958 г. Н. Хрущев заявил о том, что производство межконтинентальных ракет в стране поставлено на серийную основу. На самом деле в Советском Союзе это производство значительно уступало американским показателям.

Однако в Вашингтоне не были до конца уверены, что Хрущев так безоглядно блефует. В целом общественное мнение на Западе было склонно воспринимать ядерные угрозы Москвы всерьез. 27 ноября была опубликована советская нота, содержащая требование о выводе западных оккупационных сил из Западного Берлина и его последующей трансформации в «свободный город» в шестимесячный срок.

В ходе кризиса активную роль в качестве средства давления на кремлевских политиков сыграло восточногерманское руководство. Первое лицо в ГДР, В. Ульбрихт, при этом действовал смело и напористо, прекрасно понимая, какова цена той огромной ставки, которую Москва сделала на ГДР.

Берлинский кризис 1958 г. пришелся на переломный в определенном смысле период американской внешней политики. Подходила к концу эпоха Д.Ф. Даллеса, который умер после тяжелой болезни в мае 1959 г. Все очевиднее становилась несостоятельность его внешнеполитической позиции, которая наиболее наглядно проявилась в концепции «массированного возмездия» — всеобщего массированного удара всеми стратегическими силами США по территории Советского Союза. Эта доктрина была сформулирована им еще в 1954 г. В противовес этой утопичной и крайне опасной концепции начальник штаба армии генерал М. Тейлор впервые сформулировал так называемую концепцию «гибкого реагирования», которая предполагала избирательное использование в случае кризисных ситуаций не только и не столько ядерного оружия, сколько широкого набора других военных средств, включая и обычные силы. Впоследствии Тейлор смог с успехом реализовать свою доктрину, став военным советником в администрации Кеннеди.

Обстановка вокруг Западного Берлина резко обострилась после скандальной речи Н. Хрущева на собрании Советско-польского общества дружбы в Москве 10 ноября 1958 г., в которой он заявил: западные державы должны отказаться от своих оккупационных прав в Западном Берлине. В противном случае Советский Союз в одностороннем порядке передаст свои оккупационные функции правительству ГДР. Вместе с контролем над всеми коммуникационными сообщениями с Западным Берлином. При этом Хрущев подчеркнул: СССР будет рассматривать любую силовую акцию или провокацию против ГДР как нападение непосредственно на Советский Союз¹¹⁰.

Столь наступательная, бескомпромиссная позиция Хрущева объяснялась целым рядом обстоятельств.

Одним из них была безусловная поддержка Хрущевым коммунистического режима ГДР. По мнению советского лидера, руководители ГДР, особенно Вальтер Ульбрихт, показали себя надежными и верными друзьями, «оплотом мира» сравнительно с откровенно конфронтационной и подрывной дипломатией ФРГ. В. Ульбрихт постоянно предостерегал Москву от недооценки опасности германского милитаризма, который с помощью американцев может разрушить социалистический лагерь, в том числе и «мирным путем», через экономическое сближение и двусторонние соглашения о границах.

¹¹⁰ Documents on Germany. 1944—1970. P. 353.

Внутри социалистического блока тем временем нарастали трения. Ряд восточноевропейских стран, прежде всего Польша, не желал искусственно сдерживать свой экономические контакты с ФРГ и Западным Берлином.

На советскую позицию в германском вопросе повлиял еще один серьезный фактор — китайский. В 1957 г. на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве лидер КНР Мао Цзэдун призвал советское руководство занять более жесткую позицию в отношениях с Западом. Китайцы предлагали Кремлю вообще отказаться от переговоров по вооружениям до тех пор, пока западные страны не признают КНР и ГДР. Советское руководство, хотя открыто и не поддержало эту идею, тем не менее не могло не учесть мнение своего самого мощного союзника. В начале августа 1958 г. Хрущев вновь встретился с Мао Цзэдуном, на этот раз уже в Пекине, и убедился: китайский руководитель принципиально не согласен с советской политикой «мирного сосуществования».

Тогда же в августе, вскоре после отъезда Хрущева, китайское руководство, демонстрируя все большую независимость от Кремля, инициировало международный кризис вокруг островов в Тайваньском проливе и одновременно начало «большой скачок» к социализму в народном хозяйстве. Хрущев не мог не учитывать, ради сохранения хотя бы видимости единства в социалистической системе, особой, все более ужесточавшейся позиции Пекина.

К концу лета 1958 г. Н.С. Хрущева, как свидетельствуют очевидцы, в буквальном смысле «одолевали мысли» о том, как в дальнейшем реализовывать политику «мирного сосуществования».

Молотов и другие оппозиционеры обвиняли Хрущева в недостаточной заботе о престиже СССР, в подрыве основ политического курса, благодаря которому Советский Союз стал великой державой. По словам О.Я. Трояновского, в тот период помощника председателя Совета Министров по внешнеполитическим делам, Хрущева в буквальном смысле преследовала «тень Молотова и укоры критиков».

В конце концов Н. Хрущев выбрал следующий вариант действий в отношении Западного Берлина. Вместо того чтобы удушить город блокадой, предполагалось постепенно переориентировать его экономику на восточные рынки, интегрировать его в систему кооперации социалистических стран, сохраняя при этом его «особый» статус.

Впервые идея о статусе «свободного города» для Западного Берлина возникла у Хрущева в конце августа 1958 г.

Хрущев также не планировал каких-либо военно-политических акций против Западного Берлина, но был не прочь держать Запад в напряжении. Он верил в то, что западные страны не станут начинать из-за города войну и в конце концов пойдут на переговоры по германскому вопросу.

Оценки советских экспертов, однако, были более тревожными. В ноябре 1958 г. Главное Разведывательное Управление ГШ докладывало в ЦК КПСС, что, если ГДР нарушит права западных держав в Берлине, с их стороны не исключены военные контрмеры. Советский посол в ГДР Г.М. Пушкин также пытался предостеречь Хрущева, говоря о том, что советская политика чревата риском эскалации кризиса, но советский лидер отменил его возражения. В дальнейшем возражать уже не смел никто.

В конце декабря 1958 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко представил Хрущеву проекты двух мирных договоров: совместный с Западом договор с двумя германскими государствами и двусторонний — сепаратный — договор с ГДР. По замечанию Громыко, Запад, «разумеется», не согласится с общим договором, который неизбежно привел бы к распаду НАТО. Записку министра можно рассматривать как осторожное предупреждение Хрущеву: если переговоры с западными странами зайдут в тупик, тогда СССР будет вынужден выполнять свое обещание, данное восточногерманскому руководству.

Опасность заключалась в том, что с самого начала конфликта Ульбрихт не скрывал, что не верит в возможность статуса «вольного города» для Западного Берлина. В феврале 1959 г. он послал в Москву свои замечания к советскому проекту о будущем устройстве Западного Берлина, заявив, что «территория Западного Берлина должна рассматриваться в принципе как часть территории ГДР» и что «железнодорожные и водные пути вольного города Западный Берлин остаются собственностью ГДР». Вопрос мирной интеграции Западного Берлина в ГДР в

руководстве Восточной Германии по существу даже не изучался. Ставка окончательно была сделана на «отрыв» Западного Берлина от ФРГ не экономическими, а административными, а если нужно — и военными методами. Предполагалось, что Москва окажет всю необходимую помощь.

Риск прямого столкновения возрастал. За три дня до выступления Н. Хрущева 10 ноября 1958 г. госсекретарь США А. Даллес подтвердил решимость США отстаивать свои права в Западном Берлине, «если потребуются, военной силой»¹¹¹.

10 ноября, словно в подтверждение жесткого выступления Хрущева, советские истребители атаковали американские разведывательные самолеты сразу в двух местах: один над Балтийским морем, другой — над Японским.

В ответ американский президент Эйзенхауэр заявил: «Наши силы в городе представлены только разрозненными гарнизонами. Реальная оборона Берлина лежит теперь в публично выраженном намерении Запада оборонять его, если необходимо, любым способом, в том числе и военным»¹¹².

Угрозы явные, угрозы мнимые

14 ноября СССР прибегнул к первым практическим шагам, приведшим к эскалации напряженности вокруг Западного Берлина. На автобанах в предместьях Берлина были задержаны три американских военных грузовика.

Генерал Л. Норстад, представитель американского командования в Европе, проинформировал Вашингтон о том, что отныне он намерен отправлять грузовой транспорт по автобану Берлин — Хелмштедт только в сопровождении вооруженного конвоя. В случае попыток задержания конвоев советскими солдатами Норстад был готов отдать приказ о применении для их освобождения так называемой «минимальной силы».

В министерстве обороны США уже упомянутый генерал М. Тейлор вплотную занялся разработкой плана чрезвычайных действий на случай обороны Берлина обычными (неядерными) средствами¹¹³.

Еще более жестоко был настроен западногерманский канцлер К. Аденауэр. Не дожидаясь консультаций с другими западными лидерами, Аденауэр 12 ноября предупредил Москву об опасности нарушения международных соглашений по четырехстороннему статусу Берлина.

Тем не менее Хрущев продолжал засыпать западные столицы ультимативными нотами, предлагавшими все то же — пересмотр статуса Западного Берлина. Он ссылаясь на то, что соглашения военного времени безнадежно устарели и что Москва в своих действиях руководствуется только мирными намерениями. Хрущев подчеркивал: непоколебимая позиция СССР заключается в Предоставлении Западному Берлину статуса «свободного города» при четырехсторонней гарантии и, возможно, под наблюдением ООН. Для Запада эти условия были абсолютно неприемлемы.

Отказавшись от идеи вооруженных конвоев, Эйзенхауэр тем не менее принял решение полностью доукомплектовать все американские части в Европе. Это был недвусмысленный сигнал Москве о решимости США выполнять свои обязательства в отношении Западного Берлина.

После некоторых колебаний американский президент подтвердил возможность применения ограниченной военной силы в Берлинском кризисе и утвердил план чрезвычайных действий, который предусматривал:

1) отказ признавать любую замену на транспортных коммуникациях, ведущих в Западный

¹¹¹ Senate Committee on Foreign Relations, Documents on Germany, 1944—1961 Washington, 1961. P. 339.

¹¹² D. Eisenhower. The White House Years: Waging Peace, 1956—1961. Doubleday, 1965. P. 330

¹¹³ New York Times. November 13, 1958.

Берлин, советских представителей восточногерманскими;

2) в случае подобной попытки сопровождать конвой вооруженной охраной, имеющей приказ — в случае принудительной остановки — открывать огонь;

3) эвакуация членов семей американских служащих из Берлина и, возможно, в ближайшем будущем из всей Германии¹¹⁴.

Военные приготовления в Западной Германии и Берлине предполагалось осуществлять вплоть до истечения срока советского ультиматума. Не исключалось, что эти приготовления будут вскрыты советской разведкой и расценены как решимость западных держав оборонять Западный Берлин.

Эти меры привели к дальнейшему росту напряженности.

2 февраля 1959 г. советские блок-посты остановили продвижение американского военного конвоя на автобане Берлин — Хелмштедт с намерением провести проверку перевозимых грузов. Встретив решительный отказ, советские солдаты задержали конвой. Москва немедленно получила американскую ноту, в которой советские действия были охарактеризованы как «явное нарушение американского права свободного доступа в Берлин». Конвой был пропущен.

Инцидент выявил существенные различия американского и британского подходов к разрешению нарастающего кризиса. Днем позже британский военный конвой, столкнувшись с советскими требованиями, подчинился советским требованиям¹¹⁵. Премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан был более склонен к уступкам, расценивая американские действия как чрезмерно жесткие.

Тем временем в США продолжалось рассмотрение возможных сценариев применения ограниченной силы в Берлине. 25 февраля 1959 г. на своей пресс-конференции Эйзенхауэр подтвердил наличие «пока еще уточняющихся планов по обороне Берлина». 5 марта министр обороны США Макэлрой заявил, что возможная война по поводу Берлина неизбежно выйдет за рамки ограниченной. Он впервые поднял проблему осуществления превентивной войны Запада против Советского Союза, «если будет понято, что Москва готовит военное наступление»¹¹⁶.

Осложнявшаяся обстановка вынудила премьер-министра Макмиллана 21 февраля срочно прибыть в Москву для двусторонних переговоров с Хрущевым. Во время визита Макмиллан предложил провести совещание министров иностранных дел по спорной проблеме. Москва приняла это предложение, хотя для Хрущева предпочтительней была бы встреча на высшем уровне. Он был явно уязвлен пренебрежительным отношением американцев к своим угрозам и выпадам.

23 мая Москва в официальной ноте выразила резкий протест по поводу планов Вашингтона разместить на территории Западной Германии тактическое ядерное оружие. Вашингтон проигнорировал и эту ноту, не удостоив ее даже формального ответа.

В период между 25 мая и 4 июня Хрущев во главе правительственной делегации находился с официальным визитом в Албании, где выступил с целым рядом воинственных речей, в том числе подвергнув критике действия США по размещению ракетных баз НАТО в Турции и Греции. По возвращении в Москву 6 июня он выступил с речью, в которой предложил создать на Балканах безъядерную зону. В противном случае СССР угрожал разместить советские военные базы в Албании и Болгарии в непосредственной близости от баз агрессоров. Спустя пять дней, уже в Риге, советский лидер выступил с предложением о создании безъядерной зоны для скандинавских стран и Прибалтики¹¹⁷. Своего апогея воинственная риторика Хрущева достигла 23 июня, когда советский руководитель в беседе с А.

¹¹⁴ Eisenhower. *Waging Peace*. P. 340.

¹¹⁵ G. Barraclough. *Survey of International Affairs, 1959—1960*. Oxford University Press, 1964. P. 28.

¹¹⁶ J. Schiok. *The Berlin Crisis, 1958—1962*. University of Pennsylvania Press, 1971. P. 52.

¹¹⁷ «Правда». 12 июня 1959 г.

Гарриманом подтвердил свою позицию в отношении берлинского вопроса, едва не сорвавшись на крик: «Если вы пошлете танки, они будут сожжены, и не заблуждайтесь в отношении этого. Если вы хотите войны, вы получите ее, но запомните: это будет ваша война. Наши ракеты полетят автоматически»¹¹⁸.

В своих воспоминаниях Эйзенхауэр приводит некоторые подробности сложившейся ситуации: «Хрущев объявил о своем намерении ликвидировать права Запада в Берлине и стал хвастаться ракетами, размещенными в Китае. Он утверждал, что советские истребители в состоянии подбить любую нашу межконтинентальную ракету и делал расточительные заявления относительно количества и характеристик советских межконтинентальных ракет. Он утверждал, что, тратя 30 миллиардов рублей на баллистические ракеты, Москва может уничтожить любой промышленный центр в США и в Европе, но лично он, конечно, предпочитает не делать этого»¹¹⁹.

Ситуация вокруг Берлина продолжала ухудшаться. Стороны все чаще от слов переходили к действиям. 27 марта командование американских ВВС решило проверить советскую систему ПВО и направило в сторону Берлина несколько военно-транспортных самолетов. Они сразу же подверглись облету советскими истребителями и были вынуждены повернуть обратно. Два дня спустя советские истребители вновь повторили свой маневр в отношении поднявшихся в воздух американских транспортных самолетов, заставив их вернуться на базу. 15 апреля, несмотря на протесты Москвы, американские транспортники опять поднялись в воздух. На этот раз они проигнорировали близость советских истребителей и благополучно приземлились на аэродроме в Западном Берлине.

В ответ Москва активизировала действия по передаче восточногерманским властям права контроля за перемещением военных грузов между ФРГ и Западным Берлином. Восточногерманские таможенные власти впервые попытались подвергнуть проверке содержимое американского военного конвоя. После этого американские конвои стали следовать в Западный Берлин в сопровождении хорошо вооруженной охраны, а самолеты НАТО были перебазированы из Франции на аэродромы Западной Германии.

Дело принимало опасный оборот: любой незначительный инцидент, в том числе и случайный, мог привести к широкомасштабному военному столкновению.

Именно в этот напряженный момент Хрущев на встрече с группой американских сенаторов в Кремле 7 июля 1959 г. намекнул о своем желании посетить США.

В западных столицах поняли — Хрущев дрогнул.

На следующий день на пресс-конференции Эйзенхауэр выразил недоумение в отношении желания Хрущева, однако не исключил возможности его официального визита в США.

Попытка Хрущева нормализовать отношения с США объяснялась не только стремлением избежать военного конфликта вокруг Берлина. Едва ли не более важной причиной явились нараставшие противоречия между Москвой и Пекином. Поворотным пунктом в советско-китайских отношениях стало решение Хрущева отказаться помочь КНР в создании атомной бомбы. Несмотря на предшествующую секретную договоренность.

После XXI съезда КПСС, завершившего свою работу 5 февраля 1959 г., в отношениях между компартиями СССР и КНР установилось «напряженное перемирие».

Вслед за этим едва не сорвался запланированный визит в США Н. Хрущева из-за очередного инцидента. Советский траулер «Новороссийск» был обнаружен и задержан американскими военно-морскими силами в районе, где чаще всего происходили «странные обрывы» кабеля американской правительственной линии связи. 26 февраля на борт траулера поднялась американская экспертная группа для инспекции. Она подтвердила подозрения, что экипаж траулера занимался «запрещенной деятельностью». В своем ответе 4 марта советское правительство отмежевалось от выдвинутых обвинений, но в конце концов решило «замять» неуместное происшествие.

¹¹⁸ A. Harriman. My Alarming Interview with Khrushchev. Life. Vbl. 47. July 13, 1959. R 33.

¹¹⁹ D. Eisenhower. The White House Years: Waging Peace, 1956—1961. Doubleday, 1965. P. 404.

В такой обстановке Хрущев отправился в свою поездку по США. В сентябре 1959 г. Эйзенхауэру на встрече с Хрущевым в Кэмп-Дэвиде удалось убедить советского лидера, что по берлинскому вопросу должны быть проведены дополнительные переговоры, не ограниченные ультимативным сроком Москвы.

После встречи двух лидеров разногласия в отношении Берлина утратили черты острого кризиса и на полтора года приняли форму вялотекущей конфронтации. Москва неформально отказалась от ультиматума, но реально продолжала придерживаться своих требований, хотя добиться их удовлетворения так и не сумела.

Неудача, которую советская сторона потерпела в 1958—1959 гг. в отношении Берлина, во многом обуславливалась тем, что Запад уже имел достаточно объективную информацию о состоянии Советской Армии. Этим он был обязан шпионской деятельности одного из самых ценных своих агентов, полковника ГРУ О. Пеньковского. Тот в первую очередь предоставил Западу достоверную информацию о реальном состоянии стратегических ядерных сил, которое, как оказалось, было на «несколько порядков ниже заявленного Н. Хрущевым».

Не зная уровня информированности Запада, Хрущев не устал делать грозные заявления. Так, в речи 6 октября 1959 г. советский вождь заявил, что Москва «опережает все другие страны в производстве ракет»¹²⁰. Месяц спустя на встрече с журналистами Хрущев утверждал: «В настоящее время мы накопили такое количество ракет, такое количество атомных и водородных боеголовок, что если они (западные державы) нападут на нас, мы сотрем с земли всех наших потенциальных противников». Он стал описывать свой визит на советский военный завод, где, по его словам, «производят на конвейерной линии 250 ракет с водородными боеголовками»¹²¹. 1 декабря 1959 г., уже находясь в Будапеште, Хрущев, увлекшись, вновь стал утверждать, что у Советского Союза достаточно ядерных ракет, чтобы «стереть с земли всех наших потенциальных противников». В этой же речи он вновь стал угрожать подписанием сепаратного мирного договора с Восточной Германией и сделал несколько острых выпадов лично против западногерманского канцлера К. Аденауэра¹²².

14 января 1960 г. в Москве было объявлено о сокращении вооруженных сил на 1 млн 200 тыс. человек. Одновременно Хрущев заявил, что Советский Союз «на несколько лет опережает другие страны в создании и производстве межконтинентальных баллистических ракет», так же как и в осмыслении апокалиптического ужаса ядерной войны, в которой «ни одна столица или промышленный центр не избегут атаки, не просто в первые дни, но в течение первых минут войны».

Жертвой подобных заявлений стали не политики, а напуганная западная общественность, готовая идти теперь на любые расходы ради противостояния «советской угрозе».

Не устал Хрущев время от времени повторять свою излюбленную угрозу подписать в одностороннем порядке мирный договор с ГДР. В действительности Хрущев давно уже отказался от этой мысли. Несмотря на алармистские заявления В. Ульбрихта.

В январе 1960 г. в ходе беседы с советскими представителями Смирновым и Первухиным Ульбрихт заявил, что ФРГ в любой момент может пойти на военные провокации, например, бомбардировку Дрездена и Лейпцига тактическими ракетами, причем нападение на ГДР западногерманские милитаристы попытаются представить как «внутригерманское дело». В ответ, продолжал Ульбрихт, нам ничего не останется, как бомбардировать Бонн. Эта угроза произвела на советских собеседников сильное впечатление, о чем они немедленно сообщили в Москву. Но Хрущев промолчал. Он готовился к встрече на высшем уровне, которая должна была состояться в мае 1960 г. в Париже.

Конференция, однако, не состоялась. Поводом стало уничтожение советской зенитной

¹²⁰ «Правда». 8 октября 1959 г.

¹²¹ «Правда». 15 ноября 1959 г.

¹²² «Правда». 2 декабря 1959 г.

ракетой американского разведывательного самолета У-2, пилотируемого лейтенантом Ф. Пауэрсом. Хрущев потребовал от Эйзенхауэра признать ответственность США за полеты У-2 и извиниться перед советским правительством.

Эйзенхауэр отказался.

В ответ последовал знаменитый эмоциональный срыв Хрущева, завершившийся отказом советской стороны участвовать в работе конференции. По сути дела, Хрущев заявил, что с нынешней администрацией США он дела иметь не будет, а дождется новых президентских выборов в этой стране.

30 мая 1960 г. советский министр обороны маршал Р.Я. Малиновский заявил, что если полеты американских самолетов-шпионов У-2 над советской территорией будут продолжены, то Советский Союз не только будет их уничтожать, но и нанесет «сокрушающий удар по базам, из которых они вылетают»¹²³. Фактически советские лидеры впервые выступили с угрозой нанести в ответ на провокационные действия США удар по их союзникам, возможно и ядерным оружием.

30 июня Хрущев отправился с официальным визитом в Австрию. На следующий день, 1 июля, советские истребители подбили американский разведывательный самолет РБ-47 над Баренцевым морем. Самолету-нарушителю путем зрительных и радиосигналов предлагалось совершить посадку на советской территории. По существовавшим инструкциям, в случае отказа «объекта» выполнить требование, пункт управления ПВО мог отдать команду на уничтожение самолета. Подобное произошло в сентябре 1958 г., когда американский самолет С-130 с 13 членами экипажа на борту вторгся в воздушное пространство над Арменией и, не реагируя на сигналы советских истребителей, был сбит. Так же поступили и на этот раз с РБ-47. В результате инцидента Хрущев был вынужден прервать визит.

Тем временем в США полным ходом шла предвыборная кампания, в позиции Вашингтона относительно использования военной силы в качестве инструмента внешней политики произошли существенные изменения. 20 июля были проведены испытания ракеты «Поларис», запущенной с атомной подводной лодки «Джордж Вашингтон», а 30 августа прошли спешные испытания новой межконтинентальной баллистической ракеты «Титан», запущенной на расстояние свыше 5 тысяч километров.

18 октября 1960 г. в речи перед собранием Американского легиона в Майами-Бич кандидат в президенты Дж. Кеннеди заявил: «В то время как Советский Союз решил бросить все на совершенствование ракет, мы здесь, в Соединенных Штатах, сократили финансирование ракетных программ. Мы резко сократили наш оборонный бюджет. Мы замедлили модернизацию наших обычных сил, в то время как сегодня Советский Союз в ускоренном темпе создает ракетные ударные силы, которые угрожают нашей способности нанести ответный удар возмездия — и тем самым ставит под угрозу само наше существование»¹²⁴.

В ходе предвыборной кампании Кеннеди неоднократно говорил о необходимости преодоления «ракетного разрыва» между США и СССР. Он лукавил. Никакого разрыва не существовало. США в этой области безоговорочно лидировали. Это стало окончательно ясным в ходе брифинга министра обороны США Р. Макнамары 6 февраля 1961 г.

В Москве было срочно проведено специальное заседание Президиума ЦК КПСС. Однако в создавшихся условиях ничего кардинального предпринять было нельзя: версия «глобальной мощи СССР» уже не могла ввести Запад в заблуждение.

На Президиуме ЦК было принято решение: если в течение шести месяцев не удастся решить берлинскую проблему, будут возобновлены полномасштабные ядерные испытания. Советское посольство в Берлине информировало Москву о «драчливом настроении», охватившем высшие эшелоны Социалистической единой партии Германии. По некоторым данным, 70% активистов партии были готовы хоть завтра идти на штурм Западного Берлина.

¹²³ New York Times, May 31, 1960.

¹²⁴ Freedom of Communications. Part 3: The Joint Appearance of Senator John F. Kennedy and Vice President R. M. Nixon. Washington, 1961. P.205.

Наращение напряженности в конце концов привело к очередному Берлинскому кризису, который длился с июля до конца 1960 г.

Германия против Германии...

В ответ на планы Бонна набрать рекрутов для западногерманской армии в Западном Берлине Восточная Германия выразила резкий протест. Еще более резкие заявления В. Ульбрихта последовали в ответ на решение Бонна провести заседание нижней палаты — бундестага — в Западном Берлине.

Москва поддержала Ульбрихта, заявив: если подобное заседание состоится, она немедленно подпишет мирный договор с Берлином. Напряженности добавило проведение собраний ряда реваншистских организаций, требовавших возвращения в состав ФРГ территории не только всей Германии, но и земель, отошедших после Второй мировой войны к Польше и Советскому Союзу. Западногерманское правительство пригрозило прервать все торговые связи со своим восточным партнером, если социалистический Берлин будет продолжать препятствовать передвижениям из Западной Германии в Западный Берлин.

В октябре 1960 г. В. Ульбрихт на фоне свертывания «внутригерманской торговли» обратился к Кремлю с просьбой о дополнительной экономической помощи.

30 ноября Хрущев встретился с Ульбрихтом в Москве, в ходе Совещания коммунистических и рабочих партий. Присутствовавшие на встрече министр иностранных дел А.А. Громыко и председатель Госплана А.Н. Косыгин не скрывали своего раздражения чрезмерными притязаниями и чересчур воинственной политикой ГДР.

Хрущев, встав на сторону своего восточногерманского партнера, признал: все виноваты в том, что ГДР еще находится в экономической зависимости от Западной Германии, пообещав дополнительную помощь. Однако объем помощи был уменьшен примерно на треть по сравнению с запрашиваемым.

Одновременно он стремился стабилизировать ситуацию, попытавшись открыть новую главу отношений с США после избрания на президентский пост Дж. Кеннеди.

Первоначально Хрущев публично выразил надежду на улучшение отношений между СССР и США, но речью 6 января 1961 г. сам же и разрушил эту возможность. Касаясь природы современных войн, советский вождь особо выделил так называемые «войны за национальное освобождение», которые поклялся от лица коммунистов поддерживать «от всего сердца и без колебаний». Хрущев высказался об опасности ядерной войны и заявил, что конечной целью коммунизма является его победа во всемирном масштабе в «интенсивной экономической, политической и идеологической борьбе, в рамках мирного сосуществования». В этой же речи он вновь заявил о готовности подписать сепаратный мирный договор с ГДР¹²⁵.

В целом речь Хрущева произвела очень сильное впечатление на Дж. Кеннеди, который принял ее, по существу, за программное изложение основных целей советской политики в глобальном масштабе. Обсуждению этой речи было посвящено специальное заседание Совета национальной безопасности США.

В то время как Запад был встревожен агрессивностью Хрущева, Ульбрихт, напротив, был глубоко разочарован двойственностью советской политики. 18 января 1961 г. он направил Хрущеву послание на 15 страницах с изложением своей позиции по проблемам политики в германском вопросе и экономики Восточной Германии. Там, в частности, говорилось:

«...Уже два года прошло с момента заявления товарища Хрущева по вопросу о Западном Берлине в ноябре 1958 г. Ныне, в 1961 г., сложились благоприятные условия для ликвидации, по крайней мере частичной, остатков войны в Западном Берлине и Германии, поскольку правительство Аденауэра не заинтересовано в обострении ситуации накануне кампании по выборам в бундестаг, равно как и президент Кеннеди не желает какого-либо обострения ситуации в первый год своего президентства».

Хрущев объяснил лидеру СЕПГ, что конфронтация с Западом после инцидента с У-2

¹²⁵ «Коммунист». 1961. № 1. С. 3—37.

преследовала скромную, но важную цель — подготовку к переговорам с более выгодных позиций. Избрание Дж. Кеннеди президентом США, полагал Хрущев, дает новый шанс для переговоров с Западом. В итоге оба лидера пришли к единому мнению о том, что вопрос о сепаратном мирном договоре еще не созрел. Также было решено, что правительство ГДР воздержится от односторонних действий в отношении Западного Берлина и «прежде всего режима контроля за пересечением секторальной границы в Берлине». Хрущев условился с Ульбрихтом и о промежуточном решении: если Запад согласится на переговоры, но при этом сохранит в Западном Берлине символический воинский контингент, то на последующие год-полтора это будет приемлемым компромиссом для СССР и ГДР.

До Хрущева доходила информация о том, что в окружении Кеннеди еще не решили, что делать с «германским вопросом». Некоторые заявления американской администрации можно было расценить как поиск компромиссных развязок. Обнадеживали также контакты советских дипломатов с Э. Баром, доверенным лицом бургомистра Западного Берлина В. Брандта, и другими функционерами СДПГ, которые не скрывали своего недовольства чрезмерно жесткой линией К. Аденауэра.

В конце марта в Москве состоялось заседание Политического консультативного комитета Варшавского Договора, на котором председательствовал В. Ульбрихт. По итогам встречи 31 марта было издано официальное коммюнике, призывавшее «подписать мирный договор с обоими германскими государствами» и превратить Западный Берлин в «демилитаризованный свободный город»¹²⁶.

Для демонстрации своей решимости Н. Хрущев прибег к своему излюбленному приему — интервью с известным западным журналистом. На этот раз им стал американский журналист У. Липпманн. Спустя два дня после интервью с Липпманном в СССР впервые в истории человечества был осуществлен запуск пилотируемого космического корабля с Ю. Гагариным на борту. Это был подлинный научно-технический прорыв, поразивший весь мир. Действия Советского Союза застали администрацию Кеннеди врасплох. Его первоочередной проблемой было тогда положение в Лаосе, где поддерживаемое американцами правительство терпело неудачу за неудачей от повстанческого движения, опиравшегося на поддержку Советского Союза.

Ответом Вашингтона стала так называемая доктрина «Кеннеди — Макнамары», предполагавшая резкое повышение оборонных расходов и модернизацию всех видов вооруженных сил.

13 апреля, в ходе визита германского канцлера К. Аденауэра в Вашингтон, было опубликовано совместное заявление двух руководителей государств, в котором были фактически проигнорированы все требования советской стороны и выражалась необходимость «мирного объединения Германии на принципах свободы и демократии».

3 и 4 июня 1961 г. в Вене состоялась встреча Хрущева и Кеннеди.

И здесь, как и везде, неординарную личность первого секретаря ЦК КПСС сопровождали казусы. По прибытии Н.С. Хрущева в Вену в его сторону неожиданно полетел увесистый пакет. Находившийся рядом сотрудник охраны накрыл пакет телом. Все с ужасом ждали взрыва. Но обошлось: в пакете оказалось письмо румынского подданного с просьбой помочь ему вернуться на родину.

На встрече с Хрущевым Кеннеди в деликатной форме попросил советского лидера не обострять ситуацию вокруг Западного Берлина. В ответ Хрущев, по его собственным воспоминаниям, решил «поставить молодого президента в безвыходную ситуацию» и угрозами подтолкнуть к поискам компромисса. Как это часто бывало, советского премьера «занесло»: он не просто заявил на весь мир о решимости подписать мирный договор с ГДР в течение года, но и стал угрожать Западной Европе ракетно-ядерной войной. Это не на шутку перепугало руководителей стран НАТО, за исключением Ш. де Голля, который к этому времени достаточно хорошо успел изучить странности советской внешней политики в целом и Н.С. Хрущева в частности.

¹²⁶ «Правда». 31 марта 1961 г.

Разговор глав двух сверхдержав развивался более чем напряженно. Кеннеди прямо отметил, что Берлин является «предметом высочайшей озабоченности для США», увязав эту проблему с обеспечением национальных интересов США. В ответ на эти слова Хрущев недвусмысленно заявил, что «никакая сила в мире не может помешать Советскому Союзу подписать мирный договор к концу года. Для дальнейшей отсрочки нет ни возможности, ни необходимости»¹²⁷.

После Венской встречи Хрущев продолжил свою наступательную стратегию. 15 июня он впервые публично заявил о том, что в конце года завершается последний срок для подписания мирного договора с ГДР. Шесть дней спустя на собрании, посвященном годовщине начала Великой Отечественной войны, Хрущев появился публично в форме генерал-лейтенанта (таково было его последнее воинское звание военного времени). В докладе советский лидер заявил, что СССР возобновит ядерные испытания, если США предпримут то же самое. Проявив озабоченность огромными военными расходами, он тем не менее подтвердил возможность их увеличения в случае необходимости для укрепления обороноспособности страны.

В свою очередь В. Ульбрихт на пресс-конференции 15 июня едва ли не открыто заявил о возможности сооружения стены для изолирования Западного Берлина. Тогда, однако, это заявление прошло фактически незамеченным.

8 июля Хрущев заявил о временной отсрочке в сокращении вооруженных сил и, более того, об увеличении в текущем году оборонных расходов на 25%.

Импульсивные действия Хрущева убедили американский конгресс в необходимости утверждения дополнительных сумм на военные расходы. 21 июня законодатели не только утвердили выделение 12 млрд долларов на производство ракет, боевых кораблей и самолетов, которые запрашивал Кеннеди, но и сверх того выделили дополнительно полмиллиарда долларов на производство тяжелых бомбардировщиков, которые Кеннеди не запрашивал. 25 июля 1961 г. Кеннеди объявил о чрезвычайных мобилизационных мерах: администрация США стремилась показать Хрущеву, что закрытие доступа в Западный Берлин будет рассматриваться как повод для войны. Президент перечислил внушительный список предлагавшихся им мер по повышению боеспособности американских вооруженных сил. В ответ Хрущев через президентского советника Дж. Маклоя ответил очередным залпом воинственной риторики. 28 июля Кеннеди выступил с заявлением, подтверждавшим решимость США защищать свои обязательства по Западнему Берлину.

3—5 августа в Москве состоялось закрытое совещание лидеров государств — участников Варшавского Договора, в котором принял участие и наблюдатель от КНР. Повестка дня посвящалась «обмену мнениями по вопросам, относящимся к подготовке и заключению германского мирного договора».

Лидер СЕПГ предлагал изолировать Западный Берлин и взять его под полный контроль, чтобы убедить мировое общественное мнение в «новом соотношении сил», благоприятном для социалистического лагеря. Позиция Хрущева, напротив, как бы раздваивалась: клянясь в верности антиимпериалистическому курсу, он подчеркивал сложность обстановки и риск военной эскалации, надеясь на то, что с правительством Кеннеди удастся договориться в будущем. Советский лидер дал понять, что все его действия направлены на сдерживание Запада, а не на провоцирование возможного вооруженного конфликта. Хрущев уверял своих друзей и союзников, что советская твердость возымела свое действие: «разумные» европейские политики и «близкие к Кеннеди люди» уже отшатнулись от края пропасти; вот-вот Запад пойдет на переговоры. «Там обстановка очень тяжелая», — заключил Хрущев и призвал присутствовавших на заседании деятелей не быть к Кеннеди слишком строгими.

Еще не зная о масштабах предательства полковника О. Пеньковского, военно-политическое руководство СССР по-прежнему стремилось создать у Запада впечатление о громадном росте советской стратегической мощи. 10 июля Хрущев объявил о решении Президиума ЦК КПСС возобновить ядерные испытания и санкционировал испытание на Малой Земле «супербомбы» мощностью в 100 мегатонн. По его словам, это нужно было

¹²⁷ T. Sorensen, Kennedy. Harper and Row, 1965. P. 585.

сделать, чтобы бомба «дамокловым мечом висела над империалистами».

Однако «бряцание оружием» ничего не могло изменить в сложившейся обстановке. Окончательным решением по берлинской проблеме стал вариант, предложенный В. Ульбрихтом. Это была уже упомянутая идея о сооружении между Западом и Востоком каменной стены.

Быть может, решающее влияние на готовность Хрущева поддержать замысел Ульбрихта стала информация, предоставленная советской военной разведкой, об итогах конференции министров иностранных дел четырех западных держав в Париже 5—7 августа 1961 г.

Стало ясно — в случае подписания сепаратного договора с ГДР Запад выступит единым фронтом и, возможно, пойдет на экономические санкции, рассчитанные на подрыв восточноевропейских экономик и возбуждение массового недовольства в Польше и Чехословакии. Не исключалось атомное вооружение ФРГ.

В ночь с 12 на 13 августа 1961 г. на границе с Западным Берлином был установлен строгий пограничный режим, включавший сооружение защитных инженерных сооружений и высокой стены из бетонных плит, получившую в последующем название «Берлинской стены».

Берлинская стена

Водружение Берлинской стены 12 августа стало упреждающим шагом, которого на Западе никто не ждал. Кеннеди рассчитывал, что у него в распоряжении по крайней мере несколько месяцев. В Вашингтоне рассчитывали, что Хрущев приурочит свое официальное заявление о подписании мирного договора с ГДР к XXII съезду КПСС, намеченному на вторую половину октября.

После свершившегося в Вашингтоне стали лихорадочно просчитывать, является ли возведение стены прямым нарушением соглашения о четырехстороннем управлении Берлином. Решили, что нет. Вот как описывал происходившее Т. Соренс, советник президента Кеннеди:

«Все согласились, что Стена была незаконным, аморальным и бесчеловечным делом, но, однако, не поводом для войны. Она положила конец роли Западного Берлина как своеобразной витрины и пути спасения для Востока. Но не вторглась в сферу действия трех основных целей Запада, которые он преследовал: нашему присутствию в Западном Берлине, нашему доступу в Западный Берлин и праву западных берлинцев избирать свою собственную систему...»

Оснований для проведения силовой акции не было. Тем не менее западные державы не могли оставить происшедшее без реакции. 3 августа конгресс США одобрил выделение дополнительных финансовых средств на закупку вооружений и призыв 250 тыс. резервистов. 14 августа командование ВМС США объявило, что задерживает на дополнительный срок до одного года 26 тыс. офицеров и моряков. 16 августа 113 частей национальной гвардии и резервов были приведены в состояние повышенной боевой готовности¹²⁸. Это были запоздалые и скорее демонстративные меры.

Но дело едва не дошло до вооруженного столкновения, когда американские танки были выдвинуты на КПП Фридрихштрассе. В свою очередь английские танки появились в районе Бранденбургских ворот, а французские — на Виттенауэрштрассе. 17 августа английские военнослужащие под предлогом защиты памятника советским воинам в Тиргартене обнесли его колючей проволокой и расположили поблизости 3 танка, 5 бронетранспортеров, 10 автомашин и 4 безоткатных орудия.

В этот же день Кеннеди распорядился направить в Западный Берлин войсковой контингент численностью в 1,5 тыс. человек. В случае эскалации чрезвычайной ситуации предполагалось направить в Берлин дополнительную дивизию. Эти действия вызвали немало

¹²⁸ Department of the Army. Office of the Chief of Military History. U.S. Defense Policies from World War 2.

переполоха в Москве.

Советское руководство опасалось двух возможных ответных акций со стороны Запада. США могли попытаться силой «открыть» границу в Берлине. В этом случае неизбежным было вооруженное столкновение, скорее всего локальное. Но еще болезненней могла стать «война экономик».

По поручению Президиума ЦК КПСС его члены А.И. Микоян и А.А. Громыко подготовили доклад о возможных последствиях и контрмерах в случае экономической блокады ГДР западными странами. Они пришли к выводу, что такая блокада нанесет значительный ущерб ГДР, потери которой только в случае прекращения внутригерманской торговли составят около 1,8 млрд марок ФРГ. Экономику Западного Берлина это практически не затронет.

Начались многосторонние контакты между Хрущевым и авторитетными западными политиками (Дж. Кенанном, Д. Раском и др.) с целью смягчить обстановку и выйти на неформальное соглашение по Западному Берлину. Напряженность вокруг проблемы Берлинской стены несколько спала.

Когда стало очевидным, что возведение Берлинской стены не встретит силовой реакции Запада, Хрущев отправился на отдых в Сочи.

Во время его отсутствия, 22 августа, восточногерманское правительство закрыло все, кроме одного, пограничные контрольные пункты и приступило к оборудованию 100-метровой нейтральной полосы с каждой стороны пограничного сектора. На следующий день советское правительство направило ноты, в которых обвинило трех западных союзников в использовании воздушных коридоров для доставки в Западный Берлин «реваншистов, экстремистов, саботажников и шпионов» и впервые выступило с угрозой вмешаться в воздушное сообщение с Западным Берлином¹²⁹. Эти действия встретили резко негативную реакцию Запада. 24 августа в ответ на акцию восточногерманских властей вдоль пограничного сектора было развернуто около тысячи американских военнослужащих с танками поддержки. 29 августа советское правительство объявило о временной задержке увольнения в запас из Советских Вооруженных Сил. На следующий день в Москве было объявлено о возобновлении ядерных испытаний.

Эти действия поставили Запад и социалистический блок на грань войны.

Советские ядерные испытания начались 1 сентября и продолжались с короткими интервалами вплоть до 31 октября, когда в СССР была взорвана сверхмощная бомба мощностью в 50 мегатонн. 12 сентября Ф. Козлов, выступая в Пхеньяне, заявил о том, что ультимативный срок для подписания мирного договора с ГДР продлен. На следующий день два советских истребителя обстреляли — не на поражение, в демонстративных целях — два американских транспортных самолета, следовавших в Берлин. Это была наиболее острая точка кризиса.

24 сентября Дж. Кеннеди получил от Н. Хрущева личное и достаточно странное послание, в котором тот заверял, что «шторм над Берлином прошел». 17 октября в докладе на XXII съезде КПСС Хрущев заявил о том, что ультимативный срок для подписания сепаратного мирного договора с ГДР (31 декабря) не так уж важен, если Запад продемонстрирует реальную готовность разрешить берлинский вопрос.

В сентябре — октябре 1961 г. американская военная группировка в Западной Германии была увеличена на 40 тыс. человек, численность тактических истребителей доведена до 300, проведен целый ряд учений.

Противостояние СССР — США сопровождалось опасными эпизодами и впоследствии.

26—27 октября на секторальной границе в Берлине возник самый серьезный конфликт, известный в западной историографии как «инцидент у пропускного пункта Чарли». В тот момент вопрос войны и мира зависел от крепости нервов танковых экипажей и их командиров. Советские танки были вплотную придвинуты к пограничному сектору, на противоположной стороне которого уже находились американские танки.

Советская разведка донесла Хрущеву о готовившейся американской военной провокации с целью снести пограничные заграждения на Фридрихштрассе, между британским и советским

¹²⁹ New York Times. August 25, 1961.

секторами. В ответ на американские действия по тревоге были подняты войска ГСВГ, ННА, других стран Варшавского Договора. В указанные районы сразу же направились советские танковые подразделения. На Фридрихштрассе прибыла 7-я танковая рота капитана Войтченко 3-го батальона 68-го гвардейского танкового полка.

«И вот мы на Фридрихштрассе, — вспоминал участник событий старшина роты В. Сычев. — Перед нами стоят американские танки М-48. Слева от танков в окнах и на чердаке пограничного дома за мешками с песком расположились вооруженные полицейские, справа — улюлюкающая и свистящая толпа фашиствующих молодчиков»¹³⁰.

Советские танки были отведены утром 28 октября. Это означало окончание Берлинского кризиса. Кризис завершился, но борьба за превосходство между СССР и США продолжалась. В период с 29 сентября 1961 г. по 16 января 1962 г. в районе Фридрихштрассе постоянно находилось по 10 танков и бронетранспортеров США.

Что касается непосредственной границы между ФРГ и ГДР, то одной лишь осенью 1961 г. там произошло 2137 всевозможных инцидентов и конфликтов, зарегистрировано 685 случаев нарушений границы. При этом было разрушено 83 пограничных здания, имели место 2118 попыток склонить к дезертирству восточногерманских пограничников¹³¹.

К счастью, открытого вооруженного конфликта удалось избежать.

Тогда и позже советский лидер считал, что провокации были в целом делом рук американских военных и не санкционировались непосредственно Кеннеди, что западные державы не были готовы идти на конфликт в Германии. И в этом он не ошибся. Тем не менее предотвращение провокаций на секторальной границе оставалось в этот период главной проблемой.

Вначале, вспоминал Хрущев, он не был уверен, что полиция ГДР будет стрелять в своих перебежчиков. Ульбрихт, однако, настаивал, что охрана границы — это суверенное дело ГДР. 12 ноября 1961 г. Президиум ЦК КПСС по докладу Громыко и Малиновского рассмотрел меры по охране восточногерманской границы, тем самым приняв на себя ответственность за происходящее на секторальной границе.

Несмотря на тактический успех, связанный с молниеносным возведением Берлинской стены, к чему Запад оказался не готовым, в стратегическом плане этот шаг был проигрышным.

В своих воспоминаниях Н. Хрущев говорил о том, что стена помогла ему восстановить статус-кво в Германии и что Кеннеди «потерпел поражение» в Берлине. Документы, однако, показывают, что никто в советском руководстве не расценивал итоги Берлинского кризиса как победу.

Глубокая разочарованность царил и в руководстве ГДР. Восточные немцы были уверены в том, что Хрущев осуществит свои угрозы, с которыми выступал в период берлинского кризиса, и передаст восточным немцам советские обязательства в отношении Берлина. Имелись разного рода проекты соглашений, которые Восточная Германия должна будет подписать с новым «вольным городом» Западным Берлином.

Несмотря на три года советской силовой дипломатии — а скорее благодаря им, — США, их союзники по НАТО, и прежде всего ФРГ, не пошли на переговоры по германскому вопросу и на признание ГДР. Нормализация обстановки в Берлине растянулось почти на три десятилетия. Основной причиной напряженности все это время оставалась дипломатическая и психологическая война между СССР и Западом по вопросу о статусе Западного Берлина.

После строительства Берлинской стены Хрущев еще некоторое время рассматривал напряженность вокруг Западного Берлина как средство силового нажима на Запад, но был удовлетворен стабилизацией положения в ГДР и Центральной Европе в целом. Его внимание переключилось на другие точки советско-американского соперничества, прежде всего на Кубу. Когда в дни Карибского кризиса в октябре 1962 г. заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов предложил в ответ на блокаду Кубы военно-морскими силами США

¹³⁰ Цит. по: Советские оккупационные войска в Германии. 1945—1994. С. 38.

¹³¹ Там же. С. 38.

предпринять ответные меры против Западного Берлина, Хрущев в повышенных тонах заявил, что ему не нужна «еще одна авантюра».

Нет никаких данных, подтверждающих существующее мнение о том, что Хрущев разместил советские ракеты на Кубе прежде всего для того, чтобы «разменять» их потом на свое решение «проблемы» Западного Берлина. Скорее всего советский лидер искренне верил, что Западный Берлин рано или поздно все равно попадет в советскую сферу влияния — так же, как верил он в неизбежность победы социализма в мирном экономическом соревновании с капиталистическим способом производства.

Берлинская стена просуществовала до 1990 г. и стала своеобразным символом противостояния двух германских государств, разделения Европы, «холодной войны» и окончательного установления биполярного мира.

В октябре 1990 г. в результате объединения Германии была поставлена точка в длительной исторически аномальной конфронтации двух германских государств.

Глава 10.

Карибский кризис: мир на грани катастрофы

Это сладкое слово — свобода!

1 января 1959 г. Фидель Кастро объявил о победе революционного движения на Кубе. Это событие явилось сюрпризом для Вашингтона, который был убежден, что к концу 50-х гг. ему удалось установить достаточно эффективный контроль за развитием политических процессов в странах Латинской Америки и надежно изолировать этот континент от коммунистического влияния. Особо неприятным оказалось то, что прорыв в системе «Пакс Американа» произошел именно на Кубе.

Американский капитал с конца XIX в. играл в кубинской экономике лидирующую роль прежде всего в курортном бизнесе, и, казалось, навсегда. Куба была превращена в место отдыха и развлечений состоятельных американцев.

Жесткая зависимость Кубы от американских монополий, утечка большей части национального дохода за границу в виде прибыли американского капитала создали в стране ситуацию перманентного кризиса. Вашингтон был вынужден делать ставку на военных. Особую роль при этом пришлось сыграть Ф. Батисте.

Батиста во многих отношениях оказался баловнем судьбы. Он родился в 1901 г. в бедной семье. Но уже в детстве ему повезло: на толкового, проворного мальчика обратил внимание американский миссионер. Он помог ему получить среднее образование. В дальнейшем судьба привела Батисту в армию.

Звезда Батисты взошла в 1933 г., после падения диктатуры Мачадо, когда он возглавил бунт младших армейских чинов, получивший название «душевой мятеж» и проходивший под лозунгом «Душевые комнаты не только для офицеров, но и для унтер-офицеров». Возникнув по частному поводу, мятеж вскоре приобрел черты широкомасштабного организованного выступления. Решительность, волевой характер и внезапно открывшиеся ораторские способности позволили скромному сержанту в результате совершить головокружительную карьеру и в одночасье превратиться в полковника.

В 1939—1940 гг. Батиста, пользуясь поддержкой вооруженных сил, негласно формирует и свержает кубинское правительство, а в 1940 г. на четырехлетний срок становится президентом. Однако президентство в нестабильной, раздираемой противоречиями стране — всегда рискованное предприятие. Отбыв президентский срок, Батиста решил, что заслужил отдых. Руководя насквозь коррумпированной страной, он не забывал и себя и после отставки переехал в США, где и поселился на собственной вилле во Флориде.

Испытывая затруднения с выбором «достойных» кандидатов на пост кубинского президента после Второй мировой войны, Вашингтон в конце концов вновь вынужден был сделать ставку на Батисту.

Батиста без особого желания принял участие в президентских выборах 1954 г. Вскоре стало очевидным — Батиста выборы проигрывает. Тогда он решился на крайний шаг — государственный переворот. Власть была захвачена, но системный кризис, охвативший страну, военная диктатура во главе с Батистой преодолеть не смогла. Повстанческое движение во главе с Ф. Кастро и А. Сантамария быстро набирало силу.

26 июля 1953 г. ими было организовано дерзкое нападение на цитадель диктатуры казармы Монкада, расположенные в Сантьяго-де-Куба. Для повстанцев штурм закончился трагически: немногие из них, оставшиеся в живых, оказались в тюремных казематах.

В 1955 г. Батиста, маневрируя в сложной политической обстановке, был вынужден амнистировать политических заключенных, в том числе и участников нападения на казарму Монкада. Это была его роковая ошибка.

Ф. Кастро и многие его сподвижники, выйдя на свободу, немедленно эмигрировали в Мексику, где развернули подготовку к новому вооруженному выступлению на Кубе. Повстанческое формирование было названо «Движение 26 июля» в честь участников штурма Монкада, живых и павших. К концу 1956 г. «Движение 26 июля» было готово к началу нового этапа вооруженной борьбы на Кубе.

Намеченная на 30 ноября операция была крайне рискованной. Доставив десантный отряд из Мексики в кубинскую провинцию Орьенте, необходимо было высадить его так, чтобы высадка по времени совпала с началом восстания в Сантьяго-де-Куба и вооруженными выступлениями в других районах страны. Это, по замыслу повстанцев, привело бы к неизбежному краху диктатуры.

Однако с самого начала отчаянный план стал давать сбои. Из-за шторма отряд Ф. Кастро смог высадиться на Кубе лишь 2 декабря. К этому времени несогласованные, разрозненные вооруженные выступления внутри страны были уже подавлены, Батиста получил возможность сосредоточить все свои силы на уничтожении высадившихся повстанцев.

Отряд Кастро был фактически разгромлен. Лишь 12 участникам экспедиции во главе с самим Ф. Кастро удалось уцелеть и прорваться в горы Сьерра-Маэстра (провинция Орьенте). Там после недолгого совещания было принято мужественное решение: накапливать силы и постепенно переходить к ведению партизанской войны. Несмотря на кажущееся безрассудство, это решение оказалось самым верным.

Слухи о подвиге горстки повстанцев быстро распространились по всей стране. Одиозный, всеми ненавидимый режим Батисты терял поддержку даже у относительно благополучных слоев населения. К Кастро стали стекаться люди со всех уголков Кубы, и постепенно его отряд разросся в достаточно сильную, мобильную Повстанческую армию. В начале 1958 г. значительную часть Кубы охватил пожар партизанской войны.

Попытка Батисты в мае 1958 г. провести широкую контрповстанческую операцию под кодовым наименованием «Финальная фаза» окончилась для диктатора провалом: более 400 батистовских солдат и офицеров были взяты в плен.

12 ноября 1958 г. Ф. Кастро отдал приказ о начале операции «Решающее вторжение». Натиск и самоотверженность бойцов ошеломили армию диктатора, которая фактически распалась.

В ночь на 1 января 1959 г. Батиста бежал с Кубы.

Соединенные Штаты сначала заняли позицию нейтралитета в отношении повстанческого движения. Но с каждым днем Ф. Кастро вызывал в Вашингтоне все большее раздражение. После бегства Батисты из страны при активном участии американского посольства была срочно сформирована правительственная хунта, которая провозгласила президентом страны члена верховного суда К. Пьедру. Но было уже поздно. Всеобщая политическая забастовка в Гаване под лозунгом «Вся власть Повстанческой армии!» кардинальным образом изменила политическую ситуацию в стране.

Столичный гарнизон не осмелился оказать сопротивления повстанцам. 2 января в город вступили колонны партизан под командованием Э. Че Гевары и К. Сьенфуэгоса. Ф. Кастро и его сторонники, несмотря на все прогнозы зарубежных аналитиков, победили.

Каждый новый день приносил свидетельства антиамериканской ориентации Кастро. В мае 1959 г. в Гаване был принят Закон об аграрной реформе, положивший конец крупному

помещичьему землевладению — латифундизму. Во второй половине 1959 г. кубинские власти утвердили Закон о контроле над полезными ископаемыми, в соответствии с которым компании США облагались 25%-ным налогом от стоимости вывозимых металлов и минералов. Затем был принят еще ряд актов, серьезно ограничивших американское всевластие в экономике Кубы. Наконец, 6 июля 1960 г. был утвержден Закон о национализации предприятий и имущества американских граждан.

Дрейф Ф. Кастро в сторону Советского Союза ни у кого в Вашингтоне уже не вызывал сомнений. И вскоре это окончательно подтвердилось. В феврале 1960 г. во время визита в Гавану члена Политбюро ЦК КПСС А. Микояна было подписано первое советско-кубинское торговое соглашение. СССР брал обязательство закупить на Кубе 5 млн тонн сахара в течение пяти лет, обеспечивать Кубу нефтью и нефтепродуктами и предоставить кредит в 100 млн долларов. Ответом стало экономическое эмбарго Кубы.

Помимо открытых экономических санкций, американская администрация с начала 1960 г. приступила к подготовке насильственного свержения правительства Кастро. 17 марта 1960 г. президент Эйзенхауэр подписал секретную директиву о создании из кубинских эмигрантов отрядов для вторжения на Кубу. Директивой предписывалось «организовать, вооружить и подготовить кубинских эмигрантов в качестве партизанской силы для свержения режима Кастро»¹³².

Подготовка наемников осуществлялась при тесном сотрудничестве и прямой помощи со стороны правительств ряда латиноамериканских стран, в первую очередь диктаторских режимов Центральной Америки. В тринадцати пунктах подготовки кубинских наемников, развернутых на территории Гватемалы, Никарагуа, Пуэрто-Рико и в зоне Панамского канала, была создана сеть баз, складов, учебных центров, полигонов и тайных аэродромов.

В конце 1959 — начале 1960 г. Куба стала объектом систематических воздушных облетов «неизвестными самолетами» с севера.

Новый президент США Дж. Кеннеди продолжил активную антикубинскую политику.

С ноября 1960 г. во Флориде началось формирование из эмигрантских отрядов десантно-штурмовой бригады для высадки на Кубу. Бригада была оснащена современным американским оружием. Предполагалось, что после высадки в нее вольются силы внутренней оппозиции и часть местного населения, что значительно усилит ее боевые возможности.

Окончательное решение о вооруженном вторжении на Кубу было принято 4 апреля 1961 г. на заседании Совета национальной безопасности США под председательством президента Дж. Кеннеди.

На заседании был утвержден и план вторжения, получившего кодовое наименование операция «Плутон». Замыслом операции предусматривался захват части территории Кубы, расширение и закрепление плацдарма и в последующем высадка на нем «временного правительства». Главная задача эмигрантской бригады состояла в том, чтобы продержаться в течение 72 часов, после чего в бой должны были вступить главные силы вторжения — американские войска. Корабли Атлантического флота США с авиацией и морской пехотой на борту сосредоточились заранее вблизи острова.

17 апреля 1961 г. в 1 час 30 минут началась высадка бригады эмигрантов в районе Плайя-Хирон. Они захватили небольшие плацдармы на берегу, но развить успех благодаря решительным и умелым действиям вооруженных сил и народной милиции Кубы не смогли.

К исходу 20 апреля интервенты были разгромлены.

Провал интервенции потряс всю послевоенную систему межамериканских отношений. Впервые в XX в. в Латинской Америке потерпела поражение интервенция, подготовленная и поддержанная Соединенными Штатами Америки. Небольшая страна, вставшая на путь независимого развития, сумела с оружием в руках отстоять право на самостоятельное определение своей судьбы.

Это был вызов лидирующему положению США в Западном полушарии.

В создавшихся условиях президент Дж. Кеннеди пошел на беспрецедентный и

¹³² The Bay of Pigs. The Invasion of Cuba by Brigade 2506. L, 1964. P. 28.

воспринятый многими как унижительный шаг — публично отказался от дальнейшей организации каких-либо вооруженных действий против Кубы. Вместе с тем он подчеркнул, что США не будут «бесконечно бездействовать», если члены Организации американских государств займут пассивную позицию перед лицом распространения «коммунистической агрессии» в Западном полушарии. И действительно, как показали дальнейшие события, американское руководство не отказалось от идеи военной интервенции на Кубу.

В ноябре 1961 г. с согласия президента США был разработан секретный проект под кодовым названием «Мангуста», в соответствии с которым в январе 1962 г. министерству обороны предлагалось разработать план непосредственного использования американских вооруженных сил для оказания помощи подпольным вооруженным формированиям на территории Кубы. Единственным условием являлось инициирование подпольными организациями при активном содействии ЦРУ вооруженного восстания на Кубе и последующее публичное обращение к американской администрации за военной помощью.

С 1961 г. при Совете национальной безопасности США стал действовать межведомственный орган по противоповстанческим действиям, создание которого было во многом обусловлено кубинскими событиями. Началось активное формирование специально обученных и подготовленных сил для борьбы с повстанческими движениями. Численность этих сил специального назначения, получивших впоследствии широкую известность в качестве «зеленых беретов», за период с 1961 по 1964 гг. увеличилась более чем в 6 раз. Подразделения спецназа были созданы во всех видах вооруженных сил США.

Тем временем военная операция против Кубы разрабатывалась по двум сценариям. Первый вариант предполагал нанесение ударов с воздуха по кубинской территории самолетами ВВС и ВМС США. Второй сценарий, более радикальный, предусматривал пятидневное огневое поражение территории Кубы силами авиации и кораблей флота с последующей высадкой воздушного и морского десантов. Основной удар планировалось нанести в районе Гаваны. В десант включались пять элитных дивизий сухопутных войск (82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии, 1-я бронетанковая дивизия, две пехотные дивизии), а также две дивизии морской пехоты.

В дальнейшем предусматривалось создание на острове американской военной администрации. Однако из-за жесткого противодействия Советского Союза реализация вторжения на Кубу вновь была отложена.

В январе 1962 г. Куба была исключена из Организации американских государств (ОАГ). С ней разорвали отношения 15 латиноамериканских государств. Одновременно было введено эмбарго на их торговлю с Кубой.

На остров непрерывно забрасывались диверсионно-террористические группы.

Осознавая постоянную опасность со стороны США, кубинское правительство должно было в кратчайшие сроки оснастить армию оружием и военной техникой. Единственным надежным поставщиком оружия могли стать только Советский Союз и страны социалистического содружества. Кремль решил поддержать Ф. Кастро.

Дважды (9 и 16 июля 1960 г.) советское правительство предупредило американскую администрацию о готовности оказать в случае необходимости кубинскому народу всестороннюю помощь, в том числе военную. В том же месяце в Москву впервые прибыл министр Революционных вооруженных сил (РВС) Кубы Рауль Кастро, брат лидера кубинской революции.

После достигнутых договоренностей с конца 1960 г. СССР начал поставлять Кубе современное бронетанковое, артиллерийское и минометное оружие, а также некоторые виды стрелкового оружия. На Кубе с помощью советских военных советников и специалистов развернулась ускоренная подготовка оружейных расчетов и танковых экипажей, изучение основ тактики и особенностей боевого применения военной техники в специфических условиях страны. Вспоминая события тех лет, Ф. Кастро отмечал: «Военные поставки из социалистического лагеря, в основном из СССР, были единственными, которые наша родина могла получить в тот критический момент, когда решалось — жить или погибнуть

революции»¹³³. Кубинская армия из полупартизанской постепенно превращалась в самостоятельную военную силу.

Активная поддержка Москвой режима Кастро переводила углублявшийся кризис с регионального уровня на глобальный.

Рисковать так рисковать...

Геополитическое положение Кубы не позволяло Советскому Союзу «взять Кубу под свое крыло», подобно тому, как это делалось в Восточной Европе.

Но почему бы не использовать это положение к своей выгоде?

Прежде всего компенсировать явное превосходство США в области стратегических вооружений. Хрущев, любивший и умевший блефовать перед Западом, прекрасно знал о реальном серьезном отставании Советского Союза в этой области. После решения сессии Совета НАТО в декабре 1957 г., предоставившей США право размещать ядерные ракеты малой и средней дальности в Великобритании, Италии и Турции, а также складировать в Западной Европе запасы ядерных боеголовок, уязвимость СССР резко повысилась.

Теперь американские ядерные ракеты средней дальности могли поражать крупнейшие города Европейской части СССР и Закавказья, где проживала большая часть населения и находились ведущие отрасли народного хозяйства. Максимальное подлетное время американских ракет сократилось до 6 минут, что ставило перед советской ПВО невыполнимые задачи. Мощная наземная группировка советских войск в ГДР не могла парировать удары ядерных ракет средней дальности.

Имевшихся в Советском Союзе стратегических ракет было недостаточно для нанесения адекватного удара возмездия. По свидетельству тогдашнего министра обороны США Р. Макнамары, США располагали в 1962 г. 5000 ядерными боезарядами на всех видах носителей, а СССР имел лишь 300. Соотношение по ядерным боеприпасам было катастрофическим для Москвы — 17:1. При этом межконтинентальных ракет у СССР было всего несколько десятков.

Может быть, самым неприятным в этой ситуации было то, что в результате информации, предоставленной завербованным западными спецслужбами полковником ГРУ О. Пеньковским, США получили реальное представление о сложившемся соотношении сил. Американский специалист П. Райт по этому поводу писал следующее:

«Пеньковский был драгоценным камнем в короне МИ-6. Он был высшим офицером ГРУ, шпионившим в Москве для МИ-6 и ЦРУ в течение 1961—1962 гг. и передавшим огромное количество информации о советском военном потенциале и намерениях. На обеих сторонах Атлантического океана эта акция была признана наиболее успешным проникновением в святая святых советской разведки после окончания Второй мировой войны...»

Главное, что стало ясно после сообщений Пеньковского, — советская ракетная программа развивается совсем не так успешно, как предполагали на Западе: у Хрущева межконтинентальных ракет — наперечет. Зная это, Кеннеди повел себя в ходе Карибского кризиса уверенно и жестко.

Об исключительной важности сведений от Пеньковского, имевшего в вербовочных кругах кличку «Чикади», свидетельствует тот факт, что директор ЦРУ Дж. Маккоун периодически информировал президента США Дж. Кеннеди о сообщениях суперагента.

Хрущев еще не знал о предательстве Пеньковского, но интуитивно почувствовал — лучшим ответом Вашингтону будет размещение советских ракет «под носом» у американцев. Даже оперативно-тактические ракеты, установленные на Кубе, от которой до американского штата Флорида не более 150 км, становились стратегическим оружием. Они могли поражать

¹³³ Цит. по: На краю пропасти... С. 33.

практически все крупные города в восточной и центральной частях Соединенных Штатов.

Имелся и благовидный предлог для подобного шага. В феврале 1962 г. Н. Хрущев обвинил США и их союзников в нежелании ликвидировать иностранные военные базы, в том числе вокруг Советского Союза. Советского лидера особенно раздражали американские базы, размещенные на территории соседней Турции. «Если можно американцам, то почему нельзя нам» — такая мысль, видимо, не раз приходила ему перед принятием решения.

Размещение ракет на Кубе позволяло раз и навсегда решить проблему обеспечения обороноспособности молодого кубинского государства. С. Хрущев, сын бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС, вспоминал: «По мнению отца, установка ракет имела определенное стратегическое значение, но основной целью операции являлась защита кубинской революции»¹³⁴.

По версии С.А. Микояна, основанной на рассказах его отца, тогдашнего первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, а также на личных воспоминаниях, решение Хрущева окончательно вызрело в конце апреля — начале мая 1962 г.¹³⁵ Именно в этот период состоялся доклад Н. Хрущеву министра обороны Р.Я. Малиновского, который перечислил негативные последствия развертывания американских ракет на территории Турции в непосредственной близости от правительственной дачи в Крыму. По утверждению министра обороны, американские ракеты «Юпитер», размещенные в Турции, «могли достичь Москвы за 10 минут», в то время как нашим межконтинентальным ракетам нужно было 25 минут, чтобы достичь американской территории.

В начале мая 1962 г. в Москву был вызван советник посольства СССР на Кубе А.И. Алексеев. Сразу по прибытии он был принят Хрущевым, от которого узнал о своем назначении послом на Кубу. Его предшественник С.М. Кудрявцев вызвал недовольство в Москве неумением достичь нужного уровня доверительности в общении с кубинским руководством. Акция такого масштаба, как размещение ядерных ракет на Кубе, требовала особых отношений с Гаваной.

Алексееву Хрущевым было сказано буквально следующее: «Ваше назначение связано с тем, что мы приняли решение разместить на Кубе ракеты с ядерными боеголовками. Только это может оградить Кубу от прямого американского вторжения»¹³⁶.

Все, что волновало Хрущева в тот момент, — не начнут ли американцы ядерную войну. Вероятность такого исхода существовала.

Единственным из членов Политбюро, кто открыто подверг сомнению целесообразность столь рискованного и дорогостоящего плана, стал А.И. Микоян. С. Хрущев вспоминал: «В тот период члены Президиума ЦК в основном полагались на отца, ему принадлежало решающее слово при принятии решений... Внешней политикой занимался отец сам. На сей раз только Микоян поделился своими сомнениями»¹³⁷. Однако позже и он проголосовал за это решение.

В частной беседе с Алексеевым против размещения советских ракет на Кубе высказался и тогдашний министр иностранных дел А.А. Громыко, хорошо разбиравшийся в менталитете американцев. Он не сомневался в самой жесткой реакции Вашингтона, но публично выражать свое несогласие так и не стал.

К этому времени идея фикс поглотила Хрущева целиком. В первой половине мая 1962 г. Алексеев был вновь приглашен в Кремль. В беседе приняли участие Н.С. Хрущев, А.И. Микоян, Ф.Р. Козлов, Ш.Р. Рашидов, министр обороны Р.Я. Малиновский, министр

¹³⁴ С.Н. Хрущев. Никита Хрущев... С.180.

¹³⁵ S. Mikoyan. «The Crisis of Misperceptions: One more Retrospective Appraisal of the Missile Crisis». In J. A. Nathan, ed., *The Cuban Missile Crisis Revisited*. N.Y.: St. Martin's Press, 1992.

¹³⁶ «Международная жизнь». 1992. № 7. С. 54.

¹³⁷ С.Н. Хрущев. Никита Хрущев... С. 177.

иностранных дел А.А. Громыко, командующий Ракетными войсками стратегического назначения С.С. Бирюзов. Алексееву был поставлен ключевой вопрос: как отреагирует Фидель на предложение установить на Кубе советские ракеты? Осторожные сомнения, высказанные по этому вопросу Алексеевым, поддержки не нашли: Хрущев был весь во власти своего замысла, настроен только на успех.

«Обращало на себя внимание, — писал в своих воспоминаниях А. Громыко, — то, что Хрущев свои мысли высказал мне, а затем и на заседании Президиума без признаков какого-либо колебания. Из этого я сделал вывод, что по крайней мере с военным руководством страны он этот вопрос согласовал заранее. По тому, как держался на заседании министр обороны СССР маршал Р.Я. Малиновский, чувствовалось, что он поддерживает предложение Хрущева безоговорочно»¹³⁸.

« Окончательное решение о размещении советских ракет средней дальности (РСД) с ядерными боевыми зарядами на территории Республики Куба было принято 24 мая 1962 г. на расширенном заседании Совета обороны СССР. После этого была сформирована делегация для проведения с руководством Гаваны соответствующих переговоров.

Требовалось согласие кубинского руководства.

«Если это нужно для социализма...»

31 мая 1962 г. на Кубу прилетела представительная советская делегация. В ее состав вошли: первый секретарь ЦК Узбекистана Ш. Рашидов, главком Ракетных войск стратегического назначения Маршал Советского Союза С. Бирюзов, генерал-лейтенант авиации С. Ушаков, генерал-майор П. Агеев и ряд других ответственных лиц. Глава делегации Ш. Рашидов должен был сообщить Ф. Кастро о кремлевских планах.

Советское предложение вначале вызвало у Ф. Кастро недоумение и даже замешательство, однако затем, выслушав аргументы Рашидова, «комманданте» Фидель согласился с советским проектом: «Если это нужно для укрепления социалистического лагеря...»

Вопрос о размещении ракет был увязан с предложением о предоставлении Кубе дополнительной военной помощи. Окончательный положительный ответ кубинской стороной был дан на следующий день.

Тридцать лет спустя Ф. Кастро прокомментировал экстравагантное предложение Москвы следующим образом: «В свете фактов, которые мы знаем сегодня о реальном международном соотношении сил, ясно видно: то было необходимостью, и я не критикую Хрущева, честно говорю, не критикую за то, что он хотел реально улучшить соотношение сил.

Мне это кажется законным, абсолютно легальным, если говорить в терминах международного права; абсолютно морально желать улучшения соотношения сил между социалистическим лагерем и Соединенными Штатами. Если реально у них было 50 или 60 ракет, несомненно, что размещение тех 42 ракет значительно улучшало положение: почти удваивало эффективность имеющихся средств...»

Однако затем Кастро добавил: «Ясно, что для защиты Кубы не было необходимости привозить ракеты, поскольку можно было бы заключить военный пакт и Советский Союз мог бы заявить, что агрессия против Кубы означала бы агрессию против СССР.

Соединенные Штаты имеют много таких договоров в мире, и они уважаются, поскольку слова США уважаются из-за опасностей, связанных с их нарушением... могли бы заключить военное соглашение и стало бы возможным достижение целей обороны Кубы без размещения ракет»¹³⁹.

В конце июня в Москву с рабочим визитом прибыл Р. Кастро — министр Революционных вооруженных сил Кубы. Он передал мнение Ф. Кастро, который считал практически

¹³⁸ На краю пропасти... С. 38.

¹³⁹ Castro F. R. Conferencice Tripartia en la Habana sobre la Crisis de Octubre de 1962. La Habana. 1992.

невозможным замаскировать столь крупную переброску войск, тем более в непосредственной близости от территории США. Кубинская сторона предложила опубликовать военное соглашение, придав всем мероприятиям законный и открытый характер.

Хрущев отказался. Он заверил Р. Кастро в необоснованности подобных опасений и зачем-то добавил: в случае раскрытия операции на помощь будет послан весь Балтийский флот.

Р. Кастро не оставалось ничего, как парафировать секретный «Договор между Правительством Республики Куба и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о размещении Советских Вооруженных Сил на территории Республики Куба». После доработки договора планировалось официально подписать его во время визита Хрущева на Кубу в ноябре 1962 г. Но и после этого кубинские лидеры продолжали попытки убедить Москву в необходимости ускорить официальное оформление пребывания советских войск на Кубе. Безрезультатно.

Развертывание Группы советских войск на Кубе (ГСВК) так и не получило правовой основы, что дало повод Западу обвинить Москву в «заговорщических замыслах» и «коварных действиях». В этом заключалось принципиальное отличие кубинской ситуации от размещения американских ракет в Европе, имевшего под собой правовую базу. Решение было гласно принято на сессии Совета НАТО.

Скрытый характер советской операции сразу вывел ситуацию едва ли не на самую верхнюю ступень «кризисной лестницы». В Вашингтоне возник вопрос, не объясняется ли подобная секретность уже заготовленным в Москве решением применить ядерное оружие против Соединенных Штатов. Военная угроза для США впервые за полтора столетия стала столь реальной и пугающе близкой.

В конце августа 1962 г. в Советский Союз прибыла очередная кубинская делегация, но на этот раз во главе с легендарным Э. Геварой. Он встретился с Хрущевым в Крыму. Э. Гевара передал советскому руководству поправки Ф. Кастро к парафированному документу о военном соглашении. Они были приняты.

В итоговом проекте договора отмечалось: СССР направит на Кубу свои Вооруженные Силы «для усиления ее обороноспособности» перед лицом опасности агрессии извне, способствуя таким образом поддержанию мира во всем мире. В случае агрессии против республики или против советских ВС, размещенных на ее территории, правительства Кубы и СССР, используя право на индивидуальную или коллективную оборону, предусмотренное статьей 51 Устава ООН, предпримут «все необходимые меры для отражения агрессии»¹⁴⁰.

Товарищ «Че» снова поднял вопрос о необходимости опубликования текста соглашения, однако в конечном итоге было опубликовано лишь коммюнике, в котором указывалось:

«Правительство Кубинской Республики ввиду этих угроз обратилось к Советскому правительству с просьбой об оказании помощи вооружением и соответствующими техническими специалистами для обучения кубинских военнослужащих. Советское правительство со вниманием отнеслось к этой просьбе правительства Кубы, и по данному вопросу была достигнута договоренность».

Формально подготовленный и согласованный новый вариант договора о советско-кубинском военном сотрудничестве так и не был подписан из-за стремительного развития событий в Карибском регионе. Все дальнейшие шаги осуществлялись фактически на основе устной договоренности сторон.

Пусть думают, что это на Севере...

Заручившись принципиальным согласием Гаваны, Хрущев отдал распоряжение военным о разработке плана сверхсекретной операции, которая получила наименование «Анадырь».

¹⁴⁰ «Военно-исторический журнал». 1992. № 11. С. 34.

Название должно было наводить каждого, кто его услышит, на мысль о каких-то мероприятиях на севере СССР.

Координационную работу по осуществлению плана размещения советских войск на Кубе возглавил начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба, секретарь Совета обороны генерал-полковник С.П. Иванов. Вот как описывает начало этой работы генерал армии А.И. Грибков, в то время начальник управления в Главном оперативном управлении ГШ ВС: «В один из майских дней 1962 г. в мой кабинет в Генеральном штабе буквально влетел генерал-полковник С.П. Иванов. Своего непосредственного начальника я знал давно, но таким взволнованным видел впервые. Понял, что-то случилось. И не ошибся. Начальник Главного оперативного управления приказал срочно подготовить один документ.

«Машинистку не задействовать, — подчеркнул Иванов, протягивая мне стопку листов. — Разрешаю к работе привлечь генерала Елисеева Г.Г. и полковника Котова В.Н. Запомните, кроме вас троих о документе никто не должен знать».

Знакомство с загадочными листками заняло несколько минут. Это были рабочие записи С.П. Иванова. Будучи секретарем Совета обороны СССР, он сделал их на только что закончившемся очередном заседании в Кремле. Так я впервые узнал о решении руководства страны направить наши войска на далекую Кубу, о планировании операции, получившей впоследствии кодовое название «Анадырь»¹⁴¹.

В Главном оперативном управлении был создан специальный отдел, в состав которого вошли генералы и офицеры различных управлений ГШ. Его возглавил полковник И.Г. Николаев. Ежедневно на основе стекавшейся из главкоматов и управлений информации отделом составлялись справки-доклады министру обороны. В результате титанической работы, проделанной в Генеральном штабе, к середине мая предложения по составу Группы советских войск на Кубе были в основном готовы.

Перед ГСВК ставилась задача во взаимодействии с кубинскими Революционными вооруженными силами (РВС) не допустить высадки противника на территории острова. Ракетным войскам Группы (одна ракетная дивизия) предписывалось быть в готовности в случае развязывания войны (только по команде из Москвы) нанести удары по важнейшим объектам на территории США.

Для выполнения указанной задачи было намечено разместить на Кубе три полка ракет средней дальности Р-12 (24 пусковые установки) и два полка ракет Р-14 (16 пусковых установок) — всего 40 ракетных установок с дальностью действия ракет от 2,5 до 4,5 тысяч километров. С этой целью была сформирована сводная 51-я ракетная дивизия (командир — генерал-майор И. Стаценко) в составе пяти ракетных полков из разных дивизий. Общий ядерный потенциал дивизии в первом пуске мог достичь 70 мегатонн (70 млн тонн обычной взрывчатки периода Второй мировой войны без учета радиации, взрывной волны и пожаров от светового излучения). Дивизия в полном составе обеспечивала возможность поражения военно-стратегических объектов почти на всей территории США.

Сухопутные войска Группы (четыре отдельных мотострелковых полка) имели задачу прикрывать ракетные и другие технические части, управление Группы и быть готовыми оказать помощь кубинским РВС в уничтожении морских, воздушных десантов и контрреволюционных групп, если они высадятся на остров. Мотострелковые полки должны были располагаться отдельно и на большом расстоянии друг от друга (70, 350, 400 км), ведение ими совместных боевых действий не предусматривалось.

В оперативное подчинение командиров мотострелковых полков вошли отдельные дивизионы тактических ракет «Луна», способных нести ядерные боеголовки, с дальностью пуска в пределах 60 км.

Военно-воздушные силы Группы войск нацеливались на уничтожение морских и воздушных десантов противника, а также на нанесение в случае необходимости ударов по военно-морской базе США Гуантанамо. Они были представлены полками фронтовых крылатых

¹⁴¹ Операция «Анадырь». С. 8—9.

ракет (ФКР), отдельным вертолетным полком Ми-4 и отдельной авиаэскадрильей. Фронтовые крылатые ракеты, способные нести ядерные боеголовки на дальность до 150 км, были предназначены для отражения возможного морского десанта на дальних подступах к острову.

Частям военно-морского флота ставилась задача уничтожать боевые корабли и десантно-высадочные средства противника, не допуская высадки морских десантов. Кроме того, флот был обязан охранять советские транспортные суда на близлежащих к острову коммуникациях, блокировать минами военно-морскую базу Гуантанамо, а также вести разведку в западных и восточных районах Кубы с целью выявления боевых кораблей и десантно-высадочных средств противника. Для выполнения этих задач предполагалось иметь эскадру подводных лодок, эскадру надводных кораблей, бригаду ракетных катеров, ракетный полк «Сопка», морской торпедный авиаполк и суда обеспечения.

Войска противовоздушной обороны (две дивизии ПВО) должны были не допустить вторжения в воздушное пространство Кубы иностранных самолетов-нарушителей и нанесения ими ударов по войскам Группы, кубинским военно-морским базам, портам и аэродромам. Учитывая подавляющее превосходство вероятного противника в авиации, для расширения возможностей по отражению воздушных ударов в состав 10-й зенитной дивизии ПВО был введен 32-й истребительный авиационный полк, на вооружении которого предполагалось иметь 40 современных по тем временам истребителей МиГ-21¹⁴².

Примерная численность ГСВК планировалась в пределах 44—60 тысяч человек. По срокам развертывание Группы должно было уложиться в четыре месяца.

Операция была замаскирована под стратегическое учение с перебазированием войск и военной техники морем в различные районы Советского Союза.

Поскольку освоение прямого воздушного сообщения между СССР и Кубой только начиналось (первый полет был совершен в июле 1962 г.), фактически единственным транспортным средством для перевозки войск оставались морские суда. Из-за отсутствия необходимого количества войсковых транспортов к обеспечению операции было подключено Министерство морского флота СССР. По предварительным расчетам требовалось 85 судов гражданского флота различных классов. Их предстояло собрать, дооборудовать для перевозки войск и грузов и отобрать экипажи.

Задача в целом была не только дерзкая, но и исключительно сложная.

Соединения и части ГСВК предстояло перебросить на 10—11 тысяч километров. На большей части пути следования транспортов они могли стать объектом активных разведывательных действий. Наиболее опасными участками в этом отношении были проливы в Черном, Средиземном и Балтийском морях.

Соединения и части, направляемые на Кубу, планировалось сформировать из войск различных военных округов. Мотострелковые полки должен был выделить Ленинградский военный округ (одним из таких полков командовал полковник Д.Т. Язов, в будущем — последний министр обороны СССР), танковые подразделения — Киевский ВО. Личный состав для Группы отбирался по особой схеме. В Ленинградский военный округ прибыл главнокомандующий Сухопутными войсками маршал Советского Союза В.И. Чуйков, который лично беседовал с отобранными для проведения операции офицерами.

7 июля 1962 г. состоялось совещание в Кремле, на которое был приглашен весь руководящий состав Группы. Командующим Группой был назначен генерал армии И. Плиев (на Кубу прибыл под псевдонимом «Иван Александрович Павлов — специалист по сельскому хозяйству»). Его первым заместителем стал генерал-полковник П. Данкевич. В штаб группы также вошли: генерал-майор П. Петренко — член Военного совета, начальник политического управления; генерал-лейтенант П. Акиндинов — начальник штаба; генерал-лейтенант С. Гречко — заместитель командующего по ПВО; генерал-полковник авиации В. Давидков — заместитель командующего по ВВС; вице-адмирал Г. Абашвили — заместитель командующего по ВМФ и др.

Хрущев начал совещание в привычном для него стиле: «Мы в ЦК решили подкинуть

¹⁴² Там же. С. 14.

Америке „ежа“: разместить на Кубе наши ракеты, чтобы Америка не могла проглотить остров Свободы. Согласие кубинской стороны имеется. Цель той операции одна — помочь выстоять кубинской революции от агрессии США.

Политическое и военное руководство нашей страны, всесторонне взвесив все обстоятельства, не видит другого пути предотвращения нападения со стороны Америки, которая, по нашим сведениям, интенсивно к нему готовится. Когда ракеты будут размещены, Америка почувствует, что, если она захочет расправиться с Кубой, ей придется иметь дело с нами»¹⁴³.

На этом же совещании Хрущев впервые узнал, теперь уже от своих военных, что развернуть войска скрытно будет практически невозможно. Это было неприятным сюрпризом — ведь главное условие успеха плана он видел как раз в его тайном осуществлении. Поставив Вашингтон перед свершившимся фактом, он намеревался затем обратиться к посредничеству ООН, чтобы избежать военного столкновения.

Кардинального решения проблемы обеспечения скрытности не существовало. Сложнейший механизм операции был уже запущен. В результате был изменен лишь порядок транспортировки войск: в первый эшелон назначались части общего назначения. Во втором должны были следовать ракеты средней дальности.

Началась переброска личного состава, ракетного оружия и военной техники в порты погрузки (Кронштадт, Лиепая, Балтийск, Севастополь, Феодосия, Николаев, Поти и Мурманск). Для перебазирования только одного ракетного полка к порту отправки требовалось 17—18 железнодорожных эшелонов в зависимости от типа ракетного комплекса, которым он был вооружен¹⁴⁴.

Опасный рейс

Согласно плану операции «Анадырь», передовая рекогносцировочная группа во главе с генералом И.А. Плиевым отправлялась на Кубу первым техническим рейсом самолета Ту-114 10 июля 1962 г. по маршруту Москва — Конакри — Гавана. Этим рейсом открывалась новая международная линия Аэрофлота Москва — Гавана. Рекогносцировочная группа направлялась под видом специалистов сельского хозяйства СССР, инженеров и техников по ирригации и мелиорации.

Именно эта группа «специалистов», по мнению генерала армии А.И. Грибкова, сделала «поразительный по своей военной безграмотности» вывод о том, что на Кубе можно легко и скрытно разместить ракеты на том основании, что на острове много пальмовых рощ¹⁴⁵.

Тем временем в портах Балтийского, Черного и Баренцева морей развернулись работы по погрузке пассажирских и сухогрузных судов торгового флота.

На погрузку одного морского транспорта с использованием порталных и судовых кранов в среднем уходило 2—3 суток. Тяжелая техника (танки, САУ, спецмашины) грузилась ночью — в нижние трюмы, автомобили и тракторы днем — на верхнюю палубу, под видом сельскохозяйственных машин. Ракетные катера, размещенные на палубе, обшивались досками и обивались металлическими листами, становясь недоступными для инфракрасной аппаратуры. Для перевозки мотострелкового полка требовалось 3 грузовых и 2 пассажирских судна.

Погрузка на транспорты производилась в обстановке повышенной секретности. О конечных целях перемещения частей не сообщалось даже старшим офицерам.

Оказавшись на площадке погрузки, личный состав уже не имел права выйти за ее пределы. Прерывалась любая связь с внешним миром: ни писем, ни телеграмм, ни телефонных

¹⁴³ Там же. С. 97.

¹⁴⁴ Там же. С. 64.

¹⁴⁵ Там же. С. 22.

разговоров. Эти жесткие меры предосторожности распространялись и на экипажи судов, включая капитанов.

Солдаты, сержанты и офицеры получали два комплекта одежды: гражданский — для маскировки — и военный, так называемый «южный» вариант. Сверх того, опять же с целью маскировки, выдавались полушубки, валенки, шапки. Для отражения возможного нападения самолетов или катеров береговой охраны США на палубы транспортов устанавливались счетверенные крупнокалиберные зенитные пулеметы, накрытые специальными разборными деревянными колпаками, которые при необходимости могли быть быстро сняты¹⁴⁶. Комплектовались и специальные подразделения, готовые действовать в случае нападения на корабль и вооруженные автоматами и ручными пулеметами.

Особые сложности возникли с размещением личного состава на корабле. Трюмы заполнялись людьми доверху. Почти месяц им было суждено находиться в раскаленной стальной коробке.

Но и такие беспрецедентные меры предосторожности не помогли. В своих воспоминаниях С. Хрущев констатировал: «...шила в мешке не утаишь. Несмотря на принятые меры, вся Одесса знала, что секретно снаряжаются корабли на Кубу. Об этом говорили на Привозе, судачили припортовые торговки. Не удержался секрет и среди сдержанных прибалтов...»

Первые суда в различных портах загрузились практически одновременно и разом вышли в море. В Датском проливе возникла толчея. Такая же картина наблюдалась в Босфоре и Дарданеллах. Никогда такое количество советских транспортов не устремлялось из Черного и Балтийского морей. Сначала феномен вызвал лишь недоумение, потом оно переросло в удивление, и, наконец, родилось подозрение.

Забеспокоилась западногерманская разведка — ни один из кораблей не заходил в европейские порты. Агентура подтвердила опасения: в советских портах загрузка кораблей происходит в обстановке чрезвычайной секретности и они отбывают в неизвестном направлении¹⁴⁷. Теперь западные разведслужбы, используя все силы и средства, пытались контролировать движение транспортов.

Капитанам судов и начальникам эшелонов были выданы три пакета с секретными инструкциями о действиях в различных ситуациях. На первом пакете была надпись «Вскрыть после оставления территориальных вод СССР». На двух других никаких надписей не было. В пакете № 1 говорилось, что пакет № 2 предписывалось вскрыть после прохода Босфора и Дарданелл. В пакете № 2 предписывалось вскрыть пакет № 3 после прохода Гибралтара.

И лишь в последнем пакете под номером 3 был сформулирован конечный приказ: «Следовать на Кубу».

Переход судов проходил в крайне тяжелых условиях. Температура внутри судовых трюмов нередко достигала 50 градусов выше Цельсия(?). Пища выдавалась два раза в сутки в ночное время. Многие продукты — сливочное масло, мясо и овощи — из-за высокой температуры быстро портились. В таких условиях не обошлось без болезней и даже смерти людей. Хоронили военнослужащих по морскому обычаю — зашивали в брезент и опускали в море.

Представление о пережитых испытаниях дает фрагмент из воспоминаний полковника А.Ф. Шорохова, который исполнял обязанности начальника эшелона на судне «Хабаровск»: «20 августа. Приближаемся к Азорским островам. Штормит. Качка сильная. Морская болезнь свалила всех наших солдат и офицеров...»

Идем десятые сутки. Кругом океан. Жара. Раздеваемся до трусов. Ночью все ищут укромное местечко на палубах. Днем американские самолеты делают облет нашего сухогруза. Какой-то военный корабль увязался за нами и требует досмотра. Мы только слушаем, но в эфир не выходим. Утром мы просыпаемся от гула самолета. Американский истребитель пронесся над

¹⁴⁶ На краю пропасти (Карибский кризис 1962 года). Рук. авт. кол. Б. Путилин. М.: ИВИ, 1994. С. 69—70.

¹⁴⁷ С.Н. Хрущев. Никита Хрущев...

теплоходом, чуть не цепляясь за палубные надстройки и мачты. Виден берег Кубы»¹⁴⁸. Начиная с 18 сентября 1962 г. американские военные корабли стали постоянно запрашивать советские транспорты о характере перевозимого груза.

С началом операции «Анадырь» СССР для перевозки народнохозяйственных грузов был вынужден фрахтовать суда иностранных компаний. США потребовали от союзников не предоставлять суда для перевозки грузов на Кубу. Подозревая неладное, с 3 октября американцы вообще запретили заходить в свои порты судам и кораблям любой страны, хотя бы единожды посетивших Кубу.

На острове Свободы...

Для приема прибывавших судов с войсками и техникой было выбрано одиннадцать кубинских портов: Гавана, Мариель, Кабаньяс, Баия-Онда, Матансас, Ла-Исабела и др. 19 июля на Кубу прибыли первые рекогносцировочные группы советских ракетных полков. Прибытие транспортов с войсками и техникой началось 26 июля. Первым в порт Гавана вошел теплоход «Мария Ульянова».

9 сентября с прибытием в порт Касильда теплохода «Омск» началось сосредоточение 51-й ракетной дивизии на о. Куба. Этим рейсом были доставлены первые шесть ракет.

С 16 сентября началась доставка и ядерных боеприпасов: дизель-электроход «Индиگیرка» с ядерными боеприпасами на борту вышел из порта Североморск и взял курс на Кубу. А 4 октября «Индиگیرка» благополучно доставила в порт Мариель ядерные боеприпасы к ракетам Р-12.

Все суда, прибывавшие на остров, встречались штабными группами еще на рейде, а иногда и на подходах к Кубе. Из-за сложной оперативной обстановки судам часто приходилось менять порты назначения. Оружие разгружалось под видом народнохозяйственных грузов — на Кубе в это время советские специалисты вели поиски нефти, железа, никеля, фосфатов.

Для сопровождения колонн в пути кубинское командование выделяло охрану. Команды в пути следования подавались только на испанском языке. При этом разрешалось давать лишь две команды: «Аделанте!» — «Вперед!» и «Паре эль кочо» — «Остановить машины».

Работа радиотехнических средств в период сосредоточения войск запрещалась. Так же, как и всякие разговоры.

Ракеты из портов транспортировались только ночью в период с 1 до 4 часов утра. Но многие кубинцы не спали и в это время, наслаждаясь ночной прохладой. Не дремала и достаточно многочисленная американская агентура, действовавшая на острове. Для ее нейтрализации сюда прибыла группа советских контрразведчиков во главе с капитаном 1 ранга А. Тихоновым.

В тесном взаимодействии с кубинскими органами государственной безопасности советским контрразведчикам удалось, к примеру, запеленговать агентурный радиопередатчик и захватить резидента ЦРУ К. Инклана. У него был изъят быстродействующий радиопередатчик, автоматический шифратор новейшей модификации, средства тайнописи, два пистолета системы «Браунинг», фотоаппарат «Минокс», авторучка-пистолет и 14 тысяч золотых песо¹⁴⁹.

Также была обезврежена и крупная нелегальная подрывная организация, которая именовалась «Дивизией Нарцисса Лопеса». Территория Кубы была поделена ею на семь зон. В каждой из зон действовал свой резидент. В ходе операции по ликвидации этой организации было захвачено 237 активных членов, из них 4 майора, 17 капитанов, 7 первых лейтенантов, выявлено 9 складов оружия, большие суммы долларов и золотых песо¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Цит. по: Операция «Анадырь». С. 26.

¹⁴⁹ А.М. Тихонов. Операция «Анадырь» //Новости разведки и контрразведки. 1993. №1. С.47.

¹⁵⁰ Там же. С. 47—48.

Но часть агентов уцелела. Позже они подтвердили данные аэрофоторазведки США.

Размещение советских войск сопровождалось большими трудностями. Особые сложности возникли с расположением и приведением в боевую готовность ракетной дивизии.

Подготовка позиций для стартовых батарей предполагала укладку железобетонных плит, доставленных из Советского Союза, прокладку линий связи, отрывку окопов и укрытий для личного состава.

Из-за жары (температура поднималась до 35—40 градусов и выше) и сильной влажности воздуха командиры полков приняли решение работать, сменяя личный состав каждый час. В условиях каменистого грунта инженерная техника была малопродуктивной, поэтому большинство работ выполнялось вручную.

По воспоминаниям А. М. Бурлова в тот период заместителя командира ракетного полка по вооружению, «трудностей было предостаточно и, пожалуй, самая значительная из них была связана с компонентами ракетных топлив. Ракета Р-12 жидкостная, заправлялась агрессивным окислителем, горючим и перекисью водорода. Потребовались специальные емкости для транспортировки этих компонентов на судах наливного флота, а затем в порту Баия-Онда снова перекачивать компоненты в штатные подвижные емкости.

Незначительный пролив в условиях тропиков приводил к сильнейшим ядовитым испарениям. Личный состав расчетов заправки, работавший все время только в спецодежде и противогазах, подвергался тяжелейшим испытаниям»¹⁵¹.

Далеким от комфортабельного было и размещение личного состава. Жилой городок ракетчиков был составлен из палаток и металлических фургонов. В палатках духота стояла неимоверная. Еще хуже было в металлических фургонах, накалявшихся за день. С наступлением темноты людей атаковывала мошкара.

Генерал армии А.И. Грибков вспоминал:

«Расположение войск в лесах в условиях Кубы было связано с многочисленными осложнениями. Лесные массивы здесь небольшие, как правило, состоящие из редких пальмовых рощ или сплошных зарослей кустарника, в которых нет свободного движения воздуха, а в результате нестерпимая духота и зной.

Повышенная влажность воздуха отрицательно сказывалась на содержании, сбережении техники и физическом состоянии личного состава. И, наконец, в лесах восточной части острова большое количество ядовитых деревьев гуао, от прикосновения к которым возникают язвы на теле людей»¹⁵².

Однако профессионализм, высокое чувство ответственности и стойкость, присущие подавляющему большинству советских военнослужащих, позволяли решать поставленные задачи и в этих тяжелейших условиях. Всего для 51-й ракетной дивизии успели доставить следующее ракетно-ядерное оружие: 42 ракеты Р-12 (из них 6 учебных); 36 головных частей с ядерными боезарядами для Р-12; 24 головные части с ядерными боезарядами для Р-14. Ввиду невозможности доставки ракет Р-14 и основной части личного состава 665-го и 666-го ракетных полков из-за морской блокады острова со стороны ВМС США, боевой порядок в составе дивизии заняли три ракетных полка (79-й, 181-й и 664-й). С получением сигнала из Москвы ядерные головные части должны были быть пристыкованы. За 2 часа 30 минут после получения приказа ракета должна была быть поднята вертикально, заправлена компонентами ракетного топлива и быть в готовности стартовать к целям.

Американцы почти ежедневно совершали разведывательные полеты над Кубой. Но прошло больше месяца, прежде чем они смогли выявить стартовые позиции ракет. А идентифицировать их по предназначению помог упомянутый О. Пеньковский. Ранее он передал

¹⁵¹ Операция «Анадырь». С. 143.

¹⁵² Там же. С.27.

американцам совершенно секретный справочник с фотографиями основных советских ракет.

В июле 1962 г. на Кубу была откомандирована группа советских летчиков-асов из авиационного центра Кубинка под командованием маршала авиации Е. Савицкого. В сжатые сроки им предстояло научиться уничтожать быстроходные катера кубинских «контрреволюционеров»-«гусанос» вблизи побережья острова и передать опыт боевого применения советских истребителей МиГ-15 кубинским летчикам. Были завезены в контейнерах и 42 бомбардировщика Ил-28, впоследствии отнесенных американцами к «наступательному оружию». Шесть из них, собранные к началу кризиса, начали пробные полеты на базе в Сан-Хулиан. Бомбардировщики помимо бомб имели на вооружении торпеды и могли вести аэрофотосъемку. В боезапасе полка имелось шесть ядерных бомб по 12 килотонн¹⁵³.

По решению Совета обороны СССР, принятому в конце сентября 1962 г., переброска на Кубу эскадры надводных кораблей, предусматривавшаяся планом операции «Анадырь», была отменена. Грандиозный план перемещения советской группировки войск в целом был осуществлен блестяще.

Американцы не смогли не только выявить отдельные виды доставленного на Кубу вооружения, но и достоверно просчитать общую численность советских войск. Группировка советских войск на Кубе оценивалась американскими разведорганами к началу сентября 1962 г. в 4500 человек, к 22 октября — в 8—10 тысяч человек, а к ноябрю — в 22 тысячи человек.

Фактически она была в два раза больше.

Вашингтон плохо спит...

Несмотря на повышенную активность Советского Союза вокруг Кубы, никто в Вашингтоне не мог предположить, что Москва рискнет размещать на острове ядерные ракеты.

В специальной национальной оценке разведанных США, подготовленной в конце сентября, констатировалось: «Создание на территории Кубы значительной ударной мощи с вооружениями средней и промежуточной дальности представляло бы собой резкое отступление от советской практики, поскольку такое оружие до сих пор не развертывалось даже на территориях государств-сателлитов. Возникли бы серьезные проблемы управления и контроля.

Пришлось бы также содержать на Кубе подозрительно большое число советского персонала, что, по крайней мере сначала, было бы связано с политическим обязательством в Латинской Америке. Возможно, Советы полагают, что политический эффект от открытого вызова Соединенным Штатам, каким является размещение советской ядерной ударной силы в таком взрывоопасном месте, с лихвой оправдает все затраты, если только все это сойдет им с рук.

Тем не менее можно почти с полной уверенностью сказать, что они отдадут себе отчет в том, что это не может не вызвать со стороны США самой опасной реакции»¹⁵⁴.

Но 14 октября во время планового облета территории острова американский разведывательный самолет У-2 сделал первые снимки советских ракетных позиций. Группа американских специалистов из Национального центра фоторазведки подвергла фотографии, сделанные во время облета, анализу и обнаружила схему, совпадавшую со схемой размещения площадок для ракет СС-4 средней дальности (по советской классификации — Р-12) в Советском Союзе. После сверки со справочником, который в 1961 г. был получен от Пеньковского, доказательства можно было считать неопровержимыми. На следующий день был сделан повторный, контрольный облет. Все подтвердилось.

Американскому президенту о результатах аэрофоторазведки было доложено утром 16 октября 1962 г. Новость о строившихся на Кубе базах советских баллистических ракет для

¹⁵³ На краю пропасти. С. 74.

¹⁵⁴ Krock A. Memoirs: Sixty Years on the Firing Line. N.Y.: Funk & Wagnalls. P. 379.

Кеннеди оказалась ошеломляющей. Его первой реакцией было ставшее знаменитым восклицание: «Он (Хрущев. — Авт.) не мог этого сделать мне».

За минутным замешательством последовало быстрое распоряжение: создать специальную группу при Совете национальной безопасности США — исполнительный комитет, первое заседание которого провести немедленно. Исполнительный комитет стал органом кризисного управления, решения которого после одобрения президентом немедленно проводились в жизнь. В его работе участвовали ключевые фигуры американской политической элиты.

С этого дня события стали развиваться с головокружительной быстротой.

16 октября

Кеннеди распорядился скрыть от Советского Союза любые признаки того, что в Вашингтоне известно о размещении советских ракет на Кубе. Работа исполнительного комитета была засекречена, полностью изолирована от средств массовой информации.

На первом заседании исполнительного комитета обсуждение свелось к определению подлинных намерений советского руководства и возможных ответных мер США. В ходе обсуждения было выдвинуто пять основных версий советской акции.

1. Эскалация политики «холодной войны». Хрущев осуществляет очередную «пробу сил» и рассчитывает на то, что США отступят, столкнувшись с ракетной угрозой. Это повлечет за собой потерю престижа и влияния Соединенных Штатов в различных регионах мира.

2. Отвлекающий маневр. Советское руководство провоцирует США осуществить вторжение на Кубу. Это вызовет всеобщее осуждение в мире и ослабит позиции западных стран по Берлинской проблеме. В результате Москва успешно завершит свою политическую игру вокруг Берлина.

3. Оборона Кубы. Москва любой ценой стремится сохранить своего единственного союзника в Западном полушарии.

4. Предложение к военно-политической сделке. Хрущев намеревается «обменять» ракеты на решение Берлинской проблемы или ликвидацию нескольких баз США за рубежом.

5. Реальная военная угроза. СССР стремится сократить существующее превосходство США в межконтинентальном ядерном оружии. Или даже — планирует ядерный удар по США в случае обострения кризисных ситуаций в других горячих точках.

При обсуждении ответных мер были выдвинуты следующие шесть возможных вариантов:

1. Ничего не предпринимать.

2. Оказать активное дипломатическое давление и ослабить позиции СССР. Среди возможных способов рассматривались обращение в ООН и ОАГ о проведении инспекции или непосредственное обращение к Н. Хрущеву на возможной встрече в верхах.

3. Осуществить секретные контакты с Ф. Кастро и попытаться убедить его немедленно отказаться от советских ракет.

4. Начать «непрямые военные действия» путем применения различных видов блокад.

5. Нанести воздушный удар только по ракетным позициям или по всем военным целям одновременно.

6. Осуществить крупномасштабное вторжение на Кубу.

При обсуждении предложенных вариантов действий выявились две основные группы мнений.

«Умеренные», в числе которых был и министр обороны Р. Макнамара, сразу отвергли военный характер угрозы и соответственно необходимость использования военной силы. Его поддержали заместитель госсекретаря Болл и заместитель министра обороны Джилпатрик. К ним фактически присоединились помощник президента Банди и бывший посол США в СССР Томпсон, предложившие решить вопрос дипломатическим путем.

«Жесткие», среди них генерал Тэйлор, помощник министра обороны Нитце и министр финансов Диллон, с самого начала высказались за военное решение вопроса. По их мнению, размещение ракет на Кубе не только было вызывающим действием Москвы, но и представляло собой более чем серьезную военную опасность.

Дж. Кеннеди, ознакомившись с первыми результатами работы исполнительного комитета,

не высказал определенного мнения. В дальнейшем стало ясно: президент склоняется к оценке действий советского руководства как к очередной попытке Хрущева добиться преимущества в «холодной войне». Но он не стал с самого начала исключать возможность военного решения кризиса.

В середине дня министр обороны Макнамара и его заместитель Джилпатрик обсудили с членами Комитета начальников штабов США возможные варианты военно-силовых действий.

Окончательного решения, однако, выработано не было.

В этот же день Хрущев принял посла США в СССР Ф. Колера и на вопрос о характере ведущихся работ на Кубе заверил, что речь идет о строительстве рыбного порта в г. Мариель. Советский лидер повторил свою озабоченность по поводу размещения американских ракет средней дальности в Турции и Италии. О размещении наступательного оружия на Кубе советским руководителем не было сказано ни слова.

Поступившая от американского посла в Москве информация о состоявшейся беседе с Хрущевым не прояснила обстановку. Заявление Хрущева об исключительно мирном (невоенном) характере советской деятельности на Кубе вызвало нескрываемое раздражение членов исполнительного комитета.

17 октября

Начался перевод в повышенную боевую готовность сил общего назначения сухопутных войск, ВМС и ВВС США. Командные пункты министерств обороны США и видов вооруженных сил были переведены на режим военного времени.

Продолжилась работа в исполнительном комитете по обсуждению возможных сценариев действий. Единая позиция выработана не была.

18 октября

На основании оценки полученных данных американская разведка пришла к заключению, что к концу октября или началу ноября в первом ударе с Кубы может быть использовано до 40 советских ракет, способных нести боеголовки мощностью 3—4 мегатонны. Второй удар, по их оценкам, может быть нанесен через несколько часов. Ракеты с радиусом действия в 2000 км были в состоянии поразить большую часть стратегического авиационного потенциала США в южных и юго-западных штатах, а ракеты с радиусом действия в 4500 км — северные базы межконтинентальных ракет. В пределах радиуса действия советских ракет оказывались все крупнейшие американские города, кроме Сиэтла. В разведывательной оценке делался вывод о том, что возможности СССР по поражению целей на территории США возросли более чем на 50%.

Комитет начальников штабов США на своем заседании принял решение (с согласия президента) приступить к реализации оперативного плана по военным действиям на территории Кубы. Было отдано распоряжение о переброске подразделений морской пехоты с западного побережья США на военную базу в Гуантанамо.

Исполнительный комитет СНБ в своей работе пришел к выводу: первые советские ракеты будут готовы к пуску через неделю; конечной датой осуществления упреждающих действий становилась дата 23 октября 1962 г.

Обсуждение ответных американских действий сконцентрировалось на двух основных вариантах: блокада или воздушный удар. Остальные способы действий были отнесены к вспомогательным. Блокада, по мнению ее сторонников, позволяла избежать жесткой реакции Москвы и открывала возможности для переговоров. Адепты воздушного удара настаивали на том, что только этот вариант позволяет быстро и, главное, кардинально решить проблему. Однако возникал вопрос: удастся ли в первом ударе вывести из строя все советские ядерные ракеты и тем самым избежать риска ответного удара. Воздушная атака неизбежно предполагала крупные потери как среди кубинцев, так и среди советских военнослужащих, а это могло спровоцировать Москву на нанесение по территории США удара возмездия. Ядерная катастрофа в таком случае неизбежна.

К концу заседания исполнительного комитета возобладала точка зрения «блокадников», однако военные, выступавшие в большинстве своем за нанесение воздушного удара, не отказались от попыток убедить президента в правоте своей точки зрения.

Американский президент в присутствии Р. Макнамары и Р. Кеннеди встретился с членами Комитета начальников штабов, решительно выступивших за нанесение воздушного удара по всему массиву целей с одновременной высадкой десанта. К их разочарованию, президент не поддержал «ястребов». Министр обороны Р. Макнамара доложил президенту, что хотя он сам и не разделяет мнение Комитета начальников штабов, однако необходимые планы по нанесению военного удара по Кубе разработаны. Оперативная группировка сил вторжения будет полностью готова к 23 октября.

Находившийся в США на сессии Генеральной Ассамблеи министр иностранных дел СССР А.А. Громыко нанес визиты американскому президенту, а затем государственному секретарю. Главным вопросом, естественно, стал кубинский.

«Что касается помощи Советского Союза Кубе, — отметил Громыко, — то, как Советское правительство заявляло, и мне поручено подтвердить это вновь, наша помощь преследует исключительно цели содействия обороноспособности Кубы и развитию ее мирной экономики.

Ни промышленные работы там, ни обучение советскими специалистами кубинского персонала обращению с некоторыми оборонительными видами оружия не могут представлять угрозы ни для кого. Если бы дело обстояло иначе, Советское правительство никогда не было бы причастно к оказанию такой помощи»¹⁵⁵.

Решение правительства США призвать в армию дополнительно 150 тысяч резервистов было охарактеризовано министром иностранных дел СССР как «чрезвычайно опасная акция, рассчитанная на обострение международной напряженности».

В свою очередь президент США высказал мысль о том, что с июля 1962 г. кубинский вопрос «стал действительно серьезным». Он выразил беспокойство по поводу того, что СССР быстрыми темпами осуществляет поставки оружия Кубе.

Далее Дж. Кеннеди заявил, что у его правительства нет планов нападения на Кубу. Но он прямо намекнул о своей «некоторой осведомленности» в отношении намерений Москвы, заявив: «Если Куба станет военной базой со значительными наступательными возможностями для Советского Союза, то наша страна сделает все необходимое для защиты своей безопасности и безопасности своих союзников»¹⁵⁶. При этом американский президент подчеркнул, что постоянно сдерживает некоторых политиков и военных, настаивающих на необходимости вторжения на остров.

К тому моменту главнокомандующий ВСВК генерал Плиев уже знал о том, что 14 октября пилот американского разведывательного самолета У-2 представил своему командованию несколько фотографий территории Кубы, и в частности района Сан-Кристобаля, где оборудовались советские позиции для ракет Р-12. Дотошные американские журналисты каким-то образом проведали об этом и опубликовали фотографии аэрофоторазведки в журнале «Тайм». Особого ажиотажа в США эта публикация сначала не вызвала. Многие отнеслись к ней как к очередной журналистской «утке».

19 октября

Утром, перед тем как отправиться в запланированную поездку по стране, которую он не хотел отменять, чтобы не будоражить общественное мнение, американский президент вновь встретился с членами Комитета начальников штабов вооруженных сил США. Высшие военные чины продолжали настаивать на проведении воздушной бомбардировки советских военных объектов на Кубе.

Президент и на этот раз окончательного ответа не дал. Однако по его распоряжению в

¹⁵⁵ На краю пропасти... С. 49.

¹⁵⁶ Там же. С.50.

середине дня в состояние повышенной боевой готовности были приведены американские силы в зоне Атлантического океана, а также в Карибском море. Ответственность за разработку блокадных действий возлагалась на штаб военно-морских сил, который должен был представить соответствующий план в Белый дом к 20 октября.

Исполнительный комитет Совета национальной безопасности заседал весь день.

Громыко отправил в Москву шифротелеграмму следующего содержания:

«Есть основания считать, что США сейчас не готовят вторжение на Кубу и сделали ставку на то, чтобы путем помех экономическим связям Кубы с СССР и другими странами расстроить ее экономику и вызвать голод в стране, а тем самым недовольство населения и восстание против режима.

Исходят из того, что Советский Союз не сможет обеспечить Кубу всем необходимым в течение длительного времени. Главная причина занятой правительством США позиции состоит в том, что как правительство, так и в целом руководящие круги поражены смелостью акции Советского Союза по оказанию помощи Кубе. Они рассуждают так: Советское правительство отдает отчет в том, какое большое значение американцы придают Кубе и ее положению и насколько для США является болезненным этот вопрос. Но раз он, Советский Союз, зная об этом, идет на оказание такой помощи Кубе, значит, он полон решимости дать отпор в случае американского вторжения на Кубу.

Нет единого мнения о том, как и где будет дан отпор, но что он будет дан — в этом не сомневаются. В последние дни острота антикубинской кампании в США несколько уменьшилась и соответственно стала больше выпячиваться острота вопроса о Западном Берлине.

Полностью, конечно, нельзя быть застрахованным от неожиданностей и авантюризма со стороны США и теперь в кубинском вопросе; но все же, учитывая бесспорные объективные факты и соответствующие официальные публичные заявления, а также заверения, сделанные нам, что США не имеют планов вторжения на Кубу (что их бесспорно во многом связывает), можно сказать, что в этих условиях военная авантюра США против Кубы почти невероятна»¹⁵⁷.

По вопросу осведомленности американского руководства о размещении советских ракет средней дальности на Кубе Громыко дал отрицательный ответ.

Столь мажорную оценку происходящих событий можно объяснить только одним: министр иностранных дел, зная позицию «хозяина» и его вспыльчивый характер, не хотел лишний раз будоражить его и попадать под огонь безапелляционной критики.

После переговоров А.А. Громыко с руководством администрации США в советско-американских контактах наступила пауза. По мнению советской стороны, вероятность кризиса заметно снизилась. Телеграмма Громыко давала основания для такого вывода. Подобное мнение подкреплялось и фактом отъезда Дж. Кеннеди из Вашингтона в Кливленд и Чикаго.

Однако на самом деле интенсивность подготовки США к решительным действиям в этот период значительно возросла.

20 октября

Президент США, находившийся в Чикаго, был срочно вызван к телефону. Его просили немедленно вернуться в Вашингтон.

С этого момента кризис фактически вышел из своего «скрытого» этапа.

По возвращении президента в столицу, уже официально был собран Совет национальной безопасности США — конституционный орган, ответственный за разрешение конфликтов и кризисов. Президент твердо высказался за реализацию на данном этапе умеренного сценария —

¹⁵⁷ Там же. С. 52.

введение блокады и только в случае ее недостаточности — нанесение воздушного удара. В ходе дальнейшего обсуждения вариантов разрешения кризиса впервые возникла идея «обмена» советских ракет на Кубе на американские ракеты в Турции. К решению о необходимости в одностороннем порядке вывести американские ракеты с территории Турции Кеннеди пришел еще к августу 1962 г. Таким образом, для американцев это был безболезненный исход кризиса.

К вечеру военные приготовления американцев ускорились. Была объявлена повышенная боевая готовность для вооруженных сил США по всему миру.

Стратегическое авиационное командование (САК) США приступило к переводу своих соединений и частей на положение «военная опасность». Бомбардировочная авиация должна была находиться в 15-минутной готовности к вылету.

Одновременно министр обороны США распорядился выделить четыре эскадрильи тактического авиационного командования (ТАК) ВВС США для возможного нанесения удара по Кубе.

О серьезности момента свидетельствовал также тот факт, что президент срочно вызвал свою семью в Вашингтон. Американские средства массовой информации стали полниться всевозможными, порой противоречивыми, слухами.

Ракетный полк полковника И.С. Сидорова на Кубе был приведен в полную боевую готовность.

21 октября

Утром президенту был доложен расчет возможных результатов воздушного удара по Кубе. После первого удара могло сохраниться до 10% советских ракет.

Тем временем был окончательно утвержден порядок проведения морской блокады Кубы. Любое судно, следовавшее к острову, должно было принять на борт контрольную группу для проверки документов и грузов. При обнаружении «оружия наступательного характера» (ракеты или бомбардировщики) капитану судна запрещалось следовать на Кубу. При отказе остановиться, недопущении осмотра и продолжении следования судна американской стороной предусматривалось «применение силы». Корабли ВМС США должны были действовать жестко, вплоть до потопления судна-нарушителя.

По поступившим в этот день уточненным оценкам, на Кубе разворачивались по меньшей мере пять советских ракетных полков, каждый из которых имел восемь пусковых установок и не меньше 16 ракет. Это означало, что 40 ракет могло быть использовано в первом пуске и 40 ракет — в последующих. Американцам удалось также выявить на территории Кубы два хранилища ядерных боеприпасов.

22 октября

С утра началось постоянное круглосуточное дежурство в воздухе бомбардировщиков стратегического авиационного командования. До высшего уровня боевой готовности были доведены межконтинентальные баллистические ракеты. Атомные подводные лодки с ракетами «Поларис» были выведены на боевые позиции в океане. Завершилось сосредоточение бригады морской пехоты США на базе Гуантанамо.

Американская военная машина в целом была готова к реализации любого сценария.

Днем Дж. Кеннеди провел несколько политических консультаций. Он проинформировал бывших президентов США Гувера, Трумэна и Эйзенхауэра о планируемых им действиях. Была также проведена срочная встреча с двадцатью наиболее влиятельными членами конгресса США.

Вечером, за час до того как президент должен был выступить с официальным обращением к американскому народу, государственный секретарь США Д. Раск пригласил к себе советского посла в США А.Ф. Добрынина и передал ему личное послание президента Кеннеди главе советского правительства, а также текст обращения президента к американскому народу. Раск сразу же заявил советскому послу, что получил инструкцию не отвечать на вопросы по тексту обоих документов и не комментировать их.

Курьезность ситуации была в том, что посол Добрынин впервые узнал о советских военных приготовлениях на Кубе только в этот день. От американцев.

В 19.00 по вашингтонскому времени (в Москве было уже 3 часа утра 23 октября) президент США обратился к нации с заявлением о введении карантина в отношении Кубы. Мотивируя этот шаг, Дж. Кеннеди отметил:

«Стремительное превращение Кубы в важную стратегическую базу путем размещения на ее территории мощного, с большим радиусом действия и, несомненно, наступательного оружия массового уничтожения представляет явную угрозу миру и безопасности всех стран Северной и Южной Америки, что является преднамеренным и вопиющим нарушением пакта „Рио“ 1947 г., исторических традиций США и всех стран Западного полушария.

Эти действия также противоречат неоднократным заверениям советских руководителей, сделанным официально и в частных беседах, о том, что советское военное присутствие на Кубе носит исключительно оборонительный характер и что у Советского Союза нет ни желания, ни необходимости размещать стратегические ракеты на территории любого другого государства.

Но это скрытое, стремительное и необъяснимое развертывание коммунистических ракет в районе, который имеет особое, исторически сложившееся значение для Соединенных Штатов и других государств Западного полушария, есть нарушение советских заверений и вызов политике США и других стран этого полушария.

Это внезапное, тайное решение о размещении стратегического оружия впервые в истории за пределами советской территории является преднамеренным изменением статус-кво, которое абсолютно неприемлемо для нашей страны.

Сотраждане, я хочу, чтобы вы поняли всю сложность и опасность стоящей перед нами задачи. Никто не может предугадать дальнейший ход событий, предсказать размеры материальных и человеческих жертв. У нас впереди — месяцы самопожертвования и самодисциплины, месяцы, которые будут проверкой нашей воли и нашей выдержки, месяцы, таящие в себе множество неожиданных бед, незаслуженных обвинений, которые заставят нас быть начеку. Но главная опасность сейчас — ничего не делать»¹⁵⁸.

Сразу же после выступления Дж. Кеннеди вооруженные силы США были переведены в боевую готовность №3. Данная степень готовности обеспечивала возможность начать боевые действия немедленно. Силы вторжения включали 250 тысяч солдат сухопутных войск и около 90 тысяч военнослужащих морской пехоты и десантников.

Операцию предполагалось начать ударом с воздуха двумя тысячами самолето-вылетов. Для морского десанта выделялось более ста судов различного класса. Крупные соединения военно-морских сил взяли Кубу в жесткое кольцо. В воздух было поднято до 25 процентов бомбардировщиков Б-52 с ядерными бомбами. Десанту придавались тактические ядерные ракеты «Онест Джон».

Заявление американского президента произвело на страну ошеломляющее впечатление. Подогрели ситуацию и сообщения газет о радиусе действия советских ракет и о том, что в случае их применения будет уничтожено более 80 млн человек.

В США началась паника.

Американцы снимались с насиженных мест и двигались преимущественно на север страны. Те, кто имел возможность, покидали территорию страны. Панамский канал стал работать только в одну сторону, пропуская суда из Атлантики в Тихий океан.

Было принято решение о введении с 23 октября состояния высшей степени боевой готовности № 3 и для космических сил на мысе Канаверал, а также на многочисленных

¹⁵⁸ Leighton R. M. The Cuban Missile Crisis of 1962: A case in National Security Crisis Management. Wash., 1978. P. 41—42.

станциях слежения.

Введение указанного состояния готовности отмечалось на космическом полигоне впервые. Одновременно был отдан приказ о ведении интенсивной круглосуточной разведки территории Кубы. Самолеты У-2 барражировали над Кубой так низко, что были видны силуэты летчиков в кабинах. Вплотную к границе территориальных вод Кубы приблизились американские сторожевые корабли и корабли радиотехнической разведки. Все говорило о скором начале боевых действий.

После выступления американского президента Ф. Кастро как главнокомандующий Революционными вооруженными силами Кубы отдал приказ о приведении войск в полную боевую готовность. Позже была объявлена всеобщая боевая тревога. Всеобщую мобилизацию было решено объявить 23 октября.

Дивизии, укомплектованные по штатам военного времени, занимали заранее подготовленные оборонительные позиции на побережье. В короткие сроки были развернуты 54 кубинские пехотные дивизии, 6 дивизионов реактивной артиллерии, 118 зенитных батарей, 20 кораблей и 47 боевых самолетов. Общая численность вооруженных сил Кубы была доведена до 270 тысяч человек.

Одновременно по всей стране развернула свои военные и специальные формирования Народная оборона (НО). Всего в военных формированиях НО насчитывалось свыше 110 тысяч человек.

Территория Кубы на случай боевых действий была разделена на три зоны: Западную, Центральную и Восточную, — у каждой из которых имелось свое командование. От кубинцев в эти дни часто можно было слышать: «Патриа о муэрте! Венсеремос!» («Родина или смерть! Мы победим!»)

В свою очередь командующий Группой советских войск на Кубе генерал армии И.А. Плиев провел расширенное заседание военного совета, на котором приказал привести все воинские части и соединения в полную боевую готовность. Завершая военный совет, он заявил: «Если противником не будет применено ядерное оружие, будем воевать обычным оружием. Нам отступать некуда, мы далеко от Родины, боезапасов хватит на пять-шесть недель. Разобьют Группу войск — будем воевать в составе дивизии, разобьют дивизию — будем воевать в составе полка, разобьют полк — уйдем в горы...»¹⁵⁹

К 22.30 все советские войска на Кубе были приведены в боевую готовность для «отражения совместно с кубинскими вооруженными силами возможной агрессии» со стороны США.

Ракетные части использовать категорически запрещалось. Но при всем желании их было бы трудно использовать немедленно. Советские ракеты еще не были заправлены топливом. Их боеголовки находились в местах складирования на расстоянии 250—300 км от ракетных позиций¹⁶⁰.

Кризис приближался к своему пику.

Москва не спит вовсе...

23 октября

Осведомленность американского президента о советских ракетах на Кубе и его заявление не только о введении «морского карантина», но и о готовности к самым решительным действиям в дальнейшем вызвали в Кремле замешательство. В одночасье рухнула надежда на возможность скрытного завершения операции. Обстановка требовала незамедлительной

¹⁵⁹ Con la Rnzon Historica y la Moral de Baragua. 1962 Crisis de Octubre. Nora Madan, Ana R. Gort. La Habana, 1990. P. 14.

¹⁶⁰ A. Gribkov, Havana Conference. P.23.

реакции.

В своем первом официальном заявлении от 23 октября 1962 г. Москва предупредила Вашингтон о возможности нанесения мощного ответного удара, «если агрессоры развяжут войну».

Заявлению советского правительства предшествовало личное послание Хрущева американскому президенту, в котором объявление карантина характеризовалось как нарушение Устава ООН, международных норм судоходства в открытых морях, как «агрессивные действия не только против Кубы, но и против Советского Союза».

Ответное письмо Кеннеди, направленное Хрущеву в тот же день, было по тональности более умеренным. В нем говорилось: «Я думаю, Вы признаете, что первым шагом, послужившим нынешней цепи событий, было действие Вашего правительства, выразившееся в тайной поставке на Кубу наступательного оружия. Мы будем обсуждать этот вопрос в Совете Безопасности.

Но я озабочен тем, чтобы мы оба проявили благоразумие и не сделали ничего такого, что позволило бы событиям еще более осложниться, по сравнению с тем, что уже имеет место, удерживание положения под контролем»¹⁶¹.

Позиция США, изложенная в письме президента, была подтверждена Р. Кеннеди в беседе с Добрыниным во время неофициального визита министра юстиции в советское посольство в Вашингтоне в этот день. Кеннеди объяснял решение президента Соединенных Штатов о введении морской блокады реакцией на размещение на Кубе советских ракет, способных поражать практически всю территорию США. Добрынин ответил, что он ничего не знал о дислокации таких ракет, но одновременно выразил жесткую позицию Москвы относительно американского «карантина», пообещав, что советские суда будут «прорываться на Кубу». В ответ Р. Кеннеди не менее категорично заявил, что суда в любом случае будут задерживаться. От имени Н. Хрущева Добрынин передал президенту США предложение о проведении встречи в верхах в ноябре 1962 г. для решения спорных вопросов. По оценке советского посла беседа прошла в очень напряженной обстановке.

Хрущев направил Кастро послание, подтверждавшее готовность Советского Союза к самым решительным действиям. Кубинское руководство, как вспоминал Ф. Кастро тридцать лет спустя, восприняло это послание Хрущева как ясное выражение воли Советского Союза не допустить агрессии против Кубы и не отступить перед американскими требованиями. Ф. Кастро это устраивало.

Выступая по радио и телевидению, кубинский лидер заявил, что не обязан давать отчет о своих действиях правительству США, и отверг американские претензии на право диктовать Кубе свои условия относительно типа и количества оружия, расположенного на ее территории.

Президент США подписал распоряжение об установлении «карантина» Кубы с 14.00 24 октября 1962 г. Речь фактически шла об установлении полномасштабной морской блокады берегов суверенного государства. В морской блокаде острова кроме американских ВМС на стороне США участвовали: от Великобритании — 7 кораблей, от Канады — 5, от Норвегии — 3, от Нидерландов — около 10 и др. О готовности участвовать в блокаде заявили Аргентина, Колумбия, Доминиканская Республика, Гватемала и Гондурас. Коста-Рика, не располагавшая достаточными силами для осуществления блокады, дала согласие на использование своей территории Соединенными Штатами Америки в качестве базы для осуществления блокадных действий.

Помимо морской США начали подготовку и воздушной блокады, достигнув с президентами Гвинеи Секу Туре и Сенегала Л. Сенгором договоренности о запрете посадки советских самолетов на территории этих стран.

В циркулярной телеграмме госдепартамента США своим посольствам в Европе было дано указание добиваться от европейских стран НАТО поддержки воздушной блокады. В ней указывалось, что Канада уже присоединилась к этим действиям.

В целях мобилизации общественного мнения по инициативе США вопрос о блокаде Кубы

¹⁶¹ Problems of Communism. 1992. Spring. Vol. XL1. P.33.

был вынесен на заседание Совета Безопасности ООН. Американский представитель А. Стивенсон пытался уличить представителя СССР Зорина в сокрытии факта размещения советских ракет на Кубе, однако советский представитель, как, впрочем, и посол СССР в Вашингтоне, ничего толком не знали о ракетах на кубинской территории.

Совещание стран — членов ООН создало комитет из представителей Ганы, Египта и Кипра, которому поручалось установить контакт с генеральным секретарем У Таном, чтобы убедить его взять на себя посреднические функции, а также созвать Генеральную Ассамблею ООН, если Совет Безопасности не найдет мирного решения.

Совсем иную позицию заняла Организация американских государств, которая практически единогласно приняла резолюцию, поддержавшую блокаду Кубы.

В советской печати была опубликована информация Министерства обороны СССР о том, что первый заместитель министра обороны, Главнокомандующий ОВС стран Варшавского Договора маршал А. Гречко созвал представителей армий — участниц пакта и дал указание провести ряд мер по повышению боевой готовности войск, входящих в состав Объединенных Вооруженных Сил.

Параллельно с этим в полную боевую готовность приводились ракетные войска стратегического назначения на территории СССР, система ПВО страны, истребительная и стратегическая бомбардировочная авиация. В повышенную степень боевой готовности переходили Сухопутные войска, часть сил и средств ВМФ СССР. Были задержаны увольнения из СА и ВМФ старших возрастов в РВСН, войсках ПВО страны и на подводном флоте; задержаны обычные отпуска личного состава¹⁶².

В 22.30 Р.Я. Малиновский в шифротелеграмме в адрес И.А. Плиева потребовал принять немедленные меры к повышению боевой готовности Группы войск и отражению совместно с кубинской армией возможного нападения противника. К этому времени два полка Р-14, находившиеся на судах в океане, были повернуты обратно в СССР.

Вечером Хрущеву позвонил руководитель ГДР В. Ульбрихт и попросил его обусловить возможный вывоз ракет с Кубы передачей Западного Берлина ГДР¹⁶³. Звонок был явно не ко времени, и Хрущев не стал скрывать своего раздражения.

Ему было не до Берлинской проблемы — мир стоял на грани ядерной катастрофы.

24 октября

Отношения между СССР и США продолжали обостряться. Посольство США в Москве передало советскому правительству послание президента, в котором подтверждалось установление карантина с 14.00 24 октября. Ответ председателя Совета Министров СССР Н. Хрущева был присущ его манере — эмоциональной и жесткой:

«Представьте себе, господин Президент, что мы поставили бы Вам те ультимативные условия, которые Вы поставили нам своей акцией. Как бы Вы реагировали на это? Думаю, что Вы возмутились бы таким шагом с нашей стороны. И это было бы нам понятно.

Поставив нам эти условия, Вы, господин Президент, бросили нам вызов. Кто вас просил делать это? По какому праву Вы это сделали? Наши связи с Республикой Куба, как и отношения с другими государствами, касаются только двух стран, между которыми имеются эти отношения.

Вы, господин Президент, объявляете не карантин, а выдвигаете ультиматум и угрожаете, что если мы не будем подчиняться Вашим требованиям, то Вы примените силу. Вдумайтесь в то, что Вы говорите! И Вы хотите убедить меня, чтобы я согласился с этим! Что значит согласиться с этими требованиями? Это означало бы

¹⁶² ЦАМО РФ.Ф. 16. Оп.3753. Д.1. Л. 122// Правда. 1962. 22 ноября.

¹⁶³ Interview. Fedor Burlatsky. Cambridge, Mass. 1987. 12 October.

руководствоваться в своих отношениях с другими странами не разумом, а потакать произволу. Вы уже не апеллируете к разуму, а хотите запугать нас.

Нет, господин Президент, я не могу с этим согласиться и думаю, что внутренне Вы признаете мою правоту. Убежден, что на моем месте Вы поступили бы так же...

Поэтому, господин Президент, если Вы хладнокровно, не давая воли страстям, взвесите создавшееся положение, то Вы поймете, что Советский Союз не может не отклонить произвольные требования США. Когда Вы выдвигаете перед нами такие условия, попробуйте поставить себя в наше положение и подумайте, как бы реагировали на эти условия США. Не сомневаюсь, что если кто-либо попытался диктовать подобные условия Вам — США, Вы бы отвергли такую попытку. И мы тоже говорим — нет»¹⁶⁴.

Тем временем советский представитель в ООН от имени своего правительства принял предложение У Тана «воздержаться от любых действий, которые могут обострить положение и принести с собой риск войны».

До исполнительного комитета СНБ США была доведена разведывательная сводка, составленная на основании аэрофотосъемок 23 октября с низколетящих самолетов, в которой указывалось, что на Кубе началась ускоренная маскировка стартовых позиций советских ракет средней дальности.

По оценкам американских специалистов, на Кубу к этому моменту было доставлено до 30 ракет средней дальности и более 20 бомбардировщиков Ил-28. Разведка особо выделила информацию о появлении боевых частей советских вооруженных сил, что явилось для членов исполнительного комитета неожиданностью.

Вашингтон предпринял ряд мер по ужесточению морской блокады. Рубеж перехвата кораблей был несколько приближен к Кубе, с тем чтобы увеличить расстояние до приближавшихся советских судов.

По указанию президента США министр обороны Р. Макнамара посетил центральный командный пункт военно-морских сил и довел до руководства ВМС установленный порядок осуществления «карантина». Он отличался от требований американского устава по осуществлению морской блокады. В царившей на пункте управления нервной атмосфере это вызвало конфликт между министром обороны и командующим военно-морскими силами США.

Для перехвата советских подводных лодок была выделена авианосная противолодочная группа во главе с авианосцем «Эссекс».

По информации, полученной на центральном командном пункте ВМС, на 10.25 было отмечено снижение скорости и изменение направления движения советских судов, следовавших курсом на Карибское море. Однако, по мнению американских специалистов, советские суда не отказались от своих намерений. Они лишь поджидали подхода шести подводных лодок, двигавшихся вслед за ними.

Вечером того же дня и.о. Генерального секретаря ООН У Тан в письме главам государств СССР и США предложил план урегулирования конфликта, в котором предусматривались одновременная отмена блокады Кубы и прекращение поставок наступательного оружия на остров.

Советская сторона внешне не изменила своих действий. Двадцать пять кораблей, транспортировавших второй эшелон сил для проведения операции «Анадырь», продолжали движение к Кубе. Американская разведка выявила, что два ближайших к острову корабля сопровождает подводная лодка. Эта информация вызвала в исполнительном комитете СНБ США острую реакцию.

На Кубе командир 51-й советской ракетной дивизии принял решение подготовить новые позиционные районы, что позволяло в случае боевых действий осуществлять маневрирование.

25 октября

¹⁶⁴ Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 16—18.

Наметились признаки снижения напряженности. В 8.00 утра линию карантина пересекли советский танкер «Бухарест» и пассажирское судно под флагом ГДР со студентами на борту. Американский патрульный корабль ограничился визуальным наблюдением и запросом о характере перевозимого груза. Чуть позже 12 из 25 советских судов, следовавших в направлении Кубы, повернули назад.

Утром в журнале «Таймс» вышла статья известного и весьма влиятельного журналиста-политолога У. Липпмана, в которой ставился вопрос об «обмене» американских ракет в Турции на советские ракеты на Кубе, вызвавшая негативную реакцию у профессионалов из исполнительного комитета. Однако было очевидно, что У. Липпман выражает взгляды не только некоторых представителей американской администрации, но и значительной части американского общественного мнения.

Тактика взаимного запугивания, однако, не прекращалась. На завтраке военно-воздушного атташе посольства СССР в Вашингтоне с начальником отдела внешних сношений министерства ВВС США Далламом последний заявил: «США не допустят советского проникновения в Западное полушарие и намерены до конца проводить изложенную президентом политику, не идя ни на какие компромиссные решения. Если советские корабли не подчинятся досмотру, они будут потоплены.

США опираются на имеющуюся у них «прерогативу силы» в этом районе и используют эту силу, если понадобится.

Они сделают все необходимое для восстановления зон влияния, существовавших в мире до революции на Кубе. США опасаются, что СССР недооценивает решимость американцев в достижении своих целей».

В этой связи Даллам провел аналогию с венгерскими событиями 1956 г., когда американцы «были вынуждены отступить, столкнувшись с твердой позицией СССР, опиравшегося на свою силу в этом районе».

В свою очередь вечером на официальном приеме советский военный атташе Дубовик сообщил, что советским кораблям дан приказ продолжать движение через рубеж блокады независимо от последствий.

В подобной обстановке американский президент отдал приказ о мобилизации 150 тысяч резервистов, на что имелось решение конгресса США еще в начале октября, правда, на случай обострения обстановки вокруг Берлина.

В район южнее Кубы было направлено 135-е оперативное соединение во главе с авианосцем «Энтерпрайз», а в непосредственный резерв был назначен авианосец «Индепенденс». Всего же в операции приняли участие 46 кораблей (из них 8 — авианесущих) и 240 самолетов. Были выделены также противолодочные силы для перехвата советских подводных лодок.

Советские суда сопровождали семь дизельных ударных подлодок, каждая из которых имела на вооружении три ракеты Р-13 с ядерными боеголовками мощностью 1,5 мегатонны и торпеды с ядерными боезарядами в 8—10 килотонн. Однако необходимость частых всплытий для зарядки аккумуляторных батарей, для сеансов связи и определения местонахождения явилась причиной того, что шесть из них были вскоре обнаружены американскими противолодочными силами.

Это впоследствии стало предметом тщательного разбора у первого заместителя министра обороны СССР маршала А. Гречко. Выяснилось, что большинство руководителей Министерства обороны считали, будто в Карибское море были направлены не дизельные, а атомные подводные лодки, не нуждавшиеся во всплытии.

На Кубе ракетный полк полковника Бандиловского Н.Ф. и второй дивизион ракетного полка подполковника Соловьева Ю.А. были приведены в боевую готовность.

Кульминация

26 октября

Несмотря на то, что американцам удалось достоверно узнать о наличии на острове советского ядерного оружия, вплоть до 26 октября 1962 г., Н. Хрущев в переписке настойчиво заверял американского президента в отсутствии такового на кубинской территории.

Дж. Кеннеди, подозревая Хрущева в тайных, агрессивных замыслах относительно США, отдал распоряжение завершить подготовку вторжения на остров. Одновременно он дал госдепартаменту США указание начать подготовку к выполнению чрезвычайной программы, предусматривавшей установление гражданского правления на Кубе после вторжения на остров и его оккупации.

Режим морской блокады в целом не изменился. В 180 милях северо-восточнее Багамских островов двумя эсминцами США был остановлен грузовой пароход под ливанским флагом «Мариула», зафрахтованный СССР. На него была высажена невооруженная группа, которая после досмотра судна пропустила его на Кубу. Этим шагом подчеркивалось, что не пропускаются только суда, имеющие на борту наступательное оружие.

В беседе Р. Кеннеди с советским послом прозвучало явное предупреждение о возможности вторжения на остров: если ситуация не изменится, через два дня США будут вынуждены предпринять решительные действия.

С целью урегулирования кризиса Москва подключила все доступные коммуникационные каналы, в том числе неофициальные. Днем того же дня советник посольства СССР в США и одновременно руководитель резидентуры КГБ в американской столице А. Феклисов (псевдоним «Александр Фомин» или «мистер „Х“») установил контакт с дипломатическим корреспондентом Американской радиовещательной компании Дж. Скали, имевшим хорошие связи в высших американских сферах. Фомин предложил передать американскому руководству следующие предложения: Советский Союз готов вывести ракеты с Кубы и провести демонтаж ракетных баз под контролем ООН. На Кубу больше не будет поставляться наступательное оружие. В ответ США снимают морскую блокаду и берут на себя публичное обязательство не вторгаться на Кубу.

Ответ Фомину Скали передал после консультаций с государственным секретарем Раском в 19.35. В нем указывалось, что американцы «готовы обсудить предложения, но время не ждет»¹⁶⁵.

Главы Советского Союза и Соединенных Штатов обменивались конфиденциальными письмами и через советника по вопросам печати при посольстве СССР в Вашингтоне Г. Большакова. Он регулярно встречался с братом президента США Р. Кеннеди, передавая ему необходимую информацию о «намерениях советской стороны».

Тем временем на Кубе продолжалась подготовка к боевым действиям.

В этот день на совещании у начальника генерального штаба РВС Кубы Ф. Кастро дал оценку сложившейся обстановки и особенно непрерывным полетам американских самолетов над кубинской территорией: «Куба не признает бандитское, пиратское право никакого военного самолета нарушать свое воздушное пространство, так как это наносит существенный ущерб ее безопасности и создает предпосылки для нападения на нашу территорию.

Это неотъемлемое законное право на оборону, и следовательно, любой боевой самолет, вторгшийся в кубинское воздушное пространство, подвергается риску попасть под наш оборонительный огонь»¹⁶⁶.

Вечером того же дня по инициативе кубинцев в штабе ГСВК состоялось совещание кубинского военно-политического руководства и командования советских войск. Было решено открывать огонь по боевым американским самолетам, вторгавшимся в воздушное пространство Кубы. Советские командиры, включая командиров ракетных частей, доложили о готовности вверенных им воинских формирований к боевым действиям. На этом же совещании советское и кубинское командование пришло к выводу о том, что, по всей видимости, США нанесут воздушный удар в период 27—29 октября.

¹⁶⁵ Феклисов А.С. За океаном и на острове. М.: «ДЭМ», 1994. С. 225.

¹⁶⁶ Цит. по: На краю пропасти... С. 105.

Свою оценку сложившейся обстановки Ф. Кастро изложил в письме Хрущеву, которое попало в Кремль только на следующий день. В письме говорилось:

«Из анализа обстановки и имеющихся у нас сведений считаю, что агрессия почти неизбежно произойдет в ближайшие 24—72 часа. Возможны два варианта: первый и наиболее вероятный состоит в воздушной атаке определенных объектов с ограниченной целью уничтожить их; второй, менее вероятный, хотя и возможный, — вторжение.

Понимаю, что осуществление второго варианта потребовало бы огромного количества сил и, кроме того, это самая отвратительная форма агрессии, что может удержать их от этого.

Если произойдет второй вариант и империалисты вторгнутся на Кубу с целью ее оккупации, то подобная агрессивная политика несет в себе такую угрозу человечеству, что после этого события Советский Союз должен всячески препятствовать созданию условий, при которых империалисты могут первыми нанести по нему ядерный удар»¹⁶⁷.

Схожей оценки событий придерживалось и командование ГСВК. Генерал армии И.А. Плиев докладывал в Москву:

«По имеющимся данным, разведкой США установлены некоторые районы расположения объектов тов. Стаценко (командир 43-й ракетной дивизии). Командование стратегической авиацией США отдало приказ о полной боевой готовности всех своих авиационных стратегических соединений.

По мнению кубинских товарищей, удар авиации США по нашим объектам на Кубе следует ожидать в ночь с 26 на 27 октября или на рассвете 27 октября 1962 г. Фиделем Кастро принято решение сбивать американские боевые самолеты зенитной артиллерией в случае их вторжения на Кубу.

Многу приняты меры к рассредоточению техники в границах ОПр и усилению маскировки. Принято решение в случае ударов по нашим объектам со стороны американской авиации применить все имеющиеся средства ПВО»¹⁶⁸.

Видимо, именно в этот момент, осознав всю катастрофичность возможных событий, Хрущев окончательно смирился с неизбежностью компромисса. Теперь главным лейтмотивом в его посланиях стал призыв к благоразумию с обеих сторон. В письме американскому президенту звучало:

«Я вас заверяю, что на тех кораблях, которые идут на Кубу, нет вообще никакого оружия. То оружие, которое нужно было для обороны Кубы, уже находится там. Я не хочу сказать, что перевозок оружия вообще не было. Нет, такие перевозки были. Но сейчас Куба уже получила необходимые средства для обороны.

Вы когда-то говорили, что Соединенные Штаты не готовят вторжение. Но Вы заявляли и о том, что сочувствуете кубинским контрреволюционным эмигрантам, поддерживаете их и будете помогать им в осуществлении их планов против нынешнего правительства Кубы.

Ни для кого не секрет также, что над Кубой постоянно висела и продолжает висеть угроза вооруженного нападения, агрессии. Только это и побудило нас откликнуться на просьбу кубинского правительства и предоставить ему помощь для

¹⁶⁷ Цит. по: На краю пропасти... С. 105—106.

¹⁶⁸ Цит. по: На краю пропасти... С. 105—106.

укрепления обороноспособности этой страны»¹⁶⁹.

И наконец, в этот день Москва официально заявила, что если США откажутся от нападения на Кубу и снимут карантин, то СССР со своей стороны будет готов дать заверение, что советские суда не станут доставлять на остров какое-либо оружие. Более того, отпадет необходимость в пребывании на Кубе советских военных специалистов.

В Вашингтоне подобная тональность была воспринята с пониманием и с облегчением. Крупный военно-политический выигрыш явно оставался за США.

Но не успели американцы еще сформулировать свой ответ, как Советский Союз выдвинул новое условие: вывод советского наступательного оружия с Кубы должен сопровождаться ликвидацией базы американских ракет «Юпитер» в Турции.

На Кубе тем временем продолжались военные приготовления. С целью сокращения времени на подготовку первого залпа головные части ракет в ядерном снаряжении из места складирования были доставлены в позиционный район советского ракетного полка полковника Сидорова И.С.

27 октября

Удара авиации Соединенных Штатов по кубинским и советским объектам ожидали в ночь с 26 на 27 октября или с рассветом 27-го.

Рано утром в 3.00 Ф. Кастро приехал в советское посольство и сообщил, что вечером 26 октября он получил послание президента Бразилии Гуларта. В нем говорилось, что если ракетные установки на Кубе не будут демонтированы в течение 48 часов, то США их уничтожат, причем американский удар по базам, расположенным на Кубе, даже при использовании обычной авиации может быть нанесен через несколько минут после вылета самолетов со своих аэродромов, так что зенитная артиллерия не успеет ничего сделать. Тем не менее, заявил Кастро, он принял решение сбивать американские самолеты огнем зенитной артиллерии.

Генерал армии И. Плиев также отдал указание о применении «всех имеющихся средств ПВО» в случае необходимости. В зенитные части ушла шифротелеграмма, в которой разрешалось применять оружие «в случае явного нападения».

О моральном настрое советских военнослужащих в этот драматический период отзывался впоследствии генерал А.И. Грибков:

«Особо хочется сказать о поведении в те напряженные дни наших солдат, сержантов и офицеров. Они готовились вместе с кубинцами сражаться, с честью выполнить свой интернациональный долг. В беседах с личным составом чувствовался боевой настрой. Несмотря на трудные климатические условия — тропические ливни и неимоверную жару, — не слышно было роптаний. Все были готовы защищать Кубу так же, как свою Родину. В который раз приходилось убеждаться, что советский солдат, куда бы ни забросила его судьба, всегда оставался мужественным, терпеливым, находчивым, неунывающим бойцом»¹⁷⁰.

Ситуация обострилась до предела. По словам тогдашнего помощника Председателя Совета Министров СССР О. Трояновского, «нервы были натянуты до предела, одна искра могла вызвать взрыв»¹⁷¹.

¹⁶⁹ Громыко А.А. Внешняя политика США: уроки и действительность. 60—70-е годы. М., 1978. С. 77—78.

¹⁷⁰ Операция «Анадырь». С. 48.

¹⁷¹ «Международная жизнь». 1992. № 3—4. С. 176.

Обеспокоенность кубинского лидера нашла отражение в его ответе на личное послание У Тана, в котором указывалось, что Куба готова обсудить все необходимые вопросы с США и сделать в сотрудничестве с ООН все от нее зависящее, чтобы разрешить существующий кризис.

К этому времени на существенные уступки был готов и Н. Хрущев.

В отношении стратегических ядерных сил из Москвы поступило жесткое указание: боевое применение ракетной дивизии осуществлять только с личного разрешения Верховного главнокомандующего, тактические ракеты «Луна» с ядерными боеголовками применять исключительно в случае высадки десантов противника на кубинскую территорию.

Одновременно из Кремля было заявлено, что Советский Союз готов вывезти ракеты с Кубы, но при одном обязательном условии: американское правительство согласится уважать неприкосновенность границ Кубы и обязуется не осуществлять в отношении нее агрессии. Был вновь поставлен и вопрос о равноценном выводе американских ракет из Турции. Вот как об этом говорилось в послании Хрущева, которое, судя по характерному стилю, он не только редактировал, но и лично писал:

«Вы хотите обезопасить свою страну, и это понятно. Но этого же хочет и Куба; все страны хотят себя обезопасить. Но как же нам, Советскому Союзу, нашему правительству оценивать ваши действия, которые выражаются в том, что вы окружили военными базами Советский Союз, окружили военными базами наших союзников, расположили военные базы буквально вокруг нашей страны, разместили там свое ракетное вооружение?

Это не является секретом. Американские ответственные деятели демонстративно об этом заявляют. Ваши ракеты расположены в Англии, расположены в Италии и нацелены против нас. Ваши ракеты расположены в Турции.

Вас беспокоит Куба. Вы говорите, что беспокоит она потому, что находится на расстоянии от берегов Соединенных Штатов Америки 90 миль по морю. Но ведь Турция рядом с нами, наши часовые прохаживаются и поглядывают один на другого.

Вы что же, считаете, что Вы имеете право требовать безопасности для своей страны и удаления того оружия, которое Вы называете наступательным, а за нами этого права не признаете.

Вы ведь расположили ракетное разрушительное оружие, которое Вы называете наступательным, в Турции, буквально под боком у нас. Как же согласуется тогда признание наших равных в военном отношении возможностей с подобными неравными отношениями между нашими великими государствами? Это никак невозможно согласовать.

Поэтому я вношу предложение: мы согласны вывезти те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными средствами. Согласны это осуществить и заявить в ООН об этом обязательстве.

Ваши представители сделают заявление о том, что США со своей стороны, учитывая беспокойство и озабоченность Советского государства, вывезут свои аналогичные средства из Турции.

Давайте договоримся, какой нужен срок для вас и для нас, чтобы это осуществить.

И после этого доверенные лица Совета Безопасности ООН могли бы проконтролировать на месте выполнение взятых обязательств.

Разумеется, от правительства Кубы и правительства Турции необходимо разрешение этим уполномоченным приехать в их страны и проверить выполнение этого обязательства, которое каждый берет на себя. Видимо, было бы лучше, если бы эти уполномоченные пользовались доверием и Совета Безопасности, и нашим с вами — США и Советского Союза, а также Турции и Кубы. Я думаю, что, видимо, не встретит трудностей подобрать таких людей, пользующихся доверием и уважением всех заинтересованных сторон.

Мы, взяв на себя это обязательство с тем, чтобы дать удовлетворение и надежду народам Кубы и Турции и усилить их уверенность в своей безопасности, сделаем в рамках Совета Безопасности заявление о том, что Советское правительство дает торжественное обещание уважать неприкосновенность границ и суверенитета Турции,

не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться в Турцию, не представлять свою территорию в качестве плацдарма для такого вторжения, а также будет удерживать тех, кто задумал бы осуществить агрессию против Турции как с территории Советского Союза, так и с территории других соседних с Турцией государств.

Такое же заявление в рамках Совета Безопасности даст американское правительство в отношении Кубы. Оно заявит, что США будут уважать неприкосновенность границ Кубы, ее суверенитет, обязуются не вмешиваться во внутренние дела, не вторгаться сами и не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для вторжения на Кубу, а также будут удерживать тех, кто задумал бы осуществить агрессию против Кубы как с территории США, так и с территории других соседних с Кубой государств.

Находящиеся на Кубе средства, о которых Вы говорите и которые, как Вы заявляете, Вас беспокоят, находятся в руках советских офицеров. Потому какое-либо случайное использование их во вред Соединенным Штатам Америки исключено.

Эти средства расположены на Кубе по просьбе кубинского правительства и только в целях обороны. Поэтому если не будет вторжения на Кубу или же нападения на Советский Союз или других наших союзников, то, конечно, эти средства никому не угрожают и не будут угрожать. Ведь они не преследуют цели нападения»¹⁷².

Текст этого письма Председателя Совета министров СССР был передан в американское посольство в 17.00. Однако напряженность момента была настолько высокой, что Хрущев принял решение одновременно передать его на английском языке по московскому радио.

Несмотря на примирительный характер письма Хрущева, ответ Белого дома был достаточно сдержанным, если не сказать жестким. Вопрос об американских ракетах в Турции выводился за рамки переговоров на том основании, что проблемы безопасности Западного полушария и Европы не взаимосвязаны. Подчеркивалось, что решение всех других проблем возможно только после урегулирования Карибского кризиса.

Пространство для компромисса, однако, явно расширилось.

Но вскоре этот с таким трудом налаживаемый переговорный процесс едва не был сорван. В этот день было зафиксировано восемь нарушений воздушного пространства Кубы американскими самолетами. Кубинские зенитчики сбили один из истребителей Ф-104, летевший на малой высоте. В тот же день над Кубой был сбит самолет У-2, совершавший разведывательный полет. Летчик майор ВВС США Р. Андерсон погиб. Решение на уничтожение самолета было принято генерал-лейтенантом С.Н. Гречко, заместителем командующего ГСВК по ПВО. Самолет, летевший на высоте 21 км, был сбит первой же ракетой С-75 (ЗРК «Десна») дивизионом под командованием майора И. Герченова, который нес боевое дежурство в районе города Банес¹⁷³.

Генерал армии И. Плиев во время доклада о происшествии пришел в ярость: накануне он запретил открывать огонь без его личного разрешения. Однако, по свидетельству генерал-майора в отставке Л.С. Гарбуза, заместителя ГСВК по боевой подготовке, также высказавшегося за уничтожение самолета, «решение на пресечение полета определялось оперативно-стратегической необходимостью не допустить получения руководством США сводных разведданных о ракетной группировке». В войсках тогда доминировало мнение: высадка американского десанта на остров неизбежна.

Как бы то ни было, об инциденте надо было докладывать в Москву. Министр обороны маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, узнав о случившемся, сдержал свой гнев. Его обратная шифротелеграмма содержала только одну фразу: «Вы поторопились».

Но реакция Хрущева была значительно более острой.

Сначала он думал, что самолет сбит самими кубинцами, и в шифротелеграмме Кастро, посланной 28 октября, в достаточно резкой форме обвинил в этом кубинские ПВО. Затем он

¹⁷² На краю пропасти... С. 109—110.

¹⁷³ Ростов М. Жаркое лето 62-го// Севастопольская новая газета. 1997. № 8.

решил, что самолет сбит советскими войсками, но по личному указанию Кастро.

Инцидент действительно мог иметь самые серьезные последствия. Президент США и его советники пришли к выводу, что все эти действия являются звеньями одной продуманной стратегии Москвы, свидетельствующей о намерении Хрущева занять самую жесткую позицию, вплоть до развязывания войны.

Д. Раск вспоминал, что все члены исполнительного комитета были крайне обеспокоены «возможностью того, что Хрущев может ответить полномасштабным ядерным ударом; что он может находиться в такой ситуации, что не способен контролировать свое собственное Политбюро, независимо от того, какими являются его личные взгляды...»¹⁷⁴

В исполнительном комитете СНБ США сразу возобладала позиция «ястребов». Американцы знали, что у кубинской ПВО отсутствует необходимое ракетное вооружение для поражения высотных целей. Значит, решение на поражение самолета могло быть принято только в Москве. Значит, Кремль с высокой степенью вероятности решился на ведение военных действий. Исполнительный комитет с редким единодушием стал склоняться к целесообразности нанесения упреждающих ударов по пусковым установкам советских ракет.

Хладнокровие в этой обстановке проявил американский президент. Настойчивое предложение о бомбардировке было им отклонено. Кеннеди, подводя итоги дискуссии, прозорливо заметил, что его беспокоит не первый шаг к эскалации, а то, что «обе стороны пойдут на четвертый и пятый, но не дойдут до шестого, так как его уже некому будет сделать».

Результатом совещания стал визит Р. Кеннеди в советское посольство в Вашингтоне. Министр юстиции США сообщил советскому послу, что в результате инцидента с У-2 обстановка усугубилась. На президента оказывается сильный нажим, с тем чтобы он отдал приказ отвечать огнем на огонь. В то же время США не могут прекратить разведывательные полеты, так как это единственное средство контроля за строительством стартовых позиций баллистических ракет на Кубе. Одновременно он высказал предложение о начале переговоров по урегулированию кризиса на базе советских предложений от 26 октября и ответного письма американской стороны. Р. Кеннеди заявил: «Правительство США готово дать заверения, что никакого вторжения на Кубу не будет, и все страны Западного полушария готовы дать аналогичные заверения». Советский посол, придерживаясь инструкций из Москвы, вновь поднял вопрос о необходимости «бартерной» сделки: советские ракеты на Кубе в обмен на американские в Турции. На это Р. Кеннеди заметил, что президент не видит непреодолимых трудностей в разрешении этой проблемы, но американские ракеты находятся в Турции по решению НАТО, и для проведения необходимых переговоров и дальнейшей эвакуации ракет потребуется не менее 4—5 месяцев.

Тем временем одновременно с кубинской едва не произошла другая трагическая «случайность». Американский разведывательный самолет У-2 нарушил теперь уже воздушное пространство СССР. Он следовал на базу после облета Северного Ледовитого океана и, по американской версии, сбился с курса из-за плохой погоды. Навстречу «заблудившемуся» с разных направлений вылетели советские и американские истребители. К счастью, выдержки у советских и американских летчиков хватило и в бой они не вступили. В сопровождении американских истребителей У-2 повернул на Аляску.

Если данный полет и был случайностью, он тем не менее мог иметь самые трагические последствия. Расценив этот шаг как разведку перед началом широкомасштабных военных действий, Советское правительство могло поднять даже вопрос о необходимости нанесения упреждающего удара.

Сообщение о сбитом У-2 и послание Ф. Кастро о возможном начале американской агрессии в ближайшие 24—72 часа стали последней каплей для встревоженного Н. Хрущева. Он понял, что больше медлить нельзя.

В Вашингтон ушло срочное послание: после официального подтверждения согласия США с большинством советских условий Советский Союз готов вывести ядерное оружие с Кубы.

Именно этот день вошел в историю как кульминация Карибского кризиса, когда мир был

¹⁷⁴ Interview. Dean Rusk by James Blight. Athens, Ga. 1987. 18 May.

на волосок от термоядерной катастрофы.

Была ли возможна ядерная катастрофа?

Вероятность трагического исхода Карибского кризиса сохранялась по разным причинам вплоть до последних дней напряженности.

Во-первых, война могла возникнуть из-за нелепой случайности.

Такой случайностью могло бы стать, например, уничтожение советскими средствами ПВО 27 октября американского самолета-нарушителя У-2.

Сценарий «случайного» развязывания войны досконально обсуждался в исполнительном комитете СНБ США. Большинство участников дискуссии пришли к мысли, что Советский Союз и Куба готовы развязать войну. Один из членов комитета, Т. Соренсен, вспоминал:

«Наша маленькая группа, беспрерывно заседавшая за столом в эту субботу, чувствовала, что ядерная война в этот день ближе, чем когда-либо в ядерную эпоху. Если советские корабли будут продолжать продвижение, если ракеты ПВО будут продолжать огонь, если оборудование ракетных позиций будет продолжаться и если Хрущев будет продолжать настаивать на уступках, приставив пистолет к виску — тогда, как все мы верили, — Советы хотят войны, война будет неизбежна»¹⁷⁵.

Выдвигались даже фантастические предположения. Так, Д. Раск вспоминал: «Мы размышляли над ситуацией Хрущева: не может ли какой-нибудь советский генерал или член Политбюро приставить пистолет к хрущевской голове и сказать: господин председатель, запускайте эти ракеты или мы вам выпустим мозги наружу»¹⁷⁶.

Именно в этот день, 27 октября, 51-я ракетная дивизия была способна нанести ракетно-ядерный удар со всех 24 стартовых позиций. Имевшийся боезапас обеспечивал полтора залпа. Правда, по компетентной информации генерала армии А. Грибкова, «из 36 ракет средней дальности только половина была подготовлена для заправки горючим, окислителем и стыковки с головными частями. Ни одной ракете не вводилось полетное задание»¹⁷⁷.

В накаленной атмосфере тех дней было предостаточно и других возможностей для возникновения трагических случайностей. Это и передача полковником О.В. Пеньковским в момент ареста в ночь с 22 на 23 октября установленного сигнала «Начинается война»; и приведение 22 октября 15 ракет «Юпитер», размещенных в Турции, в готовность к пуску; и переданный 24 октября приказ генерала Т. Пауэра, возглавлявшего САК США, на приведение подчиненных частей в состояние полной боевой готовности.

Находившиеся на вооружении противостоявших группировок сторон тактические ядерные ракеты «Луна» и «Онест Джон» могли быть применены и по санкции командующих этими группировками, которые, естественно, руководствовались непосредственными оперативно-тактическими соображениями, а не политическими расчетами.

Так, в советской группировке позиции дивизионов тактических ракет «Луна» заранее были «привязаны» в топографическом отношении к наиболее вероятным направлениям высадки морских десантов противника будут предназначены для нанесения ударов по десантам противника при подходе их непосредственно к берегу, а также при сосредоточении на плацдармах. Право выбора объектов для удара предоставлялось командирам мотострелковых полков. Окончательный приказ на нанесение ядерных ударов ракетами «Луна» мог принять

¹⁷⁵ Sorensen. Kennedy... P. 714.

¹⁷⁶ Rusk. As I Saw It... P. 238.

¹⁷⁷ «Военно-исторический журнал». 1993. № 1. С. 9.

генерал И.А. Плиев.

Когда Н.С. Хрущев в присутствии Р.Я. Малиновского и С.П. Иванова инструктировал будущего командующего войсками Группы генерала армии И.А. Плиева, встал вопрос о применении тактических ракет с ядерными боеголовками. После некоторого раздумья Хрущев как глава правительства и Верховный главнокомандующий дал право командующему Группой использовать ракеты «Луна» по своему усмотрению при непосредственной обороне острова, подчеркнув, что в этом случае он обязан хорошо взвесить обстановку и только тогда принять решение, что в столь серьезном вопросе не должно быть спешки. Это право дается ему на случай, если будет отсутствовать связь с Москвой¹⁷⁸.

Наконец, американская авиация, как разведывательная, так и истребительная и штурмовая, ежедневно висела над островом, иногда на высотах 100—200 метров. В воздухе ежечасно находились сотни самолетов. Гул моторов сотрясал воздух, создавалось впечатление массированного воздушного налета с бомбометанием на советские объекты. При этом американцы вели психологические атаки. Нередко летчики открытым текстом запрашивали свой командный пункт: «Когда будем наносить удар по Кубе?»¹⁷⁹

К счастью, «случайный» вариант перерастания кризиса в ядерную войну в тех условиях не реализовался. Мужества, благоразумия и выдержки хватило как той, так и другой стороне.

Во-вторых, война могла начаться по вине политических «ястребов» в руководстве США.

Силовой вариант разрешения кризиса — нанесение воздушного удара по советским позициям на Кубе — доминировал на заседаниях исполнительного комитета в Вашингтоне. Д. Ачесон, П. Нитце, Дж. Маккоун, Д. Диллон, М. Тейлор и другие заседавшие в нем авторитетные и влиятельные политики вплоть до последнего дня кризиса продолжали считать, что Советский Союз не осмелится ответить даже в том случае, если советские ракеты на Кубе подвергнутся атаке. Требования нанести воздушный удар звучали даже после того, как Москва согласилась убрать свои ракеты с острова¹⁸⁰.

Ряд видных американских политиков после завершения кризиса подверг резкой критике уступчивость и мягкотелость Дж. Кеннеди. Так, У. Ростоу и П. Нитце в официальном меморандуме, подготовленном в феврале 1963 г., утверждали, что главной ошибкой президента и его советников была «чрезмерная озабоченность опасностью возникновения ядерной войны»¹⁸¹.

Однако американские «ястребы» глубоко и опасно заблуждались, критикуя своего президента за мягкотелость. Они не знали истинной боевой мощи советской группировки на острове. Американской военной разведкой вместо реальных 42 тысяч в Вашингтон докладывалось только о 10 тысячах советских военных советников и специалистов. Они недооценивали также решимость советского военно-политического руководства ответить ударом на удар, если обстановка окажется безвыходной. В случае не то что вторжения на остров, а даже одного воздушного удара по советским позициям Москва была бы просто вынуждена ответить, несмотря на самоубийственность этого шага.

Сразу же после кризиса А. Микоян, беседуя с Ф. Кастро, заявил:

«Мы не смогли бы воздержаться от ответа на агрессию против США. Это нападение означало бы нападение на нас обоих, потому что здесь, на Кубе, были развернуты советские войска и стратегические ракеты. Столкновение неизбежно

¹⁷⁸ Операция «Анадырь». С. 14.

¹⁷⁹ Там же. С. 101.

¹⁸⁰ A. Schlesinger, Jr. Robert Kennedy and His Times. Boston: Houghton, Mifflin, 1978. P. 524.

¹⁸¹ E. Weintal and Ch. Bartlett. Facing the Brink: An intimate Study of Crisis Diplomacy. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1967. P. 54—55.

привело бы к ядерной войне»¹⁸². В свою очередь генерал армии А.И. Грибков утверждал, что советские военные были готовы использовать ракеты против американских сил вторжения, если бы «американские корабли подошли на расстояние 10—12 миль к кубинскому побережью, когда их концентрация была наиболее высокой»¹⁸³. Сам министр обороны США Р. Макнамара считал, что в случае вторжения на остров «существует, по крайней мере, 50-процентная вероятность советского военного ответа за пределами Кубы»¹⁸⁴.

После кризиса распространилась версия о том, что Ф. Кастро призывал Кремль к нанесению превентивного ядерного удара по территории США. Это было не так. Советский посол А.И. Алексеев подтвердил, что Кастро ни разу не обращался к нему с таким предложением, но, правда, несколько раз предостерегал его, что американцы, зная советский принцип не применять первыми ядерное оружие, могут пойти на любую авантюру, в том числе и на нанесение ядерного удара.

Наконец, в-третьих, ядерный конфликт мог возникнуть как результат взаимного непонимания.

Ни советская, ни американская сторона не учитывала национально-психологические особенности и менталитет своего оппонента. Вжиться в образ противостоящей стороны, понять мотивы поведения друг друга, учесть позицию своего оппонента не могли ни Кеннеди, ни Хрущев. Они оба, каждый по-своему, находились в плену идеологических стереотипов «холодной войны». Сам тип их мышления и соответственно политического поведения был резко конфронтационный, бескомпромиссный, и преодолеть все это обеим сторонам оказалось очень сложно.

Лишь в самый разгар кризиса Хрущев осознал свой просчет, предполагая, что американцы поведут себя узкопрагматично и поэтому вынуждены будут смириться с присутствием советских войск на Кубе. Кеннеди же всегда был уверен, что Хрущев непредсказуем и способен пойти на развязывание военных действий. Поэтому он был уверен, что уничтожение 27 октября над Кубой самолета У-2 было произведено именно с санкции Хрущева. О том, что самолет был сбит без санкции центра по приказу командующего ПВО Группы советских войск на Кубе генерала Гречко С.Н. и заместителя командующего Группой войск генерала Гарбуза Л.С., стало известно только 15 лет спустя.

Наконец, в ночь на 27 октября в исполнительный комитет из ФБР поступила тревожная информация, что «советский дипломат в Нью-Йорке начал готовить важные документы к уничтожению в ожидании неизбежной войны»¹⁸⁵. Движение советских кораблей к линии блокады продолжалось.

Вновь возник соблазн нанесения превентивного удара, тем более что на нем в США настаивали не только военные.

Демонтаж

28 октября

Телеграмма американского президента от 27 октября пришла в Москву из-за разницы во времени лишь 28 октября 1962 г. Она была сразу обсуждена на заседании Президиума ЦК

¹⁸² International Affairs (Moscow). No. 10. Oct. 1992. P. 116.

¹⁸³ J. A. Nathan, ed. The Cuban Missile Crisis Revisited. N.Y.: St. Martin's Press, 1992. P.67.

¹⁸⁴ J. G. Blight and D. A. Welch, On the Brink: Americans and Soviets Reexamine the Cuban Missile Crisis. New York: Hill and Wang, 1989. P. 192.

¹⁸⁵ R. F. Kennedy. Thirteen Days: A memoir of the Cuban Crisis. N.Y.: Norton, 1969. P.93.

КПСС. Здесь же под прямую диктовку Н. Хрущева составлялся ответ. Не дожидаясь, когда послание будет получено в Вашингтоне, текст передали по московскому радио. В нем подтверждалась готовность советской стороны выполнять взятые на себя обязательства для разрешения Карибского кризиса и вместе с тем выражалась решимость СССР продолжать помощь Кубе в борьбе с агрессией.

Основа для компромисса была найдена.

Просчет советских лидеров в этот критический момент состоял в том, что руководство Кубы, ради укрепления обороноспособности которой и была затеяна вся эта рискованная акция, вплоть до самого последнего момента оставалось в неведении о происходящих переговорах. Кубинское правительство, как и рядовые граждане СССР, узнали о советско-американской договоренности из сообщения Московского радио утром 28 октября. Советское посольство на Кубе, само пребывая в неизвестности, не могло ни подтвердить, ни опровергнуть текст послания. Реакция Ф. Кастро, с которым обошлись как со статистом в большой политической игре, была резко отрицательной.

Лишь к полудню ему было передано короткое послание Хрущева, в котором содержалась просьба отложить выполнение приказа об открытии огня по низколетящим американским самолетам, так как это может привести к срыву достигнутых с Кеннеди договоренностей. Но еще до получения послания Хрущева Кастро провел совещание военно-политического руководства, в ходе которого прокомментировал радиозаявление советского правительства о выводе с Кубы ракет стратегического назначения:

«1. Решение Советского правительства непонятно народу, вызвало болезненную реакцию у него, а также у ряда представителей руководящего состава Кубы. Революционный дух народа в настоящее время высок как никогда, даже выше, чем во время вторжения на Плайя-Хирон.

2. Советское правительство ни в какой форме не посоветовалось с правительством Кубы, прежде чем принять свое решение, хотя определенные соображения были направлены Н.С. Хрущеву в письме несколько дней тому назад. Перед размещением ракет были детальные переговоры по этому вопросу.

3. Очевидно, была допущена политическая ошибка, когда СССР выдвинул требование вывести подобные средства из Турции и через несколько дней отказался от этого требования.

4. Мировой общественности может показаться, что в критический момент социалистический лагерь пошел на уступки империализму, хотя мы хорошо знаем положение Ленина о необходимости компромиссов.

5. При решении вопроса о посылке и размещении ракет на Кубе преследовались две цели: защита интересов кубинской революции и интересов всего социалистического лагеря. В связи с этим отрицательные моменты принятого решения ни в какой степени не могут сравниться с теми политическими победами, которые может одержать социалистический лагерь в результате дальнейших переговоров: проблема запрещения испытаний атомного оружия, решение берлинской проблемы, переговоры НАТО и Варшавского Договора.

6. В результате, если выдвинутые требования найдут положительное решение, а я надеюсь, что так и будет, то выиграет весь социалистический лагерь, выиграет Куба, выиграет все прогрессивное человечество, будет обеспечен мир. Выиграет и лично Кеннеди, которого Н.С. Хрущев уже несколько раз спасал из критического положения, а этим решением обеспечил ему победу на предстоящих выборах в конгресс и даже на второй президентский срок.

7. Куба ничего не потеряет от того, что будут выведены ракеты, более того — она выиграет.

8. Создавшееся положение надо использовать для того, чтобы перед всем миром поставить вопрос о необходимости разрешения главных проблем, сформулированных правительством Кубы: снятие экономической блокады, прекращение подрывной деятельности со стороны США и стран Латинской Америки, прекращение пиратских налетов, прекращение полетов военной авиации над территорией Кубы и вывод войск из ВМБ Гуантанамо.

9. Нам не представится в будущем более удобный случай для того, чтобы требовать ликвидации базы Гуантанамо. Вряд ли американцы пойдут на это. Однако надо требовать и настаивать на том как можно дольше и решительнее. Если США потребуют инспекции при выводе всех советских установок, мы согласимся на это только при одном условии — ликвидация базы Гуантанамо, и никому не пойдём на уступки в этом вопросе.

10. Оставить на будущее в силе приказ сбивать самолеты, нарушающие воздушное пространство Кубы.

11. Вооруженным силам и впредь быть бдительными, сохранять боеспособность, так как в случае агрессии мы должны будем решать вопрос защиты Кубы сами.

12. Следует разъяснять народу смысл принятых решений, терпеливо объяснять, что положительные результаты этого решения СССР обнаружатся не завтра и не через месяц, а, возможно, через 5—6 месяцев упорной борьбы социалистического лагеря против империализма, для достижения успеха которой Куба сыграла немаловажную роль, хотя и болезненно переживает сейчас создавшееся положение»¹⁸⁶.

Вечером того же дня Ф. Кастро публично изложил кубинскую позицию по разрешению Карибского кризиса. В ней говорилось:

«...Не существует гарантий, о которых говорил Кеннеди, если, помимо обещанного снятия морской блокады, не будут реализованы следующие меры:

Первое. Прекращение экономической блокады и всех мер торгового и экономического давления, осуществляемого Соединенными Штатами против Кубы во всех частях света.

Второе. Прекращение всех подрывных действий, нелегального ввоза воздушным и морским путем оружия и взрывчатки, организации вторжения наемников, заброски шпионов и саботажа — всех подобных действий, осуществляемых с территории Соединенных Штатов и некоторых союзных с ними стран.

Третье. Прекращение пиратских нападений, осуществляемых с существующих баз в Соединенных Штатах и Пуэрто-Рико.

Четвертое. Прекращение всех нарушений воздушного и морского пространства американскими военными самолетами и кораблями.

Пятое. Эвакуация военно-морской базы Гуантанамо и возвращение кубинской территории, занятой Соединенными Штатами».

Это заявление, получившее название «пяти пунктов», содержало хотя внешне и жесткие, но достаточно сбалансированные требования и могло бы стать основой для политического торга с Вашингтоном.

Однако на остров уже пришла директива министра обороны СССР за № 76665, в которой приказывалось демонтировать стартовые позиции ракет, а 51-ю ракетную дивизию в полном составе передислоцировать в Советский Союз.

29 октября

Казалось, Хрущев в ответном письме американскому президенту от 28 октября поддержал требования Кастро, но из-за разницы во времени оно было передано в советское посольство в Вашингтоне лишь в 5.15 утра 29 октября.

В послании говорилось:

«Посол Добрынин сообщил мне о разговоре с Робертом Кеннеди, состоявшемся 27 октября. В этом разговоре Роберт Кеннеди сослался на то, что для Вас в настоящее

¹⁸⁶ Цит. по: На краю пропасти... С. 118—119.

время затруднительно публично обсуждать вопрос о ликвидации американских ракетных баз в Турции ввиду того, что размещение таких баз в Турции было оформлено решением Совета НАТО.

Была подчеркнута также готовность договориться и по этому вопросу, поставленному в моем послании к Вам от 27 октября. При этом Роберт Кеннеди сказал, что для изъятия таких баз из Турции потребовалось бы 4—5 месяцев.

Выражено было далее пожелание, чтобы продолжить обмен мнениями между Вами и мною поданному вопросу через посредство Роберта Кеннеди и совпосла и чтобы обмен мнениями по тому вопросу считать конфиденциальным.

Выражаю надежду, г-н Президент, что договоренность и по этому вопросу будет означать шаг, и притом далеко не маловажный, в деле разрядки международной напряженности и напряженности между двумя нашими державами.

А это в свою очередь может послужить хорошим толчком к решению других вопросов, касающихся как безопасности Европы, так и в целом международной обстановки.

Г-н Президент, кризис, который мы с Вами пережили, может вновь повториться. Это говорит о том, что надо решать вопросы, в которых заложено слишком много горячего материала.

Конечно, решать не сейчас. Видимо, требуется некоторое время, чтобы остыли страсти. Но откладывать решение этих вопросов нельзя, так как продолжение такого положения таит в себе много неизвестного и опасного».

В целом письмо Хрущева носило слишком общий, рекомендательный, ни к чему не обязывающий характер. Именно так оно и было воспринято в Вашингтоне. Было ясно, что Хрущев не готов яростно отстаивать кубинские интересы на краю пропасти.

Согласно инструкции из Москвы советский посол передал конфиденциальное послание Н. Хрущева Р. Кеннеди. Последний пригласил Добрынина на следующий день и сообщил ему, что президент США подтверждает свое согласие на вывоз американских ракет из Турции, но отказался зафиксировать соглашение в письменной форме, и поэтому письмо Хрущева возвращается послу. Добрынин принял его.

Позиции и рубежи, до которых могла отступить каждая из конфликтующих сторон, были обозначены уже 28 октября: США стремились вытащить советскую «ядерную занозу», СССР во что бы то ни стало намеревался отвести от Кубы угрозу вторжения и сохранить ее как независимое государство. С 29 октября по распоряжению из Москвы начался демонтаж стартовых позиций на Кубе. В последующие дни напряженность постепенно стала спадать: демонтаж не прошел для американской аэрофоторазведки незамеченным.

Для ведения переговоров в Нью-Йорк был направлен заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов. С американской стороны переговоры сначала вел постоянный представитель США при ООН А. Стивенсон, а затем сотрудник госдепартамента Дж. Маккоун. В них принял участие и У Тан, который посетил Кубу 30 и 31 октября 1962 г. 31 октября командир 51-й ракетной дивизии генерал-майор И.Д. Стаценко встретился с и.о. Генерального секретаря ООН У Таном и сообщил ему, что стартовые позиции на Кубе полностью демонтированы.

Послекризисное урегулирование было сфокусировано на решении трех принципиальных проблем: оформление гарантий ненападения на Кубу со стороны США; контроль за выполнением советских обязательств о вывозе наступательного оружия; и, наконец, снятие «морского карантина» Кубы.

Позиция американской стороны была изложена в аналитической записке госдепартамента в СНБ США 7 ноября 1962 г. В ней отмечалось, что США на первом этапе переговоров основной упор сделали на удалении с Кубы наступательного оружия, а не на будущей судьбе режима Ф. Кастро. Предлагалось заверить страны ОАГ, что обязательства не вторгаться на Кубу не гарантируют сохранения нынешнего кубинского правительства. Таким образом, основной задачей по-прежнему считалась не только ликвидация советского присутствия на Кубе, но и, по мере возможного, устранение режима Кастро. В этих целях в рамках ОАГ предлагалось проводить меры по изоляции Кубы и нанесению поражения коммунистам в

Латинской Америке. В записке содержались конкретные предложения по политике США в этом регионе мира: оказывать на Кубу давление с тем, чтобы сократить советское присутствие на ее территории и влияние СССР на Ф. Кастро; создавать угрозу на грани военного вмешательства, чтобы ликвидировать режим Ф. Кастро; осуществлять инспекции на кубинской территории и воздушную разведку над ней; настаивать на закрытии кубинских баз и территориальных вод для советских кораблей; вовлечь страны ОАГ в проведение мероприятий по подрыву доверия кубинского народа к Кастро.

Для решения существующих проблем Советский Союз и Куба выдвинули проект протокола, который предполагалось сделать официальным документом Совета Безопасности ООН. Он был вручен и.о. Генерального секретаря ООН У Тану 15 ноября 1962 г. Этот проект выглядел следующим образом:

«В настоящем протоколе зафиксирована договоренность, достигнутая между правительствами СССР, Республики Куба и Соединенных Штатов в результате обмена посланиями между Председателем Совета Министров СССР Н.С. Хрущевым и Президентом США Дж. Кеннеди, заявления Премьер-министра Республики Куба Ф. Кастро от 28 октября 1962 г., а также переговоров, проведенных между представителями указанных правительств при участии и.о. Генерального Секретаря ООН У Тана.

Раздел I

Статья 1

Правительство Соединенных Штатов отменяет все меры, которые оно ввело с 24 октября с.г. в отношении судов, направляющихся в Республику Куба.

Статья 2

Американские вооруженные силы, которые были сконцентрированы в юго-восточном районе США в связи с мероприятиями, проведенными США в районе Карибского моря, будут в кратчайшие сроки отведены.

Статья 3

Правительство Соединенных Штатов подтверждает свое заверение, сделанное Президентом США Дж. Кеннеди в послании Председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву от 27 октября, в отказе Соединенных Штатов от вторжения на Кубу и выражает уверенность в том, что другие страны Западного полушария будут готовы поступать подобным же образом. Правительство Соединенных Штатов будет удерживать тех, кто намеревается осуществить агрессию против Кубы с североамериканской территории.

Правительство Соединенных Штатов не будет также позволять, чтобы североамериканское оружие, проданное или переданное другим правительствам Латинской Америки, использовалось для агрессии против Кубы.

Статья 4

Соединенные Штаты будут строго уважать суверенитет Республики Куба, неприкосновенность ее границ, в том числе ее воздушное пространство и территориальные воды, и не будут вмешиваться во внутренние дела Республики Куба.

Статья 5

Правительство Соединенных Штатов заявляет, что оно примет необходимые меры и позаботится о том, чтобы была прекращена как на североамериканской территории, так и на территории других стран Западного полушария всякая подрывная деятельность против Республики Куба, отправка оружия и взрывчатых веществ по воздуху и морю, организация вторжения, засылка шпионов и диверсантов.

Статья 6

Правительство США не будут чинить препятствий осуществлению свободной торговли и иных экономических связей Республики Куба с другими странами.

Статья 7

Правительство США соглашается провести переговоры с правительством Республики Куба относительно эвакуации военно-морской базы в Гуантанамо.

Раздел II

Статья 8

Правительство СССР заявляет, что оно прекратило на территории Республики Куба всякие работы по размещению установок, предназначенных для запуска баллистических снарядов средней дальности действия с ядерными зарядами, демонтировало это оружие и возвратило его в Советский Союз.

Статья 9

Правительство СССР по взаимной договоренности сторон предоставило возможность правительству США удостовериться в том, что советская сторона выполнила обязательства по вывозу с Кубы оружия, указанного в ст. 8 настоящего Протокола.

Раздел III

Статья 10

Правительство Республики Куба заявляет о своем согласии с демонтажом и вывозом с территории Кубы оружия, о котором говорится в ст. 8 настоящего протокола.

Статья 11

Правительство Республики Куба вновь подтверждает, что основой его внешней политики является строгое соблюдение принципов Устава ООН, включая принцип невмешательства во внутренние дела других государств.

Раздел IV

Статья 12

Договаривающиеся стороны согласились принять план о присутствии ООН в районе Карибского моря путем организации постов наблюдения представителей этой организации, чтобы достигнуть выполнения целей настоящего соглашения. Этот план будет разработан в деталях и.о. Генерального Секретаря ООН при консультации с заинтересованными сторонами.

Статья 13

Достигнута договоренность, что по вопросам, связанным с дальнейшей нормализацией обстановки вокруг Кубы, а также по другим вопросам, затронутым в посланиях Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущевым, Президента Соединенных Штатов Дж. Кеннеди и в заявлении Премьер-министра Республики Куба Ф. Кастро от 28 октября 1962 г., будут продолжены переговоры между заинтересованными сторонами с целью выработки взаимоприемлемых решений.

Статья 14

Стороны согласились представить настоящий протокол Совету Безопасности для принятия соответствующих мер согласно Уставу ООН.

Протокол составлен ... ноября 1962 г. в Нью-Йорке, Соединенные Штаты Америки, на русском, английском и испанском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу.

По уполномочию правительства СССР

По уполномочию правительства Республика Куба

По уполномочию правительства США».

Однако американцы не собирались выполнять все положения этого документа.

Вывезти еще сложнее, чем ввезти...

Москва в эти дни столкнулась со сложной и деликатной проблемой — надо было восстанавливать испорченные отношения с Ф. Кастро. Было решено поручить щекотливое дело

одному из наиболее опытных переговорщиков — первому заместителю Председателя Совета Министров СССР А.И. Микояну.

Микоян не мог прилететь к Кастро с пустыми руками. По пути в Гавану его самолет приземлился в Нью-Йорке, где у него состоялась встреча с американским представителем в ООН Стивенсоном.

О состоявшейся беседе Микоян сообщил в Москву следующее: «Американцы, хотя и неохотно, согласились с необходимостью закрепить в документах соответствующие обязательства, в том числе и обязательства о ненападении на Кубу. Эти документы должны, по их мнению, включать: заявление Советского Союза о завершении эвакуации ракет; заявление США, в котором будет сказано о том, что они удостоверились, что ракеты действительно вывезены и что США дают соответствующие гарантии о ненападении на Кубу: возможно также заявление У Тана».

Затем Микоян вылетел в Гавану.

В ходе беседы с Ф. Кастро ему пришлось выслушать немало горьких и справедливых упреков. В дни, когда возникла серьезная опасность, говорил Кастро, весь кубинский народ почувствовал «огромную ответственность за судьбы родины», все кубинцы были готовы с оружием в руках выступить против агрессоров. И вдруг — внезапные, необъяснимые уступки, которые произвели гнетущее впечатление. По словам Ф. Кастро, «как будто нас лишили не ракет, а самого символа солидарности».

Микоян сделал все возможное, чтобы хоть как-то восстановить доверие кубинского руководства. Но Кастро во время встречи с Микояном был сух и сдержан. На второй день переговоров стало известно, что у Микояна умерла жена, однако после короткого, но тяжелого раздумья он принял решение остаться на Кубе для выполнения своей нелегкой миссии. Это неординарное решение несколько смягчило Ф. Кастро.

В беседах с кубинскими руководителями А. Микоян настойчиво проводил мысль о том, что уже сам факт срыва планов военного нападения на Кубу является большой победой, а теперь, в развернувшихся дипломатических баталиях, как никогда необходимо тесное взаимодействие. «В момент острой военной опасности, — говорил он, — у нас не было возможностей для военных консультаций, зато в отношении дипломатических видов борьбы мы имеем хорошие возможности для обстоятельных консультаций, для того, чтобы определить, как действовать совместно».

Обосновывая решение о выводе ракет, Микоян указал, что по имевшимся у советского руководства надежным данным нападение на Кубу намечалось на 28 октября 1962 г. У советского правительства оставалось всего 10—12 часов для дипломатического разрешения кризиса, и оно не могло не использовать их. К тому же ракеты средней дальности были обнаружены американцами и перестали быть средством сдерживания. Поэтому Советский Союз пошел на их демонтаж.

«Но, — постоянно подчеркивал Микоян, — размещение советских ракет на Кубе не являлось ошибкой. Более того, в руках кубинского народа остается другое сильное оружие. В Латинской Америке нет страны, которая обладала бы такой высокой обороноспособностью, была бы столь мощной в военном отношении, как Куба. Если не будет совершено прямой агрессии США, то любая группировка латиноамериканских стран не имеет возможностей одолеть Кубу».

В связи с этим Микоян поставил перед кубинским руководством вопрос о заключении нового военного соглашения с учетом вывоза ядерных ракет при сохранении остального вооружения и наличия советских военных специалистов, способных обучить кубинцев владению этим оружием.

В Нью-Йорке тем временем шли не менее сложные переговоры. Особо остро встала проблема американского контроля за демонтажом и вывозом советского наступательного оружия. Глава делегации США на переговорах Макклой в беседе с заместителем министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецовым заявил, что американская сторона намерена придерживаться той же процедуры пропуска судов на Кубу, которая была применена в отношении танкера «Бухарест», то есть обязательного досмотра судов.

Тем временем разведывательное управление МО США доложило военному

командованию следующее:

«1. Все выявленные стартовые позиции ракет средней дальности на Кубе, согласно аэрофотосъемкам 1 ноября, демонтируются или уже демонтированы. Стартовые столы разрушены, а ракеты и пусковые установки выведены. Их нынешнее местоположение неизвестно, и они, хотя маловероятно, могут находиться на запасных позициях.

2. Строительство на стартовых позициях ракет средней дальности приостановлено, и сооружения на них частично разрушены.

3. Строительная деятельность на пяти из возможных шести складов ядерных боеголовок не выявлена.

4. Ни один советский сухогруз, находящийся на Кубе, не в состоянии перевезти ракеты средней и промежуточной дальности в трюмах. Семь возможных перевозчиков ракет могут вернуться на Кубу к 16—25 ноября. Погрузка ракет может занять неделю.

5. Сборка бомбардировщиков Ил-28, как и 1 ноября, продолжается. Отмечена рулежка одного из них. Еще один, по всей видимости, полностью собран. Пять собраны частично. Двадцать один находится еще в ящиках».

Воздушная разведка ВВС США 3 и 4 ноября установила нахождение в порту Мариель пяти транспортеров ракет с грузом, укрытым брезентом, и восемнадцати пусковых установок. 5 ноября один из теплоходов с ракетами на борту вышел из порта. Тем самым был подтвержден факт начала вывоза советских ракет с Кубы. С 5 по 9 ноября все ракеты средней дальности были вывезены. Тактические ядерные боеприпасы, о нахождении которых на острове американцы не знали, были вывезены теплоходом «Аткарск» позднее, в декабре. Личный состав 51-й ракетной дивизии был отправлен в Советский Союз в период с 1 по 12 декабря.

Однако не все проходило так гладко, как планировалось. Советской стороной были допущены досадные промахи. Согласие Москвы на инспектирование американцами процесса вывоза советских ракет в спешке было дано без согласования с кубинской стороной. Хрущев проигнорировал Кастро, чем в очередной раз вызвал его острое раздражение. В результате кубинское правительство, верное своим пяти принципам урегулирования Карибского кризиса, активно выступило против любой инспекции на своей территории, в том числе и представителями Красного Креста. Убедить его пойти на уступки не смог даже А.И. Микоян. В ходе визита и.о. Генерального секретаря ООН в Гавану 30 и 31 октября кубинцы подчеркнули, что единственно приемлемой формой инспекционного контроля кубинской территории, в том числе и демонтажа ракет, было бы создание постов контроля не только на Кубе, но и в Соединенных Штатах, а также тех странах Латинской Америки, в которых готовилась вооруженная интервенция против Кубы еще в 1961 г.

Кубинцы были явно обижены. Вот как это описывает генерал А.И. Грибков:

«В канун октябрьских праздников генерал Плиев устроил небольшой прием для руководящего состава советских и кубинских войск. Первый тост был предложен за глав правительств: Н.С. Хрущева и Ф. Кастро. Рядом со мной сидел кубинский капитан, занимавший большой военный пост. Обращаясь к товарищам, он заметил, что следует выпить не за Фиделя и Хрущева, а за Фиделя и Сталина. Мы не согласились, но капитан продолжал настаивать: „За Фиделя и Сталина!“ Смысл его слов сводился к тому, что если бы был жив Сталин, то ракеты остались на Кубе»¹⁸⁷

Учитывая позицию кубинского правительства, СССР и США пришли к компромиссному соглашению: контроль за вывозом советских ракет будет осуществляться с помощью визуального контроля. Кубинское правительство выступило решительно против

¹⁸⁷ Операция «Анадырь». С. 49.

разведывательных полетов на низкой высоте над кубинской территорией.

Процедура контроля сопровождалась осложнениями и эксцессами. Так, в порту Мариель на сухогруз «Волголес» были погружены ракеты. «Волголес» вышел из порта в 9.00 утра 8 ноября 1962 г. Уже в 14.30 американский эсминец подошел к сухогрузу и лег на параллельный курс на расстоянии двух кабельтов (440 м) от борта, запросив сведения о роде и количестве груза. Капитан «Волгоlesa» ответил, что везет 7 ракет. После этого на протяжении длительного периода времени с эсминца настаивали на показе ракет, которые были закрыты брезентом, но он категорически отказался это сделать, поскольку согласно указанию министра морского флота СССР Бакаева имел право продемонстрировать ракеты только судну под флагом ООН. Поэтому он категорически отказался это сделать. В 17.00 эсминец отошел от борта, а вместо него на расстоянии 2,5 миль от судна начал сопровождение другой эсминец, который около полуночи был сменен третьим эсминцем ВМС США. Позже капитан получил шифровку, из которой следовало, что снимать брезенты необходимо и при запросах с американских кораблей. Вплоть до 12 ноября американские самолеты и вертолеты совершали облеты «Волгоlesa».

О сложностях визуального контроля за вывозом советских ракет с Кубы говорилось и в телеграмме Кузнецова в МИД СССР от 10 ноября 1962 г:

«Передаем вторично перевод текста сообщения, исходящего от адмирала Уэлборна, командующего операцией по визуальной проверке советских судов, вывозящих с Кубы ракеты:

«В ответ на протест Советского правительства от 9 ноября в связи с инспекцией Соединенными Штатами трех советских судов сообщается нижеследующее:

1. Ни один американский корабль ни в какое время не угрожал применить силу в отношении «Александровска», «Дивногорска» или «Волгоlesa».

2. Пять из девяти советских судов, перечисленных Советским правительством в списке судов, вывозящих ракеты с Кубы, не отплыли вовремя или через пункты, которые были указаны советскими представителями.

3. Факт, что эти суда не находились в пунктах, сообщенных США советскими представителями, затруднил установление координат и инспекцию этих судов и привел к тому, что некоторые из обследований должны были проводиться на больших расстояниях от острова Куба, чем это было бы, если бы местоположение судов было сообщено правильно.

4. Четыре из девяти судов, перечисленных Советским правительством, имели на борту такое количество ракет, которое отличалось от сообщенного США советскими представителями.

5. Хотя «Александровск» не был включен в список судов для перевозки ракет, представленный США Советским правительством, имелись указания, что на борту «Александровска» могло быть связанное с ракетами оборудование.

6. Поскольку количество ракет на других судах, которое было сообщено советскими представителями, оказалось неточным, к «Александровску» подошел военный корабль США для того, чтобы установить, имеет ли он на борту ракеты. «Александровск» попросили открыть трюмы для того, чтобы облегчить обследование.

«Александровск» отказался выполнить эту просьбу. Его не просили остановиться.

7. «Дивногорск», когда к нему подошли, испытывал значительные трудности в переговорах с американским кораблем, находящимся поблизости. После того как проблема языка была разрешена, инспекция судна была завершена. Его не просили открыть трюмы или остановиться.

8. Когда к «Волголесу» подошли в первый раз, его попросили частично раскрыть ракеты, которые находились у него на борту. «Волголес» не выполнил эту ранее согласованную просьбу. Затем его попросили открыть трюмы. На следующий день к «Волголесу» подошли вновь, и очевидно, к этому времени он получил инструкции раскрыть ракеты в соответствии с соглашением. На этот раз его ракеты были частично раскрыты, и требуемая инспекция была завершена. Если бы он частично раскрыл свои ракеты в первый раз, второй подход был бы не нужен».

Затем в отношениях между Москвой и Вашингтоном возникла проблема, связанная с

бомбардировщиками Ил-28. Американская сторона рассматривала их как наступательное оружие, а Москва отстаивала их оборонительный характер.

Понимание того, что относится к «наступательному оружию», Хрущев решил изложить еще в самый разгар кризиса, а именно 26 октября. Он писал Дж. Кеннеди:

«Я заверяю Вас от имени Советского правительства, советского народа, что Ваши доводы относительно наступательного оружия на Кубе не имеют под собой никакой почвы. Из того, о чем Вы мне писали, видно, что у нас разное понимание на этот счет, вернее мы по-разному оцениваем те или другие военные средства.

Да и в действительности, одни и те же виды оружия могут иметь разное толкование.

Вы — человек военный и, надеюсь, поймете меня. Возьмем, к примеру, простую пушку. Какое это средство: наступательное или оборонительное? Пушка — средство оборонительное, если она поставлена для защиты границ или укрепленного района. Но если артиллерию сконцентрировать да придать ей нужное количество войск, то те же пушки станут уже средством наступательным, потому что они готовят и расчищают путь пехоте для наступления.

Так же получается и с ракетно-ядерным оружием, с любыми видами этого оружия.

Вы ошибаетесь, если считаете, что какие-то наши средства на Кубе являются наступательными. Однако давайте сейчас не будем спорить. Видимо, я не смогу убедить Вас в этом. Но я Вам говорю: Вы, г-н Президент, — военный человек и должны понимать — разве можно наступать, имея на своей территории пусть даже и огромное количество ракет разного радиуса действия и разной мощности, но используя только эти средства.

Эти ракеты — средство истребления и разрушения. Но наступать этими ракетами, даже ядерными ракетами мощностью в 100 мегатонн, нельзя, потому что наступать могут только люди, войска. Без людей любые средства, какой бы мощности они ни были, не могут быть наступательными.

Как же можно поэтому давать такое совершенно неправильное толкование, которое Вы сейчас даете, что, мол, какие-то средства на Кубе являются наступательными. Все средства, находящиеся там, и я заверяю Вас в этом, имеют оборонительный характер, находятся на Кубе исключительно для целей обороны, и мы направили их на Кубу по просьбе кубинского правительства. Вы же говорите, что это наступательные средства.

Но, г-н Президент, неужели Вы серьезно думаете, что Куба может наступать на Соединенные Штаты и даже мы вместе с Кубой можем наступать на вас с территории Кубы? Неужели Вы действительно так думаете? Как же так? Мы не понимаем этого.

Разве в военной стратегии появилось что-то такое новое, чтобы думать, будто можно так наступать? Я именно говорю — наступать, а не разрушать, ведь разрушают варвары, люди, потерявшие рассудок»¹⁸⁸.

Но доводы советского лидера не убедили Вашингтон. Американская сторона продолжала интерпретировать понятие «наступательное оружие» как вооружение, «пригодное для использования в наступательных целях».

Под такую трактовку подпадали не только бомбардировщики Ил-28, но и ракетные катера «Комар», и даже истребители МиГ-21 с радиусом действия в 300 км.

В переговорах о дальнейшей судьбе Ил-28 вынужден был принять личное участие Хрущев. В его письме американскому президенту от 11 ноября было предложено увязать вопрос о вывозе этих самолетов с Кубы с реализацией взаимных обязательств, взятых США и СССР.

Ответ последовал незамедлительно. 12 ноября он был передан в устной форме Р. Кеннеди советскому послу в Вашингтоне: «Н.С. Хрущев и президент договариваются в принципе, что

¹⁸⁸ «Международная жизнь». 1992. Специальный выпуск. С. 22—24.

самолеты Ил-28 будут выведены в течение определенного срока. После такой договоренности США сразу же, хоть завтра, официально снимают всякий карантин, не дожидаясь конца вывоза самолетов. Американская сторона, разумеется, предпочла бы, чтобы согласованный срок вывоза самолетов Ил-28 был опубликован.

Однако если у советской стороны есть какие-либо возражения против публикации такого срока, то президент на этом не настаивает. С него вполне достаточно слова Н.С. Хрущева. Что касается срока, то было бы хорошо, если бы самолеты были вывезены, скажем, в течение 30 дней».

13 ноября наконец и Ф. Кастро согласился с эвакуацией Ил-28 с Кубы.

Вынужденное соглашаться с советской позицией по многим принципиальным вопросам, кубинское руководство категорически отказалось допускать низковысотные полеты американских самолетов. В середине ноября 1962 г. Ф. Кастро проинформировал главного советского военного советника генерала Дементьева о том, что кубинским частям противовоздушной обороны отдан приказ открывать огонь по американским самолетам с 8.00 утра 18 ноября 1962 г. Решение кубинского руководства в очередной раз обострило обстановку, поставив под угрозу срыва советско-американские договоренности.

Письмо Ф. Кастро У Тану о решении сбивать низколетящие американские самолеты над кубинской территорией стало предметом обсуждения на заседании американского комитета начальников штабов утром 16 ноября. США, чтобы избежать эскалации напряженности, вынуждены были отступить: низковысотные полеты американских самолетов над кубинской территорией прекратились. Разведка стала осуществляться высотными самолетами У-2, сбить которые можно было только зенитно-ракетными комплексами дальнего действия, находившимися под контролем советских военнослужащих.

Несмотря на снижение военного противостояния, американское военное командование вплоть до 20 ноября продолжало поддерживать свои силы в готовности к действиям по чрезвычайному оперативному плану. Непосредственная угроза американского вторжения на Кубу была снята после того, как начался отвод американских сухопутных войск из юго-восточной части Соединенных Штатов. Полностью же она исчезла к 20 декабря 1962 г., когда все экспедиционные силы вернулись в места постоянной дислокации и обычной жизнедеятельности.

Ввиду ослабления напряженности в районе Карибского моря и связанного с этим снижения напряженности в Европе главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора Маршал Советского Союза А.А. Гречко 21 ноября 1962 г. дал указание отменить ряд мер по повышению боевой готовности соответствующих войск и флотов.

После 20 ноября 1962 г. на повестку дня переговоров по разрешению Карибского кризиса встал вопрос о принятии согласованных заявлений СССР и США в ООН, которые закрепили бы взаимные обязательства сторон.

Американская сторона неохотно шла на официальное подтверждение достигнутых договоренностей. Последняя попытка договориться по этому вопросу на высшем уровне была предпринята в первой декаде декабря. В устном обращении Хрущева к президенту Кеннеди, доведенному до американской стороны 11 декабря, отмечалось:

«Казалось бы, мы с Вами подошли сейчас к завершающей стадии ликвидации напряженности вокруг Кубы. Наши отношения теперь входят уже в нормальную колею, так как все те средства, которые Вы считали наступательными, вывезены, и Вы в этом убедились, о чем вашей стороной уже было сделано заявление.

Это хорошо. Мы ценим то, что Вы, как и мы, не догматически подходили к решению вопроса о ликвидации возникшей напряженности, и это позволило нам в сложившихся условиях найти более гибкую форму проверки вывоза указанных средств. Понимание и гибкость, проявленные Вами в этом деле, высоко оцениваются нами, хотя наша критика американского империализма остается, конечно, в силе потому, что этот конфликт был действительно создан политикой Соединенных Штатов Америки в отношении Кубы.

Сейчас надо было бы двинуться более решительными шагами к окончательному завершению ликвидации этой напряженности, то есть надо было бы, чтобы Вы со своей стороны ясно подтвердили в ООН, как это Вы сделали на пресс-конференции и в посланиях ко мне, обязательство о невторжении Соединенных Штатов и ваших союзников на Кубу, сняв оговорки, которые теперь вносятся в проект декларации США в Совете Безопасности, и чтобы наши представители в Нью-Йорке договорились о согласованном изложении в декларациях обеих держав взятых ими на себя обязательств»¹⁸⁹.

В ответном письме американского президента за россыпью вежливых слов проглядывало стремление уклониться от подтверждения достигнутых соглашений, особенно в письменной форме, и уж тем более исключить из переговорного процесса Кубу. По этому поводу Р. Кеннеди в беседе с Микояном в начале декабря высказался безапелляционно: «Кубинцы могут указать в своей декларации все, что они хотят, США это не интересует».

Текст совместной советско-американской декларации так и не был полностью доработан. Американские представители считали, что достаточно зарегистрировать декларацию в ООН, а не выносить ее на обсуждение в Совет Безопасности. Обсуждение проблемы затягивалось. В американской прессе началась кампания, в ходе которой представитель США в ООН Э. Стивенсон за чрезмерно «миротворческую» позицию в разрешении кризиса подвергся резкой критике. Досталось и советским представителям, которые своими действиями «старались ввести американского президента в заблуждение».

Эпилог

7 января 1963 г. представитель СССР на переговорах по урегулированию Карибского кризиса В.В. Кузнецов и представитель США в ООН Э. Стивенсон обратились с совместным письмом к Генеральному секретарю ООН. В нем отмечалось, что хотя обоим правительствам «не удалось разрешить все проблемы», связанные с Карибским кризисом, они считают, что достигнутая степень согласия между ними по урегулированию кризиса «делает ненужным сохранение данного вопроса в повестке дня Совета Безопасности ООН».

29 мая 1963 г. в результате длительных советско-кубинских переговоров, в которых активную роль принял А. Микоян, по настоятельной просьбе кубинской стороны было подписано секретное соглашение об оставлении на острове символического количества советских войск — одной мотострелковой бригады. Что касается оружия и военной техники авиации и флота (самолеты МиГ-21, МиГ-15 УТИ, Як-12, Ан-2; вертолеты Ми-4; ракетные катера типа «Комар» и т.д.), то большинство из них было передано кубинской стороне в течение 1962—1963 гг. При этом, если раньше кубинцы получали часть советского оружия в кредит, а другую — бесплатно, то в сложившейся ситуации было принято решение поставлять вооружение, военное обмундирование (100 тысяч комплектов в течение двух лет) и снаряжение бесплатно. Кроме того, с целью облегчить экономическое положение Кубы Советский Союз взял обязательство доставить на остров промышленных изделий и продовольствия на сумму 198 млн рублей¹⁹⁰.

Присутствие советских военнослужащих на Кубе в последующем неоднократно вызывало негативную реакцию и даже протесты администрации Белого дома. Долгое время Москва отрицала наличие советского воинского контингента на острове. Лишь в 1979 г. Л. Брежнев признал, что на Кубе имеется бригада советских военнослужащих, которая представляет собой «учебный центр по подготовке кубинских военных специалистов». Спустя десять лет, с началом перестройки в СССР, М. Горбачев пообещал госсекретарю США Бейкеру

¹⁸⁹ Там же. С. 130.

¹⁹⁰ Из записи беседы А. Микояна с руководством Кубы 4 ноября 1962 года // Международная жизнь. 1992. № К). С. 135.

ликвидировать советское военное присутствие на Кубе. Советская бригада в количестве 11 тысяч человек в течение месяца в спешном порядке была выведена на Родину.

Как всегда, без согласования с Гаваной.

Намерение Ф. Кастро увязать вывод советских военнослужащих с ликвидацией находящейся на острове американской военно-морской базы Гуантанамо не оправдалось.

Так завершился, наверное, самый опасный за всю историю человечества военно-политический кризис, едва не втянувший мировое сообщество в глобальную катастрофу.

Ход Карибского кризиса, особенно его кульминационная часть — с 22 по 28 октября 1962 г., — показал, сколь важно высокопрофессионально, всесторонне прорабатывать принимаемые решения и своевременно доводить их до противной стороны, не проявляя скоропалительности и не затягивая, что может привести к разрастанию конфликта вопреки желанию сторон.

Отсутствие у Н.С. Хрущева рабочего органа, аналогичного исполнительному комитету СНБ при президенте США, вносило в действия советской стороны излишнюю сумбурность и нечеткость в решениях, принимавшихся в сжатые сроки.

Чрезмерная секретность операции «Анадырь» привела к излишней напряженности, к «сверхреакции» со стороны США, которую при иных обстоятельствах можно было бы избежать. Как и предсказывали военные, ни в оперативном, ни в тактическом плане скрытно передислоцировать и развернуть ракетную дивизию оказалось невозможным. К 28 октября состояние боевой готовности советских ракетных частей не обеспечивало быстрого нанесения ракетного удара по США: из 36 ракет средней дальности для заправки горючим, окислителем и стыковки с головными частями была подготовлена только половина, и ни на одной ракете не было введено полетное задание.

Вместе с тем впервые в истории Советских Вооруженных Сил была оперативно осуществлена переброска через океан более чем 40-тысячной армии с большим количеством техники и вооружения, причем колоссальный объем работы был проделан четко, в установленные сроки и относительно скрытно. Лишь 14 октября, т.е. почти через месяц после прибытия на остров трех ракетных полков, соединений и частей ПВО, ВВС, ВМФ и Сухопутных войск, воздушной разведке США удалось обнаружить признаки нахождения на Кубе советских войск.

По итогам выполнения интернациональной миссии на Кубе большинство советских военнослужащих было награждено орденами и медалями СССР: 18 человек — орденом Ленина, 38 — орденом Красного Знамени, 591 — орденом Красной Звезды. Свыше 2 тысяч советских воинов были отмечены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета СССР и кубинской наградой «Воин-интернационалист» I степени.

Не обошлось и без боевых потерь. За период с 1 августа 1962 по 16 августа 1964 гг. на Кубе при исполнении интернационального долга погибло 57 советских граждан. Такова была цена Карибского кризиса для Советского Союза.

Глава 11. **«Пражская весна», 1968 г.**

Долгожданные перемены

В 60-е гг. эстафету бунтарства взяла на себя Чехословакия — одна из наиболее благополучных, на первый взгляд, стран социализма. Но именно здесь постепенно созрел острый внутривластный кризис. На первом этапе развития реформаторского движения в Чехословакии, как и в 1956 г. в Венгрии, никто не помышлял о посягательствах на политический строй в стране, но динамика событий неизбежно подвела реформистов вплотную к этой цели.

Чехословацкое движение за реформы началось с внешне безобидной и даже конструктивной критики правительства за допущенную некомпетентность и неспособность

догнать и перегнать промышленно развитые страны Запада. Эта стратегическая цель декларировалась в программе компартии Чехословакии. В качестве выхода из застоя предлагалось восстановить многое из того, что было утрачено с утверждением коммунистами своей монополии на власть.

В отличие от Венгрии реформисты в Праге предполагали осуществить в полном смысле революцию сверху, что, по замыслу лидеров движения, должно было гарантировать их от советского вмешательства и повторения трагических последствий венгерского восстания. С этой целью особый упор был сделан на постепенных, эволюционных изменениях в политических институтах, чтобы обеспечить стабильность в стране и необратимость перемен.

Однако то, что должно было прийти на смену системе, базировавшейся на ленинском учении о руководящей роли компартии и централизованном государственном устройстве, представлялось реформаторам более чем смутно. Основные идеи сводились к расширению демократии, высвобождению из партийных тисков общественных и хозяйственных органов и соответственно развитию их собственной инициативы.

Но даже этот вариант поиска выхода из тупиковой ситуации застойного этапа социализма оказался преждевременным для социалистического лагеря (за исключением в какой-то степени Польши и Венгрии). Совпав по времени с трудными, неоднозначными процессами в самом Советском Союзе и в других социалистических странах, он не мог не вызвать в их столицах идеологического и политического отторжения.

В Москве после хрущевской «оттепели» время вновь поставило перед высшим политическим руководством страны вопрос: насколько далеко могут зайти реформы в жизни страны; где та грань, после которой реформы затронут основы государственно-политического строя?

В Советском Союзе постепенно набирала силу внутренняя оппозиция. 5 декабря 1965 г. в центре Москвы на Пушкинской площади состоялась демонстрация диссидентов, участниками которой стали академик А. Сахаров, Ю. Галансков, А. Гинзбург, В. Буковский, А. Амальрик, Л. Богораз, Н. Горбаневская, А. Вольпин. Фактически это означало зарождение в стране «правозащитного» движения. Политическое руководство СССР прибегло к репрессивным мерам. Начали применяться такие формы борьбы с инакомыслящими, получившие позже широкую практику, как лишение гражданства и высылка за рубеж. В частности, 15 апреля 1968 г. на заседании Политбюро было утверждено предложение Прокуратуры СССР и Комитета госбезопасности о лишении гражданства СССР диссидентов И. Габая и А. Марченко.

В подобной обстановке любые попытки изменения утвердившейся общественно-политической ситуации, в каком бы то ни было уголке социалистической «империи», воспринимались в Москве крайне настороженно. Это касалось и Чехословакии.

1963—1967 гг. стали для Чехословакии подготовительной, своего рода «теоретической» стадией разрыва со слегка модернизированной после смерти Сталина моделью социализма. Уже с начала 1967 г. в информационных сводках советского посольства в Праге стали отмечаться неблагоприятные тенденции в развитии идеологической ситуации в Чехословакии. Донесения стали еще более тревожными, когда в средствах массовой информации Чехословакии стала звучать открытая критика деятельности А. Новотного, являвшегося первым секретарем ЦК КПЧ и президентом Чехословакии.

Уже в 1967 г. в информации из советского посольства в Праге отмечались неблагоприятные тенденции в развитии идеологической ситуации в Чехословакии. Не прошли незамеченными выступления пражских студентов в ноябре 1967 г., требовавших осуществления реформы системы образования. Отмечалась критика политического курса страны на собраниях чехословацких писателей.

К событиям в соседней стране с тревогой присматривалось партийное руководство Польши. Так, 19 декабря 1967 г. из Польши в Москву поступила подробная информация о событиях в братской стране, где делались выводы об угрозе идеологического перерождения Чехословакии.

В самой Чехословакии события тем временем приобретали все более лавинообразный характер. С начала 1968 г. развернулась борьба фактически уже внутри высшего эшелона партийно-политического руководства государства. С различных сторон велась резкая критика

деятельности А. Новотного, являвшегося первым секретарем ЦК КПЧ и президентом Чехословакии.

По мере нарастания кризисных явлений и утраты Новотным авторитета в партии и стране советское посольство в Праге, по свидетельству сотрудника посольства М.Н. Кузнецова, «в конце 1967 г. хорошо чувствовало, что находящегося в изоляции Новотного нужно убирать, но все упиралось в то, кто станет вместо него. Как правило, руководителя меняют тогда, когда имеется лучшая или равноценная замена»¹⁹¹.

Из реплик и высказываний посла СССР в Праге С.В. Червоненко, которые неоднократно звучали на совещаниях, Кузнецов вынес убеждение, что советский полпред понимал неизбежность ухода Новотного, но все же надеялся потянуть со сменой руководства до весны, пока не будет найден «подходящий» лидер и передача власти осуществится плавно, без потрясений.

В этих условиях отнюдь не случайным стал визит в начале декабря 1967 г. в Прагу Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Формальным поводом для визита стало приглашение от Новотного отдохнуть и поохотиться. Однако Брежнев, в то время активный и работоспособный, потратил время не столько на свое любимое занятие — охоту, сколько на интенсивные закрытые консультации с чехословацкими лидерами.

Брежнев хорошо помнил о том, как Новотный сразу после смещения Хрущева раздраженно позвонил в Москву и высказал свое недовольство тем, что его заранее не поставили об этом в известность¹⁹². Брежневу это не понравилось. Поэтому он не торопился защищать Новотного. По сложившимся тогда внутри социалистического лагеря негласным традициям такая позиция означала фактическое согласие на замену Новотного. «Это ваше дело» — слова, якобы произнесенные Генеральным секретарем ЦК КПСС, отдавали судьбу Новотного в руки его соперников в Президиуме ЦК КПЧ.

На декабрьско-январском пленуме ЦК КПЧ 1967—68 гг. разгорелась острая политическая схватка, в которой переплелись интересы трех важнейших политических группировок.

Первая группировка, которая пока еще находилась у власти и которую условно можно было назвать «коммунистическими фундаменталистами», оказалась на пленуме в абсолютном меньшинстве. Наиболее ясно их позицию отстаивал член Президиума ЦК КПЧ М. Худик.

Вторая группировка была представлена «реформаторским» крылом в партии. Лидером этого направления был экономист, заместитель председателя правительства ЧССР О. Шик. Предложенный им на декабрьском пленуме план демократизации КПЧ оценивался Худиком как курс на раскол партии.

И наконец, на декабрьско-январском пленуме в полной мере проявилась словацкая группировка в КПЧ. Партийные функционеры-словаки были раздражены тем, что в начале 60-х гг. Новотный урезал местные полномочия, и словацкие учреждения оказались в прямой зависимости от центральных пражских министерств и ведомств. Мелкой, но больно задевавшей деталью было то, что известнейшая общенациональная фирма «Артия», специализировавшаяся на торговле изделиями искусства и художественных промыслов и возглавлявшаяся сыном Новотного, закупала изделия на 99% чехов-художников и только на 1% — словаков. По мнению Новотного, лидером словацкой группировки, словацких националистов был А. Дубчек, первый секретарь ЦК КП Словакии¹⁹³.

Позиции Новотного в Президиуме ЦК были относительно прочными, но недостаточными, чтобы обеспечить ему сохранение поста первого секретаря ЦК КПЧ. Президиум раскололся пополам: пять на пять. На пленуме же большинство принадлежало противникам Новотного, настаивавшим на разделении постов первого секретаря ЦК и президента ЧССР.

¹⁹¹ Цит. по: Политические кризисы и конфликты... С. 148.

¹⁹² Golan G. Czechoslovak reform movement. Communism in crisis 1962—1968. Cambridge: University Press, 1971. P. 270.

¹⁹³ ЦХСД Ф.5 Оп. 60. Д.299. Л.8.

В результате бурных споров на пленуме было принято решение о разделении высших партийного и государственного постов в стране. 5 января 1968 г. первым секретарем ЦК КПЧ был избран Дубчек. Новотный остался (ненадолго) президентом ЧССР.

Кандидатура А. Дубчека, считавшегося просоветски настроенным, устроила Москву. В Кремле чехословацкого партийного лидера называли не иначе как Александр Степанович, а Л.И. Брежнев вообще предпочитал называть уменьшительно-ласкательно Сашей. По отзыву бывшего секретаря советского посольства в Праге М.Н. Кузнецова, Дубчек представлялся советским руководителям «довольно нейтральной личностью, слабым и неуверенным в себе. Отзываясь всегда с большой симпатией об СССР, он производил впечатление политика, который никогда не пойдет против нашей дружбы. Его восприняли как переходную и управляемую фигуру, как не самый плохой вариант.

Черник представлялся более серьезной, но менее предсказуемой кандидатурой»¹⁹⁴.

Кузнецову запомнился эпизод, относящийся к декабрю 1967 г. На одном из приемов Червоненко обратился к А. Дубчеку: «Александр Степанович, нужно ли то, что вы задумали, все ли вы рассчитали — куда пойдет развитие и сможет ли ваша группа сохранить влияние в партии и стране, не развяжете ли вы стихию?»

«Степан Васильевич, — отвечал Дубчек, — отступать некуда, вопрос решен и никуда мы не уклонимся»¹⁹⁵.

За Дубчеком в тот период сплоченным фронтом стояли почти все словацкие члены ЦК, включая В. Биляка, занимавшего активную антиновотновскую позицию.

Однако до последнего момента исход борьбы в верхних эшелонах власти не был предопределен. Вхожий в высшие партийные круги корреспондент «Известий» В.М. Кривошеев отмечал комплекс «маленького чешского человека», присущий многим членам тогдашнего ЦК КПЧ, выходившим на трибуну пленума с двумя заготовленными выступлениями в кармане — «за» и «против» Новотного. Он приводит эпизод, наглядно иллюстрирующий, сколь напряженной и неопределенной была обстановка накануне прихода Дубчека к власти.

«1 января нового 1968 г., — вспоминал В.М. Кривошеев, — главный редактор „Руде право“ О. Швестка ужинал в партийной гостинице „Прага“ с О. Лацисом. Вошли Дубчек и Пехо, секретарь ЦК Словакии по идеологии. Они сели за стол и с мрачным видом стали есть. Уходя, Дубчек позвал меня к себе и сказал: „Давай с тобой попрощаемся, завтра я — пан или пропал“. Он пояснил, что пленум продолжит работу. На мой же вопрос, что значит „пан“, Дубчек ответил: „Ну, ты завтра узнаешь“¹⁹⁶.

На следующее утро нового первого секретаря КПЧ А. Дубчека поздравил по телефону Брежнев и пригласил совершить официальный визит в Москву — «посоветоваться по некоторым вопросам». Дубчек попросил о небольшом одолжении — о неофициальном характере первой поездки.

Визит вскоре состоялся. На первой после своего избрания встрече с Брежневым, состоявшейся 30—31 января в Москве, А. Дубчек обещал не делать радикальных персональных перемещений. Однако ряд советских экспертов по-прежнему настороженно относился к обещаниям Дубчека.

Консультант по Чехословакии в центральном партаппарате Ф.Ф. Петренко констатировал: «Отмеченные известной остросюжетностью события январского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ вызвали переполох в ряде структур нашего ЦК: помню, как заведующий сектором Чехословакии С.И. Колесников бегал к заведующему отделом и секретарю ЦК доказывать, что

¹⁹⁴ Цит. по: Политические кризисы и конфликты 50—60-х годов в Восточной Европе. (Далее: Политические кризисы и конфликты...). М., 1993. С. 149.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же.

там произошёл контрреволюционный поворот, представляющий угрозу и для нас»¹⁹⁷.

Ещё до приезда А. Дубчека в Москву, 18 января, Политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопросы, связанные с Чехословакией. Оценивая обстановку в ЧССР, посол в Чехословакии С.В. Червоненко заявил, что «процесс идет. И этот процесс остается сложным». При этом Червоненко отметил, что, «правильно критикуя Новотного за негибкость в решении многих вопросов, обвиняя его в догматизме, кое-кто попытался расшатать основы партии, ревизовать основные позиции партии, основные направления в политике и практике партийной линии в Чехословакии».

Основным же положительным итогом пленума посол считал то, что пленум «предупредил раскол, который мог быть в партии. Это заслуга своевременного вмешательства в эти вопросы КПСС, ЦК нашей партии и, в частности, приезд т. Брежнева перед пленумом»¹⁹⁸.

«Надо сказать, — продолжал посол, — что Дубчек чувствует себя сейчас неуверенно... но тов. Дубчек — безусловно, честный, преданный человек, очень преданный друг Советского Союза»¹⁹⁹. Но уже через несколько дней посол должен был оправдываться за свои слова. Первый секретарь ЦК КПЧ нарушил данное им Л.И. Брежневу обещание и стал назначать партийных секретарей, заведующих отделами ЦК и министров, не согласуя кандидатуры с Москвой. Для Брежнева именно несанкционированные кадровые перемены в чехословацком руководстве явились первым тревожным сигналом отхода Дубчека от «коллективной линии социалистического содружества»²⁰⁰.

«Все рушится!»

В феврале — начале марта 1968 г. относительно спокойная картина взаимоотношений Москвы и Праги была нарушена. Поводом стала фактическая отмена цензуры в чехословацкой прессе. Известный деятель «пражской весны» З. Млынарж следующим образом оценил это событие: «Началась открытая критика методов работы КПЧ, профсоюзов, органов госбезопасности и юстиции, и, как следствие, сняли с постов ряд секретарей ЦК, руководителей Центрального совета профсоюзов, министра внутренних дел и генерального прокурора»²⁰¹.

Ситуация осложнялась углублением противоречий в самом руководстве КПЧ. Многочисленные противники Новотного теперь открыто добивались его отставки с поста президента ЧССР. Требовали ее и на массовых митингах.

Обстановка в Чехословакии вновь стала предметом обсуждения на заседании Политбюро ЦК КПСС 15 марта 1968 г. В Москве не одобряли готовившуюся отставку Новотного, как и ситуацию в стране в целом.

Политбюро посчитало целесообразным обратиться с письмом в адрес Президиума ЦК КПЧ, в котором, по предложению Б.Н. Пономарева, следовало «сказать, что у них начался разгул в печати, по радио и телевидению, сказать, что все это направлено на отрыв Чехословакии от социалистического лагеря, от СССР, сказать яснее и подробнее об этом... Сказать в письме и о том, что они находятся рядом с ФРГ». При этом особо подчеркнуть, что «положение действительно очень серьезное. Методы и формы, которыми ведется сейчас работа в Чехословакии, очень напоминают венгерские. В этом внешнем хаосе есть свой порядок. В

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Цит. по: Р.Г. Пихоя. Чехословакия, 1968 год. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС// Новая и новейшая история. 1994. №6. С. 4 (Далее — Р.Г. Пихоя...).

¹⁹⁹ Там же. С. 5.

²⁰⁰ Млынарж З. Холодом веет от Кремля. Нью-Йорк, 1988. С. 277.

²⁰¹ Там же. С. 77.

Венгрии тоже с этого начиналось, а потом пришел первый, второй эшелон и, наконец, социал-демократы», — таково было заявление Ю.В. Андропова, имевшего за плечами горький опыт венгерских событий 1956 г.²⁰²

Л.И. Брежнев заметил: «Надежды на Дубчека не оправдываются, он может вылететь, так как события, которые происходят, им мало управляются. Ведь может случиться так, что они снимут Новотного. Они сняли прокурора, начальника КГБ, на очереди Ломский (министр национальной обороны. — Авт.), а потом и за Дубчеком дело».

Во время этого заседания Брежнев позвонил в Прагу Дубчеку и, вернувшись, сообщил его участникам о только что состоявшемся разговоре. Дубчек уверял, что «ни в Праге, ни в стране не будет никаких событий, что вот плоховато в Польше, им бы нужно помочь. Мы справимся с событиями, которые у нас происходят»²⁰³. Брежнев проинформировал Дубчека о готовившемся письме, они договорились о встрече между Дубчеком и Кадаром, которому фактически отводилась роль посредника между ЦК КПСС и ЦК КПЧ. Была также достигнута договоренность о проведении встречи между лидерами советской и чехословацкой компартий.

На фоне всех этих событий продолжали ухудшаться отношения СССР с Румынией: реальной стала угроза ее выхода из Варшавского Договора. Министр обороны СССР маршал А.А. Гречко на заседании Политбюро 3 марта 1968 г., говоря о позиции румынской стороны, заявил: «Теперь ясно, что они — за пересмотр всего Варшавского Договора в целом. Мы создадим штаб, вполне боеспособный, и Варшавский Договор не пострадает, если уйдут румыны»²⁰⁴. Однако нельзя было полностью исключить эффекта «цепной реакции» в отношении других стран — членов ОВД. Критика, раздававшаяся в чехословацкой прессе в адрес Варшавского Договора, свидетельствовала о том, что и Чехословакия могла последовать за Румынией. А это привело бы к фактической ликвидации или по крайней мере значительному ослаблению западных границ стран ОВД.

Идеологическая ситуация осложнилась и в самом СССР. Классическое коммунистическое единомыслие постепенно размывалось. Усиливалось диссидентское движение.

«Разного рода писатели, — говорил на заседании Политбюро Л.И. Брежнев, — например, Якир, Есенин и другие, пишут письма, передергивают факты, письма идут за границу и передаются по Би-би-си». Ему вторил Н.В. Подгорный: «Надо посмотреть Союз писателей. Что это за организация, в которую вступают совершенно непонятные люди, написавшие две заметки в газету».

Андропов сообщал о готовившейся демонстрации, связанной с делом диссидента Петра Литвинова²⁰⁵.

Несмотря на успокоительные заявления Дубчека, ситуация в Чехословакии продолжала обостряться. После массового митинга в Праге Новотный был вынужден уйти с поста президента.

10 марта в ЧССР была широко отмечена 20-я годовщина смерти Яна Масарика, министра иностранных дел до февраля 1948 г., который, по официальной версии, покончил жизнь самоубийством в знак протеста против установления в стране социалистической власти.

27 марта Прага направила протест правительству ГДР против вмешательства во внутренние дела ЧССР в связи с критикой курса Дубчека в восточногерманской пропаганде.

6 апреля премьер-министром ЧССР вместо И. Ленарта был назначен О. Черник. 9 апреля произошло, наконец, поворотное событие — ЦК КПЧ опубликовал программу реформ под названием «Чехословацкий путь к социализму». Из документа следовало, что чехословацкое

²⁰² Цит. по: Р.Г. Пихоя. С. 9.

²⁰³ Там же. С. 10.

²⁰⁴ Там же. С. 8.

²⁰⁵ Там же. С. 8.

партийное руководство готово отказаться от командно-административных методов управления страной и предоставляет свободу действий для средств массовой информации. Отныне любой шаг Праги, любое заявление Дубчека или его ближайших соратников вызывало в Москве раздражение и недоверие.

Особое значение в оценке происходящих событий имело мнение советского посла в Праге С.В. Червоненко. Как в свое время Ю. В. Андропова в Будапеште 1956 г.

В.В. Загладин, работавший в то время в Международном отделе ЦК КПСС, считал, что советское посольство «давало ту картину событий, какую от него ждали. События в Чехословакии были внутренним вызовом как для работников посольства, так и для сидевших в Москве. В направлении личного негативного восприятия ситуации посла Червоненко подталкивал и его опыт работы в Китае, к тому же накладывались требования центра»²⁰⁶.

В период пребывания С.В. Червоненко в должности посла в Китае произошел разрыв советско-китайских отношений. Занимая пост полномочного представителя СССР в Праге, посол опасался, что в случае утраты контроля над событиями в стране его обвинят в потере еще одной страны. В итоге советский посол принял реформаторский курс А. Дубчека «в штыки».

С конца января на посольских партсобраниях он именовал Дубчека не иначе как «антипартийным явлением», а начиная с марта утверждал о возможности повторения «второй Венгрии», хотя ход событий, особенно на этой стадии, не давал пока серьезных поводов для такого вывода²⁰⁷.

У некоторых очевидцев создалось впечатление, что не знавший чешского языка и традиций страны пребывания Червоненко был не вполне самостоятелен в своих оценках. Решающую роль в формировании его позиции сыграл специалист по чешской истории И.И. Удальцов, занимавший в то время пост советника-посланника посольства. Удальцов дружил с Новотными семьями, и, возможно, этим объясняется то, что посольство упорно цеплялось как за подвергавшегося общественному ostracismu президента, так и за его окружение²⁰⁸.

Стремясь, однако, избежать возможных обвинений в предвзятости, посол дважды в месяц встречался со всеми членами Президиума ЦК КПЧ, включая тех, кого относил к «правым».

Смысл посольских донесений в Москву сводился к тому, что Дубчек пользуется симпатиями «ничтожной кучки интеллектуалов» и абсолютно лишен опоры в массах, особенно среди рабочих. Огромное число трудящихся стоит за Советский Союз, но «горстка „правых“ мешает им выразить свое мнение».

Аккредитованные в то время в Праге корреспонденты центральных советских изданий (В. Журавский, В. Кривошеев, Т. Мартынова, А. Дидусенко) видели, насколько информация посольства расходится с истинным положением вещей.

По признанию В. Журавского их оценки настолько противоречили донесениям посольства, что Червоненко несколько раз вызывали в Москву для неприятных объяснений²⁰⁹. Несмотря на это, по мнению уже упомянутого Ф.Ф. Петренко, «содержание шифровок Червоненко в целом принималось в Кремле за чистую монету». Тем более что Червоненко был послом с большим опытом и имел авторитет у вышестоящих инстанций. Критически мыслящие люди в ЦК не занимали ключевых постов, поэтому их возможности для влияния на политику были ограничены²¹⁰.

Помимо советских дипломатов, одним из главных для руководства СССР источников

²⁰⁶ Политические кризисы и конфликты... С. 151.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. С. 151—152.

²⁰⁹ Там же. С. 152—153.

²¹⁰ Там же. С. 153.

информации о внутреннем положении в Чехословакии являлись сообщения представителей «просоветской ортодоксальной» группировки в ЧССР, отрицательно относившейся к демократическим переменам в стране. Хорошо зная чувствительные струны Кремля, эти деятели старались создать впечатление, что чехословацкие реформы угрожают жизненным интересам Советского Союза в Восточной Европе. Один из таких информаторов уже в январе 1968 г. провел прямую параллель между положением в Чехословакии и венгерскими событиями 1956 г. Другой информатор, член ЦК КПЧ Ф. Гавличек, прямо предупреждал о «неизбежном сближении Чехословакии с Югославией и Румынией», которое приведет к «изоляции Советского Союза и ослаблению единства европейских социалистических стран»²¹¹.

Червоненко и Удадьцовым было инспирировано написание писем и петиций в адрес КПСС от коллективов чехословацких промышленных предприятий и организаций, которые доводили до сведения Москвы тревогу «честных коммунистов» ЧССР по поводу обстановки в стране и изъявляли дружбу и верность в отношении Советского Союза и всего «социалистического содружества». Наиболее характерным в этом смысле явилось письмо рабочих завода «Авто-Прага», обещавших не допустить возврата к довоенным временам, которое получило широкий резонанс в советских средствах массовой информации²¹². И не могло пройти бесследным.

Выступления участников заседания Политбюро ЦК КПСС от 21 марта 1968 г., посвященного среди прочего событиям в Чехословакии, отличались несвойственной прежде резкостью. Л.И. Брежнев привел многочисленные факты контактов с Дубчек, содержавшие постоянные заверения первого секретаря ЦК КПЧ в том, что «у них все спокойно, что события не выйдут на улицу». Однако, по мнению Брежнева, многие митинги, собрания, партийные активы «носят направленность антисоветскую. Все больше проглядывается, что направляет эти события не ЦК КПЧ, а Смерковские, Шики и другие обиженные люди».

Положение в Чехословакии, по его мнению, было настолько сложным, что его необходимо было обсудить на специальном пленуме ЦК. Другие члены и кандидаты в члены Политбюро поддержали точку зрения Генерального секретаря.

В частности, Косыгин заявил: «Он (Дубчек) очень разбросан, неуравновешен, на некоторые вещи он смотрит просто наивно. Например, ему задается вопрос, как у вас дела в армии? — В армии у нас все в порядке, так как большинство командиров дивизий мои личные знакомые. О КГБ вопрос — также полный порядок, отвечает он, а через несколько дней снимают председателя КГБ. Задаешь ему вопрос: а на кого Вы опираетесь в Президиуме сейчас? Отвечает: откровенно говоря, не знаю, на кого можно опереться. Отношение к Новотному, по-моему, озлобленное. Для нас понятно сейчас, что нет, конечно, силы спасти Новотного. На мой взгляд, в Чехословакии готовится венгерский вариант, но они пока еще боятся осуществлять этот вариант».

Первый секретарь ЦК компартии Украины П.Е. Шелест прокомментировал слухи о чехословацких событиях: «Несмотря на плохую информацию в нашей печати, все-таки разными путями расползаются среди народа, партии факты о событиях в Чехословакии».

Шелепин, следом за Брежневым и Шелестом, стал говорить о возможных идеологических последствиях чехословацких событий для СССР, призвал обратить особое внимание на студенчество: «Слушают „Голос Америки“, пьют, наблюдается пренебрежение к общественным наукам». Он внес предложение поскорее принять решение по идеологическим вопросам.

Попытку проанализировать расстановку сил в составе чехословацкого руководства предпринял П.Н. Демичев. Он выделил в нем три линии — Дубчек, Черник, Кольдер — это, по его словам, «любители модных слов, модных реформ»; Ленарт, Давид, Новотный — они по существу разбиты; Смерковский, Шик и другие — это «реставраторы», самые отъявленные враги.

²¹¹ ЦХСД.Ф. 5. Оп. 60. Д. 299. Л. 263.

²¹² Политические кризисы и конфликты... С. 153.

Секретарь ЦК М.С. Соломенцев вновь подчеркнул взаимосвязь чехословацких событий с оппозиционным движением в СССР: неблагополучно среди интеллигенции, часть технической интеллигенции объединяется с писателями. Соломенцев сетовал на недостаточное освещение прессой «судов над Гинзбургом и другими». В итоге он призвал: «Надо в зародыше ликвидировать гнойники».

По мнению Ю.В. Андропова, «по линии военной нам нужно также принять конкретные меры, во всяком случае разрабатывать их хотя бы».

По итогам заседания Политбюро была подготовлена информация ЦК КПСС для партийного актива страны, в которой содержался анализ ситуации в Чехословакии, указывалось, что «в КПЧ в настоящее время происходят сложные, порой противоречивые процессы»²¹³.

Вскоре добавились новые проблемы.

Предметом особого беспокойства Москвы прежде всего стала оппозиционная деятельность находившихся в эмбриональном состоянии, небольших по численности политических объединений КАН и К-231. КПСС была озабочена также перспективой регистрации возрождавшейся в Чехословакии социал-демократической партии. По-прежнему Кремль волновала «распушенность» чехословацких средств массовой информации. В чехословацких газетах и журналах ничего хорошего о Советском Союзе в те дни не писали.

Все чаще на совещаниях в Кремле поднимался вопрос о возможности применения военной силы для разрешения кризиса. Москва учла уроки венгерских событий 1956 г. Во избежание международных осложнений решено было действовать в составе коалиции, а не в одиночку. Добиться единства «братских» компартий по этому вопросу было непросто.

Коллективное мнение

Интенсивные консультации с главами других социалистических стран в отношении Чехословакии развернулись с начала 1968 г. Первым осязательным результатом стала договоренность о встрече в Дрездене. На этой встрече, кроме делегаций от ЦК КПСС и КПЧ, должны были присутствовать представители компартий ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии.

Совещание представителей компартий шести социалистических стран в Дрездене 23 марта началось с того, что руководителям КПЧ было заявлено — «братским компартиям непонятна концепция их деятельности». Пражская делегация подверглась критике за то, что «печать, радио и телевидение вышли из подчинения»; что в результате нападков средств массовой информации «хорошо проверенные, закаленные в борьбе кадры партии и государства» снимаются с занимаемых постов; что 80% уволенных — это люди, которые обучались в Москве; что начались массовые отставки секретарей райкомов и обкомов²¹⁴. Было указано на начавшееся разложение армии, «втянутой в митинги вместо службы». Однако полного единства, не на словах, а на деле, в осуждении чехословацкого руководства в Дрездене добиться не удалось. Некоторые из участников совещания, в первую очередь венгерский лидер Я. Кадар, остались при особом мнении. Более того, 18 апреля Кадар осторожно, но высказал одобрение ряду действий ЦК КПЧ.

Итоги дрезденской встречи обсудил и утвердил пленум ЦК КПСС, проведенный в Москве 9—10 апреля. Основным рефреном выступлений было: «Социалистическую Чехословакию мы не отдадим».

После Дрезденской встречи в отношениях конфликтующих сторон наступило временное затишье. ТАСС без каких-либо комментариев перепечатал фрагменты выступления А. Дубчека на заседании ЦК КПЧ. Избрание генерала Л. Свободы на пост президента страны вообще было воспринято с одобрением. Тем самым была устранена высокая вероятность избрания

²¹³ «От раскрытия архивов по „Пражской весне“ никуда не уйти...» // Отечественные архивы. 1993. №3. С. 86—89.

²¹⁴ Р.Г. Пихоя. с. 20.

Смрковского — совершенно неприемлемой для Москвы фигуры.

«Перемирие», однако, было недолгим.

Во второй половине апреля в чешской прессе впервые появились требования провести чистку КПЧ от «запятнавших» — тех, кто был причастен к репрессиям прошлых лет. Требования нашли поддержку у значительной части общественности, прежде всего среди молодежи и студенчества. Попытка проведения этой кампании могла привести к далеко идущим последствиям. «Запятнавшими» в некоторых случаях считались и те, кто сотрудничал с советским подпольем в годы Второй мировой войны.

Реализация призывов к чистке могла взорвать всю политическую систему страны, непосредственно угрожая практически всем представителям партийно-государственной элиты.

Показательным в этом смысле стало выступление писателей Э. Гольдштюкера, председателя Союза писателей ЧССР, и Я. Прохазки, состоявшееся 26 апреля 1968 г. в Праге, в Доме чехословацкой армии.

Они подвергли резкой критике весь путь развития ЧССР после февраля 1948 г., указав, что в результате событий 1968 г. в стране появились предпосылки для создания новой социальной системы демократического социализма. Советский же Союз, по оценке Гольдштюкера, был «классической страной диктатуры».

Тезисы Гольдштюкера развил Прохазка. Комментируя недавнее самоубийство генерала Янко, одного из ответственных за политические репрессии начала 50-х гг., писатель заявил, что тот «поступил как честный человек», добавив: «Но я не рекомендую, чтобы перестрелялся весь Генеральный штаб»²¹⁵.

Чехословацкое руководство было приглашено в Москву для объяснений.

4 мая в Москву прибыли А. Дубчек, О. Черник, И. Смрковский и В. Биляк. С советской стороны во встрече участвовали Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, К.Ф. Катушев и К.В. Русаков. Беседа продолжалась долго — более девяти часов — и вызвала в Кремле нескрываемое раздражение.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 6 мая Брежнев, комментируя итоги встречи, сказал: «Когда вспоминаешь все этапы отношений после первой беседы с т. Дубчеком, в частности, моей беседы в Праге, и последующие беседы, то создается такое впечатление, что он намеренно говорит одно, а делает абсолютно другое, хотя и говорит он вихляя, неконкретно». В качестве примера Брежнев приводил заверения Дубчека сохранить кадры. Однако, по мнению генерального секретаря ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПЧ сменил все кадры снизу доверху. Дубчек фактически «обезглавил партию». Брежнев исключительно резко высказался и в адрес «Программы действий»: «Мне кажется, мы едины в том, что это плохая программа, открывающая возможности для реставрации капитализма в Чехословакии, правда, завуалированная разной фразеологией. Это выражение мелкобуржуазной стихии»²¹⁶. Смрковский на встрече с руководством ЦК КПСС, по словам Брежнева, говорил немного. Основным в его выступлении было осуждение прежних репрессий. При тех спорах, которые возникали между чешской и советской сторонами, Смрковский произвел на Брежнева, видевшего его впервые, впечатление сильного человека и цельной личности. Однако никакой обеспокоенности и тревоги, по словам Брежнева, никаких позитивных предложений в выступлении Смрковского он не разглядел.

Невысокую оценку Генеральный секретарь ЦК КПСС дал выступлению Черника — по его словам, путаному, содержащему неподкрепленные обещания. Выше всего Брежнев оценил позицию Биляка. В нем «чувствовалась действительно тревога за состояние дел, за развитие событий. Он, например, говорил, что события развиваются в таком направлении, что это угрожает Коммунистической партии Чехословакии и социалистическим завоеваниям, что подняли голову все некоммунистические партии».

Вывод Брежнева был следующим: «Сегодня на Военном Совете мы рассмотрели вопросы,

²¹⁵ Р.Г. Пихоя. С. 14.

²¹⁶ Р.Г. Пихоя. С. 14.

у нас обсуждались уже конкретные планы о наших практических мерах в связи со сложившейся обстановкой. Первым нашим шагом было: мы сообщили им предложение послать 20—25 наших маршалов и генералов во главе с маршалом Коневым и Москаленко на празднование Дня Победы... Мы также обсудили целый ряд других мер, о которых я скажу несколько позже».

Косыгин привнес в обсуждение новый, еще более жесткий тон. Руководство КПЧ, заявил он, готовит реабилитацию, «они думают обыграть это, считая, что руки у Готвальда и Запотоцкого в крови и что они действовали вместе с Советским Союзом. На этом фоне они и думают организовать новую партию, собственно, буржуазную партию и буржуазные порядки». По мнению Косыгина, просьбы чехословацкой стороны о займе в 500 млн руб. золотом носят по своей сути провокационный характер: «Они знают, что мы откажем в этом, что на таких условиях, как они предлагают, не дадим этого займа, — и они на этом тоже хотят сыграть»²¹⁷.

Майский 1968 г. пленум ЦК КПЧ, на который рассчитывала Москва, не принес никаких изменений в расстановке политических сил и не обеспечил поражения реформаторов.

4 июня по дипломатическим каналам в Москве было получено сообщение о встрече советского посла с Биляком. На этот раз он подробно охарактеризовал положение в руководстве КПЧ, уделив особое внимание так называемому «пражскому центру», куда, по его словам, входили Шик, первый секретарь Южноморавского обкома КПЧ Й. Шпачек, Цисарж, Кригель и министр внутренних дел Й. Павел. К ним присоединились заведующий организационно-политическим отделом ЦК Ф. Коларж и заведующий отделом административно-государственных органов В. Прхлик. Эти люди, утверждал Биляк, проводят заседания в здании ЦК КПЧ, в кабинете Цисаржа. «Пражский центр» пытается действовать в пражских районах, дискредитирует Дубчека. Биляк также отметил, что у Дубчека в качестве «оперативной силы» имеется до 10 тыс. наиболее преданных солдат и офицеров, которые в случае необходимости будут немедленно приведены в готовность»²¹⁸.

Отношения между КПСС и КПЧ продолжали тем временем ухудшаться и постепенно достигли критической точки. Ситуация стала сопоставимой с советско-югославским разрывом 1948 г. Однако в Москве все еще надеялись, что очередные многосторонние переговоры все же могут выправить положение.

Но в последовавшем между Л.И. Брежневым и А. Дубчеком телефонном разговоре выяснилось, что чехи отказываются от совместной встречи представителей шести коммунистических партий в Варшаве. Это был откровенный демарш.

Брежнев обрушился на Дубчека с обвинениями, заявив, что отказ от встречи открывает новый конфронтационный этап в отношениях между КПСС и КПЧ. Дубчек вяло оправдывался, признавая, что прессой действительно допускались отдельные ошибки, в частности антисоветские выпады²¹⁹.

«Письмо пяти», как его называли в Праге, в Президиум ЦК КПЧ, содержавшее приглашение чехословацких лидеров в Варшаву, по-прежнему расценивали в Чехословакии как недопустимое вмешательство во внутренние дела.

В ходе Варшавского совещания (в отсутствии чехословацкой делегации) было выработано послание в адрес ЦК КПЧ. В документе говорилось, что «ввиду развернувшегося в ЧССР наступления контрреволюции, братские партии настоятельно требуют от чехословацкого руководства срочно принять энергичные меры, чтобы отразить натиск врага, учитывая, что защита социализма в Чехословакии не частное дело только этой страны, а священный долг всего социалистического содружества».

Вести из Праги были все менее обнадеживающими. Один из руководителей ЦК КПЧ

²¹⁷ Р.Г. Пихоя. С. 15.

²¹⁸ ЦХСД.Ф. 5. Оп. 60. Д. 323. Л. 38—41.

²¹⁹ Р.Г. Пихоя. Чехословакия, 1968 год. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС// Новая и новейшая история. 1995. №1. С. 34.

информировал, что за советским посольством и за виллами, где живут советские дипломаты, установлена слежка, контролируются все их встречи.

В середине июля по каналам КГБ из Праги пришло секретное письмо на имя Л.И. Брежнева от кандидата в члены Президиума ЦК КПЧ А. Капека. В нем сообщалось: «В ЦК КПЧ группа из руководящего состава партии в лице Смрковского, Кригеля, Шпачека, Шимона, Цисаржа, Славика овладела всеми средствами массовой информации и ведет антисоветскую и антисоциалистическую работу». В конце письма А. Капек прямо призвал: «Я обращаюсь к Вам, товарищ Брежнев, с призывом и просьбой оказать братскую помощь нашей партии и всему нашему народу в деле отпора тем силам, которые создают серьезную опасность самим судьбам социализма в Чехословацкой Социалистической Республике»²²⁰.

Письмо было зачитано на заседании Политбюро, однако его сочли недостаточным для принятия важного военно-политического решения. Через несколько дней по тем же каналам на имя Брежнева поступило еще одно письмо, подписанное теперь уже пятью чехословацкими руководителями. Речь в письме шла о возникновении в ЧССР возможности «контрреволюционного переворота» и содержался призыв к вмешательству в чехословацкие события. «В такой тяжелой обстановке обращаемся к вам, советские коммунисты, руководящие представители КПСС и СССР, с просьбой оказать нам действенную поддержку и помощь всеми средствами, которые у вас имеются. Только с вашей помощью можно вырвать ЧССР из грозящей опасности контрреволюции. Мы сознаем, что для КПСС и СССР этот последний шаг для защиты социализма в ЧССР был бы нелегким.

В связи со сложностью и опасностью развития обстановки в нашей стране, просим вас о максимальной засекреченности этого нашего заявления, по этой причине пришлем его прямо лично для вас на русском языке»²²¹.

19 июля на очередном заседании Политбюро ЦК КПСС Л.И. Брежнев заявил, что в отношениях с Чехословакией наступил новый этап. Время, по его словам, «работает не в нашу пользу, против нас. Сейчас в Праге ждут приезда Чаушеску и Тито, идет разговор о каком-то дунайском сговоре, дунайской встрече». Брежнев подчеркнул, что КПЧ получила поддержку в европейском коммунистическом движении, а Итальянская и Французская коммунистические партии призвали к проведению европейского совещания, где действия ЦК КПЧ могут получить одобрение. Отсюда следовал вывод: «Возник не только новый момент, но и новые требования к нашим действиям. Возникает один вопрос: все ли мы исчерпали из арсенала политического воздействия, все ли мы сделали до того, как принять крайние меры? Мы и на пленуме заявили о том, что примем все зависящие от нас меры политического воздействия. Если это не даст соответствующего эффекта, только тогда предпримем крайние меры».

Этим осторожным, сдержанным заявлением Брежнев дал понять, что на этом этапе он по-прежнему остается сторонником политического давления на ЦК КПЧ. С ним согласился Косыгин, который считал, что эффективной формой оказания политического давления может стать двусторонняя встреча.

Подобная позиция, однако, не нашла поддержки у большинства членов Политбюро. Объектом критики, естественно, стал не Брежнев, а Косыгин. Андропов, Устинов, Мазуров, Капитонов — все они считали, что настало время для жестких мер. В конечном счете Политбюро пришло к компромиссному решению: встречу с чехословацкими лидерами рассматривать как последнюю политическую меру воздействия.

Политика давления на Прагу во многом облегчалась относительно нейтральным отношением международного общественного мнения к происходившему в Чехословакии.

Встреча с государственным секретарем США Д. Раском, состоявшаяся 22 июля, показала: американцы не хотят вмешиваться в конфликт. Раск заявил: «Правительство США стремится быть весьма сдержанным в своих комментариях в связи с событиями в Чехословакии. Мы

²²⁰ Цит. по: Д. Волкогонов. Семь вождей. Кн.2. М.: Новости, 1995. С. 46.

²²¹ Там же. С. 46.

определенно не хотим быть как-то замешаны или вовлечены в эти события»²²². Это был сигнал для Москвы. Политическому руководству СССР стало ясно: реализация «крайних мер» не приведет к активному противодействию со стороны США.

Согласно решениям Политбюро от 19 и 22 июля, началась спешная практическая проработка этих «крайних мер». 20 июля была подготовлена первая, а 26 июля — вторая редакция Декларации от имени Политбюро ЦК КПЧ и Революционного правительства ЧССР о внутренней и внешней политике, а также «Обращения к гражданам ЧССР, к чехословацкой армии». Эти документы должны были быть обнародованы после того, как войска СССР и других стран Варшавского Договора войдут в Чехословакию. 26—27 июля на заседании Политбюро ЦК КПСС были полностью отработаны все необходимые документы, включая и заявление «К советскому народу». Час принятия решения неумолимо приближался.

Последние советско-чехословацкие переговоры 29 июля — 1 августа 1968 г. проходили при участии почти всего состава как Политбюро ЦК КПСС, так и Президиума ЦК КПЧ. Они состоялись в Чиерне-над-Тисой. Отсутствие на переговорах глав важнейших советских ведомств: министра обороны А.А. Гречко, министра иностранных дел А.А. Громыко и председателя КГБ Ю.В. Андропова — явно указывало на стремление участников представить обсуждение чисто партийным делом.

Встречу, впрочем, трудно было назвать переговорами в точном смысле этого слова. В Москве она задумывалась скорее как форма массированного давления; ставка делалась на то, чтобы заставить наконец Прагу пойти на уступки и изменить свою позицию.

Накануне переговоров в Политбюро поступили почти одновременно послания от Н. Чаушеску, И. Тито и 18 европейских компартий, в которых содержалась просьба (завуалированное предупреждение) не оказывать слишком жесткого давления на руководство Чехословакии. Делегации разместились по-походному — в двух железнодорожных составах посреди табачных плантаций у погранполосы, что должно было указывать на чрезвычайность происходящего и оказать на пражских лидеров психологическое давление.

Переговоры открылись четырехчасовой речью Брежнева, в которой он смешивал цитаты из чехословацкой печати с обвинениями в потакании западному империализму и стремлении «проташить контрреволюцию». Если ставилась цель достичь взаимопонимания, это выступление нельзя было считать удачным.

Оно с самого начала вызвало недовольствие противоположной стороны. Мероприятие оказалось под угрозой срыва.

Кремлевские лидеры не учли менталитет чехов и словаков. Они не ожидали, что бесцеремонным нажимом лишь возродят в пражском руководстве чувство сплоченности. В подобной ситуации даже Биляк и Индра со своими сторонниками сочли благоразумным примкнуть к общему лагерю.

Во время переговоров наиболее агрессивно повел себя П.Е. Шелест. Он поднял вопрос о статусе и положении украинского национального меньшинства в Словакии. Занявшись выяснением, кто в чехословацком руководстве «правый», Шелест оскорбил Кригеля, назвав его «галицийским евреем»²²³. Выпад до предела обострил обстановку. Косыгин был вынужден отправиться к поезду чехословацкой делегации и принести извинения за Шелеста, «зашедшего слишком далеко».

После перерыва стороны договорились продолжить обмен мнениями по группам.

В конечном итоге чехословацкое руководство дало обязательство обуздать прессу, подтвердило приверженность социализму и верность своей страны обязательствам по линии Организации Варшавского Договора. Однако пражскому руководству во главе с Дубчеком предложили еще раз высказать свою позицию на многостороннем форуме в Братиславе. Делегация КПЧ не скрывала удивления: зачем собираться еще раз? Но была вынуждена согласиться при условии, что встреча состоится на территории Чехословакии и не станет

²²² Новая и новейшая история. 1995. №1. С. 36.

²²³ Политические кризисы и конфликты... С. 164.

вмешательством во внутренние дела.

На самом деле встреча оставила у обеих сторон глубоко негативное впечатление²²⁴.

Присутствовавший на переговорах в Чиерне В.А. Александров считал, что постоянными «источниками нагнетания недоверия» в ходе откровенной дискуссии были два чехословацких руководителя — председатель Национального собрания И. Смирковский и глава Национального фронта Ф. Кригель, «первый — в силу своих амбиций, претензий на роль главного трибуна, второй — в силу умопомрачительного политического инфантилизма. Стоило Дубчеку или Чернику сказать какую-нибудь доброжелательную в отношении СССР фразу, как тот и другой „анфан террибль“ спешили в своем кругу опровергнуть сказанное: дескать, не надо верить, на самом деле „Саша“ думал иначе. В иных случаях такая разногласица ничего бы не значила, но речь шла об отношениях, которые назывались „братскими“, а здесь уже доверие или его отсутствие приобретали определяющее значение».

В свою очередь после возвращения из Чиерны-над-Тисой Ф. Кригель сказал: «После Чиерны я не могу спать. Я обнаружил невероятно низкий уровень этих людей, не прочитавших в жизни ни единой книги Маркса или Ленина. Когда я думаю, что судьба мира зависит от них, я не могу спать»²²⁵.

После переговоров премьер О. Черник позвонил Ч. Цисаржу — единственному оставшемуся в Праге члену высшего партийного руководства — и заклинал его постараться избежать появления в печати непосредственно перед новой встречей лидеров блока резких публикаций, способных вызвать раздражение Москвы.

Однако чехословацкая печать уже оказалась вне досягаемости партийного контроля. Один из номеров массового издания «Литерарни листы» вышел с карикатурой на В. Ульбрихта. Достигнутые договоренности не соблюдались.

Последней, все более призрачной надеждой, оставалось братиславское совещание. На совещании в Братиславе было много рукопожатий, поцелуев и цветов. Оно напоминало встречу старых друзей, не отягощенных разногласиями и спорами, обрадованных возможностью у видеть друг друга после разлуки. Делегации в полном составе разместились в большом зале. Началось оживленное обсуждение, грозившее затянуться до бесконечности.

Коллективное обсуждение вскоре пресек Брежнев. Он предложил остаться только первым секретарям, добавив: «Вот, со мной будет еще Косыгин». Партийные лидеры заперлись в отдельной комнате и стали читать текст проекта совместного заявления, который был подготовлен советской рабочей группой в салон-вагоне по пути из Чиерны до Братиславы²²⁶. К этой работе никто из помощников и лиц, не входивших в руководство, допущен не был. Исправления в проект вносил непосредственно Брежнев, который отдавал текст лист за листом своему помощнику Г.Э. Цуканову — единственному человеку, получившему право входить в комнату переговоров.

В соседнем зале ожидали все остальные — руководители рангом поменьше, эксперты, сопровождающие лица.

Заявление шести братских компартий, принятое в Братиславе, не содержало утверждения о наступлении контрреволюции в Чехословакии. В самых общих выражениях говорилось о социалистических завоеваниях прошлого; о соблюдении общих закономерностей социалистического строительства в соответствии с документами московского Совещания коммунистических и рабочих партий 1957 г., включая руководящую роль партии, принцип демократического централизма, непримиримую борьбу против буржуазной идеологии; о тесных связях внутри СЭВ и Варшавского Договора; о братской взаимопомощи и солидарности.

²²⁴ Цит. по: Политические кризисы и конфликты... С. 165.

²²⁵ Hruby P. Fools and Heroes. The changing role of communist intellectuals in Czechoslovakia. Oxford, N.Y., Toronto., 1980. P. 215.

²²⁶ См. Политические кризисы... С. 166.

Но во фразах, которые на первый взгляд казались шаблонными заявлениями газетных передовиц, скрывался далеко не безобидный смысл.

Главным пунктом братиславского заявления стало положение о защите завоеваний социализма как общем интернациональном долге всех социалистических стран. Это был достаточно неопределенный тезис, допускавший различную интерпретацию. В том числе он предполагал применение в случае необходимости коллективных (включая военные) мер против страны-нарушителя. Каждая сторона, покидая встречу, считала себя победителем. Дубчек рассматривал итоги совещания в Братиславе как «легализацию чехословацкого пути к социализму».

Но он ошибался. Признав защиту социализма делом всего социалистического содружества и тем самым право «братских» партий обсуждать, а при случае и вмешиваться во внутренние проблемы суверенной страны, Дубчек тем самым допустил возможность подмены межгосударственных отношений межпартийными.

Западные журналисты, наблюдавшие за ходом встречи, отметили непонятную робость в поведении Брежнева и рассерженный вид Ульбрихта и Гомулки.

Сразу после братиславской встречи несколько успокоенный Брежнев уехал в отпуск. Его замещал в ЦК КПСС А.П. Кириленко, которому было поручено передавать в Крым, где находился Генеральный секретарь, обобщенную информацию и оценки ситуации в Чехословакии.

На самом деле информация, поступавшая в Крым из Москвы, имела для Брежнева второстепенное значение. Основным каналом информации, которому он полностью доверял, стал телефонный кабель Ялта — Прага, разговоры с советским посольством, шедшие непрерывно, по несколько раз в день. Через этот канал с Брежневым контактировали представители «здоровых сил» в чехословацком руководстве. Их живая речь, видимо, была более убедительной, чем соответствующее письменное изложение в донесениях посла Червоненко.

Основной лейтмотив бесед был один: команда Дубчека интерпретирует результаты братиславского совещания совсем иначе, чем лидеры остальных компартий.

Вскоре после братиславской встречи на стол Брежневу легли шифровки о собраниях партактивов в пражских районах, на которых Ф. Кригель и И. Смирковский делились впечатлениями, как они «обманули русских», и отмечали, что «все будут делать по-своему»²²⁷.

У Брежнева окончательно сложилось убеждение: с чехословацкими реформаторами дальнейшие переговоры бесполезны, в ближайшем будущем они неизбежно будут сметены второй, более радикальной волной, которая приведет к реставрации буржуазных порядков в Чехословакии.

Разноголосица и столкновение честолюбий в рядах чехословацких реформаторов позволяли Москве заниматься активными поисками замены Дубчеку — то предлагая пост первого секретаря не стоявшему на передних позициях Э. Эрбану, от чего тот благоразумно отказался, то вынашивая планы создания марионеточного «рабоче-крестьянского правительства». По мнению Млынаржа, на поисках Кремлем стопроцентно надежной кандидатуры сказывалась «русская традиция ставить на кого-то одного, облеченного абсолютным доверием», неумение учитывать и тем более сотрудничать с различными политическими силами или негласными фракциями одной партии²²⁸.

9 августа в телефонном разговоре с Дубчеком Брежнев высказал свои претензии по поводу фактического отказа чехословацкой стороны выполнять прежние договоренности.

«Создается впечатление, — говорил Брежнев, — что из совещаний не сделаны выводы. Обязательства, которые мы с вами приняли в Чиерне-над-Тисой, не выполняются». Затем он заговорил о мерах по овладению средствами массовой информации и прекращению

²²⁷ Там же. С. 169.

²²⁸ Там же.

деятельности социал-демократической партии и клубов²²⁹.

13 августа состоялся новый телефонный разговор с Дубчеком. Брежнев требовал объяснений в отношении антисоветских выпадов в чехословацкой прессе. Поднимались Брежневым и две другие проблемы: обещанные изменения в МВД и в партийном руководстве. В этой трудной эмоциональной беседе со множеством взаимных упреков со стороны Брежнева прозвучали обвинения в обмане, в отказе от принятых обязательств. В свою очередь Дубчек постоянно ссылаясь на изменившиеся обстоятельства, на невозможность решать поставленные вопросы на Президиуме. До сих пор, однако, неясно, что имел в виду Дубчек под словами «изменившиеся обстоятельства». Судя по всему, контроль над ситуацией действительно выскользнул из его не очень твердых рук.

Выводы, сделанные в Москве после разговора Брежнева с Дубчеком 13 августа, стали решающими. Никто уже не сомневался или не смел сомневаться в необходимости военного вторжения в Чехословакию.

16 августа Политбюро ЦК КПСС утвердило текст послания Брежнева Дубчеку. В нем на двух страницах пункт за пунктом перечислялись обязательства, нарушенные чехословацким руководством.

На следующий день, 17 августа, заседание Политбюро ЦК вел сам Брежнев. С этого заседания началась завершающая стадия подготовки к вторжению. Было принято решение собрать 18 августа совещание руководителей стран — членов Варшавского Договора, чьи войска привлекались к военной операции в Чехословакии.

Устрашение реформаторов

Уже на апрельском заседании Политбюро ЦК КПСС после опубликования в Праге «Программы действий» КПЧ Брежнев внес предложение о необходимости проведения на территории Чехословакии военных учений. Это был один из способов давления на чехословацкое руководство. Не исключалось, что еще в ходе учений на территорию Чехословакии, в случае необходимости, будет введен дополнительный войсковой контингент.

Брежнев отдавал себе отчет в том, что подобные действия вызовут протесты в чехословацкой и западной прессе. «Ну, что же, не впервой. Зато мы сохраним социалистическую Чехословакию, зато каждый подумает после этого, что шутить с нами нельзя», — отвечал он, наверное, на это самому себе.

Серьезным препятствием для силового давления на Прагу являлось отсутствие законодательной базы для размещения советских войск на чехословацкой территории. К тому времени советские воинские контингенты дислоцировались в ГДР, Польше и Венгрии. Теперь предоставлялась возможность «выровнять» линию защиты социализма, разместив свои части и в Чехословакии. Однако попытки убедить Дубчека в необходимости не то что дислоцировать советские войска, но даже провести рядовые плановые учения наталкивались на категорический отказ Праги.

Но другого выхода, кроме проведения войсковых учений вблизи или непосредственно на территории Чехословакии, в Москве не видели.

13 мая в ЦК КПСС была направлена записка министра обороны маршала А. Гречко и командующего Объединенными Вооруженными силами Варшавского Договора И. Якубовского о поездке советской военной делегации в ЧССР, в ходе которой предполагалось решить вопрос о проведении совместных учений стран ОВД.

16 мая на Политбюро вновь возник вопрос о Чехословакии — на этот раз в связи с предстоящим визитом в Прагу Косыгина. Он должен был не только уточнить внутривластическую обстановку в стране, но и добиться согласия чехословацкой стороны на ввод войск для учений.

Наконец разрешение на проведение учений было получено.

23 мая маршал Гречко отчитывался на Политбюро об итогах поездки военной делегации в

²²⁹ «Новая и новейшая история». 1995. № 1. С. 39—40.

Чехословакию. По его мнению, в чехословацкой армии царил развал: приказы не выполнялись, армия митинговала, пресса министерства национальной обороны, Чехословацкой народной армии объявила себя независимой от собственного начальства, дивизии, стоявшие на границе с ФРГ, были укомплектованы всего на 40—50%²³⁰.

В ходе обсуждения было решено создать специальную комиссию, оперативную группу по ситуации в Чехословакии. В нее вошли Подгорный, Суслов, Пельше, Шелепин, Мазуров, Русаков, Андропов, Громыко и Епишев.

27 мая в Политбюро об итогах своей поездки в Чехословакию отчитывался Косыгин, который попытался несколько сгладить тревожное впечатление, оставшееся от поездки военных. Прежде всего он «открыл для себя политическую реальность»: в данной обстановке нет более авторитетных людей в партии и стране, чем Дубчек, Черник и Свобода. Давая характеристики отдельным чешским лидерам, Косыгин высоко оценил Смирковского, который после московской поездки стоит «очень твердо на принципиальных позициях». Беседуя с Дубчеком, он услышал от первого секретаря ЦК КПЧ надежду на решения очередного пленума, которые в случае успеха «развяжут ему руки». Чехословацкое руководство заверило Косыгина, что «если остро развернутся события, а этого нельзя исключить, то они видят выход в рабочей милиции, в обращении к рабочему классу». Отметил Косыгин и то, что у официальной Праги есть надежда на помощь «наших войск». Говоря об острой классовой борьбе в стране, он подчеркнул, что с чехословацким руководством «говорить значительно легче, даже в этой обстановке, чем с Чаушеску, чем с Тито, чем с Фиделем Кастро»²³¹.

Во время доклада Косыгина Брежневу позвонил Шелест. Он сообщал в Москву о разговорах, которые были у него в Словакии с Биляком. То, что Биляк передавал в Москву, могло вызвать только состояние паники. По его мнению, говорил Шелест, «если в течение месяца не будет наведен порядок в стране, то мы все полетим. Полетит и наш „апостол“ (имелся в виду Дубчек. — Авт.), что нам вместе, словакам и русским, очевидно, придется еще раз освобождать Чехословакию. Он просил, если будет сложная обстановка, а он этого не исключает, чтобы можно было их семьям переехать в Ужгород, что нужно бороться за социалистическую Чехословакию». Советское руководство не должно упускать момент, «а мы, словаки, всеми силами поддержим это».

Брежнев во всеуслышание заключил, что Биляк смотрит на вещи, наверное, более реалистично, чем Косыгин²³².

Была подтверждена ставка на силовое давление. Список проведенных летом 1968 г. войсковых учений впечатляет: в мае — июне — учения советских соединений и частей; в июле — учения войск ПВО стран Варшавского Договора «Небесный щит»; в июле — августе — учения тыловых частей и подразделений ряда западных военных округов Советского Союза под условным наименованием «Неман»; в августе — совместные учения войск связи ГДР, Польши и СССР²³³. Всякий раз при этом Москва старалась затянуть сроки учений. Генерал-полковник И.Д. Ершов прокомментировал это так: «После майских маневров советское командование стремилось задержать войска на чехословацкой территории, и некоторое время там „вояжировал“ один полк с тем, чтобы протянуть время»²³⁴. Даже офицеры чехословацкой военной разведки не знали точное число войск и техники, пересекшей границы ЧССР в начале

²³⁰ «Новая и новейшая история». 1994. № 6. С. 16.

²³¹ Там же. С. 17.

²³² Там же.

²³³ С. Лавренов. Акция войск стран-участниц Варшавского Договора в Чехословакии, 1968 // Военная Энциклопедия. Т. I. М., Воениздат, 1997. С. 114—115.

²³⁴ Цит. по: Политические кризисы и конфликты. С. 161.

июня.

Примечательными в этом отношении стали проведенные в июне — июле непосредственно на территории Чехословакии командно-штабные учения (КШУ) армий Польши, ЧССР, ГДР и СССР. Подводя итоги КШУ, главком Объединенных Вооруженных сил стран Варшавского Договора маршал И. Якубовский оценил состояние боевой подготовки чехословацкой армии как неудовлетворительное и предложил продолжить учения, не определив срока их завершения. После бурного протеста чехословацкой стороны учения были завершены, однако отвод союзных войск, и прежде всего советских, из района проведения КШУ был задержан²³⁵. Большая часть из них впоследствии не была возвращена в места постоянной дислокации, а разместились в непосредственной близости от чехословацкой границы.

Британский исследователь Д. Флойд полагает, что в целом «русским удалось протащить армию численностью приблизительно 50 тыс. солдат с самым современным вооружением, притом не допуская предположений, что они вторглись или оккупируют страну. Эти маневры июня 1968 г. в действительности стали миниоккупацией с военным присутствием в таком масштабе, что требовался лишь небольшой политический успех, чтобы позволить русским повернуть часы назад²³⁶.

Начиная с мая, в Прагу едва ли не ежедневно поступало множество сведений и слухов, в которых было чрезвычайно трудно отделить достоверные данные от сознательных провокаций. Так, пока велись переговоры в Чиерне-над-Тисой, войска ГДР вдоль границы, по данным чехословацкой разведки, периодически на 20 минут запускали моторы боевой техники и затем снова выключали.

Чехословацкие руководители, впрочем, отказывались верить в возможность «венгерского» сценария развития событий. Они были убеждены, что русские под давлением международного общественного мнения рано или поздно должны будут примириться с пражским экспериментом.

Между тем внутри самой Чехословакии усиливалась еще одна очень тревожившая советское руководство тенденция: в верхах чехословацкой армии все громче раздавались голоса за выход страны из Организации Варшавского Договора. Инициаторами стали Военный институт социальных исследований, Военно-политическая академия имени К. Готвальда и отдел военно-административных органов ЦК КПЧ во главе с генералом Прхликом.

В конце мая высшему политическому руководству Чехословакии были представлены два меморандума, разработанные в этих учреждениях. В первом предлагалось «сформулировать и зафиксировать государственные интересы в военной области», во втором — обсудить «Программу действий Чехословацкой народной армии»²³⁷. Эти документы объединяла критика состояния обороноспособности страны в результате ее безоговорочного следования в фарватере советской политики; неоправданные, с точки зрения авторов, затраты на поддержание армии как составной части сил Варшавского Договора, противостоявших НАТО; неравноправность отношений, существовавших в Варшавском Договоре.

Определяя альтернативные концепции защиты Чехословакии, авторы этих документов предлагали следующие варианты:

- оборона государства в рамках Варшавского Договора с близкой перспективой его роспуска (одностороннего или одновременного с НАТО);
- обеспечение безопасности государства в условиях приобретения Чехословакией статуса нейтрального государства;
- участие страны в европейских региональных органах коллективной безопасности;

²³⁵ Там же. С. 162.

²³⁶ Floyd D. Czechoslovak crisis of 1968. Brassey's annual. The armed decision, Baltimore and London, 1979. P. 42—43.

²³⁷ ЦХСД.Ф. 5. Оп. 60. Д. 323. Л.38—41. Д.309. Л. 58—72.

— самооборона государства²³⁸.

Таким образом, все варианты будущей военной политики были ориентированы на радикальный пересмотр прежних связей ЧССР с Варшавским Договором и в конечном счете с СССР.

Прогнозы Громыко об угрозе развала ОВД начинали сбываться.

В арсенале Политбюро ЦК КПСС не осталось иных средств воздействия на чехословацких «отступников», кроме силового.

Решение о применении военной силы

Споры о необходимости военного вмешательства в чехословацкие дела развернулись в Москве в июле 1968 г.

2 июля на заседание Политбюро был вызван посол Червоненко.

По мнению Червоненко, Дубчек и Черник не имели никаких планов борьбы с правыми. Далее советский посол сделал вывод: «Теперь уже ни для кого не секрет, что существует второй центр. В него, бесспорно, входят такие деятели, как Кригель, Цисарж, Славик и другие».

Посол, однако, был осторожен, оценивая целесообразность использования военной силы. Настаивая на выводе войск, расквартированных в Чехословакии под предлогом учений стран Варшавского Договора, он говорил, обращаясь к членам Политбюро: «Войска нужно сейчас выводить, так как в этой ситуации присутствие наших войск народ не поддержит. Сейчас отношение к нашей армии очень хорошее. Но если мы оставим сейчас войска, все обернется против нас»²³⁹.

Большинство участников заседания с выводами Червоненко не согласились. Подгорный, Шелест, Андропов настаивали на том, чтобы советские войска в ЧССР оставить. Правда, Подгорный высказал определенные сомнения, желая, чтобы предпринятые меры хоть в какой-то степени соответствовали нормам международного права. Его поддержал Косыгин. Сторонником жестких и быстрых действий был Громыко, доказывавший, что время работает против советских интересов. «Теперь уже ясно, очевидно, что нам не обойтись без вооруженного вмешательства», — заявил он.

Сам Брежнев не торопился: «Важно нам уяснить четко сейчас, не ошибаемся ли мы в оценке событий в Чехословакии. От этого будут зависеть все наши меры»²⁴⁰.

На следующий день, 3 июля, Политбюро продолжило свое заседание. Так долго заседания длились лишь в условиях острой кризисной ситуации. Брежнев начал его с информации о своих консультациях с Кадаром. Судя по «рабочей записи», последний выступил как сторонник военного вмешательства в чехословацкие события.

Кадар утверждал: обстановка складывается таким образом, что «придется, очевидно, оккупировать Чехословакию. Если потребуется, мы пойдем на это без сомнения»²⁴¹.

В перерыве заседания Брежнев позвонил в Варшаву Гомулке и, вернувшись, сказал членам Политбюро, что «товарищ Гомулка согласен с мерами, которые мы предпринимаем, в частности с письмом, и сообщил, что они обсудят это на Политбюро и подготовят соответствующее письмо от себя чехам». Гомулка согласился провести планируемое совещание руководства компартий в Варшаве²⁴².

²³⁸ Там же. С. 75.

²³⁹ Новая и новейшая история». — 1994. №6. — С. 20.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

Оттягивание военного решения чехословацкой проблемы было во многом следствием колебаний самого Брежнева.

С самого начала кризиса, предчувствуя неизбежность его силового решения, он не хотел выступать инициатором этого шага.

Советский лидер ждал, что к этому нелегкому решению его подтолкнут сами события, другие люди.

В целом причины, склонявшие советское руководство на применение силы в отношении суверенного государства, условно можно свести к двум группам: геополитические (военно-стратегические) и политико-идеологические. Среди специалистов до сих пор нет единства в том, какие из них приобрели решающее значение при окончательном решении о вводе войск.

Уязвимость или утрата одного из партнеров по Варшавскому Договору воспринимались кремлевской элитой чем-то вроде прорыва «внешнего кольца» социалистического лагеря. Одно дело — отстаивание Дубчеком демократических принципов и даже «гуманной» версии социализма внутри социалистической системы, и совсем другое — вывод чехословацких вооруженных сил с территории страны из-под советского контроля.

Военно-политическое руководство СССР в качестве повода для ввода войск в Чехословакию ссылалось на концентрацию войск НАТО летом 1968 г. у ее границ. Однако, как отмечал В.В. Загладин, «все эти передвижения не превосходили ситуаций, которые уже существовали в прошлом, и не давали повода для подобных выводов».

«То, что ФРГ не концентрирует ударные силы на границе, можно было убедиться по спутниковой информации», — замечал по тому же поводу не менее информированный в то время А.Е. Бовин²⁴³.

У Росту, советник президента США Л. Джонсона по вопросам национальной безопасности, утверждал: «Мы изо всех сил стремились избежать впечатления, что поощряем происходящее в Чехословакии, все начинания ее партии и правительства»²⁴⁴.

«Единственный раз, — вспоминал Росту, — мы выразили протест после того, как их пропаганда заявила, будто чехам помогает ФРГ и НАТО. Раек пригласил Добрынина и сказал ему: „Это неправда, и вы знаете, что это не так — это нужно прекратить“»²⁴⁵.

Американцы опасались, что какое-либо вмешательство в события в ЧССР могло быть расценено как нарушение ялтинского раздела сфер влияния, а это подорвало бы шансы на успех намного более важных для них переговоров об ограничении стратегических вооружений.

Окончательная позиция США по этому вопросу была зафиксирована в послании американского президента Л. Джонсона Л.И. Брежневу от 18 августа, где подтверждалось намерение Вашингтона не вмешиваться в ситуацию в ЧССР ни при каких обстоятельствах.

Однако решающую роль в окончательном решении Москвы ввести войска в Чехословакию сыграли политико-идеологические причины — опасение перед распространением демократизации на соседние социалистические страны. Эрозия социалистической системы в Чехословакии могла стать началом конца гегемонии СССР в Центральной и Юго-Восточной Европе.

В попытке оправдать вмешательство во внутренние дела суверенного государства, КПСС и другие братские партии использовали тезис, ставший в дальнейшем краеугольным камнем так называемой «доктрины Брежнева»: нынешний кризис — это не внутренняя проблема Чехословакии. Речь идет о месте ЧССР в социалистическом лагере и международном коммунистическом движении. Возможный отход Чехословакии от согласованной линии нарушит «существующую в Европе расстановку сил и может привести к обострению

²⁴³ Политические кризисы и конфликты. С. 158.

²⁴⁴ Communist reformation. Nationality, internationalism and changes in the world communist movement. Edit. by G.R. Urban. P. 207—208.

²⁴⁵ Там же.

международной напряженности»²⁴⁶.

Важную роль в решении о силовом разрешении чехословацкого кризиса сыграла в целом благоприятная позиция других стран Варшавского Договора.

В апреле 1968 г. в Международном отделе ЦК КПСС была подготовлена специальная справка по этому вопросу. В ней отмечалось, что лидеры ГДР, Польши, Болгарии и в меньшей степени Венгрии «рассматривают чехословацкие события как непосредственную угрозу своим режимам, опасную заразу, способную распространиться и на их страны».

В беседе с советскими официальными лицами руководители ГДР, к примеру, все чаще высказывали соображения о «целесообразности оказания коллективной помощи со стороны братских партий руководству ЧССР вплоть до применения крайних мер» для обеспечения социалистических завоеваний, если обстоятельства этого потребуют²⁴⁷.

Первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка выразился еще более жестко: «Мы не можем потерять Чехословакию. Не исключена возможность, что за ней мы можем потерять и другие страны, такие как Венгрия и ГДР. Поэтому мы не должны останавливаться даже перед вооруженным вмешательством. Я уже раньше высказывал мысль и сейчас не вижу другого выхода, как ввести силы Варшавского пакта, в том числе и польские войска, на территорию Чехословакии. Лучше это сделать сейчас, позднее это нам обойдется дороже»²⁴⁸.

Глава Болгарской коммунистической партии Т. Живков 29 марта решительно высказался за принятие «любых мер, включая военные».

Венгерские руководители были более осторожны, предпочитая политическое давление на Дубчека, но и они рассматривали чехословацкую ситуацию как напоминающую «пролог контрреволюционного мятежа в Венгрии»²⁴⁹.

При принятии военного решения учитывалось и то, что сами чехословацкие лидеры не исключали варианта применения военной силы внутри страны для подавления возможных массовых беспорядков. Например, А. Дубчек на заседании Президиума ЦК КПЧ 12 августа заявил: «Если я приду к убеждению, что мы на грани контрреволюции, то сам позову советские войска». А министр обороны ЧССР генерал М. Дзур накануне вторжения войск ОВД обсуждал со своими генералами вариант разгрома демонстрации перед зданием ЦК партии с использованием бронетранспортеров.

Окончательное решение о вводе войск, как уже отмечалось, было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС 16 августа и получило одобрение остальных лидеров компартий и государств-участников вторжения на встрече 18 августа 1968 г.

Подготовка к вторжению развивалась по традиционной, уже не раз апробированной схеме, формально не вступающей в противоречие с международным правом. По официальной версии, вторжение войсковой группировки общей численностью до 800 тысяч человек, из которых 500 тысяч — советские военнослужащие, должно было произойти в ответ на обращение к руководству СССР группы руководящих деятелей КПЧ и правительства ЧССР.

Фактором, оказавшим решающее влияние на выбор времени начала вторжения, стал перенос на более ранний срок даты созыва съезда компартии Словакии и назначение на 9 сентября съезда КПЧ. По прогнозам кремлевских аналитиков, именно на этих форумах прозападные элементы в чехословацком руководстве могли одержать окончательную победу. И для такого вывода были основания. Не случайно на чрезвычайном Высочанском съезде КПЧ, собравшемся в первые дни вторжения, было обнародовано заявление, резко осудившее военную акцию «братских партий»: «Основная цель интервенции — сорвать наш съезд. Они

²⁴⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф.59. ОП.58.Д.571.Л.148.

²⁴⁷ Там же. Оп.69. Д.313.Л.6.

²⁴⁸ Там же. Л.9.

²⁴⁹ Там же. Л.11.

пошли на это, зная, что съезд выразит мнение большинства коммунистов и всей нации закрепить окончательную победу январского курса и расчистит путь для дальнейшего развития нашего социалистического общества».

Официальным оправданием начала военной интервенции стало письмо-обращение группы чехословацких «партийных и государственных деятелей» к правительствам СССР и других стран Варшавского Договора об «оказании интернациональной помощи».

Вторжение планировалось как кратковременная «хирургическая» операция.

Идеологическое обеспечение вмешательства прорабатывалось весьма тщательно. Развивая тезис о вероятности отрыва Чехословакии от Варшавского Договора, советская пропаганда, прежде всего через газету «Правда», начала публиковать различные материалы о маневрах бундесвера и НАТО на границах с ЧССР, статьи об «авантюристических планах Пентагона и ЦРУ» в отношении социалистической системы и т.д.²⁵⁰

Несколько позднее, уже в ходе вторжения, 6 сентября, в отделе пропаганды ЦК КПСС была подготовлена специальная справка, в которой рекомендовалось укреплять «наметившуюся тенденцию к определенному размежеванию» в руководстве КПЧ. Там же содержался и детальный план «массированной пропагандистской кампании» с использованием таких мер, как усиление радиовещания из Москвы на чешском и словацком языках; временная мобилизация 1500 комсомольских работников в армию для службы в вой неких частях, находившихся в Чехословакии, где они должны были заниматься пропагандистской работой среди населения; публикация в тесной координации с КГБ серии пропагандистских статей в иностранной прессе и др.

Высказывалась идея создания на территории ГДР «радиостанции полулегального характера, выступающей от имени преданных делу социализма работников идеологического фронта Чехословакии. Такая радиостанция необходима для передачи материалов, которые в нынешних условиях не могут быть по политическим соображениям переданы официальным московским радио». Особо отмечалось, что сам факт передачи «может вызвать известные протесты со стороны КПЧ и правительства ЧССР». Однако деятельность такой радиостанции, «за выступления которой мы не будем нести формальной ответственности, не только оправдана, но и необходима»²⁵¹.

В целом все сводилось к отшлифованной еще в Венгрии схеме: угроза контрреволюции, необходимость защиты интересов социалистических стран, помощь братской партии и народу в защите завоеваний социализма в ответ на «просьбу» о помощи.

Операция «Дунай»

С военной точки зрения операция «Дунай» (такое кодовое наименование получила операция по вторжению в Чехословакию) была спланирована и осуществлена почти безукоризненно. При этом максимально был учтен опыт венгерских событий 1956 г. и приняты возможные меры по предотвращению трагических инцидентов и кровопролития с обеих сторон.

Непосредственно перед вторжением министр обороны СССР А.А. Гречко позвонил своему чехословацкому коллеге М. Дзуру и, предупредив о готовящейся акции, предостерег от оказания сопротивления. Об этом факте сообщил генерал И.Г. Павловский, возглавивший армии вторжения²⁵². Павловский сменил маршала И.И. Якубовского, которому как командующему Объединенными Вооруженными силами ОВД было в политическом плане неудобно осуществлять такую операцию.

²⁵⁰ «Правда». 1968. 19, 20, 24 июля.

²⁵¹ ЦХСД.Ф. 5. Оп.60. Д. 19. Л.202—203.

²⁵² Политические кризисы и конфликты. С. 175.

Захват ЦК КПЧ, здания Федерального собрания, резиденции президента в Пражском Граде, телевидения и штаб-квартир КАН и К-231 должны были осуществить десанты специальных отрядов, подчинявшиеся непосредственно службам безопасности.

Заранее были разработаны рекомендации по взаимодействию войск Варшавского Договора. В соответствии с ними, вводился отличительный знак своих и союзных войск — белая полоса на боевых и транспортных машинах. Вся боевая техника без белых полос подлежала «нейтрализации», желательно «без стрельбы». В случае сопротивления бесполовые танки и другая боевая техника подлежали «немедленному уничтожению» по решению полевых командиров.

При возможном — случайном — соприкосновении с войсками НАТО войскам Варшавского Договора было отдано категорическое указание немедленно останавливаться и «без команды не стрелять».

В 23.00 20 августа войска СССР, Польши, Венгрии, ГДР и Болгарии общей численностью до 500 тысяч человек с пятью тысячами танков и бронетранспортеров под командованием заместителя министра обороны СССР генерала армии И.Г. Павловского пересекли чехословацкую границу. Одновременно в Прагу «для работы среди членов Президиума ЦК КПЧ» прибыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС К. Мазуров, который находился при советском посольстве под псевдонимом «генерал Трофимов»²⁵³.

На первом этапе операции главная роль отводилась воздушно-десантным войскам. В 3.27 21 августа два головных самолета 7-й военно-транспортной авиационной дивизии совершили посадку на аэродроме Рузине под Прагой. Высадившиеся десантники в течение 15 минут взяли под контроль основные объекты аэродрома. С интервалом в 25—30 секунд сюда стали прибывать другие самолеты с десанниками и военной техникой.

Спустя 4 часа после высадки первых групп десантников важнейшие объекты Праги и Брно оказались под контролем союзных войск. Основные усилия десантников направлялись на захват зданий ЦК КПЧ, правительства, министерства обороны и генерального штаба.

Ранним утром 21 августа генерал Павловский и начальник его штаба генерал Ершов уже сидели в кабинете Дзура, где находились также все восемь заместителей чехословацкого министра обороны. Впоследствии И.Д. Ершов вспоминал: «Дзур требовал встречи с Дубчеком, называл его „нашим Верховным“, на что Павловский спросил: „Зачем он вам?“ Было уже светло, и по улицам Праги двигались танки. Я, заметив аппарат ВЧ, предложил связаться с Гречко и Захаровым. Гречко по телефону сказал Павловскому, не выбирая выражений: „Передай Дзуру, — если с их стороны будет хоть один выстрел, я его повешу на первой же осине“»²⁵⁴.

Все последующие попытки Дзура связаться с Дубчеком ни к чему не привели. Один из инициаторов «Пражской весны» З. Млынарж вспоминал: «...Где-то после 4 часов утра 21 августа к зданию ЦК КПЧ подъехала черная „Волга“ из советского посольства, и вскоре после этого здание окружили бронемашины и танки. Из них выпрыгнули солдаты в бордовых беретах и полосатых тельняшках, с автоматами в руках. Здание было окружено.

Двери кабинета Дубчека раскрылись, ворвались около восьми автоматчиков, окружили нас и нацелили автоматы на наши затылки. Вслед за ними вошли два офицера. Один из них был полковником. Кто-то, по-моему Дубчек, что-то сказал, и полковник заорал: «Не разговаривать! Тихо! По-чешски не говорить!»»²⁵⁵

В крытых машинах чехословацкое руководство было доставлено на аэродром, где его разместили, а точнее сказать, погрузили в советские транспортные самолеты.

Для стран Запада военная операция стала ошеломляюще неожиданной. Руководство

²⁵³ Советская внешняя политика. С. 327.

²⁵⁴ Политические кризисы и конфликты. С. 176.

²⁵⁵ З. Млынарж. Холодом веет от Кремля. Нью-Йорк, 1988. С. 209.

НАТО не предприняло заранее практически никаких мер для укрепления своих восточных границ с Чехословакией прежде всего из опасения спровоцировать Москву на решительные действия против А. Дубчека.

Блок НАТО просто не в состоянии был бы противостоять советскому наступлению, если бы оно началось. В центральной зоне ответственности НАТО в тот период находилось 22 дивизии, а по официальным расчетам для отражения возможного советского наступления требовалось не менее 30 дивизий. Вооружение и боевая техника американских сил в Европе была переброшена во Вьетнам.

Успех операции «Дунай» был обеспечен и тем, что сработал план Москвы по стратегической дезинформации Запада. Проведенные в июне учения Варшавского Договора не привели к непосредственному вторжению.

Казалось, Москва окончательно отказалась от мер активного военного вмешательства в чехословацкие события. На Западе сложилось впечатление, что пик кризиса преодолен.

Разведка НАТО предполагала, что раньше итогов съезда КПЧ, который должен был начаться 9 сентября, вторжения ждать не приходится. В результате в первые две недели августа Запад фактически прозевал передислокацию ряда советских боевых частей в Польшу. Не предоставили особой информации и средства технической разведки западных государств, поскольку частям Варшавского Договора, приближавшимся к границам Чехословакии, удалось поддерживать практически безупречную радиотишину.

В результате всех принятых мер маскировки и дезинформации, генерал Дж. Полк, командующий 7-й американской армией, входившей в состав объединенного командования НАТО, впервые услышал о вторжении советских войск в Чехословакию только из официального сообщения Ассошиэйтед Пресс из Праги. Более того, сам американский президент Л. Джонсон был проинформирован об этом не собственной разведкой, а советским послом в Вашингтоне Добрыниным²⁵⁶.

Из-за длительного характера кризиса, к которому уже привыкли, в структурах НАТО не был отменен обычный порядок отпусков. На момент вторжения три высших руководителя НАТО отсутствовали: генеральный секретарь НАТО М. Бросио находился в отпуске в Италии, верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО американский генерал Л. Лемнитцер осуществлял инспекционную поездку по Греции, а его британский заместитель совершал круиз в Северном море без радиосвязи.

В результате министр обороны Великобритании Д. Хил и был вынужден признать, что августовский кризис «вскрыл немало уязвимых мест в НАТО — провал в коммуникации не только между самими правительствами, но также между правительствами и их военными структурами»²⁵⁷. По его мнению, фактически наступил «коллапс в обмене информацией».

Соответственно в НАТО заблаговременно не приняли никаких дополнительных мер по повышению военной готовности блока. В кризисный период лишь единожды состоялись учения НАТО поблизости от границ с Чехословакией.

Через несколько часов после ввода войск радио Праги передало обращение президиума ЦК КПЧ о том, что войска «пяти стран — членов Организации Варшавского Договора без уведомления президента ЧССР, ее премьера и первого секретаря ЦК КПЧ захватили территорию страны». Президиум счел подобную акцию нарушением основных принципов международного права.

В свою очередь в Москве в этот день прозвучало заявление ТАСС совершенно иного содержания: «ТАСС уполномочен заявить, что партийные и государственные деятели Чехословацкой Социалистической Республики обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами. Это обращение вызвано угрозой, которая

²⁵⁶ J. H. Polk. Reflections on the Czechoslovakian Invasion, 1968. // Strategic Review. Vol. 5 (Winter 1977). P. 30—33.

²⁵⁷ A. Wilson. Why the Czech Invasion Caught NATO Napping// The Observer (London). 1968. November 17.

возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю и установленной конституцией государственности со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами»²⁵⁸.

Тем временем операция «Дунай» развивалась по собственному, четко разработанному плану.

Войска союзников вводились в ЧССР с четырех направлений. Из южной части Польши был введен советско-польский контингент войск по направлениям Яблонец-Кралоу, Острава, Оломоуц и Жилина. Из южной части ГДР вводился советско-восточногерманский контингент войск по направлениям Прага, Хомутов, Пльзень, Карлови-Вари. Из северных районов Венгрии вводился советско-венгерско-болгарский контингент войск по направлениям к Братиславе, Тренчину, Банска-Бистрице и др. Наиболее крупный контингент войск был выделен от Советского Союза²⁵⁹.

Колонны войск направлялись к основным административно-промышленным центрам ЧССР. Основное внимание уделялось охране западных границ Чехословакии.

200-тысячная чехословацкая армия не оказывала никакого сопротивления. Выполняя приказ своего министра обороны, она до окончания событий оставалась нейтральной.

Многие жители Праги, в основном молодежь, наскоро сооружали непрочные баррикады, с целью дезориентации войск вторжения снимали таблички с названиями улиц и площадей, иногда бросали в военнослужащих булыжники и палки. В отдельных случаях имели место вооруженные нападения на военнослужащих, уничтожение памятников советским воинам в городах и селах Чехословакии.

В основной же своей массе чехословацкое население осталось пассивным. Вторжение войск вызывало у него больше любопытства, чем страха.

Боевые действия практически не велись. Тем не менее не обошлось без жертв. В ходе передислокации и размещения советских войск с 21 августа по 20 октября в результате враждебных действий отдельных граждан ЧССР погибло 11 военнослужащих, в том числе один офицер; было ранено и травмировано 87 человек, в том числе 19 офицеров. Кроме того, 85 человек погибло в катастрофах, авариях, при неосторожном обращении с оружием и боевой техникой, в результате других происшествий и умерло от болезней²⁶⁰. С 21 августа по 17 декабря 1968 г. погибли 94 и получили тяжелые ранения 345 граждан Чехословакии²⁶¹.

Долгие годы эти цифры были засекречены как в СССР, так и в ЧССР.

Неудачная политическая пьеса

Успешное осуществление военной операции контрастировало с последовавшей политической импровизацией. По планам кремлевских лидеров, вторжению отводили роль «хирургической операции», за несколько часов устраняющей «клику ренегатов» и утверждающей «рабоче-крестьянское правительство», которое радостно встретят трудящиеся Чехословакии.

20 августа должно было открыться заседание Президиума ЦК КПЧ. «Здоровые» силы в партийном руководстве должны были настоять на резолюции, требующей положить конец антикоммунистической пропаганде. Это стало бы поводом для решения организационных вопросов. Однако «гладко было на бумаге...»

Смятение в ряды догматиков-конспираторов внесла несогласованность во времени начала

²⁵⁸ «Правда». 1968. 21 августа.

²⁵⁹ Военная Энциклопедия. Т. 1. М., 1997. С. 115.

²⁶⁰ Гриф секретности снят. С. 398.

²⁶¹ Советская внешняя политика. С. 328.

военной акции, которую советское командование планировало по московскому времени, а «здоровые силы» ожидали по среднеевропейскому.

По сценарию, Дубчек должен был быть смещен или отправлен в длительный отпуск. Исход голосования предусматривался следующим: семь членов Президиума против четырех. Затем выяснилось, что колеблющиеся Э. Риго, Я. Пиллер, Фр. Барбирек, И. Ленарт оказались морально не готовы к смене партий но-государственного руководства. Вести о вторжении, вопреки всем расчетам, изменили расклад сил в пользу реформаторов, а не против них.

Первый удар политическим расчетам был нанесен после того, как лидеры просоветской группировки не смогли воспротивиться принятию на Пленуме обращения с осуждением вторжения. После этого представители «здоровых сил» один за другим стали «исчезать» в недрах советского посольства.

«Нужного обращения от имени Президиума ЦК КПЧ так и не последовало. Несогласованность стала распространяться сверху вниз. Партийные секретари обкомов и райкомов, так и не дождавшиеся обращения Президиума ЦК, не торопились встречать с цветами советские части.

Вслед за этим рухнул план сиюминутного формирования в Чехословакии так называемого «рабоче-крестьянского правительства». Сама идея временного правительства существовала еще до 21 августа. Она была подсказана тем же венгерским опытом и рассчитана на тех, кто подписал обращение с призывом ввести войска.

Ранним утром 21 августа президент Л. Свобода, выглянув в окно, увидел на брусчатке Пражского Града советские танки и солдат, разоружавших чехословацкую охрану. Затем он стоя принял двух визитеров — И. Ленарта и А. Индру, которые вручили ему список революционного временного правительства во главе с последним.

Реакция Свободы выразилась одним словом: «Вон!», — которое он прокричал несколько раз все громче и громче, сорвавшись на вопль²⁶².

В дальнейшем все попытки вовлечь президента в какие-либо политические комбинации окончились провалом. Старый генерал, угрожая самоубийством, отвергал любые предлагаемые схемы без участия законных представителей: Дубчека, Черника, Смирковского, Кригеля.

Попытки сформировать марионеточное правительство были продолжены в посольстве СССР, где нашли убежище просоветские деятели из состава руководства КПЧ: Кольдер, Биляк, Индра, Швестка, Павловский, Якеш.

Представитель Политбюро ЦК КПСС К.Т. Мазуров, ссылаясь на рекомендацию Брежнева, пытался возложить полномочия первого секретаря ЦК чехословацкой партии на Д. Кольдера. Тот производил впечатление еще менее способного политика, чем Новотный. Очевидцы зарегистрировали, насколько ошеломлен и дезориентирован был Кольдер, услышав по радио в советском посольстве совсем не те сообщения, какие ожидал²⁶³.

Не приходилось полагаться и на организаторские способности Биляка. «Слыша гул самолетов и грохот танков, он явно переживал, — свидетельствовал М.Н. Кузнецов. — Это трагедия, зачем столько техники, я думал, пошлют малый оперативный десант»²⁶⁴.

Именно тогда всплыла кандидатура Г. Гусака, достаточно популярного по тем временам словацкого деятеля, оставленного пока в резерве.

Таким образом, главная задача — сплотить просоветские силы и сформировать «теневое правительство», признающее законность любых действий союзников, — в первый же день провалилась. Из более чем тысячи сотрудников ЦК КПЧ (вместе с техническим персоналом) в здании собралось лишь 47 человек.

По выражению одного из чехословацких информаторов М. Миллера, «здоровые силы»

²⁶² Цит. по: Chapman C. August 21st. The Rape of Czechoslovakia. N.Y., 1968. P. 38.

²⁶³ Slovo na sobotu. 15. 09. 1990.

²⁶⁴ Цит. по: Политические кризисы и конфликты. С. 178.

оказались подавлены, полностью изолированы и напуганы, столкнувшись с «единодушным осуждением интервентов и их помощников» со стороны чехословацкого общества. Для всех было абсолютно ясно, что, по крайней мере в ближайшее время антиреформаторы не смогут завоевать симпатий сколько-нибудь значительной части населения²⁶⁵.

Не удалось полностью нейтрализовать и деятельность подпольных радиостанций, не только информировавших население о происходившем, но и в какой-то степени координировавших его пассивное сопротивление.

Не оправдался советский расчет и на глубокое чувство благодарности чехословацких граждан к советским солдатам за освободительный подвиг времен Второй мировой войны.

Польские и венгерские военнослужащие из состава союзных войск вторжения активно контактировали с местным населением, свободно посещали общественные места. Венгерские части, стоявшие на юге у Братиславы, шли в местные Национальные комитеты и под расписку требовали и получали необходимые продукты. Вокруг же советских воинов образовалась стена отчуждения. Они вынуждены были довольствоваться взятым в поход двухдневным сухим пайком. Столкнувшись с молчаливым сопротивлением чехословацкого населения, которое отказывалось давать даже воду, советские войска могли рассчитывать только на свои тылы. Все телефоны советского посольства оказались отключенными, за исключением аппарата в будке охранника у ворот. Именно этим телефоном вынужден был пользоваться Червоненко для своих переговоров с Брежневым. Из Праги Мазуров слал все более тревожные телеграммы, из которых следовало, что ситуация «на грани взрыва» и необходимо как можно скорее «вернуть захваченное чехословацкое руководство».

Новый удар советским намерениям легализовать военное вмешательство был нанесен состоявшимся 22 августа XIV чрезвычайным съездом КПЧ. Представители просоветски настроенной группы делегатов не были избраны ни на один из руководящих постов в КПЧ.

Сразу после вторжения в Чехословакию советские посольства в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Бонне передали сообщения в соответствующие министерства иностранных дел. Суть этих заявлений состояла в том, что советские действия направлены исключительно в отношении Чехословакии. Передвижения войск в ГДР не должны вызывать тревоги у Запада. В советских заявлениях содержалось недвусмысленное предупреждение: если последует попытка внешнего вмешательства со стороны западных держав, это «будет означать мировую войну».

В крайне жесткой манере отреагировала Румыния, заявив, что вторжение войск является нарушением Варшавского Договора, и призвала к немедленному их выводу. Так же повела себя Югославия. Обе страны при любом удобном случае выражали поддержку чехословацким реформаторам. Тито опасался, что за Чехословакией в той или иной форме может последовать Румыния, и тогда советские дивизии будут развернуты сразу на двух участках югославской границы — на венгерском и румынском направлениях. 25 августа «Правда» дала Югославии и Румынии резкий ответ, обвинив их в поддержке антисоциалистических сил в Чехословакии и «оказании активной помощи чехословацким антисоциалистическим силам. Именно в Белграде и Бухаресте политические авантюристы из Праги и за пределами Чехословакии в этот период плетут свои интриги»²⁶⁶.

С осуждением «военного вмешательства пяти государств» выступили, помимо Румынии и Югославии, также Албания и Китай.

Однако все эти протесты, по мнению большинства западных советологов, носили «чисто декларативный характер» и не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на уже «сложившуюся расстановку сил на международной арене»²⁶⁷.

Тем не менее Москва вынуждена была признать горькую истину: военная операция не

²⁶⁵ ЦХСД.Ф. 5. Оп.60. Д.301. Л.4, 272.

²⁶⁶ «Правда». 1968. 25 августа.

²⁶⁷ Reform in Eastern Europe. By Oliver Blanchard and others. Cambridge, 1991. P. 48.

принесла ожидавшихся политических результатов.

Ничего не оставалось, как снова вернуться к попыткам давления на Дубчека и его коллег. Ситуацию осложнила чрезвычайно жесткая позиция президента Л. Свободы, прилетевшего в Москву. Последний настойчиво требовал освобождения чехословацкого руководства. В противном случае в знак протеста он был готов покончить жизнь самоубийством. Большого международного скандала трудно было придумать.

Переговорные позиции Кремля теперь, конечно, были сильнее. В распоряжении Москвы был такой мощный аргумент, как присутствие на территории ЧССР союзных войск. Советские лидеры отныне могли открыто апеллировать к поддержке консервативного крыла в чехословацком партийном аппарате.

Тем не менее переговоры с А. Дубчеком и его соратниками, начавшиеся 23 августа, проходили трудно. Руководство КПЧ не было склонно к уступкам.

25 августа состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором рассматривались возможности выхода из сложившегося положения. В итоге было предложено три варианта.

Первый вариант предусматривал создание Революционного правительства во главе с президентом. Его заместителем мог бы быть, по словам Косыгина, Черник. Кроме того, «очень хорошо и спокойно ведет себя Гусак».

Второй вариант — формирование правительства во главе с Черником или Гусаком при сохранении Черника в качестве первого секретаря ЦК КПЧ. Фактически это означало незамедлительное устранение Дубчека с политической сцены.

И третий вариант, который был предложен на переговорах с Дубчеком, предполагал сохранение прежнего политического руководства, возвращение по сути к тем обязательствам, которые Президиум ЦК КПЧ принял в Чиерне-над Тисой: устранение Кригеля, Цисаржа и Шика. Этот вариант после долгих дебатов и после поддержки со стороны Л.И. Брежнева был признан компромиссным и, как следствие, наиболее предпочтительным²⁶⁸.

В конце концов А. Дубчека и его коллег, не знавших реальной обстановки в Чехословакии и озабоченных своей собственной судьбой, удалось уговорить подписать 26 августа совместное коммюнике. Это коммюнике, более известное как Московское соглашение, ставило сроки вывода союзных войск в зависимость от степени нормализации обстановки в ЧССР. Фактически это была безусловная капитуляция команды А. Дубчека.

Москва, естественно, не собиралась долго мириться с пребыванием реформаторов у власти, но пока надо было создать хотя бы видимость стабилизации в стране. А по многим докладам из Чехословакии до нее еще было далеко. Так, в справке, адресованной в ЦК КПСС 4 сентября 1968 г., генерал армии А. Епишев признал, что быстрой нормализации в Чехословакии ожидать не приходится. Решение поставленных перед политорганами советских войск задач в этой области «будет сопряжено с определенными трудностями и потребует времени», — констатировал начальник Главного политического управления СА и ВМФ²⁶⁹.

Новая линия на «нормализацию» стала осуществляться немедленно. Визит премьер-министра ЧССР О. Черника в Москву 10 сентября был использован не только для попыток «умиротворить» население Чехословакии обещаниями массовой экономической помощи, но и для «оказания необходимого политического давления на чехословацких товарищей...» Требуя от Черника немедленного выполнения Московского соглашения, Политбюро ЦК КПСС настаивало на том, что предварительным условием вывода или сокращения контингента союзных войск является «полное прекращение подрывной деятельности антисоциалистических сил, требовало предоставления лидерам консерваторов более активной роли в политической жизни»²⁷⁰.

²⁶⁸ Р.Г. Пихоя. 1995. №1. С. 46—47.

²⁶⁹ ЦХСД.Ф. 5. Оп.60. Д.37. Л. 26—31.

²⁷⁰ Там же. Ф.89. Коллекция по Чехословакии.

Предпринятые меры в целом оказались удачными.

Важным шагом стало назначение президентом ЧССР Л. Свободой, убедившимся в бесплодности противостояния и удовлетворенным хотя бы видимостью законности, нового правительства. Новый чехословацкий Совет министров заявил о важности дружбы и тесного сотрудничества с социалистическими странами.

К 10—12 сентября обстановка в Праге и других крупных городах Чехословакии почти полностью стабилизировалась. За этим последовал демонстративный отвод войск стран — участниц акции из многих городов и населенных пунктов ЧССР в специально отведенные места дислокации. Авиация сосредоточилась на выделенных аэродромах. Тем не менее союзные войска продолжали оставаться на территории Чехословакии. Поводом для продления их пребывания служила не только сохранявшаяся внутривосточная нестабильность, но и повышенная активность НАТО у чехословацких границ.

16 октября между правительствами СССР и ЧССР был подписан договор об условиях временного пребывания советских войск на территории Чехословакии, согласно которому часть войск Советского Союза, участвовавшая во вторжении, оставалась на территории ЧССР «в целях обеспечения безопасности социалистического содружества»²⁷¹.

Подписание договора стало одним из главных военно-политических итогов акции войск пяти государств. Однако были и другие, негативные ее последствия.

Вторжение привело к наращиванию группировки войск НАТО у чехословацких границ, к созданию «европейской группы» в рамках НАТО. Чехословацкий кризис окончательно разрушил весьма распространенную на Западе после Карибского кризиса иллюзию, что заинтересованность в политической и стратегической стабильности, а также выгоды более тесных связей с Западом будут способствовать трансформации реального социализма в сторону более плюралистического общества, уважающего множественность выбора. В результате холодная война приобрела еще более бескомпромиссный характер, постепенно перенацеливаясь не только на подрыв отдельных «слабых звеньев» мировой системы социализма, но и на эрозию Советского Союза всеми доступными средствами.

17 октября начался поэтапный вывод союзных войск с территории страны, который завершился к середине ноября.

Спустя семь месяцев после оккупации А. Дубчек был смещен с поста первого секретаря КПЧ. На апрельском 1969 г. Пленуме ЦК КПЧ первым секретарем был избран Г. Гусак. В декабре 1970 г. ЦК КПЧ принял документ «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ», осудивший политический курс А. Дубчека и его соратников.

Спустя несколько лет политическая атмосфера в Чехословакии ничем не отличалась от ортодоксальных социалистических режимов.

Политбюро ЦК КПСС удалось на тот момент примером санкций против Чехословакии предупредить остальных своих союзников: на первом месте стоит не национальный суверенитет, а интернациональный социалистический долг, что и составило суть так называемой «доктрины Брежнева».

И лишь со второй половины 80-х гг. в связи с перестройкой в СССР начался процесс переосмысления чехословацких событий 1968 г. В «Заявлении руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза» от 4 декабря 1989 г. и в «Заявлении Советского правительства» от 5 декабря 1989 г. решение о вступлении союзных войск в Чехословакию было признано ошибочным и осуждено как «необоснованное вмешательство во внутренние дела суверенного государства».

В феврале 1990 г. было подписано соглашение о полном выводе из Чехословакии советских войск, который завершился в конце июня 1991 г.

Глава 12.

²⁷¹ Военная Энциклопедия. Т.1. С. 115.

Советско-китайский раскол

Трещины на монолите

В политической истории Советского Союза отношения с Китайской Народной Республикой занимают особое место. Их значение вышло далеко за рамки двусторонних отношений. Две крупнейшие евроазиатские державы мира, имеющие самую протяженную сухопутную границу в мире, за одно десятилетие прошли в своих отношениях путь от всеобъемлющего и полного единства до непримиримой конфронтации и враждебности.

Когда 1 октября 1949 г. на политической карте мира возникло новое государство — Китайская Народная Республика, оно было сразу признано СССР. И это не случайно. Пришедшая к власти Китайская коммунистическая партия во главе с Мао Цзэдуном объявила главным приоритетом своей внешней политики дружбу с СССР.

Советско-китайские отношения в начале 50-х гг., отличавшиеся высочайшей степенью интеграции и доверия, умноженной на единство политических взглядов и идеологических установок, породили панику на Западе. Именно тогда там и родился миф о «советско-китайском монолите». Навязчивым кошмаром американской пропаганды стала разрастающаяся «красно-желтая угроза свободному миру». Западных обывателей пугала перспектива быть покоренными русскими и китайскими «ордами».

Однако в действительности все было не так однозначно. И в США имелось достаточно много специалистов-китаеведов, которые еще в 40—50-е гг. указывали на объективные и субъективные факторы, препятствовавшие советско-китайскому сближению.

Одним из таких факторов было вмешательство СССР и КПСС в развитие революционного процесса в Китае, а также попытки учить китайских коммунистических лидеров, навязывание им советской модели социалистического развития. Такое вмешательство, выглядевшее в глазах Советского Союза и Сталина вполне естественным и нормальным, крайне раздражало Мао Цзэдуна и его сподвижников. Тезис о братских отношениях социалистических стран и их компартий, по мнению советского руководства, означал равенство и взаимоуважение. Однако тогда, очевидно, мало кто в Москве задумывался о том, как воспринимали понятие «братские отношения» в Пекине. Дело в том, что в китайском языке «братские отношения» означают отношения между старшим и младшим братьями, что само по себе не может быть равноправием по определению²⁷². Все это было принципиально важным для Мао Цзэдуна и всей КПК в целом. Хотя, с другой стороны, никто иной как сам Мао ввел термины «старший» и «младший» братья применительно к взаимоотношениям СССР и КНР.

В свете вышесказанного, весьма непросто прошел визит Мао Цзэдуна в Москву в декабре 1949 — феврале 1950 г. Мао ехал в Москву на встречу со Сталиным со смутным чувством волнения и неуверенности. Он опасался, что его прием будет недостаточно почетным, что ему не удастся добиться подписания нужных для Китая политических и экономических соглашений.

Смутные опасения Мао Цзэдуна оправдались. Несмотря на оказанные почести и восторженный прием со стороны жителей Москвы, советский лидер был достаточно холоден с Мао Цзэдуном. Слишком хорошо он знал — хотя и заочно — вождя китайской компартии, которого в свое время сравнивал с редиской — «красный снаружи, белый внутри». Сталин долго не принимал высокого гостя и не допускал к нему других членов руководства. Расстроенный Мао в какой-то момент даже заявил, что немедленно уезжает домой. Встречи Сталина и Мао Цзэдуна, которые в конечном счете все же состоялись, отличались краткостью и сухостью. Как пишет А.А. Громыко, два лидера не смогли установить между собой необходимый контакт, чувствовалось, что они «не притерлись», им «не хватало сердечности».

²⁷² Слово «братский» в китайском языке передается двумя иероглифами, дословно означающими «старший брат» и «младший брат».

Сталин по-прежнему не доверял Мао²⁷³.

По свидетельству специалистов, визит Мао в Москву был омрачен и некоторыми моментами, связанными с культурными, цивилизационными различиями. Так, китайских гостей пригласили на балет «Красный мак», в котором, с их точки зрения, Китай и китайцы показывались в извращенном, оскорбительном свете.

И все же визит Мао в Москву зимой 1949/50 г. был успешен. Несмотря на все сложности объективного и субъективного плана, стороны заявили о своей готовности и желании всесторонне развивать отношения. 14 февраля 1950 г. СССР и КНР подписали Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Благодаря советской экономической, научно-технической, военной поддержке и помощи КНР смогла в кратчайшие сроки преобразовать древнюю «спящую империю», создать новейшие, самые современные отрасли экономики, укрепить военную мощь, создать условия для модернизации страны. Война в Корее 1950—1953 гг. показала Западу, что КНР — это новая политическая и военная сила, с которой уже нельзя не считаться.

Смерть И.В. Сталина в 1953 г. стала огромным ударом по социалистическому миру. Лидер величайшей социалистической державы мира, практически единолично распоряжавшийся судьбами миллионов людей не только в СССР, но и в мире, был уже при жизни богом. Его авторитет был неоспорим, его слово было законом, его идеи возводились в догму. И как бы ни относился Мао Цзэдун к Сталину лично, он не мог не боготворить вождя мирового пролетариата. Подчиняться ему было естественным для лидеров всех компартий, включая и КПК.

Приход к руководству в СССР Н.С. Хрущева и постепенный курс на десталинизацию в Советском Союзе вначале был воспринят в Пекине позитивно, однако вскоре КПК отвергла начавшийся в СССР курс на развенчание культа личности Сталина.

Причин тому было множество, хотя субъективный фактор играл не последнюю роль. Мао Цзэдун после смерти Сталина претендовал уже не на роль простого статиста. Он возглавлял одну из самых крупных компартий мира. Пятая часть населения Земли каждый день вставала и засыпала под звуки гимна: «Алеет восток, солнце встает, в Китае родился Мао Цзэдун...» Амбиции Мао, хотя по восточному обычаю и скрытые глубоко в душе, уже не позволяли китайскому вождю выступать в роли «младшего брата». Претензии на лидерство в международном коммунистическом движении в этом смысле были не беспочвенны. По мнению Мао, Хрущев, будучи моложе по возрасту и имея меньший «стаж» руководства, являлся «младшим» лидером²⁷⁴.

Однако Хрущев, начав критику Сталина, не соизволил даже посоветоваться с Мао. Это не могло не задеть китайского лидера. Кроме того, удар Хрущева по Сталину ставил под угрозу складывавшийся в Китае культ самого Мао Цзэдуна. В отличие от советского руководства, китайский лидер оценил деятельность Сталина на 70 % как положительную и на 30 % — отрицательную, ошибочную.

Именно амбиции китайского вождя, вошедшие в противоречие со своеобразным характером Никиты Хрущева, способствовали дальнейшему ухудшению взаимоотношений между руководствами советской и китайской компартий. По мнению компетентных отечественных специалистов, свой «вклад» в расширение и обострение советско-китайских разногласий внес лично Хрущев, проявивший в подходе к проблемам отношений между двумя партиями и странами элементы волюнтаризма, примитивной прямолинейности, непродуманности и поспешности. Н. Хрущев допускал резкие, а порой и просто бестактные высказывания в адрес Пекина. В одном из своих публичных выступлений он сделал

²⁷³ Цит по: Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М.: Международные отношения, 1990. С. 47—48.

²⁷⁴ Цит по: Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 237.

оскорбительные выпады лично в адрес Мао Цзэдуна²⁷⁵. И хотя связи по межгосударственной линии все-таки развивались, наполнялись все новым и новым содержанием, партийные отношения становились все более натянутыми.

Противоречия в отношениях между КПСС и КПК начали проявляться по целому ряду принципиальных вопросов.

Москва выступала за мирное сосуществование, стремилась к устранению угрозы ядерной войны. Пекин выдвигал идею революционной войны. Хорошо известны идеи Мао о том, что «если половина человечества окажется уничтоженной, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен».

В своих мемуарах Н. Хрущев упоминает, что Мао Цзэдун был против его идеи об одновременном роспуске НАТО и Варшавского Договора. Китайский вождь рекомендовал в случае агрессии отступать до Уральских гор, после чего в войну могли бы вступить китайцы. Представления Мао о войне, военной политике и стратегии представлялись Хрущеву «детским лепетом», что не могло не раздражать китайского лидера.

Мао Цзэдун, очевидно, не мог простить СССР нейтральную позицию по отношению к китайско-индийскому конфликту в 1959 и 1962 гг. Москва пыталась убедить Пекин в необходимости сдержанности, чтобы закрепить Индию на позициях неприсоединения. В Китае это вызвало обиду, и Мао Цзэдун обвинил Советский Союз в провоцировании войны.

Другим пунктом противоречий была оценка советского опыта социалистического строительства. Москва считала его универсальным и резко критиковала китайские эксперименты, особенно курс «трех красных знамен» («генеральной линии, большого скачка и народных коммун»). Н. Хрущев заявил китайским коммунистам, что у них нет научного коммунизма, а есть лишь одни лозунги. По свидетельству самого Хрущева, его реакция рассердила Мао, еще больше испортила взаимные отношения.

Серьезные трения возникли между Москвой и Пекином по поводу высказанного Хрущевым предложения разместить в Сибири один миллион китайских рабочих. Мао посчитал это предложение оскорблением и унижением, свидетельствующем об имперских замашках СССР. Когда же позднее Мао Цзэдун согласился с этим предложением, на попятную уже пошла Москва. Хрущев испугался, что в случае реализации такого плана китайцы смогут «оккупировать Сибирь без войны».

По мере обострения идеологических и межпартийных связей между Китаем и СССР, день ото дня ухудшались их межгосударственные взаимоотношения. Еще совсем недавно над обширными просторами Евразии летели слова песни «Москва-Пекин», китайская музыка звучала в нашем радиозфире, и все были уверены: «русский с китайцем — братья на век». Но вот буквально в одночасье все перевернулось.

В 1960 г. в Пекине в центральных печатных органах была опубликована официальная статья «Да здравствует ленинизм!». В ней содержались подробные обвинения в адрес внешнеполитического курса Советского Союза. Критика в адрес СССР и КПСС становилась в Пекине все более массивной и резкой.

Ответные меры со стороны СССР не заставили себя долго ждать. В 1960 г. неожиданно для китайской стороны Советский Союз отозвал всех своих советников и специалистов. Советская помощь Китаю практически прекратилась. Советское руководство мотивировало это тем, что в КНР развернулась «антисоветская кампания, что условия для наших специалистов в Китае стали невыносимыми».

Отзыв советских специалистов из Китая, а их тогда насчитывалось более 1600 человек, по мнению авторитетных специалистов, вряд ли можно назвать оправданным. Эту акцию следует в первую очередь отнести к числу импульсивных, а проще говоря, безответственных действий лично Хрущева. Впоследствии Советский Союз неоднократно изъявлял готовность вернуть в КНР советских специалистов (в ноябре 1960 г., октябре 1961 г, ноябре 1963 г.), но китайская

²⁷⁵ Рахманин О.Б. Из истории отношений СССР и Китая (1917—1991). М., 1994. С. 23—24.

сторона отклоняла эти предложения²⁷⁶.

Уже с лета 1960 г. на всей 7520-километровой советско-китайской границе стали возникать инциденты, которые постепенно приобретали все более провокационный характер. Китайские граждане, отдельные военнослужащие и группы военнослужащих демонстративно нарушали границу, ведя себя крайне вызывающе, провоцировали советских пограничников на силовой отпор. В одном только 1962 г. на границе было зарегистрировано более 5 тыс. различных нарушений режима границы. Обстановка становилась все более и более взрывоопасной. От советских пограничников в тех условиях требовались огромное мужество и выдержка.

11 апреля 1965 г. около 200 китайцев под прикрытием военных вспахали восемь тракторами участок советской территории. Встретив на своем пути заслон советских пограничников, китайские военнослужащие попытались его прорвать, допуская при этом насильственные и оскорбительные действия²⁷⁷.

Большой резонанс имели события, происшедшие в Синьцзяне весной 1962 г., когда более 60 тысяч уйгуров, казахов и представителей других не китайских национальностей, спасаясь от национальных притеснений со стороны Пекина, вынуждены были бежать из родных мест на территорию советских республик Средней Азии и Казахстана. Советский Союз принял их, предоставил им места проживания, обустроил их жизнь и быт. Это не могло не сказаться резко отрицательно на поведении Пекина. Китайской пропагандой эти события были охарактеризованы как вмешательство во внутренние дела Китая, а Москва была обвинена в инспирировании массового бегства уйгуров из Синьцзяна.

В китайской пропаганде все активнее стали выдвигаться территориальные притязания. В Китае появились материалы о том, что в прошлом в состав Синьцзян-Уйгурского автономного района входили принадлежащие Советскому Союзу Коканд, Казахская республика, Северо-Западный Хорезм и другие районы. Пекин выдвинул тезис о том, что царская Россия захватила более 1,5 млн кв. км «исконно китайских земель».

В июле 1964 г. Мао Цзэдун в беседе с японской делегацией заявил: «Примерно сто лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России, и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не представляли счета по этому реестру»²⁷⁸.

В том же 1964 г. Мао заявил, что СССР «вступил в сговор с США для борьбы за мировое господство», и между двумя державами образовались две «промежуточные зоны». К первой зоне им были отнесены все развивающиеся страны, а ко второй — развитые капиталистические государства.

В середине 60-х гг. Советский Союз был окончательно возведен в статус врага. В пропагандистский обиход вошел термин «угроза с Севера». Когда в октябре 1964 г. КНР произвела первое испытание атомной бомбы, было официально заявлено, что это сделано «во имя защиты суверенитета, против угроз США и великодержавности СССР»²⁷⁹.

Отношения двух стран неизбежно приближались к разрыву.

13 октября 1964 г. в СССР произошла смена высшего политического руководства: Н.С. Хрущев был отправлен в отставку. Советский Союз в одностороннем порядке предпринял целый ряд шагов, которые должны были продемонстрировать Пекину готовность Москвы к нормализации двусторонних отношений. КПСС прекратила публичную полемику с КПК. Однако на состоявшихся встречах партийно-политического руководства двух стран СССР

²⁷⁶ Рахманин О.Б. Из истории отношений СССР и Китая (1917—1991). М., 1994. С. 26.

²⁷⁷ Территориальные притязания Пекина: современность, история. Сборник. М., 1979. С. 20—21.

²⁷⁸ Цит по: Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М.: Международные отношения, 1990. С. 64.

²⁷⁹ Там же. С. 66.

подтвердил свою приверженность политической линии, выработанной на XX-XXII съездах КПСС, в том числе и в отношении Китая.

Это никоим образом не устраивало Мао Цзэдуна. Полемика между КПСС и КПК нарастала, становилась все более и более бескомпромиссной.

28 ноября 1965 г. ЦК КПСС обратился к ЦК КПК с письмом, в котором, не вступая в полемику по вопросам идеологических разногласий, изложил программу развития двустороннего экономического сотрудничества.

В ответном письме от 7 января 1966 г. ЦК КПК заявил, что между КПК и КПСС «существует то, что разъединяет, и нет того, что объединяет».

12 января 1966 г. китайский посол в Москве Пань Цзыли официально передал письмо ЦК КПК от 7 января 1966 г. советской стороне. В нем было сказано: «Если вы хотите, чтобы мы и все другие марксисты-ленинцы перестали разоблачать вас и вести с вами борьбу, то единственное средство для этого: по-настоящему осознать свои заблуждения, полностью покончить с ревизионистскими и раскольническими ошибками, допущенными вами за период после XX и XXII съездов КПСС и после ухода Хрущева с руководящих постов, и вернуться на путь марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Никаким подштопыванием делу не поможешь»²⁸⁰.

В официальном письме от 22 марта 1966 г. ЦК КПК заявил о своем отказе направить свою делегацию на XXIII съезд ЦК КПСС. Это было равнозначно открытому разрыву. Каковы бы ни были разногласия между коммунистическими партиями, не послать свою делегацию на съезд КПСС — на это отваживался не каждый. Своей акцией КПК фактически объявляла о том, что она встает в открытую оппозицию к КПСС.

Великая пролетарская культурная революция

1966 г. знаменовал собой трагический период в истории Китайской Народной Республики. В августе того года вышло постановление ЦК КПК о «Великой пролетарской культурной революции», целью которой было «разгромить тех, облеченных властью, которые находятся в рядах партии и идут по капиталистическому пути». Повсеместно в Китае стали возникать отряды хунвэйбинов («красных охранников») и цзаофаней («бунтарей»).

Небольшое отступление: слово «хунвэйбин», органично вошедшее в русский язык в конце 60-х гг. и ставшее в нем чуть ли не ругательством, в действительности переводилось на русский как «красногвардеец». Однако по вполне понятным причинам такой дословный перевод был неприемлем в советской политической литературе и пропаганде. Именно поэтому маоцзэдуновские «красногвардейцы» стали у нас знаменитыми хунвэйбинами.

Главный удар в ходе обрушившейся на Китай культурной революции наносился по китайской инженерно-технической и творческой интеллигенции, обвиненной в сочувствии к СССР. Вся политическая, культурная и экономическая жизнь в Китае была дезорганизована. На целое десятилетие страна была ввергнута в пучину беззакония, произвола и насилия. С 1967 г. началось создание новых антиконституционных органов власти — ревкомов. Летом того же года в стране фактически был установлен военный контроль.

Впоследствии само руководство Китайской компартии назвало тот период «десятилетием смуты», а «сама культурная революция в действительности не могла быть революцией или социальным прогрессом в каком бы то ни было смысле». В документе Китайской компартии «Решение ЦК КПК по некоторым вопросам истории партии со времени образования КНР» (1981 г.) отмечалось, что культурная революция «была вызвана начатой сверху по вине руководителей и использованной контрреволюционными группировками смутой, которая принесла серьезные бедствия партии, государству и всему многонациональному народу»²⁸¹.

²⁸⁰ Рахманин О.Б. Из истории отношений СССР и Китая (1917—1991). М., 1994. С. 30.

²⁸¹ Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981. С. 37.

И действительно, число пострадавших в лихолетье культурной революции в Китае достигло, по официальным данным, 100 млн человек. 20 млн человек стали безработными. Общие потери государства составили 500 млрд юаней. Экономика страны была отброшена в своем развитии далеко назад, а 3-й и 4-й пятилетние планы развития КНР были сорваны.

Курс на «углубление культурной революции» внутри страны сопровождался беспрецедентным обострением отношений Китая практически со всеми странами-соседями, и в первую очередь с СССР. Торгово-экономические отношения сократились в 3—4 раза. Торговля между двумя странами в 1959 г. оценивалась почти в 2 млрд рублей, а уже в 1968 г. объем торговли составил 86 млн рублей, в 1969 г. — 51 млн рублей, а в 1970 г. — всего 42 млн рублей, достигнув самой низкой отметки за всю историю советско-китайских связей после образования КНР. Культурные, научные, спортивные обмены между СССР и КНР резко сократились, снизился уровень политических контактов.

Наиболее острая ситуация складывалась в идеологических взаимоотношениях между двумя крупнейшими социалистическими державами мира. Советский Союз резко критиковал Китай за опасные и провокационные внутрисполитические эксперименты с миллионами людей и неоднократно как по партийной, так и по государственной линии предупреждал о тяжелых последствиях подобных экспериментов. Это, естественно, лишь углубляло наметившийся раскол в советско-китайском «монолите».

Трагической страницей в истории советско-китайских отношений в тот период стали учиненные китайскими гражданами и сотрудниками китайского посольства 25 января 1967 г. беспорядки на Красной площади в Москве. Заместитель министра иностранных дел СССР Н.П. Фирюбин сделал в связи с этим соответствующее заявление временному поверенному в делах КНР в СССР Ань Чжиюаню: «Мне поручено заявить вам решительный протест по поводу возмутительных хулиганских и провокационных действий, учиненных китайскими гражданами в сопровождении сотрудников посольства сегодня, 25 января, на Красной площади города Москвы перед Мавзолеем Владимира Ильича Ленина.

Китайские граждане, в том числе находящиеся в Москве проездом, и сопровождающие их сотрудники посольства, грубо нарушая установленные и известные всем правила посещения Мавзолея, создали беспорядок, применяя физические действия, грубо оттесняли других посетителей, не давали им возможности пройти в Мавзолей, сопровождая свои действия выкриками, шумом, пением и другими непристойными провокационными действиями и дикими выходками. Только присутствие при этом случае представителей охраны общественного порядка дало возможность предотвратить то, чтобы распоясавшаяся группа китайских граждан не получила по заслугам от советских людей, справедливо возмущенных подобным поведением указанных лиц у этого святого для каждого советского человека места».

В заявлении МИД СССР в марте 1967 г. по поводу недавних китайских провокаций в Москве констатировалось:

«Ни у кого не осталось сомнений в том, что возмутительная акция, устроенная (китайским) посольством на Красной площади у Мавзолея В.И. Ленина 25 января с.г., была заранее спланирована с целью создания очередного предлога для обострения советско-китайских отношений и раздувания в КНР антисоветской истерии...

Ради разжигания вражды к Советскому Союзу среди китайских граждан, находящихся в Москве, 1 февраля с.г. (китайское) посольство на своей территории провело антисоветский митинг и демонстрацию сотрудников и других китайских граждан. Оно позаботилось о том, чтобы участников этой неблагоприятной акции можно было видеть и слышать с прилегающих к территории посольства улиц.

3 февраля посольство организовало столкновение своих работников с советскими людьми у фотовитрины, на которой преднамеренно были вывешены сфабрикованные материалы, содержащие клеветнические выпады в адрес Советского Союза.

9 февраля китайские дипломаты пытались вызвать беспорядки и столкновения отъезжающих из Москвы китайских студентов с советскими людьми на площади у Ярославского вокзала.

Эти и другие провокации используются посольством для того, чтобы фабриковать

разного рода нелепые версии о «кровавых избиениях», «неслыханных зверствах», якобы учиняемых в Советском Союзе в отношении китайских граждан»²⁸².

О скоординированном характере провокаций, проведенных в начале 1967 г. китайской стороной против СССР, свидетельствуют и события, последовавшие в Пекине на следующий день после бесчинств на Красной площади в Москве. В соответствующей ноте МИД СССР посольству КНР в СССР отмечалось: «Против советского посольства в Пекине 26 января с.г. вновь начались антисоветские провокационные действия организованных групп китайских граждан. В адрес посольства и правительства СССР раздается грубая брань, клевета, враждебные выкрики и угрозы. Бесчинствующие толпы, заблокировав въезд на территорию посольства, препятствуют проезду служебных автомашин, обливают их краской, бьют по ним палками, приводят автомашины в негодное состояние. Разнузданные хулиганы не дают советским людям выйти из ворот посольства, а посетителям пройти на его территорию. Создана обстановка, в условиях которой посольство лишено возможности нормально осуществлять свою деятельность»²⁸³.

С этого времени обстановка вокруг советского посольства в Пекине превратилась в настоящий ад. В официальном письме Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина Премьеру Госсовета КНР Чжоу Эньлаю от 2 февраля 1967 г. подробно описывалась сложившаяся ситуация: «У советского посольства днем и ночью происходят сборища, организуются демонстрации и шествия, носящие резко выраженный злобный антисоветский характер. Демонстрации сопровождаются грубой бранью в адрес Советского Союза и советского народа, выкрикиваются угрозы „свергнуть“ Советское правительство и „расправиться“ с государственными и политическими деятелями СССР.

Бесчинствующие элементы устраивают дикие оргии с кострами, на которых сжигаются изображения советских людей. На территорию посольства бросают разные горящие предметы, создающие опасность пожара. Все это напоминает сборища кулусклановцев, которых все честные люди клеймили как носителей крайней реакции и мракобесия.

Дело доходит до того, что распоясавшиеся хулиганы грубо нарушают территориальную неприкосновенность посольства, а право на такую неприкосновенность признается с давних времен и является твердо установившейся нормой в отношениях между государствами. Участники оргий забираются на крыши посольских помещений, развешивают во дворе посольства листовки с оскорбительными непристойными надписями и призывами к расправе, глумятся над государственной эмблемой Советского Союза.

Посольство и Торгпредство СССР в Пекине полностью блокированы. При выезде в город или даже подходе к ограде посольства советских людей по служебным делам со стороны участников антисоветских демонстраций им не только наносятся всяческие оскорбления, но и предпринимаются попытки физической расправы с ними. Имеются случаи нанесения телесных повреждений сотрудникам советских учреждений. Для того чтобы создать затруднения в питании, отоплении и удовлетворен и и других бытовых нужд сотрудников советских учреждений, 26 января был отозван с работы китайский персонал, обслуживающий посольство. Вокруг посольства, вдоль жилых домов через каждые сорок метров установлены мощные громкоговорители, из которых круглосуточно несется оглушительный свист и гул, что лишает сотрудников сна и отдыха. От этих изуверских действий особенно страдают женщины и дети, среди которых возникли случаи серьезных заболеваний».

Бесчинства толп китайцев в отношении советского посольства с каждым днем становились все более и более вызывающими. 6 февраля 1967 г. в 20.00 по пекинскому времени МИД КНР передал нашему посольству так называемое «важное уведомление», в котором объявлялось, что сотрудники советского посольства в Пекине не должны выходить за пределы посольства на улицы Пекина и что в противном случае китайские власти не гарантируют

²⁸² «Правда». 1967. 19 марта.

²⁸³ «Правда». 1967. 30 января.

безопасность советских сотрудников.

Китайские провокации против дипломатического представительства СССР в Пекине продолжались весь 1967 г., «особенно вызывающими и непристойными», по оценке советского посольства, были демонстрации 27 и 28 апреля, 3, 16 и 20 мая. 17 августа бесчинствующая толпа ворвалась на территорию посольства СССР, учинила погром в помещении консульского отдела, угрожала физической расправой дипломатическому персоналу посольства.

В январе 1968 г. МИД СССР направил посольству КНР в СССР специальную ноту, в которой советская сторона подсчитала материальный ущерб, причиненный советскому посольству в Пекине китайскими погромами в 1967 г. Общая сумма ущерба оценивалась в 18 тысяч 42 юаня.

IX съезд ЦК КПК, состоявшийся в апреле 1969 г., закрепил антисоветские акценты во внешней политике КНР. На съезде был выдвинут курс на «непрерывную революцию» и подготовку к войне. Однозначно тезис о необходимости подготовки к войне ассоциировался с антисоветскими приготовлениями китайского руководства. Военные приготовления в этом ряду занимали далеко не последнее место.

На границе с Советским Союзом началось наращивание группировки сил и средств. К 1967 г. численность китайских войск в приграничных с СССР и МНР районах возросла на 264 тыс. человек — на 22 дивизии — за счет переброски войск из глубины КНР и достигла 400 тыс. человек. В Маньчжурии создавалась мощная военная инфраструктура: строились инженерные заграждения, подземные убежища, дороги и аэродромы. «Угроза с севера» стала, по китайским понятиям, не мифической, а реальной и опасной. Китай готовился к войне.

Обстановка, сложившаяся в советско-китайских отношениях, стала критической. На Западе появились и начали активно муссироваться слухи о неизбежности военного столкновения между СССР и КНР. 9 февраля 1967 г. представитель западногерманского информационного агентства «Шпрингер Форин ньюс сервис» задал А.Н. Косыгину, выступавшему на пресс-конференции в Лондоне, прямой вопрос о возможности вооруженного конфликта с Китаем. Глава советского правительства ответил: «Что касается возможности вооруженного конфликта, то я не вижу причин для такого конфликта»²⁸⁴.

Причины, конечно же, были, и сам А. Косыгин их, естественно, видел. Однако опытный политик предпочел не «выносить сор из избы».

Определенное влияние на развитие советско-китайских отношений в тот период имели и события в Чехословакии весной 1968 г., когда советские войска вместе с войсками других стран-участниц Варшавского Договора вошли в пределы суверенного социалистического государства «для борьбы с контрреволюцией». В Китае это было воспринято как сигнал к тому, что подобная акция может иметь место и против КНР, и без того ослабленной в годы культурной революции. На Западе всячески нагнетали обстановку вокруг событий в Чехословакии и подпитывали страхи и опасения Китая. А в самом Китае все громче раздавались лозунги «глубже рыть убежища», «готовиться к войне» с Советским Союзом.

С тайным удовлетворением Запад ждал дальнейшего развития событий...

Остров Даманский

Кульминацией советско-китайской конфронтации в 60—70-е гг. стал пограничный вооруженный конфликт на острове Даманский на реке Уссури. Однако имевшие там место события 1969 г. не были случайными акциями. Им предшествовали предварительные «генеральные репетиции» китайцев против советских пограничников в том районе.

Одной из таких «репетиций» стал вооруженный инцидент на острове Киркинский на реке Уссури в декабре 1967 — январе 1968 г., примерно за год до событий на Даманском.

9 января 1968 г. МИД СССР выступил со специальной нотой по поводу провокации на острове Киркинский, в которой, в частности, отмечалось: «В первых числах января группы нарушителей границы, специально доставляемые в район острова Киркинский на грузовых

²⁸⁴ «Известия». 1967. 10 февраля.

автомоби́нах, многократно вторгались на остров и по льду на советскую часть реки Уссури, применяя при этом физическое насилие в отношении советских пограничников, которые останавливали нарушителей границы и предлагали им покинуть советскую территорию.

Провокационные вторжения в пределы СССР и нападения провокаторов на советских пограничников заранее планируются китайскими властями. На это указывает такой факт. 4 января на китайский берег против упомянутого острова были привезены в большом количестве ломы, колья. На другой день, 5 января из города Жаохэ к острову Киркинский колоннами военных автомашин были доставлены свыше 500 переодетых китайских военнослужащих, которые, вооружившись этими ломом и кольями, организованно большими группами вышли на лед советской части реки Уссури. Применяя физическое насилие и нанося словесные оскорбления небольшой группе советских пограничников, они пытались заставить их уйти с данного участка территории СССР.

Вторгшиеся в пределы Советского Союза группы провокаторов не раз, в частности, 2 и 5 января, окружали бронетранспортеры, доставлявшие советских пограничников в район острова Киркинский. С применением ломов и других металлических предметов они разбивали фары, смотровые стеклоблоки и стоп-сигналы, старались вывести эти машины из строя, обливали их химической жидкостью, обсыпали едким пылевидным веществом, ослеплявшим водителей.

Систематическое провоцирование китайскими властями инцидентов в районе советского острова Киркинский свидетельствует о том, что эти действия являются преднамеренными и преследующими цель дальнейшего обострения обстановки в указанном районе советско-китайской границы...»

В принципе так и случилось. Инциденты, подобные провокации на острове Киркинский, помогли китайцам отработать тактику действий в пограничном вооруженном конфликте, и этот опыт пригодился им через год на той же реке Уссури в районе острова Даманский.

Даманский, который китайцами называется Чжэньбаодао, — это небольшой необитаемый остров на реке Уссури длиной около 1500—1700 м и шириной около 500 м.

Остров находился совсем рядом с китайским берегом, до которого было всего 47 м, в то время как до советского берега 120 м. Однако в соответствии с Пекинским договором 1860 г. и картой 1861 г., пограничная линия между двумя государствами проводилась не по фарватеру, а по китайскому берегу Уссури. Таким образом, сам остров являлся неотъемлемой частью советской территории.

В годы советско-китайской дружбы китайские граждане свободно допускались на остров советскими пограничниками: там выпасался скот, заготавливалось сено на зиму. Однако вскоре такая практика прекратилась. На глазах советских пограничников обстановка на границе резко менялась: в приграничной полосе создавались военизированные поселения, среди китайского населения нагнетались антисоветские настроения и шпиономания. 200-километровая зона, примыкающая к советской границе, была объявлена в Китае «передовой линией обороны».

Ответные меры советской стороны не заставили себя долго ждать. Серьезное внимание было уделено оборудованию в инженерном отношении приграничной полосы советской территории. Пограничники начали получать в большом количестве тяжелое пехотное оружие, прежде всего пулеметы. На вооружение пограничных застав поступали современные бронетранспортеры БТР-60. Параллельно с укреплением пограничных войск осуществлялась передислокация отдельных соединений и частей Вооруженных Сил из западных и центральных районов страны в Забайкалье и на Дальний Восток. Угроза войны с Китаем хотя и отрицалась советской пропагандой, однако на государственном уровне принимались все меры по подготовке к возможному военному столкновению.

Подготовка к широкомасштабной вооруженной провокации была начата китайским военным командованием с конца 1968 г. В качестве наиболее удобного для китайской стороны места был выбран остров Даманский. Как уже отмечалось, он находился в непосредственной близости к китайскому берегу, а охрана его советскими пограничниками осуществлялась методом наблюдения и, при необходимости, патрулирования.

25 января 1969 г. в приграничном с СССР Шэньянском военном округе завершилась разработка плана грядущей военной операции. Общее руководство спецоперацией возлагалось на заместителя командующего войсками военного округа Сяо Цюньфу. Непосредственное

руководство должен был осуществлять начальник штаба подокруга Ван Цзэыляна, расположивший свой КП у наблюдательного пункта Гунсы.

Менее чем через месяц — 19 февраля 1969 г. — Генштаб НОАК совместно с МИД КНР план спецоперации утвердил. План вооруженной провокации на границе, получивший кодовое наименование «Возмездие», был утвержден и в ЦК КПК²⁸⁵.

Суть спецоперации сводилась к получению неоспоримых доказательств агрессивных устремлений советской стороны. Для этого необходимо было заполучить образцы советского вооружения, снаряжения или иного имущества, а также различные документы. Одновременно предполагалось вести фотосъемку для создания архива фотодокументов, обвиняющих СССР в осуществлении агрессии. Сама операция задумывалась в форме внезапной, дерзкой демонстрации силы на границе, точнее — на самом острове Даманский. С выполнением задачи предусматривался быстрый отвод всех сил на заранее подготовленные позиции.

Через несколько дней в план «Возмездие» китайским Генштабом были внесены некоторые изменения и коррективы. В частности, ставилась задача во что бы то ни стало спровоцировать советскую сторону на решительные действия. Если советские пограничники применяют оружие, разрешалось дать «решительный отпор в целях самообороны». В китайском плане подчеркивалась необходимость любыми способами добыть доказательства того, что советская сторона вела стрельбу, а если советские пограничники углубятся на китайскую территорию — захватить их.

В целом спецоперация на о. Даманский была спланирована и организована китайской стороной очень тщательно. По мнению бывшего начальника Иманского пограничного отряда А.Д. Константинова, «на высоте оказался и китайский военачальник, которому поручили эту операцию. Он был достаточно умный, подготовленный и хитрый»²⁸⁶.

Планируя и организуя провокацию на Даманском, китайское военное руководство учитывало целый ряд выгодных для себя факторов. В основе тех событий лежали внешнеполитические и военные принципы, изложенные еще в VI в. до н. э. древнекитайским полководцем Сунь Цзы в трактате «О военном искусстве», где он призывал: «...Нападай на него (противника), когда он не готов; выступай, когда он не ожидает». Так, в общем-то, и было.

День 2 марта был выходным. Как бы ни была хорошо налажена служба в выходные дни, в любом случае процесс управления войсками и координации деятельности разных ведомств сильно затрудняется. Китайская сторона учитывала, что о каких-либо серьезных инцидентах на границе советские пограничники должны будут обязательно доложить «наверх» (в Москву!) и получить «сверху» указания и санкции. В выходные дни сделать это оперативно практически невозможно.

День 2 марта был не просто выходным, но и праздничным. По всему Северному Приморью 2 марта отмечался праздник проводов русской зимы — Масленица. Китайское военное командование учитывало тот факт, что руководство советских погранотрядов наверняка будет принимать участие в традиционных праздничных мероприятиях и гуляньях, проводимых местными органами власти, а значит — находиться не на службе.

Китайская сторона учитывала также и технические возможности советских пограничников, которые не имели в своем распоряжении приборов ночного видения и не могли обнаружить сосредоточение китайских подразделений в районе острова Даманский. Более того, именно по выходным дням советская пограничная авиация в то время не совершала полетов вдоль линии границы, поэтому и с воздуха было невозможно засечь «шевеления» на китайской стороне.

В какой-то степени китайским командованием учитывался и погодный фактор. В тот год в ночь с 1 на 2 марта мела поземка, шел негустой мелкий снег, закрывающий белой завесой окрестности. Это и позволило китайцам скрытно занять позиции на Даманском, снег замел их

²⁸⁵ В.А. Яременко и др. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000. С. 128—129.

²⁸⁶ Лободюк Н. За туманами Даманского// Независимое военное обозрение. 1999. № 8.

следы²⁸⁷.

В ночь на 2 марта 1969 г. около 300 военнослужащих НОАК скрытно перешли по льду на остров Даманский и, «закопавшись в землю», устроили там засаду. Советские пограничники не смогли вовремя засечь активизацию противника на этом участке границы: ночью это было сделать невозможно из-за отсутствия приборов ночного видения, а утром все следы были скрыты выпавшим снегом. Расстояние от острова до ближайшего советского пограничного пункта наблюдения составляло 800 м.

Утром 2 марта пограничный пост 2-й погранзаставы «Нижне-Михайловка» 57-го погранотряда Тихоокеанского пограничного округа доложил командиру о нарушении госграницы двумя группами китайцев общей численностью до 30 человек. Начальник заставы старший лейтенант И. Стрельников с группой из 30 пограничников немедленно выехал на бронетранспортере и двух автомобилях навстречу нарушителям. Он решил их блокировать с двух сторон и вытеснить с острова.

С пятью пограничниками и оперуполномоченным особого отдела 57-го погранотряда старшим лейтенантом Н. Буйневичем он направился к острову с фронта. В 300 м от них двигалась вторая группа из 12 человек под командованием младшего сержанта Ю. Бабанского. Третья группа в количестве 13 человек во главе с сержантом В. Рябовичем шла к острову с фланга.

В 11.00 группа И. Стрельникова приблизилась к китайцам. Начальник заставы намеревался заявить официальный протест нарушителям и потребовать их удалиться на свой берег. Неожиданно первая шеренга китайских солдат расступилась, и вторая шеренга нарушителей практически в упор расстреляла советских пограничников. Группы И. Стрельникова и В. Рябовича погибли на месте. Раненых советских воинов китайцы добивали штыками.

Одновременно из засады на острове и с китайского берега по группе сержанта Ю. Бабанского был открыт пулеметный и минометный огонь. Советские пограничники заняли круговую оборону и запросили помощи.

Начальник соседней 1-й погранзаставы «Сопки Кулебякины» 57-го погранотряда Тихоокеанского пограничного округа старший лейтенант В. Бубенин во главе мотоманевренной группы по тревоге прибыл в район провокации. Ему удалось обойти противника с тыла и отбросить его за насыпь на острове. Бой с переменным успехом продолжался весь день. С советской стороны в нем приняло участие прибывшее в район конфликта усиление в составе школы сержантского состава и мотоманевренной группы 69-го пограничного отряда. К вечеру 2 марта пограничники отбили остров и закрепились на нем.

Всего в том бою участвовало 66 советских пограничников, из которых 31 человек погиб, а 14 — получили ранения той или иной тяжести. Комсорг погранзаставы Павел Акулов пропал без вести. Были свидетельства, что он погиб в бою и его труп унесли с собой китайцы. Позже его обезображенное тело было сброшено с китайского вертолета на советскую территорию²⁸⁸. На теле советского пограничника насчитали 28 штыковых ранений.

2 марта 1969 г. правительство СССР направило решительную ноту правительству КНР, в которой резко осудило китайскую провокацию. В ней, в частности, заявлялось: «Советское правительство оставляет за собой право принять решительные меры для пресечения провокаций на советско-китайской границе и предупреждает правительство Китайской Народной Республики, что вся ответственность за возможные последствия авантюристической политики, направленной на обострение обстановки на границе между Китаем и Советским Союзом, лежит на правительстве Китайской Народной Республики»²⁸⁹.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ В.А. Яременко и др. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000. С. 128—129.

²⁸⁹ «Известия». 1969. 3 марта.

Специальная следственная комиссия тщательно зафиксировала все следы нахождения китайских военнослужащих на острове Даманский, в частности, 306 лежек с брустверами и циновками, брошенные китайские маскировочные халаты грязно-серого цвета, большое количество опустошенных бутылок из-под китайской водки, несколько носилок для эвакуации раненых и убитых.

Для предотвращения дальнейших возможных провокаций со стороны китайцев на остров Даманский была выдвинута усиленная маневренная группа 69-го погранотряда под командованием подполковника Е. Яншина общей численностью 45 человек. Группа имела на своем вооружении 4 бронетранспортера БТР-60, пулеметы и гранатометы. В качестве резерва на советском берегу был сосредоточен отряд численностью 80 человек, состоявший из курсантов школы сержантского состава 69-го пограничного отряда Тихоокеанского пограничного округа.

В ночь на 12 марта в район острова Даманский прибыли части 135-й мотострелковой дивизии Дальневосточного военного округа, в частности 199-й мотострелковый полк, 152-й отдельный танковый батальон, 131-й отдельный разведывательный батальон. К участию в возможных боевых действиях готовилась авиация. Фактически это означало, что конфликт в районе острова Даманский вышел из рамок пограничного инцидента и был чреват перерастанием его в межгосударственный конфликт.

В эти дни китайцы вели интенсивную разведку, применяя для этого даже авиацию. Советская сторона не препятствовала этому. Наоборот, была надежда, что китайцы, увидев реальную силу советской стороны, одумаются и прекратят провокационные действия. К сожалению, этого не произошло.

12 марта состоялась встреча представителей советских и китайских пограничных войск. Во время этой встречи офицер китайского погранпоста Хутоу, ссылаясь на указание Мао Цзэдуна, высказал угрозы применения вооруженной силы в отношении советских пограничников, охраняющих остров Даманский²⁹⁰.

14 марта китайцы предприняли очередную атаку острова Даманский. На следующий день, 15 марта, крупные силы китайцев при поддержке артиллерии и минометов с китайского берега предприняли новые попытки овладения островом. На этот раз ими была применена знаменитая еще по временам войны в Корее тактика «людских волн»: одна за одной цепи китайских пехотинцев шли вперед под пулеметный и автоматный огонь советских пограничников. К концу дня пограничники вынуждены были отступить и оставить остров. В бою погиб начальник 57-го Дальнереченского пограничного отряда полковник Д.В. Леонов. Советская сторона потеряла тогда секретный танк Т-62. Забегая вперед, отметим, что этот танк, провалившийся под лед, в мае месяце был китайцами вытаскен из воды, изучен и скопирован при разработке своих вариантов боевых машин. Сам же танк Т-62 был выставлен в качестве постоянного экспоната в Центральном музее НОАК в Пекине.

Бой 15 марта показал, что советская сторона в политическом смысле не была готова к негативному развитию ситуации на границе с Китаем. Москва молчала, никаких инструкций ни пограничники, ни войска Дальневосточного ВО не получали, взаимодействие между силами и средствами в районе конфликта не было налажено.

Спасло ситуацию решение командования 135-й мотострелковой дивизии применить дивизионную артиллерию. В артиллерийском налете на позиции китайцев, закрепившихся на острове Даманский, и по противоположному берегу реки Уссури на глубину 5—6 км участвовал также отдельный реактивный дивизион БМ-21 «Град». Сокрушительная мощь этого огневого удара шокировала китайцев и продемонстрировала решимость советской стороны дать отпор любым провокациям. В бой был введен мотострелковый батальон под командованием подполковника А. Смирнова, который совместно с пограничниками за несколько часов полностью очистил остров. Мотострелки потеряли 7 человек убитыми и 9 ранеными.

В целом вооруженный конфликт на острове Даманский продолжался со 2 по 16 марта 1969 г. В этих боях погибло в общей сложности 58 советских пограничников и

²⁹⁰ «Правда». 1969. 16 марта.

военнослужащих; 94 человека было ранено. Четыре советских пограничника были удостоены звания Героя Советского Союза: полковник Д. Леонов и старший лейтенант И. Стрельников (получили это звание посмертно); старший лейтенант В. Бубенин и младший сержант Ю. Бабанский. Героем Советского Союза (посмертно) стал младший сержант В.В. Орехов, командир пулеметного отделения из 199-го мотострелкового полка. Потери китайской стороны составили около 600 человек.

В Китае события марта 1969 г., естественно, вплоть до настоящего времени оцениваются иначе:

«2 марта 1969 г. группировка советских пограничных войск численностью 70 человек с двумя БТР, одной грузовой и одной легковой автомашинами вторглась на наш остров Чжэньбаодао уезда Хулинь провинции Хэйлунцзян, уничтожила наш патруль и затем огнем уничтожила много наших пограничников. Это вынудило наших воинов принять меры самообороны.

15 марта Советский Союз, не обращая внимания на многократные предупреждения китайского правительства, развернул наступление на нас силами 20 танков, 30 бронетранспортеров и 200 человек пехоты при поддержке с воздуха своей авиацией. Мужественно оборонявшие остров в течение 9 часов бойцы и народные ополченцы выдержали три атаки противника. 17 марта противник силами нескольких танков, тягачей и пехоты попытался вытащить подбитый ранее нашими войсками танк. Ураганный ответный артиллерийский огонь нашей артиллерии уничтожил часть сил противника, оставшиеся в живых отступили»²⁹¹.

Самый опасный в истории советско-китайских отношений пограничный инцидент, едва не переросший в вооруженный межгосударственный конфликт, закончился. Вместе с тем, обстановка как на этом участке, так и в целом по всей линии государственной границы продолжала оставаться сложной. За последующие четыре-пять месяцев советские пограничники более 300 раз вынуждены были применять оружие в районе острова Даманский для противодействия китайским провокациям.

Китайские провокации, в том числе и с применением оружия, организовывались и на других участках советско-китайской границы.

23 апреля группа китайских граждан численностью 25—30 человек нарушила границу СССР и вышла на советский остров № 262 на реке Амур, расположенный вблизи населенного пункта Калиновка. Несмотря на требования советских пограничников покинуть остров, китайцы демонстративно оставались на нем. В то же время на китайском берегу Амура сосредоточивались группы военнослужащих²⁹².

К) июня 1969 г. в районе речки Тасты в Семипалатинской области группа китайских военнослужащих вторглась на территорию СССР на 400 метров и открыла огонь по советским пограничникам из автоматов. По ним был открыт ответный огонь в целях самозащиты, после чего нарушители покинули территорию СССР²⁹³.

8 июля того же 1969 г. группа вооруженных китайцев, нарушив государственную границу СССР и укрывшись на советской части острова Гольдинский на реке Амур, открыла огонь из автоматов по советским речникам-путейцам, прибывшим на указанный остров для ремонта навигационных знаков. Нападавшие применили также гранатометы и ручные гранаты. В результате один речник был убит, а трое ранены²⁹⁴.

²⁹¹ Синьвэнь гуанцзо шоуцэ (Справочник журналиста). Пекин, 1985. С. 251.

²⁹² СССР-КНР (1949—1983) Документы и материалы. Ч. II. (1964—1983). М., 1985. С. 158—159.

²⁹³ Там же. С. 166—167.

²⁹⁴ Там же. С. 179—180.

Очередной крупномасштабной вооруженной провокацией китайцев на границе с СССР стал конфликт в районе озера Жаланашколь в Казахстане летом 1969 г.

12 августа наряды на постах наблюдения погранзастав «Родниковая» и «Жаланашколь» 130-го Уч-Аральского пограничного отряда Восточного пограничного округа заметили на сопредельной территории перемещения усиленных групп китайских военнослужащих. Пограничники были приведены в состояние повышенной боевой готовности, были отрыты окопы, соединенные в некоторых местах траншеями и ходами сообщения.

13 августа 1969 г. около 5 утра китайские военнослужащие двумя группами в количестве 9 и 6 человек вышли на линию государственной границы СССР на участке погранзаставы «Жаланашколь». Спустя полчаса они перешли границу и к 7.00 проникли на 400 и 100 метров вглубь советской территории. После этого китайские провокаторы начали демонстративно окапываться, игнорируя все предупреждения советских пограничников. За линией границы в это время сосредоточивалось еще около сотни китайских военнослужащих.

Примерно через час со стороны китайских провокаторов раздалось несколько выстрелов в направлении советских пограничников. Ответный огонь из крупнокалиберного пулемета, установленного на бронетранспортере, не заставил себя долго ждать. Завязался огневой бой.

К оборонявшимся пограничникам подошло подкрепление с соседней заставы — маневренная группа на трех бронетранспортерах, которые сразу же вступили в бой. В результате решительных действий советских пограничников китайские нарушители были отрезаны и окружены на небольшой высоте — сопке Каменной. К 9.00 утра захваченная китайцами высота, несмотря на ожесточенное сопротивление оборонявшихся провокаторов, была полностью отбита, нарушители были частично уничтожены, частично рассеяны. Китайская провокация потерпела полный крах.

В 9.30 начальник погранвойск Восточного пограничного округа генерал-лейтенант Меркулов доложил в Москву о произошедшем столкновении и о том, что есть убитые и раненые с двух сторон. Тут же последовало распоряжение: «Захватить как можно больше трофеев и по возможности тел убитых нарушителей, а лучше пленных, чего мы не сделали на Уссури»²⁹⁵.

К 10 часам утра обстановка прояснилась. В ходе короткого, но ожесточенного столкновения погибло два советских пограничника, а 8 человек были ранены. Китайцы потеряли убитыми 19 человек, трое провокаторов были взяты в плен. Пленных немедленно отправили в Уч-Арал, однако по пути двое из них скончались от полученных в бою ран.

После событий у Жаланашколя китайская сторона не позволяла себе крупномасштабных провокаций на казахстанском и среднеазиатском участках советско-китайской границы. Однако обстановка на границе по-прежнему оставалась тревожная.

Крупномасштабные вооруженные провокации Китая на советско-китайской границе весной-летом 1969 г. убедили Пекин в решимости Советского Союза защитить свою территорию. Именно решительный силовой отпор явился главной причиной, побудившей Китай все-таки согласиться на многократные советские предложения начать пограничные и дипломатические консультации.

11 сентября 1969 г. глава советского правительства А. Косыгин, возглавлявший советскую партийно-правительственную делегацию на похоронах вьетнамского президента Хо Ши Мина, сделал остановку в Пекине на пути из Ханоя в Москву. В аэропорту Косыгин встретился с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем для обсуждения «некоторых вопросов советско-китайских отношений», в том числе и ситуации на границе.

Об этой встрече известно крайне мало, однако ее значимость в истории советско-китайских отношений огромна. В те тревожные дни осени 1969 г. реальность военного столкновения СССР и КНР была столь высока, что мало кто на Западе сомневался в этом. Весь мир, кто с тревогой, кто с тайной радостью, ждал казалось бы неизбежной войны между двумя социалистическими державами. В том, что этого не случилось, большая заслуга лично Чжоу

²⁹⁵ Петров И. Жаланашколь: как это было// «Пограничник». 1996. № 8.

Эньлая и Косыгина, которые за три с половиной часа переговоров смогли достичь консенсуса. Стороны договорились, что Китаю и СССР не следует начинать войну из-за пограничных вопросов, что советско-китайские переговоры должны продолжаться в условиях «отсутствия угрозы» и в этих целях стороны подпишут промежуточное соглашение о сохранении статус-кво на границе, предотвращении вооруженного конфликта и выводе своих вооруженных частей со спорных территорий, а также будут добиваться решения пограничного вопроса в ходе переговоров²⁹⁶.

Обмен мнениями был потом продолжен в официальной переписке, и 20 октября 1969 г. в Пекине начались переговоры по пограничным вопросам.

А судьба Даманского решалась своим чередом. После «замораживания» ситуации вокруг спорного острова, весной 1970 г., китайцы стали завозить в район острова Даманский гравий и камни для укрепления берегов. Остров «срастили» с китайским берегом, вскоре на нем появился взвод боевого дежурства. К лету остров, ставший по существу частью китайского берега Уссури, китайцами был уже обжит и обустроен.

Остров Даманский и поныне — теперь уже официально — находится под юрисдикцией Китая. То, чего Китай не смог достичь силой весной 1969 г., он достиг путем переговоров. Такой поворот дела неизбежно ставит мучительный вопрос: насколько оправданны те жертвы, которые понесли советские пограничники. Сегодня мы можем констатировать, что позиция Советского правительства (прежде всего МИД) по вопросу пограничного размежевания с Китаем была непоследовательной, крайне ортодоксальной и негибкой и в целом очень слабой. Китай же гордится тем, что большие жертвы, понесенные им в ходе боев за Даманский с «советскими провокаторами», не напрасны. Китайские солдаты отдали свои жизни за свою родную землю. И в этом смысле военное поражение китайцев на Даманском явилось настоящей моральной победой Китая.

Американский «угол»

Весь накал страстей и динамику советско-китайских взаимоотношений в 60—70-е гг. невозможно оценить изолированно, без учета фактора международной обстановки в целом и политики США в частности. Не случайно именно тогда возникли и получили широкое распространение как в отечественной, так и зарубежной дипломатической теории и практике концепции «треугольника», в рамках которого рассматривался весь комплекс связей СССР-КНР-США. Суть этой концепции сводилась к одному: все три «угла» имели определенный политический, военный, экономический вес, который, однако, не позволял ни одной из сторон доминировать на международной арене. Доминирование могла бы обеспечить лишь та или иная комбинация объединения двух «углов» против третьего. К достижению такой комбинации стремились все три игрока — США, СССР и КНР, которые активно играли на взаимных противоречиях, подозрениях и амбициях.

В свете этого китайско-американское сближение на рубеже 60—70-х гг. было взаимным: обе стороны находили его крайне выгодным для себя и прежде всего для скоординированного устранения с международной арены третьего «угла» — СССР.

Для США сближение с коммунистическим Китаем обеспечивало окончательный раскол советско-китайского «монолита», устранение опасности совместных, скоординированных действий двух социалистических государств на мировой арене, и прежде всего против Вашингтона.

В КНР сближение с США рассматривалось как форма борьбы с СССР. Не случайно антисоветская составляющая первых шагов Вашингтона и Пекина превалировала над всеми иными.

Решение о сближении с Вашингтоном было утверждено на пленуме ЦК КПК в октябре 1968 г. Через месяц Китай предложил США возобновление переговоров в Варшаве и

²⁹⁶ Цит по: Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 242.

заключение соглашения о пяти принципах мирного сосуществования. Вашингтон в 1969—1971 гг. предпринял целую серию ответных жестов в политической, военной и экономической областях. Начался зондаж по поводу контактов на высшем политическом уровне, и вскоре Пекин передал президенту США Р. Никсону приглашение посетить Китай²⁹⁷.

В апреле 1971 г. Китай официально пригласил высокопоставленного американского посланника посетить КНР. В качестве такого посланника китайцы просили прислать помощника президента по национальной безопасности Г. Киссинджера, госсекретаря У. Роджерса или «даже самого президента США лично». В Вашингтоне взвесили все возможные варианты, и Р. Никсон в мае месяце направил свое решение в Пекин: сперва в КНР прибудет с секретной миссией Киссинджер, а затем туда прибудет он сам.

2 июня 1971 г. Пекин направил свой ответ в Вашингтон: китайцы заявляли о своей готовности принять обоих американских посланцев, а Никсону обещали организовать встречу с самим Мао Цзэдуном. Получив эту новость, Р. Никсон так приободрился, что открыл «очень старую бутылку бренди „Корвуазьер“ и вместе с Киссинджером поднял тост „за поколения, которые придут нам на смену и которые будут иметь возможность жить в мире благодаря тому, что мы сделали“²⁹⁸.

В документе ЦК КПК, адресованном партийным работникам, указывалось: «Приглашение Никсону, отправленное от имени премьера, — это личное решение председателя Мао. И, несмотря на то что часть членов ЦК придерживалась иных взглядов, путем неоднократного обсуждения все пришли к одинаковому мнению, и в конце концов решение было принято единогласно. Приглашение Никсону есть форма борьбы против американского империализма и никоим образом не влияет на нашу последовательную позицию, которой мы придерживались и придерживаемся в борьбе против американского империализма и всех реакционеров».

Китайскому партийному активу в документах ЦК Китайской компартии доводился главный вывод: «Наша борьба против двух гегемонов — это лозунг. По существу, мы выступаем главным образом против того самого реального врага, каким является социал-империализм советских ревизионистов, мы нападаем главным образом на этот социал-империализм. В данном вопросе у нас полная ясность, и США также прекрасно понимают ситуацию... из двух гегемонов мира, в конечном счете, один — Советский Союз — является самым прямым, самым опасным и самым реальным в настоящее время»²⁹⁹.

Начавшееся на рубеже 60—70-х гг. сближение Вашингтона и Пекина, с точки зрения китайского руководства, было мерой вынужденной. В закрытом выступлении в декабре 1971 г. накануне визита Р. Никсона премьер Госсовета Чжоу Эньлай заявил: «Когда США увязли во Вьетнаме, советские ревизионисты воспользовались случаем, чтобы расширить зону своего влияния в Европе и на Среднем Востоке. Американскому империализму ничего другого не остается, кроме как пойти на улучшение отношений с Китаем для сдерживания советских ревизионистов... Почему Китай согласился принять президента Р. Никсона?.. Необходимо извлечь все выгоды из противоречий между США и СССР и увеличивать их»³⁰⁰.

Официальное начало развитию американско-китайского диалога положила секретная поездка в Пекин помощника президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера. В июле 1971 г., находясь с официальным визитом в Пакистане, он неожиданно под предлогом болезни «исчез» из поля зрения журналистов. По предварительной договоренности с китайскими лидерами Киссинджер тайно посетил Пекин, где встретился с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем.

²⁹⁷ Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М.: Международные отношения, 1990. С. 76.

²⁹⁸ Harding H. A Fragile Relationship. The United States and China Since 1972. Washington, 1992. P. 39.

²⁹⁹ Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М.: Международные отношения, 1990. С. 77.

³⁰⁰ China and the Three Worlds. A Foreign Policy Reader. M.E. Sharpe Inc., 1979. P. 138—139.

Это был прорыв в американско-китайских отношениях, «замороженных» после победы народной революции в Китае. Во время переговоров Г. Киссинджер заявил, что «США более не являются врагом Китая, не будут более изолировать Китай, поддержат предложение о восстановлении членства КНР в ООН, но выступают против изгнания из ООН представителей Чан Кайши»³⁰¹.

В своих мемуарах Г. Киссинджер неоднократно отмечал, что американско-китайское сотрудничество с самого начала мыслилось в Вашингтоне, а равно и в Пекине, как направленное против СССР. Взаимодействие между США и КНР, подчеркивал Киссинджер, «отражало геополитическую реальность, проистекавшую из беспокойства в связи с увеличением советской мощи», и должно было побудить Советский Союз к «сдержанности и сотрудничеству». Именно Г. Киссинджеру принадлежит авторство термина «гегемонизм», который вскоре вошел в политический язык Пекина для обозначения Советского Союза³⁰².

Во время своего визита Киссинджер намекнул китайским лидерам на возможность развития некоторых форм сотрудничества двух стран в сфере безопасности и представил им разведывательную информацию о советском военном развертывании на Дальнем Востоке, а также пообещал проинформировать их обо всех договоренностях США с СССР, которые так или иначе затрагивают интересы Китая»³⁰³.

Вслед за секретным визитом Киссинджера в Пекин отношения между двумя странами активизировались и стали наполняться реальным содержанием.

28 июля 1971 г. американское правительство объявило о временном прекращении полетов разведывательных самолетов SR-71 и беспилотных летательных аппаратов ВВС США в воздушном пространстве КНР с разведывательными целями³⁰⁴. Тем самым практически утрачивало силу соглашение между гоминьдановским Китаем и США от 21 ноября 1945 г. о предоставлении американским ВВС права осуществлять бесконтрольные аэрофотосъемки всей территории Китая, прежде всего областей, граничащих с СССР³⁰⁵.

В октябре 1971 г. помощник президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер во время своего второго рабочего визита в КНР в знак особо доверительных отношений с Пекином передал китайской стороне фотоснимок советских военных объектов, сделанный из космоса³⁰⁶. Однако главное внимание в ходе октябрьского визита доверенного американского посланца в Пекин было сосредоточено на подготовке официального визита в КНР американского президента.

В это же самое время на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН КНР была восстановлена — или скорее принята — в Организацию Объединенных Наций. Длительная американская блокада этого решения ООН закончилась, Тайвань лишился места в этой организации, а КНР получила фактически статус великой державы. Это была великая победа китайской дипломатии, которая, однако, стала возможной только благодаря изменившейся позиции Вашингтона.

В феврале 1972 г. с официальным визитом в Пекин прибыл президент США Р. Никсон. В ходе шести раундов переговоров Р. Никсона с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем при

³⁰¹ Дандай Чжунго вайцзяо (Современная внешняя политика КНР). Пекин, 1987. С. 221—222.

³⁰² Цит по: Бажанов Е.П. Движущие силы политики США в отношении Китая. М., 1982. С. 39.

³⁰³ Harding H. A Fragile Relationship. The United States and China Since 1972. Washington, 1992. P. 42.

³⁰⁴ Чжун Мэй гуаньси цзыляо сюаньбянь (Сборник справочных материалов по китайско-американским отношениям). Пекин, 1982. С. 254.

³⁰⁵ Астафьев Г.В. Интервенция США в Китае. 1945—1949 гг. М., 1985. С. 301—302.

³⁰⁶ Garrett B. U.S. China Policy and the Strategic Triangle. Berkeley, 1978. P. 59.

сопоставлении позиций двух сторон по международным проблемам были выявлены как точки соприкосновения, так и серьезные противоречия. Это нашло свое отражение в совместном Шанхайском коммюнике от 28 февраля 1972 г.

Общность позиций проявилась прежде всего в явно антисоветской направленности совместного коммюнике, что было закодировано термином «борьбы против гегемонизма». Как подчеркивалось в тексте этого документа, «каждая из сторон не стремится к установлению своей гегемонии в азиатско-тихоокеанском регионе; каждая из сторон выступает против усилий любой другой страны или блока государств установить такую гегемонию». Китайские источники прямо отмечают, что это положение «в действительности провозгласило борьбу против советского гегемонизма стратегической основой китайско-американских отношений»³⁰⁷.

Начав движение в направлении взаимодействия с Китаем, Вашингтон не упускал из виду и отношения с СССР. Американское военно-политическое руководство трезво оценивало военно-политическую обстановку в мире и понимало, что решающим фактором ее развития является комплекс советско-американских отношений. Разыграв «китайскую карту», Вашингтон приступил к «игре» с Москвой по крупному.

Первый ход в этой «игре» был сделан американцами, и был он как две капли воды похож на начало «китайской партии».

В апреле 1972 г., всего через два месяца после официального визита Никсона в Пекин, в Москву тайно приехал Генри Киссинджер. Инициатива этой акции принадлежала самому президенту Р. Никсону. Последний не доверял своему госдепартаменту, считая, что в его стенах, как воду в сите, никаких тайн не удержишь³⁰⁸. О пребывании Киссинджера в СССР до самого его отъезда в США не знал даже американский посол в Москве Дж. Бим.

Состоявшиеся переговоры Брежнева с Киссинджером были достаточно продуктивны: уже 22 мая 1972 г. в Москву впервые в истории США с официальным визитом прибыл президент США Ричард Никсон. В повестке дня переговоров стояли вопросы международной обстановки, ситуация во Вьетнаме, однако главным их содержанием было стремление сторон установить личные, доверительные отношения между лидерами двух сверхдержав. В прямой постановке на тех переговорах скорее всего проблемы советско-китайских отношений не обсуждались.

В мае 1973 г. в Москву для подготовки ответного визита советского лидера в США вновь прибыл Г. Киссинджер. На этот раз встреча американского посланника с Л. Брежневым происходила в Завидово, любимом месте отдыха Генерального секретаря ЦК КПСС. Именно там, в один из дней после успешной охоты на кабанов, в неформальной обстановке охотничьего домика за нехитрой трапезой состоялся доверительный обмен мнениями между Брежневым и Киссинджером по китайской проблеме.

В.М. Суходрев, личный переводчик Л. Брежнева, описывает в своих мемуарах тот разговор и связанные с ним проблемы:

«Дело в том, что проблема развивающихся отношений между США и Китаем была для советского руководства крайне важной и острой. Существовали большие опасения, что США могут, как тогда говорили, разыграть „китайскую карту“, то есть шантажировать СССР перспективой установления особых отношений с Китаем в ущерб нашим интересам. Отношения СССР и КНР тогда были обострены до крайности.

Брежнев без обиняков взял быка за рога, прямо спросил Киссинджера:

— Как объяснить политику сближения с Китаем, которую проводит президент США? Как совместить ее с заявлениями Никсона о желании развивать и укреплять дружественные отношения с СССР?

³⁰⁷ Ши Иньхун. Никэсунчжуи («Никсонизм»). Ухань, 1984. С. 89.

³⁰⁸ Суходрев В.М. Язык мой — друг мой. От Хрущева до Горбачева... М., 1999. С. 263.

При этом Брежнев вспомнил о заявлении, сделанном президентом в феврале 1972 г. Тогда, выступая с речью на банкете в Шанхае, Никсон, обращаясь к главе китайского правительства, сказал: «Наши два народа сегодня держат будущее всего мира в своих руках...»

Генри Киссинджер внимательно выслушал Генсека и стал довольно пространно объяснять, что политика США в отношении КНР никоим образом не направлена против интересов СССР, отношениям с которым США придают приоритетное значение. Что же касается упомянутого заявления президента Никсона в Шанхае, то, мол, сделано оно было на банкете, без подготовленного текста, экспромтом, да еще после хорошей дозы китайской рисовой водки маотай.

Брежнев, казалось, был удовлетворен ответом Киссинджера, и дальнейшая беседа уже не носила политического характера»³⁰⁹.

И все же, несмотря на удовлетворение Л.И. Брежнева ответом Киссинджера по поводу американской политики в отношении Китая, опасения у Москвы остались. К сожалению, эти опасения были не беспочвенны.

В 1975 г. Г. Киссинджер, уже будучи госсекретарем США, откровенно высказался о целях американо-китайского сближения: «Соединенные Штаты и Китайская Народная Республика вновь сблизилась после двух десятилетий по прагматическим соображениям. Обеими нашими странами руководил взаимный интерес, без иллюзий, в стремлении открыть новое начало... Мы и Китайская Народная Республика заинтересованы в том, чтобы мир был свободен от доминирования посредством военной силы и угроз, того, что наше совместное коммунистическое охарактеризовало в качестве „гегемонии“. Мы заявили, что наши страны не будут стремиться к гегемонии и каждая из них будет противостоять попыткам других добиваться гегемонии...»³¹⁰

С этого времени борьба против «гегемонизма», под которой в Пекине однозначно понимали Советский Союз, стала превалирующей тенденцией внешней политики Китая. В Пекине была провозглашена концепция «трех миров», в соответствии с которой внешнеполитическая стратегия КНР нацеливалась на противоборство двум «сверхдержавам» «первого мира» — США и СССР при сохранении строгой дифференциации в отношении них. В официальных китайских источниках отмечалось: «Советский социал-империализм является империалистической державой, следующей по пятам США и являющейся потому более агрессивной и авантюристической... Из двух сверхдержав СССР — самый свирепый, наиболее безрассудный, наиболее предательский и наиболее опасный источник мировой войны»³¹¹.

Итак, на рубеже 60—70-х гг. Советский Союз оказался перед лицом серьезной опасности, возникшей в связи с установлением и развитием американо-китайских отношений. И без того крайне натянутые, а то и откровенно враждебные советско-китайские отношения с начала 70-х гг., когда в большую советско-китайскую «игру» вступили США, стали еще более сложными.

Обстановка, создававшаяся тогда в международных отношениях, была уникальна для Вашингтона. Кризис в советско-китайских взаимоотношениях позволил ему занять место «мудрой обезьяны», наблюдающей с высокой горы за схваткой двух «тигров». Сам Киссинджер, касаясь политики США в отношении Москвы и Пекина, в своем докладе президенту Никсону по итогам визита в КНР в феврале 1973 г., перефразируя известную американскую пословицу, отмечал: «...Нам нужно иметь наш „маотай“ и пить нашу водку»³¹². Суть такой политики заключалась во взвешенном подходе по отношению к двум другим сторонам «треугольника». Киссинджер, как главный архитектор внешней политики США, с

³⁰⁹ Там же. С. 294—295.

³¹⁰ Цит по: Блжанов Е.П. Движущие силы политики США в отношении Китая. М., 1982. С. 40.

³¹¹ Peking Review. 1977. № 45.

³¹² Пословица гласит: «Невозможно иметь торт и одновременно есть его».

самого начала считал, что «геополитическим интересам Соединенных Штатов отвечает обеспечение независимости и территориальной целостности Китая перед лицом советской угрозы. Однако в то же время Америка не хотела быть вовлеченной в грубую конфронтационную политику, к которой призывал Пекин»³¹³.

В нужный момент Вашингтон делал реверанс в ту или иную сторону, разжигая недоверие и враждебность между Москвой и Пекином. Так, в частности, директор ЦРУ США Р. Хелмс еще до нормализации отношений с Китаем неоднократно организовывал «утечки» сведений о «предстоящем нападении» СССР на КНР. Вашингтон немедленно доводил до сведения китайцев предложения, которые Л.И. Брежнев якобы делал президентам Р. Никсону, а затем Дж. Форду относительно создания «формального союза против Китая»³¹⁴.

Такое крайне выгодное для США положение сохранялось практически до конца 80-х гг., до развала Советского Союза. «Китайская карта» в конечном счете помогла Вашингтону выиграть «холодную войну» и устранить главную угрозу своим интересам, политике и ценностям со стороны некогда мощной сверхдержавы — СССР.

Глава 13. **На африканском континенте**

Сколачивание «африканского» блока

Политика глобального противоборства СССР и США в конце концов «докатилась» и до африканского континента. Здесь, как и в других регионах мира, развернулась борьба за сердца и умы людей, а через них — за влияние на нации и государства. Избегая прямого столкновения, сверхдержавы сделали ставку на увеличение числа лояльных стран-сателлитов, проводников нужной политики в субрегионах.

До середины 50-х гг. Советский Союз был в состоянии оказывать преимущественно политическую, идеологическую и частично экономическую помощь африканским государствам — потенциальным союзникам. Таких — где были образованы коммунистические партии — вначале было немного: Египет, Алжир, Тунис...

С момента развертывания национально-освободительной борьбы на африканском континенте — с середины 50-х гг. — Советский Союз начал осуществлять здесь посильную военную помощь. Около трети африканских стран (из 47) пришлось завоевывать свою политическую независимость вооруженным путем.

«Революции „надо помогать“, — в свое время говорил В.И. Ленин. — Ей надо уметь помогать». И в Москве не стали жалеть средств на поддержку дружественных политических режимов. Советский Союз внес немалый вклад в благоприятный исход войны Алжира с французскими колонизаторами (1954—1962 гг.), отражении Египтом англо-франко-израильской интервенции (1956 г.), борьбу народов Анголы, Гвинеи-Бисау, Мозамбика, островов Зеленого Мыса против португальских колонизаторов (1961—1974 гг.).

После завоевания власти новое руководство африканских государств в первую очередь должно было позаботиться о сильной армии для удержания этой власти. Выбор для ее форсированного формирования и оснащения был ограничен и сводился к простой формуле: Советский Союз или США. Определившись с покровителем, африканские союзники, пользуясь поддержкой сверхдержав, нередко пытались решить в свою пользу накопившиеся проблемы в межгосударственных отношениях. В том числе вооруженным путем. Тогда в орбиту кризиса неизбежно втягивались государства-тяжеловесы.

Проблем в межгосударственных отношениях новообразованных африканских государств

³¹³ Harding H. A Fragile Relationship. The United States and China Since 1972. Washington, 1992. P. 49.

³¹⁴ Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М.: Международные отношения, 1990. С. 74.

было более чем достаточно. В огромной степени это обуславливалось непростым колониальным наследством, доставшимся африканским странам. Территориальные, пограничные, этнические, религиозные и иные противоречия, нередко наслаивающиеся друг на друга, создавали и поныне создают постоянно действующие источники для возникновения межгосударственных конфликтов между африканскими странами. В целом это создавало в Африке постоянно тлеющий конфликтный фон.

Втягиваясь в африканскую политику, Москва, несомненно, преследовала и собственные национальные интересы (как они понимались в то время в Кремле). Хотя африканские государства не соприкасались непосредственно с территорией Советского Союза, но созданная западными государствами в Африке военно-силовая инфраструктура — военно-воздушные и военно-морские базы, радиолокационные станции, пункты связи, метеорологические станции и станции слежения за искусственными спутниками — представляла потенциальную угрозу для СССР. Сведенные в единый оперативно-стратегический узел, эти военные объекты Запада (военное присутствие осуществлялось в тот период в более чем в двух десятках африканских странах) призваны были обеспечить ему необходимый маневр силами и средствами в случае крупномасштабного конфликта с Москвой. К примеру, Северная Африка представляла собой удобный район для сосредоточения стратегических сил, предназначенных для нанесения ударов по СССР и его союзникам. Особенно отличалась этим Марокко, на территории которой была создана сеть американских военно-воздушных баз стратегической авиации. В целом Северная Африка была объявлена США «третьей стратегической зоной американских интересов» после Западной Европы и Дальнего Востока.

В Москве не могли не учитывать и того обстоятельства, что некоторые далеко не дружественные африканские страны (ЮАР, Марокко, Заир) были способны самостоятельно развернуть производство самого современного оружия, в том числе ракет оперативно-тактического назначения. А в ЮАР уже было создано ядерное оружие. Со временем территория Советского Союза могла оказаться в зоне поражения этого оружия.

Советский Союз попытался нейтрализовать эту ситуацию созданием собственного «африканского» блока дружественных стран. В 70-е гг. Кремль установил дипломатические отношения с 11 государствами Африки.

Эффективному оказанию политической и военной помощи африканским странам способствовало неуклонное повышение в 70—80-е гг. собственного оборонного потенциала Советского Союза. У него наконец появился океанский флот. В период с 1961 по 1979 г. СССР ввел в действие в общей сложности 200 боевых единиц, в том числе 2 типа малых авианосцев и 2 типа десантных кораблей.

Это позволяло СССР в случае необходимости разворачивать военно-морские группировки в различных удаленных регионах земного шара. В дальнейшем американцы назвали такую способность «проецированием военной мощи». Москва теперь могла концентрировать свою военную мощь в непосредственной близости от любых региональных конфликтов. Именно в эти годы главком ВМФ адмирал С.Г. Горшков стал характеризовать флот как посланника социалистических государств, демонстрирующего советские достижения и «укрепляющего международное влияние Советского Союза»³¹⁵.

Основным видом советской военной помощи африканским странам стали военные поставки, которые осуществлялись, как правило, по льготным, то есть заниженным тарифам (или по кредитному проценту). Срок оплаты мог откладываться до 12 лет и более. Нередко практиковались и бартерные сделки, когда в обмен на военные поставки Москвы страна-реципиент предоставляла различные виды товаров и продуктов.

«На иглу» советской военной помощи прочно сели такие африканские страны, как Конго, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Гвинея, Мали и др. В разное время определенную военную помощь от Советского Союза получили различные национально-патриотические (повстанческие) движения в Юго-Западной Африке, Мозамбике, Чаде, Омане, Зимбабве и др.

Однако особую роль сыграл Советский Союз в послевоенной истории Анголы, Эфиопии и

³¹⁵ «Морской сборник». 1972. № 12. С. 17.

Сомали. Сюда из Москвы, после заключения договоров о дружбе и сотрудничестве, хлынул поток разнообразной гражданской и военной помощи.

Горячие дни в Анголе

В Анголе вооруженная национально-освободительная война развернулась в марте 1961 г. Ее вели сразу несколько организаций: МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы), ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы), УНИТА (Национальный союз за полную независимость Анголы) и в меньшей степени из-за относительной слабости — ФЛЕК (Фронт освобождения анклава Кабинда). Все эти повстанческие движения, каждая из которых стремилась к захвату полной власти в стране, плохо ладили друг с другом. Объединить их на время могло лишь одно — общий враг в лице «коммунистической» МПЛА. И борьбу с ней щедро оплачивал Запад. МПЛА, возглавляемая А. Нето, нашла поддержку у Советского Союза, Китая и Кубы.

Ожесточенное гражданское противоборство в Анголе, длившееся не один год, завершилось формальной победой МПЛА. В ночь с 10 на 11 ноября 1975 г. председатель этой партии-движения А. Нето провозгласил рождение нового независимого государства Африки — Народной Республики Анголы (НРА). В тот же день ее признала большая группа государств, в том числе СССР.

Однако обстановка в стране оставалась критической. Продолжались ожесточенные бои между отрядами МПЛА, ФНЛА и УНИТА. К Луанде с севера приближались формирования ФНЛА при поддержке частей регулярной заирской армии и иностранных наемников. А с юга к столице рвались отряды УНИТА при поддержке подразделений ЮАР Сил и средств для длительного сопротивления у МПЛА не было. А. Нето обратился к Москве с отчаянным призывом о помощи.

В Кремле объективно оценили серьезность угрозы. И не только ответили согласием о широкомасштабной военно-технической помощи, но и приняли решение о командировании в конфликтную зону советских военных советников и специалистов.

В одном из своих радиоинтервью А. Нето с благодарностью признал, что Советский Союз без долгих проволочек стал поставлять в Анголу самолеты МиГ-21, средние танки Т-34 и бронетранспортеры, а также противотанковые ракеты, установки залпового огня и многое-многое другое³¹⁶.

Советское вооружение для МПЛА (кроме того, оружие поставлялось из Югославии и ГДР) поставлялось преимущественно через соседнее государство Конго-Браззавиль, правительство которого поддерживало А. Нето. Регулярные встречи с руководством МПЛА в отношении характера и объема поставок проходили в советском посольстве в Браззавиле. Действовали и другие маршруты, помимо «браззавильского». В отдельных случаях прямые рейсы в Луанду или Хенрике де Карвалхо осуществляли АН-22, дозаправляясь в пути следования в Гвинее, Алжире или Мали.

Морским путем военные грузы могли доставляться в Дар-эс-Салам, Танзанию и затем по воздуху на базу МПЛА в Серпа Пинто или сразу судами в различные пункты складирования на ангольском побережье. Грузы могли морем доставляться в Конго или Гвинею, а затем на грузовиках — в назначенные места. Отдельные грузовые суда прибывали непосредственно в Луанду. Помимо советских на рейде у берегов Анголы можно было встретить греческие и восточногерманские флаги.

К апрелю 1976 г. СССР поставил в Анголу несколько партий вертолетов, 10 истребителей МиГ-17 и 12 — МиГ-21 (на них летали кубинские летчики), 70 танков Т-34, 200 — Т-54 и 50 — ПТ-76, около 300 бронетранспортеров и боевых машин пехоты. Были переданы и другие виды тяжелого вооружения, не говоря уже о стрелковом³¹⁷. Особенно эффективно, как и

³¹⁶ А. Neto, Vienna Radio, Jan. 29, 1976.

³¹⁷ S.S.Kaplan. P. 159-160.

предполагалось, показали себя установки залпового огня БМ-31, прозванные на Западе «сталинскими органами». Смонтированные на грузовиках, они могли посылать ракеты до 12 км, в то время как лучшие минометы ФНЛА были эффективны на расстоянии лишь до 8 км.

Сам факт применения 122-мм реактивных пусковых установок оказывал мощное деморализующее воздействие на оппозиционные силы. Впервые БМ-31 были использованы в середине ноября 1976 г. при обстреле колонны ФНЛА, наступавшей на Луанду. Это инцидент вошел в историю под названием «Бой на дороге мертвых». По оценке американских наблюдателей, следовавших в колонне, в целом было выпущено около 2000 ракет. В результате колонна «расстроилась, и повстанцы разбежались в панике; в бесцельном метании рассеялись по долине, побросав оружие, грузовики и раненых товарищей»³¹⁸.

16 ноября 1975 г. в Луанду прибыла первая группа советских военных советников и специалистов во главе с полковником В. Трофименко. Уже к концу года эта группа составила 90 человек. Совместно с кубинцами им удалось организовать в Луанде несколько учебных центров, где началась ускоренная подготовка местных военных кадров. К концу 1976 г. группа советских военнослужащих в Анголе насчитывала, по различным оценкам, до 350 человек³¹⁹.

В конце ноября 1976 г. у ангольских берегов появилась группа боевых кораблей ВМФ СССР, в том числе большой десантный корабль с отрядом морской пехоты на борту. Группа должна была обеспечить безопасность советских и кубинских торговых судов, следовавших с военными грузами в Анголу.

Теперь ангольской «революции», согласно крылатой фразе В.И. Ленина, было чем и с помощью кого защищаться. Беспокоило лишь невысокое качество «бойцовского» материала в отрядах МПЛА.

После настоятельных просьб А. Нето Москва наконец обратилась к кубинскому лидеру Ф. Кастро с просьбой направить в Анголу отряд кубинских военнослужащих. Они должны были стать противовесом регулярным частям армии ЮАР. Решение Ф. Кастро помочь африканцам вызвало энтузиазм среди кубинцев. Многие из них тут же начали записываться в интернациональные отряды, которые в спешном порядке перебрасывались в Анголу. Уже в середине августа 1976 г. кубинцы впервые приняли участие в боевых действиях³²⁰.

В отдельные периоды численность кубинского экспедиционного корпуса насчитывала 20 тысяч человек. Никогда еще кубинское военное присутствие за рубежом не достигало столь внушительного размера.

В 1977 г. Габриель Гарсиа Маркес, крупнейший латиноамериканский писатель, поддерживавший неформальные отношения с Ф. Кастро, опубликовал собственную полуофициальную версию участия Кубы в гражданской войне в Анголе³²¹. Согласно этой версии, кубинский командант Флайо Браво встретился с А. Нето в Бразавиле в мае 1975 г. На этой встрече Нето «попросил помощи в поставке вооружений и намекнул о возможности в дальнейшем более специфической помощи». Особенно его интересовал вопрос о кубинских военных советниках и инструкторах. Официальный запрос в отношении кубинской помощи МПЛА сделала чуть позже — 16 июля 1975 г. По утверждению Г. Маркеса первая группа гражданских инструкторов из Кубы прибыла в Анголу три месяца спустя — в августе.

Впоследствии кубинская военная помощь стала наращиваться не по дням, а по часам. В период между 20 августа и 5 сентября 1975 г. практически все руководство кубинских вооруженных сил было поглощено подготовкой «ангольской» операции, получившей в Гаване

³¹⁸ J. Stockwell, *In Search of Enemies: A CIA Story*. New York: W.W. Norton, 1978. P. 214.

³¹⁹ *Newsweek*, December 1, 1975.

³²⁰ S.S. Kaplan. *Diplomacy of Power. Soviet Armed Forces as a Political Instrument*. Wash., 1981. P. 584.

³²¹ *Cuba en Angola: Operacion Carlota// Proceso*, Jan. 1977, 6—15.

условное наименование «Карлота»³²². Командование кубинского экспедиционного корпуса в Анголе возглавил начальник генерального штаба РВС Кубы генерал-майор З. Перуэро. Условия отбора в экспедиционный корпус были жесткими. И не только по критерию боевых или моральных качеств. Почти половина из отобранных кубинцев в целях конспирации (или, может быть, для доступного общения с местным населением) были чернокожими. Кубинцы быстро завоевали популярность у населения Анголы.

3 ноября 1975 г. южноафриканская колонна внезапно атаковала кубинский тренировочный центр, расположенный в Бенгуеле. После этого Ф. Кастро принял окончательное решение о направлении в Анголу регулярных боевых частей. В период между 7 ноября и 9 декабря 1975 г. на воздушной трассе Гавана — Луанда не стихал гул моторов. В общей сложности было совершено около 70 авиарейсов. На борту самолетов находились кубинские военнослужащие. Запад всячески препятствовал кубинскому «проецированию» в Анголе, но в Гаване все равно находили обходные маршруты.

Убедившись в масштабности советских военных поставок, США в спешном порядке стали усиливать вооруженные формирования УНИТА и ФНЛА. С января по ноябрь 1975 г. американская помощь составила около 332 млн долларов³²³.

Руководство УНИТА и ФНЛА оказалось «всеядным», стремясь воспользоваться любой помощью как с Запада, так и с Востока. В частности, они давно пытались расположить к себе Китай. В середине июля 1975 г. Китай дал свое согласие на передачу находившегося в Заире китайского военного снаряжения войскам УНИТА. В местах расположения формирований ФНЛА, начиная с 1974 г., появились китайские военные советники. Они обучали боевиков тактике партизанской войны. Не забывал Пекин и про А. Нето. Помощь последнему предоставлялась на фоне широковещательной кампании, обвиняющей Советский Союз во всех смертных грехах: в «ревизионизме», «мелкобуржуазном перерождении», «империализме» и пр.

Однако в борьбе за «африканское» влияние Пекину на этот раз пришлось уступить. Китай, в отличие от тогдашнего Советского Союза, еще не был готов «проецировать» свою политическую и военную мощь на дальние расстояния. Это пришло позже, когда не стало уже ни самого СССР, ни его военной мощи.

К концу марта 1976 г. вооруженные силы НРА при прямой поддержке 15-тысячного контингента кубинских добровольцев и помощи советских военных специалистов, принимавших участие в планировании боевых операций, вытеснили с территории Анголы войска ЮАР и Заира, овладев крупными населенными пунктами и рядом военных объектов.

В конце мая 1976 г. А. Нето приехал в Москву с официальным визитом. В ходе визита была подписана «Декларация о принципах дружественных отношений и сотрудничества между СССР и НРА». Сам договор о дружбе и сотрудничестве с 20-летним сроком действия был подписан 8 октября 1976 г. Договор предполагал продолжение советских военных поставок и после формального прекращения военных действий. После этого А. Нето договорился с Ф. Кастро о постепенном выводе кубинских войск из Анголы (по 200 человек еженедельно). Но эта договоренность так и осталась на бумаге. Кубинский контингент еще долгие годы «поддерживал стабильность» в Анголе.

Гражданская война в Анголе перешла в хроническую форму. В отдельные периоды она вновь резко обострялась.

В 1984 г. южноафриканские регулярные части перешли границу Анголы и попытались опрокинуть размещенные там ангольские дивизии³²⁴. В боях активно участвовали израильские и немецкие пилоты-наемники. Ситуация была настолько угрожающей, что в Анголу в качестве главного военного советника был направлен генерал армии В.И. Варенников. Под его

³²² В честь легендарной рабыни, возглавившей восстание чернокожих на Кубе в 1843 г.

³²³ B. D. Porter/The URSS in Third World Connicts. N.Y., 1983. P. 171—172.

³²⁴ «Солдат удачи». 1995. №9. С. 23.

руководством положение на фронте удалось стабилизировать. В те дни ходили слухи, что в ЮАР подготовлено специальное подразделение «Бафалло» для охоты за советскими военными советниками. Конец боевым действиям положил сезон дождей, традиционно сопровождавшийся вспышками малярии, амёбной дизентерии и другими серьезными заболеваниями.

Вооруженное противостояние в стране растянулось до конца 80-х гг., когда под бременем собственных проблем стала на глазах рассыпаться социалистическая система. К этому времени инфраструктура Анголы была почти полностью разрушена. Потери составили сотни тысяч погибших и искалеченных. Около полумиллиона людей стали беженцами. В период активных боевых действий в Анголу было командировано свыше 10 тыс. советских военных советников и специалистов. Из них погибло (умерло) 54 человека, в том числе 45 офицеров.

В сентябре 1992 г. при содействии ООН, под контролем 800 иностранных наблюдателей в Анголе впервые состоялись демократические выборы. Президентом был избран лидер МПЛА Ж. душ Сантуш — 49,6 % голосов. Лидер УНИТА Ж. Савимби набрал чуть больше 40% голосов. Он не согласился с результатами выборов и призвал своих сторонников к продолжению вооруженной борьбы с официальной Луандой.

На этот раз Запад, после некоторого размышления, решил поддержать МПЛА, отказавшейся к тому времени от марксистской идеологии. Этому событию предшествовал вывод кубинского воинского контингента и закрытие советской военной миссии.

Под давлением ООН, Организации Африканского Единства, Португалии, США и России правительство Анголы и руководство УНИТА сели за стол переговоров и подписали 20 ноября 1994 г. в столице Замбии Лусаке итоговый протокол о мирном урегулировании конфликта в стране. Активные боевые действия на время прекратились.

Однако Ж. Савимби не намеревался слишком долгое время оставаться политическим аутсайдером. Осенью 1998 г. боевые действия между правительственными войсками и вооруженными отрядами Ж. Савимби, сумевшего сохранить под ружьем около 30 тыс. хорошо обученных бойцов, возобновились. Основная причина — борьба за контроль над алмазаноносными районами страны. В конечном счете унитовцам удалось оставить за собой основные промыслы страны в алмазаноносной провинции Южная Луанда. Свыше 100 тыс. старателей на свой страх и риск ведут здесь незаконную добычу драгоценных камней. Огранка добытых камней осуществляется, как правило, в Израиле и на Украине. Полученные средства с лихвой позволяют содержать «повстанческую» армию.

Россия, подписавшая крупный «алмазный» контракт с официальными властями Анголы, заинтересована в победе правительственных войск. Между Москвой и Луандой подписаны программы по модернизации вооружения и боевой техники ангольской армии. Российская сторона дала также согласие на участие своих специалистов в разминировании отдельных участков ангольской территории.

Кроме того, в состав миссии ООН с июня 1995 г. была включена российская вертолетная группа армейской авиации Сухопутных войск в количестве 160 чел., 7 вертолетов Ми-8 десантно-транспортного назначения и 12 единиц наземной обеспечивающей техники. Ее основная задача — перевозка личного состава и грузов к местам дислокации войск ООН, ведение воздушной разведки, доставка инспекторских групп по контролю за соблюдением соглашения о прекращении огня, сопровождение колонн миротворческих сил.

В небе Анголы все чаще стали появляться грузопассажирские самолеты (АН-96, АН-12, Ан-26), ведомые российскими экипажами. Часть из них была сбита унитовцами. О судьбе многих экипажей до сих пор ничего неизвестно.

Эфиопо-сомалийский конфликт

В 70-е гг. советское военное присутствие утвердилось и в другой части африканского континента — в районе Африканского Рога, а именно в Сомали и Эфиопии.

В конце июля 1977 г. после ряда вооруженных столкновений на границе с Эфиопией сомалийские войска вторглись в приграничную эфиопскую провинцию Харэрге, основная часть которой была занята пустыней Огаден. Могадисио (столица Сомали) использовал крупную

военную силу — 12 механизированных бригад, 250 танков, 600 артиллерийских орудий, около 40 боевых самолетов. Общая численность сил вторжения составила около 70 тыс. человек.

Это была не первая схватка по поводу спорной территории. Предыдущее вооруженное столкновение между двумя странами по поводу Огадена произошло в 1964 г. Тогда экипированная американцами эфиопская армия взяла верх над сомалийской. Затем в 60—70-е гг. поддерживаемый Могодишо Освободительный фронт Западного Сомали постоянно тревожил эфиопскую армию в Огадене.

Эфиопско-сомалийский территориальный спор сопровождался ожесточенной конфронтацией руководства Эфиопии с представителями другой территории — Эритреи. Несмотря на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 1950 г. с рекомендацией создать Федерацию Эритреи и Эфиопии, в 1962 г. Эфиопия аннексировала Эритрею, включив ее в качестве одной из провинций. С тех пор эритрейская проблема просто игнорировалась Аддис-Абебой.

В этом конфликте Москва с самого начала оказалась более чем в двусмысленном положении. С одной стороны, признав международный принцип отказа от применения силы для разрешения пограничных споров, она была вынуждена поддержать Эфиопию в территориальном споре с Сомали и в борьбе с эритрейскими сепаратистами.

Парадоксальность ситуации, однако, заключалась не в этом. Отношения Москвы с другим protagonистом в этом конфликте, с Сомали, на протяжении многих лет были дружественными. Этим отношениям предшествовала долгая предыстория. До середины 60-х гг. американское влияние на Африканском Роге было доминирующим. Сомали, получившая независимость в 1960 г., продолжала сохранять определенную степень зависимости от своих бывших метрополий — Италии и Великобритании. Однако в 1963 г. эти отношения были изрядно подпорчены категорическим отказом Лондона включить в состав Сомали пограничный регион Кении, населенный по преимуществу сомалийцами.

В этих условиях обращение Сомали к западным странам с просьбой о военной помощи было встречено прохладно. И Могодишо решилось на прагматичный резкий поворот в своем внешнеполитическом курсе. Сомали стала ориентироваться на Советский Союз. В Москве к просьбам Могодишо отнеслись с пониманием. Советский Союз к этому времени выходил на уровень военно-стратегического паритета с США. Появилась возможность для стратегического соперничества с американцами в других регионах мира. Сомали была расположена крайне выгодно в геостратегическом отношении. Она находилась на перекрестке Красного моря и Индийского океана, рядом с Ближним Востоком.

В октябре 1963 г. Москва согласилась предоставить Сомали долгосрочный кредит на сумму в 30 млн американских долларов. С каждым годом объемы этой помощи наращивались.

В ответ на предоставленную помощь Москва получила в свое распоряжение ряд объектов в сомалийском порту Бербера, включая военный аэродром и 2 объекта связи, введенные в эксплуатацию в 1972 г.

В 1974 г. СССР и Сомали подписали полномасштабный договор о дружбе и сотрудничестве, который предполагал «обучение сомалийского военного персонала и предоставление вооружения и иного военного снаряжения Сомалийской демократической республики с целью усиления ее оборонного потенциала».

Эфиопия до сентября 1974 г., напротив, считалась традиционным союзником США. Особенно интенсивно американцы эксплуатировали базу связи Кэгнию около г. Асмары в Эритрее. Эта база стала важным элементом в американской коммуникационной сети, охватывающей огромное пространство от Филиппин через Эфиопию и Марокко до г. Арлингтон (США). База Кэгнию была предоставлена США в аренду в 1953 г. сроком на 25 лет. Однако к исходу этого срока американцы утратили интерес к этой базе, планируя передать ее функции более современной базе в Диего-Гарсия. Это непосредственным образом повлияло на резкое снижение объема военной помощи Эфиопии.

Тем не менее Эфиопия в целом продолжала следовать в фарватере американской политики. К 1976 г. она получила от Вашингтона экономическую помощь на сумму в 350 млн долларов и военную помощь общим объемом в 278,6 млн долларов.

Соответственно эфиопская армия была вооружена преимущественно американским

оружием, в частности средними танками М-60, легкими танками М-41, бронетранспортерами М-113 и др. Эфиопия стала первой африканской страной, получившей сверхзвуковые истребители F-5 из США в 1965 г.³²⁵

Другим, едва ли не стратегическим союзником Эфиопии стал Израиль. Близкие отношения между двумя странами установились в 60-е гг. Победа Израиля в шестидневной войне 1967 г. во многом была обусловлена тем, что свой первый сокрушительный удар, определивший исход войны, израильские самолеты совершили, поднявшись с неожиданного для арабов направления — с эфиопских аэродромов. Тель-Авив оценил эту услугу по достоинству. В мятежной провинции Эритрее израильские специалисты по контрповстанческой борьбе обучали своему ремеслу эфиопские спецподразделения.

Близкие отношения между Аддис-Абебой и Тель-Авивом сохранялись и после оформления договорных отношений между Эфиопией и Советским Союзом. Израильские специалисты продолжали готовить эфиопские танковые экипажи. И после появления в Эфиопии советских военных советников израильские техники продолжали обслуживать американские истребители F-5, стоявшие на вооружении эфиопских ВВС.

В 1974 г. в Эфиопии был свергнут режим Хайле Селасси. Фактический правитель страны, председатель Временного военного административного совета полковник М. Х. Мариам вначале не торопился в объятия Москвы, предпочитая сближение с Пекином. Однако Китай в тот момент не мог претендовать на роль значимого политического «игрока» на африканском континенте. Для Мариама весомым аргументом в пользу близких отношений с Советским Союзом стала массивная военная помощь, которую Москва захотела и сумела оказать Анголе.

В апреле 1977 г. Мариам практически свернул все контакты с США. Это происходило на фоне резко обострившейся ситуации вокруг и внутри самой Эфиопии.

Все более нестерпимой становилась обстановка в Эритрее. Повстанцы контролировали значительную часть территории, расположенной между портами и Абиссинской возвышенностью. В этих условиях два жизненно важных порта, Ассаб и Массава, бездействовали.

В Огадене, активно поддерживаемый Сомали Западно-сомалийский Фронт освобождения шаг за шагом усиливал свое влияние над территорией с сомалийским населением. Эти факторы могли привести к окончательному развалу Эфиопского государства.

В мае 1977 г. М. Х. Мариам совершил официальный визит в Москву. В обмен на военную помощь Мариам обещал предоставить порт Массава для сооружения советской военно-морской базы. В рекордно короткие сроки она могла бы обслуживать советские корабли и подводные лодки. Тем самым резко ослаблялась зависимость Москвы от сомалийских портов в регионе Красного моря — Индийском океане.

До поры до времени Москве удавалось успешно балансировать, не запутаться в паутине сложных взаимоотношений Эфиопии и Сомали. Совершенно нежелательный конфликт между двумя союзными Москве государствами был не ко времени. И потому вдвойне досажен.

Пытаясь примирить Сомали и Эфиопию, Кремль попытался развязать тугой узел противоречий политическими средствами. При посредничестве Ф. Кастро, совершавшего в марте 1977 г. поездку в регионе, лидерам конфликтующих сторон было предложено создать «федерацию государств Восточной Африки» в составе Эфиопии, Сомали и Джибути.

Сомалийский руководитель, поглощенный идеей «великого Сомали», ответил отказом. Более того, он подверг резкой критике сам факт советской военной помощи Эфиопии. Шансы на компромисс стремительно улетучивались. Вооруженное столкновение становилось неизбежным. В создавшейся ситуации Москва окончательно сделала выбор в пользу Эфиопии.

Эфиопия по многим соображениям выглядела в глазах Москвы предпочтительней, чем Сомали. Ее население в 9 раз превышало сомалийское. У Эфиопии было два относительно современных порта на Красном море. Успех в Эфиопии мог каким-то образом компенсировать досадные провалы советской политики в Египте и Судане начала 70-х гг.

³²⁵ SIPRI, *The Arms Trade with the Third World*. — Stockholm 1971. Pp. 650—651.

Сомали же на фоне усиливающегося внимания к этой стране со стороны США и особенно Саудовской Аравии с ее многомиллионными вливаниями в сомалийскую экономику все больше казалась навсегда «отрезанным ломтем».

В июне-июле 1977 г. Советский Союз стал поставлять в Эфиопию не только танки Т-34, Т-54 и Т-55, но и зенитные ракеты, боевые вертолеты, установки залпового огня и самоходные гаубицы. Это было принципиально новое оружие, отсутствовавшее в Сомали.

Отношения с Сомали стали портиться не по дням, а по часам. Обе стороны уже не стеснялись обмениваться резкими выпадами в адрес друг друга. Так, в интервью кувейтской газете «Аль-Йакаш» 27 июня 1977 г. президент Сомали С. Барре заявил:

«Если бы выяснилось, что оружие, посылаемое Советским Союзом в Эфиопию, представляет угрозу Сомали, тогда Сомали приняло бы историческое решение против этого вооружения. Мы были бы не вправе бездействовать перед лицом угрозы, исходящей от перевооружения Эфиопии Советским Союзом»³²⁶.

13 июля 1977 г. президент Барре совершил визит в Саудовскую Аравию, главной целью которого было получение финансовой помощи. Основным ее условием был полный и безоговорочный разрыв отношений с Советским Союзом. Поколебавшись, Барре ответил значительным сокращением численности советских советников в стране, но не рискнул окончательно порвать отношения с Москвой³²⁷.

Барре избрал иной шаг. Он отдал приказ о внезапном нападении на Эфиопию, стремясь максимально использовать свое военно-техническое превосходство. Накануне эфиопо-сомалийской (Огаденской) войны сомалийская армия насчитывала 22 тыс. человек по сравнению с эфиопской в 47 тыс. человек. Но сомалийская армия имела 200 танков Т-34 и 50 танков Т-54/55. В состав ее ВВС входили 66 боевых самолетов (в эфиопской армии их было всего 36).

На тот момент эфиопская армия представляла собой причудливый «оружейный склад», где можно было обнаружить вооружение самых разнообразных видов и марок: американские винтовки М-16, советские автоматы, гранатометы, ручные пулеметы. Американские танки М-47 соседствовали с советскими самоходными 152-мм гаубицами. И как всегда, острым дефицитом являлись боеприпасы и запчасти. Это предопредило первоначальный успех сомалийской армии.

Военные действия в Эфиопии в 1977—1978 гг. проходили в несколько этапов.

Первый начался 20 июля 1977 г. с вторжения сомалийских войск в Огаден. Решительное наступление сомалийских войск развивалось успешно. Противник, не встречая сопротивления со стороны малочисленных эфиопских гарнизонов в оазисах Огадена, сумел занять обширную территорию общей площадью 320 тыс. кв. км (90% общей площади Огадена).

Главные усилия сомалийцы сосредоточили на овладении тремя важнейшими и наиболее крупными населенными пунктами провинции Харэрге — Джиджигой, Дире-Дауа и Харэром.

Ожесточенные бои в августе разгорелись вокруг г. Дире-Дауа. Сомалийские танки прорвались к окраинам города в районе аэропорта. Здесь все атаки противника были отражены эфиопскими частями. Кровавопролитные бои развернулись под Джиджигой. Несколькими механизированными бригадами сомалийские войска осадили город и, несмотря на мужество защитников Джиджиги, наконец овладели им. Лишь в сентябре эфиопской армии с большим трудом удалось приостановить наступающего на нескольких фронтах противника. В руках эфиопов оставались лишь два крупных административных центра Огадена. Но и сомалийская армия была измотана, фактически исчерпала свой наступательный потенциал. Положение усугублялось тем, что сомалийская армия практически полностью была укомплектована советской военной техникой. После ожесточенных боев срочно требовалось дополнительное вооружение, запасные части к боевой технике, а также советские военные специалисты. Взять все это — после охлаждения отношений с Москвой — было неоткуда.

В начале сентября 1977 г. С. Барре решился на экстраординарный визит в Москву. Здесь

³²⁶ C. Legum Realities of the Ethiopian Revolution, The World Today. Vol. 33. №8 (Aug. 1977). Pp. 312.

³²⁷ Australian, 20 July 1977.

он еще раз попытался добиться хотя бы нейтрального отношения СССР к своей акции в Огадене. Но главное он нуждался в новых советских военных поставках. Переговоры на эту тему с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным, министром иностранных дел А.А. Громыко и партийным идеологом М.А. Сусловым ни к чему не привели. Л.И. Брежнев, отдыхавший в Крыму, не пожелал прервать свой отпуск для встречи с Барре. Это означало одно — Москва ответила отказом на все просьбы С. Барре. Но президент Сомали, в ожидании контрнаступления эфиопской армии, все еще не решался открыто порвать с Москвой.

Его нерешительность тревожила американцев. Вашингтон инициировал лихорадочные переговоры со своими союзниками по вопросу: как побыстрее организовать поставки оружия в Сомали³²⁸. Ситуация была казусная. В Сомали, пусть формально, но сохранялся социалистический режим. С точки зрения общественного мнения Сомали являлся агрессором. Госдепартамент США был вынужден заявить о нецелесообразности «подливать масла в огонь» Огаденского конфликта. Это был удар для С. Барре.

Совсем по-другому, как подлинного союзника, встречали в Москве в середине октября 1977 г. М. Мариаму. Ему было обещаны не только военные поставки, но и согласие договориться с кубинским лидером Ф. Кастро о направлении добровольцев в Эфиопию (по «ангольскому сценарию»).

Это стало «последней каплей» для С. Барре. 13 ноября 1977 г. сомалийское правительство денонсировало договор с СССР. 20-тысячный контингент советских военных советников должен был в трехдневный срок покинуть Сомали. К кубинцам подошли еще строже. Им дали на сборы сутки.

Для эвакуации советских и кубинских специалистов из сомалийского порта Бербера (Аденский залив) в столицу страны Могадишо прибыл советский большой десантный корабль (БДК) с батальоном морской пехоты на борту. Местные власти попытались было воспрепятствовать заходу корабля в гавань. Реакцией стала высадка морских пехотинцев с танками и артиллерией на берег. Сомалийское руководство было вынуждено отступить. Работники обоих посольств и военнослужащие были переправлены на корабль и благополучно доставлены в йеменский порт Аден. Отходя, десантники увезли с собой принадлежащие СССР плавмастерскую и плавучий док. Часть советских военных советников из Сомали вернулась в Советский Союз. Другая была переброшена за «другую сторону баррикад» — в Эфиопию.

В качестве ответной меры — «око за око» — из Москвы была выслана многочисленная группа сомалийских слушателей военных училищ и академий. Гавана вообще разорвала дипломатические отношения с Сомали.

Ущерб от свертывания отношений с Сомали был ощутим для Москвы. СССР потерял оборудованный им крупный порт Бербера — место захода и стоянки военных кораблей, несших боевую службу в Индийском океане; специально построенный узел связи; станцию слежения; хранилище для тактических ракет и др. Он лишился права пользоваться сомалийскими аэродромами и другими важными стратегическими объектами.

После «развода» с Москвой Могадишо сразу получил сигналы о готовности предоставить вооружение и военную технику из Саудовской Аравии, Ирана, Пакистана и Судана. Запад все еще воздерживался от прямой военной помощи.

В ходе второго этапа эфиопо-сомалийского конфликта (октябрь 1977 г. — январь 1978 г.) на фронтах сохранялось относительное затишье, за исключением участка фронта под Харэром. Овладение этим административным, культурным и историческим центром Восточной Эфиопии имело для Сомали не только военное, но и политическое значение. 22 и 23 ноября 1977 г. сомалийская армия бросила все силы на овладение Харэром. Однако все было безрезультатно.

В ноябре 1977 — январе 1978 г. силами советской военно-транспортной авиации был фактически установлен воздушный мост с Эфиопией. Всего, по западным оценкам, для его бесперебойного функционирования было привлечено 225 самолетов, в основном Ан-22, которые перебросили военной техники и вооружений на астрономическую сумму — примерно

³²⁸ International Herald Tribune, 27 July 1977.

в 1 млрд долларов³²⁹. Военная помощь Эфиопии была настолько внушительной, что дала основание некоторым зарубежным военным экспертам назвать ее «военной интервенцией».

Военная техника доставлялась не только по воздуху. Около 50 советских боевых кораблей и транспортов проследовали через Босфор и Суэцкий канал с вооружением для Эфиопии. Боевая техника и оружие разгружались в порту Асэб, затем свои ходом или на трейлерах направлялась в центральные и восточные районы страны.

Морским и воздушным путями в Эфиопию доставлялись танки Т-54 и Т-55, артиллерийские системы, включая 130-мм пушки, средства ПВО, истребители МиГ-21 и МиГ-23, стрелковое оружие и автомобильная техника. Вооружение и снаряжение для эфиопской армии поставляли также ГДР (дизельные грузовики «ИФА»), Чехословакия (стрелковое оружие), Южный Йемен (танки Т-34, реактивные системы залпового огня БМ-21 «Град»), КНДР (обмундирование). Определенную поддержку и помощь Эфиопия получила также от Ливии и Организации освобождения Палестины. Поступали сообщения о готовности израильских летчиков воевать на стороне своего традиционного союзника — Эфиопии.

Для Запада неожиданным оказалось то, что Москва в состоянии проецировать свою военную мощь (несколько дивизий с тяжелым вооружением) в столь отдаленные регионы — Ближний Восток и в Восточную Африку. Это была демонстрация новых впечатляющих успехов советских возможностей. Одновременно в Аддис-Абебу был направлен внушительный отряд военных специалистов (1,5 тыс. человек).

Особую роль в эфиопских событиях (как и в Анголе) сыграла, однако, Куба. Гавана направила в Эфиопию регулярные части с полным штатным вооружением. По некоторым оценкам, общая численность регулярных кубинских войск в Эфиопии составила 17—20 тыс. человек. Кубинские части комплектовались, как правило, за счет добровольцев. Многие из них имели боевой опыт, отличались высокой дисциплинированностью и организованностью. Кубинские части составили основную ударную силу эфиопских вооруженных сил. Особой популярностью в Анголе пользовались кубинские летчики. Как в свое время советские летчики в Испании.

Помимо военнослужащих из Советского Союза и Кубы, на стороне Эфиопии находились «добровольцы» из Южного Йемена, Мозамбика, Анголы и ряда стран Восточной Европы и социалистической Азии.

В ноябре 1977 г. в Аддис-Абебу прибыла «оперативная группа» генералов и офицеров от управлений Генерального штаба, которую возглавил первый заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками генерал армии В. Петров. Эфиопские войска готовились к решающим сражениям.

Сомалийцы развернули за советскими военнослужащими настоящую охоту. За голову советника была назначена награда в 2 тыс. долларов. Когда об этом стало известно, советских военных советников стали усиленно охранять. Солдаты из роты полиции сопровождали их даже в туалеты³³⁰.

22 января 1978 г. сомалийские войска предприняли решительное наступление с целью овладения Харэром. Этим начался третий, завершающий этап сомалийско-эфиопской драмы, который длился до марта 1978 г.

Главный удар сомалийские войска нанесли со стороны населенного пункта Комболча силами нескольких пехотных бригад при поддержке танков и артиллерии. Противник был остановлен всего в 500 м от автомобильной трассы, связывающей Харэр с Дире-Дауа. В боях вместе с эфиопскими регулярными войсками самоотверженно сражались кубинские части.

Просчетов и ошибок в ведении боевых действий с обеих сторон допускалось немало.

Командир одной из эфиопских дивизий сосредоточил всю артиллерию вокруг своего командного пункта. Машины с боеприпасами были размещены в километре от него. Одни из снарядов угодили в машину с боеприпасами. Вслед за этим, по воспоминаниям находившегося

³²⁹ См.: Выполняя союзнический долг. М., 1997. С. 180.

³³⁰ «Солдат удачи». 1995. №3. С. 31.

поблизости советского советника, стало «твориться что-то ужасное: по воздуху носились ящики с боеприпасами. Везде стоял грохот и вой. Целый час продолжался фейерверк, а через час-полтора... все боеприпасы были уничтожены. А ведь это было заготовлено для наступления и, конечно, стоило огромных денег»³³¹.

Развернувшееся 23—27 января 1978 г. эфиопское контрнаступление отбросило противника на несколько десятков километров. Развивая наступление в направлении Джиджиги, эфиопские войска столкнулись с ожесточенным сопротивлением сомалийцев, закрепившихся на двух ведущих к городу проходах в горах — Марда и Шеделе. Эфиопские войска преодолели горы не по проходам (где их ожидали сомалийцы), а по горным тропам и бездорожью. В планировании этой операции непосредственное участие принимали советские военные специалисты.

В ходе боев сомалийцы потеряли 3 тыс. человек, 15 танков, значительное количество другой боевой техники и вооружения. В боях против сомалийской армии наряду с эфиопскими регулярными войсками и народной милицией впервые приняли участие кубинские части.

В результате решительных действий эфиопских и кубинских войск 4 марта сомалийцы начали беспорядочный отход из Джиджиги и на следующий день город был взят. Всего под Джиджигой были разгромлены 3 сомалийские бригады общей численностью в 6 тыс. человек. Этот успех был расценен в Эфиопии как «поворотный момент» всей войны. Уже к 16 марта практически вся территория Огадена, оккупированная сомалийской армией, была освобождена. Упреждая события, 15 марта правительство Сомали объявило о «полном выводе» своих соединений и частей из Эфиопии. Война между Эфиопией и Сомали в пустыне Огаден продолжалась недолго, около 7 месяцев. Но в Эфиопии она повсюду оставила свои разрушительные следы. Погибли тысячи мирных жителей, свыше 600 тыс. человек стали беженцами. Размер материального ущерба, нанесенного стране, оценивался в десятки миллиардов долларов³³².

На Эритрейском фронте

После ухода регулярных вооруженных сил Сомали из Огадена сомалийско-эфиопский конфликт на этом не завершился. Оставшиеся боевые организации Фронта освобождения Западного Сомали не прекратили сопротивления и перешли к партизанским методам борьбы. Ни по своей численности, ни по количеству и составу вооружения они уже не представляли существенной опасности для Аддис-Абебы, но хлопот доставляли немало.

Диверсионные группы Фронта постоянно совершали дерзкие, беспокоящие вылазки. 16 июня 1978 г. в одну из их засад (у деревни Дакэта провинции Огаден) попала группа советских военных специалистов из состава отдельного медицинского батальона. Военнослужащие были пленены и в дальнейшем при попытке к бегству убиты³³³.

В свою очередь в северной части страны — Эритрее — с новой силой разгорелась партизанская война нескольких сепаратистских «фронтов» и движений.

Высвободившиеся эфиопские войска и советские военные советники были переброшены на север и приняли участие в операциях по борьбе с сепаратистами. Общее количество эфиопских войск здесь достигло внушительной цифры — 140 тыс. человек. Кубинцы от участия в этой кампании отказались. Их мотопехотные батальоны встали гарнизонами на востоке, недалеко от столицы. Они предназначались для защиты правительства в случае попытки военного переворота.

Не сумев удержать крупные города, повстанцы постепенно отходили в труднодоступные

³³¹ Там же.

³³² Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. М., Кучково поле, 2000. С. 113.

³³³ «Известия», 1994, 18 января.

горные районы на северо-востоке Эритреи. При этом минировали все, что могло быть заминировано. И в первую очередь дороги. Местное население, по мере приближения правительственных войск, как правило, покидало свои населенные пункты. Характерным примером в этом отношении стало взятие г. Тессенея. Город был пуст: все население покинуло его. Началось мародерство. Солдаты грабили дома, магазины.

Боевые действия в горах протекали трудно. Эритрейцы хорошо знали местность. Многие из них прошли боевую и диверсионную подготовку в учебных центрах в Судане. Как результат, эфиопские бригады несли существенные потери. В некоторых из них боевые потери составили до трети личного состава.

Это побудило Москву активизировать попытки по решению проблемы политическими средствами. В июне 1978 г. в Москву был приглашен лидер Фронта освобождения Эритреи А. Насер. Ему было предложено (как и в случае с Сомали) вступить в федерацию африканских государств в районе Красного моря. Этот африканский лидер оказался несговорчивым.

Бои в Эритрее продолжались до начала 90-х гг. Правительственным войскам так и не удалось в целом решить поставленных перед ними задач. Эритрейские города переходили из рук в руки, в то время как сельские районы продолжали находиться под контролем сепаратистов.

Одна из самых крупных побед Национального фронта освобождения Эритреи (НФОЭ) над эфиопскими вооруженными силами была одержана в марте 1988 г. у г. Афабет. Потери эфиопской армии убитыми и пленными составили около 18 тыс. человек. В одном из боев под Афабетом в плен к эритрейцам попали трое советских военнослужащих, находившихся на командном пункте эфиопской дивизии: полковник Ю. Калистратов, подполковник Е. Чураев и переводчик лейтенант А. Кувалдин. Советские офицеры три года находились в плену. Лишь в 1991 г. благодаря усилиям МИД СССР, вмешательству администрации США и руководства Судана они вернулись на родину³³⁴.

Летом 1989 г. советские военные советники были выведены из состава эфиопских частей. Москва официально заявила, что с этого момента участие во внутренних конфликтах не входит в сферу деятельности советских советников и специалистов.

За несколько десятилетий конфликта в Эфиопии погибло (умерло) 79 советских военнослужащих (2 генерала, 69 офицеров, 4 прапорщика и 4 рядовых), ранено 9 человек, пятеро пропало без вести, трое — взято в плен³³⁵.

Огромными оказались материальные затраты Советского Союза, что не могло не сказаться на общем истощении великой державы. Кроме того, «эфиопская эпопея» обострила отношения СССР не только с США, призвавших к «крестовому походу» против «империи зла», но и со многими государствами Африки, Ближнего и Среднего Востока. Усилия Советского Союза (России) оказались бесплодными. В 1991 г. эфиопская столица была взята силами Революционно-демократического фронта эфиопских народов. М.Х. Мариам бежал из страны в Зимбабве. 27 апреля 1993 г. Эритрея получила независимость и через месяц стала полноправным членом ООН.

Многие спорные вопросы (прежде всего пограничные) между Эфиопией и Эритреей остаются неразрешенными. 6 мая 1998 г. эритрейские войска вторглись на территорию Эфиопии и оккупировали спорный участок территории (около 400 кв. км).

Драматично сложилась ситуация и в Сомали, где после свержения диктатора С. Барре (1991 г.) ни на день не стихает гражданская война. Сама Россия, правопреемница СССР, все еще находится в тисках системного кризиса. Такова участь побежденных.

Глава 14.

³³⁴ «Правда», 1990, 29 марта; Известия, 1994, 18 января.

³³⁵ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. С. 115.

Польша — слабое звено социализма

Феномен «Солидарности» 1980—1981 гг.

Летом 1980 г. весь мир был потрясен событиями в польском городе Гданьске. В ночь с 16 на 17 августа на верфи им. Ленина был создан Межзаводской стачечный комитет, выступивший с беспрецедентной критикой в адрес польских властей. В своем выступлении по телевидению 17 августа первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек признал ошибки в социально-экономической политике, пообещал реформы и призвал бастующих вернуться на работу. Его выступление не произвело ожидаемого эффекта.

«Нас это не касается, — таков был ответ лидера бастующих тогда еще мало кому известного электрика судоверфи Леха Валенса. — Пока мы бастуем и ждем, когда власти к нам явятся».

Власть была вынуждена уступить и пойти на унизительные для нее переговоры — с вчера еще никому не известным руководством профобъединения «Солидарность».

В истории возникновения «Солидарности», как и вообще в событиях летних забастовок 1980 г., до сих пор много неясного. Существует версия: забастовочное движение на первых порах было инициировано самими коммунистами — политиками второго эшелона, рвущимися к власти.

Первоначально «Солидарность» представляла собой «протестное» движение за социализм с «человеческим лицом». Никакой созидательной программы у нее не было. Основным средством давления на власти была забастовка. Власти, опасаясь усиления протестного потенциала, продолжали выплачивать забастовщикам деньги. В подобных комфортных условиях забастовочное движение только разрасталось. У профобъединения появилась мощная, разветвленная инфраструктура на местах.

Руководством «Солидарности» на всей территории Польши, в воеводствах, горах и селах были созданы местные организации, умело проводившие пропагандистскую работу среди населения. Почувствовав реальную возможность «раскачать» ситуацию в Польше, Запад стал оказывать «Солидарности» мощную финансовую и материально-техническую поддержку. В короткие сроки ряды «Солидарности» пополнили около 10 млн поляков. С политико-идеологической точки зрения весьма неприятным для властей был тот факт, что основную социальную базу «Солидарности» составлял рабочий класс.

Попытки официальных властей завершить переговоры с руководством «Солидарности» непосредственно в Гданьске ни к чему не привели.

Средства массовой информации — газеты, журналы, радио и телевидение — постепенно выходили из-под контроля правительства. «Профсоюз» пользовался безусловной поддержкой не только у католической церкви. «Солидарность» в отдельных своих публикациях стала поддерживать даже центральная партийная печать. Под контролем государственного руководства осталась единственная армейская газета «Жолнеж вольности», тираж которой, по указанию первого секретаря Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) С. Кани, был значительно увеличен и в основном распространялся бесплатно. Активисты «Солидарности» делали все, чтобы эта, достаточно популярная, газета до читателя не доходила. Большими партиями ее скупали и уничтожали.

Вскоре в эфир стали выходить подпольные радиостанции. Руководство «Солидарности» приступило к формированию оппозиционных, «параллельных» органов власти.

К середине 1981 г. противостояние «Солидарности» и государственного руководства в центре и в некоторых воеводствах, на производственных предприятиях, в учебных заведениях и на селе значительно усилилось. По сути дела руководство «Солидарности» готовилось к решающей схватке за власть.

ПОРП стремительно утрачивала свое политическое влияние в стране. С промышленных предприятий начали изгоняться партийные комитеты. Участились провокации против советских военнослужащих Северной группы войск. Рост антисоветских настроений происходил, несмотря на то, что Польша (о чем сообщалось в средствах массовой информации) продолжала получать внушительные финансовые дотации из Советского Союза. Из Советского

Союза в Польшу за бесценок шли нефть, хлопок, железная руда, зерно, мясо и многие другие товары.

Безвозмездную помощь Польше предоставила и Германская демократическая республика (заем на 200 млн западногерманских марок). Эта огромная сумма из Берлина в Варшаву была доставлена на специальном самолете. В стране это было воспринято без особой благодарности, как само собой разумеющееся.

Ситуация накалялась.

Готовилось ли военное вторжение?

По политическим и военно-стратегическим причинам советское руководство придавало особое значение, наряду с ГДР и Чехословакией, именно Польше. Через территорию Польши традиционно направлялся основной удар иностранных армий, вторгавшихся на российскую территорию. Через Польшу и Чехословакию проходили жизненно важные коммуникации, связывавшие Москву с Группой советских войск в Германии. Последняя должна была принять на себя основной удар в случае вооруженного конфликта с НАТО. Помимо этого, Балтийское побережье являлось связующим звеном в действиях союзных флотов ГДР, Польши и СССР.

Обостряющийся в Польше с каждым днем кризис, а также свежая память о советских военных акциях при аналогичных обстоятельствах в ГДР, Венгрии и Чехословакии оставляли для польских властей ограниченный выбор: пустить ситуацию на самотек и дожидаться войск Варшавского Договора или попытаться ввести военное положение. Выбор был мучительный.

В. Ярузельский и его предшественник на посту Первого секретаря Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) С. Каня, оба утверждали в своих мемуарах, что Л. Брежнев, другие представители кремлевского нобилитета, на протяжении 1980—1981 гг. открыто предупреждали: если в Польше не будет быстро найдено «внутреннее» решение, применение силы по «чехословацкому» сценарию неизбежно³³⁶.

В конце 1990 г., после того как Ярузельский покинул свой высокий пост, в своих выступлениях и интервью он открыто стал отстаивать следующую версию. Введение военного положения было «трагической, но необходимостью, так как в декабре 1981 г. оно оставалось единственным способом предупредить советское военное вмешательство»³³⁷.

Многочисленные противники Ярузельского утверждали обратное: бывший президент пытается переложить ответственность на политический «труп» (уже не существующий Советский Союз)³³⁸. Истина в этом вопросе по сей день остается не проясненной.

Основательные аргументы в пользу Ярузельского содержатся в показаниях полковника Р. Куклиньского, одного из пяти офицеров Генерального штаба Польши, допущенных к разработке сверхсекретных планов введения военного положения в Польше. Куклиньский к этому времени уже был завербован ЦРУ и являлся для американцев ценнейшим источником информации.

Его исчезновение в самый разгар подготовки к введению военного положения произвело удручающее впечатление. Вот как описывает это событие в своих воспоминаниях генерал армии А.И. Грибков (в тот период начальник штаба):

«После составления плана (военного положения. — Авт.) случилось чрезвычайное происшествие — бесследно исчез начальник оперативного отдела Генштаба полковник Куклиньский вместе со своей семьей. Он был активным участником разработки плана введения военного положения. В его обязанности входило обеспечение связи со Штабом ОВС, он присутствовал на всех заседаниях Комитета министров обороны и Военного совета армий стран

³³⁶ Stan wojny — dla czego, Wirsaw, 1992, P. 52—68, 107—145, 212—215. Rozmowiac bcz nienawiscu: Wywiad generala Wojciecha Jaruzelskiego z Adamem Micnikiem// Gazeta wyborcza (Warsaw), 25—26 April 1992. P. 8—11.

³³⁷ Meicher G. Poland's Politicized Army: Communists in Uniform. N.Y. 1985.

³³⁸ А.И. Грибков. Судьбы Варшавского Договора. М., Русская книга, 1998. С. 131.

Варшавского Договора, участвовал в подготовке военных вопросов к совещаниям Политического консультативного комитета. Он был допущен к планам использования польской армии и в военное время. В общем, Куклиньский знал многие военные и государственные секреты. Впоследствии стало известно, что он с семьей оказался на Западе.

В спешном порядке Генеральному штабу Войска Польского пришлось перерабатывать некоторые разделы плана введения военного положения и исполнительные директивы штабам и войскам»³³⁹.

Уже на Западе Куклиньский в 1987 г. дал продолжительное интервью, в котором подробно описал усиливающееся давление, которое на всем протяжении кризиса оказывалось на польское правительство высшими советскими руководителями³⁴⁰. Тем самым он косвенно признал, что Ярузельский стал заложником драматической ситуации. Куклиньского нельзя было заподозрить в личной симпатии генералу. Скорее наоборот.

По свидетельству Куклиньского, в декабре 1980 г. сложилось впечатление: дальнейшее «откладывание с введением военного положения» вскоре обернется прямой военной акцией со стороны СССР³⁴¹. План военного вторжения был якобы передан начальником Генерального штаба ВС СССР маршалом Н.В. Огарковым заместителю польского генштаба генералу Т. Хупаловскому в период его пребывания в Москве 1 декабря 1980 г. Планом предусматривался ввод советских, восточногерманских и чехословацких войск на польскую территорию под предлогом проведения учений. Польские войска должны были оставаться в казармах. В состав войск вторжения должна были войти 15 советских дивизий, 2 немецких и 1 чехословацкая. Была проведена и соответствующая рекогносцировка маршрутов выдвижения и районов сосредоточения войск, в которой активное участие принимали и польские представители. С целью уточнения обстановки было решено провести командно-штабное учение. Проведение войсковых учений, как известно, стало для Москвы излюбленным способом давления на вольнодумствующих союзников. В данном случае речь шла о совместном командно-штатном учении «Союз-80» на Западном ТВД, к которому привлекались оперативные штабы с частями связи: от Войска Польского — штабы Поморского и Шленского военных округов; от Чехословацкой народной армии — штаб Западного военного округа и два армейских штаба; от Национальной народной армии ГДР — два армейских штаба; от Советской Армии — штаб ГСВГ, два ее армейских штаба и штаб Северной группы войск (СГВ).

Руководить учением было поручено главнокомандующему вооруженными силами ОВД маршалу В.Г. Куликову. Штаб руководства учением расположился в г. Легница (Польша) в штабе Северной группы войск.

Учение должно было начаться в конце октября 1980 г., но по просьбе польского руководства (из-за взрывоопасной внутривойсковой обстановки) постоянно переносилось.

Наконец Москва решила больше не откладывать. Декабрь был крайне неудобным сроком для проведения учений. Приближались новогодние и рождественские праздники. Однако министр обороны маршал Д.Ф. Устинов настаивал на своем решении. С датой учений — 8—10 декабря — после определенных колебаний согласились все союзные командования. Медлила только Польша. В Варшаве опасались: учения могут завершиться вводом войск Варшавского Договора на территорию страны. И не без основания.

Генерал армии А.И. Грибков вспоминает о происходившем следующим образом:

«Учение „Союз“ в соответствии с разработанным учебным планом шло к концу, и мы готовились 21 декабря подвести его итоги с тем, чтобы к рождественским праздникам весь личный состав был в пунктах постоянной дислокации.

³³⁹ Wojna z narodem widziana od srodka// Kultura (Paris), 4/475 (April 1987). P. 3—57.

³⁴⁰ Ibid. R21.

³⁴¹ Ibid. P. 22—23.

Накануне подведения итогов позвонил Устинов и дал указание продолжать учение до особого распоряжения. Цель была всем ясна — продолжать давление на польское руководство и общество. В итоге учение «Союз» шло почти два с лишним месяца. За это время штабу руководства пришлось несколько раз готовить новые учебные задачи, отрабатывать все виды военных действий: оборону, наступление, встречное сражение, отступление и контрнаступление, делать замену «играющих» штабов. Некоторые штабы участвовали в учении дважды, с небольшим перерывом. Лишь в начале марта 1981 г. мы получили указание постепенно сворачивать штабы и отправлять их по домам.

Штабу руководства в сокращенном составе надлежало оставаться в Легнице под флагами стран Варшавского Договора, висевшими на высоких флагштоках перед зданием штаба Северной группы войск. Каждое напоминание о бесплодности его пребывания раздражало московское военное начальство. Где-то в мае „сидение“ закончилось».

В эти дни, которые складывались в долгие недели и месяцы, «из-за безжалостной и бескомпромиссной позиции русских, — вспоминал Куклиньский, — Ярузельский был... в состоянии шока и полнейшего опустошения»³⁴².

Лично у этого полковника-перебежчика не было сомнений в том, что «восемнадцать полностью боеспособных советских, чешских и немецких дивизий, застывших в ожидании у границ Польши, предприняли бы (в декабре 1980 г.) интервенцию в том случае, если бы польские силы безопасности и армейские части по тем или иным причинам оказались неспособными подавить сопротивление общественности»³⁴³.

Эту точку зрения поддерживали и другие очевидцы. Так, чешский генерал Станислав Прохазка, командовавший в тот период бронетанковой дивизией, сообщил в середине 1990 г. о том, что его части десять лет назад (в декабре 1980 г.) находились в полной боевой готовности к вооруженному вмешательству «по приказу из Москвы»³⁴⁴.

Однако согласно сделанным оценкам (и эти оценки стали известны ЦРУ), предполагаемая численность сил вторжения, в случае отказа Варшавы от сотрудничества или какого-либо организованного сопротивления со стороны польской армии или населения, была явно недостаточной. В первом случае требовалось не меньше 30 дивизий, в последнем — дивизий должно было быть по меньшей мере 45³⁴⁵. Такие силы Советский Союз, увязнувший в афганском конфликте, выделить не мог. Ситуация приобрела форму хронического кризиса.

«Доктрина Брежнева» отправлена в архив?

В период польского кризиса 1980—1981 гг. времени для принятия решения было значительно больше, чем в 1953 г. в Германии или в 1956 г. в Венгрии. И это обстоятельство нашло свое отражение в тех продолжительных дебатах, которые развернулись внутри Политбюро в связи с обсуждением очередной неприятной ситуации внутри «социалистической системы».

В целом Москва ограничивалась общими декларациями с предупреждающим акцентом. В 1980—1981 гг. советское Политбюро неоднократно подчеркивало, что ни при каких обстоятельствах «не оставит братскую социалистическую Польшу в беде», что «социалистическое сообщество нерушимо, и его защита является делом не только отдельных

³⁴² Wojna z narodem widziana od srodka. P. 4.

³⁴³ Generalmajor S. Prochazkaz vojenske obrody (Prague), 16 Aug. 1990. P. 1.

³⁴⁴ US Defense Intelligence Agency, Soviet Estimates on Polish Intervention Forces, 4 Nov. 1980, Compendium, doc. No. 17.

³⁴⁵ Советско-польская встреча// «Правда», 1981. 5 марта.

входящих в него стран, но и всего содружества в целом»³⁴⁶.

Если от планов военного вторжения в Польшу в Москве и отказались, то это не означало ее капитуляции в польском вопросе.

В начале апреля 1981 г. состоялась встреча С. Кани и В. Ярузельского с председателем КГБ Ю.В. Андроповым и министром обороны СССР Д.Ф. Устиновым. Она прошла в г. Бресте, на польско-советской границе. Ради сохранения строжайшей секретности встреча была организована по всем требованиям детективного жанра.

Вечером 3 апреля около 19 часов на аэродром Варшавы прибыла машина, в которой находились С. Каня, В. Ярузельский и полковник — помощник премьера. Без охраны советский самолет Ту-134 стоял в готовности к вылету, экипаж и стюардесса заранее были проинструктированы — принять высокопоставленных пассажиров, проявлять о них заботу, доставить в Брест и затем обратно в Варшаву. Судя по всему, руководители Польши, прекрасно осведомленные о судьбе чехословацких реформаторов в период кризиса 1968 г., ничего хорошего от этой встречи не ждали.

Вот как вспоминает об этом непосредственный участник происходившего генерал армии А.И. Грибков:

«Когда перед посадкой в самолет я разговаривал с С. Каней и В. Ярузельским, то почувствовал их большое волнение. Настроение у них было, прямо скажем, подавленное, лица напряженные, взгляды недоверчивые. Я настраивал их, как только мог, на хороший исход переговоров, пожелал им благополучного полета и сказал, что буду их встречать в Варшаве. Мне показалось, что у них были сомнения по поводу быстрого возвращения домой»³⁴⁷.

Польские руководители, впрочем, волновались напрасно. Никто не собирался их арестовывать. На дворе уже стояло иное время.

9 апреля 1981 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС Ю.В. Андропов и Д.Ф. Устинов докладывали об итогах своей встречи с Каней и В. Ярузельским.

Оба сообщили о подавленном состоянии своих польских собеседников. При этом С. Каня подтвердил то, о чем уже стали догадываться в Москве: контрреволюция сильнее правительства. По словам польских руководителей, Политбюро ПОРП в определенной мере могло опираться на следующие силы: примерно 400 тыс. человек в армии, 100 тыс. в МВД и около 300 тыс. резервистов. В этих условиях и Каня, и Ярузельский особенно опасались предупредительной забастовки, и не дай Бог — всеобщей. Которая могла привести к полному параличу экономики. Несмотря на это, оба польских руководителя высказались решительно против ввода союзных войск. И с оговорками — против введения военного положения.

Однако в Москве уже преобладало мнение: единственным возможным способом разрешения польского кризиса является введение военного положения. И только на самый крайний случай гипотетически рассматривалась возможность ввода на территорию Польши союзных войск.

6 июня 1981 г. польское руководство получило письмо ЦК КПСС, в котором высказывалась озабоченность положением дел в Польше, давалась нелицеприятная оценка сложившейся социально-политической обстановке в польском обществе и партии, а также излагались рекомендации по стабилизации положения в стране. Это письмо было приурочено к пленуму ЦК ПОРП, который должен был состояться 9 и 10 июня. С. Каня выступил на нем с докладом о ситуации в стране и в партии.

Использовались и другие, более жесткие формы давления на польские власти и общество в целом. В конце октября 1981 г. на Жаганьском полигоне в Польше было спланировано и

³⁴⁶ А.И. Грибков. Судьбы Варшавского Договора. М., Русская книга. М.,

³⁴⁷ 1998. С. 133.

проведено тактическое учение польских и советских частей. На этом учении с боевой стрельбой должен был пройти показ нового самолета-штурмовика Су-25 и самоходных артиллерийских установок «Гвоздика» и «Акация». Это неординарное событие стало поводом для приглашения военного руководства Польши, ГДР и Чехословакии.

На состоявшейся здесь встрече с маршалом Д.Ф. Устиновым Ярузельский вновь отметил сложное внутривластное положение страны и подтвердил, что «Солидарность» по-прежнему ведет дело к захвату власти. Вопрос о вводе союзных войск в Польшу не поднимался. По словам очевидцев, была заметна взаимная симпатия Ярузельского и Устинова.

Во второй половине октября 1981 г. основной руководящий состав Министерства обороны СССР был собран для обсуждения обстановки, сложившейся в Польше. Присутствовали только первые заместители министра обороны и несколько других высших военачальников.

Начальник Генерального штаба ВС маршал Н.В. Огарков в своем докладе не предлагал крайних мер (включая ввод союзных войск на территорию Польши).

Речь в его докладе шла о защите интересов Северной группы войск, о том, как не допустить ее втягивания во внутренний конфликт, как обеспечить безопасность маршрутов и материальных запасов на этих маршрутах для выдвижения стратегических резервов (на случай военного времени). Политическая оценка происходящих событий в докладе не присутствовала.

Это было восполнено в выступлении маршала В.Г. Куликова. По его мнению, «Солидарность» в ближайшее время могла взять власть в стране в свои руки. Чтобы сохранить Польшу как союзника по Варшавскому Договору, необходимо готовиться к вводу союзных войск в Польшу (чехословацких, советских и, возможно, ННА ГДР). Маршал сделал оговорку — Ярузельский в разговоре с ним в категорической форме заявил: «Только не немецкие войска»³⁴⁸.

Фактически против предложения своего непосредственного начальника высказался начальник штаба войск ОВД генерал армии А.И. Грибков, считавший, что ввод союзных войск может привести к непредсказуемым последствиям. Его поддержали маршал С.Л. Соколов и генерал армии А.А. Епишев. Это решило исход совещания.

Устинов не стал подводить его итоги, поблагодарил всех и уехал в Кремль. Там должно было состояться заседание Политбюро, в том числе и по «польскому вопросу». Как известно, на Политбюро возобладала точка зрения о невозможности силовой акции в отношении Польши. «Если к власти в Польше придет новое руководство, пусть даже социал-демократы, — заявил по этому поводу М.А. Суслов, — будем пытаться с ними сотрудничать»³⁴⁹.

И продолжил: «Нам не следует посылать в Польшу советские и другие войска ни при каких условиях, даже в том случае, когда осуществить этот шаг попросит польское руководство»³⁵⁰.

Он напомнил ситуацию в Польше в 1970 г., когда первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка вопреки совету Москвы решил использовать силу для подавления забастовки рабочих. Результатом стало резкое падение престижа партии и личная отставка В. Гомулки.

Суслов, по свидетельству Горбачева, сообщил по телефону С. Кане и В. Ярузельскому о том, что советские войска будут продолжать гарантировать безопасность Польши в случае возникновения угрозы извне, но ни при каких обстоятельствах не будут использованы для внутривластных целей. Однако споры вокруг польской проблемы продолжались.

Маршал В. Г. Куликов по-прежнему был убежден — войска все равно вводить придется. И не скрывал своей позиции. В долгосрочном плане он оказался прав. Если империя или «квази-империя», каковым было социалистическое содружество во главе с СССР образца 80-х

³⁴⁸ Там же. С. 147.

³⁴⁹ Там же. С. 148—149.

³⁵⁰ Грибков А.И. «Доктрина Брежнева» и польский кризис начала 1980-х гг. // Военно-исторический журнал, № 9. 1992. С. 46—47.

гг., уже не имела сил любим, в том числе и жестким способом поддержать порядок на своей периферии, ее развал становится неизбежным.

Осенью 1981 г. министр обороны Д.Ф. Устинов дал А.И. Грибкову и Главнокомандующему силами Варшавского Договора маршалу В.П. Куликову указание сообщить Ярузельскому следующее: по крайней мере в настоящее время полякам «следует больше полагаться на собственные силы в восстановлении порядка в стране и не надеяться на то, что некий старший брат придет и обо всем позаботится»³⁵¹.

Высшее руководство Польши испытывало все большую нервозность и неуверенность из-за весьма проблематичных перспектив военного положения, возможности утраты контроля над ходом событий и возобладания хаоса и социальных беспорядков в стране.

Больше всего польских лидеров беспокоило, как поведет себя армия, какую позицию займет руководство «Солидарности», как встретит военное положение церковь и верующие.

По плану Войско Польское с введением военного положения использовалось для охраны важнейших ключевых объектов — органов государственного управления, важных узлов коммуникаций и связи, складов и баз государственного назначения, для усиления охраны морской границы, портов, аэродромов, противовоздушной обороны, наиболее важных промышленных предприятий, для патрулирования в городах и крупных населенных пунктах на случай введения комендантского времени (часа) и решения других непредвиденных задач.

В связи с приближением дня введения военного положения «польский вопрос» в конце ноября 1981 г. был вновь рассмотрен на заседании Политбюро ЦК КПСС. О вводе войск в Польшу речь не шла. Было решено, в случае необходимости, направить в Варшаву 12 декабря делегацию высокопоставленных функционеров КПСС во главе с М. Сусловым. Этот визит так никогда и не состоялся. И не потому, что такой необходимости не было. Никто не хотел брать на себя персональную ответственность.

2—4 декабря 1981 г. в Москве состоялось плановое заседание Комитета министров обороны (КМО) Варшавского Договора. Центральным на нем стал «польский вопрос». По инициативе польской стороны в лице начальника Генерального штаба генерала Ф. Сивицкого предлагалось принять заявление от имени КМО стран Варшавского Договора о положении в Польше, в котором бы осуждались действия контрреволюции и вмешательство во внутренние дела со стороны НАТО. Это предложение поддержали все, кроме министра обороны Венгрии генерала Л. Цинеге и Румынии генерала К. Олтяну. Оба сослались на отсутствие необходимых полномочий. Заявление так и не было принято.

Разочаровывающие итоги заседания Комитета министров обороны вызвали у польского лидера, мягко говоря, недоумение. «Союзники загоняют нас в безвыходное положение» и «оставляют нас одних» — такова была его буквальная реакция. Ярузельский не мог понять, почему «союзники не хотят взять на себя хоть какую-то часть ответственности, даже тогда, когда они постоянно утверждают, что польская проблема это проблема всего Варшавского Договора, а не только Польши».

Ярузельский сам поставил вопрос о целесообразности ввода советских войск. В том случае, если военное положение начнет «пробуксовывать». По свидетельству генерала А.И. Грибкова, это прозвучало в виде просьбы о предоставлении «гарантий военной помощи (со стороны СССР) в том случае, если ситуация в Польше станет критической».

Его тревога не была оставлена без внимания. Именно в эти дни в Москве вернулись к рассмотрению возможности ввода союзных войск. По некоторым данным, 3 декабря 1981 г. маршал В.Г. Куликов связался с В. Ярузельским и оговорил с ним возможность подобной акции в 00 часов 8 декабря³⁵².

О существовании планов ввода войск, намеченного на декабрь 1981 г., сообщил и

³⁵¹ Там же. С. 57.

³⁵² W. Jaruzelski, *Mein Leben für Polen: Erinnerungen* (Munich: Piper, 1993). Pp. 234—235.

российский (советский) генерал В. Дубынин³⁵³, командовавший в период кризиса танковой дивизией в Белоруссии. В интервью, данном в марте 1992 г. одной из ведущих польских ежедневных газет, Дубынин утверждал: вторжение было запланировано на 14 декабря 1981 г. на тот случай, если планы введения военного положения не «сработают»³⁵⁴. По его словам, все основные военные приготовления были закончены к концу ноября 1981 г.

Тем временем в самой Варшаве завершались последние приготовления к введению военного положения.

О всех приготовлениях в Варшаве было известно в Вашингтоне благодаря полковнику Р. Куклинскому. Особая заинтересованность Вашингтона к происходящему была обусловлена и личностным фактором. Влиятельный пост помощника президента по национальной безопасности в этот период занимал американец польского происхождения З. Бжезинский. Он прилагал максимум усилий, чтобы предотвратить вторжение в Польшу сил Варшавского Договора.

Среди них самым серьезным было предупреждение Москвы о неизбежных санкциях со стороны Запада в случае попытки силового разрешения польского кризиса. Это была очень серьезная угроза. В СССР нарастал, пока еще незаметно, собственный экономический кризис. Об этом еще не знал или не хотел знать народ. Но об этом уже знали или догадывались немногие посвященные.

7 декабря по указанию Л.И. Брежнева в Польшу в очередной раз прилетел маршал В.Г. Куликов. Он передал пожелание Москвы — стабилизировать обстановку в стране можно только через введение военного положения.

9 декабря генерал Ф. Сивицкий от имени В. Ярузельского вновь обратился к Москве с настойчивой просьбой — сделать безотлагательное заявление от имени советского правительства или по крайней мере ТАСС о разгуле антисоветизма в Польше. Это заявление должно было продемонстрировать: Польша не одна, Советский Союз готов к решительным действиям.

Прозвучала еще одна просьба финансового характера. В 1981 г. Польша должна была выплатить кредитов западным странам на общую сумму 2,8 млн инвалютных рублей. Без помощи Советского Союза это было нереально.

Реакция Москвы была уклончивой. Статьи и комментарии, опубликованные в советской прессе в период с 10 по 13 декабря, в какой-то степени следовали польской теме. Но без ультимативного языка. И главное — советское правительство так и не выступило с резким официальным заявлением.

Москва до последнего пыталась держать установившуюся дистанцию от польских событий. Не в последнюю очередь это вызывалось опасением экономических санкций со стороны Запада. В условиях падения мировых цен на нефть и стагнирующей экономики это угроза носила серьезный характер. Об этом прямо сказал на заседании Политбюро ЦК КПСС 10 декабря 1981 г. один из самых информированных людей в стране, председатель КГБ Ю.В. Андропов:

«...Если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность, с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявить заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия...»³⁵⁵

³⁵³ В 1992 г. генерал армии В. Дубынин стал начальником Генерального штаба ВС РФ и в этом же году умер после тяжелой болезни в возрасте 49 лет.

³⁵⁴ «Новое время». № 27, июль 1992. С. 26—27.

³⁵⁵ Цит. по: А.И. Грибков. Судьба Варшавского Договора. М., Русская Книга, 1998. С. 139.

Его поддержал Громыко. К ним присоединился М. Сулов.
В этой ситуации польские руководители оставались один на один с кризисом.

Военное положение

Решение о необходимости введения военного положения, без обозначения конкретной даты его проведения, было принято еще в середине сентября 1981 г. на заседании Совета обороны Польши. Примерный подсчет необходимых сил был неутешителен: наличных ресурсов явно не хватало. И тревога надолго поселилась в коридорах польской власти. Вплоть до последнего дня власти в Варшаве не были уверены в возможности справиться с кризисом собственными силами.

Сначала С. Каня как фактический глава государства был занят лихорадочными поисками иных возможностей стабилизации обстановки — без введения военного положения. Это шло вразрез с установкой советских властей. 17 сентября из Москвы было получено жесткое, по сути дела, директивное письмо, в котором утверждалась необходимость решительных шагов «для предотвращения утраты завоеваний социализма в Польше». Под этими шагами предполагалось введение военного положения.

Введение военного положения требовало от руководителей Польши не только сильной политической воли, но и безусловной поддержки в силовых структурах. В связи с этим колеблющийся, всячески избегающий силового пути разрешения кризиса С. Каня вызывал все большие сомнения.

В Москве было принято решение заменить его на генерала В. Ярузельского. Последний сосредоточивал в своих руках огромную, практически неограниченную власть. Впрочем, Ярузельский, чуждый болезненного властолюбия, особенно не стремился к этому. В ноябре 1981 г. на 4-м пленуме ЦК ПОРП он был избран первым секретарем Польской объединенной рабочей партии. Для С. Кани, которого он менял на этом посту, это стало неожиданностью.

Личность генерала В. Ярузельского вобрала в себя немало противоречий и примет того драматического времени и, без сомнения, стала знаковой для истории Польши. Родился В. Ярузельский в 1923 г. По происхождению — дворянин. Корни его рода восходят к XV столетию. Его дед — участник восстания 1863—1864 гг. против российского владычества. После подавления восстания провел 10 лет в сибирской ссылке. Отец Войцеха добровольно ушел на советско-польскую войну 1920 г. Сам он учился в католической гимназии. С началом Второй мировой войны вместе с родителями оказался на территории Литвы, которая вскоре вошла в состав СССР. 14 июня 1941 г. семья Ярузельских, как и сотни тысяч других поляков, была выслана в Сибирь. Отец умер от истощения после освобождения из советского лагеря в 1942 г. Чтобы прокормить семью (мать и сестер), Войцех работал грузчиком, лесорубом в алтайской тайге. В мае 1943 г. он записался добровольцем в организуемое польскими коммунистами Войско Польское (ВП). Учился в военном училище в Рязани. Участвовал в военных операциях 1-й армии Войска Польского. После войны, стремительно пройдя по ключевым военным должностям, Ярузельский стал в 1968 г. министром национальной обороны. В 1981 г. возглавил польское правительство, а затем ПОРП.

На момент избрания В. Ярузельского первым секретарем ПОРП неизбежность военного положения почти ни у кого в Польше не вызывала сомнений. В руководстве «Солидарности» одержали верх радикалы, сторонники конфронтации с правительством. Однако это не прибавило популярности «Солидарности». Настроениям масс, уставших от перманентного кризиса, была ближе идея компромисса между противостоящими сторонами. С призывами умеренности в адрес лидеров «Солидарности» выступил и новый глава Церкви архиепископ Юзеф Глемп.

Официальные власти внимательно наблюдали за падением рейтинга «Солидарности». Информация о том, что уже менее 50% опрошенных (ноябрь 1981 г.) поддерживают «Солидарность», стала сигналом к переходу в наступление. Введение военного положения была намечено на декабрь 1981 г.

Обстановка в стране накалялась с каждым днем. Из-за непрекращающихся забастовок

начались перебои с хлебом и топливом. Руководство «Солидарности» и церковные круги пытались оказать влияние на польскую армию и органы внутренних дел.

10 декабря В. Ярузельский, информируя советское руководство о положении в стране, настоятельно рекомендовал накануне введения военного положения прибыть в Польшу одному из членов Политбюро ЦК КПСС. И вновь поднял вопрос о возможном вводе союзных войск в случае выхода ситуации из-под контроля. Были подняты и иные вопросы, связанные с введением военного положения.

Из воспоминаний генерала армии А.И. Грибкова следует следующее: «В тот же день состоялся разговор по телефону посла Б.И. Аристова с секретарем ЦК КПСС Русаковым, который практически ответил на все четыре вопроса, а именно: из руководства КПСС в ближайшее время в Польшу никто не придет; по поводу заявления Советского правительства меры будут приняты; войска в Польшу вводиться не будут, надо решать проблемы своими силами; по дополнительной экономической помощи из СССР председатель Госплана Байбаков готовит ответ».

Получив эту информацию, В. Ярузельский заметил: «СССР дистанцируется от нас»³⁵⁶. Ответ Москвы вызвал раздражение в Варшаве. Наверное, естественное для союзника, оказавшегося в столь непростой, драматической ситуации. Там ждали более искренних слов и более решительной поддержки.

И генерал Ф. Сивицкий «взорвался». Он заявил буквально следующее: «Если не будет оказана вся необходимая помощь, Польша для Варшавского Договора будет потеряна»³⁵⁷. Это подействовало.

12 декабря около 13 часов Д.Ф. Устинов позвонил маршалу В.Г. Куликову, в то время находившемуся в Польше, и проинформировал его о том, что рассматривается вопрос о вылете в Польшу члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, а также заведующих отделами ЦК К.В. Русакова и К.У. Черненко. Но как уже говорилось, этот визит так и не состоялся.

Тем не менее, Ярузельский решился. 13 декабря 1981 г. в 00 часов после мучительных раздумий польское руководство «запустило» механизм военного положения. В 6 часов утра 13 декабря В. Ярузельский выступил с обращением к народу. Большинство населения страны оценило его честность и эмоциональность, искреннюю озабоченность судьбой родины.

Перед польскими войсками ставилась задача: соблюдать бдительность, выдержку, не поддаваться на провокации, а главное — не допустить, чтобы пролилась кровь.

Все прошло на редкость гладко. Соппротивление со стороны населения оказано не было. Наоборот. В морозные декабрьские дни, когда еще только устанавливались обогревательные пункты, поляки сами несли солдатам и офицерам горячий чай в термосах и бутерброды. Единственный случай применения оружия произошел на шахте «Бук», где в результате конфликта погибли 9 шахтеров.

В некоторые воеводства и на крупные промышленные предприятия в ранге представителей правительства были направлены генералы и старшие офицеры. Их основной задачей являлся контроль за исполнением всех требований военного положения.

Советские войска (размещенная на территории Польши Северная группа войск) ни в каких акциях военного положения участия не принимали.

С введением военного положения большинство руководителей «Солидарности» было изолировано, включая Л. Валенсу.

Кроме того, были арестованы и интернированы практически все оппозиционно настроенные общественные деятели страны. Всего около 6 тысяч человек.

Интернированные содержались в достаточно комфортных условиях. Так, вчерашний электрик Л. Валенса был помещен на правительственной вилле, на которой в свое время под домашним арестом содержался В. Гомулка. Остальных разместили в домах отдыха и пансионатах МВД, превращенных в места заключения. После освобождения значительная часть

³⁵⁶ Там же. С. 140.

³⁵⁷ Там же. С. 141.

интернированных либо эмигрировала (их было меньшинство), либо вернулась на свои рабочие места (с сохранением стажа и денежной компенсацией в зарплате).

Введение военного положения интерпретировалось официальной пропагандой как необходимое, хотя и болезненное, средство для спасения страны от хаоса и экономической катастрофы. И в широких народных массах подобная оценка находила отклик. Тема защиты партии, социализма в выступлениях польских властей практически не звучала.

Введение военного положения не остановило эрозию партии как политической организации. До отмены военного положения в июне 1983 г. ее ряды покинули свыше 1 млн человек. Оттоку коммунистов способствовала, как ни странно, официальная установка руководства ПОРП. С целью усиления умеренного крыла в «Солидарности» партия не возражала против вступления в этот профсоюз своих членов. В итоге правящая партия потеряла практически всю молодежь и творческую интеллигенцию страны. Это было началом конца.

Военное положение усилило расслоение в польском обществе. Оправившись от первого замешательства, в подполье заработали заранее созданные параллельные органы оппозиции. Развернули вещание подпольные радиостанции, функционировали нелегальные типографии. Начались выступления, особенно интеллигенции и костела, за отмену военного положения.

Еще не эпилог, но...

Военное положение было отменено 22 июня 1983 г. под нарастающим давлением со стороны интеллигенции и церкви, в условиях относительной стабилизации экономического положения страны.

Сколько-нибудь значительных сдвигов в общественном сознании не произошло. Общество находилось в состоянии апатии и глухого недоверия в отношении любых предпринимаемых правительством мер.

Руководством страны было принято решение о начале переговоров с оппозицией. Начался многолетний и трудный переговорный процесс. В тот момент «Солидарность» уже не пользовалась былым феноменальным влиянием. Она не имела широкой социальной опоры. Но она уже в этом и не нуждалась. Поскольку из рыхлого политического движения она трансформировалась в мобильную политическую партию, сразу взявшую на себя первую роль в диалоге с властью. Переговорный процесс в конце концов оформился в проведение регулярного «круглого стола» с политической оппозицией.

Первые (после политической стабилизации 1984—1987 гг.) крупные забастовочные выступления показали руководству страны — болезнь не излечена, приглушены лишь ее внешние симптомы.

Немаловажную роль в решении власти о проведении «круглого стола» с оппозицией сыграла и личная харизма Л. Валенсы, сумевшего одержать верх в телевизионных дебатах с руководителем официальных профсоюзов, членом Политбюро ЦК ПОРП А. Медовичем. За этими теледебатами, состоявшимися вечером 30 ноября 1988 г., следило около 20 млн зрителей. Организаторы дебатов надеялись, что, выступая один на один без советников-интеллектуалов, вчерашний электромонтер провалит их, продемонстрирует, что он всего лишь марионетка в руках стоящих за ним сил. Но Валенса дебаты блестяще выиграл. У власти не оставалось иного выхода, как идти на полномасштабные переговоры, которые с этого момента сопровождались постоянными уступками со стороны власти.

Переломным годом стал 1989-й. За «круглым столом» была достигнута договоренность о необходимости в течение 4-летнего периода перейти к демократическим принципам организации общества.

В этом же году прошли выборы в парламент. Безусловная победа кандидатов оппозиции, выдвинутых Гражданским комитетом «Солидарности», предопределила дальнейший ход политической жизни.

19 июля 1989 г. на заседании Национального собрания большинством в один голос В. Ярузельский был избран президентом ПНР. Ненадолго. Своей жизнью он принадлежал прежнему времени, истории. В сентябре 1990 г. В. Ярузельский добровольно покинул свой пост. Открылась новая глава польской истории.

Глава 15. «Буря в пустыне» над Персидским заливом

2 августа 1990 г. Ирак вторгся в Кувейт, мгновенно оккупировав это небольшое соседнее государство. Через четыре с половиной месяца, после долгих и безуспешных попыток ООН убедить Ирак прекратить агрессию, США со своими союзниками предприняли военную операцию по «наказанию» Саддама Хусейна. Пять недель авиация непрерывно бомбила иракскую территорию, после чего против деморализованного и ослабленного противника США предприняли сухопутную операцию. Всего 100 часов потребовалось войскам США, некоторых других стран НАТО и поддерживавшим их контингентам ряда арабских государств для того, чтобы завершить конфликт.

Истоки кризиса

Истоки кризиса 1990—1991 гг. в Персидском заливе берут свое начало еще в начале XX в., когда после Первой мировой войны начался распад Османской империи. Главную роль в процессе территориального размежевания на Ближнем Востоке играла великая Британская империя. Верная принципу «разделяй — и властвуй», британская дипломатия сделала все, чтобы в этом регионе навсегда сохранились причины и поводы для конфликтов.

В 1922 г. из трех бывших турецких провинций — населенных курдами Мосуля, суннитского Багдада и шиитской Басры — был образован Ирак. Это было искусственное образование, объединившее в себе непримиримые этнические и религиозные общины.

С самого начала Ирак представлял собой достаточно сильное и богатое государство, однако чего ему с легкой руки британских дипломатов не хватало, так это выхода к морю. Это было сделано намеренно: Лондон стремился не допустить Багдад в Персидский залив, устранить саму возможность иракского доминирования в регионе и поставить Багдад под влияние Великобритании. С этой целью на территории современного Кувейта были дислоцированы английские войска, а сам Кувейт находился под протекторатом Англии.

Несколько раз Ирак разными способами пытался решить с Кувейтом свою проблему выхода к морю. В 1961 г., когда Кувейт провозгласил независимость, а английские войска были выведены из страны, Ирак сосредоточил свои войска на границе с Кувейтом, провозгласил его частью иракской территории, намереваясь оккупировать это новое государственное образование. Ситуацию спасли английские войска, возвратившиеся в регион³⁵⁸. Подобное повторялось и впоследствии.

По мнению одного из иракских политологов, пожелавших остаться неизвестным из-за опасений за своих родственников, живущих в Ираке, кризис в Персидском заливе был, есть и будет неизбежным до тех пор, пока проблема выхода Ирака к морю не будет решена. Он утверждает: «Ирак должен экспортировать нефть, чтобы существовать, а чтобы экспортировать нефть, мы должны иметь порт. Даже если Саддам умрет сегодня, первопричина проблемы не будет исчерпана. Она будет вставать вновь и вновь, пока не будет найдено решение»³⁵⁹.

Справедливости ради следует отметить, что в 80-е гг. официальный Вашингтон отзывался о Саддаме Хусейне как о «нашем сильном человеке» в регионе³⁶⁰. Это так и было, пока Багдад вел войну с Тегераном. США в ирано-иракском конфликте заняли позицию явного невмешательства, однако их симпатии были на стороне С. Хусейна. Режим Саддама на

³⁵⁸ The Gulf War Reader. History, Documents, Opinions. Ed. By Micah L. Sifry and Christofer Cerf. N. Y., 1991. P. 18.

³⁵⁹ Ibid. P. 19.

³⁶⁰ Ibid. P. 33.

протяжении второй половины 80-х — начала 90-х гг. считался в Вашингтоне «надежным младшим партнером в сохранении статус-кво в регионе»³⁶¹.

Однако в 80-е гг. помимо Вашингтона активным игроком в зоне Персидского залива была Москва. Без этого фактора невозможно оценить военно-политическую обстановку в регионе накануне кризиса 1990 г.

Советский Союз уже с начала 80-х гг. стал одним из крупных поставщиков военной техники и вооружения в Ирак и Кувейт, причем последний зачастую был посредником в поставках вооружений иракской армии. Кувейт умело играл на американо-советских противоречиях, обращаясь за вооружениями то к одной стороне, то к другой. Советская вовлеченность в дела стран Персидского залива расценивалась в самом Вашингтоне как главная угроза «жизненным интересам США». На протяжении 80-х гг. к этому тезису прибегали многие официальные лица Вашингтона и независимые эксперты. Иногда в заявлениях из Вашингтона звучали открытые заявления, подобные словам госсекретаря Дж. Шульца: «Мы не имеем никакого желания видеть, как Советы берут на себя активную роль в Персидском заливе»³⁶².

Даже когда 17 мая 1987 г. американский боевой корабль «Старк», находившийся на дежурстве в Персидском заливе, был поражен иракской ракетой, политическую вину за это в Вашингтоне возложили на СССР и Иран. По мнению многих американских специалистов, Белый дом тогда не смущал рост военной мощи Ирака. Главным было нейтрализовать советскую политику в регионе, не допустить вовлеченности СССР в дела богатого нефтью региона мира. Так, известный политолог Т. Дрейпер ярко и образно сформулировал это следующим образом: «...Трансформировав инцидент, вызванный иракским ракетным ударом, в антисоветскую акцию, мы вступили в неправильную конфронтацию в неправильном месте в неправильное время с неправильным противником»³⁶³.

Сконцентрировав свои усилия на противодействии СССР в зоне Персидского залива, США «прощали» Ираку многое, закрывали глаза на зревшие противоречия между Ираком и Кувейтом.

З. Бжезинский выразил в свое время истинные интересы Вашингтона в регионе: «Доступ к нефтяным запасам Персидского залива, где сосредоточено две трети разведанных мировых запасов нефти, является главной ставкой в Юго-Западной Азии»³⁶⁴. При всем при том, однако, объем импортируемой в США нефти, проходящей через Ормузский пролив, составляет всего 4% от общего нефтяного импорта в эту страну.

Нефть — главный источник богатства и процветания стран Ближнего Востока, но она и источник неравенства, вражды, зависти в арабском мире. Именно нефть лежала в основе возникшего в серед и не 1990 г. кризиса в Персидском заливе, принявшего форму агрессии сильного, но недостаточно богатого Ирака против слабого, но очень богатого Кувейта.

Отношения между Ираком и Кувейтом резко обострились в июле 1990 г. из-за споров вокруг цены на нефть. К тому времени внутривосточная обстановка в Ираке отличалась крайней сложностью. Подорванная войной с Ираном экономика страны давала сбои. В стране нарастали трудности с продовольствием, остро стояли социальные проблемы, национальный вопрос. Тоталитарный режим Саддама Хусейна жестоко подавлял любые выступления недовольных.

Огромным бременем для иракского народа были военные расходы. При валовом национальном продукте в 1988 г. в 45 млрд долларов расходы на военные нужды составляли 13 млрд долларов. Иракская армия по численности и вооружению считалась четвертой в мире.

³⁶¹ Ibid. P. 38.

³⁶² Ibid. P. 54.

³⁶³ Ibid. P. 55.

³⁶⁴ The Washington Post. 1987. June 7.

При населении в 19 млн человек вооруженные силы страны составляли 1 млн человек, а на их вооружении имелось 5,5 тысяч танков. Помимо реальной военной мощи у Ирака, точнее его лидера Саддама Хусейна, имелись отчетливые амбиции на роль лидера стран арабского мира. Такое лидерство могло быть реальным только тогда, когда нефтяные ресурсы арабского мира были бы поставлены под контроль иракского диктатора. В этом смысле судьба Кувейта в Багдаде была предопределена.

Главное богатство Кувейта — нефть, по количеству которой он занимает третье место в мире. Запасы «черного золота» здесь оцениваются в 100 млрд баррелей. Такое «приращение» к экономике Ирака могло бы в корне изменить всю геополитическую ситуацию не только на Ближнем Востоке, но и в мире.

Перед лицом мощной иракской военной машины Кувейт был слабым противником. Его вооруженные силы составляли всего 20 тысяч человек при 275 танках, 36 боевых самолетах и 18 вертолетах³⁶⁵.

Уже с середины 1990 г. Багдад стал резко критиковать другие арабские страны прежде всего по вопросу нефтедобычи и цен на нефть.

30 мая, в последний день багдадского саммита лидеров арабских государств Саддам Хусейн заявил, что некоторые страны Персидского залива стали добывать нефти больше установленных ОПЕК квот, в результате чего цена на баррель нефти упала до 7 долларов, в то время как обговоренная цена одного барреля нефти составляла 18 долларов. Иракский президент отметил, что падение цены каждого барреля всего на один доллар означает потерю Ираком 1 млрд долларов ежегодно³⁶⁶. Это, по его мнению, в сложившихся экономических условиях Ирака было равнозначно «акту войны».

На той встрече Саддам не назвал прямо те арабские страны, которые вели враждебную по отношению к Ираку политику. Вместе с тем он подчеркнул: «Я должен вам честно сказать, что мы достигли той стадии, когда уже невозможно более переносить давление». Саддам намекнул, что еще возможно найти взаимоприемлемый выход, если цену на нефть поднять до 25 долларов за баррель. Иракский президент тогда еще пытался склонить арабские страны к добровольному послушанию, но этого не последовало.

15 июля министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз направил генеральному секретарю Лиги Арабских государств длинный меморандум на 37 страницах, в котором конкретно обвинил Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты в перепроизводстве нефти³⁶⁷. Кроме того, в этом документе содержались и другие претензии Ирака к Кувейту.

В частности, по вопросу долга Ирака Кувейту Азиз высказался таким образом, что долг является «помощью» Кувейта Ираку в годы войны с Ираном и поэтому не должен рассматриваться как «долг», а наоборот, должен быть аннулирован.

Азиз обвинил Кувейт в том, что за период с 1980 по 1990 г. последний перекачал нефти на сумму 2,4 млрд долларов из иракского нефтяного бассейна в Румайла. Такие действия Кувейта равнозначны «акту войны» в отношении Ирака, нацеленной на «приведение иракской экономики к состоянию коллапса».

17 июля 1990 г. Саддам Хусейн выступил с речью, в которой заявил, что арабские страны Персидского залива вступили в антииракский сговор с целью удержания под контролем цен на нефть. На следующий день Саддам вновь обвинил Кувейт в том, что он незаконно добывает нефть из спорного района нефтедобычи Румайла на ирако-кувейтской границе, и разместил там свои военные посты. Кувейт в свою очередь выступил с обвинениями в адрес Ирака из-за оккупации приграничных районов своей страны и незаконной эксплуатации одного из нефтяных полей.

³⁶⁵ Попов И.М. Буря в пустыне// Под знаком Марса. М.:Знание, 1992. № 4—5. С. 5—6.

³⁶⁶ The Gulf War Reader. History, Documents, Opinions. Ed. By Micah L. Sifry and Christofer Cerf. New York, 1991. P. 63.

³⁶⁷ Ibid. P. 63.

22 июля министр иностранных дел Ирака Т. Азиз, находившийся с визитом у президента Египта Х. Мубарака, потребовал от соседних арабских стран списать долг в 30 млрд долларов. 24 июля Мубарак в качестве посредника посетил Кувейт, Ирак, Саудовскую Аравию и 25 июля объявил о согласии Ирака и Кувейта сесть за стол переговоров.

Однако, согласившись на переговоры с Кувейтом, Ирак вовсе не собирался отказываться от применения силы. 24 июля в южные, граничащие с Кувейтом области были переброшены 30 тысяч военнослужащих и 200 танков, а через неделю численность багдадских войск в этом районе достигла уже 100 тысяч человек³⁶⁸.

1 августа 1990 г. в Джидде (Саудовская Аравия) начались ирако-кувейтские переговоры, но через два часа они были прерваны. Багдад выдвинул на них ряд заведомо невыполнимых требований в адрес Кувейта, надеясь, что последний «откупится» от них. В истории ирако-кувейтских отношений подобная ситуация складывалась неоднократно, и каждый раз Кувейт, сталкиваясь с жесткими требованиями своего северного соседа, покорно шел им навстречу. Но на этот раз такого не произошло: Кувейт отклонил требования о денежном «выкупе» и территориальных уступках.

1 августа во второй половине дня иракский президент позвонил эмиру Кувейта: «Как поживаешь, о шейх Джабер?»

«Слава Аллаху, чувствую себя хорошо, уже отобедали», — прозвучал ответ из Эль-Кувейта.

«Клянусь Аллахом, — сказал Саддам Хусейн, резко изменив тон, — завтракать в Кувейте ты уже не будешь!»

Багдад делаем первый ход

2 августа 1990 г. в 2.00 по местному времени Ирак вторгся в Кувейт. По западным оценкам, силы вторжения Ирака составляли 120 тысяч человек и 350 танков. К исходу дня практически вся территория страны оказалась под контролем иракских войск, только кое-где еще тлели очаги сопротивления. Власть в захваченном Кувейте была передана ставленнику Багдада полковнику Ала Хуссейну Али, возглавившему «Свободное временное правительство Кувейта».

8 августа «Свободное временное правительство Кувейта» обратилось к президенту С. Хусейну с просьбой: «Кувейт должен вернуться в лоно родины — великий Ирак». Эта «просьба» была удовлетворена, и Ирак объявил о включении Кувейта в состав страны на правах девятнадцатой провинции³⁶⁹.

Агрессия Ирака против Кувейта с осуждением была воспринята во всем мире. Уже 2 августа Совет Безопасности ООН принял резолюцию 660, в которой осудил иракское вторжение в Кувейт и потребовал «немедленно и без всяких предварительных условий» вывести все иракские войска из Кувейта. Совет Безопасности ООН призвал стороны начать «немедленные, интенсивные переговоры для разрешения существовавших между ними различий».

Главным обличителем действий Ирака в отношении Кувейта стали США. Богатый нефтью регион Ближнего Востока, традиционно считавшийся зоной жизненных интересов Вашингтона, немедленно стал «насыщаться» американскими войсками. Не довольствуясь политическими декларациями и мало надеясь на миролюбие Саддама Хусейна, США уже на седьмой день войны, 8 августа, перебросили в Саудовскую Аравию части 82-й воздушно-десантной дивизии из состава Центрального командования вооруженных сил США. Президент Египта Мубарак разрешил ВВС США использовать воздушное пространство страны и позволил авианосной группе из шести боевых кораблей во главе с атомным авианосцем

³⁶⁸ Попов И.М. Буря в пустыне// Под знаком Марса. М.: Знание, 1992. № 4—5. С. 7.

³⁶⁹ Там же. С. 8.

«Эйзенхауэр» пройти через Суэцкий канал. Для американских войск открыли свои военные базы Испания и Италия. Под эгидой США в регионе начала создаваться многонациональная группировка сил и средств для противодействия Багдаду.

Какова же была в тех условиях позиция СССР?

3 августа Советский Союз, как и большинство других стран мира, осудил действия иракской армии. В соответствующем заявлении Советского правительства объявлялось о решении приостановить поставки Ираку вооружения и военной техники.

На следующий день после иракского вторжения в Кувейт в московском аэропорту «Внуково» состоялась экстренная встреча советского министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе и госсекретаря США Дж. Бейкера для обсуждения обстановки в Персидском заливе.

Распоряжением Президента СССР от 8 августа в Москве была создана рабочая межведомственная группа для решения вопросов, связанных с обстановкой в Персидском заливе.

Еще до начала агрессии американцы информировали советскую сторону о возможности такого развития событий. Накануне об этом говорил Дж. Бейкер советскому министру иностранных дел на рабочей встрече в Иркутске, при этом он ссылаясь на данные американской разведки, прежде всего космической. Советский Союз к этой информации отнесся с определенной долей недоверия. К тому времени Багдад входил в число близких союзников Москвы. С 1972 г. СССР и Ирак связывал Договор о дружбе и сотрудничестве. К 1990 г. в самом Ираке находилось около 5 тысяч советских специалистов и членов их семей.

Безоговорочно осудив иракскую агрессию против Кувейта, СССР вместе с тем с самого начала с определенной долей подозрительности относился к наращиванию военной мощи США в регионе. По мнению Москвы, конфликт между двумя арабскими государствами мог быть и должен был быть решен мирными средствами ими самими, без вмешательства третьих стран. В такой позиции Вашингтон не без основания усматривал слабость Советского Союза, становившуюся все более зримой к началу 90-х гг.

10 августа МИД СССР выступил с заявлением, в котором отмечалось: «После вторжения иракских войск в Кувейт 2 августа в этом регионе произошли такие серьезные события, как объявленное вчера так называемое слияние Ирака и Кувейта и размещение американских военно-морских и военно-воздушных сил в Саудовской Аравии, которое Вашингтон мотивирует интересами защиты этой страны». По мнению советской стороны, главная роль в ликвидации конфликта должна была принадлежать Совету Безопасности ООН, в частности, его Военно-штабному комитету, а не вооруженным силам США.

Однако мнение советской стороны в тех условиях менее всего интересовало Вашингтон. Более того, у советской стороны тогда и не было единой позиции по ситуации в зоне Персидского залива. Об этом пишет хорошо осведомленный в секретах Кремля Евгений Примаков:

«В данном случае хотел бы объяснить сложившееся положение, сославшись на книгу „На самом высоком уровне“ Майкла Бешлосса и Строуба Тэлбота, где они описывают контакты между МИДом СССР и госдепартаментом накануне моего приезда в Вашингтон, куда я был направлен М. Горбачевым для того, чтобы проинформировать президента Дж. Буша о результатах своей первой поездки в Багдад и некоторых идеях относительно того, как обеспечить без применения военной силы безусловный вывод иракских войск из Кувейта: «Разгневанный тем, что Горбачев позволил Примакову предпринять эту миссию, Шеварднадзе решил вставить последнему палки в колеса. Накануне прибытия Примакова в Вашингтон Тарасенко (помощник Э. Шеварднадзе. — Е.П.) передал Деннису Россу через Роберта Зеллика (два самых приближенных работника к госсекретарю США Дж. Бейкеру. — Е.П.):

— Сообщите Деннису, что Примаков направляется с предложением, которое не нравится ни министру, ни мне.

Зеллик сказал Россу, что в его понимании эта рекомендация означает: «Наплюйте на него с высокой колокольни».

Это была новая веха в отношениях между двумя странами — советский министр иностранных дел и госдепартамент США тайно объединились против специального посланника Кремля»³⁷⁰ — к такому заключению пришли два американских автора, наблюдавшие за развитием событий «изнутри»³⁷¹.

Советско-американская встреча на высшем уровне, посвященная обсуждению ситуации в зоне Персидского залива, состоялась 9 сентября 1990 г. в Хельсинки. В ходе переговоров М.С. Горбачев высказался за активизацию роли ООН в деле урегулирования кризиса и отказался от посылки советских войск в состав многонациональных сил. Эта принципиальная позиция Советского Союза, с одной стороны, позволяла Москве выступать в роли миротворца и посредника в мирном процессе, но с другой стороны, полностью лишала СССР инициативы в кризисе в Персидском заливе.

В течение августа — ноября 1990 г. между Советским Союзом, США, Ираком, рядом арабских и западноевропейских государств состоялось несколько серий консультаций, обменов мнениями и переговоров на различных уровнях с целью найти политический выход из углублявшегося кризиса в Персидском заливе.

В октябре 1990 г. в Багдад вновь прибыл специальный советский представитель Е.М. Примаков, который встретился с Саддамом Хусейном. Последний дал понять, что при «сохранении лица» он уйдет из Кувейта. О своеобразном начале той встречи пишет сам Е. Примаков:

«Мы с нашим тогдашним послом в Багдаде В.В. Посувалюком, Р.В. Маркаряном, С.В. Кирпиченко, придя на встречу с Саддамом, были удивлены, увидев его в окружении всех членов Совета революционного командования Ирака.

— Я хочу, чтобы ты видел, — сказал он в ответ на мой недоуменный вопрос, — что среди иракского руководства есть не только ястребы, но и голуби.

На мою реплику о том, что предпочел бы иметь дело только с голубями,отреагировал вице-президент Рамадан:

— Тогда придется нам всем уйти отсюда, оставив вас наедине с нашим любимым лидером.

Саддам, казалось, был удовлетворен таким началом разговора. Но заявил о готовности вывести войска из Кувейта только во время моей третьей поездки в Багдад. Саддам все время запаздывал — так получилось и тогда»³⁷².

Несмотря на все усилия ООН и некоторых стран, принявших на себя посреднические функции в ближневосточном конфликте, кризис углублялся и ситуация становилась тупиковой. За неполных четыре месяца, прошедших с момента вторжения Ирака в Кувейт, Совет Безопасности принял одиннадцать резолюций, но С. Хусейн по-прежнему игнорировал мнение мирового сообщества. Когда стало ясно, что добровольно Ирак не покинет Кувейт, 29 ноября 1990 г. была принята двенадцатая по счету резолюция под номером 678. В ней объявлялось, если Ирак до 15 января 1991 г. полностью не выполнит предыдущие резолюции ООН, то Совет Безопасности будет вынужден «использовать все необходимые средства с тем, чтобы поддержать и выполнить резолюцию 660».

Это был ультиматум мирового сообщества Саддаму Хусейну и одновременно предупреждение о готовности применить в полном объеме военную силу против Ирака. Полтора месяца до провозглашенного в резолюции срока объявлялись «паузой доброй воли».

³⁷⁰ См.: Бешлосс М.Р., Толбот С. На самом высоком уровне. Закулисная история окончания «холодной войны». Пер. с англ. М., 1994. С. 232.

³⁷¹ Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 309—310.

³⁷² Там же. С. 308—309.

Это был последний шанс Саддама.

Со второй половины декабря 1990 г. шансов на мирное урегулирование кризиса в Персидском заливе практически уже не оставалось. В своих выступлениях в Багдаде, в интервью журналистам С. Хусейн заявлял о неизменности политики Ирака в отношении Кувейта. Более того, иракский лидер настойчиво пытался использовать антиизраильские настроения в арабском мире, завоевать союзников из числа других стран Ближнего Востока. Он предупредил, что в случае войны Тель-Авив будет первой целью иракских войск.

В первых числах января 1991 г. С. Хусейн собрал высших чиновников и военачальников на специальное совещание в Багдад. Иракский диктатор прочитал целую лекцию своим соратникам о том, «насколько судьба Ирака важнее, чем судьба Кувейта». В конце своего выступления Хусейн потребовал от слушателей советов и рекомендаций, что делать в сложившихся условиях. Президент Ирака ждал предложений до 15 января. Такое поведение Саддама Хусейна, привыкшего принимать все решения единолично, вызвало удивление у приглашенных на совещание. Обращение за советом к ним было расценено как желание багдадского диктатора услышать совет уйти из Кувейта³⁷³. С. Хусейну, казалось, нужно было снять с себя моральный груз ответственности за капитулянтское решение.

Однако вскоре после этого знаменательного совещания Багдад получил сообщение из Москвы, в котором М. Горбачев информировал Хусейна о предложении США провести встречу между Бейкером и Азизом. Эта информация вдохновила иракского президента. Американское предложение, направленное исключительно на формирование образа Вашингтона как миротворца в глазах мирового общественного мнения, Багдад интерпретировал как признак слабости США. Саддам Хусейн уверовал в свои силы и в правоту своего дела.

9 января 1991 г. в Женеве состоялась встреча госсекретаря США Дж. Бейкера и министра иностранных дел Ирака Т. Азиза. Иракской стороне было передано письмо Дж. Буша С. Хусейну с требованием покинуть территорию Кувейта до 15 января. Это было неожиданным для Азиза, он ожидал увидеть в послании Вашингтона совсем другое.

Прочитав письмо, Азиз заявил: «Я не могу принять письмо. Оно полно угроз и написано на языке, который неприемлем в общении между главами государств».

Бейкер в ответ на пассаж иракского министра заявил, что Ирак сделал огромную ошибку, вторгнувшись в Кувейт, и не должен делать еще одной ошибки теперь. «Вопрос стоит только так, — сказал Бейкер, — покинете ли вы Кувейт добровольно, или вас заставят это сделать силой». Американский посланник пытался убедить иракскую сторону в необходимости немедленно принять условия резолюций ООН и покинуть Кувейт, в противном случае Ирак «окажется перед лицом такой войны, которую он даже себе не представляет. Технологическое превосходство США будет направлено на уничтожение самой возможности Багдада руководить своими войсками». Бейкер пообещал, что в войне «не будет пауз перемирия, чтобы перевести дыхание», что «это не будет второй Вьетнам» и что война «будет вестись быстро и решительно до победного конца»³⁷⁴.

Ответ Азиза на американские доводы был не лишен пафоса: «Моему младшему сыну сейчас 11 лет. Его жизненный опыт связан с войной, с ожиданием иранских воздушных налетов и ракетных ударов. Поэтому война не является чем-то чуждым для нас». Далее иракский министр изложил свое видение перспектив войны: «Вы — держава, которая располагает мощным вооружением. У вас свои оценки эффективности этих вооружений. У вас свои планы, и вы уверены, что если начнете войну с Ираком, вы победите и раздавите нас. Мы убеждены в обратном. Я искренне и без преувеличений заявляю вам, что 19 миллионов иракцев, включая иракское руководство, убеждены в том, что если война с вами возникнет, мы победим»³⁷⁵.

³⁷³ M.R. Gordon and General B.E. Trainor. *The General's War. The Inside Story of the Conflict in the Gulf*. Little, Brown and Company, 1995. P. 206.

³⁷⁴ Ibid. P. 207.

³⁷⁵ Ibid. P. 208.

Переговоры длились шесть часов, но закончились безрезультатно: стороны не смогли найти общий язык.

Переговоры в Женеве Дж. Буш назвал «последней попыткой пройти еще одну милю во имя мира». Немедленно после окончания переговоров в Женеве Дж. Буш выступил перед журналистами у себя в Белом доме. Он был крайне разочарован и в определенном смысле обижен: Т. Азиз отказался даже принять послание американского президента иракскому лидеру. Это была пощечина Вашингтону. В ответ Буш, стараясь «сохранить лицо», отметил: «Я послал госсекретаря Дж. Бейкера в Женеву не для того, чтобы вести переговоры, а для поддержания контактов; я хотел бы, чтобы иракские лидеры знали, насколько серьезно мы настроены в том, чтобы иракские войска покинули Кувейт без всяких условий и задержек»³⁷⁶.

В заключение своего короткого обращения к прессе Дж. Буш заявил, что он «еще не отказался от мирного разрешения конфликта», что «еще не поздно» предпринять шаги к миру. Однако сделать это должен Саддам Хусейн. Американский президент проинформировал о своих постоянных телефонных контактах с главами государств-союзников по коалиции. О Советском Союзе он не обмолвился ни словом, равно как и высокопоставленные представители США и Ирака на переговорах в Женеве.

Ирак воспринял итоги женевской встречи по-другому. Принимавший в ней участие брат Саддама Хусейна — Барзан Такрити — позвонил в Багдад и сказал: «Американцы не хотят воевать. Они хотят „заболтать“ дело. Они слабы». Саддам услышал то, что он хотел услышать, и поверил в сказанное. Это было крупнейшей стратегической ошибкой С. Хусейна.

Буквально накануне войны, в январе 1991 г., иракский президент в одной из своих речей заявил: «Американцы придут сюда, чтобы продемонстрировать акробатические трюки, подобные тем, что показывают в фильмах о Рэмбо. Но здесь они столкнутся в реальной обстановке с народом, который будет сражаться с ними. Мы — народ, который имеет восьмилетний опыт ведения войны, опыт боевых действий».

Накануне истечения срока ультиматума Совета Безопасности ООН С. Хусейн посетил части иракской армии, развернутые на границе с Саудовской Аравией, и заявил о «полной уверенности в победе».

15 января 1991 г. стало последним мирным днем в регионе Персидского залива. Ирак не выполнил требований резолюции Совета Безопасности ООН 678, применение силы в отношении него становилось законным с точки зрения международного права.

К этому времени в зоне Персидского залива была создана мощнейшая группировка многонациональных сил общей численностью 680 тысяч человек, из которых 415 тысяч являлись американскими военнослужащими. Им противостояли 545 тысяч иракских солдат, успевших к тому времени «закопаться в землю», создать мощную систему обороны вдоль всей границы с Саудовской Аравией.

Война была неизбежна, вопрос заключался лишь в том, когда грянут первые залпы. Решение должен был принять президент США Дж. Буш.

15 января 1991 г. в 11.00 после совещания со своими советниками в Овальном кабинете Белого дома Дж. Буш подписал директиву, санкционирующую удар по Ираку в 2.30 ночи 17 января, «если на последней минуте не будет дипломатического прорыва».

В конце следующего дня конгресс США и послы союзных государств узнали о принятом решении. Одним из последних проинформирован был Советский Союз. Госсекретарь США Дж. Бейкер позвонил в Москву новому советскому министру иностранных дел А. Бессмертных примерно за час до нанесения удара. Немедленно это известие было доведено до Президента СССР М. Горбачева.

Советский лидер позвонил американскому президенту и предложил предпринять дополнительные шаги — через прямой контакт с Саддамом Хусейном добиться безотлагательного объявления им о выводе войск из Кувейта. Несмотря на явную бесперспективность такого шага, американский лидер, более в угоду общественному мнению, чем реально желая мирного разрешения кризиса, вынужден был согласиться с советской

³⁷⁶ Ibid. P. 176.

инициативой.

Подготовленное от имени М. Горбачева послание было немедленно передано в Багдад, а советский посол получил задачу передать его С. Хусейну. Однако эти действия были напрасными. Советский посол не смог получить доступ к президенту Ирака и был вынужден передать послание министру иностранных дел Азизу уже в бункере, когда американский удар стал реальностью. Воздушная война против Багдада началась.

Ответный ход Вашингтона

17 января 1991 г. в полночь по Гринвичу, когда в Багдаде было около 3 часов ночи, военная машина многонациональных сил была приведена в действие. Мощным авиационным и ракетным ударам подверглись иракские военные и экономические объекты, узлы коммуникаций, центры по производству ядерного, химического и биологического оружия, пусковые установки ракет класса «земля-земля». Операция «Щит пустыни» американских вооруженных сил переросла в операцию «Буря в пустыне».

Первый удар многонациональных сил производился в два эшелона. Крылатые ракеты морского базирования «Томагавк» были запущены с американских боевых кораблей в Персидском заливе с дальности 1100 км. Главными целями для 14 ракет стали ядерные, химические и бактериологические центры Ирака. Одновременно с ними взмыли в воздух 27 истребителей-«невидимок» F-117, созданных на основе технологии «Стеле». Вслед за этим бомбардировщики с больших высот и дальних дистанций ударили крылатыми ракетами по артиллерийским и ракетным средствам ПВО Ирака, его аэропортам и авиационным базам.

Во втором эшелоне первого авиационно-ракетного удара приняли участие бомбардировщики и истребители-бомбардировщики многонациональных ВВС.

К вечеру первого дня войны авиация союзников совершила 1300 самолето-вылетов, при этом ее потери составили всего два самолета. К исходу четвертых суток войны, 20 января, авиация многонациональных сил совершила 4 тысячи самолето-вылетов, потеряв в общей сложности 10 самолетов, из которых 6 были американскими³⁷⁷.

В ответ на американские авиационные и ракетные удары в ночь с 17 на 18 января Ирак нанес удар по Израилю ракетами «Скад» класса «земля-земля», выполнив тем самым свою угрозу в отношении этого государства. В последующие дни ракетные удары со стороны Ирака наносились не только по Израилю, но и по соседней Саудовской Аравии. Мобильные пусковые установки передвигались от одного укрытия к другому, поэтому американской разведке было трудно засечь их. За первую неделю войны Ирак выпустил 25 ракет, за вторую — 18 и за первую половину третьей недели — 4 ракеты.

Что же представляли собой иракские «Скады»?

Ракета «Скад — Б» — это модернизированный вариант советской жидкостной ракеты Р-300, принятый на вооружение в нашей армии еще в 1962 г. Эти ракеты были созданы советскими специалистами на основе технологии фашистских ракет «Фау-2» и предназначались для поражения целей на дальности до 300 км. Вес фугасной боеголовки 700 кг. В начале 80-х гг. в СССР на вооружение были приняты новые ракеты Р-400 (по западной классификации SS-23), а партию Р-300 — по разным оценкам, от 500 до 800 единиц — Советский Союз продал Ираку. На их базе при научной и технической помощи Великобритании, Франции, Германии, Италии и Бразилии (но не СССР!) Багдад создал ракеты «Аль-Хусейн» с дальностью пуска 625 км и «Аль-Аббас» с дальностью 870 км. Теперь новые иракские ракеты могли поражать цели практически в любой точке Ближнего Востока, правда, точность попадания значительно снизилась: круговое вероятное отклонение составило 1,5—2 км. Из-за большой разрушительной силы при низком технологическом уровне западные специалисты метко окрестили эти иракские ракеты «опасными динозаврами»³⁷⁸.

³⁷⁷ Попов И.М. Буря в пустыне// Под знаком Марса. М.: Знание, 1992. №4—5. С. 19—20.

³⁷⁸ Там же. С. 20—21.

Уже 17 января, когда первые самолеты и крылатые ракеты США устремились к целям в Ираке и оккупированном Кувейте, началась крупномасштабная переброска американских войск вдоль саудовско-кувейтской границы из приморских районов на запад. Иракская сторона не ожидала таких действий. Отсутствие у Багдада авиационной и технической разведки позволило американцам скрытно осуществить стратегическую переброску войск на западный участок фронта, где иракцы их не ожидали.

Ко второй декаде февраля 1991 г. американские войска и части других стран антииракской коалиции были полностью готовы начать наземные боевые действия для достижения окончательной победы в войне.

Именно в эти дни Советский Союз предпринял последнюю акцию по мирному разрешению кризиса. Советский министр иностранных дел А. Бессмертных встретился со своим иракским коллегой Т. Азизом в Москве, и по итогам этой встречи СССР 22 февраля 1991 г. выступил с очередным мирным предложением. Официальный представитель М. Горбачева — В.Н. Игнатенко — сформулировал шесть основных согласованных с Багдадом пунктов перемирия. Ирак соглашался выполнить условия резолюции 660 Совета Безопасности ООН; начать вывод своих войск на следующий день после прекращения огня на суше, в воздухе и на море; вывести свои войска из Кувейта в течение 21 дня, а войска из столицы — в течение 4 дней. Кроме того, как отмечалось в советском предложении, «как только вывод войск будет осуществлен, все резолюции Совета Безопасности ООН утрачивают силу, так как причины для них будут устранены». Далее, Багдад соглашался освободить и репатриировать всех военнопленных в течение трех дней после прекращения огня и окончания военных операций. И, наконец, шестым согласованным с Саддамом Хусейном советским условием было следующее: «Контроль и наблюдение за прекращением огня и выводом войск будут осуществляться наблюдателями или миротворческими силами, как то определит Совет Безопасности»³⁷⁹.

Вашингтон был крайне удивлен такой постановкой вопроса. Судьба Ирака была уже предрешена: воздушная война деморализовала вооруженные силы и население этой арабской страны, на ее границах стоит огромная, самая современная армия мира, а ее лидер вместо безоговорочной капитуляции пытался через посредство Москвы «закончить войну красиво». В Вашингтоне мгновенно поползли слухи — Москва хочет во что бы то ни стало спасти Саддама.

Дело в том, что военная машина союзников уже начала работать, войска многонациональных сил уже получили боевые задачи. Морально-психологическое состояние войск антииракской коалиции было высочайшим. В Белом доме и Пентагоне считали, что пришло время решительных действий. Каждая пауза в этот момент была объективно на руку иракской стороне. В то же время Вашингтон не мог не отреагировать на советское мирное предложение: мировое общественное мнение было важно для американской стороны.

В ответ на советское предложение президент США Дж. Буш выступил 22 февраля с заявлением, в котором в достаточно спокойной, но твердой манере «поставил Саддама на место». Джордж Буш, в частности, отметил, что выдвижение Багдадом предварительных условий для разрешения кризиса является нарушением резолюции 660 Совета Безопасности ООН, требующей «немедленного и безоговорочного вывода» иракских войск.

Конкретный ответ на советско-иракскую инициативу прозвучал в тот же день из уст пресс-секретаря американского президента М. Фитцуотера: «Первое, Ирак должен начать широкомасштабный вывод из Кувейта к полудню нью-йоркского времени в субботу 23 февраля. Ирак должен завершить вывод своих войск из Кувейта через неделю. С учетом того факта, что Ирак вторгся и оккупировал Кувейт в считанные часы, любой срок, длившееся указанного, от начала вывода войск не будет отвечать требованию „немедленности“, оговоренному в резолюции 660.

В течение первых 48 часов Ирак должен вывести все свои войска из столицы Кувейта и

³⁷⁹ The Gulf War Reader. History, Documents, Opinions. Ed. By Micah L. Sifry and Christofer Cerf. N.Y., 1991. P. 345.

позволить достойное возвращение туда законного правительства Кувейта...»³⁸⁰

Далее в заявлении американской стороны оговаривались сроки и условия возвращения пленных, ликвидации минных полей. США гарантировали не наносить удары по уходящим иракским войскам. Если американские условия, как подчеркнул Фитцуотер, не будут приняты, многонациональные войска приступят к выполнению резолюции 678.

Фактически заявлением от 22 февраля Вашингтон ставил перед Багдадом окончательный ультиматум. Ответа на него из Ирака не последовало. Москва не смогла убедить Саддама Хусейна смириться. Скорее он просто не стал слушать советскую сторону, от которой, кроме слов, он получить ничего не мог.

В ночь с 23 на 24 февраля 1991 г. наземная операция многонациональных сил началась.

Рано утром в воскресенье 24 февраля 1991 г. части и соединения многонациональных сил сосредоточились в исходных районах для наступления по всей 500-километровой линии соприкосновения с иракскими войсками. Накануне наземной операции американская 82-я воздушно-десантная дивизия и французская 6-я легкая бронетанковая дивизия совершили 500-километровый марш по пустыне с правого на левый фланг.

В первые же часы наступления союзников была проведена крупнейшая в истории аэромобильная операция, в которой приняли участие части 101-й воздушно-штурмовой дивизии США. Вертолеты «Чинук» перебросили в глубь Юго-Восточного Ирака 4 тысячи десантников с техникой и вооружением.

В центре оперативного построения войск многонациональных сил действовали соединения и части сухопутных войск США, Великобритании, Саудовской Аравии, Египта и Сирии. Основу их наступательной мощи составлял 7-й армейский корпус США, переброшенный из Западной Европы, в составе 1-й и 3-й бронетанковых, 1-й пехотной (механизированной), 1-й кавалерийской (бронетанковой) дивизий, а также двух бронекавалерийских (разведывательных) полков, отдельных частей и подразделений. В общей сложности в 7-м корпусе насчитывалось около 3 тысяч танков и 4 тысячи бронемашин³⁸¹.

Совместно с американскими дивизиями в первом эшелоне построения многонациональных сил находились также 1-я бронетанковая дивизия английской армии, две дивизии египетской армии и сирийская 9-я бронетанковая дивизия. Главную ударную силу многонациональных войск составляли танки: американские М-1, М-1А1, английские «Челленджер», а также сирийские Т-62 советского производства.

Вся мощь фронтального удара многонациональных сил обрушилась на «линию Саддама» — оборонительные сооружения, протянувшиеся вдоль саудовско-кувейтской границы. Из бетона и песка были сооружены оборонительные валы и стены высотой до 12 метров. Вслед за ними располагалась полоса рвов и канав, которые в случае необходимости могли быть заполнены нефтью и подожжены, а также целая система бетонных ловушек для танков. В глубине имелись многокилометровые поля колючей проволоки и почти 500 тысяч мин различного назначения.

В ходе воздушной стадии войны иракские дивизии первого эшелона обороны потеряли до 75% своих сил и средств. Когда начались наземные действия союзников, иракцы практически не оказали сопротивления.

Массовая сдача в плен иракских войск началась почти сразу после прорыва их обороны. К исходу третьего дня наземных боев численность пленных достигла уже 30 тысяч человек.

Однако Багдад в официальных сводках полностью отрицал факты сдачи в плен своих солдат. Саддам Хусейн в выступлениях по радио по-прежнему призывал народ и армию «истреблять сатанинские полчища захватчиков». Но ни заклинания, ни угрозы уже не могли поднять моральный дух иракских солдат.

В ночь с 25 на 26 февраля багдадское радио передало сообщение: «Иракским вооруженным силам отдан приказ в организованном порядке отойти на позиции, которые они

³⁸⁰ Ibid. P. 351—352.

³⁸¹ Попов И.М. Буря в пустыне// Под знаком Марса. М.: Знание, 1992. № 4—5. С. 29—30.

занимали 1 августа 1990 г.». С. Хусейн направил в адрес советского лидера М. Горбачева письмо, в котором просил «приложить срочные усилия для принятия резолюции Совета Безопасности ООН по прекращению огня». В этом послании и в официальном заявлении в Совет Безопасности Багдад сообщал о готовности выполнить резолюцию 660, однако обо всех последующих резолюциях ООН речи не шло.

Вашингтон увидел в готовности Саддама Хусейна вывести войска с территории Кувейта не более чем политическую игру, попытку спасти армию от полного окружения и уничтожения. Поэтому многонациональные силы продолжали операцию «Буря в пустыне» в соответствии с утвержденным планом.

О том, что военное поражение не образумило С. Хусейна, свидетельствует его обращение к нации от 26 февраля 1991 г., в котором он, в частности, сказал: «Сегодня наши героические войска уйдут из Кувейта... Соотечественники, я аплодирую вашей победе. Вы противостояли 30 странам и тому злу, которое они принесли сюда. Вы, доблестные сыны Ирака, противостояли всему миру. И вы одержали победу... Сегодня особые условия заставили иракскую армию отступить. Нас вынудили к этому обстоятельства, включая агрессию 30 государств и их ужасную блокаду. Но с нами остались надежда и решимость в душах и сердцах... Как сладка победа!»³⁸²

Утром 27 февраля 1991 г. над столицей Кувейта городом Эль-Кувейт под звуки национального гимна был поднят государственный флаг. И хотя военные действия на некоторых участках фронта еще продолжались, война в принципе была закончена: многонациональные силы ограничились в своих действиях восстановлением линии границы между Кувейтом и Ираком и не стали переносить военные действия своих наземных сил на территорию собственно Ирака.

2 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию 686, в которой формулировались условия для установления мира в зоне Персидского залива. Согласно этому документу иракское руководство должно было безоговорочно принять все двенадцать предыдущих резолюций по кризису в заливе. Кроме того, Ирак был обязан: отказаться от любых действий, направленных на аннексию Кувейта; признать свою ответственность за ущерб, причиненный Кувейту и третьим странам в результате агрессии в отношении Кувейта; немедленно освободить всех граждан кувейтской и иной национальности; немедленно начать возвращение всего имущества, захваченного в Кувейте; прекратить враждебные или провокационные действия своих войск в отношении многонациональных сил; назначить военных представителей для обсуждения вопросов прекращения враждебных действий с многонациональным командованием; обеспечить немедленный доступ к военнопленным и их освобождение; представить всю информацию и оказать содействие в обнаружении иракских мин, мин-ловушек и других взрывных устройств, а также химического и бактериологического оружия в Кувейте и тех районах Ирака, где находились многонациональные силы.

Переговоры об условиях перемирия между командованием многонациональных сил и иракским военным командованием состоялись 3 марта в населенном пункте Вафван. В них приняли участие командующий многонациональными силами американский генерал Н. Шварцкопф и главнокомандующий межарабскими силами саудовский принц Халед бен Султан. Иракскую сторону на переговорах представлял генерал Султан Хашем Ахмед.

Ирак принял резолюцию Совета Безопасности ООН без каких-либо оговорок и условий на правах проигравшего. В принципе война государств антииракской коалиции против Багдада окончилась. «Буря в пустыне» стихла.

СССР и война в заливе: третий — лишний?

Советский Союз практически с самого начала осудил вторжение иракских войск в Кувейт и принял деятельное участие в поиске политического решения кризиса в Персидском заливе.

Тогда, летом 1990 г. руководство Советского Союза оказалось перед выбором:

³⁸² Там же. С. 32.

поддержать Багдад и войти в конфронтацию с Вашингтоном или присоединиться к усилиям Вашингтона по «наказанию» Багдада. Еще совсем недавно сама постановка такого рода вопроса была абсурдна: верный принципам пролетарского и социалистического интернационализма СССР не мог не поддержать Ирак в борьбе против американского империализма. Однако к концу 80-х гг. ситуация изменилась. Москва заняла позицию военного невмешательства в конфликт и отказалась от прямого участия в военных действиях. Фактически эта позиция была нейтралитетом Советского Союза, однако тем самым вольно или невольно СССР обрекал себя на «второстепенные роли» при послевоенном урегулировании ситуации в регионе. Нейтралитет в принципиальных вопросах, а кризис в Персидском заливе был именно таким вопросом, свидетельствовал о слабости Москвы.

Кризис, разворачивавшийся в зоне Персидского залива на рубеже 80—90-х гг., проходил в переломное для мирового сообщества время. Крах мировой системы социализма, серьезнейший социально-политический и экономический кризис в Советском Союзе фактически лишали СССР статуса «активного игрока» на внешнеполитической арене. Политическое руководство Советского Союза оказалось не способным и не желающим отстаивать статус не только «сверхдержавы», но даже и просто «великой державы». Стратегическое отступление СССР на внешнеполитическом поле, «сдача» своих друзей и союзников, полная утрата политической воли руководством государства, потеря координат и векторов геополитического развития явились внешними признаками тяжелейшего поражения СССР в «холодной» войне. Именно поэтому роль и место Советского Союза в ходе всего кризиса в Персидском заливе и последующего его перерастания в стадию вооруженного конфликта были несущественными.

Москва не только не смогла четко и весомо артикулировать свою позицию по ситуации в регионе, но оказалась не в состоянии даже выработать единый подход по этому вопросу внутри Кремля. Озабоченный процессами внутреннего политического «брожения», Советский Союз фактически «забыл» своих союзников в регионе и послушно следовал инициативе США. Имевшие место советские мирные инициативы по кризису в Персидском заливе были запоздалыми, наивными и зачастую несерьезными.

Слабость позиции Советского Союза по ситуации в Персидском заливе имела и еще одно очень важное измерение: экономическое. Дело в том, что задолженность Ирака СССР главным образом за поставки оружия на конец 1989 г. составляла 3 млрд 796 млн рублей. По другим оценкам, долг Ирака Советскому Союзу достигал 6 млрд долларов. Выступая в сентябре 1990 г. в Верховном Совете СССР, министр иностранных дел Э. Шеварднадзе признал, что «только в текущем году мы недополучим из Ирака и Кувейта валюты и нефти примерно на 800 млн долларов». Военный разгром Ирака и последовавшие затем внутривнутриполитические события в этой стране отодвинули возможность получения задолженности от Багдада на неопределенное время.

Помимо прямых экономических потерь, которые понес Советский Союз в результате военного поражения Ирака, под вопрос была поставлена политика Москвы на рынке вооружений как в регионе, так и мире в целом. С учетом того, что 53% всех вооружений Ирака составляли советские образцы военной техники и оружия, вооруженный конфликт в заливе являлся и своеобразным соревнованием американской и советской военной техники. США победили, значит, в глазах многих потенциальных покупателей на рынке вооружений американское оружие лучше советского. Несмотря на всю абсурдность такого вывода, этот тезис активно развивался Вашингтоном и в ходе конфликта, и впоследствии.

В целом кризис в Персидском заливе 1990—1991 гг. стал последним крупномасштабным вооруженным конфликтом эпохи «холодной» войны и одновременно первым широкомасштабным конфликтом новой эпохи, характеризующейся военно-политическим доминированием на мировой арене Соединенных Штатов Америки. Распад СССР как главного военно-политического противника США означал вступление мира в качественно новое состояние. США как единственная оставшаяся «сверхдержава» брали на себя функции «мирового полицейского» и считали себя вправе диктовать свою волю другим странам.

Именно в период кризиса 1990—1991 гг. в Персидском заливе шла практическая отработка новой модели военно-политического поведения Вашингтона на мировой арене. Впоследствии эта модель реализовывалась уже в Европе — в Югославии.

Одной из главных существенных черт военно-политической обстановки в мире с окончанием «холодной» войны стало ослабление роли ООН как международной организации и подмена ее военно-политическим блоком НАТО. С учетом того, что НАТО находится под фактическим контролем США, речь идет о завуалированной форме установления военно-политического доминирования Вашингтона в различных регионах мира и в целом на глобальном уровне. Это в полной мере подтвердили события последнего десятилетия ушедшего XX в.

Глава 16. И снова Югославия

Превратности исторической судьбы

Одна из последних исторических драм на исходе XX в. вновь разразилась в Югославии. На этот раз она была связана с резким ослаблением социалистического блока и изменением сложившегося баланса сил и сфер влияния в Европе.

У многих людей, проживавших в то время в других социалистических странах, Югославия представлялась неким островком благополучия, особым «европейско-средиземноморским» миром. До конца 80-х гг. югославская федерация казалась образцом решения межнациональных отношений. Она олицетворяла мир и согласие между народами на фоне прекрасных пейзажей и общей благоустроенности.

Но наступил момент, когда оказалось — югославское «единство» всего лишь видимость. Хрупкость Югославии как государства с самого начала была предопределена неудачным послевоенным устройством страны. После Второй мировой войны с согласия международного сообщества Югославия была «скроена» по произвольным, а не по исторически обусловленным меркам. И превратилась, вследствие этого, в искусственное государственное образование.

Объединение Югославии произошло под воздействием личного авторитета хорвата И. Тито и Коммунистической партии Югославии. Вновь созданное государство мало чем отличалось от сконструированного на обломках Австро-Венгрии в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Идея югославянского единства, опиравшаяся главным образом на культурные связи и ожидания социалистического «чуда», не смогла надолго укорениться в душах людей. Слишком различны были исторические судьбы наций и народностей, составивших тело югославской федерации.

На первый взгляд, сербы и хорваты имели немало общего. Прежде всего практически общий язык с разницей в алфавите: у одних латиница, у других кириллица. Но это несущественное различие на самом деле явилось следствием расходящихся исторических судеб двух народов.

Сербия формировалась под влиянием Византии, откуда к ней пришло православие. К концу XII в. она стала независимым государством, а при Стефане Душане (1331—1355 гг.) — даже империей. После поражения на Косовом поле (1389 г.) Сербия попала под иго Турции, распространившей свою власть на всю территорию бывшей Византийской империи. Лишь в начале XIX в. сербы после неоднократных попыток осуществили успешное восстание (1806—1815 гг.), свергли турецкое иго, а затем с помощью России Сербия стала первым суверенным государством, освободившимся от османов.

Мечты об освобождении, появившиеся у южных славян Хорватии и Словении в период революции 1848 г., осуществились лишь в 1918 г. Объединившиеся в Югославии народы с самого начала оказались в зависимости от сербской монархии, навязавшей им свое централизованное правление. О порядках, царивших тогда в стране, свидетельствует тот факт, что в 1928 г. три депутата-хорвата, известные как сторонники независимости Хорватии, были застрелены прямо в белградском парламенте. В 1929 г. после установления личной диктатуры короля Александра сербы открыто выступили в роли лидера югославских народов, жестко

реагируя на проявление любого вида сепаратизма.

Диктатура явилась свидетельством того, что парламентский путь разрешения национальных противоречий оказался малоэффективным и уступил место административно-силовому их урегулированию. В ответ в 1930 г. хорват А. Павелич основал в Австрии организацию усташей, поставившую своей целью создание независимого хорватского государства. В 1935 г. усташа убили в Марселе короля Югославии Александра. Независимое хорватское государство во главе с А. Павеличем было создано Гитлером в 1941 г.

Югославия находилась под германской оккупацией с 1941 по 1945 гг. Оккупация не только не привела, как должно было бы произойти, к консолидации югославского сообщества, а напротив, обострила существовавшую национальную напряженность и превратила этнические и религиозные противоречия в антагонизм.

Государство усташей приступило к так называемой «хорватизации» сербских районов. В ходе этой акции, по оценке сербов, усташа уничтожили сотни тысяч их соплеменников. После освобождения территории Югославии сербы в свою очередь репрессировали немало хорватов. Противостояние в Югославии в тот период определялось далеко не только одним этническим фактором. На стороне партизан Сопротивления, помимо сербов, воевало немало хорватов. И наоборот, сербы-четники, сторонники короля, на завершающем этапе войны фактически сражались под руководством немецкого командования.

Югославское государство как федерация 6 республик (Сербия, Черногория, Хорватия, Босния и Герцеговина, Словения, Македония) и 2 автономных краев (Косово и Метохия; Воеводина) в целом благополучно просуществовало до 1991 г.

Ради приглушения национальных противоречий межреспубликанские границы были определены в ущерб Сербии. В выгодном положении оказалась Хорватия, получившая значительную часть Адриатического побережья. Характерным примером в этом отношении стала ситуация с Военной (сербской) Крайней. Ее территория традиционно простиралась не только на территорию нынешней Хорватии, но Боснии и Герцеговины.

До 1941 г. Краина никогда не входила в состав собственно хорватских земель. В тот период она представляла соединение нескольких бановин унитарного королевства югославов. После Второй мировой войны Сербская Краина была полностью включена в состав Хорватии. В целом же сербы и хорваты оказались расселенными по всей территории Югославии: 24% сербов и 22% хорватов стали проживать вне своих республик. При этом сербское меньшинство в Хорватии (12%) компактно расселилось в ряде районов республики, особенно вдоль ее подковообразной границы с Боснией и Герцеговиной.

Тлеющая конфликтность межреспубликанских отношений обуславливалась тем, что границы между федеральными единицами в Югославии не имели характера государственных и не пользовались международным признанием. Более того, в Югославии отсутствовал какой-либо правовой акт, в котором были бы закреплены межреспубликанские границы.

После смерти в 1980 г. И. Тито, который твердой рукой поддерживал порядок в стране, Югославию медленно, но неизбежно стал достигать процесс дезинтеграции. Система многонациональных коллективных федеральных президиумов и межрегионального консенсуса, который требовался для принятия большинства центральных решений по условиям Конституции 1974 г., превратилась в разноголосое непримиримое вече. День за днем Белград лишался полномочий, авторитета и власти.

Эскалация развала

Новое дыхание югославскому кризису придало стремительное падение влияние компартии. Она была уже не в состоянии поддерживать все более призрачное югославское единство. В январе 1990 г. Союз коммунистов Югославии на своем последнем XIV съезде распался на национальные партии. Первые выборы на многопартийной основе в двух республиках — Словении и Хорватии — прошли уже в апреле 1990 г. В ходе этого процесса фактически заблокированной оказалась деятельность Президиума и Скупщины СФРЮ, что придало распаду Югославии неконтролируемый характер.

Первоначальные надежды на возможность нового федеративного или конфедеративного

устройства страны все более уступали место стремлению республик выйти из Югославии любой ценой.

Последние попытки договориться закончились провалом. Сербия отстаивала идею сохранения Югославии, склонна была принять и умеренный вариант Югославии, но при условии, что все сербы будут жить в новом государстве. При непоколебимом желании Словении и Хорватии отделиться от Югославии в ее составе могли бы остаться Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина. Однако осенью 1991 г. «Белградскую инициативу по мирному и демократическому решению югославского кризиса» поддерживали всего 3 республики, сузив тем самым «усеченную» Югославию до Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины. При этом последняя занимала достаточно сдержанную позицию, а позже и вовсе отказалась войти в новую Югославию.

Из информационной записки ЦРУ американскому президенту, составленной в ноябре 1990 г., следовало: «Югославский эксперимент закончился провалом... страна распадется в течение последующих 18 месяцев, и, по всей вероятности, это будет сопровождаться насилием и столкновениями на этнической почве, которые могут привести к гражданской войне».

Распад страны произошел еще быстрее, чем предсказывалось в этом достаточно точном прогнозе.

25 июня 1991 г. Словения и Хорватия провозгласили независимость. На свой страх и риск, потому что далеко не все в Европе поддерживали в тот момент этот акт. В частности, два таких мощных «игрока» на европейской политической сцене, как США и Франция. США самим пришлось пережить ожесточенную гражданскую войну ради сохранения федерализма в собственной стране³⁸³. В свою очередь имперский опыт Франции, ее попытки противостоять процессу деколонизации собственной империи (особенно горький опыт борьбы с Алжиром) не вдохновлял Париж на признание новообразованных государств. Министр иностранных дел Франции Р. Дюма по этому поводу выразился более чем определенно: «... признание независимости Хорватии и Словении может подлить только масло в огонь»³⁸⁴.

Франция и Великобритания в связи с происходящими событиями всерьез опасались роста влияния Германии, которая настаивала на скорейшем признании независимости Хорватии и Словении. Это возбудило подозрение, что Германия стремится «выстроить» если не своего рода Четвертый Рейх, то по крайней мере создать сферу доминирующего политико-экономического влияния, простирающуюся от Балтики до Адриатики.

Первые вооруженные столкновения

Форсированное строительство суверенности в Словении и Хорватии не могло не привести к вооруженным столкновениям. Уже 27 июня началась т.н. «война в Словении». Поводом для нее стало вступление в Словению югославской народной армии (ЮНА). Предлогом стала необходимость охраны внешней границы Югославии (на Словению приходится 650 км внешней границы Югославии, включая итальянский и австрийский отрезки).

Югославская армия была встречена огнем словенских сил территориальной обороны. Последние оказались на удивление хорошо оснащенными, в том числе противотанковым оружием и артиллерией. Они были достаточно многочисленны (около 35 тыс. человек). Успеху словенцев способствовал и ландшафт местности, преимущественно гористой. Это сковывало действия регулярных частей ЮНА, особенно ее бронетанковых сил. Армия увязла в локальных боях, без единой линии фронта. В этих условиях партизанская тактика ведения боевых действий оказалась эффективнее.

7 июля 1991 г. в итальянском городе Брионе между противоборствующими сторонами было заключено соглашение о прекращении огня и направлении в район конфликта группы

³⁸³ Bowie R. and Friedrich C Studies in Federalism /Little Brown and Co.: Boston' Mass., 1954.

³⁸⁴ Riding F. European Community freezes arms sales and aid, New York Times, 6 July 1991, p. A4.

военных наблюдателей ООН. Эта мера, однако, не привела к особому улучшению обстановки. Противостоящие стороны то и дело обвиняли друг друга в нарушении договоренностей. Вместе с тем ни федеральные войска, ни словенские формирования не были готовы к возобновлению вооруженного конфликта.

Белград оказался в более уязвимом положении: Словения, в отличие от Хорватии, не имела общей границы с Сербией. В конце концов Белград был вынужден примириться с мыслью о неизбежности появления на географической карте независимой Словении.

Руководство СФРЮ отдало приказ о переброске своих войск из Словении в Хорватию. Здесь националистическое правительство Ф. Туджмана ускоренными шагами двигалось по «словенскому пути» — в сторону обретения полной государственной независимости. И для этого складывалась благоприятная обстановка.

После июньской войны 1991 г. в Словении ситуация в «европейском концерте» изменилась. Неожиданно сильное и эффективное сопротивление, оказанное словенскими вооруженными формированиями, фактическое поражение югославской армии произвели сильное впечатление в европейских столицах. Уже не только Германия, но и Албания, Австрия, Венгрия, Италия и другие страны сначала осторожно, а потом все более открыто стали выступать за признание независимости Хорватии и Словении. Но в Вашингтоне все еще колебались³⁸⁵.

Сербия в трудном положении

«Хорватский вопрос» уже летом 1991 г. стал для Белграда мучительной головной болью. И не только по соображениям национального престижа. Прежде всего из-за очевидных геополитических потерь. В случае провозглашения Хорватией независимости Сербия оказывалась отрезанной от Адриатического побережья. Это обрекало ее на положение третьестепенного сухопутного государства. Белград не мог на это согласиться. По крайней мере без борьбы.

Вооруженные столкновения в Хорватии начались в мае 1991 г. Первые стычки вспыхнули между полувоенными формированиями Хорватии и отрядами местных сербов. Эти столкновения, несмотря на неоднократно принимаемые соглашения о прекращении огня, приняли хронический характер. Части ЮНА, дислоцированные в Хорватии и попытавшиеся стать «буферной зоной» в кризисных районах, сами оказались втянутыми в конфликт на стороне сербов. В результате началась необъявленная война между Хорватией и ЮНА, фактически — между Хорватией и Сербией. В ответ на блокаду воинских гарнизонов и других объектов военного назначения ЮНА стала прибегать к использованию тяжелого вооружения, включая авиацию и танки.

Загреб, в свою очередь, угрожал тотальной (народной) войной против югославской армии. Угроза носила вполне реальный характер. В ноябре 1991 г. численность вооруженных сил Хорватии достигла внушительной цифры — 110 тыс. человек. Республиканская милиция насчитывала 44 тыс. человек. Боевые подразделения хорватов постоянно пополнялись за счет местного населения и иностранных наемников. Среди них можно было встретить немцев, французов, англичан, румын и даже чернокожих. Многие из них влились в отряды крайне правой т.н. Хорватской партии права (ХПП), возглавляемой Д. Парагой. Кроме того, в республику был разрешен въезд т.н. «черных легионов» усташей. Эти «легионы» сразу «прославились» исключительной жестокостью. Даже на фоне и без этого ожесточенной гражданской войны.

7 сентября 1991 г. под руководством лорда Каррингтона, бывшего Генерального секретаря НАТО, в Лондоне впервые открылась конференция по разрешению югославского кризиса. К этому времени группа военных наблюдателей Европейского Союза (ЕС), направленная для мониторинга военной ситуации в Хорватии, была вынуждена признать провал своей миссии. Миссия констатировала: «Сербские вооруженные формирования при поддержке югославской

³⁸⁵ Kamm H. Looking back and ahead, Austria wins 2 points. New York Times, 19 July 1991, p. A3.

регулярной армии захватили часть территории в Хорватии и тем самым стали еще ближе к контролю над портовыми городами Адриатики».

Бои в Хорватии продолжались. Обе стороны использовали тяжелую военную технику, включая 128-мм реактивные системы залпового огня. Военная удача в целом благоприятствовала сербам. Им оставалось пройти всего 19 км до внешней границы Хорватии. И в буквальном смысле разрезать Хорватию надвое.

Но эти километры оказались непреодолимыми. Противники были взаимно истощены. Ни одна из сторон уже не обладала «пробивной» силой. Соглашение между Сербией и Хорватией о безусловном прекращении огня вступило в силу 2 января 1992 г. Оно было нарушено уже 7 января 1992 г. Едва ли не каждый день происходили ожесточенные стычки, не способные, однако, привести к решающему успеху. В конце концов и Хорватия, и Сербия дали согласие на ввод в зону конфликта миротворческих сил ООН.

15 февраля 1992 г. Генеральный секретарь ООН Б. Гали рекомендовал Совету Безопасности сформировать т.н. Силы Защиты ООН (ЮНПРОФОР) в Хорватии. Основными задачами этих Сил должны были стать:

- а) демилитаризация районов боевых действий;
- б) контроль за ходом выполнения плана урегулирования конфликта;
- в) оказание помощи в создании полицейских сил;
- г) содействие в возвращении репатриированных лиц в родные места и др.

К маю 1992 г. в Хорватии разместилось примерно 14 тыс. миротворческих сил ООН, сведенных в 12 батальонов. Их деятельность вызвала раздражение как у сербов, так и у хорватов.

Последние рассчитывали увидеть в ЮНПРОФОР активную силу, заинтересованную в восстановлении власти хорватского правительства над зонами безопасности. Когда этого не произошло, они стали добиваться этого собственными силами.

22 января 1993 г. началась первая крупномасштабная попытка вооруженных сил Хорватии вернуть территории, захваченные сербами, — Сербскую Краину. Боевые действия развернулись на 150-километровом фронте по южным рубежам Краины. Наступление хорватских вооруженных сил пришлось главным образом на районы, находящиеся под охраной сил ООН. Однако эти силы ничего, кроме острого протеста, предпринять не смогли. Резолюция Совета Безопасности ООН № 802 от 25 января 1993 г., требующая полного прекращения боевых действий, была хорватами проигнорирована.

Особое значение для хорватского руководства имел захват г. Книна. Этот город представлял собой не только крупный стратегический центр, но и «ворота» (прежде всего железнодорожные) в Адриатику. Крупномасштабные военные действия Хорватии были бы невозможны без прямой финансовой и военно-технической помощи Германии. По некоторым данным, в обмен на эту поддержку хорваты пообещали немцам создать режим наибольшего благоприятствования на части Адриатического побережья для развития туристической индустрии.

Хорватское наступление, вопреки благоприятным прогнозам, захлебнулось из-за отчаянного сопротивления сербских солдат. Ситуация оставалась более чем угрожающей. Сербия едва не прибегла к прямому военному вмешательству. Это в свою очередь могло привести к военной интервенции НАТО.

Напряженность спадала очень медленно.

Почти полтора года ушло у хорватского правительства на накопление сил для нового наступления. В январе 1995 г. Загреб в одностороннем порядке объявил о прекращении миротворческой миссии в регионе. Силы ООН должны были покинуть контролируемые территории до 31 марта 1995 г. Объясняя это решение хорватский президент Ф. Туджман заявил: «Процесс интегрирования оккупированных территорий Хорватии в политическую, военную, юридическую и административную систему Федеративной Республики Югославии (Сербии и Монтенегро) продолжается, несмотря на резолюцию Генеральной Ассамблеи 49/43 (декабрь 1994), в которой подтверждалось, что зоны безопасности ООН де-факто являются оккупированными территориями Республики Хорватия».

В тот период уже бушевала война в Боснии и Герцеговине. В европейских столицах росли

антисербские настроения. Демарш Хорватии легко сошел ей с рук.

Зимнее наступление 1994/95 гг. оказалось для хорватов успешным. Они отвоевали желанные территории.

Босния и Герцеговина

Еще более драматическая, даже по сравнению с Хорватией, ситуация сложилась в Боснии и Герцеговине (БиГ). Здесь 20 декабря 1991 г., вскоре после признания Европейским Союзом государственного суверенитета Хорватии и Словении, президент Боснии А. Изетбегович заявил, что Босния и Герцеговина также намерена добиваться независимости.

Боснию и Герцеговину не случайно называли «лоскутной республикой». Здесь до начала гражданской войны проживало 1,3 млн сербов, 758 тысяч хорватов и 1,6 млн мусульман, говорящих по-сербски и по-хорватски.

23 февраля 1992 г. лидеры боснийских сербов, хорватов и мусульман — Караджич, Бобан и Изетбегович — собрались на совещание в Лиссабоне для решения вопроса о будущем конституционном устройстве республики.

На этом совещании посредник Европейского Союза Х. Кутильеро предложил план реструктуризации Боснии и Герцеговины, предполагающий создание трех автономных национальных регионов. В каждом из них проживало бы большинство соответствующей национальности. Камнем преткновения, как и следовало ожидать, стали размеры территории для проживания.

Сербский лидер Р. Караджич, выступая от имени созданной в январе 1992 г. Сербской Республики Боснии и Герцеговины, претендовал примерно на 65% территории республики. Хорваты выдвинули свои притязания на 35% территории БиГ.

При таком раскладе мусульмане оставались ни с чем. Им отводилась роль национального меньшинства. Изетбегович отверг такое «планирование» и стал отстаивать концепцию унитарного мусульманского государства. С предоставлением необходимых гарантий для национальных меньшинств, то есть для сербов и хорватов.

Переговоры шли на фоне пока еще вяло развивающихся военных действий, в ходе которых каждая из этнических общин стремилась явочным порядком закрепить за собой как можно больше территории.

1 марта 1992 г. в Боснии и Герцеговине состоялся референдум, на котором решалось будущее республики. Большинство высказалось за независимость БиГ от Югославии. В апреле 1992 г. независимость БиГ была де-факто признана международным сообществом. И это привело к резкой эскалации войны. Начался силовой раздел территории республики между тремя общинами.

30 апреля 1992 г. (спустя месяц после начала боевых действий в Боснии) Генеральный секретарь ООН Б. Гали направил в республику 41 военного наблюдателя. Это была уже запоздавшая и небезопасная мера.

Уже 6 мая 1992 г. ЕС вывел свою наблюдательную миссию из Боснии (один из наблюдателей миссии в ходе развернувшихся военных действий был убит). Интенсивность боев настолько возросла, что 16 и 17 мая 1992 г. около двух третей личного состава штаба ЮНПРОФОР в срочном порядке, под огнем, было эвакуировано из столицы БиГ — Сараево. Ответственность за эскалацию военных действий была возложена на сербов.

В записке, датированной 13 мая 1992 г., Б. Гали констатировал: «Все международные наблюдатели соглашались: то, что происходит, является согласованной попыткой сербов Боснии и Герцеговины при поддержке... со стороны Югославской народной армии территориально разделить республику вдоль линий компактного проживания национальных общин. Типичным методом для достижения этого стал захват территории военной силы и устраниение не-сербского населения».

Вскоре в эпицентре боев оказалась столица республики. Сараево подвергалось непрерывным обстрелам тяжелой артиллерии. Гибли мирные жители. Обыденным явлением стали перебои с поставками продовольствия. 5 июня 1992 г. ЮНПРОФОР взял под свой контроль городской аэропорт, а затем приступил к организации воздушного моста для оказания

гуманитарной помощи гражданскому населению.

13 августа 1992 г. Совет Безопасности ООН в своей резолюции № 757 предписал использовать все необходимые меры (включая использование военной силы) для обеспечения современных поставок гуманитарной помощи в Сараево и в другие районы республики, где в этом возникает необходимость.

В этой нервной обстановке 26—28 августа 1992 г. состоялась Лондонская (экстренная) конференция под совместным председательством ООН и ЕС. Решения конференции носили в целом антисербский характер и сводились к следующему: вывод боснийскими сербами всей тяжелой артиллерии, размещенной вокруг боснийских городов и складирование их в специально отведенных местах под контролем миротворческих сил ООН; вывод всех сербских вооруженных формирований с незаконно захваченных территорий; соглашение о недопустимости захвата силой какого-либо участка территории; создание условий для поставок гуманитарной помощи; безусловная ликвидация концентрационных лагерей и др.

Выполнение этих требований фактически означало капитуляцию для боснийских сербов. Те категорически отказывались. Месяцем позже на международной конференции по бывшей Югославии в Женеве был предложен новый план урегулирования боснийского кризиса. Он получил известность как план Вэнса-Оуэна. Этот план преследовал цель сохранить единое, многонациональное государство, сочетающее в своей политической и административной структуре черты федерации и конфедерации.

Планом предусматривалось разделение Боснии и Герцеговины на 10 провинций, полиэтнических по своему составу. Сербская, хорватская и мусульманская общности имели бы большинство соответственно в трех провинциях каждая. Город Сараево, столица республики, приобретал статус самостоятельной провинции.

После одобрения ООН план приобрел официальный характер. Теперь дело было за малым — добиться одобрения его всеми противоборствующими сторонами. И сделать это оказалось крайне сложно. Каждый новый день боев в республике прибавлял взаимной ненависти.

К декабрю 1992 г. командование силами ООН в Сараево было вынуждено констатировать: миротворческая миссия терпит провал. Британский генерал Х. Разек, командовавший в тот период силами ООН в Сараево, признал: «Мы не добились никакого прогресса вообще. Ситуация ухудшается... Мы делаем один шаг вперед, и вдруг оказывается, что мы сделали два шага назад».

Полевые командиры ООН все чаще заявляли о том, что не обладают необходимыми политическими полномочиями, а в отдельных случаях и военными возможностями для выполнения своих функций, в том числе по доставке в республику гуманитарной помощи.

Формально ЮНПРОФОР подчинялся непосредственно генеральному секретарю ООН и мог не выполнять указания национальных властей. Однако жизнь, как всегда, оказалась сложнее любых предписанных схем. Наиболее крупные контингенты войск ООН в Боснии были представлены военнослужащими Франции и Великобритании. Англичане и французы доминировали также в командном составе войск ООН. Соответственно французские и английские офицеры имели решающий голос в ходе планирования и выполнения соответствующих операций, несмотря на возражения представителей ООН.

Французский генерал Ф. Морилльон, полевой командир в Боснии, следующим образом объяснил причину этих разногласий: «В Сараево моим единственным боссом (патроном) был Генеральный секретарь Б. Гали, который отдавал мне приказы. Но, как французский офицер, я считал своим долгом информировать обо всем происходящем своего непосредственного начальника адмирала Ланксейда».

Чаще всего британские и французские командиры стремились ограничить миссию ЮНПРОФОР обеспечением доставки гуманитарной помощи. Это спасло жизни десяткам тысяч людей в голодную зиму 1992/93 гг.

Но это не решало главной задачи — прекращение военных действий. Руководство ООН решило прибегнуть к жестким санкциям. Объектом их должны были стать сербы. Хорваты и мусульмане к этому времени согласились на выполнение плана Вэнса-Оуэна.

Под угрозой жестких санкций этот план 2 мая 1993 г. был подписан и сербским руководством во главе с Р. Караджичем. Все наконец облегченно вздохнули. Но 16 мая

сербский парламент в Боснии (г. Пале) принял решение о вынесении плана на референдум. В ходе референдума подавляющим числом голосов он был отвергнут. Ситуация в Боснии вновь оказалась патовой. Во всех бедах теперь публично обвиняли сербов.

Мусульманский лидер А. Изетбегович, воспользовавшись антисербскими настроениями на Западе, заключил военный союз с президентом Хорватии Ф. Туджманом. Это позволило легализовать переброску хорватских регулярных частей в Боснию и Герцеговину и начать совместные наступательные действия на сербские позиции.

Боевые действия в Боснии разгорелись с новой силой. У каждой из сторон были свои сильные и слабые стороны. Боснийские сербы, которых в Боснии звали «четники», были сильны своим тяжелым вооружением. В боснийской мусульманской армии равных себе не знала пехота. Особой яростью в бою отличались мусульмане-санджаки — жители горной области на юге собственно Сербии. Боснийские хорваты были сильны своим командованием.

Все три противоборствующие стороны имели в своем распоряжении танки. Танковые бои, однако, не велись. Танки чаще всего закапывались в землю или использовались в качестве самоходной артиллерии. На полях сражений часто можно было встретиться с образцами техники из далекого, легендарного прошлого, в частности Т-34.

Несмотря на отчаянные усилия, ни одной из сторон не удалось решить свои притязания военным путем. Неизбежным становился переговорный процесс.

21 ноября 1995 г. на базе ВВС США Райт-Паттерсон под г. Дейтон (штат Огайо, США) президенты Сербии, Хорватии и БиГ подписали общее рамочное соглашение о мирном урегулировании конфликта в бывшей Югославии. В Боснии и Герцеговине фактически создавалась конфедерация из Мусульмано-хорватской Федерации и Сербской Республики.

Наступил длительный период восстановления мира в разрушенной и обескровленной республике.

НАТО готовится к прыжку

В Североатлантическом договоре (НАТО) с самого начала внимательно следили за развитием событий в бывшей Югославии, готовясь к собственной миротворческой деятельности в этой стране. Первым шагом в этом направлении стало одобрение новой Стратегической концепции на совещании глав государств-членов НАТО в Риме в 1991 г. В концепции были обозначены основные принципы и условия возможного участия НАТО в проведении миротворческих операций.

Во-первых, новая стратегия исходила из возможности возникновения очагов нестабильности на европейском континенте. Руководство союза пришло к выводу, что НАТО должна обладать способностью по своевременной и эффективной нейтрализации подобных угроз.

Во-вторых, учитывая сложное, нередко многоуровневое содержание современных конфликтов, руководство НАТО приняло решение о реструктуризации своих сил с тем, чтобы увеличить их гибкость и мобильность.

В июне 1992 г. на совещании министров иностранных дел государств-членов НАТО было принято решение о непосредственном предоставлении информационных и силовых возможностей блока для скорейшего урегулирования югославского кризиса. Ресурсы НАТО первоначально предоставлялись ОБСЕ, а позже ООН. На этом этапе НАТО не предпринимала самостоятельных миротворческих действий.

Реальное активное участие в разрешении югославского кризиса структуры НАТО начали с июля 1992 г. Именно с этого периода подразделения НАТО были привлечены к обеспечению режима торгового эмбарго, введенного ООН, а также поддержания режима запрета на полеты в конфликтных зонах.

В июле 1993 г. НАТО стало обеспечивать военно-воздушное прикрытие для многонациональных сил ООН (ЮНПРОФОР), размещающихся в зонах конфликта. В августе 1993 г. руководство НАТО одобрило решение о нанесении воздушных ударов по сербским формированиям, взявших в кольцо Сараево. Сербская сторона оставила часть позиций на командных высотах вокруг Сараево.

После минометного обстрела гражданских целей в Сараево в феврале 1994 г. сербская сторона получила ультиматум от руководства НАТО: или отвести всю тяжелую артиллерию и минометы от Сараево или подвергнуться массированной бомбардировке.

28 февраля 1994 г. авиация НАТО приступила к нанесению серии воздушных ударов по сербским позициям. Эта акция стала поворотным пунктом в боснийском конфликте. Все виды тяжелого вооружения сербов были отведены от Сараево и взяты под контроль наблюдателей ООН.

В ноябре 1995 г. после соответствующего решения, принятого в Дейтоне, в бывшую Югославию была введена 60-тысячная миротворческая группировка НАТО под американским командованием. Этот контингент сначала получил название Сил по выполнению соглашения (СВС), а затем — Сил по стабилизации (СПС).

Миротворческому контингенту пришлось действовать в трудных, приближенных к боевым условиям. В Сараево по-прежнему активно действовали «блуждающие» снайперы. Для борьбы со снайперами в составе миротворческого контингента были созданы подвижные огневые базы. В их состав входили наблюдатели и «охотники за снайперами». С помощью высокоточных приборов наблюдатели в течение секунд могли «засечь» местонахождение стрелявшего снайпера. Сразу же «охотник за снайперами» из 12,7-мм винтовки фирмы «Макмиллан» посылал специальную пулю с разрывным зарядом в глубь того помещения, где был обнаружен снайпер. Другой миротворец прошивал соседние помещения очередями из 20-мм пушки, отрезая возможные пути отхода. Подобный метод борьбы доказал свою эффективность. В целом миротворческий контингент способствовал стабилизации ситуации в Косово.

Следующим крупномасштабным этапом вовлеченности НАТО в югославскую драму стала ее вооруженная акция (точнее, ограниченная война) в отношении Косово, автономном крае в составе Сербии. Вооруженный конфликт вызревал здесь давно из-за непреодолимых противоречий между албанцами и сербами, проживавшими в крае. Албанцы здесь значительно преобладали по численности. Самоорганизовавшееся политическое руководство албанцев выступало за отделение Косово от Югославии. С этой целью была сформирована Освободительная армия Косово (ОАК). Обыденным делом в Косово стали обстрелы югославских военных и полиции, диверсии на дорогах и в городах. Белград, стремясь подавить сепаратистские настроения, усилил свое военное присутствие в крае. Одной из мер стало проведение операций по ликвидации баз ОАК и вытеснение албанцев из Косово. Но было уже поздно. Югославия была слишком ослаблена для проведения столь жесткой политики. И Запад воспользовался этой слабостью.

Весной 1998 г. Белграду было предложено заключить «промежуточное» соглашение, по которому НАТО смогла бы ввести в Косово 30-тысячный контингент для обеспечения демократических выборов. Предусматривалось избрание в Косово собственного парламента и президента. Белград расценил этот документ как откровенное вмешательство во внутренние дела, попытку отделения Косово от Югославии.

Запад заговорил о политике этнических чисток в Косово со стороны Белграда. В феврале 1999 г. в штаб-квартире НАТО был окончательно согласован план действий в отношении Косово. Предполагалось введение в Косово многонационального миротворческого контингента (26 тысяч человек) при одновременном выводе из края основной части югославских вооруженных сил. Белград ответил отказом. НАТО отреагировало силовым сценарием.

Приступая к боевым действиям против Югославии, НАТО впервые столь явно пошло на нарушение принципа невмешательства во внутренние дела суверенного государства (без соответствующей санкции Совета Безопасности ООН).

Происходившее стало прообразом, своеобразной моделью конфликтов третьего тысячелетия — как в политическом, так и военно-техническом отношении. На первом этапе НАТО 24 марта 1999 г. начала против Югославии воздушную наступательную операцию (ВНО). Основным ее содержанием было завоевание абсолютного превосходства в воздухе, уничтожение сербской авиации на земле и в воздухе, блокирование аэродромов и дезорганизация системы ПВО.

С 1 апреля НАТО приступила ко второй фазе операции — подрыву экономической и

транспортной инфраструктуры Югославии, ее изоляции от района боевых действий в Косово. Это достигалось нарушением системы управления, поражением объектов промышленности и инфраструктуры, разрушением государственных и военных систем обеспечения. Удары наносились по мостам, нефтехранилищам, зданиям министерств, гражданским аэродромам, железнодорожным линиям, узлам связи и т.д. Военное руководство СРЮ было поставлено перед сложным выбором: активизировать сохранившуюся часть ПВО (и поставить ее тем самым под удар) или смириться с катастрофическими для национальной экономики потерями.

Несмотря на тяжелые для Югославии последствия, ни первая, ни вторая фаза не привели к достижению запланированных политических целей кампании. Сербь не только не прекратили, но даже активизировали наземные операции в Косово против албанцев. Ручеек албанских беженцев после начала бомбардировок превратился в бурный поток.

НАТО была поставлена перед необходимостью решения третьей и самой сложной задачи — проведение наземной операции. Она неизбежно привела бы к большим потерям натовских войск и имела бы непредсказуемые политические последствия. Однако дипломатическое давление на Белград при деятельном участии России дало к этому времени плоды. Белград пошел на принципиальные уступки. Наземная операция не потребовалась.

Призрак России на Балканах

Политика Москвы в отношении югославского кризиса следовала за резкими, зигзагообразными изменениями ее внутренней и внешней политики в целом. В конце 80-х гг. советское руководство твердо придерживалось позиции: единая Югославия должна быть сохранена при любых обстоятельствах.

Начиная с 1988 г., ряд политических и военных наблюдателей в Советском Союзе высказывали все более усиливающуюся тревогу в отношении событий в СФРЮ. Так, в конце октября 1988 г. газета «Красная звезда» констатировала: «Чрезмерная децентрализация разорвет Югославию на ряд независимых, изолированных островков» в результате так называемого «национального эгоизма». Словенский сепаратизм и растущее сопротивление Косово в отношении Белграда интерпретировались как активизация «антисоциалистических сил, пытающихся взобраться на политическую сцену».

В июле 1991 г. президент М. Горбачев направил в Белград своего специального посланника Ю. Квитшинского. Последний должен был убедить власти Белграда, Загреба и Любляны, что преобразование СФРЮ в какой-либо свободный конфедеративный союз не только нецелесообразно, но и опасно для будущего Югославии. В ходе разговора с премьер-министром СФРЮ Марковичем Ю. Квитшинский прямо заявил: югославский кризис входит в сферу непосредственных интересов Советского Союза.

Советский дипломат подтвердил — советское руководство будет противостоять любым попыткам международного вмешательства в развитие югославского кризиса, наложит вето на любую попытку рассмотреть этот вопрос в Совете Безопасности ООН.

К мнению Москвы в то время еще внимательно прислушивались. За несколько недель до провозглашения Хорватией и Словенией независимости в столицу Югославии прибыл госсекретарь США Д. Бейкер, который проинформировал руководителей республик СФРЮ, что «США и их европейские союзники не признают их в случае одностороннего отделения от СФРЮ и что» в подобных обстоятельствах они не должны ожидать какой-либо экономической помощи³⁸⁶. Хотя Д. Бейкер и не упомянул при этом позицию СССР, было очевидно, что подобная позиция западного сообщества была сформулирована в немалой степени с учетом взглядов советского руководства.

31 июля 1991 г. в ходе визита американского президента Д. Буша в Москву оба президента подписали совместную декларацию, в которой осуждалось насилие в любой форме при попытке разрешения внутrigосударственных противоречий, а также содержался призыв по

³⁸⁶ Friedman. N. Baker urges end to Yugoslav rift: calls on republics to prevent a breakup into 6 states, New York Times. 22 June 1991. P. A1.

безоговорочному соблюдению Хельсинских договоренностей. Это был более чем прозрачный намек на необходимость сохранения территориальной целостности Югославии.

В тот же самый день министерство иностранных дел СССР опубликовало ноту, в которой предшествующее признание государственной независимости Литвы, Хорватии и Словении объявлялось недействительным. Американское правительство не предприняло никакой попытки возразить по существу этой ноты.

После распада СССР в 1991 г. ослабленная, трансформирующаяся Россия в условиях лихорадочного перехода к новым посткоммунистическим структурам политической и экономической власти на фоне острого противостояния различных внутриполитических сил по определению не могла играть заметной, самостоятельной роли в югославских событиях. В целом Москва, за редким исключением, стала двигаться в фарватере западного курса.

Важную роль при этом играл фактор реальной утраты Советским Союзом своего доминирующего положения в Центральной и Восточной Европе.

Сразу после августовских событий 1991 г. Президент России Б. Ельцин, раздосадованный поддержкой Белградом его политических противников в лице ГКЧП, приоритетом своей югославской политики сделал дипломатическое принуждение Сербии к участию в переговорном процессе по дезинтеграции СФРЮ.

На протяжении осени 1991 г. российское правительство периодически выступало с осуждением военных действий Белграда в Хорватии и вслед за решением Европейского Союза признало независимость Хорватии и Словении в декабре 1991 г. Российское руководство также одобрило решение ООН о размещении миротворческих сил в Хорватии, преимущественно в Сербской Крайне, контролируемой сербскими вооруженными формированиями.

В мае 1992 г. Москва поддержала экономические санкции ООН против новой Югославии, мотивируя российскую позицию, министр иностранных дел А. Козырев заявил, что она обуславливалась в первую очередь тем, что «Белград не использовал свое влияние на бывшую Югославскую Народную армию, которая играет ключевую роль в развернувшемся конфликте».

Лишь в августе 1992 г. на Лондонской конференции Москва попыталась сыграть самостоятельную роль и выступить своеобразным посредником между мировым сообществом и СРЮ. К этому времени Запад во многом исчерпал свои ресурсы по урегулированию югославского кризиса. Стала обсуждаться возможность крайних подходов к решению этой проблемы. Просочившаяся из меморандума британского министерства иностранных дел информация свидетельствовала: «Наиболее ценным вкладом русских в происходящее... было их жесткое сопротивление американскому давлению, направленному на снятие эмбарго на поставки вооружения для мусульманской стороны и проведении ряда воздушных ударов против сербов».

Великобритания настойчиво противодействовала этой безумной идее, однако наша позиция была во многом ослаблена необходимостью поддерживать «особые отношения» (с США)... Поэтому было обнадеживающе узнать, что в случае трудной ситуации (что и произошло 29 июня 1993 г.) русское вето станет фактом».

Между тем выплеснулось наружу нарастающее противоречие между исполнительной властью и Верховным Советом России.

В том же августе 1992 г. представители парламентских структур А. Амбарцумян и О. Румянцев отправились с визитом в Белград, где открыто выступили за полномасштабный союз России и Сербии. Амбарцумян при этом сослался на успешный пример просербской политики Греции, которая, по его мнению, сыграла важную роль «в сдерживании исламского реваншизма, угрожающего региону на всем его протяжении от Адриатики до Черного и Каспийского морей».

В декабре 1992 г. российский парламент принял по югославскому вопросу следующие решения: «Россия должна потребовать, во-первых, распространить санкции на все три противоборствующие стороны; во-вторых, использовать право вето в Совете Безопасности в случае, если речь пойдет о вооруженном вмешательстве, и, в-третьих, в двухнедельный срок начать гуманитарные поставки в Югославию».

При этом в последнем пункте ни словом не упоминались специальные структуры ООН, занимающиеся подобными вопросами. Фактически депутаты предложили России действовать в

одностороннем порядке, в обход международных санкций.

Однако, за исключением подобного и ряда других эпизодов, в целом российская дипломатия на Балканах не отличалась особой оригинальностью. Поддержать в одиночку своего «исторического союзника», то есть Сербию и Черногорию, в сколько-нибудь значимой степени Россия была не в состоянии. Самое большое, что могла предпринять Москва, — это время от времени быть своего рода «амортизатором» между СРЮ и мировым сообществом, «гасить» наиболее крайние формы воздействия на Сербию.

Однако уже в апреле 1993 г. Москва вновь совершила очередной дипломатический кульбит в своей югославской политике. В середине апреля 1993 г. состоялось заседание Совета Безопасности ООН, рассмотревшего вопрос об ужесточении экономических санкций против Сербии. Москва поддержала эти решения. Несмотря на то, что к этому времени финансовые убытки России от участия в режиме санкций составили 2 млрд долларов.

Борис Ельцин дал понять, что Москва больше не намерена придерживаться жесткой просербской позиции, а напротив, заинтересована в укреплении сотрудничества с западными партнерами в процессе разрешения югославского кризиса.

Он заявил следующее: «Пришло время для решительных мер с тем, чтобы положить конец конфликту (в Боснии и Герцеговине). Нынешняя ситуация делает особенно необходимым единство постоянных членов Совета Безопасности, Европейского Союза, всех миролюбивых стран и международных организаций... Российская Федерация не будет защищать тех (Сербию), кто поставил себя в оппозицию мировому сообществу».

Однако вскоре Россия, в немалой степени под давлением внутривнутриполитических обстоятельств, продемонстрировала самостоятельность. В феврале 1994 г. Москва в одностороннем демарше сумела добиться отсрочки в нанесении воздушных ударов НАТО по сербским позициям в Боснии и Герцеговине.

Противоречивость российской позиции в целом обуславливалась, с одной стороны, стремлением во что бы то ни стало сохранить партнерские отношения с Западом, а с другой стороны, «сохранить свое лицо», демонстрируя традиционно близкие отношения с Югославией. Эта противоречивость могла быть «снята» только в случае участия России в каком-либо постоянно действующем коллективном органе по урегулированию югославского конфликта.

Этим объясняется горячая поддержка Россией идеи создания Контактной группы (1994 г.), в состав которой входили бы уполномоченные представители Франции, Германии, России, Великобритании и США.

Группа смогла продемонстрировать успешное посредничество, приведшее к прекращению огня между сербами и хорватами в Сербской Краине в марте 1994 г., освобождению аэропорта в Тузле в марте 1994 г.

В 1995 г. настало время для новой главы во взаимоотношениях НАТО и России. Речь шла о замене миротворческих сил ООН (ЮНПРОФОР) в Боснии на натовский эквивалент — Силы по выполнению соглашений (ИФОР), основным предназначением которых являлось обеспечение условий для реализации решений Дейтоновских соглашений.

Данная ситуация создала определенную проблему для Москвы: с одной стороны, попытки самоизоляции России от проводимой миротворческой операции означала по сути дела дипломатический и даже политический уход России из бывшей Югославии, с другой стороны, проведение операции в рамках НАТО поднимало сложный вопрос о характере взаимодействия выделенной российской бригады с командными структурами НАТО. Фактически в Боснии и Герцеговине решался вопрос о будущем российско-натовских отношений в целом.

В конечном итоге было принято достаточно компромиссное решение об относительной самостоятельности российской бригады в рамках проводимой операции. Она должна была действовать совместно с войсками НАТО, но под национальным контролем российского командования.

Поставленные перед ИФОР военные задачи в целом были выполнены. Вооруженные формирования конфликтующих сторон были выведены из 4-километровой зоны от линии разъединения. Из 10-километровой зоны были удалены все тяжелые вооружения и сосредоточены на охраняемых складах. Противоборствующие стороны лишились своих наступательных потенциалов. И это создало условия для относительно быстрого

восстановления мира.

В декабре 1996 г. правопреемником ИФОР стали многонациональные силы по стабилизации (СФОР). Основной их задачей являлось оказание помощи гражданским организациям в восстановлении страны и обеспечении безопасности проведения местных выборов. Россия приняла участие и в этой миротворческой операции. Ее бригада по сей день выполняет задачу в северовосточном районе Боснии.

Российские добровольцы

На протяжении всего внутри югославского конфликта повышенное внимание привлекал вопрос о российских добровольцах. Первые российские добровольцы появились в Боснии с конца 1992 г. И встретить их можно было не только у сербов, но и по «другую сторону баррикад» — в составе хорватских (ушастских) батальонов. На стороне боснийских мусульман к этому времени уже воевало немало арабских наемников.

У сербов российских добровольцев сводили в так называемые Российские добровольческие отряды (РДО) или именные отряды типа «Царские волки». За свой профессионализм и стойкость в боях они впоследствии приобрели широкую известность по всей Югославии³⁸⁷.

Российских добровольцев можно было опознать по кокардам — двуглавым орлам. Многие из них носили черно-желто-белые нашивки и армейскую эмблему «Россия. Вооруженные Силы». Ядро добровольцев, приехавших в Югославию в конце 1992 — начале 1993 г., составили ветераны Приднестровья. Получив там боевое крещение, многие из них впоследствии образовали неформальное братство по оружию³⁸⁸.

Сложный горно-лесистый рельеф местности, большая протяженность линии фронта, слабая насыщенность его войсками и тяжелым вооружением, ограниченные возможности последнего определяли полупартизанский характер боевых действий в Югославии. Российские добровольцы несли потери. Пик их активной боевой деятельности в Хорватии и Боснии пришелся на период конца осени 1992 г. — конца весны 1993 гг. С началом миротворческих операций в этих республиках русских все реже можно было встретить в конфликтных зонах.

Весной 1999 г. с российскими добровольцами можно было столкнуться и в Косово. Но их боевые действия не оставили там сколько-нибудь заметного следа.

Часть вторая. Кризисы «холодной войны»: теория

Межгосударственным отношениям свойственна постоянная конфликтность, которая является выражением, своего рода функцией межгосударственной напряженности, вызываемой очередью столкновением национально-государственных интересов в различных сферах деятельности на международной арене. Каждая из исторически существовавших систем международных отношений развивалась под своим особым «знаком» межгосударственной напряженности.

Так, доминирующим мотивом конфликтного поведения государств и основной причиной кризисов и войн в системе межгосударственных отношений XVI-XVII в. был религиозный евангелизм, в системе XVII-XVIII в. — династическая власть, в системе XIX в. — национализм, после 1917 г., наряду с национальной враждой, главенствующим мотивом становится

³⁸⁷ «Солдат удачи». 1995. №7. С. 14.

³⁸⁸ «Солдат удачи». 1996. №6. С. 16.

политико-идеологическая конфронтация³⁸⁹.

Во многом, однако, эти мотивы являлись производными от коренной, глубинной причины жесткого поведения государств — геополитического соперничества. Большая часть истории человечества разворачивалась в ситуации борьбы за контроль над неосвоенными или уже захваченными территориями, за их недра и богатства.

Вторая половина XX в. проходила преимущественно на фоне противостояния двух беспрецедентных по своей мощи военно-политических блоков, возглавлявшихся СССР и США. Противоборство этих военно-блоковых группировок перестало быть осью основных событий мировой политики лишь после завершения «холодной войны».

Нынешний этап в развитии конфликтных международных отношений во многом напоминает ситуацию, сопровождавшую распад крупных военно-политических империй. Отличием нынешнего исторического времени от процесса распада, к примеру, Австро-Венгерской или Османской империй, является сверхстремительный и во многом управляемый характер.

После того как феномены социалистического содружества и Советского Союза отошли в историческое прошлое, в освободившемся геополитическом пространстве возник целый ряд суверенных государств, которые с присущей молодым социальным организмам политической энергией стали отстаивать свои национальные интересы, часто несовместимые с интересами других государств. Это явилось предпосылкой возникновения целого ряда военно-политических кризисов.

Спектр этих кризисов настолько широк, что имеет в своей основе все известные причины военно-политических кризисов послевоенного периода: межгосударственное геополитическое соперничество, сепаратистские и автономистские движения, территориальные притязания, а также внутригосударственные конфликты и гражданские войны.

Глава 1. Понятие военно-политического кризиса

Конфликтность как *общая черта* межгосударственных отношений основана на объективно существующих социально-экономических, политических и иных противоречиях между государствами и является показателем, «индикатором» степени межгосударственной напряженности.

Кризис возникает вследствие предшествующего развития межгосударственного конфликта, как его острейшая фаза, означающая, что в своем развитии конфликт приобрел опасный характер, а использование широкого спектра экономических, политико-дипломатических, политико-психологических, идеологических, международно-правовых средств для разрешения противоречий не привело к успеху. В отличие от межгосударственных конфликтных отношений, которые имеют, как правило, длительный характер, кризис воспринимается как ряд событий, развивающихся нередко настолько стремительно, что это создает для военно-политического руководства впечатление неожиданности.

Кризис представляет собой поворотный пункт, своеобразный критический рубеж в эволюции межгосударственного конфликта, но не является его обязательной неизбежной фазой. Развитие конфликта доходит до нее далеко не всегда: его течение может длительное время оставаться латентным, не порождая непосредственно кризисных ситуаций. Не всегда является кризис и завершающей фазой конфликта: кризис преодолен, а межгосударственный конфликт на прежней причинной основе в целом сохраняется и возвращается к скрытому состоянию. При определенных обстоятельствах данный конфликт может вновь обнаружиться в кризисах разной степени остроты и масштабности. Соответственно в развитии межгосударственного конфликта иногда присутствует своеобразная цикличность.

³⁸⁹ См.: Доронина Н.И. Международный конфликт. М.: МО, 1991. С. 86.

Основные характеристики кризиса в решающей степени обусловлены его уникальным положением в системе межгосударственных конфликтных отношений, которое с известной долей условности можно обозначить как состояние «между миром и войной». Этот переходный характер кризиса определяет его сложное комбинированное содержание: кризисная ситуация является своего рода нервным узлом, в котором перекрещиваются различные поведенческие типы, характерные как для войны, так и для мирной дипломатии. С одной стороны, в основных своих чертах (причинность, острота протекания, возможные последствия) кризис остается во многом производным от соответствующих характеристик межгосударственного конфликта. С другой стороны, он приобретает, как правило, собственную логику развития, которая в дальнейшем может изменить все течение конфликта и перевести его в вооруженное противостояние.

В отличие от предкризисных конфликтных отношений в кризисе в наибольшей степени выявляются объективные и субъективные противоречия, существующие между государствами, причем экономические, политико-идеологические, территориальные, национальные, правовые, военно-стратегические и иные противоречия, лежащие в основе международного кризиса, приобретают ярко выраженный политический характер. Именно в фазе кризиса основное политическое противоречие достигает наибольшей остроты, раскрывая глубокие (нередко уже забытые) исторические корни разногласий и споров. Соответственно процесс исследования кризисов предполагает всесторонний исторический анализ докризисного развития конфликтных отношений.

Относительная самостоятельность межгосударственного военно-политического кризиса обуславливается также тем, что он в большей степени, чем любая другая фаза международного конфликта, развивается под воздействием субъективных факторов (личность лидеров; степень профессионализма политиков; их способность оценить кризисные события, адекватно прогнозировать возможное развитие ситуации). Важной его особенностью является и активная интернационализация межгосударственного конфликта в целом, что увеличивает вероятность повышения уровня его протекания в системе международных отношений, втягивания в его орбиту новых участников.

К числу сущностных характеристик военно-политического кризиса, по мнению автора, относятся следующие.

Политическая характеристика предполагает, что лежащие в основе кризиса одно или несколько противоречий (экономические, политические, военно-стратегические, национальные, территориальные и др.) в конечном счете приобретают характер острой межгосударственной политической борьбы. Кризисное решение приходится принимать, как правило, в обстановке жесткой внутривнутриполитической борьбы, разногласий между различными ветвями власти, неоднозначного влияния общественного мнения. Военно-политическое руководство страны в процессе принятия решения находится и под воздействием ряда внешнеполитических факторов: важной для участника кризиса и не всегда предсказуемой реакции союзников и недружественных государств, а также ведущих держав мира, различных военно-блоковых союзов, глобальных, региональных, иных межгосударственных или общественных организаций и др.

Не менее важен и «военный» аспект кризиса. Это обуславливается высокой вероятностью перерастания кризиса в вооруженный конфликт вследствие серьезных ошибок и просчетов, допущенных в ходе принятия решений, использованием военных средств, в том числе и в форме ограниченного вооруженного насилия, для принуждения оппонента к уступкам, возможностью утраты контроля над интенсивностью и масштабностью военных мер, их выходом за рамки принудительной кризисной дипломатии и др. Военный аспект характеризуется также непосредственным, а в отдельных ситуациях — решающим участием высшего военного руководства в принятии кризисного решения, которое, как правило, возрастает в связи с различными военными мероприятиями, к которым прибегают противостоящие стороны в ходе кризисной дипломатии.

Основным инструментом принудительной кризисной дипломатии у противостоящих сторон является угроза развязывания широкомасштабного вооруженного конфликта в случае неуступчивости или чрезмерно жесткой позиции оппонента. Эта угроза в ходе своей

реализации может принимать различные формы. К их числу прежде всего относятся *ненасильственные военные меры* (демонстрация военной силы, военные учения или маневры, частичная или полная мобилизация вооруженных сил, передислокация воинских частей, усиление пограничных войск на отдельных участках границы, упреждающее занятие спорных территорий войсками и т.д.), а также *определенные насильственные военные действия* (приграничные столкновения, пересечение границы ограниченными силами, нарушение воздушного пространства и бомбардировка отдельных объектов на территории оппонента, морские и воздушные инциденты, дозированные военные действия и т.д.), которые преследуют цель не развязать вооруженный конфликт, а уstrasшить оппонента, принудить его к политико-дипломатическим уступкам, а в некоторых случаях — проверить его решимость отстаивать свои национальные интересы или взятые на себя обязательства. Применение вооруженной силы в качестве средства кризисной дипломатии находится, как правило, под жестким контролем политиков, стремящихся не допустить возникновения без необходимости полномасштабного вооруженного конфликта. Однако в силу собственной логики развития военных действий такая опасность постоянно присутствует при эскалации кризисной ситуации.

Содержание военно-политического кризиса наиболее полно характеризуют три признака. *Во-первых*, политики осознают, что реальное или потенциальное действие оппонента серьезно угрожает конкретным национальным интересам государства и его международному престижу. Кризис может вызываться одной угрозой, но чаще всего комбинацией подобных угроз. *Во-вторых*, политики осознают, что противостояние угрозе или угрозам, за исключением неприемлемой в большинстве случаев капитуляции, может при наихудшем исходе привести к ограниченному или крупномасштабному вооруженному конфликту. Вероятность войны обуславливает действия политиков в условиях постоянно осознаваемого, возрастающего риска и связанного с этим кризисного стресса. *В-третьих*, политики в ходе кризиса испытывают, как правило, нехватку времени на обдумывание и принятие конкретного кризисного решения, что усиливает политико-психологическое напряжение и может привести к серьезным просчетам в выборе военно-политического курса. Фактор давления времени особенно обостряется в условиях, когда стороны, одна или обе, убеждены в том, что преимущество первого действия может предоставить значительный военно-политический выигрыш. При этом наиболее значительное влияние оказывает скорее не реальная, а воображаемая ограниченность времени. Этому способствует и то, что необходимая информация нередко запаздывает, оказывается неполной для разработки, принятия и осуществления решения, что усиливает неопределенность в оценке обстановки и прогнозирования возможных вариантов ее развития.

Все эти обстоятельства, создавая так называемую «атмосферу кризиса», увеличивают риск неоправданного использования военной силы. В результате межгосударственный политический кризис выходит из-под контроля конфликтующих сторон и теряет управляемость, из-за чего резко возрастает вероятность перехода к вооруженному конфликту.

В развитии военно-политического кризиса намечается ряд этапов, которые в определенной своей части охватывают и стадии предшествующего межгосударственного конфликта. В предкризисный период одна из сторон, как правило, проявляет неудовлетворенность существующим статус-кво, одновременно стремясь изменить его «мягкими» конфликтными методами (предупреждениями, заявлениями, попытками переговорного процесса и др.). За этим следует вызов (вербальное и/или практическое действие), которое воспринимается как угроза конкретным национальным интересам и вызывает противодействие оппонента. Наступает период конфронтации, характеризующийся ростом напряженности и растущим доминированием принудительной стратегии, когда каждая сторона занимает жесткую позицию и пытается добиться преимущества в межгосударственном споре. Этот этап может перерасти в вооруженный конфликт или завершиться деэскалацией — в том случае, когда соотношение сил складывается явно не в пользу одной из сторон или оба участника решают отступить во избежание вооруженного конфликта. Тогда примирительная стратегия становится главенствующей, хотя продолжают сохраняться и некоторые элементы принудительной тактики.

На возникновение и протекание кризиса существенное влияние оказывает ряд факторов и условий: географическое положение страны (размер территории, характер и протяженность

границ, климатическая зона и т.д.), природные ресурсы (включая обеспеченность не только полезными ископаемыми, но и продовольствием), экономический потенциал (валовой национальный продукт, промышленный потенциал, темпы роста производства и производительности труда и т.д.), внешнеторговый и платежный баланс, военная мощь (объем военных расходов, общий военно-технический уровень, количество и качество вооруженных сил, качество командования ими), население (его численность, структура занятости, общая демографическая тенденция), морально-политические факторы (качественная сторона жизни общества, степень морально-политического единства, степень поддержки правительства населением), качество дипломатии (активность, изобретательность, степень ее воздействия на мировое общественное мнение), качество управления страной (сбалансированность политики и ресурсов для ее осуществления, степень согласованности между внутренней и внешней политикой), уровень развития науки и техники, темпы нововведений и т.п.

При этом острые военно-политические кризисы могли возникать как при относительной симметрии, так и при наличии существенных элементов асимметрии в соотношении сил противостоящих сторон. Однако в вооруженный конфликт значительно чаще перерастали кризисы с очевидным асимметричным соотношением сил.

В целом межгосударственный военно-политический кризис может быть определен как наиболее острая фаза предшествующих конфликтных отношений между государствами, характеризующаяся враждебным взаимодействием между правительствами двух и более стран в результате выдвинутой одним из них угрозы важным национальным интересам оппонентов; он происходит в обстановке высоковероятного развязывания вооруженного конфликта или войны, который сопутствует так называемая «атмосфера кризиса»: дефицит времени, предоставленного для принятия кризисных решений; неопределенность обстановки, вызванной прежде всего трудной прогнозируемостью возможных действий оппонента: неполнота, а нередко и противоречивость поступающей информации, что обуславливает высокий уровень стресса, в котором приходится действовать руководству государств-участников.

Сущностные характеристики военно-политического кризиса позволяют отличить его от других межгосударственных кризисных ситуаций, таких как дипломатические кризисы, проявляющиеся в направлении жестких дипломатических нот, выдворении ряда дипломатических сотрудников зарубежной страны и даже в разрыве дипломатических отношений. В отдельных случаях дипломатический кризис является лишь одним из проявлений назревающего военно-политического кризиса. Однако нередко дипломатический кризис проходит без военно-политических последствий и завершается постепенной нормализацией двусторонних отношений. Причиной этого является, как правило, неравенство в соотношении государственной мощи оппонентов, отсутствие выгод от ухудшения двусторонних отношений, не столь высокая значимость проблемы, вокруг которой возник межгосударственный спор и др.

В ряду кризисных ситуаций выделяются собственно политические кризисы. Они могут быть вызваны изменениями внешнеполитического курса одного из государств, способными привести к пересмотру ранее заключенных межгосударственных договоров или к выходу из различных региональных организаций; отдельными военными и политическими акциями, рассматриваемыми как недружественные, и т.д. Однако в тех случаях, когда возникшие разногласия удастся урегулировать политико-дипломатическими средствами, возникшие кризисные ситуации не приобретают характера военно-политических. То же самое может быть сказано и об иных межгосударственных кризисах, например, экономических.

Недостаточная разработанность отечественной теории вооруженных конфликтов и войн, конфликтологии в целом явилась причиной того, что до сих пор не выявлены критерии отличия военно-политического кризиса от вооруженного конфликта. Бытующее мнение о том, что кризис завершается с «первым выстрелом», является поверхностным и упрощенным. Военные действия в той или иной степени составляют неизбежную компоненту подавляющей части военно-политических кризисов. Однако в отличие от вооруженных конфликтов они часто принимают ненасильственную форму, выступая в виде демонстрации военной силы. Но даже в том случае, когда военные действия приобретают насильственную форму, в обостряющемся межгосударственном противостоянии им стремятся придать дозированный, подчиненный, косвенный характер.

Поскольку военные действия в ходе кризиса применяются прежде всего как средство давления на оппонента с целью добиться от него уступок или капитуляции по спорным вопросам без вооруженного конфликта или войны, именно на этой стадии нередко обостряются отношения между политическим и военным руководством страны, прежде всего из-за расходящегося функционального предназначения государственных ведомств. Если политики чаще всего стремятся ограничиться военно-политическим давлением на оппонента, не переходя грань вооруженного конфликта, то военные озабочены всесторонней подготовкой к нему (частичная или полная мобилизация, передислокация войск и т.д.), что в свою очередь вызывает ответную реакцию оппонента, повышает вероятность «вползания» в вооруженный конфликт.

Опасность утраты контроля над происходящими событиями может быть обусловлена также и тем, что демонстрация военной силы, призванная показать политическую решительность государственного руководства, принимает не только пассивные, но и активные формы в виде ограниченных вооруженных рейдов, преднамеренных пограничных столкновений и др. — то есть охватывает широкий набор политических и военных средств, приводящих к развитию кризиса по принципу «балансирования на грани войны» или «постепенного втягивания в вооруженный конфликт».

Иначе складывается ситуация лишь тогда, когда кризис инициируется преднамеренно для оправдания уже подготовленной агрессии. В этих случаях, сразу же после обнаружения или создания повода для войны, фаза военно-политического давления на оппонента не актуализируется, военные действия используются для достижения победы в вооруженном конфликте в кратчайшие сроки.

Очевидно, что военно-политический кризис и вооруженный конфликт относятся к так называемым перекрещивающимся сферам военно-политического взаимодействия, что затрудняет поиск критериев для их различения.

К перечню признаков, сигнализирующих о перерастании военно-политического кризиса в вооруженный конфликт, можно отнести следующие: постепенную утрату контроля высшего политического руководства над целенаправленностью и масштабами проводимой в рамках кризисной политики военной операции; настойчивый отказ одного из участников кризиса от компромиссного примирения; возрастающее влияние высшего военного руководства на процесс принятия дальнейших кризисных решений; корректировка планов ведения боевых действий на случай перерастания кризиса в вооруженный конфликт или войну; отбор и подготовка для решения этой задачи соответствующих воинских контингентов и др.

Глава 2.

Типы и виды военно-политических кризисов

Дальнейшее уточнение понятия межгосударственного военно-политического кризиса связано с необходимостью разработки проблем типологизации и классификации кризисных ситуаций, представляющих собой единую процедуру общего познавательного процесса, но определяющих разные уровни обобщения изучаемого объекта. Если в основе типологии лежат коренные, неотъемлемые свойства межгосударственных военно-политических кризисов, то целью классификации является их уточнение на более низком уровне обобщения.

Первая группа критериев связана с характеристикой происхождения (вызревания, возникновения) межгосударственных военно-политических кризисов.

Система причинности как критерий типологизации включает в качестве своих компонентов долговременные (исторические), непосредственные (ситуативные) причины и пусковой акт (повод) возникновения кризисных ситуаций.

В настоящее время продолжается дискуссия о роли и соотношении вышеназванных компонентов в происхождении военно-политических кризисов, в последующих вооруженных конфликтах и войнах. Нередко в качестве приоритетной называется непосредственная (ситуативная) причинность и даже специфика пускового акта как решающей предпосылки

возникновения кризисных ситуаций³⁹⁰.

При подобном подходе наиболее распространенный довод — невозможность или чрезмерная трудность выявления исторических особенностей вызревания кризиса, их экстраполяции к конкретно-исторической обстановке возникновения кризиса. Однако долгая временная (историческая) причинность оказывает существенное влияние не только на характер и содержание непосредственной (ситуативной) причинности и пускового акта (прежде всего его насильственный или ненасильственный характер), но и на такие важнейшие параметры, как острота кризисной ситуации, склонность сторон к использованию вооруженного насилия, результативность примирительных процедур, периодическая возобновляемость кризисов и др.

Соответственно определяющим в этой группе становится критерий долговременной (исторической) причинности кризисов, который, несмотря на высокий уровень обобщенности, а значит и неизбежной приблизительности, носит более объективный, а в определенном смысле и более «операциональный» характер, чем широко используемый в западной историографии критерий «угрозы»³⁹¹. Степень угрозы национальным интересам, возникающей накануне или в ходе кризиса, трактуется в западных научных школах преимущественно с субъективной, политико-психологической точки зрения, ставится в зависимость от характера восприятия этой угрозы военно-политическим руководством конкретной страны. Поэтому одна и та же причинность кризиса может оцениваться в одном случае как незначительная, а в другом — как угроза существованию государства.

Вместе с тем оценка угрозы как промежуточная переменная безусловно должна использоваться при анализе непосредственной причинности (механизме возникновения) военно-политических кризисов.

Скрытые, как правило, в исторически длительном конфликтном контексте взаимоотношений двух государств и обусловленные давними разногласиями (экономическими, территориальными, межнациональными, религиозными и др.), именно долговременные причины нередко играют решающую роль в инициировании кризисов. Это происходит чаще всего в том случае, когда периодически возникающие на основе исторической причинности кризисы не приводят к ее разрешению или нейтрализации. В результате происходит накопление взаимной вражды и недоверия, конфликт приобретает затяжной характер, распространяется на широкий спектр межгосударственных отношений, что обуславливает хроническую возобновляемость кризисов и склонность оппонентов обращаться к вооруженному насилию уже на ранних этапах развития кризисной ситуации. Вовлечение в орбиту кризиса новых конфликтных проблем, нередко заслоняющих основную причину (источник) кризиса, крайне затрудняет попытки урегулирования конкретной ситуации. Примерами данного ряда являются арабо-израильские, индо-пакистанские и другие кризисы.

Сложность типологизации по критерию причинности обуславливается тем, что практически любой военно-политический кризис вызывается комплексом взаимосвязанных причин, смешанным причинным рядом.

Нередко сложность, запутанность его причинной основы обусловлена и разноплановыми намерениями инициатора кризиса: обострение конфликтных отношений в каком-либо вопросе может выступать лишь предлогом для давления и попыток добиться уступок по другим проблемам.

Наибольшее количество послевоенных военно-политических кризисов связано с политико-идеологическим и геополитическим соперничеством государств на международной арене — такие кризисы могут быть отнесены к первому типу, который включает следующие виды кризисов: 1) вызванные стремлением к распространению или 2) сохранению своего политического, экономического, военного влияния на конкретную страну или группу стран в

³⁹⁰ International Crises: Insights from Behavioral Research \Ed. by Ch. Hermann N.Y.: The Free Press, 1972. Pp. 3—9; R. Lebow. Between Peace and War. The Nature of International Crisis. London: The Johns Hopkins University Press, 1981. Pp. 1—7.

³⁹¹ Handbook of International Crises. Vol. 1. Crises in the 20-th Century, London: Oxford Pergamon Press, 1988. P. 34.

различных регионах мира. Разновидностью (3) данного типа являются кризисы, вызванные стремлением ряда государств добиться статуса региональных центров силы.

Второй тип кризисов охватывает межгосударственные военно-политические кризисы, возникшие в результате различных форм борьбы национально-этнических общностей за самоопределение. Самые ранние кризисы данного типа были вызваны национально-освободительной борьбой колониальных народов стран Азии и Африки за приобретение независимости. Они возникали между руководством стремившихся к независимости территориальных образований и правительствами метрополий, перерастая затем, как правило, в вооруженную борьбу, и в основном заняли исторический период, длившийся с 1945 по 1965 гг. В последующем в силу сложного этнического состава новообразованных государств, несоответствия установленных границ реальному этническому расселению наиболее типичными стали кризисы, вызванные острыми межнациональными противоречиями внутри молодых государств. Эти военно-политические кризисы, в свою очередь могут быть классифицированы на ряд видов. Первый вид — ирредентистскими (воссоединительными) движениями, стремлением разделенных этнических общностей, проживающих в различных, как правило, соседних государствах, к воссоединению. Стремление правительства государства — очага ирредентистского движения подавить его силовым путем и поддержка этого движения соседним государством приводит в конечном счете к межгосударственным кризисам, отличающимся среди межнациональных кризисов особой остротой и длительностью.

Второй вид актуализировался сепаратистскими национальными движениями, стремлением наций и народностей, в том числе и путем вооруженной борьбы, выйти из состава конкретного государства. При этом чаще всего преследовалась цель создать независимое государственное образование, но может также ставиться задача войти в состав другого государства. Значительно реже возникают военно-политические кризисы, вызванные автономистскими движениями.

Третий тип военно-политических кризисов послевоенного периода обусловлен многочисленными территориальными спорами и притязаниями. Значительная их часть возникла между новообразованными государствами, подтверждением чему являются и события на постсоветском пространстве. Эти споры в первую очередь вызываются условностью начертания государственных границ в период прежнего колониального правления или существования в едином, впоследствии распавшемся государстве. Немало кризисов проистекает из спорности тех или иных территорий, принадлежность которых в свое время не была закреплена в соответствующих договорах. Другой вид кризисов данного типа обуславливается попытками пересмотра предшествующих международных договоров и соглашений о государственных границах. Кризисы, возникающие на этой основе, имеют значительно меньший удельный вес и могут принимать чрезвычайно острые формы, вплоть до перерастания в фазу вооруженного конфликта. Наконец, специфический вид военно-политических кризисов данного типа возникает на основе взаимных притязаний на территориальные воды, разработку полезных ископаемых, располагающихся в конкретном районе и др. Такие конфликты менее остры по форме, но тем не менее имеют длительный период развития с тенденцией периодического обострения.

Четвертый тип широко распространенных военно-политических кризисов послевоенного периода обусловлен постепенным втягиванием заинтересованных государств во внутригосударственные конфликты и прежде всего в гражданские войны в третьих странах. Процесс этого вовлечения может принимать формы политической и экономической помощи, поставки вооружения и боевой техники одному из участников гражданской войны, обучения боевиков и т.д. Как правило, уже на этой стадии возникает военно-политический кризис между правительством страны, в которой разворачивается гражданская война, и государством, который оказывает помощь повстанческим вооруженным формированиям. В случае прямой военной помощи соответствующий кризис может перерасти в вооруженный конфликт.

Непосредственная причинность (механизм возникновения) кризисов представляет собой конкретно-историческую комбинацию внутри — и внешнеполитических факторов и условий, которые в сочетании с целями и мотивами правительственных кругов стран-оппонентов

приводят к резкому обострению предшествующих конфликтных отношений и последующему возникновению военно-политического кризиса.

В послевоенный период при возникновении кризисных ситуаций наиболее характерны три основные разновидности соответствующих механизмов, которые условно могут быть определены как «оправдание собственной враждебности», «балансирование на грани войны» и «постепенное вовлечение третьей стороны» или «вторичные кризисы». Некоторые черты этих механизмов проанализированы американским исследователем Р. Лебоу³⁹². В дальнейшем их действие будет рассмотрено более подробно.

В непосредственной причинности кризисов важную роль играет соотношение политического, экономического и военного потенциалов государств-участников накануне кризисных ситуаций. По этому критерию потенциальная способность государств активно осуществлять свою кризисную политику оценивается рядом параметров, прежде всего: политико-дипломатическим (внутриполитическая обстановка в стране, устойчивость союзнических отношений с дружественными государствами, в первую очередь со сверхдержавами и ведущими державами, и т.д.); военным (качественное состояние вооруженных сил, их способность к решению кризисных задач, а при неблагоприятном развитии обстановки — к успешному участию в вооруженном конфликте или войне); национально-демографическим (численность населения, состояние межнациональных отношений и т.д.); геополитическим (возможность использования выгод географического расположения страны для осуществления кризисной политики и т.д.); экономическим (национальный валовой продукт, промышленный потенциал, темпы роста производства и производительности труда и т.д.) и др. По данному критерию типология кризисов включает участников: 1) с относительно равным государственным потенциалом; 2) с относительно неравным государственным потенциалом; 3) с преобладающе неравным государственным потенциалом.

Неотъемлемым компонентом механизма возникновения военно-политических кризисов являются пусковые (ситуативные) акты кризисных ситуаций, к которым относятся специфические события, действия или ситуационные изменения, носящие провоцирующий характер, воспринимаемые другими государствами как очевидный вызов их жизненно важным национальным интересам и влекущие за собой ответное действие (вербальное или практическое), что и приводит к возникновению кризиса. В связи с особой ролью пусковых актов целесообразно рассмотреть их отдельно и классифицировать следующим образом: 1) политические (вербальные) акты, приводящие к обострению межгосударственных конфликтных отношений (протесты, угрозы, обвинения, ноты, требования и т.д.); 2) конкретные политические действия (подрывная деятельность государства против оппонента, объединение государств в противостоянии с общим оппонентом, введение дипломатических санкций, нарушение договоров и т.д.); 3) внутриполитический вербальный или практический вызов политическому режиму (обвинения режима в средствах массовой информации, массовые акты саботажа, терроризм, покушения на высокопоставленных политических деятелей, демонстрации, забастовки, сопротивление введению военного положения, усиление повстанческого движения и др.); 4) косвенные насильственные действия (государственный переворот в соседней дружественной стране, насильственные действия против союзного дружественного государства и др.); 5) насильственные военные действия (пограничные столкновения, пересечение границы ограниченными силами, вторжение в воздушное пространство, морские и воздушные инциденты, бомбардировка объектов на территории другого государства и др.); 6) ненасильственные военные действия (демонстрация военной силы, военные учения и маневры провокационного характера, мобилизация части вооруженных сил, угрожающие передвижения войск, изменения в дислокации вооруженных сил, придающие им наступательную способность, и др.); 7) внешние ситуационные изменения (появление у оппонента специфического оружия или системы вооружений, приобретение вооруженными

³⁹² R.N. Lebow. *Between Peace and War. The Nature of International Crisis*. London. The John Hopkins Press Ltd., 1981. Pp. 10—13.

силами оппонента наступательной способности, изменения в соотношении сил на глобальном и региональном уровнях и др.).

Вторая группа критериев связана с характеристикой развития (протекания) военно-политических кризисов. Исходя из сущностного определения кризиса (в котором одним из ведущих его признаков является высокая вероятность перерастания кризисной ситуации в вооруженный конфликт), определяющим критерием в данной группе нам представляется роль и место вооруженного насилия в процессе кризиса.

Типологизация кризисов по этому критерию предполагает их развитие: 1) преимущественно в форме политико-дипломатического противоборства, без вооруженного насилия; 2) с использованием военных средств в ненасильственной форме с целью оказания давления на оппонента и принуждения его к уступкам; 3) с использованием военных средств в ограниченной («дозированной») форме с целью устрашения оппонента и принуждения его к уступкам; 4) по мере эскалации вышедших из-под политического контроля военных действий, грозящих перерасти в полномасштабный вооруженный конфликт.

По степени влияния фактора времени (ограниченности времени для оценки обстановки и принятия решения) кризисы могут быть типологизированы на: 1) стремительно развивающиеся (1—7 дней) в условиях ограниченного на принятие решений времени и вызванного этим высокого политико-психологического стресса; 2) средние по длительности (1—30 дней), когда временные ограничения и повышенное политико-психологическое напряжение воспринимаются прежде всего в момент пика (пиков) кризиса; 3) длительные (свыше 30 дней), предоставляющие доступное время для рассмотрения различных военно-политических решений.

По степени неопределенности (неясности) военно-политической обстановки в ходе кризисных ситуаций последние допускают, что: 1) возможности для получения адекватной информации отличаются от предкризисного периода незначительно в результате эффективного использования как правительственных, так и альтернативных коммуникационных каналов; 2) информация о происходящих событиях поступает за счет использования преимущественно неофициальных источников информации, что ограничивает возможности для адекватной оценки обстановки; 3) коммуникационные контакты с оппонентом, официальные и неофициальные, практически свернуты, и достоверные источники информации единичны.

Третья группа критериев связана с характеристикой особенностей завершения военно-политических кризисов.

По критерию исхода военно-политические кризисы завершаются: 1) официальным соглашением (официальные договоры, соглашения о перемирии или прекращении военных действий, полуофициальные соглашения, включая правительственные обращения, устные заявления и т.д.); 2) неофициальным, скрытым соглашением (достижением взаимопонимания между противостоящими сторонами, не закрепленного официально, но приводящего к завершению кризиса); 3) односторонним примирительным действием, которое предпринимается одним из участников без согласования с враждующей стороной, однако приводит к «затуханию» кризиса; 4) без официального или неофициального соглашения между противостоящими сторонами (без явной даты окончания или какого-либо известного соглашения); 5) перерастанием в вооруженный конфликт или войну.

Мирно завершившиеся кризисы могут привести к устранению источника остро конфликтных отношений между государствами или временно законсервировать их в данном состоянии. Военный же путь «разрешения» кризиса может принимать как форму ограниченного вооруженного конфликта, так и перерасти в крупномасштабную войну.

По влиянию на последующее состояние межгосударственных отношений военно-политические кризисы: 1) приводят к оздоровлению двусторонних межгосударственных отношений, последующей интенсификации переговорного процесса и устранению на этой основе всего комплекса или ряда причин конфликта; 2) оставляют причины межгосударственного конфликта не устраненными, законсервированными и вследствие этого сохраняют потенциальные предпосылки для возобновления кризисной ситуации; 3) усугубляют межгосударственную напряженность аккумулированной в ходе кризиса взаимной враждебностью, недоверием и подозрительностью.

Наконец, четвертая группа критериев характеризует факторы и условия, оказывающие существенное влияние на весь процесс военно-политического кризиса: его возникновение, развитие и завершение. В этой группе ведущим является характер предшествующих межгосударственных отношений. На основе этого критерия устанавливается, что кризисы: 1) возникают и развиваются в рамках затяжных конфликтных отношений; 2) возникают по конкретно-специфическому спорному вопросу. Кризисы первого типа протекают, как правило, с наибольшей остротой и нередко сопровождаются вооруженными столкновениями. В них постоянно реанимируются застарелые обиды, аккумулируются новые разногласия, промежуточные кризисы заканчиваются, как правило, лишь частичным, поверхностным урегулированием, что создает предпосылки для периодической возобновляемости кризисных ситуаций. Кризисы второго типа протекают, как правило, в более мягкой форме и с большей эффективностью подвергаются урегулированию.

Характер докризисных межгосударственных отношений оказывает влияние на ряд аспектов кризисных ситуаций, в частности на характер пускового акта (насильственный или ненасильственный), содержание угрозы, способы и формы кризисной политики, в особенности на роль и место военных средств, степень вовлеченности в происходящие события сверхдержав и ведущих держав, роль глобальной ООН и региональных международных организаций в попытках урегулирования, а также на содержание и форму исхода данных кризисов.

По роли и месту кризиса в общей системе межгосударственных отношений кризисные ситуации могут быть типологизированы на: 1) относительно редкие, глобальные, затрагивающие интересы значительной части стран планеты (угроза ядерной катастрофы, вероятность мировой войны); 2) региональные, в той или иной степени (непосредственно или косвенно) втягивающие в свою орбиту свыше половины государств данного региона; 3) субрегиональные, включая двусторонние кризисы и ситуации с вовлечением нескольких стран данного региона³⁹³.

Глава 3.

Политико-идеологическое и геополитическое соперничество

Одной из наиболее распространенных причин военно-политических кризисов послевоенного периода стало политике-идеологическое и геополитическое соперничество государств на международной арене. Часть из них обуславливалась стремлением государств распространить свое военно-политическое и экономическое влияние на отдельную страну или группу стран в различных регионах мира, что особенно характерно было для сверхдержав и ведущих (великих) держав³⁹⁴. Примерами подобного вида кризисов явились польский (1946—1947 гг.), чехословацкий (1947—1948 гг.), венгерский (1947—1948 гг.), иранский (1945—1946 гг.), югославский (1949 г.), гренадский (1983 г.), панамский (1990 г.) и др.

Относительная малочисленность кризисов данной разновидности объясняется тем, что сверхдержавы, прежде всего США, для распространения своего влияния нередко прибегали к тайным операциям по устранению неугодных политических руководителей, что, как правило, не приводило к возникновению военно-политических кризисов вследствие затрудненной идентификации организатора террористического акта. Так, «специальные операции» ЦРУ подобного рода включали: заговор в Иране, результатом которого стало свержение

³⁹³ Под регионом понимается сумма близлежащих стран, представляющих собой либо отдельный экономико-географический, либо близкий по национальному составу и культуре, либо однотипный по общественно-политическому строю район мира.

³⁹⁴ Термин «великие державы» в настоящее время носит во многом условный характер. Если в предвоенный период к великим державам относились 7 государств (Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды, Италия, Япония и США), являвшихся колониальными державами, то в последующем этот статус определялся прежде всего степенью политического авторитета страны на мировой арене, уровнем военной мощи, развитостью экономической сферы. Круг этих государств постепенно расширяется.

премьер-министра этой страны М. Мосаддыка (1953 г.), убийство премьер-министра Цейлона (ныне Шри-Ланки) С. Бандаранаике (1959 г.), убийство премьер-министра Конго (ныне Заира) П. Лумумбы (1960 г.), заговор, приведший к свержению президента Ганы К. Нкрумы (1966 г.), убийство председателя Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) Э. Мондлане, устранение президента Чили С. Альенде (1973 г.) и др.³⁹⁵.

Кризисные ситуации возникали, как правило, в том случае, если государство — инициатор кризиса приходило к выводу, что спектр возможных внекризисных средств воздействия исчерпан или решило прибегнуть к силовой демонстрации своих намерений, чтобы проверить решимость оппонента отстаивать свои национальные интересы, а также реакцию его союзников и международного общественного мнения. В качестве предлога могли использоваться различные внутригосударственные проблемы оппонента: межнациональные, внутривластные, экономические и т.д.

Так, в иранском кризисе (1945—1946 гг.) СССР в качестве предлога для скрытого вмешательства попытался использовать ирредентистскую (воссоединительную) проблему, однако азербайджанский ирредентизм в Иране как национальное движение находился в неразвитом состоянии.

В отличие от Ирана в восточноевропейских странах сам факт присутствия советских войск оказал решающее влияние на развитие местных внутривластных кризисов в пользу СССР. Например в Польше послевоенная ситуация характеризовалась крайней напряженностью. Немалая часть населения, в том числе вооруженное подполье, саботировала политику Временного коалиционного правительства, созданного в 1944 г. на базе ПКНО. 30 июня 1946 г. Временное правительство Польши накануне выборов провело референдум в условиях, когда одна из наиболее популярных политических сил в стране — Польско-сторонничество людове (ПСЛ) — находилась под влиянием бывшего премьер-министра польского эмигрантского правительства С. Миколайчика. СССР опасался, что в результате референдума Польша может покинуть советский военно-политический блок. Руководство Польской рабочей партии (ППР) было срочно вызвано в Москву на консультации. На встрече с руководителями ППР и ПСЛ Сталин потребовал от них выступить на предстоящих выборах единым блоком. Сознвая угрозу от размещенных в Польше советских войск, руководство ПСЛ пошло на соглашение³⁹⁶. 19 января 1947 г. на выборах, как и предполагалось, победили представители единого блока, а затем власть в Польше полностью перешла к польским коммунистам. В последующем внутривластные потрясения в этой стране и стремление Советского Союза сохранить свое влияние приводили к неоднократным военно-политическим кризисам (1956 г., 1981 г.) между двумя государствами.

Подобный же кризис, длившийся с 10 февраля по 1 июня 1947 г., произошел между Венгрией и СССР. Пусковой механизм кризиса для Советского Союза был обусловлен подписанием мирного договора 10 февраля 1947 г., предполагавшего вывод советских войск из Венгрии в течение 6 месяцев. 26 февраля советскими властями был арестован Б. Ковач, руководитель партии мелких хозяев, особенно активно выступавший против присутствия советских войск на венгерской территории. В конечном счете политическая оппозиция советскому военному присутствию в Венгрии сошла на нет³⁹⁷. Попытка венгерского руководства в 1956 г. изменить социально-экономическую ориентацию страны вновь поставила под угрозу ее пребывание в советской сфере влияния, что привело к возникновению очередного

³⁹⁵ Необъявленные войны США. М.: Мысль, 1984. С. 51.

³⁹⁶ Политические кризисы и конфликты 50—60-х гг. в Восточной Европе. М., 1993. С. 10—14; Dziwanowski M.K. The Communist Party of Poland. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1959. Pp. 184—236.

³⁹⁷ Nagy F. The Struggle Behind the Iron Curtain. N.Y.: Macmillan, 1948. Pp. 36—122; Korving B. The Hungarian People's Republic. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1970.

советско-венгерского военно-политического кризиса³⁹⁸.

Схожим образом развивались события и в Чехословакии в 1947—1948 гг. В условиях откровенного давления представителей коммунистической партии на других членов кабинета 12 министров подали в отставку.

На это отрицательно отреагировал президент Чехословакии Э. Бенеш, что вызвало не только внутрочехословацкий, но и межгосударственный кризис: СССР опасался неблагоприятного развития политической обстановки в этой стране. Однако впоследствии из-за угрозы советского военного вмешательства Э. Бенеш был вынужден отправить нежелательных министров в отставку³⁹⁹.

Для СССР кризис тем самым был исчерпан, однако, как и в случае с вышеуказанными восточноевропейскими странами, он не был последним: следующий советско-чехословацкий кризис, вызванный угрозой возможного выхода Чехословакии из социалистического блока, произошел в 1968 г.

В свою очередь подобные кризисы вызывали и США в стремлении распространить свое военно-политическое влияние на другие страны. Особенно характерно это было для латиноамериканского континента, традиционно рассматриваемого США как сфера их непосредственных интересов. При этом США, как правило, избегали единоличного инициирования кризисов и в одних случаях стремились сформировать многонациональные силы и действовать с мандатом ООН (Корея, 1950—1953 гг.) или ОАГ (Гренада, 1983 г.), в других опирались на специально подготовленные формирования наемников. Характерны в этом отношении события на Кубе (1961 г.). Схожим по характеру долговременной причинности стал для США гренадский кризис (1983 г.). Первоначально ставка на свержение ориентированного на Советский Союз и Кубу правительства М. Бишоп делалась на внутривнутреннюю оппозицию, однако политические беспорядки, охватившие страну в октябре 1983 г., не привели, как планировалось, к падению правящего режима. В создавшихся условиях 3 ноября 1983 г. американское руководство, воспользовавшись в качестве предлога защитой жизни американских граждан, находившихся в Гренаде, а также обвинив гренадское правительство в сооружении на острове при помощи советских и кубинских специалистов военных объектов, представляющих угрозу для США, осуществило военное вторжение. При этом США действовали под прикрытием решения о создании сил ОАГ. Шесть латиноамериканских стран предоставили для коалиционной группировки 400 военнослужащих. Военная операция оказалась скоротечной и в целом была завершена 14 ноября 1983 г.⁴⁰⁰.

Характерной исторической тенденцией послевоенного периода и соответственно долговременной причиной возникновения ряда военно-политических кризисов стало соперничество различных государств за приобретение статуса региональной державы, сопровождавшееся попытками распространить свое влияние на другие, прежде всего сопредельные государства.

В Индокитае после провала военной поддержки США соответствующих государств-клиентов примером подобного кризиса стал вьетнамо-камбоджийский (24 сентября 1977 — середина января 1978 г.)⁴⁰¹. Он был иницирован длительными конфликтными отношениями между Вьетнамом и Кампучией (Камбоджей), а также особенностями военно-политического курса вьетнамского правительства, конечной целью которого являлась замена политического режима в Камбодже.

³⁹⁸ Политические кризисы и конфликты 50—60-х гг. в Восточной Европе. М, 1993. С. 56—93.

³⁹⁹ Szulc T. *Czechoslovakia Since World War 2*. N.Y.: Viking, 1971. Pp. 74—98.

⁴⁰⁰ Time. 1983. Nov. 7. No. 45. Pp. 12—13.

⁴⁰¹ Якубонский В. Вьетнамо-кампучийский конфликт // Международные проблемы. 1978. № 3 (26). С. 61—68; Kershaw R. Unlimited Sovereignty: the View from Bangkok // World Today, 35,3\ Mar. 1979\ Pp. 101—110.

В достижении этой цели Вьетнам оказывал активную поддержку Национальному единому фронту Камбоджи (НЕФК) и Армии национального освобождения (АНОК), боровшимся против режима генерала Лон Нола. Тот в свою очередь получал всестороннюю поддержку американо-сайгонских и тайландских войск, стремившихся таким образом воспрепятствовать распространению влияния социалистического Северного Вьетнама. Тем не менее 17 апреля 1975 г. власть повстанцев была установлена над всей территорией страны.

К апрелю 1977 г. в руководстве Коммунистической партии и НЕФК доминирующие позиции заняла группировка Пол Пота — Йенг Сари, неприязненно относившаяся к Вьетнаму. Эта враждебность обуславливалась тем, что кампучийское руководство подозревало Вьетнам в намерениях реконструировать Индокитайский союз, созданный в свое время Францией, но теперь уже под своей эгидой, а также и долгим спором вокруг ряда островов, расположенных в Сиамском заливе и обладавших, по некоторым прогнозам, значительными сырьевыми ресурсами. Вьетнам же обвинял кампучийский режим в планах присоединения Сайгона и Дельты Меконг⁴⁰².

Началась форсированная военизация Кампучии, которая стала возможной только при активной военной и экономической помощи КНР, стремившейся противопоставить новый режим региональным устремлениям Вьетнама. Стычки на вьетнамо-кампучийской границе стали поводом для возникновения острого военно-политического кризиса между Вьетнамом и Кампучией, а затем между Вьетнамом и КНР (1978—1979 гг.)⁴⁰³.

На латиноамериканском континенте стремление распространить свое влияние и на этой основе стать региональной державой было присуще Кубе в первые годы ее существования. Фактически с первых же дней своего существования кубинская революционная власть встала на путь активного влияния на внутривосточную обстановку в соседних странах: Доминиканской Республике, Гаити, Никарагуа и Панаме⁴⁰⁴. Развитию повстанческого движения в этих странах способствовали, как правило, тяжелая экономическая ситуация и внутривосточная нестабильность. Стремление Кубы играть особую роль регионального революционного центра проявлялось и в дальнейшем, что вызвало ряд военно-политических кризисов с Сальвадором (1980 г.), Гондурасом (1981, 1982, 1983 гг.) и др.

На африканском континенте кризисы подобной разновидности вызывались действиями Сомали, Ливии, Египта, ЮАР и ряда других стран. Для Сомали, к примеру, выдвинувшей программу «Великого Сомали», характерными стали военно-политические кризисы с соседними государствами, на части территории которых проживало сомалийское население. На этой основе возник, например, кенийско-сомалийский кризис (13 ноября 1963 г. — 4 марта 1964 г.), а также неоднократные сомалийско-эфиопские кризисы, один из которых (1977 г.) завершился крупномасштабными вооруженными столкновениями.

В свою очередь стремление Ливии играть доминирующую роль в субрегионе приводило к неоднократным чадско-ливийским (1971, 1982, 1985, 1987 гг.), тунисско-ливийским (1983 г.), судано-ливийским (1976, 1985 гг.) кризисам. При этом частота и острота чадско-ливийских кризисов обуславливалась и претензиями Ливии на богатую полезными ископаемыми (в том числе урановыми залежами) полосу Аузу. Основная цель ливийской политики сводилась к поддержке оппозиционных сил и попыткам установления дружественных режимов в государствах-оппонентах.

Особую разновидность кризисов «распространения влияния» составили ситуации,

⁴⁰² Hung N.M. The Sino — Vietnamese Conflict: Power Play Communist Neighbors// Asian Survey 19,11 \nov. 1979\, Pp. 1037—1052; Leifer M. Cambodia and her Neighbors // Pacific Affairs, 34,4. 1961—1962, winter. Pp. 361—374.

⁴⁰³ Поспелов Д.М. , Степанов Е.Д. Пекин против Вьетнама (60-е — нач. 80-х гг.). М.: Мысль, 1983; Chang Pao-min. Beijing versus Hanoi: The Diplomacy over Kampuchea//Asian survey, Berkeley. 1983. \fol. 23. No.5. Pp. 598—615.

⁴⁰⁴ Вооруженная борьба народов Латинской Америки за свободу и независимость. М.,1991. С. 81—92; Bonsai P. W. Cuba, Castro and the United States. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1971. Pp. 57—129.

обусловленные стремлением политического руководства разделенных наций распространить собственную социально-экономическую и политическую модель жизнедеятельности на всю нацию. Характерны в этом отношении корейские кризисы (25.06—29.09.1950 г., 16.04—27.07.1953 г.)⁴⁰⁵.

Возникновение кризисных ситуаций вызывалось также стремлением прежде всего сверхдержав или региональных держав удержать в сфере своего влияния дружественные или союзнические государства. Угроза сохранению этого влияния возникала, как правило, в результате серьезных внутривластных изменений в правительственных структурах союзников, делавших возможной переориентацию их внешне — и военно-политического курса, а также успешных попыток основного политического оппонента по подрыву этого влияния. В послевоенный период кризисами подобной разновидности для СССР стали югославский (1949 г.), берлинские (1948—1949, 1953, 1961 гг.), венгерский (1956 г.), польский (1956 г.), чехословацкий (1968 г.) и другие, а наиболее острым и длительным — афганский (1979—1989 гг.). В свою очередь США были активно вовлечены в такие кризисы, как панамские (1964, 1990 гг.), доминиканский (1965 г.), вьетнамские (1964, 1968, 1969, 1971 гг.) и др.

Политика соперничества сверхдержав по сохранению влияния осуществлялась вплоть до окончания холодной войны. При администрации Р. Рейгана функциональной стала концепция «реакции на неопределенные сигналы», предусматривавшая готовность вооруженных сил немедленно реагировать на любые предупреждения о возможном, нежелательном для США изменении внутривластной обстановки в той или иной стране. Логически развивали ее концепции «спускового крючка», «упреждающей интервенции» и «контрповстанческая доктрина», распространившие действие на все зоны «жизненно важных интересов США». Советская внешняя политика в последние десятилетия руководствовалась так называемой «доктриной Брежнева», предполагавшей осуществление комплекса мер, в том числе и военных, нацеленных не только и не столько на распространение влияния СССР в различных регионах мира, сколько на его сохранение в уже отвоеванных «бастионах» социализма⁴⁰⁶.

Острота противостояния в этих кризисах обуславливалась фактором спорности объекта притязания. Там, где существовало негласное признание раздела сфер влияния (Восточная Европа — для СССР, Латинская Америка — для США), кризисы протекали, как правило, в менее острой форме.

Военное (насильственное или ненасильственное) вмешательство государства-лидера в кризисные ситуации происходило после того, как были исчерпаны политические средства воздействия на оппонента. Поэтому силовое решение, как правило, носило вынужденный характер, с тщательно осуществленным планированием и стремлением к краткосрочности.

Кризисы по сохранению влияния были характерны не только для сверхдержав, но и для других, как правило, бывших колониальных империй и великих держав, стремившихся таким образом сохранить свои особые отношения с прежними колониальными территориями. Характерны в этом отношении Суэцкий кризис (1956 г.) для Великобритании, лаосский (1953 г.) — для Франции, индокитайский (1954 г.) — для Великобритании и Франции, кризисы вокруг Гоа (1955, 1961 гг.) для Португалии, кризис вокруг Ифни (1957 г.) для Испании, кризисы вокруг Западного Ириана (1957, 1962 гг.) для Нидерландов, конголезские кризисы (1960, 1964 гг.) для Бельгии, кувейтский (1961 г.) — для Великобритании, танганьикский (1964 г.) — для Великобритании, гвинейский (1970 г.) — для Португалии, белизские кризисы (1975, 1977 гг.) и др.⁴⁰⁷.

Но в целом в послевоенный период кризисная политика ведущих держав по сравнению со сверхдержавами была более ограниченной и избирательной.

⁴⁰⁵ Лавренов С.Я., Плотников Г.К. Война в Корее (1950—1953 гг.)// Военная энциклопедия. Т.2. М., 1994. С. 237—239.

⁴⁰⁶ Советская внешняя политика в ретроспективе. М.: Наука, 1993. С. 108—109.

⁴⁰⁷ Crises in the 20-th Century. Vol. 1. Oxford, Pergamon Press. Pp. 221—320.

На субрегиональном уровне кризисы подобного рода вызывались, как правило, распадом федерации, в рамках которых одно из государств выступало в качестве политического лидера и соответственно воспринимало распад федерации как угрозу своему влиянию. Подобным образом развивались события при распаде малийской федерации. В данном случае кризис возник для Мали 20 августа 1960 г., когда сенегальский президент Сенгхор объявил о выходе из состава федерации⁴⁰⁸. Характерно, что в предшествующий исторический период отношения между Сенегалом и Мали отличались традиционной конфликтностью, образование же федерации было вызвано конъюнктурно-политическими соображениями. После заявления сенегальского руководства президент Мали ввел в стране чрезвычайное положение и призвал Францию вмешаться в происходящие события.

Подобный же кризис происходил и для Египта с 28 сентября по 5 октября 1961 г., когда после государственного переворота в Сирии новое правительство сообщило о своем намерении выйти из состава ОАР⁴⁰⁹. Появление сильного соперника в арабском мире не отвечало интересам египетского руководства. Вооруженным силам ОАР было приказано подавить «сепаратизм». Однако позже Насер, убедившись в невозможности решить проблему вооруженным путем, был вынужден отступить. В обостренной форме происходил и распад Малайзийской Федерации в 1963 г.

Таким образом, военно-политические кризисы данного вида занимали заметное место в послевоенном кризисном ряду. Наиболее распространенными они были в Европе, Латинской Америке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной Азии — регионах, где наиболее активно проходило соперничество двух сверхдержав.

Как правило, подобные кризисы имели смешанную причинную основу. В целях завуалирования своих намерений инициаторы кризиса в отдельных случаях стремились обострить имевшиеся в странах — объектах воздействия межнациональные (иранский кризис 1945—1946 гг. и др.), территориальные (сомалийско-кенийский 1964 г., сомалийско-эфиопский 1977 г., вьетнамо-кампучийский 1977—1978 гг., китайско-вьетнамский 1978—1979 гг.) и другие противоречия.

По сравнению с кризисами «распространения влияния» данные кризисы также отличались большей остротой, а в отдельных случаях — длительностью и возобновляемостью. Это было связано в первую очередь с потенциальной возможностью серьезного нарушения внутрисистемных (социально-политических, экономических, военно-блоковых) отношений. В ходе таких кризисов, как берлинские (1948—1949, 1961 гг.), вьетнамские (1965, 1968 гг.), в отдельные периоды возникала опасность межсистемного военно-политического кризиса, грозившего перерасти в вооруженные столкновения. В тех случаях, когда возникала опасность проникновения оппонента в традиционную сферу влияния (СССР через Кубу в Латинскую Америку), реакция другой сверхдержавы являлась, как правило, бескомпромиссной и решительной (США в Доминиканской Республике, Гренаде и др., СССР в Венгрии, Чехословакии и др.).

Глава 4.

Борьба за национальное самоопределение

Значительное число военно-политических кризисов (10,9% от общего числа) были вызваны борьбой различных национально-этнических общностей (народов, наций, народностей, национальных меньшинств) за национальное самоопределение.

Борьба за национальное самоопределение в послевоенный период обуславливалась

⁴⁰⁸ Crowder M. Senegal: A study in French Assimilation Policy. London: Oxford University Press, 1962. Pp. 111—149; Foltz W.J. From French West Africa to the Mali Federation. New Haven, CT: Yale University Press, 1965. Pp. 48—86.

⁴⁰⁹ Kerr M.N. The Arab Cold War, 1958—1970: A Study of Ideology in Politics. London: Oxford University Press, 1970. Pp. 12—18.

специфическим причинным рядом и соответственно принимала различные формы: от антиколониальной до ирредентистских (восстановительных), автономистских и сепаратистских движений. Квебеки в Канаде, баски и каталонцы в Испании, бретонцы и корсиканцы во Франции, Флеминги в Бельгии, шотландцы и ирландцы в Великобритании, македонцы, албанцы и сербы в бывшей Югославии, курды в Иране, Ираке и Турции, ибос в Нигерии, эритрейцы в Эфиопии, баганда в Уганде, нагас в Индии, кайя в Бирме, тамилы в Шри-Ланке, тибетцы и некитайские меньшинства в Китае — лишь отдельные примеры в ряду подобных⁴¹⁰.

Исторически наиболее ранними в послевоенный период стали национально-освободительные движения, направленные на избавление от колониального режима правления и обретение независимости. Подобные кризисы относятся к практически завершённой странице истории и достаточно подробно представлены в историографии. Их особенность прежде всего в том, что они располагались в так называемой «пограничной зоне» между двумя типами военно-политических кризисов.

С одной стороны, колониальные державы, осознававшие неизбежность перемен, стремились сохранить свое влияние в колониях или по крайней мере воспрепятствовать распространению влияния других, прежде всего социалистических государств. Для этого практически каждая великая держава выдвинула свой проект реформирования собственной колониальной империи. Так, программа, выдвинутая президентом Франции Ш. де Голлем в марте 1945 г., предполагала создание Индокитайской федерации из пяти государств: Тонкина (Северный Вьетнам), Аннама (Центральный Вьетнам), Кохинхины (Южный Вьетнам), Камбоджи и Лаоса⁴¹¹. Федерация должна была находиться под правлением колониальных властей и входить на правах «присоединившегося государства» во Французский Союз. В свою очередь голландские власти (Нидерланды) намеревались восстановить колониальное господство на основе провозглашенного королем Вильгельмом в декабре 1942 г. плана создания Нидерландского союза — федерации, в которую должны были войти Нидерланды, Нидерландская Индия (Индонезия), Суринам и Кюрасао, объединённые внешнеполитическим и военным союзом⁴¹².

С другой стороны, эти кризисы вызывались непосредственно национальным фактором, то есть стремлением национальных движений, возглавлявшихся руководством колоний (оформленным в результате политического договора с бывшей метрополией, а в отдельных случаях и самопровозглашенным), добиться безусловной независимости, что вызывало сопротивление колониальных держав. В частности, незадолго до окончания войны с Японией между США и Великобританией было достигнуто особое соглашение о совместных операциях союзнических сил по пресечению национально-освободительного движения в Азии в период разоружения японских войск⁴¹³.

Особую остроту разворачивавшемуся противостоянию придавал тот факт, что на многих колониальных территориях национально-освободительное движение находилось под сильным влиянием коммунистических и левых партий или возглавлялось ими.

К концу Второй мировой войны коммунистические партии пользовались преобладающим влиянием среди народных масс Алжира, Китая, Французского Индокитая и Малайи, обладали сильными позициями в Бирме, на Филиппинах, в Тунисе, а также в ряде районов Индонезии, Индии и Цейлона.

В результате подобные кризисы воспринимались не только как угроза утраты важных в военно-политическом и экономическом отношении колониальных территорий, но и как

⁴¹⁰ National Separatism. Ed., by C.H. Williams. London: University of Wales Press, 1982. P. 22.

⁴¹¹ Вооружённая борьба народов Азии за свободу и независимость. М.: Наука, 1984. С. 46.

⁴¹² Политика Англии в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1966. С.117.

⁴¹³ Вооружённая борьба народов Азии за свободу и независимость. М.: Наука, 1984. С. 47.

проявление системного кризиса между двумя мировыми системами, что придавало этим кризисам, как правило, ожесточенный и длительный характер.

Международные военно-политические кризисы не возникали и в том случае, когда в ряде стран, к примеру Бирме, Индии, Цейлоне, существовала возможность относительно мирного, компромиссного достижения независимости без возникновения острых кризисных ситуаций с бывшей метрополией. Предпосылкой мирного бескризисного разрешения конфликтных отношений являлась адекватная оценка метрополией силы национально-освободительного движения, перспектива длительной вооруженной борьбы, способная создать угрозу революционного взрыва и прихода к власти левых сил, а также готовность обретающей независимость колонии на тесные, ассоциированные связи с бывшей метрополией. Характерна в этом отношении судьба Экваториальной Африки, где появившиеся на карте африканского континента в августе 1960 г. четыре новых государства (Чад, Центральноафриканская Республика, Конго, Габон) обратились с просьбой оставить их в составе Французского сообщества⁴¹⁴.

Гарантией тесных отношений с метрополией считалось не только сохранение зависимости бывшей колонии, но и восстановление в ней военного присутствия. К примеру, Великобритания предусматривала обширные военные меры по обеспечению общесоюзной программы реокупации. В район действий британских войск входили Бирма, Таиланд и южная часть Французского Индокитая, Сингапур, Малайя, Нидерландская Индия и др. Этой же цели служила политика создания «периферийных» военно-политических блоков и организаций, способных контролировать или оказывать воздействие на развитие внутривосточной обстановки в странах региона или субрегиона.

В тех же случаях, когда конфликтные отношения достигали уровня кризисных, их «пограничное» расположение на стыке двух системных кризисов (распада колониальных империй и соперничества мировых систем), обуславливал возможность их резкой эскалации на кризисной шкале: от субрегионального уровня, затрагивающего метрополию и одну или несколько колоний, до регионального, прямо или косвенно затрагивающего интересы значительной части стран данного региона. В отдельных же случаях (Индокитай) кризисы приобретали характер символа в противостоянии двух систем, резко обостряя конфликтные отношения сверхдержав.

Наиболее очевидными проявлениями опасности подобного развития событий стало то, что в отдельные, наиболее острые моменты («пики») кризисов в одной из сверхдержав (чаще всего США) обсуждалась возможность применения ядерного оружия для силового разрешения конфликта. Несмотря на то что подобные заявления использовались преимущественно в качестве средства давления на оппонента, слабая управляемость кризисными ситуациями, особенно внутривоевыми, придавали этим угрозам достаточную достоверность.

Специфической разновидностью кризисов данного вида стали ситуации, вызванные национально-освободительными движениями с ярко выраженной антирасистской направленностью. Особую остроту им придавали не только противоречия на расовой основе, но и практически непреодолимые межкультурные, этнокультурные и этнополитические противоречия между расистским режимом белого меньшинства и соседними африканскими странами, не только охотно предоставлявших убежища для боевиков из национально-освободительных движений, но и непосредственно принимавших участие в боевых действиях против расистских режимов. Характерны в этом отношении многочисленные кризисы вокруг Родезии и ЮАР⁴¹⁵.

В настоящее время феномен борьбы за освобождение от явных колониальных форм правления практически отошел в прошлое. В последние десятилетия политические волнения на основе требований о полной национальной независимости на короткое время охватывали

⁴¹⁴ История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М.: Наука, 1978. С. 312.

⁴¹⁵ Good R.C. UDI: The International Politics of the Rhodesian Rebellion. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1973. P. 48.

французские владения (о-ва Новую Каледонию и Мартиники), а также остров Эспирито Санто, находящийся под англо-французским кондоминиумом, но, несмотря на ненасильственное использование колониальными державами военной силы, не приводили к военно-политическим кризисам вследствие малочисленности и слабой организованности оппозиционных движений. Сохраняются предпосылки для возникновения кризиса между Испанией и Марокко, претендующим на два испанских анклава (Сеута и Метилья)⁴¹⁶.

Чрезвычайно остры по характеру кризисные ситуации, вызванные феноменом наций, борющихся за обретение своей исторической родины или компактной территории для проживания и построения собственного государства, к каковым в настоящее время относятся прежде всего палестинцы и курды.

Кризисы по палестинской проблеме, в решении которой в той или иной степени заинтересованы практически все арабские государства, прежде всего ближневосточного региона, приобрели чрезвычайную остроту и затяжной характер. В настоящее время потенциальная возможность возникновения военно-политического кризиса данной разновидности представлена и на постсоветском пространстве, прежде всего крымско-татарским национальным движением.

Таким образом, военно-политические кризисы «антиколониализма» к целом являются уже историческими феноменами, однако по-прежнему острый характер, с тенденцией к периодическому возобновлению, носят кризисы, вызванные борьбой наций за обретение своей исторической родины. К примеру, затяжной характер арабо-израильского конфликта показал, что кризисы данной разновидности способны быстро эскалировать, не только втягивая в свою орбиту страны ближневосточного региона, но и приобретая в отдельные исторические моменты черты глобального противостояния. Значительный кризисный потенциал несет в себе курдское национальное движение, создавая высокую вероятность возникновения межгосударственных кризисов, в которые могут быть вовлечены прежде всего Ирак, Иран и Турция.

Одной из распространенных долговременных причин возникновения послевоенных военно-политических кризисов стали ирредентистские (воссоединительные) движения⁴¹⁷. Феномен разделенных этносов, представленный до последнего времени преимущественно в Азии и Африке, создавал реальные предпосылки для возникновения ирредентизма и как его возможного следствия — межгосударственных военно-политических кризисов.

Среди национальных движений ирредентистские относительно малочисленны. В послевоенный период наиболее мощные ирредентистские движения и сопровождавшие их деятельность военно-политические кризисы имели место на Кипре, в Югославии и в Сомали. Однако ирредентистские лозунги, а значит, и потенциальные возможности возникновения на этой основе военно-политических кризисов существуют в настоящее время среди белуджей, пуштунов, отдельных малых народов Индии и Юго-Восточной Азии, а также в некоторых странах Тропической Африки.

В то же время системный кризис, охвативший межгосударственные отношения вследствие распада СССР и мировой системы социализма, а также сопровождающий этот процесс ряд субрегиональных кризисов на постсоветском пространстве, вызвали к жизни и другие ирредентистские движения: в бывшей Югославии — у албанцев, сербов, в определенной степени — у македонцев, в бывшем СССР — у осетин, лезгин, армян; оживились ирредентистские течения и на территории КНР — среди уйгур.

Острота военно-политических кризисов, возникающих по причине ирредентистских движений, объясняется тем, что они представляют одну из наиболее серьезных угроз территориальной целостности и политическому режиму государства. Это предопределяет ожесточенный, бескомпромиссный характер развертывания подобных кризисов и

⁴¹⁶ United States and World Report. 1980. March 31. P. 46; United States and World Report. 1980. August, 4. P. 30; Time. 1981. December, 21. P. 8.

⁴¹⁷ Ирредентизм — разновидность национальных движений, которые выступают за отделение определенной территории с целью ее последующего присоединения к соседнему государству.

обуславливает специфику механизма их возникновения и развития. В основе этих движений лежит не одна, а комплекс политических, религиозных, социально-экономических и других причин, в конечном счете принимающих ярко выраженную национальную окраску.

Ирредентистские движения возникают, как правило, при одновременном резком обострении социально-экономических противоречий и этнических различий. Борьба за национальное самоопределение может оформиться в ирредентизм сразу, в соответствии с изначально принятыми программными установками политического руководства национальных меньшинств (греки-киприоты на Кипре), или эволюционировать в ирредентизм его сторону постепенно, проходя через ряд последовательных этапов: автономизм — сепаратизм — ирредентизм (примерами подобного ряда являются национальные движения турок-киприотов на Кипре; сербов, албанцев и хорватов в бывшей Югославии и др.).

Особая разновидность ирредентистских движений возникает в случае распада многонациональных федераций, сопровождающегося, как правило, многоуровневыми межгосударственными военно-политическими кризисами. Условность административных границ внутри федерации приводит к тому, что проживающие на ее территории этносы оказываются разделены этими границами, когда они приобретают статус государственных. В бывших союзных (национальных) республиках вырастают движения за непризнание этих границ, по воссоединению рассеянного этноса в рамках одной и той же республики (теперь уже независимого государства). Вместе с тем новообразованные государства в подавляющем большинстве не являются моноэтническими, и в свою очередь включают ряд национальных меньшинств. Нередко политическая элита новых государств, представленная, как правило, лицами национального большинства, прибегает к дискриминационным мерам по отношению к национальным меньшинствам собственного государства. Противостояние нередко принимает чрезвычайно острые формы. В кризис оказываются втянутыми другие, и не только соседние, государства, ряд из которых оказывает национальным движениям явную или скрытую поддержку, что приводит к резкой эскалации межгосударственного военно-политического кризиса. Поводом для этого могут служить и претензии государства на роль регионального или субрегионального центра силы, связанное с этим стремление через реализацию ирредентистского фактора добиться прироста населения, расширения территории и усиления таким образом политического и экономического влияния в регионе.

Острота кризисов на основе ирредентистских движений обуславливается также и часто сопровождающими их межцивилизационными и этноконфессиональными противоречиями (армяне — азербайджанцы, турки — греки и т.д.).

Особую роль в причинном ряду ирредентистских кризисов играет чисто исторический фактор. Историческая память о когда-то единой нации, проживавшей под «крышей» одного государства, развернутая на этой основе мощная политико-пропагандистская кампания за воссоединение в «великую» нацию могут стать мощным побудительным фактором возникновения ирредентистских движений и сопровождающих их военно-политических кризисов.

Так, острота межобщинных противоречий на Кипре, вызвавших в послевоенный период четыре греко-турецких военно-политических кризиса, в первую очередь обусловлена особенностями исторического и этнического развития острова, сформировавшимися к XVI в., когда военное поражение Венеции привело к установлению господства Османской империи над Кипром. Турки-победители рассматривали местное греческое православное население как людей «второго сорта», облагали его значительно большими налогами по сравнению с мусульманами-переселенцами. Бесконечные поборы и произвол турецких властей служили постоянным источником недовольства среди греческого населения острова, память об этом передавалась из поколения в поколение. Восстание греков против Османской империи в 1821—1829 гг. привело к образованию независимого греческого государства. В его границах были объединены, однако, далеко не все этнотерритории греков, и с этого времени энозис — присоединение к греческому государству всех населенных греками территорий, остававшихся под контролем Османской империи, — стал главным лозунгом борьбы греческого населения в Фессалии, на Крите, Кипре и других островах.

Несмотря на то что языком повседневного общения на Кипре был греческий — в силу

численного преобладания греков (это повлекло за собой широкое распространение билингвизма в среде турок-киприотов), общины греков и турок традиционно проживали замкнуто и культурное сближение не получило сколько-нибудь заметного развития⁴¹⁸.

Для кипрского общества характерной стала дифференциальная инкорпорация этнических групп. Турки на Кипре, как и в Анатолии, откуда происходила значительная часть переселенцев, стремились преимущественно к военной, административной или духовной карьере и с пренебрежением относились к ремеслу, торговле, ростовщичеству. Рост богатства и численности торговой прослойки в греческой общине Кипра не угрожал позициям турецкого населения, так как турки занимали господствующее положение в политической сфере. Когда же политическая власть в 1878 г. перешла в руки англичан⁴¹⁹ и Кипр оказался вне границ Османской империи, положение местных турок коренным образом изменилось: они утратили политическую власть и оказались в положении меньшинства по отношению к более многочисленной и экономически сильной греческой общине.

В сложившихся условиях турки-киприоты сделали ставку на сотрудничество с колониальной администрацией как на единственное средство ограничения влияния греческой общины⁴²⁰. Тем не менее в октябре 1915 г. министр иностранных дел Великобритании предложил уступить Кипр Греции, если последняя в условиях мировой войны присоединится к союзникам. Греция ответила отказом⁴²¹. Но главной национальной программой общины греков-киприотов по-прежнему оставался лозунг энозиса. Проведенный в январе 1950 г. (без разрешения колониальных властей) плебисцит по вопросу объединения с Грецией показал чрезвычайно высокий процент групповой солидарности: более 95% его участников высказались за осуществление энозиса⁴²².

В подобных обстоятельствах община турок-киприотов выступила активным союзником колониальной администрации в подавлении национальных устремлений греков. В середине 50-х гг. численность турок-киприотов в местной полиции резко возросла и превысила 70% ее общей численности⁴²³. Турецкие полицейские принимали активное участие в разгонах антиколониальных демонстраций, проводили обыски в греческих кварталах, арестовывали активистов движения за национальное самоопределение. Все это вело к усилению враждебности между общинами.

С обеих сторон началось формирование военизированных формирований, но особенно активно — у греков. Греческие вооруженные формирования были слиты в единую Национальную организацию кипрских бойцов (ЭОКА)⁴²⁴, которая выступала за присоединение Кипра к «матери-родине Греции», аналогично воссоединению с Грецией Крита в 1913 г. и островов Додеканес в 1947 г. Присоединение Кипра к Греции стало бы, по мнению ЭОКА, последним этапом освобождения и воссоединения греков, начатого в 1821 г. восстанием против Османской империи. С 1956 г. ЭОКА втянулась в террористическую деятельность

⁴¹⁸ Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1991. С. 145.

⁴¹⁹ Порта уступила остров Лондону в обмен на обещание военной помощи.

⁴²⁰ Кузупис Н. Проблемы национально-освободительного движения на Кипре (20—50-е гг. XX в.). Дисс. к.и.н. М., 1986. С. 79.

⁴²¹ Zarocortas J. Cyprus//Conflict and Intervention in the Third World. N.Y.: St.Martin's Press, 1980. P. 108.

⁴²² Анисимов Л.Н. Проблема Кипра. Исторический и международно-правовой аспект. М., 1986. С. 21.

⁴²³ Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. С. 146.

⁴²⁴ Подпольная организация ЭОКА была создана в 1951 г. греческим полковником, уроженцем Кипра Г.Гривасом.

против английского присутствия⁴²⁵.

С целью нейтрализации террористической угрозы Лондон начал обострять противоречия между Грецией и Турцией, что должно было поглотить «энергию террора» против англичан и активно поддерживать турецкую версию самоопределения — «таксима», на которую категорически не соглашались Афины⁴²⁶, — разделение острова с последующим присоединением соответствующих частей к Греции и Турции. Непримируемость позиций противостоящих сторон привела к возникновению острых военно-политических кризисов между Грецией и Турцией (1963, 1964, 1967, 1974 гг.).

Характерным примером ирредентистского движения в постсоветском пространстве являются события в Нагорном Карабахе, приведшие к военно-политическому кризису между Арменией и Азербайджаном. Острый территориальный спор между ними, имевший не только национальную, но и политико-идеологическую окраску, возник еще в годы гражданской войны.

Советская власть победила в Азербайджане раньше, чем в дашнакской Армении, — в апреле 1920 г. Вскоре после этого воинские части Азербайджана в составе Красной Армии приняли участие в военных действиях против армянской армии. Азербайджан предъявил Армении ультиматум о выводе всех армянских войск из районов Зангезура, Карабаха, Нахичевани⁴²⁷. Председатель Азревкома Н. Нариманов в телеграммах и письмах на имя В.И. Ленина изложил собственную историческую версию этих территориальных притязаний, в соответствии с которой спорные районы безусловно являлись азербайджанской территорией⁴²⁸. И тогда, и в последующем Азербайджан стремился исторически обосновать свои права на Зангезур, Карабах, Нахичевань⁴²⁹. В подобных условиях, когда Азербайджан настаивал на безусловной передаче Карабаха, а Зангезуру отводилась роль спорной территории, на что Армения категорически не соглашалась, Г.В. Чичерин констатировал политический тупик⁴³⁰. Его стремление к тому, чтобы представители России выступали в этом регионе «как миротворцы для успокоения борьбы элементов и для предотвращения кризисов», реализовать не удалось⁴³¹. Летом 1920 г. руководство дашнакской Армении, подозревая Россию в проазербайджанских настроениях, не согласилось на ее посредничество в переговорах с Турцией. В свою очередь Азербайджан категорически отказывался рассматривать саму возможность каких-либо территориальных уступок в пользу Армении.

Ситуация несколько изменилась после победы советской власти в Армении. 30 ноября 1920 г. на совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК Азербайджанской КП(б) обсуждалось содержание телеграммы Ревкома Азербайджана в адрес советского правительства Армении. Было решено включить в нее торжественное обязательство отказаться от «спорных» территорий в пользу Армении⁴³², однако провозглашение декларации и принятые решения реализованы не были. Особую остроту принял вопрос о принадлежности Карабаха. В июне 1921 г. на заседании Кавказского бюро ЦК РКП(б) после долгих дискуссий Карабах был

⁴²⁵ Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. С. 147.

⁴²⁶ Macmillan H. *Tides of Fortune*. 1954—1955. London, Macmillan, 1969. Pp. 664—665.

⁴²⁷ Е. Грант. Армянский вопрос вчера и сегодня. М., 1992. С. 17.

⁴²⁸ РЦХИДНИ.Ф. 2.Д.14516.Л.1.

⁴²⁹ См.: История Азербайджана по документам и публикациям. Баку: Элм. 1990.

⁴³⁰ ГАРФ.Ф. 6. Оп.1. Д.21. Л.1—12.

⁴³¹ РЦХИДНИ.Ф. 64. Оп.1. Д.21. Л.74.

⁴³² Епископов Г.И. Наше время. М, 1994. С. 39.

оставлен за Арменией, но уже 5 июля того же года на заседании Кавбюро под нажимом азербайджанской делегации решение было пересмотрено и принято постановление о передаче Карабаха с административным центром в г. Шуше Азербайджану с предоставлением ему широкой автономии. Данное постановление обосновывалось необходимостью установления национального мира между мусульманами и армянами, тесными экономическими связями верхнего и нижнего Карабаха с Азербайджаном⁴³³.

В период существования Закавказской Федерации с общими руководящими партийными и советскими органами межэтнические противоречия между армянами и азербайджанцами были приглушены, но после ее ликвидации стали проявляться все чаще, преимущественно на бытовом уровне.

После Второй мировой войны карабахский вопрос был вновь поднят перед центральным руководством. В ноябре 1945 г. первый секретарь ЦК Коммунистической партии Армении Г. Арутюнов обратился по данному вопросу с письмом к Сталину, в котором изложил следующее: «ИКАО, примыкающая к территории Армении, с 1923 г. входит в состав Азербайджанской ССР. Население этой области в основном армянское. Из 153 тыс. населения — 137 тыс. является армянским. Сельское хозяйство Нагорного Карабаха является аналогичным с горной частью Армении. Вхождение Нагорного Карабаха в состав Армении намного способствовало бы развитию его и улучшилось бы руководство хозяйством. Массово-культурное и политическое обслуживание населения на родном языке усилилось бы при руководстве со стороны республиканских органов Армении. Исходя из желания населения Нагорного Карабаха, ЦК и Совнарком Армении вносит на рассмотрение ЦК ВКП(б) и Советского правительства вопрос о включении в состав Армянской ССР ИКАО Азербайджанской ССР в качестве Карабахской области»⁴³⁴.

С получением письма секретарь ЦК ВКП(б) Г. Маленков по поручению Сталина направил запрос первому секретарю ЦК КП Азербайджана М. Багирову с просьбой сообщить свое мнение. В посланном запросе Г. Маленков выразил согласие на включение ИКАО в состав Армении при условии передачи Азербайджану из Армянской ССР трех примыкающих к нему районов. Из-за категорического отказа азербайджанской стороны вопрос не был решен положительно.

Очередные попытки пересмотреть статус Карабаха были и предприняты в период «оттепели». В июле 1965 г. из Нагорного Карабаха было направлено в ЦК КПСС письмо трудящихся области (45 тысяч подписей), которые сообщали о нарушениях руководством Азербайджана национальной политики и своем желании воссоединиться с Арменией. В 1966 г. состоялось решение секретариата ЦК КПСС с поручением ЦК КП Армении и ЦК КП Азербайджана совместно подготовить вопрос о Нагорном Карабахе. Работа комиссии завершилась ничем.

Многочисленные предложения по карабахскому вопросу были внесены и во время обсуждения проекта новой Конституции СССР в 1977 г., однако проблема не была решена и тогда⁴³⁵.

Под влиянием начавшейся после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС перестройки армянское население Карабаха вновь стало активно выражать свое желание воссоединить ИКАО вместе с прилегающими к нему армянскими районами с Арменией. Подобное требование обосновывалось грубыми издержками проводимой Баку политики по «азербайджанизации» области. Действительно, автономия Нагорного Карабаха фактически была сведена на нет, нарушалась кадровая политика, оказались свернутыми связи с Арменией, включая отсутствие трансляции оттуда телевизионных передач. Ширился массовый выезд

⁴³³ РГАСПИ.Ф. 85. Оп.18. Ед. хр. 58. Л.18.

⁴³⁴ См. Епископов ГЛ. Наше время. М., 1994. С. 52.

⁴³⁵ Грант Е. Армянский вопрос вчера и сегодня. С. 46—47.

армянского населения из области и из республики в целом.

Неблагополучные факты проживания армянской общины в Азербайджане были обобщены в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах, связанных с обращениями союзных республик по поводу событий в Нагорном Карабахе, в Азербайджанской и Армянской ССР» от 23 марта 1988 г.⁴³⁶ Вместе с тем попытка нормализовать обстановку в области исправлением перегибов в национальной политике оказалась запоздалой и не принесла ощутимых результатов.

После обретения в 1991 г. Арменией и Азербайджаном государственной независимости кризисные отношения между ними по поводу Нагорного Карабаха приобрели межгосударственный характер.

Многоуровневый характер ирредентистских движений наглядно представлен югославским кризисом (1989—1990 гг.), причем югославский вариант представляет интерес как пример эволюционного перерастания сепаратистских движений в ирредентистские в результате распада многонациональной федерации.

Югославия всегда была особым европейско-средиземноморским миром, представляя собой перекресток Западной и Восточной Европы. Хорватия и Словения были исторически связаны с Западом — сначала с Древним Римом, затем — с Италией и Австрией. Сербия же и Македония оказались в сфере влияния Востока — вначале Византии, потом — Османской империи.

Хрупкость федеративной конструкции Югославии была с самого начала предопределена особенностями послевоенного устройства страны, когда притязания сербов на общенациональное лидерство осуществлялась в смягченной, завуалированной форме, а официально роль общественного лидера взяла на себя коммунистическая партия Югославии и в целом при жизни И. Тито успешно справлялась с этой задачей.

С целью приглушения национальных противоречий Тито пошел на, казалось, оправданный в тех условиях шаг, схожий с теми, что были осуществлены в СССР после гражданской войны и в последующем: перекройку устоявшихся национально-этнических границ. Границы между республиками стали условными.

Предпосылки для возникновения сепаратизма и ирредентизма в Югославии вызревали по мере попыток конституционно-договорного оформления СФРЮ. В результате принятия поправок к Конституции 1968—1971 гг. и новой конституции СФРЮ 1974 г. Югославия была, по существу, превращена в «союз государств»⁴³⁷. Ни поправки, ни новая Конституция не смогли разрешить всей остроты национального вопроса. Возникшие к тому времени в Хорватии и Словении национально-сепаратистские течения признали принятые поправки минимальными, что дало руководству СКЮ и лично И.Б. Тито повод охарактеризовать националистические течения в Хорватии как контрреволюционные.

Внутри Союза коммунистов Югославии на почве национализма сложились третья оппозиционная, после Джиласа и Ранковича, платформа, противостоявшая генеральной линии СКЮ, — партийного федерализма. Ее сторонники (в основном из руководства СК Хорватии) выступили с концепцией превращения партии в конфедеративный союз суверенных республиканских партий. Никогда за послевоенную историю кризис в области национальных отношений не был так тесно связан с общегосударственными экономическими, социальными и политическими трудностями. В дальнейшем унитарная концепция «трехмерной нации», согласно которой сербы, хорваты и словенцы являются одной нацией под тремя разными именами, подверглась открытой ревизии.

После смерти И. Тито в 1980 г. на страницах газет и журналов стали печататься материалы открыто националистического содержания. Активное участие в разжигании полемики между печатными органами Белграда, Загреба, Любляны и других союзных республик и автономных краев приняли историки. Возник феномен так называемого

⁴³⁶ «Правда». 1988. 24 марта.

⁴³⁷ Bilandzic D. Ideje i praksa drustvenog rarroja Jugoslavij. 1945—1973. Beograd, 1973. S. 286—290.

«этнического ренессанса».

Одной из его причин стали обострившиеся междоцивилизационные противоречия: словенцы и хорваты настаивали на своей принадлежности к среднеевропейскому региону; сербы подчеркивали свою роль как основы югославянства. Югославия рассматривалась словенцами как «исключительно политическая, то есть государственная», а не национальная категория. В сербском же национальном сознании представление о Югославии имело «примесь пьемонтизма и спонтанного стремления к интеграции» (объединения югославянских земель вокруг Сербии)⁴³⁸.

Межнациональные противоречия в Югославии обострились и вследствие углублявшейся неравномерности экономического, социального и культурного развития отдельных наций соответствующих республик и краев в Югославии. Вызревая первоначально в рамках союзного государства, эти противоречия впоследствии стали причиной возникновения острых военно-политических кризисов между новообразованными государствами.

Одной из распространенных причин возникновения межгосударственных военно-политических кризисов в послевоенный период стали сепаратистские (значительно реже автономистские) движения⁴³⁹.

Сепаратистские движения той или иной степени развитости стали повседневным явлением в жизни значительной части государств во всех регионах мира. К наиболее характерным из них относятся: в Азии — сепаратистские движения ассамцев и пенджабцев в Индии; тамилы — в Шри-Ланке; на территории бывшего СССР: приднестровский, чеченский, лезгинский сепаратизм; в Африке: движение эритрейцев в Эфиопии, завершившееся образованием независимого государства; негроидных племен юга Судана, Биафра в Нигерии и др.; в Европе: прежде всего движение басков в Испании; в Латинской Америке, для которой в целом этот феномен малохарактерен, существуют сепаратистские движения индейцев в Никарагуа, Гватемале, Мексике и других странах.

Важнейшей причиной возникновения сепаратистских (автономистских) движений является столкновение интересов Центра и политического руководства национальных меньшинств при распределении тех или иных материальных или духовных ценностей. К ним относятся не только территория, земля и ее недра, природные богатства, но и виды деятельности, источники дохода, власть, престиж и социальный авторитет. В случае обострения подобная ситуация приводит, как правило, к национально-государственному конфликту, то есть к состоянию конфронтации, с одной стороны, интересов государства или, точнее, доминирующего в нем этноса или нескольких этносов, а с другой — интересов отдельных этнических групп (меньшинств).

Однако не все национально-государственные конфликты, вызванные автономистскими и сепаратистскими движениями, приводили к возникновению межгосударственных военно-политических кризисов.

Для этого необходим ряд предпосылок. Прежде всего само национальное движение должно быть многочисленным и сплоченным, готовым в случае необходимости обратиться к вооруженным методам борьбы. Двусторонние же отношения между потенциальными участниками кризиса — соседними государствами — должны быть отягощены долговременными конфликтами, чтобы национальное движение могло быть использовано как повод для дестабилизации внутривнутриполитической обстановки у оппонента.

По мере развертывания движения национального меньшинства за свои права сопредельное государство может постепенно втянуться в кризис путем предоставления убежища политическим беженцам и гражданскому населению, развертывания лагерей для подготовки боевиков, оказания других видов экономической и военной помощи национальному движению. В других случаях втягивание соседнего государства в военно-политический кризис

⁴³⁸ Kruselj Z. Les koji raste // Danas. 1987. 1 pros. G.6, br.302.

⁴³⁹ Nietschmann B. «Militarization and Indigenous People: Introduction in the Third World War»//Cultural Survival. 1987. 11/3/. Pp. 1—16.

происходит в результате опасности возможного распространения межнациональной розни на его территорию, усиления неконтролируемого потока беженцев и связанного с этим резкого ухудшения социально-экономической обстановки в отдельных регионах страны. Выступая первоначально в качестве посредника, стремящегося мирными средствами урегулировать этнополитический конфликт, это государство вследствие, во-первых, фракционности национального движения, где, как правило, существуют силы, настаивающие на продолжении вооруженной борьбы, а во-вторых, явного или скрытого сопротивления своим миротворческим усилиям у потерпевшего государства, постепенно втягивается в межгосударственный военно-политический кризис.

Так, длительный этнический конфликт тамильского меньшинства с государственными структурами Шри-Ланки обусловлен давним историческим противостоянием. Как и некоторые другие азиатские страны, Шри-Ланка может быть отнесена к двунациональным государствам: по данным переписи 1981 г., сингалы составляли 73,9% всего населения, тамилы — 18,1%. Незначительная часть населения была представлена другими национальностями⁴⁴⁰.

На протяжении 50—60-х гг. сингальско-тамильские противоречия в основном сосредоточились вокруг борьбы по языковому вопросу. Предоставление сингалам привилегий в использовании родного языка обеспечивало им лучшие возможности в конкурентной политической и социально-экономической борьбе, в сохранении и восстановлении культурных ценностей. Ответной реакцией тамиллов явилось расширение их борьбы за предоставление тамильскому языку паритета, против дискриминации в политической, социально-экономической и культурной областях.

Далее требования приобрели автономистский характер. Наряду с выдвижением лозунгов о предоставлении гарантий гражданских прав тамилам и закреплении их в конституции 1972 г. руководство Тамильского объединенного фронта (ТОФ) выдвинуло проект разделения страны на шесть штатов, в трех из которых должно было преобладать тамилоязычное население⁴⁴¹. С этого времени проблема государственного устройства страны выдвинулась в эпицентр сингальско-тамильских противоречий. Нежелание Центра пойти на уступки привело к поляризации тамильского национального движения на умеренное и экстремистское течения, отходу от лозунгов мирного решения тамильской проблемы в рамках федерального государственного устройства. Экстремистское крыло тамильского национального движения стало настаивать на образовании отдельного тамильского государства. Переход национального движения из автономистской в сепаратистскую форму стал фактом этнополитической обстановки в стране.

В середине 70-х гг. началось активное формирование военизированных отрядов тамильской молодежи «Тамил илам». Одной из первых организаций, призвавшей к вооруженной борьбе за создание тамильского государства, стала группировка «Новые тамильские тигры» (с 1976 г. она получила наименование «Тигры освобождения Тамил илама» — ТОТИ).

Необходимость стабилизации положения в стране вынудила правительственные структуры пойти на некоторые уступки требованиям тамильских лидеров. По конституции 1978 г. государственными языками были объявлены одновременно сингальский и тамильский, отменялись различия в гражданстве ланкийских и индийских тамиллов. Одновременно было принято решение о расширении местного самоуправления⁴⁴².

Однако эти паллиативные меры уже не могли удовлетворить все основные течения тамильского национального движения. Разногласия между руководителями ТОФО и экстремистски настроенными членами молодежных групп особенно обострились после того,

⁴⁴⁰ Statistical Pocket Book of the Socialist Republic of Sri Lanka. Colombo, 1984. P. 14.

⁴⁴¹ Ceylon Daily News. Colombo. 28.06.1973.

⁴⁴² Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1991. С. 165.

как деятельность сепаратистских тамильских организаций была запрещена. Их члены ушли в подполье, все более активно прибегая к средствам вооруженной борьбы.

Результатом этого стала волна антитамильских погромов, прокатившаяся по стране летом 1983 г. с негласного одобрения правительства. В ходе погромов серьезно пострадали лица, имеющие индийское гражданство. Официальный Дели в связи с этим выразил резкий протест, и с лета 1983 г. Индия оказалась непосредственно вовлеченной во внутриланкийский конфликт.

Ряд крупных экстремистских тамильских организаций перенесли свои центры в южноиндийский штат Тамилнад, где проживает в основном тамилоязычное население. В этом штате сконцентрировалась и основная масса тамильских беженцев из северных и восточных частей Шри-Ланки (согласно данным индийской печати, их численность превысила 100 тыс. человек). На юге Индии были созданы специальные военные лагеря ТОТИ и некоторых других организаций⁴⁴³. Квалифицированная подготовка под руководством опытных индийских инструкторов и оснащение современным оружием позволили тамильским «тиграм» и боевикам из ТОТИ продолжить эффективную партизанскую борьбу.

Результатом стало возникновение в 1983—1984 гг. военно-политического кризиса между Индией и Шри-Ланкой.

Другой пример сепаратистского движения — события в индийском штате Пенджаб, ставшие одной из основных причин неоднократных военно-политических кризисов между Индией и Пакистаном. В основе пенджабской проблемы, так же как практически и любого сепаратистского движения, лежит целый комплекс причин социально-экономического, политического и религиозного характера, которые в начале 80-х гг. привели к усилению этноконфессионального движения сикхов⁴⁴⁴. Возникновение в Пенджабе политических партий и движений (Всеиндийская федерация сикхских студентов, Национальный совет Халистана и др.), добивающихся создания сикхского государства — Халистана, и соответствующая военно-политическая помощь этим движениям со стороны пакистанских властей привели к резкому обострению отношений между Индией и Пакистаном, а затем и к перерастанию их в кризисную ситуацию.

В настоящее время характерным примером сепаратистских движений на постсоветском пространстве и вызванных ими военно-политических кризисов являются приднестровский и абхазский сепаратизм. При этом приднестровский кризис показывает, что сепаратистские движения могут возникать на вненациональной и внерелигиозной основе.

Лидирующие места в возникновении кризисов данного типа в послевоенный период занимали Азия и Африка.

Глава 5. Территориальные споры

Военно-политические кризисы на этой почве возникали, как правило, в том случае, когда оспариваемые территории имели для обоих претендентов важное военно-стратегическое или экономическое значение, а также вследствие споров сопредельных государств по поводу территориальных вод, месторождений конкретных полезных ископаемых и т.д.

К основным разновидностям данных кризисов относятся ситуации, вызванные: попытками пересмотра пограничных межгосударственных договоров; отказом государств, как правило новообразованных, признать прежние условные административные границы, которые были определены для них в рамках когда-то единого государства; оспариванием территорий, принадлежность которых четко не закреплена в предшествующих договорах, актах и соглашениях.

Причина возникновения военно-политических кризисов первого вида в том, что

⁴⁴³ Там же. С. 168.

⁴⁴⁴ Сикхский сепаратизм: история возникновения, социально-экономические корни и политическая эволюция. М., 1987. С. 49.

определение пограничной линии в межгосударственных договорах не всегда гарантированно устраняет опасность возникновения военно-политических кризисов по территориальной проблеме. Межгосударственные договоры по территориальным вопросам нередко оспаривают, поводом для чего является, как правило, смена правительства, нередко в результате государственного переворота, влекущая за собой в отдельных случаях изменение правительственного курса, в том числе и по территориальным проблемам. В подобных условиях ранее заключенные межгосударственные договоры по пограничным проблемам нередко отвергаются или частично ревизуются, что создает предпосылки для возникновения соответствующих военно-политических кризисов. Этому могут способствовать попытки противопоставления договоров по одной и той же территориальной проблеме, заключенных в разные исторические периоды, реанимация так называемого исторического права на спорную территорию и др.

Эти факторы, к примеру, проявились в ходе характерного кризиса между Ираком и Ираном по поводу совместного использования водного пути Шатт-аль-Араб (28 ноября 1959 г. — 4 января 1960 г.)⁴⁴⁵.

Первым соглашением по вопросу границы между Персией и Османской империей, в которую входила и территория современного Ирака, стал Омассийский договор 1555 г., на основе которого в 1639 г. был выработан Зухабский договор, ставший предметом последующих споров и конфликтов⁴⁴⁶. В 30-х гг. XX в. обе стороны стали высказывать свое недовольство сложившимся положением. Так, Иран требовал, чтобы вся граница вдоль Шатт-аль-Араб была установлена по тальвегу, и оба государства имели равные права на реку. Ирак, со своей стороны, претендовал на участки территории, входившей в состав Ирана. Общая площадь этих территорий, расположенных вдоль сухопутной границы к северу от р. Шатт-аль-Араб, составляла 400 тыс. кв. км. В 1937 г. стороны заключили компромиссный пограничный договор, предусматривавший незначительные изменения границ в пользу Ирака. В соответствии с договором Ирак получил право собирать плату за транзит с проходивших судов, на него была возложена ответственность за поддержание водного пути в надлежащем состоянии.

После резкого изменения политической обстановки в Ираке, вызванного свержением династии хашемитов в июле 1958 г., шах Ирана сразу же выразил неудовлетворение соглашениями 1937 г. Кризис для Ирака начался с пресс-конференции 28 ноября 1959 г., на которой шах Ирана охарактеризовал существующее в Шатт-аль-Араб положение как «неприемлемое»⁴⁴⁷. Ответом стало заявление премьер-министра Ирака 2 декабря, в котором подтверждались принадлежность водного пути его стране.

Обострение территориального спора произошло в результате углубившихся противоречий между экономическими интересами молодой национальной буржуазии Ирака и Ирана, стремившихся приобрести экономические и политические выгоды за счет соседнего государства⁴⁴⁸. Ирак стремился обеспечить главенствующее положение национального капитала, прежде всего в зоне Персидского залива. Одним из средств удовлетворения этих интересов была избрана система экономических, политических и военных мероприятий, направленных на установление контроля над богатейшими нефтеносными районами иранской провинции Хузестан, содержащей около 90% всей иранской нефти и населенной большей частью арабами. Это и послужило одной из коренных экономических причин возникновения

⁴⁴⁵ Shubin S. and Zabin S. The Foreign Relations of Iran: A Developing State in a Zone of Great-Power Conflict. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1974. Pp. 78—79.

⁴⁴⁶ Tareq I. Iraq and Iran: Roots of Conflict. N.Y., 1982. P. 36.

⁴⁴⁷ Якушев С.П. Военные действия вооруженных сил Ирана и Ирака в войне 1980—1988 гг. // Дисс. к.и.н. М., 1990. С. 37.

⁴⁴⁸ Там же. С. 22.

кризиса между Ираном и Ираком. Впоследствии, в сентябре 1980 г., именно на Хузестан был направлен главный удар Ирака, а неудача в овладении провинцией пошатнула устремления правящего режима этой страны к военному решению проблемы⁴⁴⁹. В Иране, в свою очередь, национальная буржуазия использовала антиимпериалистические и национальные тенденции «исламской революции» 1978—1979 гг. для установления полного контроля над богатствами страны, особенно над нефтяными запасами Хузестана. Важную роль в вызревании кризиса сыграло также соперничество обоих государств за политическую гегемонию в регионе Персидского залива: Ирака — в арабском мире, а Ирана — среди мусульманских государств.

В целом основной массив территориальных военно-политических кризисов возникает, как правило, между новообразованными государствами: а) освободившимися от колониального правления; б) возникшими в результате распада федераций. При этом обе стороны, втянутые в подобного рода кризисы, оспаривают или полностью отвергают заключенные ранее международные договоры по территориальным вопросам.

Примерами в этом отношении явились неоднократные кризисы между Эфиопией и Сомали (Африка), Венесуэлой и Гвианой (Латинская Америка) и др. Достаточно безболезненное их завершение объясняется примерно равным соотношением военного потенциала оппонентов и активной посреднической деятельностью третьих сторон и международных организаций, как это произошло в случае венесуэльско-гвианского кризиса, длившегося, несмотря на долгую предысторию, практически один день (9 июля 1968 г.)⁴⁵⁰.

В случае же превосходства одной из сторон, ее стремления занять в конкретном регионе роль военно-политического лидера, кризис может растянуться на десятилетия без явного завершения, как правило, перерастая в вооруженные столкновения. При этом в ходе кризиса одна или обе стороны обращаются к широкому комплексу средств воздействия на оппонента: обострению внутривнутриполитической обстановки, разжиганию межнациональной розни, осуществлению террористско-подрывной деятельности и др.

Примером является военно-политический кризис между Эфиопией и Сомали, который начался 26 декабря 1960 г. и длился около года без явной даты завершения⁴⁵¹.

Соглашение 1954 г. между Великобританией и Эфиопией подтвердило аннексию Эфиопией в 1897 г. района Хуадно, гарантируя при этом права сомалийских племен, проживающих в этом районе. 5 июня 1960 г. сомалийское руководство заявило, что соглашение 1954 г. стало недействительным после провозглашения Сомали независимости. 30 августа правительство Сомали опубликовало манифест, в котором содержался призыв к созданию Великого Сомали, который включал бы всю территорию Сомали, находившейся под британским и итальянским правлением, так же как и часть Эфиопии и Кении, населенных сомалийцами. Оно также заявило, что соглашение 1897 г. с Эфиопией нарушило оборонительные договоры, которые в свое время заключила Великобритания с северо-сомалийскими племенами в 1885 г. Результатом стал острый военно-политический кризис между Эфиопией и Сомали, переросший впоследствии в вооруженный конфликт. Предпосылки для возникновения подобных кризисных ситуаций проявляются в настоящее время на постсоветском пространстве.

После Второй мировой войны значительная часть военно-политических кризисов возникла в результате притязаний государств на спорные территории. Это было обусловлено прежде всего тем, что в послевоенный период многочисленные участки пограничной линии не были охвачены соглашениями.

Подобное положение в определенной степени явилось следствием международного права прошлого века, которое различало естественные и искусственные границы. На естественных

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Ince B.A. Venezuela-Guyana Boundary Dispute in the UN// Caribbean Studies, ix, 4/Jan.1970/. Pp. 5—25.

⁴⁵¹ Castango A.A. Conflicts in the Horn of Africa // Orbis, iv, 2 / Summer 1960/. Pp. 204—215.

границах — крупных природных преградах и рубежах: горных хребтах и степях, морях и реках — линия государственной границы, как правило, не обозначалась. Лишь постепенно искусственные линии разграничения начали устанавливаться не только там, где отсутствуют естественные рубежи, но и вдоль них. Однако это было сделано не везде и не в полном объеме.

Меньше определенности было с границами колониальных владений. В ряде случаев колониальные державы заключали между собой соглашения о разграничении их колоний по параллелям и меридианам, но на местности линия границы не устанавливалась. В результате освободившиеся от колониальной зависимости страны получили в наследство множество сложных и спорных территориальных вопросов.

Основной причиной возникновения военно-политических кризисов вокруг спорных территорий являлось не просто стремление оппонентов к механическому приращению собственной территории, а, как правило, борьба за богатые полезными ископаемыми или стратегически важные территории и районы. Поэтому подобные кризисы характеризуются остротой, неопределенным исходом и периодической возобновляемостью.

Так, ряд кризисов по поводу спорных территорий произошел между новообразованными в 1947 г. Индией и Пакистаном. Спор возник в отношении принадлежности трех княжеств: Кашмира, Хайдарабада и Юнагадха, — не подписавших, в отличие от других княжеств, географически прилегающих к Индии и Пакистану, договора о присоединении к тому или иному государству. После раздела Британской Индии на Индию и Пакистан Кашмир формально остался независимым княжеством, однако его независимость сразу же оказалась под вопросом из-за огромной стратегической важности этой территории как для Индии, так и для Пакистана.

Для Пакистана стратегическая значимость Кашмира обуславливается тем, что там располагаются верховья четырех рек, от которых во многом зависит вся ирригационная система Пакистана. В свою очередь Индия стремилась в Кашмир из-за его особого географического положения. Располагаясь на стыке Индии и Пакистана, Кашмир позволяет контролировать китайский Тибет и узкий коридор Вакхал, ведущий из Афганистана к Советскому Союзу⁴⁵².

Другим характерным примером кризисных ситуаций данного вида стал индо-китайский пограничный военно-политический кризис (25.08.1959—19.04.1960)⁴⁵³. Индия в своих претензиях на северо-восточную пограничную область ссылалась на соглашение Симла 1914 г., заключенное между Британской Индией и полуавтономным Тибетским правительством, в соответствии с которым была установлена так называемая линия Макмагона, которая продвинула индийскую границу к северу на расстояние свыше 60 км вплотную к предгорьям Гималаев, хотя долгое время оставалась лишь красной линией на мелкомасштабных картах. Однако это соглашение ни тогда, ни позже не было ратифицировано правительством Китая, аннексировавшего впоследствии Тибет, что создавало основу для взаимных притязаний на спорную область.

Британская администрация Индии не предпринимала усилий для проведения пограничной линии в соответствии с местностью вплоть до 1938 г., когда впервые в этот район была послана небольшая разведывательная экспедиция. После обретения независимости в 1947 г. Индия установила ряд горных станций в Ассаме и предприняла попытку обеспечить контроль над линией Макмагона⁴⁵⁴. Политика Д. Неру в тот момент была направлена на оккупацию всей спорной территории.

Подобный курс, казалось, имел шансы на успех, особенно на востоке, где Китай не

⁴⁵² Blinkenberg L. India-Pakistan: The History of Unsolved Conflicts. Copenhagen: Munksgaard, Dansk Udenrigspolitik Instituts Skrifter, 4, 1972. Pp. 52—129.

⁴⁵³ Maxwell N. India's China Wars. Garden City, NY: Doubleday, 1970. Pp. 82—104.

⁴⁵⁴ Lamb A. The China-India Border: The Origins of the Disputed Boundaries. London: Oxford University Press, 1964. P. 59.

сопротивлялся действиям Индии по занятию спорного района Таванг в 1951 г.⁴⁵⁵

Однако для Китая оказалась намного более значимой проблема спорного района Аксай Чин контроль над этим горным плато означал для него сохранение единственно доступного пути в западный Тибет.

Китайские силы вошли в Аксай Чин в 1950 г. К 1958 г. власти Китая с большими усилиями завершили строительство 150-километровой дороги стратегической важности, проходившей по территории, на которую претендовала Индия. Строительство дороги было необходимо в первую очередь для обеспечения контроля над Тибетом⁴⁵⁶. Индия обнаружила эту дорогу лишь в октябре 1958 г. и сразу же заявила решительный протест Пекину. Развернувшаяся дипломатическая переписка вскрыла диаметрально противоположные подходы Китая и Индии к пограничной проблеме⁴⁵⁷.

Китай исходил из того, что данный пограничный спор является искусственным, как наследие колониального периода. Премьер-министр КНР Чжоу Энь-лай предложил, чтобы обе стороны поддерживали установившийся территориальный статус-кво до тех пор, пока конфликт не будет разрешен на основе взаимных консультаций. Он также намекнул на то, что Китай готов удовлетворить индийские территориальные претензии на восточном направлении в обмен на признание ею китайского суверенитета на западе. Соответственно Китай не соглашался на то, чтобы предметом переговоров являлась линия Макмагона в целом, за исключением ее восточного участка. Индия в свою очередь настаивала на том, чтобы Китай в качестве предварительного условия дальнейших взаимных консультаций по пограничным проблемам безоговорочно покинул всю спорную территорию. На этот раз не согласился Китай.

В результате в Индии относительно дружелюбное отношение к Китаю быстро трансформировалось в недовольство и враждебность. За проведение жесткой политики в отношении Китая выступило значительное число политических деятелей Индии. Основная критика оппозиции сконцентрировалась на министре обороны К. Меноне, который более чем кто-либо из индийских политических деятелей был связан с политикой добрососедства к Пекину. Кризис начался 25 августа 1959 г. после того, как индийские военные патрули появились в районе Лонгджу, который Пекин рассматривал как безусловно китайскую территорию⁴⁵⁸.

Военно-политический кризис данной разновидности возник и в 1982 г. между Англией и Аргентиной по поводу Фолклендских (Мальвинских) островов. Его особенностью являлась ссылка обеих сторон на давние исторические права по владению островами.

Острова были впервые открыты английскими мореплавателями в 1594 г., назвавшими их в честь виконта Фолкленда. Однако первое поселение на островах было организовано только в 1764 г., и не британцами, а французами. В тот период Лондон не проявлял к островам особого интереса. Ситуация изменилась с 1833 г., когда туда был направлен британский военный корабль, а его капитан — назначен губернатором острова. С этого времени различные британские компании стали скупать на островах землю. К 1982 г. свыше 70% земли принадлежало компаниям, зарегистрированным в Англии⁴⁵⁹.

Аргентинское правительство основывало свои требования к островам на двух факторах:

⁴⁵⁵ Maxwell N. India's China Wars. Garden City, NY: Doubleday, 1970. Pp. 259—288.

⁴⁵⁶ Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае: теоретический аспект национальной политики: Автореф. дисс. д. и. н. М., 1994; Гусаченко В.К. Внешняя политика Пекина в оценке индийских ученых // Проблемы Дальнего Востока. М., 1982. С. 60—72.

⁴⁵⁷ Рякин Ю.М. Индия и Китай: проблема нормализации отношений// Проблемы Дальнего Востока. 1984, № 3. С. 105—110.

⁴⁵⁸ Thornton R.C. China: The Sniggle for Power: 1917—1972. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1973. P. 89.

⁴⁵⁹ Laffin J. Fight for the Falklands. UK, Chivers Press Bath, 1982. P. 222.

географической близости и более раннем историческом расселении на этой территории. Действительно, в период безвластия (1829—1833 гг.) острова были названы Мальвинскими и на них стали бессистемно расселяться аргентинцы.

Современное возобновление британо-аргентинского спора датируется 1965 г. В этот год Генеральная Ассамблея ООН обратилась к спорящим сторонам с предложением провести переговоры для поиска мирного разрешения конфликта вокруг принадлежности Фолклэндов. Переговоры проводились практически ежегодно и проходили трудно. Одной из причин этого стало сообщение нефтеразведочной компании «Шелл» об обнаружении в районе между Фолклэндами и Патагонским побережьем крупного нефтяного месторождения, названного «новым Кувейтом»⁴⁶⁰.

В ходе переговоров Аргентине удалось достичь соглашения о восстановлении ею воздушной и морской связи с Фолклэндами. Правительство Аргентины получило также право выдать лицензию государственной топливной компании на обеспечение местного населения топливом. Так как Лондон не возражал по существу против этих намерений, Аргентина восприняла это как знак того, что Англия готова молчаливо уступить Фолклэнды, и с 1976 г. стала незаконно устанавливать на территории островов некоторые объекты. Англия выразила по этому поводу ряд протестов, которые были проигнорированы Аргентиной: пассивное поведение английского правительства казалось последней еще одним обнадеживающим сигналом.

Тем не менее напряженность в отношениях двух стран постепенно обострялась. В 1976 г. послы обеих стран покинули соответствующие столицы. В этот же год аргентинский эсминец сделал предупреждающие выстрелы по курсу английского корабля, находившегося в спорных водах⁴⁶¹. В 1977 г. Лондон, узнав о планах Аргентины по оккупации островов, направил в спорный район небольшую военно-морскую группу, которая некоторое время дислоцировалась в 400 милях от Фолклэндов⁴⁶².

Однако позже английское правительство, заинтересованное в более тесных экономических связях с Аргентиной, предложило восстановить их. В Аргентине это было воспринято как признак того, что Англия не прибегнет к военным действиям для защиты Фолклэндов. Казалось, новым подтверждением этому стало и посещение островов в 1980 г. министром иностранных дел Англии, в ходе которого он предложил компромиссное решение: отсрочить распространение суверенитета Аргентины на острова в обмен на предоставление Англии полных прав на Фолклэнды на определенный срок — так называемый «гонконгский вариант»⁴⁶³.

После того как реализовать этот вариант не удалось, аргентинское правительство прибегло к попытке силового разрешения спорной проблемы, что привело к возникновению острого военно-политического кризиса между Англией и Аргентиной, переросшего затем в вооруженный конфликт.

Неоднократные военно-политические кризисы вызывал и территориальный спор между Чадом и Ливией по поводу полосы Ауза. Первому из них (24.05.1971—17.04.1972 гг.) предшествовало ухудшение отношений между двумя странами в 1969 г., после свержения в Ливии короля Идриса и прихода к власти М. Каддафи⁴⁶⁴.

⁴⁶⁰ Ibid. P. 6.

⁴⁶¹ Ibid. P. 6.

⁴⁶² Ibid. P. 7.

⁴⁶³ Ibid. P. 8.

⁴⁶⁴ Neuberger B. Involvement, Invasion and Withdrawal: Qadhdhabi's Libya and Chad. Tel Aviv University Shiloah Center, Occasional Papers. Vbl. 83, 1982. Pp. 31—126.

Ливийский лидер резко обострил предшествовавшие претензии Ливии на значительную часть северного Чада, и прежде всего на полосу Аузу, богатую полезными ископаемыми. Эту полосу Франция уступила Италии в 1938 г., а после провозглашения независимости перешла к Чаду. Вместе с тем юридическая основа для подобной передачи была сомнительной, поскольку договор о передаче так и не был ратифицирован Национальной ассамблеей Франции. В борьбе за полосу Ауза Ливия прибегла к широкому набору средств, включая всемерную поддержку национального движения на территории Чада.

В особую и достаточно распространенную разновидность территориальных военно-политических кризисов можно выделить межгосударственные споры по поводу принадлежности территориальных вод и водных ресурсов.

Так, военно-политический кризис по поводу преимущественных прав рыбного промысла произошел между Мексикой и Гватемалой (29.12.1958—12.01.1959 гг.). Мексика рассматривала ширину своих территориальных вод в 9 миль, в то время как Гватемала — в 12 миль. Мексиканские рыбаки вели промысел в водах, которые Гватемала считала своей государственной территорией⁴⁶⁵.

Кризисы по поводу водных ресурсов особенно характерны для регионов с засушливым климатом. Таким был острый военно-политический кризис по поводу иорданских вод между Египтом, Израилем, Иорданией, Ливаном и Сирией (11.12.1963—5.05.1964 гг.)⁴⁶⁶.

Спор между Израилем и соседними арабскими государствами об использовании иорданских вод имеет давнюю историю. С середины 40-х гг. существовало несколько проектов его решения, но только один из них — так называемый объединенный план Джонсона — был в 1955 г. одобрен и согласован на техническом уровне как с Израилем, так и с арабскими государствами. Однако совещание политического комитета Арабской Лиги отвергло его из-за якобы явного преимущества для Израиля. После арабо-израильской войны 1956 г. все надежды на согласование и взаимоприемлемое решение этого вопроса отошли в прошлое. Каждая сторона чувствовала себя совершенно независимой в достижении одностороннего решения проблемы. В 1959 г. Израиль начал осуществление так называемого плана «Национальный водный карьер» для переброски воды из озера Тибериас в пустыню Негев, что вызвало обостренную реакцию арабских государств. Сирия, например, утверждала, что осуществление этого плана угрожает их безопасности, поскольку в новых условиях Израиль мог бы поселить на своих землях большее число иммигрантов, увеличив тем самым свою потенциальную военную мощь. В результате между Израилем и Сирией возник военно-политический кризис, в который в той или иной степени были вовлечены также Египет, Иордан, Ливан.

В настоящее время многочисленные предпосылки для возникновения военно-политических кризисов по территориальным проблемам возникли в постсоветском пространстве. Так, свои притязания на часть территории России уже выдвинули Эстония и Латвия. Эстония претендует на часть Псковской и Ленинградской областей, в историческое обоснование своей позиции ссылаясь на положение Тартуского (Юрьевского) мирного договора, заключенного между Советской Россией и Эстонской Республикой 2 февраля 1920 г., в соответствии с которым земли Занаровья и Печоры отошли к последней⁴⁶⁷.

В обозримой перспективе территориальный спор может возникнуть также между Польшей, Беларусью и Литвой несмотря на то, что все эти государства заявили о своей приверженности принципу нерушимости границ, закрепленному в Хельсинкском заключительном акте СБСЕ (1975 г.) и Парижской хартии для новой Европы. В первую очередь это связано с судьбой Виленского (Вильнюсского) края, который оказался в составе Литвы в

⁴⁶⁵ Crises in the 20-th Century, vol.1. England /Oxford/, Pergamon Press, 1988. P. 243.

⁴⁶⁶ Jansen G. H. The Problem of the Jordan Waters// World Today, 20, 2 /Feb. 1964/. Pp. 60—68.

⁴⁶⁷ Документы внешней политики СССР. М. : Госполитиздат, 1958. Т. 2. С. 340.

результате пакта Риббентропа — Молотова (август 1939 г.)⁴⁶⁸.

В настоящее время уже высказаны и территориальные притязания Финляндии на часть территории Карелии. Они связаны с мирным договором между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., по которому часть территории Финляндии, захваченной в ходе советско-финской войны, была передана в состав Карельской АССР, в том числе города Выборг, Антреа, Кексгольм, Сортавала, Суоярви, Куолярви. В состав Карело-Финской ССР были переданы и промышленные предприятия, расположенные на территории, включенной в состав Карелии. Однако 16 июля 1956 г. Карело-Финская ССР была преобразована в Карельскую АССР с включением в состав РСФСР⁴⁶⁹.

В перспективе могут осложниться отношения России и Германии и в целом с ЕС в связи с Калининградской областью (б. Восточной Пруссией), переданной в состав СССР в соответствии с решениями Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. Наименование Калининграда г. Кенигсберг получил 4 июля 1946 г.⁴⁷⁰.

Общеизвестны пограничные проблемы России и Японии. Сложной остается пограничная линия России и Китая, Казахстана и Китая.

Помимо этого, особая группа предпосылок для возникновения военно-политических кризисов на постсоветском пространстве обусловлена условным начертанием административно-территориальных границ в бывшем СССР и возможностью их оспаривания новообразованными государствами.

Глава 6. **Внутригосударственные конфликты**

Ряд военно-политических кризисов в послевоенный период возник в результате внутригосударственных конфликтов, прежде всего гражданских войн как их наиболее острой и масштабной формы.

В строгом смысле слова вооруженное противостояние различных политических сил и движений в ходе гражданской войны не входит в сферу межгосударственных военно-политических кризисов, и в целом гражданская война рассматривается как одна из форм внутригосударственного конфликта, то есть конфликта, происходящего в рамках границ суверенного государства.

У истоков гражданских войн лежат действия социально организованного класса или группировки, стремящихся любой ценой защищать определенные политические и экономические ценности, что вызывает противодействие других слоев общества. В ходе разворачивающегося противостояния формируется, как правило, незаконное (не избранное демократическим путем) правительство, которое обладает, реально или предположительно, не только экономическими возможностями, но и доверием части регулярных вооруженных сил, чтобы развернуть борьбу за контроль над остальной территорией страны. Власть этого правительства распространяется на значительную территорию и опирается на поддержку части населения. Данный признак позволяет в первую очередь отличить гражданскую войну от иных, более мелких по масштабу социальных конфликтов внутри общества. К другим характерным признакам гражданской войны относятся использование вооруженного насилия, политические или иные притязания оппозиционных сил, не предусмотренные действующим законодательством страны, которое по крайней мере для одной из сторон, утрачивает свою юридическую обоснованность.

⁴⁶⁸ См.: Донгаров А.Г., Пескова Г.Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939 — август 1940)// «Вопросы истории». 1991. № 1. С. 38.

⁴⁶⁹ История Советской Конституции, 1917—1956. М.: Юриздат, 1957. С. 810—811.

⁴⁷⁰ Дипломатический словарь. М.: Наука. 1984. С. 126.

В подобных условиях международным организациям или другим посредническим сторонам чрезвычайно трудно определить, кто ответствен за продолжающееся насилие, ведь в создавшейся обстановке насилие принимается противоборствующими сторонами как законное политическое оружие. Правительство постепенно утрачивает монополию на возможность одностороннего применения политического и военного принуждения по отношению к оппозиционным политическим силам. От обычного внутригосударственного конфликта гражданская война отличается и тем, что правительство сразу же становится одной из вовлеченных в нее сторон. Уже на первых ее этапах возникает неясность относительно того, кто же обладает подлинной властью.

Начало гражданской войны сопровождается ее постоянной интернационализацией, создающей предпосылки для возникновения межгосударственных военно-политических кризисов. Активная поддержка зарубежными государствами одной из противоборствующих сторон может осуществляться с целью ослабления правительственных сил государства, рассматриваемого как недружественное, попытки установления в стране лояльного политического режима, разрешения в свою пользу давних территориальных и иных споров в условиях развивающейся внутривнутриполитической нестабильности у оппонента.

Основной предпосылкой для вызревания межгосударственных военно-политических кризисов в результате гражданских войн является оказание прежде всего военной помощи в формах поставки вооружения и военной техники, направления военных специалистов, демонстрации военной силы в поддержку одной из сторон и т.д., но чаще всего — непосредственное участие воинского контингента третьей стороны в боевых действиях в поддержку правительственных и/или оппозиционных сил.

Важными факторами, способствующими возникновению подобных кризисов, являются также географическая близость и относительное равенство в соотношении военных сил страны — очага гражданской войны и сопредельного государства, втянувшегося в этот крупномасштабный внутригосударственный конфликт.

Характерным примером подобного развития событий стали неоднократные йеменские кризисы. В первом из них (26.09.1962—15.04.1963 г.), возникшем в результате войны в Йеменской Арабской Республике, непосредственное участие приняли Египет, Иордания, Республика Йемен, Саудовская Аравия и США⁴⁷¹.

Предпосылки для возникновения гражданской войны в Йемене возникли после смерти имама Ахмеда, единоличного правителя страны, умершего в сентябре 1962 г. Смена его у власти имамом Мухаммедом аль-Бадром не обеспечила устойчивости режима в политическую стабильность в стране. Спустя неделю монархия в стране была свергнута в результате государственного переворота, осуществленного группой офицеров во главе с полковником А. Саллялем, до этого находившегося в политической эмиграции в Египте⁴⁷². Единственным государством в арабском мире, имевшим не только военную и материальную возможность, но и моральное право выступить в поддержку йеменских республиканцев, оказался насеровский Египет, давно стремившийся к свержению монархического режима в Йемене.

Отношения между двумя государствами, в бытность монархического правления в Йемене, были традиционно сложными. Свергнутое йеменское руководство небезосновательно подозревало Египет в поощрении и поддержке нескольких заговоров с целью свержения политической власти, имевших место в 1953 и 1955 гг. Стремясь нейтрализовать угрозу из Египта, йеменское руководство инициировало подписание 21 апреля 1956 г. договора о совместной обороне между Египтом, Саудовской Аравией и Йеменом, который получил название Джиддийского пакта⁴⁷³. Договор расценивал любое вооруженное нападение на одно

⁴⁷¹ Dawisha A.I. Intervention in Yemen: An Analysis of Egyptian Perceptions and Politics// Middle East Journal, 29,1 /1975/. Pp. 47—64.

⁴⁷² Ibid

⁴⁷³ Крахмалов С.П. Йеменская Арабская Республика и вооруженные силы. М.: Воениздат, 1977. С. 19.

из государств или его вооруженные силы как нападение на всех участников Договора и предусматривал использование всех имеющихся возможностей, в том числе и вооруженных, для отражения агрессии и восстановления безопасности и мира. Однако союз трех арабских государств не мог быть прочным: слишком разными были их политические системы, государственное устройство, цели и задачи внутренней и внешней политики. Окончательный кризис доверия между тремя участниками Джибдийского пакта наступил в связи с начавшейся в Египте национализацией и резкой критикой подобной политики королевским Йеменом.

21 декабря 1961 г. правительство Египта в одностороннем порядке расторгло Джибдийский пакт. Египетские органы информации активизировали пропагандистскую кампанию против монархического Йемена. Вплоть до переворота 1962 г. между двумя государствами фактически шла пропагандистская война. В подобных условиях правительство Г. Насера без промедления признало республиканский режим в Йемене (29 сентября 1962 г.).

Это первое международное признание молодой республики дало монархистам повод утверждать, что события 26 сентября были инспирированы Каиром, который якобы явился не только вдохновителем, но и непосредственным организатором республиканского заговора против Хамидаддинов. Однако, как свидетельствуют документы, Каир, зная о существовании оппозиционных настроений в йеменской армии, лишь поощрял их, особенно после июля 1961 г., когда отношения между Египтом и монархическим Йеменом резко обострились⁴⁷⁴.

Развитие событий в Йемене уже 26 сентября 1962 г., сразу же после государственного переворота, вызвало кризис для Саудовской Аравии и Иордании. Обе страны опасались возможного распространения революционных событий из Йемена в собственные страны. Еще более обострил обстановку факт прямой военной вовлеченности Египта в происходившие события: 29 сентября 1962 г. в крупные города Северного Йемена — Сану и Таизз — самолетами были доставлены первые египетские солдаты⁴⁷⁵. Одновременно египетская военная миссия в Йемене приступила к активной работе по реорганизации вооруженных сил республики. Египтяне заняли в них командные должности, выделили специальное подразделение парашютистов для охраны А. Салляля и других руководящих деятелей ЙАР⁴⁷⁶.

Военная помощь Египта была вызвана возникшей в Йемене сразу же после переворота крайне напряженной обстановкой.

Зейдистские племена Северного и Северо-Восточного Йемена, при прежнем режиме находившиеся в привилегированном положении, не торопились поддержать республиканское правление. Это обуславливалось в том числе и тем, что от власти был отстранен духовный глава племен имам Мухаммед, который считался безгрешным и не совершающим ошибок.

Появление Мухаммеда в пограничных с Саудовской Аравией районах, прибытие туда эмира аль-Хасана, других членов свергнутой династии и видных деятелей прошлого режима послужило началом организованной вооруженной борьбы против республиканского правительства⁴⁷⁷.

Монархисты представляли собой серьезную угрозу. Племенное ополчение по численности превышало регулярную йеменскую армию. Так, племя бакиль могло выставить до 100 тыс. вооруженных бойцов, зу мухаммед и зу хусейн — до 70 тыс. бойцов и т.д.⁴⁷⁸. Гористая местность и отсутствие дорог мешали республиканцам использовать военную технику, которая

⁴⁷⁴ Brown W.R. The Yemeni Dilemma // *The Middle East Journal*. 1963, aut. No. 17. Pp. 355—357; Balance E. *The War in the Yemen*. Hamden CT: Archon Books, 1971. Pp. 9, 17—42.

⁴⁷⁵ Dawisha A.I. Intervention in Yemen: An Analysis of Egyptian Perceptions and Politics // *Middle East Journal*, 1975, №1. Pp. 47—64.

⁴⁷⁶ Ibid. P. 51.

⁴⁷⁷ См.: Герасимов О.Г. Йеменская революция. 1962—1975 гг. М.: Наука, 1979. С. 40—59.

⁴⁷⁸ Там же. С. 55.

могла бы компенсировать малочисленность личного состава их вооруженных сил. Ситуация усугублялась тем, что из Саудовской Аравии и Иордании с 1 октября началась организованная поставка оружия вооруженным формированиям сторонников монархии.

В создавшихся условиях, несмотря на поддержку большинства армейских офицеров, населения южных районов страны, местной интеллигенции, эмигрантских кругов и ряда националистических организаций, сохранить республиканский режим без военной помощи Египта практически было невозможно. Республиканцы не располагали не только необходимыми военными и финансовыми возможностями для борьбы против монархистов и Саудовской Аравии, но даже не имели реальной долговременной программы политических и социально-экономических преобразований, которая привлекла бы на их сторону широкие массы народа, прежде всего северных зейдистских районов.

Изгнанный же Мухаммед своей тронной речью и первыми декретами перехватил у республиканцев инициативу, и они фактически были вынуждены начать свою деятельность с осуществления декретов свергнутого монарха.

Таким образом, были созданы предпосылки для активного вовлечения в североюменский конфликт других государств, и более того — для их непосредственного столкновения.

5 октября 1962 г. саудовская авиация подвергла бомбардировке североюменский город Эль-Бейда. 6 октября подразделение саудовских солдат вторглось на территорию ЙАР на севере страны, но было отбито. В свою очередь 4 ноября радио Саудовской Аравии объявило, что египетские самолеты подвергли бомбардировке 5 саудовских деревень⁴⁷⁹.

В ответ на установление военного союза между Иорданией и Саудовской Аравией 8 ноября 1962 г. между ЙАР и Египтом был подписан договор о взаимной обороне, который узаконил пребывание в стране египетских войск и их боевую поддержку республиканцев. В конце ноября 1962 г. в египетской печати появились сообщения о назначении А. Садата представителем Г. Насера в ЙАР и об участии в боях против монархистов на севере и северо-востоке Йемена египетских подразделений коммандос, получивших название «горные дьяволы»⁴⁸⁰.

Регулярными стали вооруженные рейды из ЙАР на территорию Саудовской Аравии. В ответ Саудовская Аравия начала подготовку рейдов возмездия на территорию Йемена. Получив сообщение о готовящихся акциях, Йемен пригрозил воздушными ударами по территории Саудовской Аравии⁴⁸¹.

США отреагировали на кризис отправкой группы военных кораблей в Персидский залив, таким образом предостерегая Египет и ЙАР от возможного нападения на территорию Саудовской Аравии. Одновременно президент США Дж. Кеннеди призвал стороны к мирному урегулированию кризиса и объявил о признании республиканского правительства в Йемене. Тем не менее 19 декабря 1962 г. авиация Египта нанесла удар по ряду объектов на территории Саудовской Аравии, где в ответ была объявлена всеобщая мобилизация⁴⁸².

После долгих и трудных переговоров 30 апреля 1963 г. между ЙАР, Египтом и Саудовской Аравией было подписано соглашение о разъединении сил. По этому соглашению Саудовская Аравия обязалась прекратить помощь свергнутому королю и запретить его отрядам использовать свою территорию для нападения на ЙАР. Со своей стороны Египет должен был начать вывод войск из Йемена. До этого, 15 апреля 1963 г., Иордания признала Республику Йемен и вышла из войны. Для контроля за осуществлением соглашения были направлены наблюдатели ООН, которые уже к середине июля 1963 г. прибыли в район

⁴⁷⁹ Little T. South Arabia: Arena of Conflict. London: Pall Mall Press, 1968. Pp. 48—64.

⁴⁸⁰ Kimehe J. Yemen: Nasser's Vietnam // Midstream, 12 /4/. 1966. Pp. 34—44.

⁴⁸¹ O'Ballance E. The War in the Yemen. Hamden, CT: Archon Books, 1971. Pp. 102—103.

⁴⁸² Stookey R.W. South Yemen: A Marxist Republic in Arabia. Boulder, CO: Westview Press. 1982. Pp. 61—62.

саудовско-аравийской границы.

Несмотря на формальное соглашение, противоречия между противостоявшими сторонами снять не удалось. Политическая слабость республиканского режима, постоянная напряженность на границах, перераставшая в вооруженные столкновения с монархистами, продолжали создавать кризисную обстановку.

Этому же способствовала скрытая военная поддержка монархистов Соединенными Штатами через Саудовскую Аравию и республиканского режима Советским Союзом через Египет. В результате вокруг гражданской войны в Йемене возникали неоднократные военно-политические кризисы (1964, 1965—1966, 1972, 1979 гг. и др.).

В Анголе гражданская война началась вслед за уходом португальских войск. Уже в ноябре 1975 г. на власть в стране стали претендовать три основные политические группировки, активно боровшиеся в свое время с португальским колониальным режимом: Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА) и Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА)⁴⁸³. Все три движения имели долгую историю борьбы, различные цели и идеологические программы, так же как и свою специфическую территорию базирования, что привело к накоплению между ними комплекса противоречий. В создавшихся условиях все попытки Португалии создать в 1974—1975 гг. подобие коалиционного правительства из представителей различных политических движений потерпели неудачу.

МПЛА, руководимое А. Нето, придерживалось в целом промарксистской ориентации. В составе движения преобладали сельские жители, частично — интеллигенция, которые до апреля 1974 г. находились преимущественно в эмиграции. Будучи наиболее организованным из всех национальных движений, МПЛА поддерживалась в основном народностями центральной Анголы, где располагалась и столица страны Луанда. От других организаций МПЛА также отличалась разносторонними международными контактами — с португальскими левыми организациями, с политическими группировками Швеции. Оно было признано в качестве ведущего политического движения также ФРЕЛИМО (Мозамбик) и ПАИГК (Гвинея-Биссау).

Именно на это движение в разворачивавшемся гражданском противостоянии сделал ставку Советский Союз⁴⁸⁴.

ФНЛА во главе с Х. Роберто имел в распоряжении небольшое количество партизанских отрядов, а его политическая организация была недостаточно оформленной. Основной социальной базой ФНЛА являлась народность баконго в северной Анголе и большое количество беженцев из числа этой народности, осевших в Заире⁴⁸⁵. У Х. Роберто установились тесные связи с правительством ЮАР, от которого он получал значительную военную и финансовую поддержку. Из США ФНЛА стало получать финансовую помощь — с середины 1974 г., вооружение — с середины 1975 г. Определенную поддержку оказывала ФНЛА и КНР.

Во главе УНИТА находился Дж. Савимби, порвавший в свое время с Роберто и образовавший самостоятельное движение. Его отряды находились преимущественно на самообеспечении и добывали оружие в ходе столкновений с португальскими войсками. Это движение в основном поддерживалось наиболее крупной народностью овимбунду, проживающей в южной Анголе⁴⁸⁶. Внешние связи УНИТА в тот период фактически были не развернуты, в результате чего движение испытывало острой недостаток в финансовых

⁴⁸³ Крахмалов С.П. Ангола и ее армия. М.: Воениздат, 1980. С. 26—30.

⁴⁸⁴ Porter B.D. The USSR in Third World Conflicts. Soviet Arms and Diplomacy in Local Wars 1945—1980. London: Cambridge University Press, 1984. Pp. 148.

⁴⁸⁵ Ibid.

⁴⁸⁶ Marcum J.A. The Angolan Revolution: The Anatomy of an Explosion (1950—1962). Cambridge: M.I.T. Press, 1969. Pp. 84—86.

средствах и вооружении. Несмотря на это, Савимби пользовался популярностью среди значительной части ангольского населения и мог реально претендовать на роль главы правительства Анголы после обретения страной независимости.

До предоставления Анголе независимости эти три движения, несмотря на взаимные противоречия, направляли основные усилия на борьбу с португальским режимом правления.

После падения правительства Кастану в апреле 1974 г., Лиссабон подписал с ФНЛА и МПЛА соглашение о прекращении огня (УНИТА в тот период не оказывала серьезного военного сопротивления) и официально признал право Анголы на независимость⁴⁸⁷. В январе 1975 г. руководители трех повстанческих движений встретились в Момбасе (Кения) с тем, чтобы выработать общую позицию на переговорах с Португалией. Позже в подписанном соглашении, признающем их как «единственных законных представителей ангольского народа», содержалось решение о формировании временного правительства и проведении свободных выборов до конца октября. Было принято решение создать на базе всех партизанских отрядов единую национальную армию⁴⁸⁸.

Однако в связи с претензией руководителей политических движений на единоличную власть в стране это соглашение было нарушено. В Луанде произошли вооруженные столкновения между отрядами МПЛА и ФНЛА.

К августу 1975 г. МПЛА, опираясь на советскую военную помощь (которая возобновилась в конце 1974 г. после краткого перерыва) и на устойчивую социальную и территориальную базу на западе страны, позволявшую удерживать твердый контроль над Луандой, развернули наступление на остальной части Анголы. К концу августа МПЛА контролировала 11 из 15 провинциальных центров, включая богатую полезными ископаемыми провинцию Кабинда⁴⁸⁹. Успех МПЛА вынудил Савимби и Роберто пойти на нежелательную в других условиях коалицию. В октябре 1975 г. их совместные вооруженные силы с незначительным успехом предприняли ряд наступательных действий против МПЛА.

В стране складывалась патовая в военном отношении обстановка, которая резко изменилась после вмешательства третьих стран. На стороне ФНЛА-УНИТА активно выступила ЮАР, оказавшая им не только финансовую, но и непосредственно военную помощь, и США. В свою очередь МПЛА стала опираться на поддержку СССР, Кубы, ряда восточноевропейских стран.

Межгосударственный военно-политический кризис по поводу гражданской войны в Анголе начался 28 октября 1979 г., когда мотопехотная колонна южноафриканских военнослужащих пересекла границу Анголы и поддержала своими действиями наступление ФНЛА — УНИТА⁴⁹⁰. Поддержка Южной Африки позволила этой коалиции меньше чем за три недели захватить пять административных центров. К середине ноября практически вся южная половина Анголы находилась под ее контролем.

К тому времени Народная Республика Ангола была признана не только СССР, но и рядом восточноевропейских и африканских стран. В то же время параллельное правительство, сформированное Савимби и Роберто, не получило дипломатического признания, несмотря на то что его поддерживали Южная Африка, Заир, Замбия, Китай и ряд африканских государств. Военная же обстановка складывалась явно не в пользу МПЛА. В декабре вооруженные формирования ее политических соперников при поддержке южноафриканских войск приблизились к Луанде. Одновременно усиливалась военная помощь от США.

⁴⁸⁷ Porter B.D. The USSR in Third World Conflicts. Pp. 148—149.

⁴⁸⁸ The Mombasa Agreements// Africa Contemporary Record / ACR / 1975—1976/. Pp. 78—79.

⁴⁸⁹ Porter B.D. The USSR in Third World Conflicts. P. 149.

⁴⁹⁰ Ibid.

В Москве и Гаване было принято решение направить в Анголу кубинские войска⁴⁹¹. Эти меры помогли МПЛА стабилизировать ситуацию, спасти столицу государства Луанду и обеспечить контроль практически над всей страной. ФНЛА потерпела поражение в основных политических и военных центрах.

Ввиду бесперспективности дальнейшей широкомасштабной военной помощи в январе 1980 г. ЮАР начала вывод своих войск из Анголы. На севере страны разгромленные формирования ФНЛА вынуждены были уйти на территорию Заира. Несмотря на то что очаговые бои еще продолжались на протяжении февраля — марта 1980 г., победа МПЛА была очевидной.

С этого времени правительство Народной Республики Ангола (НРА) стало получать повсеместное международное признание. В апреле она была принята в ООН. Тем не менее вооруженные формирования УНИТА при поддержке Южной Африки продолжали партизанскую войну против нового правительства. Регулярные вооруженные рейды с территории ЮАР в Анголу, в которых нередко принимали участие и южноафриканские военнослужащие, приводили в последующем к неоднократным военно-политическим кризисам с участием Анголы, ЮАР и Заира.

Схожими чертами в динамике вызревания характеризовались военно-политические кризисы, возникшие в результате ожесточенного гражданского противостояния в Бирме, Вьетнаме, Чаде, Сальвадоре и других странах.

Значительно реже, гражданскими войнами, межгосударственные военно-политические кризисы могут вызываться иными, уступающими им в масштабности внутригосударственными конфликтами, связанными с подготовкой или осуществлением государственных переворотов, покушением на видных политических деятелей и др.

Подобный кризис, к примеру, произошел между Доминиканской Республикой и Венесуэлой (24.06 — середина сентября 1960 г.). Дипломатические отношения между этими странами были прерваны еще в июле 1959 г. 24 июня 1960 г. была предпринята попытка покушения на президента Венесуэлы Бетанкура, в которой обвинили венесуэльских граждан. В приграничных районах обеих стран стали концентрироваться войска, что в конечном счете привело к возникновению острого военно-политического кризиса между Венесуэлой и Доминиканской Республикой.

Для правительства Гвинеи в октябре 1965 г. пусковым механизмом кризиса стало появление в стране новой оппозиционной политической партии (партии Национального Единства), пользовавшейся широкой популярностью и представлявшей угрозу для внутриполитической обстановки. Гвинея обратилась в ОАЕ с жалобой на то, что создание нового политического движения инициировано правительством Берега Слоновой Кости с целью подготовки государственного переворота в стране. В последующем это привело к возникновению военно-политического кризиса между двумя странами, который был разрешен 12 октября арестом лидера партии Национального Единства и вооруженным подавлением возникших беспорядков.

Итак, основной предпосылкой возникновения межгосударственных военно-политических кризисов в результате внутригосударственных конфликтов, и прежде всего гражданских войн, является оказание военно-технической и иной помощи противоборствующим в гражданской войне социально-политическим силам со стороны третьей или третьих сторон. При этом кризисы между странами, оказывающими эту помощь, и правительственными структурами государства, ослабленного развернувшейся гражданской войной, протекают, как правило, в латентной форме. В развитой форме кризисы возникают чаще непосредственно между государствами, оказывающими активную поддержку противоборствующим в гражданском конфликте силам.

Наиболее характерной тенденцией в послевоенный период стал отход Европы от роли эпицентра межгосударственных кризисов, каковой она являлась в 30—40-е гг.

Азия, так же как и Европа, наблюдала в послевоенный период некоторый спад кризисной

⁴⁹¹ Porter B.D. The USSR in Third World Conflicts. P. 150.

активности. В Африке же, напротив, число кризисов в 60—70-е гг. увеличилось почти четырехкратно, что составило почти половину от их общего числа. Кризисный взрыв явился здесь следствием роста числа независимых государств, образовавшегося в результате вакуума сил в местных субрегионах и претензией ряда государств на роль региональных центров силы.

Глава 7. Механизмы возникновения кризисов

Наличие долговременных (исторических) причин в виде межгосударственных противоречий не является самодостаточным для возникновения военно-политических кризисов. Для этого необходим запуск механизма возникновения кризисных ситуаций.

Этот механизм предполагает определенную комбинацию внутри — и внешнеполитических факторов и условий в конкретно-исторический период (момент), которые в сочетании с соответствующими политическими целями и установками правительственных кругов одного или обоих оппонентов приводят к резкому обострению предшествовавших конфликтных отношений и последующему возникновению кризиса.

Неотъемлемым компонентом механизма возникновения военно-политических кризисов являются пусковые (ситуативные) акты, к которым относятся специфические события, действия или ситуационные изменения, носящие провоцирующий характер, воспринимаемые другими государствами как очевидный вызов их жизненно важным национальным интересам и соответственно влекущие за собой ответные действия (вербальные или практические), что приводит к возникновению кризиса с последующим возможным перерастанием его в вооруженный конфликт.

В послевоенный период можно выделить три основных разновидности механизмов возникновения военно-политических кризисов, которым в качестве условной кодификации присвоим следующие наименования: «оправдание собственной враждебности»; «постепенная вовлеченность в кризис третьей стороны» («вторичные» кризисы) и «балансирование на грани войны».

Свыше половины послевоенных военно-политических кризисов развивались на основе механизма балансирования на грани войны.

Сам термин, впервые введенный в политический и научный оборот Д.Ф. Даллесом, стал обозначать политику манипулирования дозированными угрозами развязывания войны или вооруженного конфликта с тем, чтобы частично или полностью лишить оппонента политической решимости к действию или сопротивлению. Ряд историков и политологов определяет этот процесс как «искусство преднамеренного обострения кризиса до грани возможных военных действий, с тем, чтобы принудить другую сторону отступить»⁴⁹².

Чтобы достичь значительного политического выигрыша, государственные руководители идут на осознаваемый и расчетливый риск. Характеризуя поведение инициаторов кризисов, термин «балансирование на грани войны» применим для обозначения целого ряда ситуаций.

Кризисы подобного типа развиваются в том случае, когда государство — инициатор выдвигает угрозу важному национальному интересу (обязательству) оппонента в надежде вынудить его к отступлению, пересмотру или отказу от данного интереса (обязательства), что и является непосредственной целью инициатора. Предположение инициатора кризиса, что оппонент скорее отступит, чем рискнет доводить кризисную ситуацию до стадии вооруженного конфликта, является определяющей характеристикой кризисов «балансирования на грани войны». Поскольку инициатор не намеревается начать войну, а преследует специфические политические цели посредством угрозы применения силы, эти кризисы достигают цели только в том случае, если не перерастают в вооруженный конфликт.

Так, в китайско-индийском пограничном кризисе 1962 г. Д. Неру стремился изгнать китайцев с территории, на которую претендовала Индия. Спорная территория включала Аксай

⁴⁹² Y. Harkabi. *Nuclear War and Nuclear Peace*. Jerusalem: Israel Program for Scientific Translations, 1966. P. 36; T. Schelling. *Arms and Influence*. New Haven: Yale University Press, 1966. Pp. 99—105.

Чин, малозаселенное горное плато, жизненно необходимое для поддержания устойчивой связи основной части Китая с Западным Тибетом, соответственно установление контроля Индии над Аксай Чином воспринималось в Пекине как серьезная угроза его влиянию в Тибете⁴⁹³.

В американо-корейском кризисе 1950 г. вторжение севернокорейской армии на территорию Южной Кореи было оценено в Вашингтоне как серьезный вызов интересам (влиянию) США на Дальнем Востоке, как реальная возможность социалистического блока во главе с Советским союзом занять в этом регионе доминирующие позиции. В создавшихся условиях, несмотря на то что в предвоенный период Вашингтон вывел Южную Корею за периметр жизненно важных интересов США, в кратчайшие сроки было принято решение о полномасштабных, в том числе и военных мерах по разрешению кризисной ситуации⁴⁹⁴.

В ходе нараставшего гражданского противостояния в Йемене после совершенного там в сентябре 1962 г. государственного переворота египетское руководство, оценивая возможность победы монархистов как неприемлемую для национальных интересов Египта, приняло решение о непосредственном вовлечении, в том числе и военном, в ход гражданской войны на стороне республиканцев.

Кризисы «балансирования на грани войны» могут быть также нацелены на принудительную политико-дипломатическую или военно-политическую сделку с оппонентом. В этом случае вызов инициатора какому-либо конкретному обязательству оппонента играет лишь вспомогательную роль. В действительности инициатор надеется добиться уступок в другой сфере межгосударственных отношений. Так, в ходе первого Берлинского кризиса 1948—1949 гг. претензии Советского Союза к характеру и форме использования западными державами транспортных коммуникаций, ведущих в соответствующие зоны Берлина, в действительности означали стремление приостановить нежелательный ход политического и экономического реформирования в западных зонах оккупации⁴⁹⁵.

Подобные кризисы, в которых военно-политическая сделка является главной целью, обнаруживают свою суть обычно в тех случаях, когда инициатор кризиса после достижения своих целей пытается урегулировать оставшиеся спорные вопросы, большинство или все, в двусторонних переговорах.

Косвенной целью инициаторов кризиса может быть также стремление подорвать международный авторитет (престижа) оппонента путем демонстрации мировому сообществу его относительной государственной слабости.

Нередко вышеназванные основные цели инициаторов кризисов «балансирования на грани войны» выступают в сочетании друг с другом. Стремление подорвать репутацию оппонента может сопровождаться попытками добиться политической сделки по одному или ряду вопросов. Так, в ходе Карибского кризиса большинство из членов исполнительного комитета (временно созданного в США чрезвычайного органа по разрешению кризисной ситуации) были убеждены, что вялая реакция США на факт присутствия советских баллистических ракет на Кубе не только будет способствовать закреплению более выгодной стратегической позиции Советского Союза, но и в значительной степени подорвет международный престиж Соединенных Штатов. Итогом этого могло стать ослабление влияния США в мире в целом и в Латинской Америке в частности⁴⁹⁶.

В ходе кризисной конфронтации, по мере ее эскалации, первоначальная цель инициатора

⁴⁹³ Lamb A. The China-India Border: The Origins of the Disputed Boundaries. London: Oxford University Press, 1964. Pp. 59—63.

⁴⁹⁴ Lowe P. The Origins of the Korean War. N.Y.: Longman Inc., 1986. Pp. 150—172.

⁴⁹⁵ Devison W.P. The Berlin Blockade: A Study in Cold War Politics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1958. Pp. 53—87.

⁴⁹⁶ Allison G.T. Essence of Decision, Explaining the Cuban Missile Crisis. London: Scott, Foresman and Company, 1976. Pp. 240—243.

могла вытесняться другой. Это, к примеру, произошло в ходе Берлинского кризиса 1948 г., когда безуспешная попытка Москвы принудить Запад к отсрочке экономических и политических реформ в западных зонах оккупации Германии привела к попытке установить непосредственный контроль над городом путем жесткой транспортно-коммуникационной блокады. В ходе Карибского кризиса неудача советского руководства в парировании действий США, направленных на вывод советских ракет с территории Кубы любой ценой, заставила Н. Хрущева предложить другую «сделочную» формулу: вывод советских ракет с Кубы оговаривался обязательством США по выводу американских ракет с территории Турции.

Вызов важному национальному интересу практически всегда приводит к возникновению кризиса, поскольку цена бездействия для государства, которому брошен вызов, как правило, очень высока. Оно может не только серьезно повредить его международной репутации, но и вызвать серьезные внутривластные потрясения.

Поэтому во время Берлинского кризиса 1948—1949 гг. американские официальные лица оценивали свое присутствие в Берлине как значительное политическое и военно-стратегическое преимущество в нарастающей конфронтации с Советским Союзом, а отстаивание интересов западных государств в соответствующих зонах как необходимое для сохранения американского влияния в Европе⁴⁹⁷.

Озабоченность своей международной репутацией у государств-участников в полной мере проявилась и в ходе Карибского кризиса. С американской стороны члены исполнительного комитета были особо внимательны к возможным негативным последствиям самого факта пребывания советских ракет на Кубе — как с военно-стратегической точки зрения, так и для международной репутации страны. Для Д. Кеннеди события, кроме того, имели и обостренную личную значимость. Его политический советник Т. Соренсен позже признал, что провал операции в Заливе Свиней превратил кубинскую проблему в «ахиллесову пяту» президента. Он утверждал, что пассивное отношение к пребыванию советских ракет на Кубе после того, как президент публично заявил о категорической неприемлемости подобного хода событий, не только серьезно повредило бы перспективам Д. Кеннеди на повторное переизбрание, но могло бы и завершиться и импичментом⁴⁹⁸. Дилемма Кеннеди в ходе Карибского кризиса подтверждает предположение о том, что обязательство правительства особым образом защищать какой-либо специфический национальный интерес увеличивает политическую «стоимость» последующих попыток отступления или отказа от него.

Важную роль в инициировании кризисных ситуаций данного вида играет существование в государстве-инициаторе серьезных внутри — и внешнеполитических проблем, преодолеть которые предполагается через инициирование межгосударственной кризисной ситуации. Характерны в этом отношении все четыре Кипрских кризиса (1963, 1964, 1967, 1974 гг.). Так, инициатором четвертого Кипрского кризиса выступила Греция, где на протяжении 60—70-х гг. практически не прекращалась борьба с правительством традиционно сильных в Греции левых движений. Гражданские правительства сменялись военными хунтами, которые осуществляли в стране непопулярные меры, направленные в том числе и на подавление коммунистического движения. Это создавало в обществе постоянную напряженность.

В 1973 г. в Греции разразился острый энергетический кризис, вызвавший недовольство широких социальных слоев. Усилилась критика военного ведомства за непомерный бюджет: в 1971 г. в Греции военные расходы были почти в три раза выше, чем ассигнования на образование, и почти в шесть раз выше, чем на здравоохранение⁴⁹⁹.

В подобных условиях военно-политический успех оценивался правительственными кругами как единственная возможность оправдать и высокие военные расходы, и

⁴⁹⁷ Peterson T.G. *Soviet-American Confrontation: Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1973. Pp. 118—163.

⁴⁹⁸ Holsti O. *Crisis, Escalation, War*. London McGill-Queen's University Press, 1972. Pp. 170—173.

⁴⁹⁹ Меньшиков В.М. На стратегическом перекрестке. М.: Международные отношения, 1975. С. 12.

экономические проблемы страны⁵⁰⁰.

Возникновению подобных кризисов в отдельных случаях может способствовать стремление узкой политической группы или фракции внутри политической элиты государства — инициатора кризиса реализовать таким образом, свои частные политические интересы. Внутриполитическая борьба за власть может сыграть важную роль в инициировании кризисов «балансирования на грани войны».

Характерна в этом отношении внутриполитическая ситуация в Турции, выступившей инициатором второго Кипрского кризиса (1964 г.). Доминирующей характеристикой политической жизни в этой стране в 60-е гг. являлось реальное правление «военно-гражданской коалиции». После государственного переворота 1960 г. армия стала непременным участником политической борьбы, в которой сложилось своеобразное сочетание военного и гражданского факторов. Политический режим в Турции в начале 60-х гг. можно было охарактеризовать как режим «контролируемой» или «ограниченной демократии»: в качестве контролирующей силы всегда выступала армия. В частности, это сказывалось в чрезвычайно высоком авторитете начальника генерального штаба не только в армии, но и в высших политических кругах страны. По мнению ряда исследователей, в определенные моменты начальник генерального штаба мог стать одним из важнейших лиц, способных влиять на политическую жизнь страны и определять отношения между армией и правительством⁵⁰¹. Военная доктрина, стратегические военные планы разрабатывались генштабом без участия политиков. О них в лучшем случае информировалось правительство. Попытки каким-то образом установить контроль над генштабом, предпринимавшиеся с начала 60-х гг., оканчивались безрезультатно.

Стремление «военной партии» в турецком правительстве закрепить это положение, доказать его обоснованность и сыграли значительную роль в инициировании кризиса в расчете на безусловный успех.

В целом большинство исследователей, анализируя особенности процесса принятия решения, вызывающего кризис, рассматривают выбор того или иного курса как результат политической борьбы внутри правительства или между ведущими государственными ведомствами и учреждениями. Соответственно любое национальное правительство представляется историками и политиками в конечном счете как арена сложного соперничества, а конкретное решение — как результат сделки между различными политическими фракциями.

Известный историк и политолог Г. Эллисон пишет: «В этом процессе в данный момент одна из групп, приверженная какому-либо курсу действий, одерживает верх над другими группами, отстаивающими другие альтернативы... Однако эти группы продолжают борьбу за принятие собственных альтернативных решений. Соответственно результат или, лучше сказать, результирующая представляет собой смесь конфликтных предпочтений и неравной политической власти различных индивидуумов и отличается от того, к чему стремились эти индивиды или группы. Во всяком случае, то, что движет этими „шахматными фигурами“, — это не просто аргументы, которые обуславливают причину действия, или рутинные процедуры принятия решения, но скорее борьба за власть и умение протолкнуть решение одними и противодействие принятию подобного решения их оппонентами»⁵⁰².

Активное внутриполитическое соперничество стало одной из основных причин ряда военно-политических кризисов «балансирования на грани войны», в том числе вьетнамо-кампучийского (1977—1978 гг.), ирако-сирийского (1976 г.), угандо-танзанийского (1979 г.), доминикано-венесуэльского (1960 г.), арабо-израильских (1967, 1973 гг.), индо-китайских (1959—1960, 1962 гг.), ирако-иранских (1959—1960, 1969, 1980 гг.) и др.

Внутриполитическое соперничество влияет на возникновение кризиса, как правило, двумя

⁵⁰⁰ Шеменков К.А. Греция: проблемы современной истории. М.: Мысль, 1987. С. 189.

⁵⁰¹ Данилов В.И. Турция 80-х: от военного режима до «ограниченной» демократии. М.: Наука, 1991. С. 45.

⁵⁰² G. Aliicon. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston: Little, Brawn, 1971. P. 145.

путями.

Бюрократическая группа или политическая коалиция может инициировать конфронтацию с другим государством исходя из предположения, что это усилит ее внутривнутриполитическое влияние и одновременно подорвет позиции основных оппонентов (подобная установка может проявиться и косвенным образом). Однако может быть спровоцирован кризис с другим государством политической борьбой за усиление влияния не преднамеренно, а в качестве побочного эффекта. Это обуславливается тем, что в процессе принятия решения отдельные политики, коалиции или другие бюрократические единицы руководствуются в своих действиях прежде всего ведомственными целями. Соответственно национально-государственный интерес определяется ими нередко в терминах частных или узковедомственных — в формулировках, нацеленных на увеличение, к примеру, их бюджетного финансирования или усиления влияния на процесс реализации политического курса. Если политические ставки при принятии решения крайне высоки или соперничество за влияние развивается особенно бескомпромиссно, политики могут чувствовать себя в меньшей мере связанными конституционными процедурами или поведенческими нормами. Это чаще всего происходит, когда соперничество за степень влияния внутри политической элиты отражает более масштабную социально-политическую борьбу в обществе. Тогда при решении внешнеполитических вопросов особое внимание уделяется их воздействию на соотношение политических сил в обществе и между соперничающими фракциями⁵⁰³.

Одним из ведущих мотивов развязывания кризиса может стать не только внутривнутриполитическая нестабильность в целом, но и личная политическая уязвимость лидера государства, в силу шаткости своей позиции противостоять рискованным или недостаточно обоснованным аргументам, что могло привести к кризису в межгосударственных отношениях. Подобная ситуация в той или иной степени проявилась в Корейском (1950 г.), китайско-индийском (1962 г.), Карибском (1962 г.), арабо-израильском (1967 г.) и других военно-политических кризисах.

Корейский (1950 г.) и китайско-индийский (1962 г.) кризисы представляют собой характерные примеры того, как государственные лидеры оказывались не в состоянии противостоять требованиям возбужденного общественного мнения, давлению внутривнутриполитической оппозиции и были вынуждены избрать конфронтационный внешнеполитический курс.

В корейском случае президент Г. Трумэн и госсекретарь З. Ачесон, уязвимые перед обвинениями в том, что они якобы позволили распространиться коммунизму в Азии, предполагали, что война с Китаем будет для них предпочтительней внутривнутриполитических последствий отказа санкционировать настойчивое стремление генерала Д. Макартура объединить Корею военным путем⁵⁰⁴.

Для Д. Неру схожая проблема была во многом обусловлена его собственными внутривнутриполитическими просчетами. В свое время он сам согласился активизировать антикитайскую пропагандистскую кампанию, которая в конечном счете возбудила индийское общественное мнение в отношении пограничных споров с Китаем. Когда китайцы отказались уступить требованиям Дели, Неру был вынужден продолжать конфронтационную политику уже во многом вследствие мощного и самодовлеющего влияния общественного мнения и внутривнутриполитической оппозиции в стране⁵⁰⁵.

Характерен в этом отношении военно-политический курс Египта в отношении Израиля в 1967 г. Г. Насер добился лидирующей позиции в арабском мире во многом в результате активной борьбы против Израиля и бывших колониальных держав. Однако его политика

⁵⁰³ R. Lebow. *Between Peace and War. The Nature of International Crisis*. London: The Johns Hopkins University Press, 1981. Pp. 70—71.

⁵⁰⁴ Neustadt R. *Presidential of Power: The Politics Leadership*. N.Y.: Wiley, 1960. Pp. 126—136.

⁵⁰⁵ Karimakaran K.P. *India in World Affairs ICS*. London: Oxford University Press, 1963. Pp. 64—65.

встречала сопротивление консервативных арабских государств, опасавшихся внутрисполитических волнений в собственных странах под лозунгами борьбы с Израилем. С другой стороны позиция Насера не вызвала особого одобрения и у руководителей палестинского движения, которые, напротив, стремились подтолкнуть его к войне с Израилем. Руководство ООП, также как и их радикальные союзники в Сирии и Ираке, обвиняли Насера в излишней уступчивости, проявлявшейся, в частности, в продолжавшемся пребывании на египетской территории миротворческих сил ООН (ЮНЕФ), которое, по их мнению, было выгодно прежде всего Израилю. Насер стал особенно уязвим перед подобной критикой, когда оказался не в состоянии адекватно отреагировать на рейды возмездия, осуществленные Израилем на территорию Иордании и Сирии.

Большинство историков пришло к выводу о том, что снижавшееся влияние Насера на Ближнем Востоке, сопряженное также с экономическими и внутрисполитическими трудностями в Египте, заставило его активно действовать в мае и июне 1967 г. в ответ на информацию сирийского руководства о якобы готовящемся нападении Израиля. Так, специалист по ближневосточным кризисам М. Бречер по этому поводу писал: «...Изоляция египетского лидера (в арабском мире. — Авт.) возросла, и в этих условиях он стал рассматривать удаление ЮНЕФ с египетской территории как необходимый шаг для восстановления своей лидирующей позиции в арабском мире. Этот шаг 16 мая 1967 г. вызвал кризис, завершившийся шестидневной войной»⁵⁰⁶.

Наиболее важная внешняя угроза, нередко заставляющая лидеров государства балансировать на грани войны, — ожидание политиками скорого и серьезного изменения в балансе межгосударственных сил, прежде всего военных, в пользу оппонента. Кризис в подобной ситуации рассматривается в качестве силового ответа на эту неизбежную опасность, как средство предотвратить подобное смещение в балансе сил до того, как возможности и время для этого будут упущены. Характерным примером является Карибский кризис. Однако нельзя утверждать, что большинство подобных кризисов обуславливается только военно-стратегическими или внутрисполитическими обстоятельствами. Как правило, в механизме их возникновения переплетаются несколько мотивов, взаимно усиливающих друг друга. В целом механизм возникновения кризисов «балансирования на грани войны» предполагает как наличие серьезных мотивов, так и оценку собственных возможностей для реализации поставленных целей, что выражается в поиске наиболее уязвимого для оппонента обязательства и снижения тем самым возможного риска, причем угроза этому обязательству должна быть достоверной.

Значительное место в послевоенном кризисном ряду заняли кризисы по «оправданию собственной враждебности», то есть преднамеренно инспирируемые кризисные ситуации, целью которых является создание наиболее благоприятных внешне — и внутрисполитических условий для осуществления запланированной вооруженной акции. Примеры подобного рода кризисов — американо-кубинский (1961 г.), американо-гренадский (1983 г.), сомалийско-эфиопский (1977 г.), кенийско-сомалийский (1963—1964 гг.), американо-доминиканский (1965 г.), американо-вьетнамский (1964 г.) и др.

Кризисы, развивающиеся с целью «оправдания собственной враждебности», уникальны в том отношении, что лидеры государства-инициатора принимают решение начать войну до того, как разразился кризис. Поэтому их целью являлось не принудить оппонента к удовлетворению выдвинутых требований мирными политическими средствами (что оценивалось маловероятным или даже невозможным исходом кризиса), а создать повод, «казус белли» для вооруженного конфликта и быстрого разрешения на этой основе кризисной проблемы в свою пользу.

Ответственным за развязывание вооруженного конфликта инициаторы кризиса стремятся сделать своего оппонента, приобретая таким образом максимально возможную внешнюю и внутреннюю поддержку своим действиям. Ради достижения этого политического преимущества инициаторы кризиса готовы пожертвовать выгодами военной внезапности.

⁵⁰⁶ М. Brecher. Decisions in Israel: Foreign Policy. New Heaven: Yale University Press, 1975. P. 324.

В большинстве случаев механизм возникновения кризисов «оправдания собственной враждебности» включает следующие этапы: а) использование или создание провокационной ситуации для возбуждения общественного мнения внутри своей страны; б) выдвижение неприемлемых требований к оппоненту в качестве реакции на эту провокацию; в) попытка легитимизации своих требований ссылкой на принципы международного права; г) публичное отрицание или преуменьшение своих реальных целей в развивающемся конфликте; д) использование отказа оппонента удовлетворить выдвинутые требования как повод для начала войны.

Инициаторы подобных кризисов обычно используют реальную или, в отдельных случаях, инспирированную провокацию как средство обеспечения международной или внутривнутриполитической поддержки в приближающейся войне. Острая реакция оппонента представляется общественному мнению как демонстрация его агрессивных намерений, а публичные заявления государства-инициатора насыщены, как правило, утверждениями о собственной невинности, оскорбленном национальном достоинстве.

Так, в ходе Суэцкого кризиса 1956 г. английское и французское правительства развернули мощные пропагандистские кампании, оценивая действия Египта по национализации Суэцкого канала как провокационные и угрожающие жизненно важным интересам Англии и Франции в этом регионе.

При этом замалчивалось, что на такой шаг египетское руководство во многом вынудил отказ английского и французского правительств финансировать строительство Асуанской плотины, лишавшей экономику страны модернизационных возможностей. Как свидетельствует ряд документов и воспоминаний очевидцев, главной целью Англии и Франции в назревавшем кризисе было не столько восстановить свое влияние в зоне Суэцкого канала, сколько использовать данный инцидент для устранения Г. Насера от власти. Основная ставка делалась на использование вооруженной силы. Сразу же после заявления египетского руководства о национализации канала военным министерствам Великобритании и Франции заранее — до попыток политических консультаций и переговоров по урегулированию кризиса — было отдано распоряжение разработать планы проведения соответствующей военной операции⁵⁰⁷.

В отсутствие какого-либо очевидного повода для провокации руководство страны-инициатора может попытаться инспирировать инцидент, который служил бы этой цели. Примером являются действия президента США Л. Джонсона, направленные на создание благоприятных условий для вмешательства во вьетнамские события.

К лету 1964 г. политические советники президента пришли к выводу о неизбежном крахе южновьетнамского правительства без незамедлительной помощи США. Однако в условиях неясных перспектив предвыборной борьбы Джонсон не был склонен к активному вмешательству. Инцидент в заливе Тонкин позволил ему значительно снизить политические издержки решения о непосредственном военном участии США во вьетнамских событиях⁵⁰⁸.

Подробности этого инцидента не выяснены до сих пор. Известно лишь, что в ночь на 30 июля 1964 г. южновьетнамские спецподразделения организовали рейд на северо-вьетнамские острова Хон Ме и Хон Ньеу в заливе Тонкин. В ходе рейда американский эсминец «Мэддокс» находился примерно в 130 морских милях от побережья, продвигаясь с разведывательной целью в северную часть залива. 2 августа «Мэддокс» лег на обратный курс. В соответствии с официальным сообщением эсминец в 23 милях от вьетнамского побережья был атакован двумя северо-вьетнамскими торпедными катерами. Двое из атакующих кораблей были повреждены ударами с американского самолета, поднявшегося с борта авианосца, третий торпедный катер был потоплен калибрами самого «Мэддокса». Ханой взял на себя ответственность за торпедную атаку, заявив, что это был акт возмездия за артобстрел эсминцем близлежащих островов. Инцидент послужил поводом для резкого усиления американского военного присутствия в

⁵⁰⁷ Ovendale R. The Origins of the Arab-Israeli Wars. London: Longman, 1983. Pp. 157—160.

⁵⁰⁸ The Pentagon Papers: The Defense Department History of United States Decisionmaking in Vietnam. Boston, Beacon, 1971. Pp. 107—110, 131—138, 141—148, 194, 298.

регионе⁵⁰⁹.

Факты свидетельствуют о том, что американское военное руководство, и прежде всего ОКНШ, было осведомлено о возможной атаке на «Мэддокс», однако не предприняло никаких мер для ее предотвращения. Более того, в последующем подобная провокационная стратегия была вновь использована в поисках повода для массированных авиационных бомбардировок северовьетнамской территории. На этот раз, заранее предупрежденные о возможной атаке северовьетнамских торпедных катеров, два американских эсминца тем не менее вошли в устье р. Рон. Атака катеров была успешно отбита. Ни один из кораблей не получил практически никаких повреждений. Двумя годами позже, обобщая расследование этого инцидента сенатским комитетом по иностранным делам, сенатор Фулбрайт констатировал явную неопределенность и неясность ситуации.

Тем не менее тонкинский инцидент был положен в основу решения о широкомасштабной военной интервенции США во Вьетнаме⁵¹⁰.

Реальная или инспирированная провокация может быть использована не только для мобилизации общественного мнения внутри страны и за рубежом, но и стать непосредственным поводом для объявления войны (казусом белли). Подобная установка нередко сопровождается облечением ультиматума в такую категоричную или оскорбительную форму, которая должна гарантировать отказ от выполнения его оппонентом.

Так, в ходе разработки плана совместной военной кампании (Англия, Франция, Израиль) в ходе Суэцкого кризиса было предусмотрено: после того как Израиль 31 октября атакует египетские войска, Англия и Франция должны были предъявить противоборствующим сторонам (Египту и Израилю) ультиматум с требованием немедленно эвакуировать зону канала. Ультиматум должен был создать видимость стремлений английского и французского правительств к незаинтересованному равноценному подходу как к Египту, так и к Израилю. Однако при этом заранее предполагалось, что вследствие стремительного развития событий ультиматум не сможет иметь никаких политических последствий. В случае высоковероятного отказа или неспособности египетской стороны в ограниченное время выполнить требования ультиматума на следующий же день (1 ноября) должны были последовать англо-французские бомбардировки египетских аэродромов.

Однако несоответствие положений ультиматума реальной военно-стратегической обстановке продемонстрировало его несостоятельность. Так, в документе содержалось требование об отводе войск Израиля на 10 миль (16 км) от зоны канала, в то время как на момент его опубликования войска Израиля даже не успели подойти к этому рубежу: они находились на расстоянии 30 миль (50 км) от Суэца⁵¹¹.

Другой формой «оправдания собственной враждебности» может стать попытка легитимизации выдвинутых требований ссылкой на общепринятые принципы международного права, например утверждения лидеров государства-инициатора о праве действовать ради самообороны, защиты национальных интересов. Так, в ходе Суэцкого кризиса (1956 г.) отказ правительства Англии от предложения США о проведении международной конференции государств-пользователей Суэцкого канала с целью политического разрешения кризиса мотивировался ссылкой на ранее заключенный договор с правительством Египта⁵¹².

Следующей формой тактики, камуфлирующей агрессивные намерения, является преуменьшение собственных военно-политических целей, поставленных в ходе кризиса. Так, в

⁵⁰⁹ Gelb L.H. and Belts R.K. the Irony of Vietnam: The System Worked. Wash., D.C.: Brookings Institution, 1979. Pp. 96—121.

⁵¹⁰ The Pentagon Papers: The Defense Department History of United States Decisionmaking in Vietnam. Boston: Beacon, 1971. Pp. 259—261.

⁵¹¹ Ovebdale R. The Origins of the Arab-Israeli Wars. London: Longman, 1983. P. 160.

⁵¹² Ibid. P. 151.

ходе Суэцкого кризиса в столицах западных государств действия Г. Насера по национализации Суэцкого канала сравнивались с политикой А. Гитлера по захвату Рейнской области. Утверждалось, что Запад должен действовать немедленно, иначе он станет заложником доброй воли арабских государств, при этом собственные далекоидущие военно-политические цели по свержению режима Насера не декларировались. Основной акцент в пропагандистской кампании был сделан на необходимости восстановления статус-кво в зоне Суэцкого канала. В свою очередь Израиль утверждал, что целью египетского президента является уничтожение Израиля как государства, подчинение Иордании и других арабских государств и создание Арабской империи от Атлантического океана до Персидского залива. При таком подходе суэцкий эпизод трактовался как часть борьбы за господство на Ближнем Востоке, а публичные речи Насера сравнивались по тональности и содержанию с выступлениями Гитлера⁵¹³.

В целом кризисные случаи «оправдания собственной враждебности» возникают, как правило, в обстановке, когда инициаторы кризиса, безусловно, нуждаются во внутренней и/или внешней поддержке планируемой войны и при этом не опасаются перерастания кризиса в вооруженный конфликт.

Механизм возникновения кризисных ситуаций на основе «постепенного втягивания» третьей стороны («вторичные» кризисы) отличается тем, что противостоящие стороны стремятся избежать кризиса, который мог привести к вооруженному конфликту. Однако в условиях развивающейся ситуации инициатор часто вынужден осуществлять политику, которая, как он осознает, может подтолкнуть его страну к противостоянию с третьей стороной. Так как обе стороны склонны избегать войны или вооруженного конфликта, кризисы «постепенного втягивания» характеризуются интенсивным поиском примирения. Однако это примирение вследствие столкновения важных национальных интересов противостоящих сторон труднодостижимо. Мирному разрешению «вторичных» кризисов нередко препятствует также сильное давление внутренней оппозиции, выступающей против каких-либо компромиссов. Несмотря на то что подобные кризисные ситуации в каждом конкретном случае обуславливаются специфическими причинами, механизм их возникновения имеет немало общих черт.

Важнейшим фактором возникновения «вторичных» кризисов является географическая близость третьей стороны к территории первичного конфликта. Этот фактор сыграл, к примеру, значительную роль в инициировании йеменских кризисов (1962, 1965, 1966 гг.), в которые оказались вовлечены Египет и Саудовская Аравия. Стремясь добиться лидерства в арабском мире путем распространения революционной идеологии на другие, прежде всего близлежащие арабские страны и ослабления таким образом влияния консервативных арабских режимов, Египет особое значение придавал укреплению молодой республиканской власти в ЙАР (после государственного переворота там в 1962 г.). В свою очередь Саудовская Аравия, не желая мириться с революционным режимом в сопредельном государстве, своей активной поддержкой антимонархических сил втянулась в военно-политический кризис с Египтом.

Второе условие, которое в значительной степени проявляется в механизме возникновения «вторичных» кризисов, — продолжительность и интенсивность первичного кризиса или вооруженного конфликта. Длительные кризисы или конфликты перерастают во «вторичные», как правило, с большей вероятностью. Это обуславливается прежде всего тем, что по мере возрастания напряженности первичного кризиса государственные лидеры все более склонны обращаться для достижения быстрой и долгожданной победы к рискованным военным предприятиям. Эти военные шаги вовлекают в орбиту конфликта новых участников.

Характерно вовлечение Индии в ланкийский внутригосударственный конфликт. Он возник в 1956 г. в результате принятого в Шри-Ланке государственного курса на «сигнализацию» всей страны, который встретил сопротивление, в том числе и вооруженное, тамилоязычного населения этой страны. Это не могло оставить безучастным официальный Дели, обеспокоенный возможностью резкого обострения межнациональной обстановки в собственном штате Тамилналу, где преобладало тамилоязычное население. На протяжении

⁵¹³ Ibid. P. 152.

многих лет Индия стремилась добиться от ланкийского правительства политического решения межнациональной проблемы, предостерегая его от использования исключительно военных способов ее разрешения. Тем не менее правительство Шри-Ланки в конечном счете сделало ставку на военную силу. Подобный курс создал предпосылки для возникновения в 1983 г. военно-политического кризиса между Индией и Шри-Ланкой.

Третьим условием возникновения «вторичных» кризисов является постепенное смещение в ходе первичного кризиса реального влияния в правительственных структурах в сторону высшего военного командования, что приводит к эскалации конфликта и вовлечению в него третьих сторон. В условиях вооруженного конфликта военные склоняются к использованию любого вида оружия или стратегии, ведущей к победе. Как только решение на использование военной силы принято, высшее военное командование готово применить ее в максимальном объеме, массированно и быстро. Характерны в этом отношении резкие разногласия между президентом США Г. Трумэном и генералом Д. Макартуром во время Корейской войны, раздражение американских военных по поводу налагавшихся на них ограничений в период Вьетнамской войны и др. Эти ограничения, однако, рассматривались политическим руководством как единственное средство избежать конфронтации с третьей стороной. В то же время целый ряд «вторичных» кризисов был спровоцирован недостаточной способностью политических властей обеспечить тщательное и скрупулезное выполнение военными структурами принятых политических решений.

Значительное влияние на возникновение «вторичных» кризисов оказывает отношение общественного мнения к развивающемуся первичному межгосударственному конфликту. Общественное мнение в демократических государствах может принудить политиков избрать военно-политический курс, который приведет к конфронтации с третьей стороной.

Так произошло в Соединенных Штатах во время Корейской войны. Опросы общественного мнения, проведенные в 1949—1950 гг., показывали устойчивое недовольство основной массы населения США внешнеполитическими действиями администрации, прежде всего на Дальнем Востоке, где после победы коммунистов в гражданской войне в Китае и нападения Северной Кореи на Южную ситуация складывалась не в пользу США. Этими настроениями умело пользовалась республиканская оппозиция.

Положение администрации Г. Трумэна усугубилось после успешной Инчхонской десантной операции, проведенной 15 сентября 1950 г. и приведшей к перелому в войне. Американская пресса, преувеличивая масштабы успеха, ошибочно утверждала, что севернокорейская армия фактически разгромлена и не способна к сопротивлению. Проведенные в сентябре 1950 г. опросы общественного мнения показали, что значительная часть опрошенных разделяют эти настроения и высказываются за оккупацию всей Кореи⁵¹⁴. Конгресс также почти единогласно высказался за объединение Кореи силовым путем. Сенатор Ноулэнд, выражая охватившее конгресс и страну возбуждение, заявил, что провал в «освобождении» всей Кореи будет означать ничто иное, как «умиротворение» агрессора.

Советники предупредили госсекретаря Д. Ачесона: в сложившейся обстановке воинственным республиканцам не составит труда убедить общественное мнение в том, что отказ войти в Северную Корею означает предательство национальных интересов страны.

27 сентября президент США Г. Трумэн одобрил предложение генерала Д. Макартура о пересечении 38-й параллели. Это решение имело для КНР остро провокационный характер, что в конечном счете привело к возникновению между двумя государствами военно-политического кризиса, переросшего затем в ожесточенный вооруженный конфликт.

Одним из последних факторов, играющих существенную роль в механизме возникновения «вторичного» кризиса, может стать попытка одного из протагонистов спровоцировать конфронтацию между своим противником и третьим государством, тем самым значительно ослабив его и получив возможность разрешения кризиса в свою пользу. Так действовало правительство ФРГ, стремившееся в ходе Берлинских кризисов вовлечь США в конфронтацию

⁵¹⁴ The New York Times. 1950, Sept. 22; Neustadt R. Presidential Power: The Politics of Leadership. N.Y.: Wiley, 1960. Pp. 126—127.

с Советским Союзом и тем самым укрепив свои позиции в противостоянии с последним⁵¹⁵.

«Вторичные» кризисы, как правило, развиваются двумя основными путями. Инициаторы могут выдвинуть неприемлемые требования третьим сторонам. Это было характерно для чадско-ливийских кризисов 1971, 1982, 1985 гг. (Ливия в отношении Франции), американо-вьетнамского 1961 г. (США в отношении Северного Вьетнама), вьетнамо-кампучийского 1977—1978 гг. (КНР «отношении Вьетнама») и др.

В другом случае «вторичные» кризисы могут возникать из военно-политического курса инициаторов кризиса, который угрожает интересам третьих сторон. Таков иракско-кувейтский кризис 1961 г., в который оказалась вовлечена и Англия.

Конфликтные отношения между Ираком и Кувейтом возникли сразу же после обретения последним независимости 19 июня 1961 г. Одновременно между Кувейтом и его бывшей метрополией (Англией) был заключен оборонительный договор. Несмотря на это, премьер-министр Ирака 25 июня 1961 г. заявил, что Кувейт является составной частью Ирака, чем вызвал кризис не только для Кувейта, но и для Англии, болезненно воспринявшей возможность утраты своего влияния в этой новообразованной стране. В результате английские войска высадились в Кувейте. Ввиду бесперспективности вооруженной борьбы Ирак на время отказался от своих требований.

Динамика вызревания «вторичных» кризисов в основных своих чертах имеет немало сходного независимо от особенностей конкретных кризисных случаев.

Доминирующей их характеристикой является решимость государственных лидеров обеих сторон реализовывать или отстаивать свои интересы, воспринимаемые как настолько жизненно важные, что для их отстаивания можно пойти на вооруженный конфликт. При этом государственное руководство третьих сторон констатировало, что речь идет о выживаемости политической системы. Политическая «стоимость» уступок для обеих сторон воспринималась как очень высокая, что в конечном счете приводило к возникновению кризисной ситуации.

Глава 8.

«Казус белли» кризиса

Пусковые акты (ситуативные причины) межгосударственных военно-политических кризисов могут быть определены как специфические события, действия или ситуационные изменения, которые носят провоцирующий характер, воспринимаются другими государствами как очевидный вызов их жизненно важным национальным интересам и влекут за собой ответное действие (вербальное или практическое). Фактически это тот самый «казус белли», который приводит к возникновению военно-политического кризиса.

Пусковые акты (ситуативные причины) межгосударственных кризисов могут быть классифицированы на ряд видов. Прежде всего это политические (вербальные) акты: заявления, протесты, угрозы, обвинения, требования на официальном государственном или межгосударственном уровне, — существенным образом затрагивающие интересы одного из оппонентов.

Характерным примером такого рода стал первый Берлинский кризис (7 июня 1948—12 мая 1949 г.)⁵¹⁶. Пусковым механизмом кризисной ситуации для Советского Союза явилось опубликование 7 июня 1948 г. западными державами рекомендаций Лондонской конференции (март 1948 г.), на которую Советский Союз приглашен не был. Рекомендации предполагали политическую и экономическую интеграцию западных оккупационных зон в Германии. СССР ответил 24 июня блокированием всех транспортных коммуникаций, ведущих из Берлина. Были прекращены также все продовольственные, топливные и энергетические поставки из советской

⁵¹⁵ Davison W.P. The Berlin Blockade: A Study in Cold War Politics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1958. Pp. 53—87; Barker E. The Berlin Crisis, 1958—1962 // International Affairs. London, 39, I/Jan. 1963/. Pp. 59—73.

⁵¹⁶ Paterson T.G. Soviet-American Confrontation: Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1973. Pp. 118—163.

зоны оккупации в Западный Берлин, что в свою очередь вызвало кризис для США, Великобритании и Франции.

Политическими заявлениями были вызваны также сирийско-израильский (1951 г.), сирийско-иорданский (1970 г.), кипрский (1964 г.) и ряд других военно-политических кризисов послевоенного периода.

Военно-политический кризис может быть вызван и полуофициальным политическим (вербальным) актом, на уровне послов или представителей правительств. Таким образом, в частности, возник кризис между Ираком и Ираном (15.04—30.10. 1969 г.), оспаривавшими свои права на водный путь Шатт-аль-Араб⁵¹⁷.

Переговоры между обеими странами по достижению какого-либо компромисса в отношении спорного вопроса окончательно зашли в тупик в 1968 г. Кризис для Ирана начался 15 апреля 1969 г., когда его посла в Багдаде проинформировали (без предъявления официальной ноты), что Ирак рассматривает Шатт-аль-Араб как часть своей территории, и попросили корабли и суда, проходящие под флагом Ирана, приспускать его при вступлении в устье реки. Ни один из иранских граждан при этом не должен был находиться на палубе. В случае, если данные требования не были бы удовлетворены, Ирак не исключал обращения к силовым мерам с тем, чтобы воспрепятствовать судам, направлявшимся в иранские порты, использовать с этой целью реку Шатт⁵¹⁸. 19 апреля Иран ответил заявлением, в котором по сути дела отверг соглашение 1937 г. и потребовал проведения новых переговоров, предупредив, что любое нарушение его суверенных прав встретит жесткое сопротивление⁵¹⁹. Отрицание иранской стороной правомочности договора 1937 г. стало пусковым механизмом кризиса для Ирака.

Последующий ирано-иракский военно-политический кризис по поводу Шатт-аль-Араб представляет собой пример того, как кризисная ситуация может быть вызвана односторонним пересмотром одним из оппонентов условий ранее заключенного договора, а также публичным или неофициальным отказом пришедшего к власти правительства от обязательств своего предшественника.

Так, после свержения шаха режим Хомейни отказался от выполнения Багдадского договора 1975 г., приглушившего территориальные разногласия между двумя странами. Тегераном было заявлено об отказе передать Ираку некоторые приграничные участки территории и одновременно реанимирована претензия на весь восточный берег Шатт-аль-Араб⁵²⁰. Это заявление явилось вызовом для Ирака, в результате чего возник новый, наиболее острый ирано-иракский кризис.

Точно так же кризис между Индонезией и Нидерландами (21.07.1947—17.01.1948 г.) был вызван стремлением Нидерландов пересмотреть ранее заключенное соглашение с целью устранения наиболее явных признаков независимости Индонезии⁵²¹.

К кризисам данного вида могут быть отнесены и ситуации, вызванные реальной угрозой для иностранного военного присутствия на территории конкретного государства, юридически закрепленного в предшествующем договоре.

Характерен в этом отношении так называемый Бизертский кризис между Францией и

⁵¹⁷ Hunseler P. Der Irak und sein Konflikt mit Iran. Bonn, 1982. P. 16.

⁵¹⁸ Ramarani R.K. Iran's Foreign Policy, 1941—1973: A Study of Foreign Policy in Modernizing Nations. Charlottesville, VA: University Press of Virginia, 1964. Pp. 111—115.

⁵¹⁹ Ibid. P. 116.

⁵²⁰ Ирано-иракская война. М.: ИНИОН АН СССР, 1986. С. 60.

⁵²¹ Crouch H.A. The Army and Politics in Indonesia. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1978. Pp. 85—86.

Тунисом (17.07—29.09.1961 г.)⁵²². Франция настаивала не только на сохранении, но и на расширении сети своих военных баз в бывшей колонии Тунисе, приобретшем независимость в 1956 г. Однако в результате неоднократных требований тунисского правительства Франция была вынуждена свернуть все свои базы, за исключением наиболее крупной, размещенной в Бизерте. Когда тунисское правительство потребовало проведения переговоров о выводе и этой базы, между двумя странами возник острый кризис.

Пусковым актом военно-политического кризиса может стать провал или срыв одной из сторон предварительных политико-дипломатических переговоров или консультаций с целью разрешения предмета спора.

Так, в июле 1990 г. вновь обострились отношения между Ираком и Кувейтом из-за споров вокруг цены на нефть. 17 июля С. Хусейн выступил с речью, в которой заявил, что арабские страны Персидского залива с целью удержания под контролем цен на нефть вступили в антииракский заговор. 18 июля Хусейн обвинил Кувейт в том, что он незаконно добывает нефть из спорного района нефтедобычи Румайла на ирако-кувейтской границе и разместил там свои военные посты. В свою очередь Кувейт 19 июля выступил с обвинениями в адрес Ирака по поводу оккупации последним ряда приграничных районов своей страны и незаконной эксплуатации одного из нефтяных полей⁵²³. При посреднических усилиях президента Египта Х. Мубарака удалось добиться согласия Ирака на участие в переговорах в Джидде (Саудовская Аравия). Провал переговоров привел к эскалации кризисной ситуации.

Срыв переговоров нередко происходит из-за стремления одного из оппонентов использовать их в качестве прикрытия для завершения военных приготовлений.

Так, согласившись на переговоры с Кувейтом, Ирак тем не менее не отказался от возможного применения силы. Концентрация багдадских войск в южных, граничащих с Кувейтом областях продолжалась и после начала переговоров (11 августа 1990 г.). Вскоре численность наступательной группировки Ирака достигла 100 тыс. человек⁵²⁴. Вслед за этим Багдад выдвинул на переговорах ряд жестких требований, претендуя прежде всего на безвозмездную финансовую помощь. Кувейт категорически отклонил требования Ирака как в отношении финансовой помощи, так и территориальных уступок⁵²⁵.

Пусковым актом военно-политических кризисов могут стать конкретные политические действия государства в отношении оппонента: подрывная деятельность, угрожающая политическому режиму, территориальному единству государства или другим жизненно важным интересам оппонента; объединение ряда государств в недружественную коалицию; введение жестких дипломатических санкций; нарушение заключенных ранее межгосударственных договоров и т.д.

Так, военно-политический кризис между повстанческими отрядами А. Сукарно и объединенными англо-нидерландскими войсками (29.09.1945—25.03.1947)⁵²⁶ начался после того, как 17 августа 1945 г. национальные лидеры Индонезии объявили о независимости страны и создали временное правительство новой республики. Для Нидерландов начало кризиса датируется 29 сентября 1945 г., когда нидерландское правительство получило сообщение, что Сукарно, лидер повстанческого движения, вводит собственное административное правление в районах, незанятых нидерландскими войсками. Гаага 1 октября ответила заявлением, что

⁵²² Ling D.L. *Tunisia: From Protectorate to Republic*. -Bloomington, IN: Indiana University Press, 1967. Pp. 101—148.

⁵²³ Попов И.М. Буря в пустыне // Под знаком Марса. 1992. № 4—5. С. 6.

⁵²⁴ *Conduct of the Persian Gulf War. Pursuant to Title Y of the Persian Gulf Conflict: Supplemental, Authorization and Personnel Benefits. Act of 1991/Public Law 102—125/. Final Report to Congress, April 1992. Wash.: DoD, XXXI. Pp. 134—135.*

⁵²⁵ Попов И.М. Буря в пустыне. С. 6.

⁵²⁶ Agung I. *Twenty Years of Indonesian Foreign Policy, 1945—1965*. The Hague: Mouton, 1973. P. 104.

Нидерланды не признают новообразованную республику и отказываются вести переговоры с Сукарно, что вызвало эскалацию кризисной ситуации.

В Иране активная поддержка Советским Союзом оппозиционного этнополитического движения привела к возникновению советско-иранского военно-политического кризиса 1945—1946 гг. Для Ирана кризис начался 23 августа 1945 г., когда вооруженные формирования оппозиционной партии Туде попытались захватить г. Тебриз, административный центр азербайджанского национального меньшинства в Иране, в котором одновременно находился штаб советских оккупационных сил⁵²⁷. При косвенной поддержке советских войск отряды Туде заняли ряд правительственных зданий и издали манифест с требованием предоставить Иранскому Азербайджану административную и культурную автономию. В последующем это привело к возникновению острого советско-иранского кризиса.

Кризисы данного вида могут происходить также в результате оформления договорных или союзнических отношений между государствами, рассматриваемыми оппонентом как недружественные или прямо враждебные. Непосредственной причиной для первого военно-политического кризиса (1954—1955 гг.) между КНР и Тайванем стало создание под патронажем США в августе 1954 г. договорной организации для Юго-Восточной Азии (АСЕАН), что было воспринято китайским правительством как конкретное военно-политическое действие, направленное против долгосрочной политической стратегии КНР по объединению Тайваня с материковой частью⁵²⁸.

Таиландско-камбоджийский военно-политический кризис в июле 1958 г. произошел после того, как между Таиландом и КНР были установлены дипломатические отношения, что камбоджийское правительство расценило как предпосылку для последующих попыток Китая распространить свое военно-политическое влияние и на территорию Камбоджи. Кризис последовал после введения на камбоджийско-таиландской границе особого положения и взаимного сосредоточения войск.

Военно-политический кризис может быть вызван и ненасильственными военными действиями: демонстрацией военной силы; военными учениями и маневрами, носящими провокационный характер; мобилизацией части или вооруженных сил в целом; угрожающими передвижениями войск; изменениями в дислокации вооруженных сил, придающими им наступательную способность.

Так, афгано-пакистанский кризис 1950 г. был вызван концентрацией афганских воинских соединений в приграничном районе и последовавшим вслед за этим требованием афганского правительства предоставить независимость пакистанской провинции Пуштунистан⁵²⁹.

Внутривойсковой кризис между США и КНР в рамках Корейской войны (1950 г.) был спровоцирован пересечением объединенными войсками ООН 38-й параллели и их приближением к границам КНР.

Никарагуа-гондурасский кризис 1957 г. произошел вследствие одностороннего размещения Гондурасом на спорной территории органов военной администрации⁵³⁰.

Китайско-тайваньский кризис 1958 г. был вызван концентрацией китайских войск в прибрежной зоне, что было воспринято тайваньским правительством как непосредственная

⁵²⁷ Chubin Sh. and Zabin S. *The Foreign Relations of Iran: A Developing State in a zone of Great-Power Conflict*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1974. Pp. 110—168.

⁵²⁸ Bugler W.M. *U.S. — China Policy and the Problem of Taiwan*. Boulder, Co: Colorado Associated University Press, 1971. Pp. 47—63. Crises in the 20-th Century. Vbl. 1. *Handbook of International Crises*. Oxford. Pergamon Press, 1988. P. 243.

⁵²⁹ Dupres L. *Afganistan*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980. P. 91.

⁵³⁰ Wainhouse D.W. and Bechhoeven B.G. *International Peace Observation*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1966. Pp. 142—148.

угроза вторжения на остров⁵³¹.

Ситуативной причиной военно-политических кризисов могут стать косвенные насильственные действия, такие как попытка или осуществление государственного переворота в соседней, союзнической стране, а также непосредственные насильственные действия, направленные против союзного дружественного государства и др.

Кризис между Францией и Северным Вьетнамом (1953 г.) был вызван просачиванием вооруженных формирований Народно-освободительного фронта Северного Вьетнама на территорию Лаоса, соединением их с местными повстанческими отрядами и организацией совместной борьбы против правящего, дружественного Франции, режима⁵³².

Государственный переворот в северном Йемене (1962 г.) спровоцировал сначала кризис, а затем и военную вовлеченность в события режимов Саудовской Аравии и Иордании. Эта вовлеченность в первую очередь обуславливалась их опасением, что падение монархии в Йемене приведет к нежелательному, революционному развитию политических событий в их собственных странах⁵³³.

В послевоенный период особая разновидность межгосударственных военно-политических кризисов вызывалась таким этапом в развитии внутригосударственного конфликта, прежде всего гражданской войны, который воспринимался оппонентом как благоприятный или неизбежный для вмешательства. Другой вид внутригосударственного конфликта, способный вызвать межгосударственный кризис, обуславливался попытками государственного переворота, массовыми актами саботажа, террористическими актами против видных политических деятелей, массовыми забастовками или демонстрациями, что воспринималось как непосредственная угроза для существующего политического режима. В этом случае, когда поощрение или организация этих акций государством-оппонентом устанавливались или только предполагались, мог последовать межгосударственный кризис.

Так, неоднократные эфиопско-сомалийские кризисы возникали в результате провозглашения сомалийским руководством планов создания «Великого Сомали» и соответствующего «собрания» всех земель, на которых проживают сомалийские племена, в том числе и в других государствах. Возникшее в подобных условиях ирредентистское движение в Эфиопии, по оценкам эфиопского руководства, инспирировалось Сомали и представляло серьезную угрозу для национальных интересов страны. В результате в 1960 г. возник острый сомалийско-эфиопский военно-политический кризис⁵³⁴.

Внутригосударственный вооруженный конфликт в Иордании в 1956 г. был вызван попыткой государственного переворота, направленного на свержение короля Хусейна. В поддержке государственного переворота были обвинены Египет и Сирия. В результате между этими странами возник военно-политический кризис⁵³⁵.

Кризисная ситуация между Индонезией и Нидерландами в 1957 г. возникла после того, как Индонезия, претендовавшая на присоединение к своей территории Западного Ириана (подмандатной территории Нидерландов), призвала к всеобщей забастовке всех индонезийских рабочих, работавших на нидерландских предприятиях в Западном Ириане. Часть нидерландских предприятия была насильственно захвачена индонезийскими рабочими и служащими. Подобное развитие событий привело к общему обострению двусторонних

⁵³¹ Kalicki J.H. The Pattern of Sino-American Crisis: Political-Military Interactions in the 1950s. London: Cambridge University Press, 1975. Pp. 168—178.

⁵³² Crises in the 20-th Century. Vbl.I. Handbook of International Crises. Oxford, Pergamon Press, 1988. P. 123.

⁵³³ Dawishu A.I. «Intervention in Yemen: An Analysis of Egyptian Perceptions and Policies»// Middle East Journal, 29,1 (1975). Pp. 47—64.

⁵³⁴ Castango A.A. Conflicts in the Horn of Africa // Orbis, IY, 2/Summer, 1960/. Pp. 204—215.

⁵³⁵ Crises in the 20-th Century. Vol. 1. Handbook of International Crises. Oxford, Pergamon Press, 1988. P. 232.

отношений между Индонезией и Нидерландами и перерастанию их в кризис⁵³⁶.

Сирийско-ливанскому кризису предшествовала начавшаяся в 1975 г. гражданская война в Ливане, ставшая результатом постепенных дезинтеграционных процессов и поляризации двух основных общин страны — христианской и мусульманской. Сирия неоднократно утверждала, что Ливан и Сирия являются составными частями «Великой Сирии» и были в свое время искусственно разделены французскими колониальными властями. В создавшихся условиях возможное разделение Ливана между враждующими религиозными общинами рассматривалось сирийским руководством как угроза ее национальным интересам. Эти опасения усиливались вследствие военных побед христианских вооруженных формирований. В январе 1976 г. Сирия направила в Ливан ряд войсковых частей, что привело к возникновению военно-политического кризиса между двумя странами.

Роль внутригосударственных конфликтов в качестве предпосылки межгосударственных военно-политических кризисов в последние годы заметно усилилась: между Ираком, Турцией и Ираном — это военные действия Патриотического союза Курдистана и Демократической партии Курдистана, действующих на территории трех стран; между Индией и Пакистаном — действия сикхских повстанцев (с 1981 г.), Всетрипурских племенных сил (с 1952 г.), Объединенного освободительного фронта Ассама (с 1982 г.), вооруженных формирований Национального социалистического совета Нагаленда (с 1978 г.); на территории Индии; между Камбоджей, Китаем и Вьетнамом, — противостояние камбоджийского правительства и вооруженных формирований Партии демократической Кампучии («красных кхмеров»), претендующих на политическую власть в стране; между Алжиром и Ливией — действия вооруженных формирований Исламского фронта спасения, своими террористическими и диверсионными действиями непосредственно угрожающего политической стабильности в Алжире; между Россией и Афганистаном — действия вооруженных формирований Народно-демократической армии, базирующейся на территории Таджикистана и Афганистана; между Арменией и Азербайджаном — нагорно-карабахская проблема и т.д.

Межгосударственный военно-политический кризис может быть вызван и внешним ситуационным изменением, включающим появление у оппонента качественно новой разновидности оружия или системы вооружений, приобретение оппонентом наступательной способности, неблагоприятные изменения в соотношении сил на субрегиональном, региональном и глобальном уровнях и т.д.

Характерным примером в этом отношении явился Карибский кризис 1962 г. Размещение на территории Кубы советского ракетного наступательного оружия было воспринято американским руководством как предпосылка к коренному изменению сложившегося военно-стратегического соотношения сил и как непосредственная угроза безопасности США.

Ближневосточный военно-политический кризис в октябре 1973 г. произошел после того, как израильская разведка зафиксировала массированное передвижение египетских войск к Суэцкому каналу. Израильские вооруженные силы были приведены в полную боевую готовность. В свою очередь египетское руководство восприняло предпринятые Израилем меры как подготовку к превентивному удару, что в конечном итоге вызвало между двумя странами острый кризис, переросший затем в вооруженный конфликт⁵³⁷.

Значительное число межгосударственных военно-политических кризисов послевоенного периода вызывалось различными провоцирующими действиями на общем фоне конфликтных отношений. Таким провоцирующим действием мог быть, к примеру, захват заложников.

Например, непосредственной причиной возникновения военно-политического кризиса для Англии (19.01—30.01.1964 г.) стал захват в заложники английских военнослужащих в ряде восточно-африканских государств. Этому предшествовал ряд событий⁵³⁸. 12 января 1964 г.

⁵³⁶ Ibid. P. 237.

⁵³⁷ Государства НАТО и военные конфликты. М.: Наука, 1987. С. 186—187.

⁵³⁸ Crises in the 20-th Century. Vol. 1. Handbook of International Crises. England/Oxford/: Pergamon Press, 1988. P.

произошел государственный переворот в Занзибаре, бывшей британской колонии, сохранявшей прочные связи с Англией. В стране к власти пришли левые силы. Свергнутое правительство Занзибара обратилось за военной помощью к соседней Танганьике, правительство которой решило ее оказать. Англия направила к побережью Дар-эс-Салама военно-морскую группу. Пусковым же механизмом кризиса для Англии стало восстание солдат одного из батальонов танганьикских вооруженных сил, в результате которого были захвачены в заложники проходившие там службу английские офицеры. Восставшие потребовали удаления из танганьикских вооруженных сил всех английских военнослужащих. 23 января восстали солдаты угандийской армии, и вновь заложниками стали служившие там британские военнослужащие. Часть английских вооруженных сил была приведена в готовность к осуществлению вторжения. Однако в дальнейшем правительствам Танганьики и Уганды удалось стабилизировать обстановку.

Другим характерным примером в этом отношении являются события в Конго. В августе 1964 г. здесь в провинциальном центре Стэнлейвилле был образован Революционный Совет. Лидер Совета К. Гбение объявил о решении задержать в городе в качестве заложников около 1500 лиц европейского происхождения, что вызвало военно-политический кризис между Конго, с одной стороны, и США и Бельгией — с другой.

К провоцирующим действиям относятся и различные виды разведывательной деятельности. Так были вызваны американо-корейские кризисы (1968, 1971 гг.). Американо-корейский кризис (22.01—23.12.1968 г.) начался после захвата властями Северной Кореи американского разведывательного корабля «Пуэбло», который курсировал вблизи северо-корейского побережья с якобы океанографическими целями⁵³⁹. Схожий кризис произошел между США и Камбоджей в связи с захватом американского грузового судна «Майегэз» в камбоджийских прибрежных водах 12 мая 1975 г. красными кхмерами⁵⁴⁰.

Общая конфликтность отношений может побудить одну из сторон обвинить своего оппонента во враждебных действиях, причем в отдельных случаях эти обвинения могут носить предположительный или недоказанный характер.

Так, кризис 21 февраля 1973 г. был вызван для Израиля появлением в его воздушном пространстве самолета, двигавшегося в направлении ядерного объекта в Димоне⁵⁴¹. Израильские истребители были немедленно направлены на перехват самолета-нарушителя. На требования об идентификации самолета его экипаж не отвечал. Начальник штаба израильской армии генерал Елазар приказал открыть огонь на поражение. Впоследствии выяснилось, что самолет являлся гражданским лайнером и принадлежал ливийской авиакомпании. Тем не менее Израиль обвинил Ливию в враждебных намерениях.

Схожий кризис развивался между Гватемалой и Никарагуа с 9 ноября по 7 декабря 1960 г.⁵⁴². 9 ноября в Никарагуа с территории Гватемалы вторглись отряды боевиков из числа политической эмиграции и захватили два приграничных города. В Никарагуа было введено чрезвычайное положение, а в район проникновения боевиков направлены правительственные войска, которые разгромили повстанцев. В инспирировании враждебных действий правительство Никарагуа обвинило Гватемалу.

Ряд военно-политических кризисов в послевоенный период провоцировался организацией

269.

⁵³⁹ Armbrister T. A Matter of Accountability: The True Story of the Pueblo Affair. London: Barrie and Jenkins, 1970. P. 89.

⁵⁴⁰ Head R., Short W. And McFarlane R. Crises Resolution: Presidential Decision-Making in the Mayaguez and Korean Confrontations. Boulder, CO: West-view Press, 1978. P. 48.

⁵⁴¹ Crises in the 20-th Century. Vol. I. P. 300.

⁵⁴² Rosenthal M. Guatemala. N. Y: Twayne Publishers, 1962. Pp. 148—156.

так называемого «горячего преследования» боевиков на территории других стран. Так произошло, к примеру, между Родезией и Мозамбиком (9.08 — ноябрь 1976 г.)⁵⁴³, из-за того, что в августе родезийские силы осуществили рейд на партизанский лагерь в Нагомии (Мозамбик), чем и вызвали кризис.

В условиях общих напряженных отношений для возникновения военно-политического кризиса бывает достаточно любого, даже незначительного провоцирующего инцидента с одной из сторон.

Например, кризис для Замбии начался 5 октября 1971 г., когда премьер-министр ЮАР Д. Форстер заявил о подрыве южноафриканской полицейской машины, осуществлявшей патрулирование в приграничном районе с Замбией, на которую он и возложил ответственность за этот инцидент. Подразделения южноафриканских сил безопасности пересекли границу с Замбией под предлогом ликвидации якобы находившихся на ее территории диверсионно-террористических баз⁵⁴⁴.

Кризис между Замбией и Родезией возник 3 сентября 1978 г. после того, как был сбит родезийский самолет, и длился до 31 октября 1978 г.⁵⁴⁵. Родезийские власти предполагали, что самолет сбили боевики из ЗАПУ (Африканского Народного Союза Зимбабве), базировавшиеся на территории Замбии. 19 октября Родезия осуществила крупное наступление на ряд приграничных населенных пунктов Замбии.

Провоцирующим действием, способным вызвать военно-политический кризис, может стать враждебная экономическая акция одного из оппонентов.

Так, 9 января 1973 г. родезийское правительство закрыло границу с Замбией, фактически прекратив экспорт сырья из этой страны и лишив ее одного из основных источников дохода. Это было сделано после заявления премьер-министра Родезии Я. Смита о том, что замбийское правительство укрывает на своей территории террористические группировки. Между двумя странами возник военно-политический кризис⁵⁴⁶.

Военно-политические кризисы данной разновидности могут создаваться также проблемой беженцев или политических эмигрантов, что, как правило, приводит к ухудшению уже существующих конфликтных отношений между двумя государствами.

Распространенной разновидностью пусковых актов, в послевоенный период не раз приводивших к возникновению военно-политических кризисов, являлись насильственные военные действия: пограничные столкновения, пересечение границы ограниченными силами, вторжение в воздушное пространство, морские и воздушные инциденты, бомбардировка объектов на территории другого государства и др.⁵⁴⁷.

Кризис для Эфиопии 7 февраля 1964 г., был запущен после того, как вооруженные силы Сомали осуществили нападение на эфиопский пограничный пост⁵⁴⁸. Эфиопия на следующий день ответила рядом мер: пограничным силам было приказано оказывать сопротивление, в

⁵⁴³ Wiseman H. and Taylor A.M. *From Rhodesia to Zimbabwe: The Politics of Transition*. N.Y.: Pergamon Press, 1981. Pp. 113—125.

⁵⁴⁴ Pettman J. *Zambia: Security and Conflict*. N.Y.: St. Martin's Press, 1974. Pp. 48—86.

⁵⁴⁵ Wiseman H. and Taylor A.M. *From Rhodesia to Zimbabwe: The Politics of Transition*. N.Y.: Pergamon Press, 1981. Pp. 32—48.

⁵⁴⁶ Anglin D. *Zambian Crises Behavior: UDI in Rhodesia, 1965—1966*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1988. P. 68.

⁵⁴⁷ *Crises in the 20-th Century*. Vfol. 1. *Handbook of International Crises*. England/ Oxford/: Pergamon Press, 1988. P. 319.

⁵⁴⁸ Widstrand C.G. /ed./. *African Boundary Problems*. Uppsala: The Scandinavian Institute of African Studies, 1969. Pp. 63—69.

приграничных районах вводилось чрезвычайное положение, в Организацию Африканского Единства была направлена просьба о немедленном рассмотрении спорного вопроса (по поводу принадлежности Огадена).

Алжиро-марокканский кризис (1963 г.) возник после того, как марокканские войска в одностороннем порядке заняли спорный территориальный район. Кроме того, президент Алжира Бен Белла обвинил марокканское руководство в том, что оно поддерживает повстанческое движение на территории Алжира, возглавляемое А. Ахмедом, бывшим членом Национальной Ассамблеи Алжира⁵⁴⁹.

Руандо-бурундийский военно-политический кризис (1963 г.) был спровоцирован тем, что вооруженные формирования племени тутси, эмигрировавшие в Бурунди и развернувшие там сеть своих баз, вторглись в Руанду⁵⁵⁰.

В сентябре 1968 г. военно-политический кризис между Израилем и Египтом возник после того, как Египет подверг артиллерийскому обстрелу израильские военные посты, расположенные вдоль восточного берега Суэцкого канала. В ответ Израиль воздушным ударом разрушил гидроэлектростанцию Египта, расположенную в приграничном районе⁵⁵¹.

Ирако-кувейтский военно-политический кризис 1973 г. возник в результате вторжения иракских вооруженных сил в Кувейт с целью аннексии этой территории⁵⁵².

В том же году южнйеменско-оманский военно-политический кризис произошел вследствие поддержки южнйеменским правительством повстанческого движения в восточной провинции Омана Дхофар. Как заявило в ноябре 1973 г. оманское правительство, его военный объект был атакован южнйеменским самолетом, а южнйеменские войска активно вовлечены в боевые действия в Дхофаре на стороне повстанцев⁵⁵³.

Никарагуа-костариканский военно-политический кризис 1979 г. последовал после крупномасштабного партизанского рейда с территории Коста-Рики в Никарагуа. По заявлению никарагуанского правительства, подобные действия были частью намеченного в Коста-Рике плана по свержению правительства Никарагуа. В стране было введено чрезвычайное положение.

Ливийско-египетский военно-политический кризис 1977 г. возник в результате нападения египетских войск на ливийский пограничный пост в июле 1977 г. В ответ Ливия подвергла артиллерийскому обстрелу египетские пограничные посты⁵⁵⁴.

Глава 9.

Стадии кризиса

Военно-политический кризис послевоенного периода в своем развитии проходит, как правило, ряд основных этапов (стадий): «скрытая» фаза (в отдельных случаях) — нарастание конфронтации — эскалация кризиса до наиболее острой фазы (пика) кризисной ситуации — исход кризиса (разрешение кризиса деэскалацией, возвращением к исходному состоянию или перерастанием в вооруженный конфликт). Эти этапы, за исключением «скрытой» фазы,

⁵⁴⁹ Crises in the 20-th Century. P. 263.

⁵⁵⁰ Ibid. P. 268.

⁵⁵¹ Ibid. P. 285.

⁵⁵² Crises in the 20-th Century. Vol. 1. Handbook of International Crises. England / Oxford/: Pergamon Press, 1988. P. 301.

⁵⁵³ Ibid. P. 305.

⁵⁵⁴ Ibid. P. 322.

проявляются в подавляющем большинстве кризисных ситуаций независимо от их характера, остроты и длительности. «Скрытая» фаза в наибольшей степени характерна для военно-политических кризисов, развивающихся на основе «балансирования на грани войны» и «постепенного втягивания в кризис», а также вызванных ненасильственными (политическими или военными) пусковыми актами.

Каждый этап в развитии военно-политических кризисов имеет свои, лишь ему присущие особенности. Так, наличие «скрытой» фазы в ряде кризисов обусловливается тем, что непосредственные (провоцирующие) действия инициатора кризиса в отдельных случаях не проводят одноактно к его возникновению. Для этого необходимо обнаружение оппонентом враждебных действий и поиск путей наиболее оптимального реагирования на возникшую угрозу. В свою очередь для инициатора кризиса моментом его начала является публичное заявление (или ответные действия), сигнализирующие о том, что его действия обнаружены и оппонент готовится или уже приступил к контрмерам.

Характерным примером является Карибский кризис (1962 г.), «скрытая» фаза которого длилась с 16 по 22 октября⁵⁵⁵.

14 октября 1962 г. американский разведывательный самолет У-2 совершил очередной облет кубинской территории. После проявления аэрофотоснимков разведывательные службы выявили находившиеся в стадии оборудования пусковые старты для баллистических ракет средней дальности в местах, где ранее они не обнаруживались. После повторного полета и подтверждения полученных ранее данных доклад о ситуации был представлен президенту Д. Кеннеди. В Вашингтоне началось лихорадочное обсуждение возникшей проблемы⁵⁵⁶. Как таковой кризис начался 22 октября, когда президент Д. Кеннеди в телеобращении к нации объявил о том, что советские ракеты находятся на Кубе, а также определил комплекс мер, которые США в ответ предполагали предпринять.

Наличие «скрытой» фазы обусловливается, как правило, необходимостью перепроверки полученной информации о враждебных действиях оппонента. Длительность «скрытой» фазы определяется также степенью сложности в выработке его оптимальным решения.

Позже президент Д. Кеннеди признал, что возможность продлить время для принятия решения после того, как было получено первое сообщение о советских ракетах на Кубе, стала решающим фактором: «Если бы мы должны были действовать уже в среду (17 октября), в первые же 24 часа, я не думаю, по всей вероятности, что мы пришли бы к столь тщательно обдуманному решению, как введение карантина, а не прибегли бы сразу же к использованию наступательных вооружений»⁵⁵⁷.

Наличие «скрытой» фазы в развитии кризиса может также обуславливаться несвоевременностью поступления информации о событиях, носящих провокационный характер, в правительственные структуры одного из оппонентов.

Так, 25 августа 1959 г. индийские военные патрули были направлены в спорный район Лонгджу, который Пекин рассматривал как безоговорочно относящийся к китайской территории. В тот же день китайские армейские подразделения вытеснили их из данного района. Однако достоверная информация об этом поступила в Дели лишь 28 августа, вызвав тем самым кризис индийского правительства⁵⁵⁸.

В развитии значительного числа военно-политических кризисов послевоенного периода «скрытая» фаза отсутствует.

⁵⁵⁵ Holsti O.R. *Crisis, Escalation, War*. Monreal: McGill — Queen's University Press. 1972. Pp. 172—173.

⁵⁵⁶ Ibid. Pp. 173—174.

⁵⁵⁷ Ibid. P. 184.

⁵⁵⁸ Vertzberger Y.I. *India's Border Crisis with China, 1962*//Jerusalem Journal of International Relations, 2,2—3/Winter, 1978. Pp. 117—142.

Это происходит, как правило, в том случае, когда угрожающие (враждебные) вербальные или практические действия оппонента (чаще насильственные) требуют немедленной ответной меры. Этому может способствовать также убежденность военно-политического руководства в приемлемости найденного решения без тщательного рассмотрения других возможных альтернатив. В этом наиболее распространенном варианте кризис сразу начинается с этапа нарастания взаимной конфронтации.

Характерны в этом отношении неоднократные Кипрские кризисы.

Так, для Турции первый Кипрский кризис начался получением 30 ноября 1963 г. одновременно с правительствами Великобритании и Греции копии меморандума президента республики Кипр архиепископа Макариоса. В документе содержались предложения по дополнениям к конституции, реализация которых превратила бы Кипр в унитарное государство с предоставлением гарантий для турецкого меньшинства⁵⁵⁹. Неприемлемость подобного развития событий вынудила турецкое правительство уже 1 декабря рассмотреть перечень возможных контрмер по восстановлению статус-кво, включая жесткие. Итогом обсуждения стало заявление турецкого министра иностранных дел Эркина от 6 декабря 1963 г., отвергавшее дополнительные предложения как абсолютно недопустимые⁵⁶⁰, что в свою очередь вызвало кризис для Греции и кипрского правительства. В последующем турецкое правительство угрожало вторгнуться на Кипр, если, несмотря на возражения Турции, конституция каким-то образом будет изменена.

Схожая динамика развития была характерна и для американо-севернокорейского кризиса (1950 г.). В 5.00 утра 25 июня южнокорейские полевые посты сообщили, что войска Северной Кореи совершили внезапное широкомасштабное нападение. В свою очередь Ким Ир Сен 26 июня в выступлении в 9.20 заявил: Южная Корея вероломно напала на Север, спровоцировав таким образом контрнаступление. Однако офицеры наблюдательной миссии ООН, размещенной вдоль 38-й параллели, опровергли это заявление, поддержав южнокорейскую сторону и подчеркнув, что это не обычное, пусть и крупномасштабное, пограничное столкновение, а заранее запланированное наступление большей части северокорейской армии.

Наиболее достоверной для Вашингтона оказалась информация личного посланника президента США в Южной Корее Дж. Мучио, подтвердившего факт нападения Северной Кореи на Южную. В момент получения информации президент США Трумэн находился в г. Миссури. Уже в самолете во время перелета в Вашингтон Г. Трумэн, по свидетельствам сопровождавших его членов семьи, принял решение прибегнуть в отношении Северной Кореи к самым жестким мерам.

После кратковременных консультаций американское правительство инициировало проведение заседания Совета Безопасности ООН по корейской проблеме. 26 июня Совет Безопасности, при отсутствии на заседании представителя СССР и под давлением США, принял резолюцию, осуждавшую северокорейскую агрессию, требовавшую немедленного прекращения военных действий и отвода северокорейских войск к 38-й параллели. 27 июня была принята вторая резолюция, на этот раз призвавшая членов ООН оказать Южной Корее помощь. Фактически кризис достиг своего пика уже 26 июня, когда США решили прибегнуть к военно-силовым методам, в частности оказать силам Южной Кореи военно-воздушную и военно-морскую поддержку.

27 июня президент США Г. Трумэн санкционировал направление американских сухопутных сил в район боевых действий. Одновременно, с целью предотвращения возможного вторжения КНР на о. Тайвань, США направил в Тайваньские проливы 7-й флот, фактически установив военно-морскую блокаду китайского побережья. Эти действия вызвали кризис для КНР⁵⁶¹. Китайское правительство 28 июня ответило заявлением, в котором обвинило США в

⁵⁵⁹ Bitsios D.S. Cyprus, the Vulnerable Republic. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1975. P. 65.

⁵⁶⁰ Ibid. P. 68.

⁵⁶¹ Berger C. The Korean Knot. A Military-Political History. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1957. Pp.

готовящейся агрессии против Китая и предупредило о возможных контрмерах. В свою очередь тайваньское правительство оценило заявление китайской стороны как серьезную угрозу своей национальной безопасности и 29 июня объявило о всеобщей мобилизации.

Скоротечный характер развития американо-северокорейского кризиса (июнь 1950 г.) представлен в нижеприведенной таблице.

Таблица. Содержание начальных стадий (этапов) в развитии американо-северокорейского кризиса в июне 1950 г. (для США)

1 этап. Нарастание конфронтации (25.06)	
1) Определение характера и степени угрозы для США в результате нападения Северной Кореи на Южную.	Анализ военно-политической и военно-стратегической обстановки, сложившейся в результате нападения Северной Кореи. Решение прибегнуть к действиям ООН как форме «коллективного ответа» (25 июня).
2) Обсуждение достаточности «коллективного ответа» и наиболее приемлемой формы ответа США на возникшую угрозу.	Единодушное мнение группы принятия решения во главе с президентом США о невозможности урегулирования кризиса политическими средствами. Рассмотрение военных методов разрешения кризисной ситуации (25 июня).
2 этап. Пик кризиса (26–30.06)	
1) Определение военного силового способа разрешения кризисной ситуации.	Решение оказать военно-воздушную и военно-морскую помощь силам Южной Кореи (26 июня).
2) Эскалация уровня вооруженного насилия в разрешении кризиса	Решение о направлении американских сухопутных сил в район боевых действий (27 июня). Решение использовать войска в зоне Пусана (29 июня), передача генералу Д. Макартуру неограниченных полномочий для использования сухопутных войск в Корее (утро 30 июня).

Скоротечная форма развития была характерна и для этапа конфронтации в американо-доминиканском кризисе (24.04—31.08.1965 г.). Кризису предшествовал ряд событий.

В декабре 1962 г., через год после убийства доминиканского диктатора Трухильо, в стране были осуществлены впервые за 36 лет свободные выборы. Президентом республики стал Х. Бош, избравший курс на ослабление зависимости от США. В сентябре 1963 г. в Доминиканской республике был осуществлен военный переворот. Реальная власть в стране сосредоточилась в руках военной хунты. Однако 24 апреля 1965 г. сторонники президента Боша («конституционалисты») свергли военную хунту, что вызвало кризис для США. В тот же день при президенте США Л. Джонсоне была создана специальная координационная группа, которая уже вечером 24 апреля приняла решение направить к берегам Доминиканской республики военно-морскую группу⁵⁶².

Скоротечность этапа конфронтации в значительной степени обусловлена уверенностью одного из оппонентов в своем преимуществе, прежде всего военном, которое удастся сохранить при любом, даже наихудшем развитии кризисной обстановки, в том числе и в случае перерастания кризиса в вооруженный конфликт. В тех же случаях, когда один или оба

⁵⁶² Draper T. The Dominican Revolt: A. Case Study in American Policy. N.Y.: Commentary Report, 1968. P. 57.

оппонента не уверены в своем явном преимуществе или испытывают значительные трудности в поиске адекватного решения, этап конфронтации мог принять затяжной, длительный характер.

Подобное развитие событий было характерно, к примеру, для кризисной ситуации, в которую оказалась вовлеченной КНР в ходе войны в Корее (1950 г.). Как уже отмечалось, фактически военно-политический кризис для КНР начался 28 июня 1950 г., когда стала очевидной непосредственная военная вовлеченность США в корейские события, а корабли 7-го американского флота были обнаружены в Тайваньских проливах. В Пекине началось активное обсуждение возможных ответов на сложившуюся ситуацию. В итоге как один из наиболее вероятных вариантов возможных действий КНР стало рассматриваться направление китайских воинских частей в Корею. 15 июля 1950 г. Ким Ир Сен имел встречу с поверенным в делах КНР в КНДР Си Тун Мя, который, ссылаясь на премьер-министра КНР Чжоу Эньлая, передал ему, что КНР готова помочь северокорейской армии всем необходимым. Просьба об оказании этой помощи, подчеркнул он, должна поступить своевременно. По взаимному соглашению в Корею направлялись китайские офицеры связи для координации действий китайского и корейского командований⁵⁶³.

Намерение Китая оказать помощь Северной Корее обуславливалось рядом причин, и не в последнюю очередь — военно-стратегическими соображениями. Приближение американских войск к китайской границе и возможность форсирования ими р. Ялуцзян, по мнению Пекина, создавало серьезную угрозу Северо-Восточному Китаю. Поэтому с началом войны одним из первых шагов Пекина стал приказ китайским подразделениям ПВО, дислоцированным в Андонге, пересечь р. Ялу и уже на корейской территории обеспечить защиту этих мостов от налетов авиации⁵⁶⁴. Китайская сторона предполагала, что с победой сил ООН в Корее американцы окончательно установят контроль над Тайваньскими проливами. Это не только лишало реальных предпосылок любую, пусть даже призрачную перспективу объединения Тайваня с материковой частью Китая, но и создавало, по мнению Пекина, угрозу для Шанхая и Восточного Китая. Эти соображения заставляли Пекин внимательно наблюдать за событиями, разворачивавшимися на Корейском полуострове, и активно готовиться к возможному вмешательству.

Однако труднопредсказуемые последствия вовлеченности КНР в корейские события вынуждали пекинское руководство не торопиться с окончательным решением, особое внимание уделяя соответствующим военным приготовлениям.

План ввода китайских войск в Корею стал разрабатываться в начале августа 1950 г., когда Мао Цзэдун отдал премьер-министру Чжоу Эньлаю распоряжение подготовить на случай чрезвычайной обстановки план действий, в котором были бы детально показаны уязвимые стороны как американской, так и китайской армии. В начале сентября по указанию Мао Цзэдуна центральная военная комиссия разработала национальный план защиты территории Китая от возможных воздушных ударов американской авиации. Она также разработала в качестве первоочередной меры для защиты основных объектов промышленного назначения от налетов американской авиации комплекс предложений по их перемещению из Южной Маньчжурии в Северную. Одновременно Мао Цзэдун в жесткой форме установил последний срок готовности наступательной группировки китайских войск в Маньчжурии — 30 сентября⁵⁶⁵.

Первоначально сигналом для ввода китайских войск, установленным в ходе переговоров высших должностных лиц КНР и КНДР, должна была стать попытка высадки американского десанта в Гензане, Циннампо или ином северокорейском порту. 15 сентября 1950 г. произошла успешная высадка американского десанта в Инчхоне, ставшая переломным событием в ходе

⁵⁶³ Goncharov S., Lewis J., Litai X., *Uncertain Partners: Stalin, Mao and the Korean War* Stanford: Stanford University Press, 1993. Pp. 162—163. -

⁵⁶⁴ Ibid. P. 164.

⁵⁶⁵ Ibid. P. 175.

войны и фактически поставившая северокорейскую армию перед угрозой катастрофы. Однако немедленного вступления китайских войск в Корею не последовало: Мао Цзэдун сомневался в полной военной готовности к осуществлению подобной акции. Важную роль сыграла и неуверенность китайского руководства в том, насколько гарантированно советское авиационное прикрытие, столь необходимое для успешного действия китайских частей.

Сложность в принятии окончательного решения обуславливалась для Мао Цзэдуна и внутривнутриполитическими проблемами. Возможность участия китайских войск в боевых действиях в Корею с самого начала встретила противодействие ряда видных политических деятелей Китая, в частности Линь Бяо и Гао Гана. Основные их возражения сводились к следующему: ведение военных действий за рубежом, пока страна еще не окрепла после недавней гражданской войны и борется с бандформированиями, чрезвычайно рискованно; в случае поражения китайских войск американская армия может форсировать Ялуцзян, что поставит под серьезную угрозу существование нынешнего строя и т. д.⁵⁶⁶

Осознание сложности военного пути разрешения кризисной проблемы выразилось в попытках КНР добиться ее ненасильственного урегулирования. Так, Пекин неоднократно предупреждал США о готовности и способности КНР вступить в войну в случае, если американские войска пересекут 38-ю параллель и начнут приближаться к р. Ялуцзян. Эти предупреждения особенно активизировались после успешной высадки американских войск в Инчхоне. Однако в Вашингтоне, рассматривавшем эти предупреждения как стратегическую дезинформацию с целью предотвратить объединение всей Кореи силой, не придали им значения. 38-я параллель была пересечена.

В конечном счете на заседании ЦК КПК 2 октября 1950 г. возобладала точка зрения Мао Цзэдуна и его сторонников. Основная их аргументация сводилась к тому, что война с США неизбежна, поскольку американские войска, захватив Северную Корею, не остановятся на р. Ялуцзян, а попытаются вторгнуться в Северо-Восточный Китай. Было выгодней навязать им боевые действия на территории Северной Кореи, защитить границы Китая наступательным, а не оборонительным способом.

Весомой была и убежденность Мао Цзэдуна в том, что рано или поздно Советский Союз окажет Китаю необходимую военную поддержку, поскольку завоевание США Северной Кореи означало бы для Москвы утрату важного военно-стратегического и военно-политического плацдарма. Наконец, Мао предполагал, что война скорее всего примет ограниченный характер: при неясных перспективах вооруженной борьбы в Корею США не осмелятся осуществить воздушные налеты на Северо-Восточный Китай, где дислоцировались советские подразделения ПВО⁵⁶⁷.

Таким образом, этап конфронтации в американо-северокорейском кризисе 1950 г. длился свыше 3 месяцев (28 июня — 2 октября). Столь длительный его характер был обусловлен попытками политического урегулирования кризиса, труднопрогнозируемыми последствиями непосредственно военного способа его разрешения, к чему склонялась китайская сторона, необходимостью обеспечить максимально возможную, в том числе и военную, поддержку своих союзников и выбором наиболее благоприятного момента для реализации избранного способа разрешения кризиса, что отложило принятие окончательного решения.

Значительное число военно-политических кризисов в своем развитии проходит один пик (крайнюю форму обострения кризисной ситуации). Подобной динамикой, к примеру, характеризовались американо-гренадский (1983 г.), советско-польский (1946—1947 гг.), кенийско-сомалийский (1963—1964 гг.), сомалийско-эфиопский (1977 г.), американо-панамский (1964 г.), португало-гвинейский (1970 г.), франко-тунисский (1961 г.), иракско-сирийский (1976 г.), американо-севернокорейские (1968, 1969 гг.), американо-камбоджийский (1975 г.), гватемало-доминиканский (1949 г.) и другие кризисы.

В подобных кризисах вслед за достижением пика следовали, как правило, различные

⁵⁶⁶ Ibid. Pp. 171—176.

⁵⁶⁷ Ibid. Pp. 180-181.

формы его разрешения, к основным из которых могут быть отнесены: спад кризисной напряженности и попытки политического урегулирования спорной проблемы, завершение кризиса без определенного исхода (в отсутствии договоренности — возвращение к изначальному конфликтному уровню) и, наконец, перерастание в вооруженный конфликт.

Однако в ряде случаев кризис не ограничивался в своем развитии только одним пиком, а проходил последовательно несколько наиболее острых фаз (пиков). Характерен в этом отношении Карибский кризис 1962 г.

С методологической точки зрения следует отличать «пики» кризисной ситуации и самостоятельные военно-политические кризисы, возникающими на однотипной причинной основе. Такая подмена встречается не только в публицистической, но и в научной литературе⁵⁶⁸. Причиной для смешения этих явлений служит, как правило, короткий временной период, в рамках которого разворачиваются кризисные события.

Таковыми, к примеру, стали Тайваньские кризисы, имевшие место дважды в течение одного года. Первый кризис по поводу Тайваньских проливов длился с августа по декабрь 1954 г.⁵⁶⁹. Пусковым его механизмом для Китая стало формирование при активном содействии США военно-политического блока СЕАТО в августе 1954 г., что встретило резкое осуждение китайского правительства. В речи 11 августа 1954 г. премьер-министр КНР Чжоу Эньлай подтвердил обоснованность претензий правительства КНР на объединение под своим правлением всего китайского народа. 3 сентября 1954 г. авиация КНР подвергла бомбардировке острова Куэмой и Мацзу, находившиеся под властью гоминьдановцев. Это вызвало кризис для США и Тайваня. 7 сентября тайваньское правительство в ответ нанесло ряд воздушных ударов по территории КНР. В свою очередь США 12 сентября приняли решение направить в зону конфликта 7-й флот и обратились в ООН с требованием рассмотреть обстоятельства кризиса. 1 декабря 1954 г. между США и Тайванем был подписан оборонительный договор. К этому времени КНР прекратила бомбардировки Тайваня, тем самым завершив кризис.

Вместе с тем факт подписания американо-тайваньского оборонительного договора был воспринят в Пекине как угроза национальным интересам страны. В результате спустя месяц после завершения первого кризиса возникла новая кризисная ситуация⁵⁷⁰.

10 января 1955 г. КНР подверг бомбардировке Ташенские острова. Тайвань ответил возобновлением огня по китайской территории. На трех островах — Ташен, Куэмой и Мацзу — развернулись вооруженные столкновения между китайскими и тайваньскими войсками. В конечном счете тайваньские войска были вынуждены эвакуироваться из Ташенских островов. В создавшихся условиях президент США Д. Эйзенхауэр 24 января обратился в конгресс с просьбой предоставить ему полномочия для установления контроля в районе Тайваньских проливов.

Этот Тайваньский кризис завершился 25 марта 1955 г. без определенного исхода. Ташенские острова остались за КНР, а острова Куэмой и Мацзу с американской помощью в форсированном порядке были укреплены тайваньской стороной. Чжоу Эньлай предложил США начать переговоры по урегулированию тайваньской проблемы. Тайвань в переговорах не участвовал. Несмотря на посредничество Генерального секретариата и Совета Безопасности ООН, конкретной резолюции по проблеме принято не было.

Предпосылки для возобновления кризисной ситуации сохранились.

Как видно из этих примеров, самостоятельному военно-политическому кризису должны быть присущи все характерные этапы протекания: восприятие одним из оппонентов угрозы

⁵⁶⁸ См., к примеру: International Crises: Insights from Behavioral Research/ Ed. By Ch. Hermann. N.Y.: The Free Press, 1972. Pp. 5—27.

⁵⁶⁹ Bugler W. U.S. — China Policy and the Problem of Taiwan. Boulder, Co: Colorado Associated University Press, 1971. Pp. 47—63.

⁵⁷⁰ Hsich A.L Communist China's Strategy in the Nuclear Era. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1974. Pp. 161—178.

своим национальным интересам, ответное действие, нарастание конфронтации, пик кризиса и, наконец, та или иная форма его разрешения.

Свыше трети межгосударственных военно-политических кризисов завершились соглашениями различной формы. Они включали формальные соглашения, в том числе примирительные договоры и о прекращении огня; полуформальные соглашения, в том числе письменные обращения, устные заявления и др. формы, призывающие к прекращению огня и примирению, а также скрытые соглашения о необходимости деэскалации кризиса без письменных обращений или устных заявлений.

Значительная часть кризисов завершилась неопределенным исходом в результате действий одного из участников кризиса, осуществленных без договоренности с оппонентом, но тем не менее приведших к деэскалации кризиса. К этой же группе могут быть отнесены кризисы, которые завершились без всякого примирительного действия или соглашения, без определенной даты завершения, по принципу «самозатухания». Именно для этой группы кризисов характерно использование вооруженных сил в ходе их протекания. Они также проявляют устойчивую склонность к возобновлению и к последующему перерастанию в вооруженный конфликт.

Наконец, исходом ряда военно-политических кризисов являлись различные по масштабам и интенсивности вооруженные конфликты. В целом около двух третей военно-политических кризисов характеризовались той или иной степенью использования вооруженных сил.

Глава 10.

Использование в кризисе вооруженных сил

Наряду с политико-дипломатической борьбой вооруженное насилие занимает в ходе военно-политических кризисов одно из ведущих мест.

В ряде кризисов та или иная форма использования вооруженных сил становится непосредственным (пусковым) актом, однако не менее часто военные средства используются непосредственно в ходе кризиса в качестве инструмента политики, нацеленной на устрашение оппонента или принуждение его к уступкам по спорным проблемам. Военные средства в этом варианте могут применяться как в ненасильственной (для демонстрации военной силы, не связанной с применением вооруженного насилия), так и в преднамеренно насильственной форме.

В последнем случае вооруженные силы могут вводиться на территорию другого государства с целью оказать давление на его правительственные структуры или занять спорную территорию с тем, чтобы поставить оппонента перед свершившимся фактом и таким способом разрешить предмет спора. С подобными целями в ходе военно-политических кризисов широко используются воздушные и морские инциденты, артиллерийские обстрелы и избирательные бомбардировки, приграничные столкновения, вооруженные рейды и другие ограниченные формы вооруженной борьбы.

Демонстрация военной силы в ненасильственном исполнении также может принимать различные формы, основными из которых являются: факт присутствия собственных или союзнических войск в стране — очаге кризисной ситуации, преднамеренная концентрация войск в приграничных районах, проведение военных учений, а также приведение части или всех вооруженных сил в состояние повышенной боевой готовности.

Факт присутствия собственных или союзнических войск в стране — очаге кризисной ситуации в отдельных случаях может оказать на разрешение кризиса определяющее влияние.

Подобное, к примеру, произошло в ходе возникшего в Польше в 1946 г. внутригосударственного кризиса, который в свою очередь вызвал кризис для Советского Союза, опасавшегося, что в результате итогов приближавшегося референдума Польша могла покинуть советский военно-политический блок. Сознвая угрозу от размещенных в Польше советских войск, оппозиционные политические движения были вынуждены пойти на

соглашение с Польской рабочей партией, тем самым разрешив кризис⁵⁷¹.

Схожую роль сыграли вооруженные силы в ходе советско-венгерского (10.02—1.06.1947 г.) и советско-чехословацкого (1947—1948 гг.) кризисов.

Однако в отдельных случаях фактора присутствия вооруженной силы оказывалось для разрешения кризиса недостаточным. Так, в ходе советско-иранского кризиса (1945—1946 гг.), возникшего после вооруженного выступления 17 ноября 1945 г. демократической партии Ирана под лозунгом предоставления автономии Иранскому Азербайджану, иранское правительство направило в очаг восстания (г. Тебриз) войска, которые были вынуждены прекратить продвижение, встретив советские войска около г. Квасвин. После долгих переговоров была достигнута договоренность о выводе из Ирана всех иностранных войск.

Американские войска были выведены к 1 января 1946 г. Британским войскам следовало покинуть иранскую территорию ко 2 марта. Советский Союз, выведя войска из северных провинций, задержал их в других районах Ирана, тем самым оказывая давление на иранское правительство с целью положительного решения азербайджанской проблемы. 4 и 5 марта советские войска из Тебриза выдвинулись по трем направлениям — в сторону турецкой и иранской границы, а также в направлении Тегерана.

В дальнейшем, однако, встретив жесткую оппозицию не только иранского правительства, но и ведущих стран Запада (США и Великобритании), Советский Союз вывел свои войска из Ирана⁵⁷².

Демонстрация военной силы в ходе кризиса может протекать в форме преднамеренной концентрации войск в приграничных районах, имея целью предупредить оппонента о том, что в случае его неуступчивости возможно военное вмешательство в процесс разрешения кризиса.

Так, в ходе Кипрского кризиса (1963 г.) турецкий флот с целью демонстрации военной силы покинул район Стамбула и направился в сторону Восточного Средиземноморья⁵⁷³. Одновременно крупная группировка турецких сил сконцентрировалась в непосредственной близости от Кипра. Турецкие самолеты совершали облеты столицы Кипра (г. Никосия). В свою очередь Греция ответила заявлением, что в случае турецкого вторжения ее вооруженные силы также будут введены на остров. Однако ни одна из сторон не прибегла к эскалационным действиям, которые бы вынудили оппонента к ответной реакции. В итоге неготовность обоих оппонентов к вооруженному конфликту вынудила их к примирительным шагам, завершившим кризис деэскалацией.

В том случае, когда демонстрация военной силы может привести к вооруженному конфликту, который оба оппонента стремятся избежать, но один из них уступает первым, кризис может завершиться в пользу другого участника.

Во время ирано-иракского кризиса (1969 г.) Иран начал концентрацию сил вокруг приграничных городов Хоррамшахр и Абадан, одновременно приведя свой ВМФ в состояние повышенной боевой готовности⁵⁷⁴. В ответ свои вооруженные силы в состоянии повышенной боевой готовности привел и Багдад. Несмотря на напряженную обстановку, Иран 22 апреля направил через водный путь Шатт-аль-Араб грузовое судно в сопровождении военно-морского эскорта и под защитой истребителей, нарушив требования, выдвинутые Ираком. Это было первое иранское судно, проходящее через Шатт под иранским флагом с момента начала кризиса. Ирак, используя военно-морские корабли, заставил иранское судно с эскортом отойти. Но уже 25 апреля другое иранское судно, также эскортируемое военно-морскими кораблями,

⁵⁷¹ Dziwanowski M.K. The Communist Party of Poland. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1959. Pp. 184—234.

⁵⁷² Werch A./ed./. Russia at War, 1941—1945. London: Pan Books, 1964. Pp. 48—83.

⁵⁷³ Stephens R. Cyprus: A. Place of Arms, Power Politics and Ethnic.

⁵⁷⁴ Ramarani R.K. Iran's Foreign Policy. 1941—1973: A Study of Foreign Policy in Modernizing Nations. Charlottesville, VA: University Press of Virginia, 1964. Pp. 111—115.

прошло через Шатт беспрепятственно. Одной из причин этого явилась неготовность Ирака к вооруженному конфликту с Ираном и отсутствие у него иного адекватного способа воздействия на оппонента.

В случае очевидно неравного соотношения военных потенциалов участников своевременно и решительно осуществленная демонстрация военной силы может привести к быстрой деэскалации кризисной ситуации.

В ходе американо-лаосского кризиса 1962 г., возникшего после успешного наступления вооруженных формирований Патет Лао, оттеснивших часть правительственных войск Лаоса на территорию Таиланда, произошла последовательная демонстрация военной силы ряда его участников⁵⁷⁵. 13 февраля Таиланд в связи с возросшей угрозой вторжения сосредоточил войска в приграничных районах с Лаосом. В свою очередь США 12 мая направили в Сиамский залив 7-й флот и привели американские силы в тихоокеанском регионе в повышенную боевую готовность. По просьбе тайландского правительства около 1000 американских солдат, участвовавших на территории Таиланда в совместных учениях блока СЕАТО, были направлены к лаосско-тайландской границе. 14 и 15 мая американским руководством было принято решение направить в Таиланд дополнительно около 4000 военнослужащих. Принятые США меры приостановили наступление Патет Лао. Кризис завершился 12 июня 1962 г. после достижения договоренности о создании в Лаосе правительства национального единства.

В случае неравенства военных потенциалов государств — участников кризиса, исключающего для одного из них возможность длительной конфронтации, для деэскалации кризисной ситуации может стать достаточной даже вербальная угроза применения военной силы.

В начале американо-панамского кризиса (9.01—12.01.1964 г.) 9 января 1964 г. группа студентов вторглась на территорию Панамского канала и подняла там национальный флаг республики. Когда демонстранты вошли в соприкосновение с американскими войсками, последние открыли огонь, тем самым вызвав кризис для Панамского правительства⁵⁷⁶. Панама разорвала дипломатические отношения с США, одновременно направив жалобу в ОАГ и в Совет Безопасности ООН. Президент Панамы потребовал от США пересмотра всех ранее заключенных договоров, касавшихся канала. Однако в последующем перед угрозой вторжения американских войск панамское правительство было вынуждено пойти на уступки и отозвать свои требования.

Вместе с тем в случае твердой позиции более слабого оппонента и неготовности другого участника к осуществлению решительной военной операции кризис может фактически завершиться не в пользу последнего.

Подобное, к примеру, произошло в ходе американо-северокорейского кризиса (1969 г.), вызванного вооруженным инцидентом⁵⁷⁷. 14 апреля 1969 г. северокорейским истребителем над Японским морем был сбит американский разведывательный самолет ЕС-121. Северная Корея утверждала, что самолет нарушил воздушное пространство страны. США отрицали этот факт. Для разрешения кризиса в США была создана специальная кризисная группа, которая предложила президенту широкий выбор альтернатив: от дипломатического протеста до осуществления операции возмездия, — подчеркивая при этом неприемлемость примирительной позиции из-за возможного подрыва престижа США как сверхдержавы. Президент США Р. Никсон принял решение возобновить полеты разведывательных самолетов над территорией Северной Кореи, но на этот раз в сопровождении сильного авиационного эскорта. Одновременно в Японское море была направлена усиленная военно-морская группа,

⁵⁷⁵ Adams N.S. and McCoy A.W. /eds./. Laos: War and Revolution. N.Y.: Harper and Row, 1970. Pp. 119—160.

⁵⁷⁶ La Feber W. The Panama Canal: The Crisis in Historical Perspective. N.Y.: Oxford University Press, 1978. Pp. 35—46.

⁵⁷⁷ Hersh S.M. The Price of Power: Kissinger in the Nixon White House. N.Y.: Simon and Schuster, 1983. Pp. 97—126.

осуществлявшая демонстрацию военной силы и готовности американского руководства к решительным действиям. В ответ на эти действия СССР заявил протест. В обстановке трудно прогнозируемых последствий возможной военной акции США были вынуждены отступить. Кризис завершился без определенного исхода после вывода американской военно-морской группы из Японского моря.

В том случае, когда демонстрация военной силы не достигает своей цели (в том числе и потому, что оппонент не придает ей особого значения или рассматривает угрозу военной акции как недостоверную), а соотношение военных потенциалов складывается не в пользу государства-участника, которому был брошен вызов, военно-политический кризис может перерасти в вооруженный конфликт.

Во время вьетнамо-кампучийского кризиса (1977—1978 гг.) Вьетнам сконцентрировал в приграничной полосе ряд своих дивизий, чтобы оказать давление на кампучийское правительство, которое, однако, не придавало этому особого значения, рассчитывая на помощь, в том числе и военную, со стороны КНР. В результате произошла эскалация кризиса, переросшего затем в вооруженный конфликт⁵⁷⁸.

В ходе советско-афганского кризиса 1979 г. в условиях набиравшего в Афганистане силу повстанческого движения в марте 1979 г. с целью устрашения лидеров повстанцев на советско-афганской границе были сосредоточены две советские дивизии. В дальнейшем эта группировка была значительно усилена, однако партизанская война в Афганистане приобретала все более широкий размах. Тогда в Москве было принято решение ввести на территорию Афганистана войска, которые впоследствии оказались вовлечены в гражданскую войну⁵⁷⁹.

В период англо-аргентинского кризиса (1982 г.), вызванного вторжением 2 апреля аргентинских войск на Фолклэндские (Мальвинские) острова, Англия сформировала экспедиционную военно-морскую группу в составе двух легких авианосцев и 28 других кораблей⁵⁸⁰. На основании того, что подобные демонстрации военной силы со стороны Англии практиковались и ранее без обращения к вооруженному насилию, аргентинская сторона отклонила ультимативные требования Лондона, рассчитывая на то, что и в этот раз кризис не перерастет в вооруженный конфликт. Однако в мае-июне между двумя протагонистами развернулись вооруженные столкновения, которые закончились поражением Аргентины.

Демонстрация военной силы может осуществляться входе военных учений или приведения части или всех вооруженных сил в повышенную боевую готовность, а также объявления о призыве резервистов и т.д.

Так, в ходе советско-югославского кризиса 1949 г. с целью оказания давления на югославскую сторону были проведены учения советской дивизии, размещенной в тот период в Югославии. В свою очередь 19 августа Белград ответил приведением в повышенную боевую готовность своих вооруженных сил и приказом о проведении учений в приграничных районах⁵⁸¹.

Вооруженные силы активно использовались подобным образом в ходе советско-чехословацкого кризиса (1968 г.). На территории СССР в рамках ОВД был проведен ряд учений: очередные майские учения, учения войск ПВО стран ОВД «Небесный щит» (июль 1968 г.), совместные командно-штабные учения ВМФ ГДР, ПНР и СССР под наименованием «Север» (июль 1968 г.), совместные учения войск связи ГДР, ПНР, СССР (август 1968 г.),

⁵⁷⁸ Leighton M. Perspectives on the Vietnam-Cambodia Border Conflict// Asian Survey, 18,5/May, 1978/. Pp. 448—457.

⁵⁷⁹ Громов Б.В. Ограниченный контингент. М, Прогресс, 1994. С. 22—76; Война в Афганистане. М., Воениздат, 1991.

⁵⁸⁰ Time. 1982. Apr., 21.No. 15. P. 9.

⁵⁸¹ Butterworth R.L. Managing Interstate Conflict, 1945—1974: Data with Synopses. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh, 1976. Pp. 126—127.

крупные тыловые учения «Неман» ряда западных округов СССР (июль-август 1968 г.). Ряд этих учений проводился с привлечением резервистов. В ходе учений группировки войск, размещенных в ГДР, ВНР и ПНР, придвинулись непосредственно к чехословацким границам. Наиболее значительными стали командно-штабные учения армий стран ОВД (20 июня — 3 июля 1968 г.), проходившие на территории ПНР, ЧССР, ГДР и Советского Союза.

В ряде военно-политических кризисов в случае явного неравенства военных сил, а также неготовности одного или обоих оппонентов к вооруженному конфликту подобная демонстрация военной силы может привести к деэскалации кризисной ситуации.

Во время восточноафриканского кризиса (19—30.01.1964 г.), вызванного для Англии захватом английских военнослужащих в ряде восточноафриканских государств (Занзибаре, Танганьике, Кении и Уганде), часть английских вооруженных сил была приведена в повышенную боевую готовность. Угроза вторжения привела к быстрой стабилизации обстановки⁵⁸².

В ходе военно-политического кризиса между Ираком и Ираном (28.11.1959—4.01.1960 г.) Ирак 23 декабря привел свои вооруженные силы в повышенную боевую готовность. По заявлению иракской стороны, это было вызвано перемещением иранских войск к границе с Ираком. Неготовность обоих государств к вооруженному конфликту привела к деэскалации кризиса.

В доминикано-венесуэльском кризисе (24 июня — середина сентября 1960 г.) доминиканские вооруженные силы были 27 июня приведены в повышенную боевую готовность, а в стране объявлена всеобщая мобилизация. Венесуэла также привела в повышенную боевую готовность свои вооруженные силы. Перед перспективой неясного исхода возможного вооруженного конфликта обе стороны в конечном счете избрали средством разрешения спорного вопроса переговорный процесс.

Кризис мог иметь подобный исход и в том случае, если потенциально слабый оппонент занимал неожиданно жесткую позицию, а единственным средством воздействия на него оставалась нежелательная и трудно прогнозируемая по своим последствиям военная операция.

В 1968 г. во время американо-северокорейского кризиса, вызванного захватом американского разведывательного корабля «Пуэбло», Пхеньян отказался возвратить корабль и вернуть экипаж⁵⁸³.

Чтобы оказать на северокорейское правительство давление, 25 января США объявили о призыве армейского резерва. На этом этапе активное участие в разрешении кризиса принял Советский Союз, предостерегая США от использования военной силы. 26 января в Японское море был направлен советский траулер для наблюдения за действиями американской военно-морской группы, шедшей к берегам Северной Кореи. В условиях бесперспективности вооруженного противостояния США отказались от военно-силового решения проблемы. Кризисная напряженность спала ко 2 февраля после того, как Вашингтон принял решение о выводе авианосца и боевой группы из Японского моря. В дальнейшем обсуждение спорной проблемы происходило в рамках переговорного процесса.

Переходной (между ненасильственной и насильственной) формой использования вооруженных сил является ввод войск на территорию другого государства с целью оказания давления на его правительственные структуры, устрашение организаторов внутривнутриполитических беспорядков или занятия спорной территории явочным путем с тем, чтобы поставить оппонента перед свершившимся фактом и вынудить его к капитуляции или серьезным уступкам.

Военная акция советских войск в Чехословакии в 1968 г. планировалась как кратковременная «хирургическая» операция, целью которой являлось силовое преодоление сложившегося в стране «двоевластия», создание условий для перехода партийно-государственной власти в центре и на местах в руки просоветских представителей.

⁵⁸² Crises in the 20-th Century. Col.1. — England/ Oxford/. — Pergamon Press, 1988. P. 269.

⁵⁸³ Armbrister T. A. Matter of Accountability: The True Story of the Pueblo Affair. London: Barrie and Jenkins, 1970. P. 89.

Стремительные и согласованные действия оказались неожиданными как для чехословацкого руководства, так и для разведслужб западных государств. Несмотря на то что среди населения было распространено пассивное сопротивление, охватившее крупные города Чехословакии, прежде всего Прагу и Братиславу, оно не привело к серьезным вооруженным столкновениям.

В тех случаях, когда соотношение военных сил примерно равно или один из участников недооценивает готовность и решимость своего оппонента прибегнуть к военному способу разрешения спорной проблемы, кризис может перерасти в вооруженный конфликт.

В индо-китайском военно-политическом кризисе (1959, 1961—1962 гг.) вооруженные силы использовались для занятия спорной территории. Первый индо-китайский кризис начался 25 августа 1959 г. после того, как индийские военные патрули появились в районе Лонгджу, который Пекин рассматривал как безоговорочно относящийся к китайской территории.

В тот же день индийские патрули были вытеснены китайскими армейскими подразделениями⁵⁸⁴. Однако подобный исход не заставил Дели отказаться от избранного военно-политического курса, что в дальнейшем привело к новому кризису. К апрелю 1961 г. индийские подразделения продвинулись вглубь территории, уже освоенной, китайцами, и к концу года установили ряд новых постов в Ладакхском районе. Весной 1962 г. министр обороны Индии К. Мено санкционировал еще более провокационную политику в Ладакхском районе, предполагавшую попытки блокирования китайских коммуникационных линий на спорных территориях. Ответной реакцией китайцев стало размещение в спорном районе большего числа постов. В мае 1962 г. Пекин заявил, что в случае сохранения напряженности китайские патрули будут патрулировать не только Ладакхский район, но и всю китайско-индийскую границу. В том же месяце китайское подразделение окружило и вытеснило индийскую группу, пытавшуюся перерезать одну из коммуникационных линий. Нарастающая конфронтация привела к возникновению очередного (8 сентября 1962 г.) индо-китайского кризиса, который завершился вооруженным конфликтом. Индия, не подготовившаяся к нему должным образом, потерпела поражение.

В свою очередь в ходе ирано-иракского кризиса (1980 г.) иракские войска стали занимать спорные участки территории так называемым явочным порядком, каждый день объявляя, какая именно местность будет занята на следующий день. Оккупация спорных районов была завершена к 16 сентября, а на следующий день Ирак официально денонсировал Алжирское соглашение и объявил о восстановлении своего суверенитета над Шатт-аль-Араб, отказав Ирану в праве судоходства по ней⁵⁸⁵. В ответ Иран объявил о закрытии для иракских судов прохода по Шатт-аль-Араб и через Ормузский пролив. Дальнейшая эскалация кризиса привела к многолетнему крупномасштабному вооруженному конфликту между двумя странами.

Переходный характер данной формы использования вооруженных сил проявился также в ходе Берлинского кризиса (17.06—11.07.1953 г.)⁵⁸⁶.

К насильственной форме использования вооруженных сил в ходе военно-политических кризисов прибегают, как правило, в тех случаях, когда демонстрация военной силы в ненасильственном варианте не приводит к уступкам оппонента по спорной проблеме. При этом ради достижения поставленных военно-политических целей инициатор готов идти на риск эскалации кризиса.

Вооруженное насилие в ходе военно-политических кризисов используется на различных уровнях интенсивности, которые условно можно определить как низкий, средний и высокий.

Низкий уровень вооруженного насилия проявляется прежде всего в преднамеренных морских и воздушных инцидентах, использовании формирований наемников или повстанческих сил для решения ограниченных военных задач, избирательных артиллерийских

⁵⁸⁴ Whiting A. The Chinese Calculus of Deterrence: India and Indochina. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1975. Pp. 42—43.

⁵⁸⁵ The Iraki-Iranian Conflict. Documentary Dossier. Bagdad, 1981. P. 161.

⁵⁸⁶ Baring E. Uprising in East Germany: June 17, 1953. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1972. Pp. 45—90.

обстрелах и бомбардировках и других мелкомасштабных военных акциях. Эти акции осуществляются прежде всего с целью придать достоверность готовности инициатора добиться от своего оппонента уступок по спорной проблеме.

В ходе второго Кипрского кризиса (1964 г.) турецкие самолеты начали облет территории Кипра⁵⁸⁷. На следующий день, 8 августа, силы греков-киприотов, атаковавших гавань Коккинг, подверглись бомбардировке турецких ВВС. 9 августа Греция предъявила Турции ультиматум: если в течение 36 часов бомбардировки не прекратятся, греки-киприоты будут поддержаны всеми средствами, которыми располагает Греция. В свою очередь греческие самолеты начали ежедневный облет Кипра. Однако и на этот раз оппоненты не были готовы к дальнейшей эскалации кризиса. Решение спорного вопроса перешло в переговорное русло.

В период афгано-пакистанского кризиса 1949—1950 гг. Афганистан 27 марта 1950 г. направил две дивизии и часть военно-воздушных сил на афгано-пакистанскую границу⁵⁸⁸. В свою очередь с целью устрашения оппонента и демонстрации своей силы пакистанский самолет подверг бомбардировке деревню, расположенную поблизости от границы, в результате чего напряженность резко возросла. Вместе с тем стремление избежать назревающего вооруженного конфликта вынудило Пакистан согласиться на проведение совместной афгано-пакистанской комиссии. По итогам расследования Пакистан предложил выплатить необходимую компенсацию за причиненный ущерб. Тем самым первый афгано-пакистанский кризис завершился 31 июля 1950 г.

Очередной афгано-пакистанский кризис (1961—1962 гг.) возник после проникновения группы афганских солдат на территорию Пакистана. Ответом Пакистана в мае 1961 г. стала бомбардировка отдельных афганских объектов в приграничных районах. Это привело к резкой эскалации кризиса. Ни один из оппонентов не соглашался на уступки.

Однако неготовность к ведению вооруженного конфликта сдерживала обе стороны, в результате чего кризис принял форму политико-дипломатической конфронтации. 23 августа 1961 г. в ноте афганскому правительству министерство иностранных дел Пакистана потребовало закрытия афганских консульств и торговых представительств, которые, по утверждению пакистанской стороны, фактически являлись центрами подрывной деятельности.

30 августа Кабул ответил разрывом дипломатических отношений с Пакистаном, которые не восстанавливались вплоть до 1964 г.

В ходе американо-кубинского кризиса (1959—1960 гг.) Куба стала объектом систематических воздушных налетов, осуществлявшихся «неизвестными» самолетами со стороны США. Эти акции должны были служить напоминанием кубинскому правительству о постоянной возможности вооруженного вторжения со стороны США и таким образом предостеречь его от чрезмерно радикальных социально-экономических преобразований, быстрого сближения с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря.

Вооруженное насилие в подобной форме использовалось и в таких военно-политических кризисах, как ирако-сирийский (1976 г.), чадско-ливийский (1971 г.), тунисско-ливийский (1983 г.), угандо-танзанийский (1979 г.), доминикано-кубинский (1947 г.), афгано-пакистанский (1949 г.), гватемало-мексиканский (1958—1959 гг.) и др.

Однако инициатору применения вооруженного насилия в подобной форме, как правило, не удавалось добиться от своего оппонента значительных уступок.

В результате он был вынужден прибегнуть к эскалации вооруженного насилия с высокой вероятностью его перерастания в вооруженный конфликт или отступить, неся при этом значительные политические потери.

Средний уровень использования вооруженного насилия включает пограничные столкновения и вооруженные рейды на территорию оппонента, а также специальные военные операции. Это должно продемонстрировать оппоненту готовность вступить ради достижения

⁵⁸⁷ Bistios D.S. Cyprus, the Vulnerable Republic. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1975. Pp. 88—90.

⁵⁸⁸ Fraser-Tyler W.K.. Afghanistan: A. Study of Political Developments in Central and Southern Asia. 2 nd ed. Princeton University Press, 1967. P. 154.

своих политических целей в вооруженный конфликт, используя крайнее средство давления и вынудив оппонента к уступкам. Одновременно на случай возможного перерастания кризиса в вооруженный конфликт проводится проверка военного потенциала противника.

Так, в ходе вьетнамо-кампучийского кризиса (1977—1978 гг.) обе стороны прибегли к санкционированным пограничным столкновениям и артиллерийским дуэлям. Со стороны Кампучии использовались запланированные вооруженные рейды на территорию Вьетнама. В свою очередь 24 сентября 1977 г. несколько вьетнамских дивизий вторглись на территорию Кампучии. Встретив сильное сопротивление, они отошли на собственную территорию⁵⁸⁹.

Индо-пакистанский военно-политический кризис (1951 г.) сопровождался периодическими пограничными столкновениями⁵⁹⁰. 7 июля 1951 г. усиленная пакистанская бригада пересекла границу и углубилась на территорию Кашмира. Эта акция, наряду с шедшими в Пакистане дебатами о возможности объявления джихада («священной войны») ради возвращения всего Кашмира, вынудила премьер-министра Индии Д. Неру 10 июля направить индийские войска на границу с Пенджабом, а также в Джамму и Кашмир. Все вооруженные силы Индии были приведены в повышенную боевую готовность. Отпуска для индийских офицеров отменялись. Решительные действия Индии, а также твердая позиция начальника штаба пакистанской армии М. Аюб-хана, убежденного, что Пакистан не готов к крупномасштабной войне, побудили премьер-министра Пакистана Али-хана попытаться урегулировать кризис дипломатическими усилиями, которые, однако, не привели к существенным успехам.

В ходе военно-политических кризисов с соседними государствами прибегала к вооруженной пробе сил и Куба, особенно в первые годы своей независимости. Так, 25 апреля 1959 г. в Панаме высадился первый отряд кубинских боевиков. В ответ Панама обратилась за посредничеством в ОАГ, которая решила оказать ей помощь вооружением, а также направить комиссию по расследованию обстоятельств происшедшего. Ф. Кастро, согласившись с требованием ОАГ прекратить повстанческую деятельность в суверенных государствах, направил в Панаму двух представителей с целью убедить командование повстанцев покинуть страну, что и произошло 1 мая. Схожие события произошли на территории Никарагуа, Гаити и Доминиканской республики⁵⁹¹.

Для разрешения военно-политических кризисов нередко используются специальные военные операции.

Так случилось с израильскими заложниками, захваченными на угандийской территории, что вызвало для Израиля кризис, длившийся с 30 июня по 4 июля 1976 г. 27 июня французский самолет, вылетевший из Тель-Авива в Париж, был захвачен вскоре после посадки в Афинах группой террористов из Национального фронта за освобождение Палестины. Экипаж самолета был вынужден направить самолет сначала в Ливию, а затем в угандийский аэропорт Энтеббе. Кризис начался 30 июня, когда стало ясно, что угандийский президент И. Амин не намерен принимать меры по освобождению пассажиров захваченного авиалайнера. Израиль приступил к планированию военной операции. 3 июля три транспортных самолета «Геркулес» с израильскими командос на борту приземлились в Энтеббе, и заложники были освобождены в ходе военной операции. Кризис завершился.

Военная операция использовалась и для разрешения американо-камбоджийского кризиса (1975 г.). Он был связан с захватом 12 мая 1975 г. американского грузового судна «Майегэз» в камбоджийских прибрежных водах красными кхмерами. 14 мая США предупредили камбоджийское правительство о готовности прибегнуть к использованию вооруженной силы для освобождения своего судна и в тот же день приступили к осуществлению специальной

⁵⁸⁹ Kallorgen J.K. China 1979: The New Long March //Asian Survey, 19,1 /Jan. 1979/. Pp. 1—19.

⁵⁹⁰ Gopal S. Jawaharlal Nehru: A Biography, vol. 2, 1947—1986. London: Jonathan Cape, 1979. Pp. 181—183.

⁵⁹¹ Crises in the 20-th Century. Vol. 1. Handbook of International Crises. Oxford, Pergamon Press, 1988. P. 316.

операции. Спустя некоторое время после начала операции камбоджийцы освободили захваченное судно. 15 мая кризис завершился.

Характерным примером в этом отношении стал также Бизертский кризис между Францией и Тунисом (17.07—29.09.1961 г.). Когда тунисское правительство потребовало переговоров для обсуждения условий вывода наиболее крупной (Бизертской) военной базы, французские парашютисты, высадившись в Тунисе 17 июля, взяли ее под усиленную охрану. Имели место очаговые вооруженные столкновения. Тунис, осознавший малую вероятность победы в противостоянии с Францией, был вынужден пойти на переговоры, в результате которых статус-кво французской военной базы в Бизерте был сохранен.

Вместе с тем вооруженное насилие подобной разновидности более чем какая-либо иная его форма склонно выйти из-под контроля и развиваться до непредусмотренных масштабов и степени интенсивности.

В результате оно приобретает высокий уровень, что свидетельствует о фактическом перерастании военно-политического кризиса в вооруженный конфликт. К такому же результату может привести вооруженное насилие, которое возникало между оппонентами стихийно как следствие общей кризисной напряженности. Кризис может перерасти в вооруженный конфликт и в ходе вооруженных рейдов, принимающих форму так называемого «горячего преследования» боевиков, базирующихся на территории оппонента. Значительное влияние на подобный исход кризиса оказывает неправильная оценка характера и содержания возможного ответа оппонента на планируемые действия.

Так, кризис между Замбией и Родезией возник 3 сентября 1978 г. в связи с уничтожением родезийского самолета. Родезийские власти предполагали, что самолет был сбит боевиками из ЗАПУ (Африканского Народного Союза Зимбабве), вооруженные формирования которого базировались на территории Замбии. 19 октября Родезия осуществила вооруженный рейд против ряда предполагаемых баз боевиков в Замбии. Кризис перерос в вооруженный конфликт между двумя государствами⁵⁹².

Случаем, когда вооруженное насилие вышло за рамки предполагаемой интенсивности, вызвав тем самым вооруженный конфликт, явился сальвадуро-гондурасский военно-политический кризис (1969 г.)⁵⁹³. Первоначально обе стороны объявили о введении повышенной боевой готовности своих вооруженных сил. После разрыва дипломатических отношений войска с обеих сторон стали концентрироваться в соответствующих приграничных зонах. 14 июля войска Сальвадора пересекли границу Гондураса с ограниченной военной целью. Неожиданно для сальвадорской стороны Гондурас ответил нанесением воздушных ударов по ряду приграничных сальвадорских городов и портов. В результате возник вооруженный конфликт, в ходе которого сальвадорские вооруженные силы захватили ряд гондурасских населенных пунктов.

В ходе родезийско-мозамбикского кризиса (29.05—30.06.1977 г.) перед родезийскими вооруженными силами была поставлена задача нанести удары по экономическим объектам Мозамбика в качестве угрозы-предупреждения правительству страны за поддержку повстанческого движения ЗАНА (военного крыла Африканского Национального Союза Зимбабве)⁵⁹⁴. 30 мая Мозамбик ответил контрнаступлением своих вооруженных сил. Между двумя странами произошел вооруженный конфликт.

Поводом для индо-пакистанского кризиса (1965—1966 гг.) стало просачивание на территорию Кашмира так называемых пакистанских «бойцов за освобождение»,

⁵⁹² Crises in the 20-th Century. Vol.1. Handbook of International Crises. Oxford: Pergamon Press, 1988. P. 333.

⁵⁹³ Cable V. The Football War and the Central American Common Market//International Affairs/ London / 45,4/Oct. 1969. Pp. 658.

⁵⁹⁴ Crises in the 20-th Century. Vol. 1. P. 320.

намеревавшихся вызвать беспорядки в этой индийской провинции⁵⁹⁵. В ответ индийские войска не только вытеснили повстанцев, как первоначально намечалось в указаниях официального Дели, но пересекли линию прекращения огня и захватили большую часть районов, в которых базировались повстанцы. В ответ Пакистан направил бронетанковую колонну через линию прекращения огня в южный Кашмир, угрожая перехватить стратегически важную для Индии дорогу, связывающую административный центр Кашмира Шринагар с основной частью индийской территории. Индийские войска вторглись в Западный Пакистан. Кризис между двумя странами перерос в вооруженный конфликт.

Непредусмотренной эскалацией вооруженного насилия характеризовался также военно-политический кризис между Индией и Пакистаном по поводу Качского Ранна (8.04—30.06.1965 г.)⁵⁹⁶.

Он возник 8 апреля 1965 г., когда индийские подразделения попытались оттеснить один из пакистанских пограничных постов на спорном участке территории. В тот же день Пакистан осуществил контратаку крупными силами на широком фронте, вызвав тем самым кризис для Индии. Между двумя странами произошли серьезные вооруженные столкновения.

По схожему сценарию развивались события в сомалийско-эфиопском кризисе (1964 г), когда вооруженные силы Сомали осуществили нападение на один из эфиопских пограничных постов⁵⁹⁷. Эфиопия на следующий день ответила рядом мер: пограничным силам было приказано оказывать сопротивление в приграничных районах вводилось чрезвычайное положение. В результате sporadических столкновений между странами возник вооруженный конфликт, в ходе которого эфиопские войска неоднократно вторгались на территорию Сомали.

Как правило, подобное развитие событий, характеризующееся резкой эскалацией вооруженного насилия, характерно для кризисных ситуаций, пусковым актом которых стали насильственные военные действия, и особенно для кризисов, возникающих на основе механизма «оправдания собственной враждебности». В этих кризисах инцидент, как правило вооруженный, используется для возложения ответственности за конфронтацию на оппонента, вслед за чем следует заранее подготовленное крупномасштабное наступление.

Так, индо-пакистанский кризис (1971 г.) сопровождался мелкими приграничными столкновениями между индийской и пакистанской армиями⁵⁹⁸. Пакистан, неоднократно обвинявший Дели в целенаправленном, в том числе и военном, поощрении сепаратистского движения в Восточной Бенгалии, с 12 октября начал массированную концентрацию войск на иди йско-пакистанской границе. В свою очередь обвинив Пакистан в агрессивных намерениях, индийская армия 21 ноября пересекла границу Пакистана и развернула широкомасштабное наступление, в ходе которого пакистанская армия потерпела поражение.

Примерами подобного рода кризисов в послевоенный период стали американо-доминиканский (1965 г.), американо-вьетнамский (1964 г.), сомалийско-эфиопский (1977 г.), кенийско-сомалийский (1963—1964 гг.) и другие кризисы.

К вооруженному конфликту нередко приводит применение вооруженной силы и в так называемых внутривоенных кризисах, развивающихся на основе механизма «постепенного втягивания в кризис». Особенностью этих ситуаций является то, что они возникают уже в ходе ведущихся вооруженных конфликтов из-за стремления одного из протагонистов вовлечь в противоборство другие, пока еще нейтральные страны и тем самым приобрести новых союзников, лишив оппонента военной помощи или ослабив военное давление на себя, а также в

⁵⁹⁵ Gupta S. Kashmir: A Study in India-Pakistan Relations. Bombay: Asia Publishing House, 1966. Pp. 134—149.

⁵⁹⁶ Crises in the 20-th Century. Vol.1. /Oxford/ Pergamon Press, 1988. P. 209.

⁵⁹⁷ Vidstrand C.G. /ed/. African Boundary Problems. Uppsala: The Scandinavian Institute of African Studies, 1969. Pp. 63—69.

⁵⁹⁸ Costa B. Dismemberment of Pakistan. Ludhiana: Kalyani Publishers, 1972. P. 213.

тех случаях, когда воюющие стороны за счет военных успехов стремятся достичь наиболее выгодных позиций в уже ведущемся или предстоящем переговорном процессе.

Последнее было характерно для острых внутривоенных американо-вьетнамских кризисов (1968, 1969, 1971, 1973 гг.).

Острые внутривоенные кризисы с широкомасштабным применением вооруженного насилия возникали и в ходе ирано-иракской войны 1980—1988 гг. Это было связано с тем, что оба протагониста постепенно втянулись в ведение войны на истощение, непосредственно влиявшей на их политические и экономические отношения с соседними государствами.

Так, иракское руководство для ослабления экономической мощи противника стало препятствовать экспорту иранской нефти в другие страны через Персидский залив. Весной 1984 г. иракская авиация стала наносить удары по танкерам, в том числе и других государств, перевозившим иранскую нефть в Персидском заливе. Иран ответил ударами по судам Кувейта и Саудовской Аравии, оказывавшим помощь Ираку.

С сентября 1987 г. начался новый этап «танкерной войны», получивший название «минная война» из-за массированных установок Ираком и Ираном мин на путях перевозки нефти⁵⁹⁹. Кроме того, с начала сентября 1987 г. иранцы, используя маневренные и малозаметные средства, начали регулярные нападения на торговые суда, перевозившие нефть из стран, поддерживавших Ирак. В результате возникших для арабских государств Персидского залива внутривоенных кризисов сложились предпосылки для интернационализации конфликта.

В ходе вооруженного конфликта между Ираком и многонациональными силами (1991 г.) в ночь с 17 на 18 января Ирак нанес ракетами «Скад» провокационный удар по Израилю. В последующем ракетные удары со стороны Ирака были нанесены и по Саудовской Аравии. Их целью являлось спровоцировать ответные действия со стороны Израиля и Саудовской Аравии и на этой основе мобилизовать поддержку, в том числе и военную, других арабских стран.

Своими особенностями характеризуется угроза применения ядерного оружия в качестве крайнего средства принуждения оппонента к уступкам, которая может быть явной или подразумеваемой.

Явная угроза применения ядерного оружия выражается в официальных или полуофициальных заявлениях о подобных намерениях. Так, президент США Д. Эйзенхауэр в начале 1953 г. намеревался «косвенным образом» дать знать китайскому или северокорейскому руководству: если переговоры о перемирии не возобновятся и на них не будет достигнут прогресс, Соединенные Штаты будут «действовать решительно, без ограничений в вопросах использования оружия... Мы не будем считать себя связанными никаким мировым джентльменским соглашением»⁶⁰⁰. В условиях, когда противостоящая сторона (КНР) знала о том, что американские атомные боеголовки находились на о. Окинава, эта угроза звучала как достоверная. В результате ход переговоров был значительно ускорен и вскоре завершился подписанием соглашения.

Во время Тайваньского кризиса 1954 г. начальники штабов родов американских вооруженных сил на совещании 12 сентября рекомендовали начать военные действия против Китая, включая применение атомных бомб. В последующем угроза применения атомного оружия против КНР в случае эскалации военных действий неоднократно звучала из уст государственного секретаря Д.Ф. Даллеса⁶⁰¹. Реальность осуществления этой угрозы сыграла значительную роль в деэскалации Тайваньского кризиса.

В свою очередь в ходе Суэцкого кризиса 1956 г. Председатель Совета Министров СССР Н. Булганин 5 ноября направил телеграммы английскому, французскому и израильскому правительствам, в которых говорилось, что Советский Союз готов использовать силу для

⁵⁹⁹ O'Ballanse E. The Gulf War. London: Brassey's, 1988. Pp. 206—208.

⁶⁰⁰ Амброз С. Эйзенхауэр: солдат и президент. М.: Книга, лтд., 1993. С. 269.

⁶⁰¹ Там же. С. 345—349.

разгрома агрессора и восстановления мира. Телеграммы содержали слабо завуалированную угрозу использовать ядерные ракеты против Лондона и Парижа, если франко-английские войска не будут отведены из Суэца⁶⁰². Несмотря на недостаточную достоверность подобной угрозы⁶⁰³, потенциальная возможность такого сценария, а также давление со стороны США привели к деэскалации кризисной ситуации.

Наглядным примером подразумеваемой, но от этого не менее значимой угрозы применения ядерного оружия стал Карибский кризис 1962 г. Реальная опасность глобального ядерного столкновения в случае эскалации кризисной ситуации побудила обе противостоявшие стороны к особой осторожности в выборе своей кризисной политики, и прежде всего в отношении тех или иных военных мер. Кризис завершился урегулированием проблемы.

Глава 11.

Перерастание кризиса в вооруженный конфликт

В том случае, если военно-политические кризисы развиваются по принципу «оправдания собственной враждебности» и используются в качестве повода для развязывания заранее подготовленных военных действий, они неизбежно перерастают в вооруженный конфликт.

Однако значительно чаще основные причины возможного перерастания военно-политического кризиса в вооруженный конфликт следующие: неправильная оценка одним или обоими оппонентами соотношения военных сил, а также подлинных намерений оппонента; характер отношения военно-политического руководства государств-участников кризиса к перспективе его перерастания в вооруженный конфликт; ограниченность политических средств для разрешения кризисной ситуации, а также ряд политико-психологических факторов, оказывающих непосредственное влияние на качество принимаемого решения.

В большинстве кризисов, которые завершились войной или вооруженным конфликтом, лидеры государства-инициатора в значительной степени неправильно оценивали соотношение военных сил между собой и оппонентами. Они были уверены в победе в случае перерастания кризиса в вооруженный конфликт, а в некоторых случаях, к примеру в корейском кризисе 1950 г., они предполагали, что поражение противника не потребует значительных затрат и не вызовет больших потерь.

Так, в ходе китайско-индийского кризиса (1962 г.) решающее влияние на выбор Д. Неру так называемой «передовой политики», то есть занятия спорной территории явочным порядком, через развертывание сети индийских военных постов, оказала его убежденность в боеготовности индийской армии. Она основывалась на соответствующих докладах министра обороны К. Менона, а затем сменившего его на этом посту М. Каула. Поэтому Неру, выступая в Народной палате, неоднократно говорил о том, что индийская армия готова к любым испытаниям, в том числе к отражению совместного военного выступления Китая и Пакистана⁶⁰⁴.

Однако полевые командиры индийской армии, знавшие о реальном положении дел, не сомневались в подавляющем военном превосходстве Китая на спорных территориях. На основе их информации генеральный штаб индийской армии в 1959—1961 гг. подсчитал, что в спорном Ладакхском районе, к примеру, китайцы обладали десятикратным преимуществом в военных силах, не говоря уже о более выгодном состоянии транспортных коммуникаций. В апреле 1961 г. генеральный штаб доложил министру обороны о том, что, «если китайцы захотят

⁶⁰² R. Owendale. The Arab-Israeli Wars. London, Longman, 1984. P. 161.

⁶⁰³ Английскому правительству были предоставлены выводы американской разведки о том, что возможные угрозы Советского Союза о применении ядерного оружия будут не более чем политико-психологическим блефом.

⁶⁰⁴ Dalvi J.S. Himalayan Blunder: The Curtain Raiser to the Sino-Indian War of 1962. Bombay: Thacker, 1969. Pp. 68—74.

осуществить крупное вторжение на нашу территорию на избранных направлениях, мы не сможем помешать им осуществить это»⁶⁰⁵. В июне того же года они рекомендовали эвакуировать ряд недавно оборудованных военных постов до тех пор, пока авиация не будет в состоянии доставлять к ним необходимое количество снаряжения и продовольствия. В конце сентября 1962 г. генерал У. Сингх, командир XXIII армейского корпуса, безуспешно пытался убедить высшее командование в необходимости отвести свои силы к югу от линии Макмагона из-за невозможности их полнокровного снабжения⁶⁰⁶.

Индийские полевые командиры не сомневались, что Китай рано или поздно ответит силой на попытки размещения индийских военных постов на спорной территории. Однако их возражения учтены не были. Более того, офицеров, не согласных с избранным военно-политическим курсом, увольняли из армии. На их место ставились лица, не способные возразить против принятых руководством страны решений.

Подобная реакция на предупреждения полевых командиров была во многом обусловлена антагонизмом, существовавшим между министром обороны Индии К. Меноном и генеральным штабом. Генеральный штаб был раздражен постоянным и нередко некомпетентным вмешательством Менона во внутриармейские проблемы. Министр же подозревал высших военных, а также ряд полевых командиров в политических амбициях, в результате чего ставил под сомнение достоверность поступающей от них информации. Он все активнее окружал себя людьми по принципу личной преданности: в их числе оказался и его будущий преемник М. Каул. В результате военные, недовольные положением дел в армии, были фактически лишены доступа к премьер-министру Д. Неру.

Став министром обороны, М. Каул показал себя еще более активным сторонником «передовой политики». Он неоднократно заверял Неру, что эта политика может быть реализована без особого риска, несмотря на запаздывание в развертывании основных сил индийской армии. Так, в июне 1961 г. он докладывал премьер-министру: «Для нас выгоднее развернуть как можно больше военных постов в Ладакхском районе... не ожидая их основного обустройства, поскольку я убежден, что китайцы не посмеют атаковать наши позиции, несмотря даже на то, что эти посты относительно слабее, чем китайские»⁶⁰⁷.

Каул, как и его предшественник, продолжал увольнять офицеров, не согласных с его позицией. К примеру, подобная участь постигла генерала С. Верма, командира корпуса в западном секторе, который, услышав в парламенте заверения Неру, о том, что военная ситуация в приграничных районах благоприятствует Индии, в начале 1961 г. написал письмо заместителю министра обороны генералу Тапару с просьбой довести до Д. Неру правдивую информацию о действительном состоянии дел или вынести, по крайней мере, этот вопрос на обсуждение армейского командования. Тапар не рискнул встать в оппозицию к Неру. Вскоре после этого генерал С. Верма был уволен из вооруженных сил⁶⁰⁸.

В дальнейшем события подтвердили правильность точки зрения офицеров, стоявших в оппозиции к военно-политическому курсу Индии в отношении спорных районов. К лету 1962 г. нескольким тысячам индийских солдат, разбросанных по многочисленным постам, вооруженных устаревшим оружием и испытывавших жесткую нехватку всех видов снабжения, противостояло значительно превосходившее их число китайских военнослужащих, вооруженных современным автоматическим оружием и артиллерией. Китайские посты на спорной территории опирались на мощные военные укрепления вдоль границы, индийские же были оторваны от своих баз и не могли рассчитывать на поддержку. В 1962 г. ближайшая

⁶⁰⁵ Lebow J. S. *Between Peace and War*. London: The Johns Hopkins Press, Ltd., 1981. P. 166.

⁶⁰⁶ Dalvi J.S. *Himalayan Blunder*. Pp. 69—70, 85—87.

⁶⁰⁷ Ibid. Pp. 68—74.

⁶⁰⁸ Ibid. Pp. 86—88.

индийская военная база располагалась в нескольких неделях пути от спорной территории Аксай Чин, до которой шла извилистая горная тропа. Индийские патрули, направленные в спорную территорию, могли снабжаться только по воздуху. В то же время китайцам спорные районы были доступны и представляли для них особую стратегическую важность.

Неправильное представление индийского правительства о соотношении сил в спорных районах привело с его стороны к ряду действий, воспринятых в Пекине как провокационные. В результате 16 ноября 1962 г. между КНР и Индией разразился острый военно-политический кризис, который уже 21 ноября завершился уступками последней по ключевым спорным вопросам⁶⁰⁹.

О том, насколько неожиданным для Индии был подобный исход, свидетельствует неадекватное поведение индийского правительства в ходе кризиса. Так, 19 ноября, в разгар кризиса Д. Неру обратился к президенту США Д. Кеннеди с просьбой немедленно направить 15 бомбардировщиков и эскадрилью истребителей для воздушного прикрытия индийских городов от возможных налетов китайской авиации⁶¹⁰.

США отреагировали отправкой в воды Индийского океана авианосной группы.

Схожая недооценка военного потенциала оппонента и его готовности пойти на риск вооруженного конфликта в полной мере проявилась и в ходе внутривоенного военно-политического кризиса между США и Китаем (1950 г.). Существовал ряд причин, в результате которых Вашингтон расценивал заявление Пекина о готовности к силовому разрешению кризиса между ними как политико-психологический блеф.

Одной из решающих в их ряду стала позиция главнокомандующего объединенными силами ООН генерала Д. Макарура по этой проблеме, прибегавшего к манипулированию данными военной разведки. После успешной десантной операции, проведенной под его руководством в Инчхоне, Макарур был убежден, что Китай и Советский Союз упустили возможность для селективного вмешательства в корейскую войну. По его оценкам, Китай до начала зимы мог направить в Корею не более 60 тыс. войск без авиационного прикрытия. Не мог, по его мнению, обеспечить это авиационное прикрытие и Советский Союз из-за отсутствия опыта в проведении подобного рода совместных операций. Макарур также предполагал (как показали дальнейшие события, ошибочно), что американская авиация сможет не только воспрепятствовать любому крупномасштабному передвижению китайских войск, но и помешать попыткам усиления китайской группировки в Корее из Маньчжурии. Он полагался при этом на способность американской авиации блокировать приграничные районы Китая. Самое большее, по его мнению, на что мог рискнуть Пекин в подобных условиях, — это оккупировать северное приграничье Кореи. Когда же в начале октября не произошло и этого, генерал Макарур окончательно поверил в то, что китайцы в войну не вмешаются, и стал заверять в этом президента Г. Трумэна⁶¹¹.

Своими утверждениями Макарур смог повлиять не только на президента Трумэна, но и на Объединенный комитет начальников штабов. В данном случае решающую роль вновь сыграл успех Инчхонской операции. В свое время Объединенный комитет, учитывая высокий риск, выступил против плана этой операции. Преодолевая сильное сопротивление, генерал Макарур настоял на ее проведении под свою личную ответственность и оказался прав.

Против нового плана Макарура, заключавшегося в объединении всей Кореи военной силой, ОКНШ возражал уже с меньшей настойчивостью, тем не менее предупредив его о наличии около 40 тыс. партизан в тылу и китайской армии, готовившейся к вторжению. Макарур настаивал на своем решении, делая ставку на стремительность наступления, которое бы предвосхитило любое активное противодействие Пекина.

⁶⁰⁹ Vertzberger Y.I. India's Border Crisis with China, 1962//Jerusalem Journal of International relations, 2,2—3/winter, 1978. Pp. 125—236.

⁶¹⁰ Ibid. P. 129.

⁶¹¹ Truman H.S. Memoirs. Vol. 2. Years of Trial and Hope. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1956. Pp. 356—366.

В своем стремлении убедить Трумэна он утверждал, что угрозы Пекина вмешаться в ход войны, которые особенно усилились с середины сентября, являются не более чем блефом. На их встрече, которая состоялась на о. Уэйк 15 октября, он заявил Трумэну, что предполагает вывести из Кореи основную часть 8-й армии к рождественским праздникам, оставив на полуострове две дивизии до проведения выборов, которые могли бы состояться в январе, и утверждал, что вероятность вмешательства КНР или СССР в происходящие события крайне низка⁶¹².

Не в последнюю очередь подобная позиция основывалась на искаженных оценках поступавших разведывательных данных. К началу октября на основе разведанных штаб американской 8-й армии представил точное описание предбоевого порядка китайских войск, развернутых вдоль р. Ялу. Однако само упоминание о возможном участии в войне Китая оказало на командование южнокорейской армии деморализующий эффект, и разведка 8-й армии была вынуждена смягчить свою оценку вероятности военного вмешательства Китая.

Этому способствовало и то, что к концу сентября стало ясно: генерал Д. Макартур не разделяет алармистских сообщений о военном вмешательстве КНР. В результате его заблуждения стали сознательно поощряться начальником разведки армии генералом Ч. Уильябамом, который стал преднамеренно занижать количество китайских войск не только в Маньчжурии, но и в последующем, после вторжения китайских войск на корейскую территорию⁶¹³.

Информация полевых командиров, знавших реальное положение дел, Макартуру не докладывалась. Генерал О. Смит, командир 1-й дивизии морской пехоты, обеспокоенный уязвимым расположением позиций своей дивизии перед перспективой китайского вторжения, обратился к начальнику штаба армии генералу Э. Элмонду с просьбой о смене оборонительных позиций. Однако Элмонд, находившийся в эйфорийной атмосфере, царившей в штабе Макартира, отказался санкционировать его просьбу⁶¹⁴.

Точно так же достаточно жесткая позиция Г. Насера в ходе Суэцкого кризиса 1956 г. в значительной степени обуславливалась недооценкой им возможности проведения западными государствами военной операции в зоне канала. С началом кризиса военные советники Насера убедили его в том, что в техническом отношении подготовка подобной операции потребует как минимум месяц. В дальнейшем успокаивающие, примирительные заявления президента США Д. Эйзенхауэра вселили в египетское руководство необоснованный оптимизм и веру в то, что эта операция вообще не будет осуществлена⁶¹⁵.

В этих и подобных им случаях ожидание успеха или даже легкой победы было плохо обосновано, а предупреждения третьих сторон оказывали слабое воздействие. В отдельных случаях даже первоначальное поражение или неудачные военные действия не могли развеять этих иллюзий. Так, после явного успеха израильской армии в войне 1967 г. многие политические деятели Египта настаивали на том, что Израилу удалось уничтожить ряд аэродромов, только потому, что за штурвалами самолетов находились американские летчики⁶¹⁶.

Значительное влияние на характер кризисного решения оказывает предположение военно-политического руководства о неизбежности войны как исхода кризиса. Политики,

⁶¹² Whitney C. MacArthur: *Its Rendezvous with Destiny*. N.Y.: Knopf, 1956. Pp. 392—395.

⁶¹³ Schnabel J.F. *United States Army in the Korean War. Policy and Direction: The First Year*. Wash., D.C., 1972. Pp. 239—240.

⁶¹⁴ Leckie R. *In Conflict: The History of the Korean War, 1950—1953*. New York: Putnam's, 1962. Pp. 196—200.

⁶¹⁵ Stephens R. *Nasser. A Political Biography*. London, 1971. Pp. 193—297.

⁶¹⁶ Walczyk T. *Doctrine and Tactics in the Yom Kippur War// Strategy and Tactics*. 1977, march — april. No.61. P. 34.

которые считают, что вооруженного конфликта или войны можно избежать, как правило, готовы к примирительным процедурам в ходе военно-политических кризисов. В том же случае, когда война представляется политикам неизбежной, они настроены не на поиск путей урегулирования кризиса, а на прогнозирование примерной даты начала ожидаемого конфликта и соответствующей подготовки к нему.

По этому поводу О. Бисмарк в свое время высказался следующим образом: «Ни одно правительство, если оно считает, что война неизбежна, даже если оно и не желает ее, не настолько глупо, чтобы оставить противнику выбор времени и повода для войны, ожидая момента, наиболее благоприятного для врага»⁶¹⁷.

Фактор неизбежности войны сыграл значительную роль в эскалации арабо-израильского кризиса 1967 г. со стороны как Израиля, так и арабских стран. По заключению ряда исследователей, на израильских политиков, принимавших кризисное решение, давил так называемый «синдром Холокоста» — восприятие евреев как извечных жертв в сочетании с преувеличенным опасением за выживание Израиля как нации-государства. Этот синдром, глубоко укоренившийся в израильском национальном самосознании, обусловил восприятие арабской угрозы в мае-июне 1967 г. как очередной попытки осуществить «окончательное решение» израильского вопроса и соответственно неизбежности вооруженного конфликта.

«Чувство, что война должна была гарантировать наше существование, разделялось всем народом Израиля», — признал один из государственных лидеров Израиля того периода И. Рабин⁶¹⁸.

Подобная установка привела к быстрой эскалации кризиса и дальнейшему перерастанию его в вооруженный конфликт. С началом кризиса частичная мобилизация вооруженных сил Израиля произошла 16 мая по распоряжению премьер-министра Л. Эшкола и начальника Генерального штаба И. Рабина. Но уже 18 мая была осуществлена полная мобилизация. Затем последовал кратковременный (23 мая — 4 июня) период попыток политического урегулирования, начатый во многом под давлением США. Однако убежденность в невозможности политического решения обрекла переговоры на провал. В подобных условиях поводом для решения о начале военных действий против арабских стран, принятого правительством Израиля 4 июня 1967 г., стало подписание военного договора между Египтом и Сирией.

В свою очередь и руководство Египта в 1967 г. исходило из неизбежности войны с Израилем. Египетское политическое руководство, так же как и военные эксперты, находилось тогда под впечатлением совокупного количественного, а по отдельным направлениям и качественного превосходства арабских армий над израильской.

Арабские армии (Египта, Сирии и Иордании) имели почти в два раза больше танков и штурмовых орудий и почти в три раза больше сверхзвуковых истребителей, чем Израиль. Г. Насер и египетские военные считали, что подобное соотношение сил при любых обстоятельствах гарантирует их от неблагоприятного исхода, подобного тому, что произошло в 1956 г., и надеялись нанести израильской армии сокрушительное поражение.

Восприятие египетским руководством войны как неизбежной и ожидание ее благоприятного исхода особенно отчетливо проявились в ходе поездки Насера на Синай, в район армейских позиций. Выступая перед офицерами-летчиками, он заявил: «Они, евреи, угрожают нам войной. Мы говорим им: пожалуйста. Мы готовы к войне»⁶¹⁹.

Существенное влияние на возможную эскалацию кризиса оказывает ограниченность существующих политических и военных решений. В ряде случаев подобная ограниченность обусловлена тем, что порядок действий на случай кризисной ситуации уже установлен в

⁶¹⁷ Die grosse Politik der europäischen Kabinete, 1871—1914. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft, 1922—1927. Vol.1. No. 137.

⁶¹⁸ Brecher M. Decisions in Israel's Foreign Policy. New Haven: Yale University Press, 1975. P. 334.

⁶¹⁹ Safran N. From War to War: The Arab-Israeli Confrontation, 1948—1967. N.Y.: Pegasus, 1969. P. 292 ff.

заранее разработанных военных планах. Эти планы отражают возможные варианты действий по различным, но чаще всего наихудшим сценариям развития событий. Содержание этих планов и наличие соответствующей военной силы для их осуществления могут резко ограничивать спектр возможных военно-политических решений в ходе кризиса.

Они могут вынудить государственных деятелей выбирать между отказом от военного пути решения кризисной проблемы и принятием неадекватного и явно неудачного варианта действий.

Американский генерал Д. Дэлтон так прокомментировал эту ситуацию: «Проблема заключается в том, что наши планы застыли, что они реально не могут быть применимы к быстро меняющейся обстановке... Когда у нас нет возможности по различным причинам использовать для их корректировки компьютеры, мы должны это делать примитивно, от руки, карандашом»⁶²⁰.

Другим проявлением данной проблемы может стать механическое приложение когда-то успешно осуществленных военных планов к последующим кризисным ситуациям. Вероятность этого усиливается в результате того, что организационные структуры, реализующие принятое решение, склонны использовать уже апробированный опыт.

Примером в этом отношении стал американо-кубинский кризис (1961 г.). ЦРУ, которому было поручено свергнуть политический режим Ф. Кастро без демонстрации явного американского участия, взяло за основу план, успешно использованный в 1954 г. для свержения правительства Арбенса в Гватемале⁶²¹. Хотя две ситуации были схожи лишь внешне, план подготавливался и впоследствии стал осуществляться лишь с незначительными дополнениями. В результате выбранный военно-политический курс завершился провалом.

Одной из наиболее распространенных в послевоенный период причин перерастания военно-политического кризиса в вооруженный конфликт являются просчеты и ошибки, прежде всего политико-психологического порядка, при принятии кризисных решений.

Традиционная политологическая школа характеризует процесс принятия решения в ходе кризиса как преимущественно рациональный процесс. В соответствии с этой точкой зрения политики, участвующие в процессе принятия решения, стремятся максимально объективно оценить поступающую информацию, необходимую для принятия решения, с тем, чтобы в последующем на основе ее адекватного осмысления избрать оптимальный военно-политический курс. С этой целью они тщательно рассматривают широкий спектр альтернатив и оценивают вероятный успех каждой из них в достижении поставленных кризисом военно-политических целей. На протяжении всего кризиса политики остаются «открытыми» для любой новой, в том числе и неблагоприятной для избранного ранее решения информации и в случае необходимости незамедлительно корректируют избранный ранее военно-политический курс. Политики строят свою деятельность на основе принципов «политического торга», адекватно оценивая наиболее вероятные выгоды и потери от принятого решения.

Однако реальный процесс выработки решения в значительной степени отличается от описанной выше «рациональной» модели. В послевоенный период в ходе принятия кризисных решений был совершен ряд характерных (типичных) ошибок и просчетов, которые способствовали перерастанию военно-политического кризиса в вооруженный конфликт.

Во многих кризисных ситуациях на процесс принятия решения негативно влияла так называемая «последовательность в восприятии», проявлявшаяся прежде всего в значительных упрощениях как при рассмотрении кризисной проблемы, так и при организации информационного процесса принятия решения.

Причина этого в том, что большинство политиков и военных интерпретируют информацию о ходе кризиса в соответствии с устоявшимся комплексом своих жизненных

⁶²⁰ Fialka J. J. The Grim Lessons of Nifty Nigget // Army. 30/ Apr. 1980/. №4. Pp. 14—18.

⁶²¹ Wohlsletter R. Cuba and Pearl Harbor: Hindsight and Foresight Memorandum RM-4328-ISA. Santa Monica: Rand Corporation, 1965.

представлений. В результате, несмотря на информацию, ставящую эти представления под сомнение, они тем не менее стремятся сохранить свои убеждения и установки в неприкосновенности.

Основную роль в подобной психологической реакции играют устоявшиеся представления («образы») политиков о прошедших исторических событиях, близких по своему содержанию к конкретной кризисной ситуации. Эти образы закладываются, как правило, в юности и затем давят на них на протяжении всей их карьеры.

На процесс принятия решения «последовательность в восприятии» негативно влияет прежде всего своей иррациональной формой. Это проявляется в ухудшении восприимчивости политика к новой информации, имеющей существенное значение для принимаемого решения, но не подкрепляющей его личный опыт и сложившиеся представления.

Влияние накопленных устойчивых представлений может быть настолько сильным, что политики нередко принимают решение до того, как необходимая для этого информация осмыслена и оценена. В политической психологии этот феномен определяется как «преждевременная закрытость восприятия». После того как собран первый пласт непротиворечивой информации, по своей насыщенности удовлетворяющей условиям принятия решения и не опровергающей личный опыт и представления политиков, они долгое время ориентируются именно на эту первоначальную информацию.

Это может длиться до тех пор, пока ошибочность принятого решения не станет очевидной для большинства лиц, участвующих в принятии решения. Но и в этом случае адекватное переосмысление решения происходит не всегда. Нередко, после первого ошибочного решения, политики вновь склонны делать выбор в пользу любого, на их взгляд, удачного решения.

Подобные тенденции проявились, к примеру, в политике Дели накануне и в ходе индо-китайского военно-политического кризиса 1962 г. Индия выводила свои особые отношения с Китаем из общего культурного наследия и колониального опыта.

Как сказал еще в 1924 г. Р. Тагор, «...отношения между Китаем и Индией были построены не через причинение страдания, а через принятие общих жертв»⁶²².

Лидер индийского национального движения Д. Неру, побывавший в Китае накануне Второй мировой войны, вернулся оттуда под впечатлением сходства исторических судеб двух наций. Он считал, что их предназначение взаимосвязано, так как обе нации поднялись из «летаргии и слабости веков» и устремились к «творческим решениям своих монументальных проблем»⁶²³. Неру верил, что будущее Азии определяется взаимоотношениями двух родственных государств-колоссов. С пониманием он отнесся и к установлению в Китае коммунистического правления после многолетней гражданской войны: он был убежден, что традиции древней китайской цивилизации смягчат марксистские догмы, которые идеологически не разделял.

Поэтому индийское правительство, несмотря на малую популярность подобного политического курса внутри страны, выступило фактическим «адвокатом» коммунистического Китая на международной арене. Это выразилось прежде всего в настойчивом ходатайстве индийского правительства о предоставлении КНР места в ООН, активных попытках посредничества между Китаем и США в ходе Корейской войны. Дружественные отношения Индии и Китая достигли своего апогея вслед за подписанием соглашения по проблеме Тибета в 1954 г. Принципы мирного существования между двумя странами, заложенные в преамбулу соглашения, были представлены как идеальная модель взаимоотношений для других государств. В соглашении подчеркивался двухтысячный период гармоничных отношений между Индией и Китаем, в результате которых между ними установилась тысячекилометровая спокойная граница.

Первоначально на отношения между странами не повлияло все более заметно проявившееся соперничество за лидерство в регионе. Индия не сомневалась в своем

⁶²² Chakravarty A., ed. A Tagore Reader. Boston: Beacon, 1966. P. 198.

⁶²³ Nehru J. The Discovery of India. London: Merriddan, 1956. P. 192.

первенстве, рассматривая себя как естественного лидера Азии. В связи с этим в Дели были популярны проекты создания азиатской федерации во главе с Индией, чему способствовало и то, что вклад Индии в укрепление мира, в особенности ее попытки по созданию блока неприсоединившихся стран, признавало значительное число азиатских и африканских политических лидеров.

Неру искренне верил в то, что именно ему принадлежит одна из главных заслуг в признании коммунистического Китая мировым сообществом. В частной беседе он охарактеризовал Чжоу Эньлая как «ученика», который обязан ему своим дипломатическим успехом во время дебюта на Бандунгской конференции 1955 г.⁶²⁴, и в обмен ожидал от Китая уступок по территориальным вопросам.

Неру придерживался благоприятного представления о Китае значительно дольше, чем другие высшие государственные деятели Индии, и поэтому почувствовал себя лично обманутым, когда китайцы попытались силовым путем решить пограничную проблему. Как показали события, он до последнего надеялся, что международный авторитет Индии и бывшие добрососедские индокитайские отношения сдержат КНР от силовой политики в разрешении пограничных споров. Подобная убежденность основывалась и на общепризнанной приверженности Индии принципу ненасилия и склонности к поиску мирных средств разрешения конфликта.

Наиболее известен среди них принцип сатьяграха, или гражданского неповиновения, наиболее полно проявившийся в борьбе против англичан. Сатьяграхи стремились продемонстрировать истину своей позиции принятием неограниченного страдания, отказываясь от нанесения физического вреда своим оппонентам. По Ганди, этот вред может быть нанесен только в непереносимых ситуациях, когда под угрозой находятся существенные моральные ценности, а другие средства разрешения конфликта исчерпаны.

Как разновидность международной сатьяграхи, рассматривал Неру и свою политику «передовых постов», в результате которой он намеревался достигнуть цели без вооруженного насилия. Индийские посты должны были отграничить спорный район и, одновременно охватывая по флангам китайские позиции, сделать их дальнейшее существование бессмысленным. Таким образом, стратегия Индии заключалась в вытеснении китайцев без обращения к силе. Такая форма конфронтации должна была побудить оппонента сделать выбор между насилием и компромиссом. Столкнувшись в свое время с подобным выбором, англичане нередко уступали из опасения негативной реакции общественного мнения в случае насилия. Неру ожидал, что и китайцы уступят по той же причине. Он был убежден: что использование Китаем силы против Индии восстановит против него общественное мнение в третьем мире, которым Пекин дорожил. Осуждение китайской агрессии, за которым, как верил Неру, должна была последовать политическая изоляция Китая, означало бы слишком дорогую для него цену.

Однако политика «передовых постов» как форма сатьяграхи оказалась неадекватна сложившейся военно-политической обстановке.

Помимо искажений в процессе восприятия значительное и нередко негативное влияние на принятие решения оказывают мотивационные установки политиков. Подобно обычным людям, они подвержены сомнениям, страхам, испытывают личностные симпатии и антипатии, часто внутреннее сопротивление перед необходимостью принятия окончательного решения. В условиях психологического стресса, который в отдельные периоды кризиса может принимать крайне острые формы, политики нередко приходят к выводу, что любое решение связано с огромным риском и чревато тяжелыми политическими последствиями. В подобной ситуации они откладывают принятие решения, ищут дополнительные аргументы в поддержку избранного решения или отрицают свою ответственность за него.

Влияние мотивации и психологического стресса на процесс принятия решения проявляется в различных формах. Так, если политик оценивает возможный риск от принятого решения как достаточно низкий, он может просто проигнорировать поступающую информацию, расходящуюся с избранным решением. Политические психологи определяют это

⁶²⁴ Maxell N. *India's China War*. Garden City, NY: Doubleday, 1970. Pp. 180—182.

явление как «бесконфликтную инерцию».

Если же возможный риск от избираемого решения оценивается как достаточно высокий, то политик, как правило, стремится проанализировать оптимальность других альтернативных решений. При наличии более или менее приемлемой альтернативы она, как правило, принимается без особой внутренней борьбы. Этот способ принятия решения определяется политическими психологами как «бесконфликтное изменение».

«Бесконфликтное изменение» может приобрести дисфункциональный характер, если по мере развития кризиса первоначальная стратегия лишь слегка, поверхностно корректируется, но одновременно игнорируется широкий спектр альтернативных военно-политических решений. Это происходит чаще всего тогда, когда политик ощущает свою непосредственную личную ответственность за выбранное ранее решение и предполагает, что коренное его изменение может повлечь за собой резкую критику со стороны оппозиции или, более того, взрыв недовольства в общественном мнении страны.

Политик переживает глубокий психологический стресс в том случае, когда осознает размер риска, связанного с принятием окончательного решения, и при этом не видит на начальном этапе приемлемого варианта действий. В подобных случаях политики обращаются к поиску, как правило, наименее рискованного и относительно приемлемого решения. Если же поиск не приводит к успеху, он продолжается на фоне растущей неудовлетворенности от различных альтернативных вариантов решений.

В конечном счете подобная стратегия результируется в феномене «оборонительного избегания», характеризующегося стремлением избежать информацию, вызывающую дополнительный стресс. Политические психологи различают в основном три формы «оборонительного избегания»: откладывание в принятии решения, перекладывание ответственности за принятие решения на других лиц и, наконец, безусловная поддержка однажды избранного решения.

Первые два способа не нуждаются в особом объяснении.

Третий способ проявляется, как правило, тогда, когда политик утрачивает надежду обнаружить какое-либо удовлетворительное альтернативное решение и в то же время не в состоянии отложить принятие решения или переложить ответственность за него на других официальных лиц. Тогда он останавливает выбор на относительно приемлемом решении, в последующем стремясь всячески подчеркивать его позитивные аспекты и преуменьшая возможные негативные последствия.

Характерным примером является политика США в отношении КНР входе Корейской войны (1950 г.). Феномен «оборонительного избегания» проявился в преуменьшении уровня возможной вовлеченности КНР в корейскую войну, результатом чего стало игнорирование или искажение смысла соответствующей информации, в достаточной степени раскрывавшей истинные намерения оппонента.

С конца августа 1950 г. содержание китайских заявлений стало отражать все большую озабоченность действиями войск ООН в Корее, а со второй половины сентября, после успешной десантной операции в Инчхоне, они приобретали все более жесткий характер. 23 сентября Пекин заявил, что «имеющие боевой опыт корейцы из Маньчжурии» уволены из китайской армии и получили возможность сражаться в Корее. Индийскому послу в Пекине К. Паниккару было сказано, что «китайцы не намерены сидеть со связанными руками и ждать, пока американцы подойдут к их границам»⁶²⁵. 30 сентября Чжоу Эньлай в торжественной речи, посвященной первой годовщине КНР, идентифицировал США с «наиболее опасным врагом Китая» и заявил, что китайское правительство «не должно бездеятельно мириться с уничтожением своего соседа империалистическими державами»⁶²⁶. На следующей неделе он несколько раз повторял угрозу о возможном военном вмешательстве КНР в корейскую войну. Еще более очевидное предупреждение было передано индийскому послу К. Паниккару 3

⁶²⁵ Pannikar K.M. In *Two Chinas: Memoirs of Diplomat*. London: Allen, 1955. P. 108.

⁶²⁶ The New York Times. 1950. Oct., 1.

октября. В этот день индийский посол посетил дом Чжоу Энъяля, где его информировали, что Китай вмешается в ход событий, если американские войска пересекут 38-ю параллель. Когда К. Паниккар уточнил, касается ли это южнокорейских войск, то получил ответ: «Это не имеет отношения к южнокорейской армии, но если американцы вторгнутся в Северную Корею, то американские действия встретят китайское сопротивление»⁶²⁷. В тот же день индийский посол передал это сообщение своему правительству, которое в свою очередь довело его до сведения британских и американских официальных лиц.

Стремясь придать своим угрозам и предупреждениям достоверность, Пекин фактически не скрывал военных приготовлений. Так, в июне — июле 1950 г. в Маньчжурию были направлены около 180 тыс. наиболее подготовленных китайских войск, что отметила западная пресса. После Инчхонской операции концентрация китайских войск в Маньчжурии усилилась, включая передислокацию нескольких армий из южной части страны. К октябрю китайская группировка в Маньчжурии насчитывала 320 тыс. человек, превышая численность войск, находившихся под командованием Д. Макартура, в несколько раз.

Интенсивные военные приготовления в Маньчжурии неоднократно фиксировались американской воздушной разведкой⁶²⁸. В конце сентября ЦРУ сделало прогноз о возможном усилении китайских армий в Маньчжурии. Чуть позже Х. Болдуин, обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс», основываясь на данных Пентагона, в своей статье сообщил близкую к истинной численность китайских войск в Маньчжурии⁶²⁹. Достоверная информация поступала и в последующем. Однако она не повлияла на военно-политический курс Вашингтона в целом. Определяющую роль здесь сыграла не только чрезмерно оптимистичная позиция генерала Д. Макартура, но и оценка обстановки руководством страны, которое стало заложником своих предыдущих политических заявлений о необходимости объединения Кореи.

Когда стала поступать информация о фактически неизбежном вторжении китайцев в Корею, Вашингтон оказался не готов воспринять ее достоверность. Администрация президента Г. Трумэна считала достаточным заверить Пекин в том, что США не испытывают враждебных намерений в отношении Китая, надеясь, что это может остановить их от вторжения.

Американское руководство стало искать дополнительную аргументацию, которая подкрепляла бы правильность первоначально принятого решения. Результатом стало преувеличение позитивных последствий объединения Кореи и одновременное преуменьшение вероятности китайского вторжения. В результате ЦРУ, Объединенный комитет начальников штабов, госсекретарь Д. Ачесон интерпретировали поступавшую информацию искаженно или приводили ее в соответствии с избранным военно-политическим курсом. Другой способ интерпретации информации заключался в избирательном к ней отношении с целью подавить стресс и снизить уровень неопределенности и тревоги в правительственных кругах.

Показательна в этом отношении реакция Вашингтона на предупреждения индийского посла К. Паниккара. Все предупреждения Паниккара оценивались как блеф на том основании, что подобным образом Пекин якобы пытается осуществить стратегическую дезинформацию и в результате достичь своих целей, не прибегая к военным действиям. 4 октября в Нью-Йорке на встрече с представителями Англии в ООН американский госсекретарь Д. Ачесон подчеркнул, «что китайские коммунисты до сих пор не брали на себя риска большего, чем в заявлениях, которые были сделаны ими в частных беседах с индийским послом и которые они могли бы в случае необходимости дезавуировать, что ими до сих пор не сделано прямого заявления ни в ООН, ни для Объединенного командования. Если они хотят продолжить „игру в покер“, они

⁶²⁷ Pannikar K.M. In *Two Chinas: Memoirs of Diplomat*. P. 110.

⁶²⁸ Schnabel J.F. *United States Army in the Korean War. Policy and Direction: The First Year*. Wash. D.C.: United States Army, 1972. Pp. 198—199.

⁶²⁹ *The New York Times*. 1950. Oct., 22.

должны выложить на стол больше, чем делали до сих пор»⁶³⁰. Самоубежденность американских руководителей не поколебалась и после того, как была получена первоначальная информация о вступлении в бой первых китайских частей. На заседаниях Совета национальной безопасности, где председательствовал Д. Ачесон, он продолжал настаивать на необходимости объединения Кореи. Когда стало невозможным отрицать значимость китайского вмешательства, в Вашингтоне прибегли к искаженной интерпретации последних событий: американские официальные лица были склонны верить, что Пекин направил войска в Корею с целью создания санитарного кордона вдоль своих границ.

Таким образом, вышеназванные факторы сыграли значительную, в отдельных случаях решающую роль в эскалации кризисных ситуаций вплоть до перерастания их в вооруженный конфликт.

Глава 12.

Высшее политическое и военное руководство: сложные взаимоотношения

Проблема взаимодействия гражданских политиков и высших военных заключается прежде всего в степени их влияния на процесс принятия кризисного решения и дальнейшего его осуществления. В ходе межгосударственных кризисов выявилась различная степень «агрессивности» рекомендаций высшего военного руководства по сравнению с ведущими гражданскими политиками⁶³¹. Кроме того, проведенные прежде всего за рубежом исследования показали усиливающиеся по мере развития кризисов разногласия между различными военными ведомствами и полевыми командирами.

Так, по мнению американских исследователей в послевоенный период наиболее «воинственные» рекомендации в ходе кризисов исходили от командующих военно-морскими операциями и полевых командиров. При этом полевые командиры армии (сухопутные войска) проявляли склонность к более сдержанным рекомендациям по силовому разрешению кризисов, чем командиры военно-воздушные и военно-морские. Наименее агрессивные рекомендации в послевоенный период исходили от начальников штабов армии (сухопутные войска).

Существуют также заметные различия в степени агрессивности рекомендаций высших военных и гражданских политиков на различных этапах развития кризиса.

В ходе принятия решения о первоначальном использовании вооруженных сил как средства разрешения кризисов мнения военных советников, как правило, расходятся. Так, по американскому опыту, взгляды членов Объединенного комитета начальников штабов более чем в половине кризисных ситуаций совпадали с позицией большинства гражданских советников. Наибольшую степень согласованности с позицией гражданских политиков демонстрировал председатель ОКНШ, который традиционно более близок к администрации президента, чем командующие видов и родов вооруженных сил. Напротив, полевые командиры, реализующие принятое решение, более чем в трети кризисных случаев были агрессивнее гражданских политиков⁶³².

В послевоенный период в США не было практически ни одного кризисного случая, когда бы гражданское политическое руководство столкнулось с объединенной оппозицией высших военных. Исключением стал Карибский кризис 1962 г., когда Объединенный комитет начальников штабов единодушно рекомендовал администрации президента осуществить вооруженную акцию с целью устранения советских ракет, размещенных на территории Кубы. Президент отверг предложенный военными вариант нанесения воздушного удара против Кубы

⁶³⁰ Lebow R. *Between Peace and War. The Nature of International Crises*. London: The Johns Hopkins Press Ltd., 1981. P. 178.

⁶³¹ Belts R.K.. *Soldiers, Statesmen and Cold War Crises*. London, Harvard University Press, 1977. Pp. 4—6.

⁶³² Ibid. P. 4.

и выступил за установление военно-морского карантина⁶³³.

В целом широко распространенный стереотип о воинственном настрое генералов и адмиралов, «запугивающих» гражданский политический истеблишмент возможными тяжелыми последствиями в случае неприменения военной силы, не подтверждается. В большинстве кризисных случаев, там где ряд военных настаивает на решительных действиях, другие высшие военные придерживаются более осторожного образа мыслей.

Ситуация меняется лишь после того, как решение об использовании вооруженной силы наконец принято. Генералы в подобных случаях предпочитают использовать военную силу не в дозированной форме, а массированно и решительно. Соответственно в ходе реализации решения о применении вооруженной силы военные советники, как правило, проявляют большую настойчивость, чем гражданские политики⁶³⁴.

Однако военные профессионалы редко доминируют при принятии решения, предполагающем осуществление тех или иных военных мероприятий. Военные должны прикладывать огромные усилия, чтобы добиться утверждения решения об использовании вооруженных сил в тех кризисных случаях, когда гражданские политики не согласны с подобным выбором.

Основные разногласия между военными и гражданскими политиками вызывает не сама перспектива осуществления военной акции, а масштабы и формы применения вооруженной силы.

В большинстве кризисных случаев послевоенного периода гражданские политики, как правило, добивались признания своей точки зрения и не уступали требованиям высших военных.

Существует два способа влияния высших военных на процесс принятия кризисного решения⁶³⁵. Непосредственное влияние выступает в виде формальных и открытых рекомендаций, а также в ходе управления и контроля над проведением военных операций. Косвенное влияние чаще всего проявляется в виде контроля над специфическими информационными каналами, непосредственно задействованными в процессе принятия решения. Именно последнее, косвенное влияние высшего военного руководства на процесс принятия кризисных решений оказывается наиболее эффективным и усилилось в послевоенный период.

Для реализации этого влияния чаще всего используются информационные каналы военной разведки, а также других информационно-аналитических служб, которые, к примеру, в период вьетнамских кризисов оказали значительно большее влияние на выработку военно-политического курса США, чем непосредственные официальные рекомендации высшего военного руководства.

В целом, однако, послевоенный период, по американскому опыту, продемонстрировал ослабление степени влияния высшего военного руководства на процесс принятия кризисных решений.

К примеру, в период правления президента Д. Эйзенхауэра роль Объединенного комитета начальников штабов в качестве главного военного советника при выработке военно-политического курса страны в различных кризисных ситуациях значительно снизилась по сравнению с ролью государственного департамента и министерства финансов.

Наиболее низкого уровня статус военных достиг при президенте Д. Кеннеди, когда они фактически утратили даже традиционную функциональную степень свободы при осуществлении уже утвержденных оперативно-тактических задач.

В незначительной степени влияние военных возросло при президенте Л. Джонсоне.

⁶³³ Acheson D. Homage to Plain Dumb Luck // Esquire. №2, 1969, febr., P. 13.

⁶³⁴ Hoopes T. The Limits of Intervention. New York: McKay, 1969.

⁶³⁵ Betts R.L. Soldiers, Statesmen and Cold War Crises. London, Harvard University Press, 1977. P. 5.

Первоначально рекомендации ОКНШ, высказавшегося за проведение стремительной и интенсивной серии бомбардировок во Вьетнаме в 1964 г., не были утверждены президентом. Однако в дальнейшем ограничения в отношении бомбардировок постепенно устранялись по мере того, как дозированная эскалация военных действий, вопреки ожиданиям гражданских политиков, не привела к уступкам Ханоя (в этот результат не верило большинство американских военных с самого начала).

Еще более возрос статус военных при президенте Р. Никсоне, но тем не менее уровня первых послевоенных лет не достиг⁶³⁶.

Основными соперниками Объединенного комитета начальников штабов в ходе принятия кризисных решений являются аппарат государственного секретаря и ведущие члены конгресса.

Несмотря на несогласие с избранным в ходе тех или иных кризисных случаев военно-политическим курсом, высшие военные, как правило, не угрожают своей отставкой и не прибегают к критике президентской администрации, а продолжают выполнять свои функциональные обязанности⁶³⁷. Так, известные американские генералы М. Риджуэй и М. Тейлор, несмотря на особое мнение в отношении американской политики в ряде кризисов, не подал и в отставку при президенте Д. Эйзенхауэре. В схожих обстоятельствах не подал в отставку и генерал Т. Пауэр при президенте Д. Кеннеди. Не подтверждается данными и распространенное утверждение о том, что в период вьетнамской войны при президенте Л. Джонсоне Объединенный комитет начальников штабов предполагал в полном составе подать в отставку в знак несогласия с характером проводимого им военно-политического курса.

Вместо этого военные, как правило, стремятся прибегнуть к так называемому косвенному влиянию на процесс принятия решения, используя с этой целью свои внутриорганизационные и коммуникационные возможности. Попытки президентского аппарата наложить ограничения на возможности военных в этих сферах стали одной из основных причин возросшего отчуждения руководства министерства обороны от администраций президента Д. Кеннеди и Л. Джонсона⁶³⁸. Напротив, более гармоничные отношения складывались у Объединенного комитета начальников штабов с администрациями президентов Д. Эйзенхауэра и Р. Никсона, что обуславливалось относительно значимой степенью влияния Комитета на принятие внешне — и военно-политических решений.

Немалое значение во взаимоотношениях высших военных и государственного лидера в ходе кризиса имеют личные пристрастия последнего. Так, президент Д. Кеннеди в начале своего президентского срока поддерживал тесные отношения с ОКНШ: он часто встречался с его представителями и периодически направлял на заседания комитета своего советника по военным вопросам. В дальнейшем, однако, он, установив особо доверительные отношения с министром обороны Р. Макнамарой, резко ограничил эту практику. Президент Л. Джонсон на первом этапе вьетнамской войны, вплоть до 1967 г., также опирался преимущественно на Р. Макнамару и практически не контактировал с Объединенным комитетом начальников штабов, во многом нарушив тем самым традиционную практику взаимоотношений высшего административного лица и Комитета в период военно-политических кризисов и вооруженных конфликтов. Вплоть до середины 1967 г. ни один из высших военных фактически не принимал участия в выработке американской политики в отношении Вьетнама. Но и после того, как в 1968 г. было принято решение о деэскалации войны во Вьетнаме, сопровождавшееся тем не менее периодическим возникновением внутривоенных кризисов, прошли всего лишь две прямых встречи президентов Л. Джонсона и сменившего его Р. Никсона с представителями

⁶³⁶ Sheehan N. The Rise of Military Influence in the Nixon Administration, in: Fox D.M., ed. The Politics of U.S. Foreign Policy Making. Pacific Palisades: Goodyear, 1971. Pp. 34—52.

⁶³⁷ Halperin M., Clapp P., Kanter A. Bureaucratic Politics and Foreign Policy. Washington, D.C: Brookings, 1974. P. 227.

⁶³⁸ Betts R.K. Soldiers, Statesmen and Cold War Crises. London, Harvard University Press, 1977. P. 8.

Объединенного комитета начальников штабов⁶³⁹.

Помимо степени влияния на процесс выработки решения, не меньшее значение для высших военных имеет автономность (свобода действий) в реализации своих непосредственных функциональных обязанностей после того, как решение о дозированном или широкомасштабном применении военной силы в ходе кризиса уже принято.

Так, большинство военачальников в ходе корейской войны выражали скрытое или явное недовольство администрацией президента вследствие ограничений на процесс осуществления ими своих командных обязанностей⁶⁴⁰.

В отдельных случаях возникали и открытые конфликты. К примеру, накануне высадки десанта в Заливе Свиней в период американо-кубинского кризиса 1961 г. полковник морской пехоты, прикомандированный к ЦРУ и отвечавший за обеспечение взаимодействия между кубинскими контраст и американским командованием, приказал своим подчиненным не подчиняться указаниям политических деятелей из Вашингтона, связанным с корректировкой военных планов.

Вскоре возник новый повод для недовольства военных, вызванный отменой президентом Д. Кеннеди уже запланированного второго воздушного удара, который, по мнению военных руководителей, должен был стать решающим для успеха проводимой десантной операции. Это решение было оценено высшими военными как некомпетентное и повлиявшее на провал операции⁶⁴¹.

Схожая ситуация повторилась в августе 1961 г., после возведения Берлинской стены и решения американского руководства направить в Берлин дополнительную группировку войск. Недовольство военных вызвала чрезмерная «опека» президента Д. Кеннеди, уделявшего особое внимание подготовке и проведению этой операции. Президент вникал во все организационные вопросы вплоть до того, что затребовал биографию командира группировки, выразив недовольство тем, что полковник Г. Джонс не являлся выпускником Уэст-Пойнта. В последующем он неоднократно вмешивался в систему управления войсками, потребовал установить прямую телефонную связь между командиром группы и своим военным советником Ч. Клинтоном. Эти действия вызывали крайнее раздражение высшего военного руководства⁶⁴².

Одним из наиболее драматических примеров конфликта между гражданскими политиками и высшими военными в ходе осуществления кризисных мероприятий стало столкновение министра обороны Р. Макнамары и командующего военно-морскими операциями Д. Андерсона в ходе Карибского кризиса. Макнамара значительное время находился непосредственно в оперативном штабе по проведению военно-морской блокады, и его указания вызывали раздражение военно-морских офицеров, рассматривавших их как прямое и необоснованное вмешательство в их функциональные обязанности. В первую очередь это было связано с тем, что министр фактически игнорировал уставные, стандартные процедуры в ходе выполнения флотом поставленных задач и мало заботился о соблюдении иерархии подчиненности. Так, он обнаружил, что один из американских эсминцев находится за пределами установленной блокадной линии, и поинтересовался причиной этого. Он был обеспокоен тем, что для советских судов не будет оставлена относительная свобода действий: своевременно остановиться или отойти. Вначале командующий военно-морскими операциями Андерсон не хотел отвечать Макнамаре из-за присутствия рядом его гражданских советников, не допущенных к секретной информации, но затем признал, что американский эсминец

⁶³⁹ Ibid. P. 8.

⁶⁴⁰ Ridgway M.B. The Korean War. Garden City: Doubleday, 1967. Pp. 11, 16.

⁶⁴¹ Taylor M.D. Swords and Plowshares. New York: Norton, 1972. Pp. 186—187.

⁶⁴² Betts R.K. Soldiers, Statesmen and Cold War Crises. London, Harvard University Press, 1977. P. 10.

контролирует действия советской подводной лодки. После того как Макнамара потребовал от Андерсона подробно описать действия флота в случае отказа советских судов подвергнуться досмотру, Андерсон швырнул в его сторону военно-морской устав и закричал: «Здесь все написано!»⁶⁴³. После словесной перепалки Андерсон в резкой форме все-таки ответил на вопрос министра. Менее чем через год он был уволен со своего поста.

В период Вьетнамской войны президент Л. Джонсон требовал от командования ВВС, чтобы ни одна, даже самая маленькая цель к северу от 17-й параллели не подвергалась бомбардировке без его личного указания. Все это вызывало негативную реакцию американского военного руководства. В конце концов председатель Объединенного комитета начальников штабов в конце 1965 г. выступил с заявлением, в котором, сетуя на «сверхконтроль и регламентацию» со стороны гражданских сотрудников Пентагона, настаивал на большей свободе для полевых командиров в «осуществлении командования на местах...», избавление от того, чтобы «их руки были связаны... теоретиками из вышестоящих штабов»⁶⁴⁴.

Нередко столкновения между гражданскими политиками и высшими военными происходили непосредственно в процессе принятия кризисного решения. Так, в начале 1965 г. командующий военно-морскими операциями Д. Макдональд присутствовал на совещании в Белом доме, где в ответ на предложения ОКНШ о расширении масштабов бомбардировок во Вьетнаме гражданские политики выступили категорически против, настояв на ограниченных воздушных рейдах. Позже он неоднократно повторял своему помощнику, что подобный выбор в военном отношении был бессмысленным. При этом, по его мнению, после завершения войны ответственность за подобное решение будет так или иначе переложена на военных⁶⁴⁵.

В целом влияние военных на принятие кризисных решений характеризуется различной эффективностью. Оно наиболее эффективно, когда военные выступают против применения силы в кризисных ситуациях. Однако такие примеры относительно редки. Нередко военные не выступают открыто против использования военной силы, но оговаривают возможность ее применения таким рядом условий, который ставит это под вопрос.

В некоторых случаях военные выступают за военный способ разрешения кризиса, но не настаивают на нем безусловно. Наиболее низкое влияние на процесс принятия кризисного решения военные оказывают в том случае, когда открыто высказываются за массированное использование военной силы: эти рекомендации признаются чрезмерными или отвергаются полностью⁶⁴⁶.

В послевоенный период Объединенный комитет начальников штабов стремился официально отделить политические решения в ходе кризисов от чисто военных решений, не допуская вмешательства извне. Однако реализовать это в полной мере не удалось. В мемуарах генерала Коллинза, одного из активных участников войны в Корее, часто говорится о постоянных столкновениях, происходивших на совместных совещаниях между представителями Объединенного комитета начальников штабов и сотрудниками государственного департамента в отношении целей США в корейской войне и способов их достижения⁶⁴⁷.

Высшие военные, к примеру в США, с пониманием относились к тому, что кризисное решение, в том числе относительно использования военной силы и начала военных действий,

⁶⁴³ Allison G.T. *Essence of Decision*. Boston: Little, Brown, 1971. Pp. 131—132.

⁶⁴⁴ Evans R. and Novak R. *Lyndon B. Johnson: The Exercise of Power*. New York: New American Library, 1966. Pp. 538—539.

⁶⁴⁵ U.S., Department of Defense, *The Senator Gravel Edition: The Pentagon Papers*. Boston: Beacon Press, 1971. Pp. 333—334.

⁶⁴⁶ Betts R.K. *Soldiers, Statesmen and Cold War Crises*. London, Harvard University Press, 1977. P. 12.

⁶⁴⁷ Collins J. L. *War in Peacetime*. Boston: Houghton Mifflin, 1969. Pp. 82—83.

является приоритетной сферой гражданских политиков. Однако, по их мнению, после того как решение о применении силы принято, его осуществление становится полностью компетенцией военных профессионалов.

Но в действительности вмешательство гражданских политиков в процесс реализации военного решения продолжается и после его принятия. Это обусловлено в первую очередь тем, что гражданские политики рассматривают применение военной силы в конкретной обстановке лишь как одно, пусть даже и наиболее оптимальное в данный момент, средство для достижения целей, поставленных в ходе кризиса. Подобный подход, к примеру, постоянно проявлялся в ходе многочисленных американо-северовьетнамских военно-политических кризисов. Политиками Вашингтона бомбардировка северовьетнамских установок ПВО или топливного хранилища в окрестностях Ханоя рассматривались не как решение чисто военных задач, а как средство давления на оппонента и принуждения его к уступкам. Так же рассматривались ими и другие военные меры: наращивание военной группировки в конкретных районах, осуществление военных рейдов и т.д.

Данный подход в целом оправдан: в ходе военно-политических кризисов силовые способы решения спорной проблемы носят вспомогательный, дозированный характер и должны находиться под безусловным политическим контролем. В противном случае они могут привести к стремительной стихийной эскалации, за которой последует полномасштабный вооруженный конфликт, чреватый тяжелыми последствиями.

Заключение

В попытках урегулирования послевоенных кризисов высокую активность проявляла глобальная международная организация (ООН). В той или иной степени она была задействована в урегулировании 213 кризисов (61% от общего числа). Однако самостоятельно ООН инициировала примирительный процесс лишь в 38 случаях (11% от общего числа). Это указывает на устойчивую для ООН тенденцию быть в основном реагирующей стороной: если ни один из участников кризиса не обращается за помощью к этой организации, сама ООН не проявляет склонности к инициативному примирительному процессу. Почти вся инициативная деятельность ООН в послевоенный период пришлась на попытки урегулирования кризисных ситуаций, развивавшихся на субрегиональном уровне, что свидетельствует о недостаточности миротворческого потенциала этой организации, особенно если в кризис были вовлечены сверхдержавы или — в отдельных случаях — ведущие державы.

Из органов ООН наибольшую примирительную активность, как это и предусматривается Уставом организации, продемонстрировал Совет Безопасности, а затем по нисходящей — Генеральный секретарь и Генеральная Ассамблея. Во многом это объясняется тем, что такой орган, как Генеральная Ассамблея, мало приспособлен для эффективной миротворческой деятельности и может выступать скорее как средство выражения настроений и установок правительств тех или иных стран.

Миротворческая деятельность ООН характеризовалась определенным региональным оттенком. Совет Безопасности проявил активность в урегулировании 44% кризисов в Азии, 47% — в Латинской Америке, 69% кризисных ситуаций в Европе и 66% кризисов в Африке.

Одновременно с ООН активную роль в попытках урегулирования кризисов послевоенного периода играли региональные организации, которые в той или иной степени были задействованы в урегулировании всех кризисных ситуаций. Объектом их преимущественной активности являлись региональные и субрегиональные кризисы.

Лига арабских государств принимала участие в урегулировании 28% кризисов, Организация американских государств — 15%, Организация африканского единства — 23%. Относительно редко в попытках урегулирования кризисов участвовали СБСЕ (ОБСЕ), НАТО, ОВД, СЕАТО и др.

Основными формами деятельности региональных организаций в процессе урегулирования военно-политических кризисов были: обсуждение без принятия резолюции (16,5%), расследование фактов (5,2%), осуждение инициатора кризиса (13,4%), призыв к коллективному

действию (14,4%), посреднические услуги (17,5%), арбитраж (1,0%), введение санкций (3,1%), направление наблюдательной группы (1,0%), создание чрезвычайных вооруженных сил (3,1%), комбинированная деятельность (13,4%), неконкретная деятельность (11,3%). Таким образом, региональные организации редко прибегали к таким решительным видам примирительной деятельности, как введение санкций и создание чрезвычайных вооруженных сил.

Однако их деятельность оказала значительное влияние на урегулирование около 40% кризисных ситуаций в послевоенный период. Исторический опыт показал, что региональные организации проявляли большую по сравнению с глобальной организацией (ООН) инициативу в попытках урегулирования кризисов.

В ходе вызревания и развития военно-политических кризисов послевоенного периода со стороны военно-политического руководства государств-участников допускалось значительное число ошибок и просчетов, что приводило к эскалации, а нередко и к перерастанию кризиса в вооруженный конфликт. Их анализ позволил извлечь ряд уроков.

Урок первый. Значительное число военно-политических кризисов возникло в результате неправильной оценки соотношения собственных сил и сил оппонента (прежде всего военных).

Так, определяющей характеристикой кризисов «балансирования на грани войны» являлось предположение инициатора о том, что оппонент скорее уступит, чем рискнет доводить кризисную ситуацию до стадии вооруженного конфликта. Однако и в случае перерастания кризиса в вооруженный конфликт инициаторы кризиса были уверены в своей победе или по крайней мере в том, что ведение конфликта не потребует значительных затрат и не вызовет больших потерь.

Урок второй. Важную роль в развязывании значительной части кризисных ситуаций играло существование серьезных внутри — и внешнеполитических проблем, преодолеть которые предполагалось через инициирование межгосударственной кризисной ситуации.

Возникновению подобных кризисов в отдельных случаях могло способствовать стремление узкой политической группы или фракции внутри политической элиты государства-инициатора кризиса реализовать таким образом свои частные политические интересы.

Внутриполитическое соперничество оказывало влияние на возникновение кризиса, как правило, двумя путями. Бюрократическая группа или политическая коалиция могла инициировать конфронтацию с другим государством из предположения, что это усилит ее внутриполитическое влияние и одновременно подорвет позиции основных внутриполитических оппонентов. Политическая борьба за усиление влияния могла также спровоцировать кризис с другим государством не преднамеренно, а в качестве побочного эффекта, поскольку в процессе принятия решения отдельные политики, политические коалиции или другие бюрократические единицы руководствовались в своих действиях прежде всего ведомственными целями. Поэтому национально-государственный интерес определялся ими нередко в терминах частных или узковедомственных — в формулировках, нацеленных на увеличение, к примеру, их бюджетного финансирования или усиления влияния на процесс реализации политического курса.

В том случае, если политические ставки при принятии решения были крайне высоки или соперничество за влияние развивалось особенно бескомпромиссно, политики могли чувствовать себя менее связанными конституционными процедурами или поведенческими нормами.

Исторически сложилось так, что подобное чаще всего происходило тогда, когда соперничество за степень влияния внутри политической элиты отражало более масштабную социально-политическую борьбу в обществе. В этом случае при решении внешнеполитических вопросов особое внимание уделялось тому, как они будут воздействовать на соотношение политических сил в обществе и между соперничающими фракциями.

Урок третий. Помимо остроты объективно существующих противоречий, эскалация военно-политических кризисов могла вызываться ошибками и просчетами военно-политического руководства.

Значительное влияние на характер кризисного решения оказывало представление военно-политического руководства о неизбежности военного исхода кризиса. Политики,

которые считали, что вооруженного конфликта или войны можно избежать, как правило, были готовы к примирительным процедурам. В том же случае, когда война представлялась политикам неизбежной, они были настроены не на поиск путей урегулирования кризиса, а на прогнозирование примерной даты начала ожидаемого конфликта и соответствующей подготовки к нему.

Существенное влияние на возможную эскалацию кризиса оказывала ограниченность существующих политических и военных выборов. В ряде случаев она обуславливалась уже установленным в заранее разработанных военных планах порядком действий на случай кризисной ситуации. Эти планы отражали возможные варианты действий по различным, но чаще всего наихудшим сценариям развития событий. Содержание этих планов и наличие соответствующей военной силы для их осуществления могли резко ограничить спектр возможных военно-политических решений в ходе кризиса, вынудить государственных деятелей выбирать между отказом от военного пути решения кризисной проблемы и принятием неадекватного и явно неудачного варианта действий.

Другим проявлением данной проблемы могло стать неразборчивое применение когда-то успешно осуществленных военных планов в других, внешне схожих кризисных ситуациях.

Урок четвертый. Значительное влияние на эскалацию кризисной ситуации могли оказать ошибки и просчеты, допущенные в ходе принятия кризисных решений.

Во многих кризисных ситуациях негативное влияние на процесс принятия решения оказывала так называемая «последовательность в восприятии», феномен которой проявлялся прежде всего в значительных упрощениях и специфической организации информационного процесса при принятии решения.

Большинство, политиков и военных интерпретировали информацию в ходе кризиса в соответствии с устоявшимся комплексом своих жизненных представлений. В результате, даже несмотря на наличие информации, ставившей эти представления под сомнение, политики стремились сохранить свои убеждения и установки в неприкосновенности. Не меньшее значение на процесс принятия решения оказывал личный жизненный опыт политиков, который, как правило, был далек от универсальности и применим лишь к ограниченному кругу политических событий.

Во многих случаях политики имели достаточное время, чтобы сформулировать свою кризисную политику и переосмыслить ее в зависимости от поведения оппонента. Однако политика инициаторов этих кризисов в целом оказалась ошибочной вследствие нереалистичных ожиданий и неадекватного восприятия поступающей информации.

Различный исход многих кризисов, развивавшихся в рамках одного причинного ряда и на основе одного и того же механизма инициирования, свидетельствует о большом значении искусства политиков, действующих в кризисной ситуации.

Урок пятый. Искусство кризисного управления требует, чтобы военно-политическое руководство стран-участников кризиса было восприимчиво к постоянно идущему и быстро меняющемуся информационному потоку, было готово вовремя понять ложность отдельных изначальных предположений. Политическая и военная элита должна быть открыта для новой информации и готова ее адекватно воспринимать.

Особую роль для эффективности техники кризисного управления играет степень слаженности бюрократических государственных институтов, ответственных за осуществление кризисной политики.

В ряде кризисных ситуаций процессу реализации принятых решений сопутствовала организационная несогласованность, вызванная противоречивыми ведомственными интересами, неподготовленностью отдельных государственных институтов к действиям в экстремальных условиях, трудностями в осуществлении жесткого контроля за согласованной деятельностью всех вовлеченных в осуществление кризисной политики звеньев бюрократического механизма.

Наибольшую опасность в этом отношении представляло подстраивание различных государственных институтов к первоначально принятому и одобренному военно-политической элитой решению. Это проявлялось прежде всего в ориентации коммуникационных каналов на отсеивание вновь поступающей информации, которая опровергала основные положения уже

принятого решения или не соответствовала им.

Урок шестой. Важное влияние на характер протекания военно-политического кризиса оказывало взаимодействие гражданских политиков и высших военных. В целом широко распространенный стереотип о чрезмерной агрессивности рекомендаций высших военных исторической практикой не подтверждается.

Высшие военные редко доминировали при принятии решений, предполагавших осуществление тех или иных военных мер в ходе кризиса.

Основные разногласия между военными и гражданскими политиками вызывались не самой перспективой осуществления военной акции, а обсуждением масштабов и формы применения вооруженной силы.

В большинстве случаев гражданские политики добивались признания своей точки зрения и не уступали требованиям высших военных.

Исходя из характера военно-политического кризиса, подобный подход гражданских политиков был оправдан: в ходе военно-политических кризисов силовые средства носят вспомогательный, дозированный характер и должны находиться под безусловным политическим контролем. В противном случае они могут привести к стремительной стихийной эскалации, за которой последует полномасштабный вооруженный конфликт.

Важность проблемы взаимодействия гражданских политиков и высших военных в ходе кризисов обуславливалось также тем, что военные могли оказывать косвенное влияние на характер принимаемого решения, используя для этого внутриорганизационные и коммуникационные возможности. В этом случае тенденциозная оценка обстановки на основе собственных разведанных могла стать одним из факторов неверного решения и дальнейшей эскалации кризисной ситуации.

Урок седьмой. Необдуманные или поспешные решения, связанные с использованием вооруженных сил в качестве средства разрешения кризисных проблем, приводили к эскалации кризиса.

Подобное развитие событий могло стать результатом применения вооруженных сил не только в насильственной, но и в ненасильственной форме. Наиболее провоцирующий для оппонента характер носила переходная между насильственной и ненасильственной форма использования вооруженных сил, предполагавшая ввод войск на территорию другого государства с целью оказания давления на его правительственные структуры или занятия спорной территории явочным путем с тем, чтобы поставить оппонента перед свершившимся фактом и вынудить его тем самым к капитуляции или серьезным уступкам по спорной проблеме.

Подобные действия вызывали ответную и не всегда адекватную форму реакции, что приводило к эскалации кризисной ситуации. Даже в том случае, когда эта мера в силу различных обстоятельств вынуждала одного из оппонентов к уступкам, она приводила лишь к временному разрешению кризиса.

Эскалация кризисных ситуаций вызывалась, как правило, и в случае использования вооруженной силы на различных уровнях насилия в качестве инструмента кризисной политики: преднамеренных морских и воздушных инцидентах, избирательных артиллерийских обстрелах и бомбардировках и других мелкомасштабных военных акциях (низкий уровень насилия); пограничных столкновениях и вооруженных рейдах (средний уровень насилия).

Исключения составили тщательно подготовленные и стремительно осуществленные специальные военные операции (к примеру, по освобождению заложников), а также ситуации, в которых использовались формирования наемников или повстанческих сил для решения ограниченных военных задач.

В последнем случае требовалось время для подтверждения причастности оппонента к подобным действиям и мобилизации региональной или глобальной поддержки для решительных действий против него.

Признаками перерастания военно-политического кризиса в вооруженный конфликт являлись: ослабление или утрата контроля политического руководства за развитием военной акции, повышение самостоятельности полевых командиров в ходе ее выполнения, резкое снижение или отсутствие предложений или заявлений о готовности к переговорам для

разрешения спорной проблемы и др.

Применение вооруженного насилия в ходе кризиса, как правило, закрепляло затяжной характер конфликтных отношений между государствами-оппонентами.

По степени центральности вооруженного насилия в возникновении и протекании военно-политических кризисов лидирующее место в послевоенный период занимала Азия, где насилие играло доминирующую роль в 74% кризисных ситуациях. За Азией следовали Африка и Ближний Восток.

Урок восьмой. Своевременное и надежное урегулирование военно-политических кризисов предполагает устранение прежде всего долговременной причинности кризисных ситуаций.

Это чрезвычайно сложная задача, поскольку она требует постоянного мониторинга и оценки внутривнутриполитических факторов и внешних условий, способствующих вызреванию кризисных ситуаций.

Характерным примером в этом отношении являются кризисы, возникшие в результате межнациональных противоречий. О назревании этнического кризиса как реального феномена политического процесса можно говорить тогда, когда организационно оформляется и приобретает определенное влияние национальное движение или партия, ставящие своей целью обеспечение «национальных интересов» определенного народа и для достижения этой цели стремящиеся изменить существующее положение в культурно-языковой, социально-экономической или политической сферах жизни.

Деятельность этих движений создает непосредственные предпосылки для возникновения военно-политических кризисов, которые и должны стать объектом первичного воздействия с целью их нейтрализации.

Соответственно основными путями урегулирования назревающих кризисов на этом этапе являются: устранение социально-экономического неравенства этнических групп, обеспечение благоприятных условий для развития национальной культуры, образования и др., устраняющие наиболее очевидные национально-этнические различия в ведущих сферах общественной жизни.

Значительно сложнее поддаются урегулированию сопутствующие обострению межнациональных отношений условия, которые, приобретая постепенно самодовлеющее значение, приводят к резкой эскалации кризиса.

Среди подобных условий, негативно сказывающихся на развитии кризисов подобного рода и обычно превращающихся в ведущие причины, можно выделить: территориальные (несовпадение государственных или административных границ с границами расселения народов), государственно-правовые (явно второстепенный статус титульного населения автономных образований либо отсутствие такового статуса у ряда народов), религиозные различия и др.

Этнический конфликт постепенно все более ощутимо приобретает политическое звучание. Даже если инициаторы перемен стремятся к изменению ситуации только в культурно-языковой или социально-экономической области, они могут достичь своих целей лишь путем обретения определенных властных полномочий, достаточных для осуществления подобных изменений.

В дальнейшем подобные движения по различным причинам (политическим, идеологическим, этноконфессиональным и др.) начинают получать помощь, в том числе и военную, из-за рубежа, что создает основу для возникновения межгосударственного военно-политического кризиса. В подобных условиях наряду с воздействием на первичную причинность кризисной ситуации все большее значение приобретает своевременное урегулирование непосредственной и ситуативной причинности (пусковых актов) возможного кризиса с другим государством.

Часть третья. Документальное приложение

Приложение № 1.

Советско-американские отношения

Документ №1.

Выступление Аллена Даллеса на собрании Республиканской партии

Политика партий и их кандидаты в этот год выборов не имеют каких-либо ярко выраженных отличий. Это — год принятия и реализации решений по вопросу о мире и войне, в отношении которого между партиями нет разногласий. Сегодня по большому счету мы не делаем выбора между демократом и республиканцем. Мы хотим выбрать лидера или лидеров, независимо от их партийной принадлежности, которые наилучшим образом могли бы защитить наши жизни и собственность. Мы хотим, чтобы наше правительство выработало стратегию борьбы против советской агрессии. Далее, мы хотим сделать так, чтобы наше правительство выполнило свою задачу, чего бы это ни стоило, и любыми средствами.

Я исхожу из того, что каждый из нас сознает суть советской политики — всеми доступными и мыслимыми средствами добиться свержения законных правительств в странах, не входящих в советскую сферу влияния и вместо них учредить коммунистические институты, более или менее соответствующие типу государственного устройства, который существует в Советском Союзе и сродни с ним. Я полагаю, что целью Советов является установление мировой системы советских государств под руководством Коминтерна. Действия, направленные на выполнение этой задачи, по возможности, должны носить мирный характер, но если это будет необходимым, они могут приобретать и немирный характер.

Я считаю, что Соединенные Штаты не собираются капитулировать перед Советами и что мы окажем сопротивление Советам, употребляя в этой борьбе все средства, которые находятся в нашем распоряжении и которые мы сочтем возможным использовать. Мы сделаем все, чтобы не оказаться самым под советским контролем, и не допустим того же в отношении других государств. Вопрос стоит так: какие средства обороны и контрнаступления нам следует взять на вооружение и использовать с тем, чтобы выполнить нашу задачу? Это является политической проблемой дня.

Сейчас я хотел бы остановиться на некоторых моих наблюдениях, сделанных в годы Второй мировой войны, поделиться моим собственным опытом, накопленным мною в те годы, а также и после войны, когда я уже выступал в качестве политического наблюдателя. Таким путем я надеюсь прояснить кое-что, с чем мы сталкиваемся сегодня.

После падения Франции в 1940 г. Англия в одиночестве противостояла Германии. Черчилль знал, что Англия не имеет шанса сама одержать победу в войне с Германией. Он знал, что, если Германия сконцентрирует свои силы на борьбе с Англией, последняя будет разбита. Все, что ему оставалось, — это затягивать время, искать союзников и создавать второй фронт. Он хотел, чтобы его союзниками стали две страны — Соединенные Штаты и Советы. Но для Советов, которые сотрудничали тогда с Германией, было бы слишком опасно идти на риск войны с Гитлером. Вот почему Черчилль оказался перед необходимостью сделать так, чтобы Гитлер сам объявил войну Советам. Для осуществления этой идеи Черчилль решил использовать британскую разведку. Конечно в открытую он не мог вступать в сделку с нацистами. Черчилль не мог позволить, чтобы весь мир узнал о его переговорах с ними, хотя он и не собирался вполне искренне вести с ними такие переговоры, ибо открытые переговоры могли закончиться только капитуляцией Англии.

Между тем британская разведка в Берлине установила контакт с Рудольфом Гессом и с его помощью нашла выход на самого Гитлера. Гессу было сказано, что если Германия объявит войну Советам, Англия прекратит военные действия. Гесс убедил Гитлера, что всему этому можно верить, и немцы начали подготовку к войне против Советов. Так без лишнего шума Гитлер оказался втянутым в деловые отношения с Англией.

С тем чтобы завершить переговоры, Гесс потребовал прислать ему подписанное Черчиллем приглашение посетить Англию для личных встреч. Британская разведка сфабриковала приглашение за подписью Черчилля и переправила его Гессу. Гесс оказался в Шотландии после своего тайного перелета и получил возможность встретиться с английскими официальными лицами. Гесс заявил, что Гитлер нападет на Россию. Ему же в ответ было сказано, что Англия свою часть договоренности также выполнит. Были сделаны записи этой встречи, которые затем были переправлены в Москву. Советская разведка подтвердила в своих

донесениях факт немецких военных приготовлений к нападению на Советы. Для немцев же к этому времени было уже невозможно давать задний ход, отменяя нападение на Россию. «Кот удрал из мешка». Война началась. Гитлера обманным путем вынудили объявить войну России. Английская разведка одержала победу.

Я не уверен, так ли все обстояло на самом деле. Но в разведывательных кругах эта история получила широкое признание. Все равно, правда это или вымысел, каждый знакомый с деятельностью британской разведки должен признать, что она вполне способна решить подобного рода задачи.

К концу зимы 1941 г. Гитлер нанес такие внушительные удары по Англии, что британский кабинет за минусом одного Черчилля проголосовал за то, чтобы начать мирные переговоры с Гитлером. Черчилль умолял отложить принятие решения по этому вопросу. Его довод состоял в следующем: мы в состоянии добиться вступления в войну Соединенных Штатов. Кабинет отступил для того, чтобы предоставить Черчиллю еще один шанс добиться каких-то обязательств со стороны Франклина Рузвельта.

Черчилль в тот же вечер позвонил Рузвельту и рассказал ему о создавшемся положении. Рузвельт обещал предоставить самую существенную помощь за исключением объявления войны Германии и одновременно заверил, что серьезный инцидент может вызвать соответствующую реакцию США, вынудив их объявить войну. Получив эти заверения, Черчилль настоял на том, чтобы военный кабинет не принимал решения о выходе из войны. Никаких мирных предложений Гитлеру весной 1941 г. Англия так и не сделала.

Я не могу представить вам подтверждение этой версии. Но, исходя из известных мне фактов, я убежден, что она соответствует действительности. Решения наподобие тех, о которых идет речь, в годы войны принимались, однако общественность не только не была проинформирована о них, но ее даже вынуждали верить, что все складывается прямо противоположным образом. Правительства свои внешнеполитические контакты осуществляют тайно, и, действуя таким путем, они оставляют публику вне ведения о том, что происходит в их отношениях, которые не получают отражения ни в каких документах.

Я слушал выступление губернатора Дьюи в Милуоки неделю назад. Он буквально измолотил Г. Трумэна за то, что тот сначала провел демобилизацию армии, а потом вновь ее восстановил в прежней численности. Когда я слушал его, я вспоминал Дьюи в дни кампании 1944 г. В ходе той кампании он подверг критике демократическую администрацию за то, что до войны ей так и не удалось добиться полной занятости. Он предрекал, что демократической администрации не удастся добиться полной занятости и после войны. Поэтому, утверждал он, послевоенная демократическая администрация будет сохранять высокую численность вооруженных сил. Она будет тормозить демобилизацию после войны. Если американский народ хочет, чтобы его родные и близкие в солдатской униформе вернулись домой поскорее, говорил Дьюи, он должен голосовать за республиканскую партию. Этот вопрос избирательной кампании приобрел такую важность, что кандидаты-демократы выступили с обещаниями провести безотлагательное и очень существенное сокращение вооруженных сил (после войны).

Тогда я считал большой ошибкой то, что Дьюи включил этот вопрос в повестку дня избирательной кампании. Каждый хорошо информированный наблюдатель, следивший за развитием международных отношений в то время, прекрасно знал, что и после разгрома стран «оси» не отпадет необходимость иметь большую армию до тех пор, пока Советы не сделают каких-то существенных шагов навстречу нам.

Будучи неплохо осведомлен о росте авторитета Советов в политическом мышлении США, в то время я был обеспокоен тем, чтобы Дьюи в напрасных поисках аргументов против демократов не попался на удочку искусно и злонамеренно подброшенного Советами лозунга о сокращении армии. Нечего говорить о том, что, если даже Советы не сами выдумали этот лозунг, они умело воспользовались им после того, как он стал центральным вопросом избирательной кампании. Как только война закончилась, коммунистические ячейки в армии и на флоте, в тред-юнионах и прессе развернули пропаганду за немедленную демобилизацию. Один признанный в национальных масштабах обозреватель, возглавивший это движение за демобилизацию, буквально каждодневно получал горы телеграмм от американских солдат и матросов со всего света, умолявших и требовавших проведения демобилизации, жаловавшихся

на медлительность в этом деле. Я знаю, что эта кампания по засылке телеграмм направлялась и частично финансировалась Коминтерном. Вполне возможно, Советы рассматривали свою тайную кампанию, нацеленную на скорую и масштабную демобилизацию вооруженных сил Соединенных Штатов, в качестве одного из самых главных своих достижений после окончания войны.

Нет сомнений, что Молотов категорически отверг бы обвинение в том, что Советы хоть как-то вмешивались в организацию кампании за ускоренную демобилизацию американских вооруженных сил. И действительно, никто из советских официальных представителей открыто не принимал участия в этой кампании. Точно так же Советы официально стали бы отрицать любую свою причастность к деятельности своих тайных агентов по всему миру. Но это не должно нас обмануть.

Юридическая фирма, членом которой я являюсь, была привлечена прошлой осенью правительством Чехословакии для участия в переговорах о продаже чехословацких вагонов американской военной миссии в Германии. Наша фирма выполняла свои обязательства еще в январе этого года (1948). В процессе работы были установлены контакты с весьма высокими должностными лицами как с чехословацкой, так и с американской стороны. Как мы выяснили, ни чехи, ни американцы не верили в опасность очень близкого переворота в Чехословакии. Всеобщие выборы в Чехословакии должны были состояться в мае 1948 г., и чехословацкие официальные лица были уверены, что до выборов Советы не предпримут никаких действий. Чехи были также уверены, что выборы принесут сокращение числа коммунистических депутатов в национальном парламенте. Советы ранее дали гарантию чехам, что они позволят Чехословакии, как и прежде, решать свои домашние дела самостоятельно, как вполне независимой стране. Очень убедительным аргументом со стороны Советов прозвучала та мысль, что в случае, если они попытаются установить свой режим в Чехословакии, чехословацкая промышленность снизит темпы своего развития, чего Советам совсем не хотелось бы, поскольку они очень нуждаются в чехословацкой продукции, поступающей в Советский Союз. Чехи и мы вместе с ними были довольны такими доводами. В Чехословакии в тот момент не было Красной армии, и никто не угрожал ее границам. Чехи с одобрения Советов в печатных изданиях, выходящих повсюду в мире, рекламировали свою страну в качестве привлекательного места для туристов, которые могли бы насладиться вполне достойным отдыхом «за железным занавесом». Полюбоваться Прагой с ее прелестными магазинами, театрами, довоенным очарованием. Отведать кушанья в лучших ресторанах Центральной Европы. Поправить здоровье на известнейших курортах. Познакомиться со страной, расположенной «за железным занавесом», в которой, однако, промышленность продолжала набирать обороты, где все было спокойно и изумительно красиво. Между тем в это же самое время Советы втайне занимались передвижением своих воинских частей, завершая подготовку к захвату страны.

Для каждого, кто наблюдает за деятельностью коммунистов в Соединенных Штатах после Победы, должно быть ясно, что целью Коминтерна оставалось привести к руководству американским правительством реакционные политические силы. Реакционное правительство здесь в Америке будет означать снижение американского влияния в Западной Европе и усилит в нашей стране влияние радикальных элементов за счет либералов. Для того чтобы добиться этой цели, Коминтерн считает вполне приемлемым осуществить раскол демократической партии. Он прилагал усилия к тому, чтобы вызвать грызню между двумя наиболее влиятельными лидерами демократической партии, президентом Трумэном и Генри Уоллесом. Разрыв между ними был довершен путем публикации в печати конфиденциального письма Г. Уоллеса, адресованного президенту Трумэну. Это письмо, отражающее враждебную государственному секретарю Дж. Ф. Бирнсу коммунистическую точку зрения, было выкрадено из личного архива Уоллеса в министерстве торговли и передано прессе. Так случилось, что я знаю об этих фактах из первых рук, а потому имею основания полагать, что письмо это было похищено советским агентом и оказалось в руках газетчиков по воле Советов. После публикации этого письма Трумэн не имел другого выхода, кроме как потребовать отставки Уоллеса. Отлученный от демократической партии Уоллес прилагал усилия к тому, чтобы найти политическую поддержку. И коммунисты не упустили свой шанс. Первый раз за всю

политическую историю Соединенных Штатов они приобрели в качестве союзника лидера столь высокого политического ранга. Обеспечив себе взаимодействие с Уоллесом, коммунисты продолжили свою деятельность, нацеленную на раскол демократической партии. Была создана третья партия — радикальная, дружественная к Советам. Шансы демократической партии победить в избирательной кампании 1948 г. оказались проблематичными. И одновременно улучшились шансы на выдвижение реакционера в качестве кандидата от республиканской партии.

Меня не покидает желание выяснить, что подтолкнуло президента Трумэна в конце этой зимы направить свое знаменитое послание Конгрессу с предложением принять законодательство в поддержку негров. Фразеология послания, выбранное для него время (как раз в разгар праймериз, предваряющих президентские выборы) как будто бы специально должны были спровоцировать раскол между южными демократами и демократической администрацией. Так оно и случилось — раскол произошел, и его последствия будут ощущаться и после ноябрьских выборов.

Я пытался узнать, кто посоветовал президенту выступить с этим посланием. Мне известно, что кабинет не рассматривал этот вопрос. Я уверен также, что оно не обсуждалось с лидерами демократов в Конгрессе. Я убежден, что оно не обсуждалось и с председателем или исполнительным директором Национального комитета демократической партии. Могло ли быть так, что идея направить это послание именно накануне выборов была подсказана коммунистическим подпольем? Если это было именно так, то агент, который выполнил это задание, заслужил того, чтобы получить от бериевского НКВД приличную сумму в американских долларах.

Коминтерн хочет располагать в Соединенных Штатах не только контролируемой им политической партией, но и национальной организацией профсоюзов, которую точно так же мог бы контролировать; коммунистическое проникновение наблюдается как в сфере политики, так и в производственной сфере. Американская федерация труда (АФТ) с подлинным мужеством сопротивлялась коммунистическому проникновению. Но когда Джон Л. Льюис вышел из АФТ вместе со своими горняками и создал Конгресс производственных профсоюзов, коммунисты решили, что их час настал. Они овладели многими важными позициями в руководящих органах КПП, в том числе и постом главного юрисконсульта объединения. Они захватили руководство в ряде союзов КПП, включая такие ключевые с точки зрения организации шпионажа и саботажа, как профсоюз рабочих морского транспорта, горняков, мясоконсервной промышленности и электриков.

Однако недавно католик Ф. Мэррей, имеющий стойкую аллергию к коммунизму, решил использовать движение Уоллеса для чистки в структурах КПП. Все руководящие работники аппарата, поддерживающие Уоллеса, были уволены. И вот теперь в Нью-Йорке был создан новый неофициальный руководящий орган для руководства левыми тред-юнионами, все еще входящими в КПП. Исключенные из КПП работники перешли на службу в штаб-квартиры этих тред-юнионов. Они вступили в переговоры с их прежним боссом — Джоном Л. Льюисом. Не удивляйтесь, если очень скоро вы обнаружите, что КПП расколется на левые и правые тред-юнионы. Левое крыло присоединится к Дж. Льюису и его горнякам, и таким путем будет создано новое национальное объединение тред-юнионов. Целью коммунистов является создание условий для формирования реакционного правительства в Соединенных Штатах, у которого была бы своя оппозиция в лице радикальной, а не либеральной партии. Дальнейшее предвидеть нетрудно: в рамках действующей двухпартийной системы рано или поздно оппозиционная радикальная партия нанесет поражение правительству.

Масштабы советского проникновения в правительственные структуры нашей страны стали для меня сразу же очевидны в связи с инцидентом, который имел место в годы войны. До того момента, как Советский Союз вступил в войну с Японией, советские суда стояли под погрузкой в наших тихоокеанских портах с тем, чтобы затем доставить груз и в Сибирь. Однако у нас было подозрение, что часть этого груза никогда не достигнет Сибири. Мы полагали, что в открытом море она переместится в трюмы японских торговых судов. Меня попросили заняться расследованием. Я начал с того, что обсудил этот вопрос с советским представителем, который, как мне было известно, имел прямой выход на советское руководство. Этот представитель в

ответ на мой вопрос заявил, что Советы были бы не прочь предоставить нам информацию по поводу торговли с японцами, но только в случае выполнения ряда условий. Первое: американский представитель, которому соответствующая информация будет передана в устной форме, будет назван ими самими. Замечу, что их выбор пал на известного американского бизнесмена. Второе: мы не должны были сохранить текст интервью, потому что, как сказал советский агент, советские официальные лица не хотели, чтобы работающие в США агенты знали, что Москва предоставила нам данную информацию.

В 1943 г. генерал Донован, директор УСС (Управление стратегических служб. — Авт.), был направлен Объединенным комитетом начальников штабов американской армии в Москву с тем, чтобы попытаться наладить обмен разведывательной информацией между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Он возвратился из Москвы с соглашением, которое предусматривало создание соответствующих представительств советской разведки в США. Соглашение было направлено Объединенному комитету начальников штабов для одобрения. Противники такого решения заявляли, что мы не можем настолько безоглядно доверять русским, чтобы официально разрешить им иметь на территории США резидентов своей разведывательной службы. В ответ генерал Донован высказал следующее суждение: Советы имеют и будут иметь много разведчиков в Соединенных Штатах независимо от того, будет ли одобрено соответствующее соглашение или нет. По его словам, было бы лучше заставить некоторых из этих агентов пройти через контрольный механизм с тем, чтобы по крайней мере их можно было бы идентифицировать.

Член нашего клуба Клифтон Атли назвал борьбу, которую ведут Советы с момента Победы, «холодной войной». Другие предпочитают называть происходящее «психологической войной». В годы Второй мировой войны мы официально идентифицировали этот тип противостояния как неортодоксальная война. Я полагаю, что этот термин более полно отражает суть дела. Подобного рода военные действия в межвоенный период велись в Европе, Азии и Африке Италией, Германией, Японией, Англией и Советами. Пребывая в состоянии блестящей изоляции, мы только смутно догадывались, что неортодоксальная война активно велась и в нашем полушарии, на территории как Южной, так и Северной Америки. До войны мы являлись всего-навсего наблюдателями за ходом этой неортодоксальной войны, занимая места на галерке. Мы ничего не делали для того, чтобы быть готовыми защитить себя. Мы не создали ничего подобного СС или НКВД. Мы рассуждали только о терминах войны и мира, войны традиционной, ведущейся обычными вооруженными силами. Все затеваемые нами интриги были делом рук наших дипломатов, действовавших легально и гордившихся своей незапятнанной карьерой.

После формального объявления о начале Второй мировой войны и первых главных столкновениях между действующими армиями неортодоксальная война не прекратилась. Напротив, она продолжалась с еще большим размахом. Когда мы формально вступили в войну в 1941 г., наши разведывательные службы действовали только в качестве структурных подразделений армии и флота. Вместе с тем было очевидно, что для того, чтобы участвовать в том, что мы тогда называли «тотальной войной», недостаточно иметь только вооруженные силы. Нам необходима была специальная служба пропаганды. Мы не могли обойтись без шпионов и диверсантов. Мы не могли также ограничиться войной против стран «оси». Мы должны были вести неортодоксальную войну в нейтральных странах Европы, на территории Африки и в нашем полушарии. Мы вынуждены были вести борьбу с врагом оружием, запрещенным правилами обычной войны. Мы должны были вести тотальную войну, сражаясь повсеместно, не останавливаясь ни перед какими запретами. Мы подвергали грубому обращению военнопленных с целью получения информации. Мы прибегали к обезволивающим наркотикам, пыткам. Так как вражеские шпионы и диверсанты действовали с баз, расположенных в нейтральных странах, мы нелегально проникали в эти страны и внедрялись в организации, которые были созданы нашим противником для ведения работы против нас. Мы не останавливались перед нарушением законов этих стран и обращались с вражескими агентами так, как считали необходимым для успешного ведения войны. Мы прибегали к подкупу и физическому устранению вражеских агентов. В тех случаях, когда наш противник захватывал территорию страны, являющейся нашим союзником, а мы не могли освободить эту

страну путем прямых военных действий, мы продолжали вести тайную войну. Мы печатали фальшивые деньги и ввозили их на оккупированные территории, точно так же мы поступали и с продовольственными карточками. Мы подкупали местных чиновников. Мы убивали, если это становилось необходимым. Одним словом, мы вели неортодоксальную войну.

Наши методы, используемые против врага, оправдали себя. С тем чтобы облегчить ведение неортодоксальной войны, президент в 1942 г. издал распоряжение о создании УСС. В свою очередь директива Объединенного комитета начальников штабов определяла, что УСС уполномочивается вести психологическую войну. В понятие психологической войны, как было сказано в директиве, входили действия против врага с применением неортодоксальных методов.

После дня Победы УСС было распущено. Этим самым мы ликвидировали государственную службу, учрежденную для ведения неортодоксальной войны. Мы поддерживали наши вооруженные силы у себя в стране для проведения консультаций. Государственный же департамент отказывал им в визах. Часто это делало необходимым переправлять их в Канаду в сотрудничестве с англичанами, одевать их в канадскую военную форму, а уже потом перевозить через границу. Многие наши агенты в Испании были раскрыты благодаря информации, источником которой было наше посольство. Многие погибли из-за этих предательских действий.

В самом начале войны мы испытывали огромную потребность иметь испанских друзей, которые бы работали с нами против нацистов в Испании и Латинской Америке. Около двух миллионов басков проживало тогда в Латинской Америке. Они ненавидели Гитлера. Хосе Антонио Агирре, глава баскского правительства в изгнании, являлся профессором Колумбийского университета. Он добровольно вызвался создать баскские организации повсюду в Латинской Америке. С тем чтобы получить возможность выехать из США, он обратился в государственный департамент с просьбой разрешить ему такой выезд. Государственный секретарь США К. Хэлл лично воспрепятствовал выдаче такого разрешения. Предлог: это может вызвать недовольство Франко. И до тех пор, пока мы не убедили государственный департамент в том, что Агирре должен выехать в Латинскую Америку для чтения лекций в университетах, мы не могли добиться у чиновников государственного департамента такого разрешения. Месяцы были потрачены впустую, а они были так нужны для организации того, что позднее оказалось одной из наших самых сильных законспирированных подпольных сетей за рубежом. Весь оставшийся вечер я мог бы рассказывать о подобных же случаях, которые иллюстрируют затруднения, которые государственный департамент создавал в нашей работе по ведению неортодоксальной войны. Я совершенно уверен, что самые опытные подпольщики отказались бы работать в созданной нами тайной сети, если бы они подозревали о том, что в государственном департаменте знают об их существовании.

Неортодоксальная война ведется людьми, содержание которых дорого стоит. Очень часто эти люди не должны иметь официального статуса. Агенты могут действовать под разного рода прикрытием, они могут выдавать себя за промышленников, коммерсантов, журналистов или специалистов. Большая часть агентов, возможно, окажется гражданами или резидентами зарубежных стран. Некоторые вынуждены будут совершать поездки с фальшивыми паспортами. Там, где работа проводится под официальным прикрытием, задание должно быть такого характера, чтобы не раскрыть действительного назначения агента. Ассигнования, представленные Конгрессом на ведение спецслужбами неортодоксальной войны, не должны подлежать обычному учету, они не должны предусматривать и никаких ограничений в отношении использования этих денег. Говоря общепринятым языком, их следует отнести к категории «неучитываемых фондов».

В иностранных государствах службы, которым поручено вести неортодоксальную войну, обычно именуются службами безопасности. Их официально признанной функцией является предотвращение проникновения агентов иностранных государств в правительственные структуры. Учтываемые и неучтываемые фонды выделяются парламентами на деятельность соответствующих служб, причем расходы на секретные операции не предаются гласности. Под этим прикрытием и ведутся секретные операции. Ведение неортодоксальной войны как бы из соображений безопасности стало столь общепринятым, что подобные процедуры стали почти

рутинным делом. Принимая во внимание ее международное признание, представляется вполне логичным и для Соединенных Штатов взять за образец международную практику проведения неортодоксальных операций под маркой выполнения задач в рамках программы обеспечения безопасности.

Подводя итоги, хочу сказать, что правительству Соединенных Штатов следует иметь в своей структуре министерство обороны, которое будет нести ответственность за ведение ортодоксальной войны. Должен существовать и государственный департамент, в функции которого входит проведение вполне традиционной внешнеполитической деятельности. Правительство должно располагать и службой безопасности, в задачу которой входит обеспечение защиты государства от вражеских агентов. Эта служба должна располагать всем необходимым с тем, чтобы противостоять им. Ни министерство обороны, ни государственный департамент не должны иметь отношения к руководству этой службой, хотя, конечно, необходимо координировать деятельность всех трех ведомств. Однако служба безопасности не может находиться в подчинении ни у министерства обороны, ни у государственного департамента. Она должна быть подотчетна только президенту.

Ведение неортодоксальной войны невозможно без службы разведки. Разведка так же важна для достижения успеха в этом деле, как и для ведения обычных военных действий. С момента окончания войны у нас было проведено много публичных обсуждений (пожалуй, даже слишком много) о разведке. Снимались кинокартины, эпизоды из истории разведки стали сюжетами многих книг. В 1945 г., после дня Победы, генерал Донован представил Объединенному комитету начальников штабов свой план развития послевоенной разведывательной службы. Было сделано всего 15 копий этого документа. Он не мог быть повторно размножен. Он имел гриф «Совершенно секретно». Через день после того, как генеральный штаб получил этот план, пресса Р. Мак-Кормика опубликовала его полностью, без каких-либо изъятий под ярлыком «план для создания гестапо». УСС вынуждено было обратиться в прессу с заявлением в защиту этого плана. Директор ФБР Э. Гувер также счел нужным высказать свое мнение. Так сверхсекретный документ стал всеобщим достоянием. Кадры разведчиков лишились прикрытия. Даже агенты наших служб, действующие за рубежом, оказались скомпрометированы. С тем чтобы остановить все это, президент положил под сукно план Донована. Он распорядился ликвидировать УСС. Его кадры и архивы были рассредоточены по различным правительственным ведомствам. То, что стоило в годы войны правительству столь больших денег, а многим людям и самой жизни, оказалось выброшенным на свалку.

Как следствие всего этого государственный департамент принял решение создать свою собственную разведслужбу. Военное и военно-морское министерства последовали его примеру. С тем чтобы скоординировать усилия всех разведывательных служб и обеспечить определенный баланс между ними, президент учредил Центральное разведывательное управление (ЦРУ) во главе с адмиралом из штата Миссури. Когда адмирал (Р. Хилленкотер) почувствовал усталость, он ушел в отставку, а на его место президент назначил армейского генерала, очень тесно связанного с республиканской партией, но не испытывавшего особого интереса к разведке. Генерала держали на его посту до того момента, как появился более подходящий кандидат. А потом появился еще один адмирал из штата Миссури. Постепенно ЦРУ приступило к развертыванию собственных кадров, занятых сбором информации (в качестве дополнения к штату специалистов-аналитиков). Затем оно занялось подготовкой ежедневных докладов президенту. Сегодня оно представляет собой оперившуюся, действующую — предположительно — в режиме секретности разведывательную службу, занимающуюся главным образом экономической и политической разведкой, но полностью подконтрольную военным. Штат его сотрудников состоит из новичков, военных, которые смотрят «на сторону» и менее всего отвечают требованиям специалистов разведки, обученных еще в годы войны.

Разведка, сбор и анализ информации, часто секретной, является обязанностью всех правительственных ведомств: государственного департамента, министерства финансов, обороны, юстиции, почты, труда. Каждое из этих ведомств будет иметь (и необходимость этого очевидна) свои собственные кадры разведчиков. Однако такие кадры обычно используют в

своей работе ортодоксальные методы. Сотрудники соответствующих отделов функционируют как обычные государственные служащие, на которых идут средства, открыто учитываемые в структуре бюджетных расходов. Эти специалисты обязаны вести сбор и анализировать большую часть разведывательной информации, касающейся политических и военных вопросов в нашей стране и за рубежом. В качестве дополнения к этим ортодоксальным разведывательным службам возникла необходимость создания неортодоксальной секретной разведслужбы. У себя дома наше правительство в рамках существующих законов в состоянии получить желаемую информацию. За рубежом, однако, наше правительство легально может получить только ту информацию, которую пожелает предоставить ему правительство другой страны. А между тем информация, в доступе к которой нашему правительству было отказано, может оказаться жизненно важной для него, и притом настолько существенной, что может возникнуть необходимость получить эту информацию любыми, нелегальными или тайными, методами. Снова хочу сказать: может случиться и так, что правительство другой страны не будет против предоставления к определенному времени соответствующей информации. Но по каким-либо причинам очень важным может сказаться фактор времени. И вот в этом случае, когда получение информации к определенному моменту может стать абсолютно необходимым, наше правительство может использовать тайные методы. Жизненная необходимость располагать информацией, в которой нам отказывают, вынуждает наше правительство создать внутри его структуры службу внешней разведки, находящуюся под контролем гражданских лиц и выполняющую задачу сбора разведывательных данных военного и политического характера. Эта служба должна действовать в режиме строгой секретности. У нее могут быть разные прикрытия, и она должна финансироваться по закрытым каналам. Она не должна подпадать под общую юрисдикцию, регулирующую разведывательную деятельность. Этой службе следует поручать только специальные задания, и должны это делать только те люди, которые облечены самой высокой властью. Задачи, которые могут быть выполнены ортодоксальными способами, не входят в круг ее обязанностей. Она должна представлять собой небольшую в количественном отношении группу хорошо обученных разведчиков-профессионалов. Она должна быть анонимной. Соединенные Штаты никогда раньше не имели такой разведывательной службы. Настало время создать ее.

Контрразведка имеет своей задачей защиту у себя в стране и за рубежом нашего правительства от проникновения в его структуру и кадровый состав агентов зарубежных спецслужб. Для этого все структурные подразделения в правительстве по необходимости должны иметь в своей структуре небольшие по численности контрразведывательные органы. Отдельно от этих департаментских спецслужб следует создать централизованную контрразведывательную службу, юридически правомочную работать и за рубежом. Эта контрразведывательная служба всегда сумеет обнаружить, где в нашей стране окопались иностранные агенты, она займется проникновением в правительственные учреждения соответствующих иностранных государств или, преследуя те же цели, создаст агентуру в других странах. Таким образом, наша контрразведывательная сеть должна охватить весь мир.

Разведчики иностранных государств по большей части являются профессионалами. Они действуют анонимно. Обычно они законспирированы под условными кличками. Иногда они работают на одно правительство, а иногда на совсем другое. Нередко они одновременно действуют в интересах ряда правительств. Многих из них следовало бы назвать международными шлюхами. Некоторые из них используются для шпионажа одного рода, а другие — для другого. Для того чтобы вести успешную контрразведывательную деятельность, правительству следует иметь более или менее полное досье на иностранных разведчиков. Этот «Who's who» следует постоянно обновлять. До Второй мировой войны Соединенные Штаты не имели такого досье. К счастью, во время войны мы были союзниками Великобритании, которая со времен Генриха VII обладала отличной контрразведкой. Англичане передавали союзным державам важную контрразведывательную информацию. Во время войны при содействии англичан Соединенные Штаты организовали у себя контрразведывательную службу, подчиняющуюся гражданским властям. Англичане обучили для нас несколько сотен контрразведчиков-американцев. Помимо этого большая часть данных о вражеских разведчиках, находившихся у англичан, была передана в наше распоряжение. В конце войны мы уже

располагали достаточным числом специалистов по контрразведке и другими необходимыми возможностями для того, чтобы успешно проводить контрразведывательные операции. К сожалению, это сотрудничество не было продолжено после Победы.

Англии удавалось успешно вести активную разведывательную и контрразведывательную работу, не нарушая гражданских прав людей. Этого нельзя сказать о Германии, Италии, Японии и Советах. Успех англичан не в малой степени был обеспечен благодаря разграничению разведывательной деятельности и полицейских функций. Скотланд-Ярд не является разведывательным агентством. И в свою очередь британские SIS или X-B не являются полицейскими службами. Вот когда вы соедините полицию и разведку воедино, тогда получается настоящее гестапо. Если мы хотим обеспечить защиту гражданских прав американцев, то для этого разведка и контрразведка как государственные службы должны существовать отдельно от полиции; у последней свои обязанности. ФБР не должно превращаться в службу разведки и контрразведки США.

Нам не по душе та борьба, которую мы ведем с Советами, прибегая к секретным операциям, по характеру в большинстве случаев имеющим прямое отношение к шпионажу и саботажу. Но разве не предпочтительнее вести борьбу именно такими методами, нежели прибегать к военным методам? Если просчитывать урон в единицах, измеряемых человеческими жизнями и материальными ценностями, то он во много раз меньше. Если такой борьбы нельзя избежать, а возможно иного и не дано, то я рад, что Советы пошли по пути неортодоксальной конфронтации, отдав ей предпочтение перед ортодоксальным противостоянием в форме открытых вооруженных действий.

Я надеюсь, что в борьбе с Советами мы сами сможем продемонстрировать часть того терпения, которое присуще им. Я надеюсь, что мы не станем пленниками военного психоза. Я надеюсь, что мы не станем первыми прибегать к военной силе. Именно исходя из этих убеждений, я и заявляю о своем отрицательном отношении к проявившемуся в наши дни стремлению передать контроль за нашей внешней политикой в руки военных.

Ставя перед собой задачу одержать победу в неортодоксальной войне с Советами, я полагаю, что мы, американцы, должны пренебречь государственными границами и устанавливать контакты непосредственно с отдельными людьми или группами в зарубежных странах. Позвольте мне проиллюстрировать эту мысль.

Месяц назад я разговаривал в Вашингтоне с одним человеком, которого я считаю наилучшим образом информированным специалистом-разведчиком из тех, кто занимается итальянскими проблемами. Он только что возвратился из Италии и занят был тем, что обходил разные кабинеты в Вашингтоне с целью получить 300 тыс. долларов неучитываемых средств. Деньги ему были нужны для оплаты времени на радио для антикоммунистических ораторов. Он хотел также найти деньги для закупки газетной бумаги, в которой нуждались различные итальянские организации, борющиеся с коммунизмом. Советы существенно ограничили нам доступ к источникам газетной бумаги в Европе, и итальянские антикоммунисты оказались без газетной бумаги, столь необходимой для ведения пропаганды. А между тем коммунистические организации не испытывали в ней недостатка. Наш агент хотел раздобыть какую-то сумму денег для того, чтобы возместить те затраты, которые были сделаны в частном порядке организаторами антикоммунистической кампании в Италии. Нужно учесть, что Советы предоставили внушительные суммы для поддержки итальянских политических деятелей, выступающих на стороне Коминтерна. Мой собеседник утверждал, что эти самые 300 тыс. долларов, если их правильно использовать, принесут больший эффект на предстоящих выборах, чем сотни миллионов долларов, которые мы истратили на благотворительные цели в той же Италии после войны. Я думаю, что он прав. В этой неортодоксальной войне, которую мы ведем, я полагаю, что вы мало чего добьетесь, оказывая поддержку правительствам. Оказывая такую поддержку правительствам вы оказываете помощь не только вашим друзьям, но и вашим врагам. Вы как бы оказываете благодеяние и тем и другим. Более того, цена поддержки правительств всегда непомерна. С момента окончания войны мы сконцентрировали свои усилия на поддержке правительств. Советы же поддерживали частных лиц и группы людей. Их затраты составляли благодаря этому лишь малую часть от наших расходов. Успехов же у них было куда больше.

Я также полагаю, что за рубежом нам следует оказывать помощь группам, которые пользуются там влиянием, независимо от того, нравятся они нам или нет. Вот пример. В Западной Европе в настоящее время Советы пользуются сильной поддержкой рабочих организаций. В 1942 г. наша внешняя политика все еще носила либеральный характер. Наше правительство поддерживало в Западной Европе либеральные движения. Но отдельные правительственные организации были уполномочены установить связь с тем, что осталось от западноевропейского профсоюзного движения. Они получили средства для поддержки профсоюзов. Очень результативно удалось наладить контакты с их лидерами, что дало им возможность выжить. Коминтерн также стремился тогда обеспечить себе поддержку со стороны этих руководителей. Кое-что ему удалось сделать, но не слишком много. Любой настоящий рабочий лидер понимал, что при коммунистическом режиме он утратит свои позиции, ведь коммунизм приводит к ликвидации рабочих союзов. Только при демократической системе, где существует частная собственность, могут существовать профсоюзы. В послевоенной борьбе с Советами в Западной Европе мы смогли опереться на поддержку местных рабочих лидеров. Но в 1944 г. Соединенные Штаты сделали крен в сторону консерватизма. Мы поддержали те влиятельные силы во Франции, которые идентифицировались с Банком Франции. Мы отказывались взаимодействовать с социал-демократами. Мы думали, что сумеем вновь привести к власти в Западной Европе консервативные правительства. Мы разорвали наши отношения с рабочими лидерами, сотрудничавшими с нами. Брошенные нами наши бывшие союзники пошли на объединение с коммунистами. Сегодня мы можем оценить по достоинству наши потери и выигрыш Советов. Самым важным в деле отражения советского наступления является наш подход к народам зарубежных стран. Мы должны искренне превратиться в космополитическое и одновременно демократическое общество. Мы должны создать демократическую в социальном, экономическом и политическом отношениях систему. Небольшой сегмент белой расы не может считать себя богоизбранным народом, и не следует пытаться настаивать на этом. Этот мир не будет миром белого человека. Возможно, что самой большой нашей слабостью в борьбе, которую мы ведем с Советами, является то, что мы все еще мыслим и действуем в социальном и экономическом отношениях, а иногда и в политическом отношении, как настоящие провинциальные снобы.

Печ. по: Аллен Даллес. О политике// Вопросы истории. 1998, №4. С. 95—106.

Приложение №2. Гражданская война в Китае и позиция СССР

Документ №1. Современная обстановка и наши задачи (Доклад Мао Цзэдуна на заседании ЦК Компартии Китая) 25 декабря 1947 г.

I

Революционная война китайского народа достигла в настоящее время поворотного момента. Это означает, что китайская Народно-освободительная армия уже отразила наступление миллионных реакционных войск цепного пса американского империализма Чан Кайши и сама перешла в наступление. Еще в первом году войны, то есть с июля 1946 г. по июнь 1947 г., Народно-освободительная армия отразила наступление Чан Кайши на нескольких фронтах и вынудила его перейти к обороне. В первой же четверти второго года войны, то есть с июля по сентябрь 1947 г., Народно-освободительная армия перешла в наступление в масштабе всей страны и сорвала контрреволюционные планы Чан Кайши, рассчитанные на дальнейшее вовлечение освобожденных районов в войну с целью их полной ликвидации. Теперь война ведется главным образом уже не на территории освобожденных районов, а на территории районов, находящихся под гоми ньдановским господством, куда пробили себе путь главные

силы Народно-освободительной армии. Китайской Народно-освободительной армии удалось повернуть колесо контрреволюции американских империалистов и банды Чан Кайши на дорогу, ведущую к гибели, а колесо революции направить по пути к победе.

Это — исторический перелом; это перелом от развития к гибели двадцатилетнего контрреволюционного господства Чан Кайши. Это перелом от развития к гибели длившегося больше столетия империалистического господства в Китае. Это — великое событие, великое потому, что оно произошло в стране с 450-миллионным населением; и поскольку оно произошло, оно непременно приведет к победе во всей стране. Это — великое событие еще и потому, что оно произошло на Востоке, где живет свыше миллиарда человек (половина населения мира), испытывающих на себе империалистический гнет.

Переход китайского народа в своей освободительной войне от обороны к наступлению не может не вызывать ликования и воодушевления у угнетенных народов. В то же время этот факт оказывает определенную помощь угнетенным народам стран Европы и Америки в их борьбе.

II

В первый же день контрреволюционной войны, развязанной Чан Кайши, мы заявили, что мы не только должны, но и можем победить Чан Кайши. Мы должны победить Чан Кайши потому, что развязанная им война является контрреволюционной войной, которая ведется по указке американского империализма и направлена против национальной независимости Китая и освобождения китайского народа.

После окончания Второй мировой войны и разгрома японского империализма перед китайским народом встали задачи завершения новодемократических реформ в области политики, экономики и культуры, осуществления национального единства и независимости, превращения страны из аграрной в индустриальную.

И вот как раз в этот момент, после победоносного завершения Второй мировой войны, американский империализм и его прихвостни в различных странах, придя на смену германскому и японскому империализму и их прихвостням, образовали реакционный лагерь, направленный против Советского Союза, против стран новой демократии в Европе, против рабочего движения в различных капиталистических странах, против национального движения в колониях и полуколониях, против освобождения китайского народа. В это время китайские реакционеры во главе с Чан Кайши, став, по примеру приспешника японских империалистов Ван Цзинвэя, приспешниками американских империалистов, продали Китай США, развязали войну против китайского народа, для того чтобы задержать развитие освободительного движения китайского народа.

И если бы мы в этот момент проявили слабость, отступили и не осмелились решительно подняться на революционную войну против войны контрреволюционной, то в Китае воцарился бы мрак и все надежды нашего народа на будущее рухнули бы.

Коммунистическая партия Китая, руководя Народно-освободительной армией, решительно ведет патриотическую, справедливую, революционную войну, направленную против наступления Чан Кайши. Коммунистическая партия Китая, опираясь на марксистско-ленинское учение и трезво оценивая международную и внутреннюю обстановку, знает, что любое наступление внутренней и внешней реакции не только должно, но и может быть разбито. Когда небо только начало заволакиваться тучами, мы указывали, что это лишь временное явление, что гроза скоро пройдет и перед нами засияют лучи солнца. Когда в июле 1946 г. банда Чан Кайши развязала контрреволюционную войну в масштабе всей страны, она считала, что ей понадобится всего от 3 до 6 месяцев, чтобы разбить Народно-освободительную армию. Банда Чан Кайши рассчитывала на то, что у нее два миллиона регулярных войск и миллион с лишним нерегулярных, да еще свыше одного миллиона человек в тыловых войсках и военных учреждениях, то есть всего свыше четырех миллионов человек; что она уже закончила подготовку к наступлению, что она снова держит в своих руках все крупные города; что под ее властью находятся свыше 300 млн населения и что ей удалось получить все вооружение японских оккупационных войск, насчитывавших миллион человек, а также огромную военную и финансовую помощь от американского правительства. Вместе с тем эта банда рассчитывала

на то, что Народно-освободительная армия была слишком утомлена восьмилетней войной против Японии, что по численности и вооружению она намного уступала гоминьдановским войскам, что в освобожденных районах Китая жило немногим более 100 млн населения и большинство этих районов еще не было очищено от реакционных феодальных сил, а земельная реформа была проведена не повсюду и не полностью, что тыл Народно-освободительной армии еще не был укреплен. Исходя из этого, банда Чан Кайши, невзирая на стремление китайского народа к миру, окончательно разорвала соглашение о перемирии, заключенное в январе 1946 г. между гоминьданом и коммунистической партией, и решения Политического консультативного совета всех партий и развязала авантюристическую войну.

Еще в то время мы заявляли, что военное превосходство противника — это лишь явление преходящее, что это временный фактор. Таким же временным фактором является и помощь американского империализма. Постоянно же действующим фактором является антинародный характер войны, которую ведет Чан Кайши, и отношение народа к этой войне. И в этом отношении преимущество на стороне Народно-освободительной армии. Война, которую ведет Народно-освободительная армия, носит патриотический, справедливый, революционный характер, и ее несомненно поддерживает весь народ нашей страны. Именно в этом заключается политическая основа нашей победы над Чан Кайши. Опыт войны за истекшие восемнадцать месяцев полностью подтвердил наши утверждения.

III

В течение семнадцати месяцев (с июля 1946 г. по ноябрь 1947 г.) регулярные и нерегулярные войска Чан Кайши потеряли в боях 1690 тыс. человек, в том числе убитыми и ранеными 640 тыс., а взятыми в плен — 1 050 тыс. человек. Таким образом, наша армия отбила наступление Чан Кайши, удержала основные территории освобожденных районов и сама перешла в наступление. Если судить с военной точки зрения, это нам удалось потому, что мы держались правильной стратегической линии. Наши военные принципы заключаются в следующем: 1) сначала истреблять распыленные и изолированные части противника, а затем уничтожать крупные сосредоточения его сил; 2) сначала занимать маленькие и средние города и обширные сельские районы, а затем брать большие города; 3) главная цель заключается не в удержании или захвате городов и территории, а в уничтожении живой силы противника; занятие или удержание того или иного города или территории есть результат уничтожения живой силы врага, и часто город неоднократно переходит из рук в руки, прежде чем удастся захватить или удержать его окончательно; 4) при каждой боевой операции необходимо концентрировать вооруженные силы так, чтобы добиться абсолютного превосходства над врагом (в два, три, четыре, пять и даже шесть раз), окружать противника, добиваться его полного уничтожения, не давать ему выходить из окружения. В особых Обстоятельствах надо прибегать к тактике сокрушительного удара по врагу, то есть, концентрируя все силы, наносить лобовой удар и атаковать его фланг или оба фланга сразу с тем, чтобы полностью уничтожить одну часть вражеских сил и нанести поражение другой, чтобы иметь возможность быстро перебрасывать наши войска для уничтожения других частей противника. Всеми силами избегать войны на истощение, в которой потери превышают выигрыш или только равны ему. Таким образом, хотя общее превосходство (численное) и на стороне врага, но в каждой операции мы можем создавать абсолютное превосходство сил, которое обеспечит нам успех; со временем мы обеспечим себе и общее превосходство, которое приведет к уничтожению всех сил противника; 5) не начинать боя без подготовки; не начинать боя, не имея полной уверенности в победе; при проведении каждой операции быть подготовленными как можно лучше; стремиться к созданию такого соотношения сил, которое давало бы нам полную уверенность в победе; 6) воспитывать в войсках боевую отвагу, самоотверженность, неутомимость, непрерывную боеспособность (способность в течение короткого промежутка времени проводить без передышки несколько боевых операций подряд); 7) всеми силами добиваться уничтожения противника на марше, но в то же время придавать важное значение и тактике атаки укрепленных позиций и захвата укрепленных пунктов и городов противника; 8) решительно брать штурмом все слабо укрепленные пункты и города противника, а пункты и

города, обладающие укреплениями средней мощности, захватывать при первом подходящем случае, если обстановка это позволяет. Что касается сильно укрепленных вражеских пунктов и городов, то захват их не предпринимать до тех пор, пока для этого не будут созданы все необходимые условия; 9) пополнять вооружение и людской состав за счет трофеев и пленных. Источник нашей живой силы и материальных ресурсов находится главным образом на фронте; 10) уметь использовать промежутки между военными операциями для отдыха и обучения войск. Промежутки эти, как правило, не должны быть слишком длительными; всемерно стремиться не давать противнику времени для передышки.

Все вышесказанное является главным оружием в руках Народно-освободительной армии для достижения победы над Чан Кайши. Это оружие выковано Народно-освободительной армией в длительной войне против внутреннего и внешнего врага и вполне соответствует нашей нынешней обстановке. Банда Чан Кайши и военные советники, посланные в Китай американскими империалистами, хорошо знакомы с нашими методами ведения войны. Чан Кайши неоднократно созывал своих генералов и офицеров для инструктирования, раздавал им для изучения военные учебники и документы, захваченные у нас в боях, пытаясь найти способы противодействия нашей тактике. Американские военные советники предлагали и предлагают Чан Кайши различные стратегические и тактические приемы для уничтожения Народно-освободительной армии, сами обучают войска Чан Кайши, а также поставляют им военное снаряжение. Однако все эти усилия не могут спасти банду Чан Кайши от поражения, потому что наша стратегия и тактика присущи народной войне и никакая антинародная армия не способна их использовать.

Важнейшим фактором победы над врагом является развертывание в Народно-освободительной армии активной революционной политической работы, основанной на народном характере войны и ставящей своей целью обеспечить полное единство армии и народа, командиров и бойцов и разложение войск противника. Когда мы, избегая сокрушительных ударов превосходящих сил противника, перебрасывали свои войска в другие районы с целью уничтожения врага на марше и по своей инициативе оставляли города, наши противники восторженно ликовали. Они считали это своей победой и нашим поражением. Временные «успехи» вскружили им голову. На другой день после захвата города Чжанцзякоу (Калган) Чан Кайши отдал приказ о созыве реакционного «Национального собрания», как будто его реакционное господство стало после этого незыблемым, как гора Тайвань. Американские империалисты тоже пустились в пляс, решив, что их сумасбродный план превращения Китая в американскую колонию будет осуществлен без малейших препятствий. Однако с течением времени тон Чан Кайши и его американских хозяев изменился. Теперь в лагере наших внутренних и внешних врагов воцарилось уныние. Они охают и ахают, вопят о кризисе, и от их прежнего ликования не осталось и следа.

В течение последних восемнадцати месяцев Чан Кайши сместил большинство командующих фронтами как виновников военных поражений. В числе смещенных были: командующий Чжэнчжоуским фронтом Лю Чи, командующий Сюйчжоуским фронтом Сюэ Юэ, командующий фронтом в северной части провинции Цзянсу У Цивэй, командующий фронтом в южной части провинции Шаньдун Тан Эньбо, командующий фронтом в северной части провинции Хэнань Ван Чжунлянь, командующие Мукденским фронтом Ду Юймин и Сюн Шихуэй, командующий войсками в Бэйпине Сунь Ляньчжун и другие. Начальник генерального штаба Чэнь Чэн, выполнявший обязанности командующего всеми фронтами, также был отстранен от должности, получил понижение и был назначен командующим одним только Северо-Восточным фронтом. И вот, в то время, когда сам Чан Кайши принял от Чэнь Чэна командование всеми фронтами, создалось такое положение, что войска Чан Кайши перешли от наступления к обороне, а Народно-освободительная армия перешла от обороны к наступлению: реакционной группировке Чан Кайши и его американским хозяевам снова пришлось убедиться в своем просчете.

Усилия, которые Коммунистическая партия Китая, выражая чаяния всего китайского народа, в течение долгого времени после капитуляции Японии прилагала в борьбе за мир и против гражданской войны, они рассматривали как проявление трусости и слабости нашей партии. Переоценив свои силы и недооценив силы революции, они авантюристически начали

войну и, таким образом, попали в ловушку, поставленную ими же самими. Стратегические расчеты нашего противника были окончательно сорваны.

IV

Теперь по сравнению с тем, что было восемнадцать месяцев тому назад, тыл Народно-освободительной армии значительно окреп в результате того, что наша партия, решительно отстаивающая интересы крестьянства, проводит земельную реформу.

В период войны против японских захватчиков в целях создания антияпонского единого фронта с гоминьданом и сплочения всех сил, которые тогда еще могли бороться против японских захватчиков, наша партия, по собственной инициативе, заменила проводившуюся ею до войны с японскими захватчиками политику конфискации помещичьих земель и раздела их между крестьянами политикой снижения арендной платы и ссудного процента. Это было совершенно необходимо. После капитуляции Японии крестьяне настойчиво требовали земли, и нами было своевременно принято решение об изменении аграрной политики. Политика снижения арендной платы и ссудного процента сменилась политикой конфискации помещичьих земель и раздела их между крестьянами. Выражением этого изменения в политике было решение Центрального Комитета нашей партии от 4 мая 1946 г. В сентябре 1947 г. наша партия созвала Всекитайскую земельную конференцию, на которой были выработаны основные положения земельного закона, и мы сразу же приступили к повсеместному проведению его в жизнь. Этот шаг не только подтвердил направление, намеченное в решении от 4 мая 1946 г., но и четко выправил известную непоследовательность, содержащуюся в этом решении (помещики получали больше земли и имущества, чем крестьяне, а земля и имущество кулаков в принципе не затрагивались).

Основными положениями китайского земельного закона устанавливается, что при ликвидации старой системы землевладения с ее феодальной и полуфеодальной эксплуатацией и при осуществлении принципа «каждому пахарю — свое поле» земля должна распределяться поровну на каждого едока. Это наиболее последовательный метод ликвидации феодальной системы, в полной мере соответствующий требованиям широчайших масс крестьянства Китая. Для того чтобы решительно и последовательно провести земельную реформу в деревне, необходимо организовать не только крестьянские союзы, охватывающие широкие массы батраков, бедняков, середняков и избирающие свои комитеты, но и в первую очередь группы крестьянской бедноты, охватывающие бедняцкие и батрацкие массы и избирающие свои комитеты. Все эти комитеты должны стать законными органами по проведению земельной реформы, причем группы крестьянской бедноты должны играть роль руководящего ядра во всей борьбе крестьянства в деревне.

Наша политика такова: опора на бедняка, прочный союз с середняком, ликвидация системы феодальной и полуфеодальной эксплуатации класса помещиков и кулаков старого типа. Доля земли и имущества, которая предоставляется при разделе помещику или кулаку, не должна превышать доли, полагающейся крестьянину. Однако нельзя повторять и ошибочную левацкую практику 1931—1934 гг.: «Помещикам земли вовсе не давать, а кулакам давать только плохую землю». Процент, который составляют помещики и кулаки по отношению ко всему сельскому населению, не одинаков в различных районах, но в общем составляет около 8 (за единицу подсчета берется двор), а принадлежащие им земли составляют в среднем 70—80% всей земельной площади. Таким образом, численность тех, против кого направлена наша земельная реформа, очень незначительна, а процент сельского населения (учитывая число дворов), которое может и должно принимать участие в едином фронте по проведению земельной реформы, составляет свыше 90. Тут необходимо иметь в виду два основных принципа: во-первых, мы должны удовлетворить требования бедняка и батрака, что и является основной задачей земельной реформы; во-вторых, необходимо держать прочный союз с середняком, не нанося ущерба его интересам. Достаточно нам осуществить эти два основных принципа — и наша задача в области проведения земельной реформы будет успешно завершена.

Необходимость изъятия излишков земли и части имущества у кулаков старого типа для

уравнительного раздела объясняется тем, что эксплуатация крестьян китайским кулачеством носит тяжелый феодальный и полуфеодальный характер; почти все кулаки занимаются и сдачей земли в аренду и ростовщичеством, а их обращение с наемной рабочей силой является полуфеодальным. К тому же поскольку земли у них очень много и она хорошего качества, то без раздела этой земли было бы невозможно удовлетворить требования батраков и бедняков. Однако в соответствии с основными положениями земельного закона отношение к кулаку вообще должно отличаться от отношения к помещику.

При проведении земельной реформы середняк поддерживает принцип уравнительного раздела, так как при этом его интересы не нарушаются. При таком разделе земельные наделы части середняков остаются без изменения, у других количество земли увеличивается; небольшие излишки земли имеются лишь у части зажиточных середняков, но и те отдают ее добровольно для раздела, так как тогда земельный налог, которым облагаются середняки, уменьшается. Однако при проведении раздела земли все же следует считаться с мнением середняка и, если он с чем-нибудь не соглашается, следует идти ему на уступки. При конфискации и распределении земли и имущества феодалов необходимо учитывать нужды некоторой части середняков. При определении классовой принадлежности необходимо следить за тем, чтобы середняк не зачислся по ошибке в кулаки. Необходимо привлекать активистов из числа середняков к участию в работе комитетов крестьянских союзов и правительственных организаций. При определении размеров земельного налога и отчислений на военные нужды необходимо действовать справедливо и разумно. Такова конкретная политика нашей партии, которую необходимо проводить для решения стратегической задачи осуществления прочного союза с середняком.

Вся наша партия должна понять, что последовательное преобразование аграрной системы является нашей основной задачей на данном этапе китайской революции. Если мы сумеем решить аграрный вопрос повсеместно и окончательно, это даст нам возможность обеспечить самые основные условия для победы над всеми врагами.

V

Для того чтобы решительно и до конца провести земельную реформу и укрепить тыл Народно-освободительной армии, необходимо навести порядок в рядах нашей партии.

Движение за упорядочение стиля партийной работы, начатое нами в период войны против японских захватчиков, в целом принесло положительные результаты. Эти результаты заключаются главным образом в том, что наши руководящие органы и очень многие партийные кадры еще лучше усвоили основной принцип — необходимость увязки общих положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции. В этом отношении наша партия сделала большой шаг вперед по сравнению с предыдущими периодами нашей истории, до начала войны против японских захватчиков. Что же касается засоренности партийных рядов и нездорового стиля в работе, отмечающихся в местных парторганизациях, особенно в низовых сельских организациях, этот вопрос не получил своего разрешения.

За последние одиннадцать лет, с 1937 по 1947 гг., наша партия выросла с нескольких десятков тысяч до 2700 тыс. членов партии. Это огромный скачок. Он сделал нашу партию небывало могучей и дал нам возможность разгромить японский империализм и отбить наступление Чан Кайши, дал нам возможность руководить освобожденными районами с более чем стомиллионным населением и Народно-освободительной армией, насчитывающей два миллиона человек. Однако это сопровождалось и отрицательными явлениями. Мы имеем в виду проникновение в партию большого числа помещичьих, кулацких и деклассированных элементов, засевших в партийных, правительственных и массовых организациях в деревне и там бесчинствующих, одурачивающих и притесняющих народ, извращающих политику партии. В результате эти организации отрываются от масс, а земельная реформа не может последовательно проводиться в жизнь. Это серьезное обстоятельство поставило перед нами задачу наведения порядка в наших партийных рядах. Если эта задача не будет разрешена, мы не сможем продвинуться ни на шаг вперед в нашей работе в деревне.

Всеитайская земельная конференция, созванная нашей партией, подвергла этот вопрос

тщательному обсуждению и наметила соответствующие мероприятия и очередность их осуществления. Теперь на местах эти мероприятия решительно проводятся в жизнь наряду с уравнильным разделом земли. Первоочередным и самым важным мероприятием является развертывание критики и самокритики внутри партии и решительное разоблачение ошибочных взглядов и прочих серьезных отклонений от партийной линии, наблюдающихся в местных партийных организациях. Все наши товарищи должны понять, что разрешение проблемы засоренности партийных рядов и наведение порядка в партии необходимы для того, чтобы наша партия целиком и полностью стояла на страже интересов широчайших трудящихся масс и руководила их движением вперед. Это — одно из решающих условий проведения земельной реформы и возможности ведения длительной войны.

VI

Конфискация земли феодальных классов и передача ее крестьянам, конфискация монополистического капитала, заправилами которого являются Чан Кайши, Сун Цзывэнь, Кун Сянси и Чэнь Лифу, и передача его государству новой демократии, защита национальной промышленности и торговли — таковы три основных положения экономической программы новодемократической революции.

Четыре семейства — Чан Кайши, Сун Цзывэнь, Кун Сянси и Чэнь Лифу — за двадцать лет своего господства сконцентрировали в своих руках колоссальный капитал, общий размер которого достигает 10—20 млрд американских долларов, и монополизировали все экономические командные высоты в стране. Этот монополистический капитал, связанный с государственной властью, превратился в государственный монополистический капитализм. В свою очередь этот монополистический капитализм, тесно связанный с иностранным империализмом, с классом помещиков и с кулачеством старого типа внутри страны, превратился в феодально-компрадорский, государственный монополистический капитализм, который и является экономической основой реакционной власти Чан Кайши. Государственный монополистический капитализм угнетает не только рабочих и крестьян, но и мелкую буржуазию и наносит ущерб интересам средней буржуазии. Этот государственный монополистический капитализм в период войны против японских захватчиков и после капитуляции Японии достиг своего наивысшего развития и подготовил все необходимые материальные условия для новодемократической революции. Этот капитал в Китае обычно называется бюрократическим капиталом, а представляющая его буржуазия — бюрократической буржуазией. Это и есть крупная китайская буржуазия.

Наряду с ликвидацией особых прав империалистов в Китае задачи новодемократической революции состоят в ликвидации эксплуатации и гнета, осуществляемых помещиками и бюрократической буржуазией (крупной буржуазией), а также в изменении феодально-компрадорских производственных отношений и освобождении всех скованных производительных сил. Мелкая и средняя буржуазия, страдающая от угнетения и притеснения указанными классами, обладающими государственной властью, может принимать участие в новодемократической революции или же сохранять нейтралитет, несмотря на то, что и она сама является частью буржуазии. Она не связана или сравнительно мало связана с империализмом и является подлинно национальной буржуазией. Поэтому там, где установлена новодемократическая государственная власть, необходимо решительно и без колебания защищать интересы этих слоев. В рядах средней буржуазии и верхушки мелкой буржуазии в районах господства Чан Кайши имеется немногочисленная группа правых элементов этих классов, проявляющих реакционные политические тенденции и распространяющих реакционные иллюзии на пользу американскому империализму и реакционной клике Чан Кайши. Они выступают против народной демократической революции. Пока эти элементы еще могут оказывать реакционное влияние на народные массы, мы должны вести против реакционеров борьбу с тем, чтобы разоблачить их и искоренить их политическое влияние и чтобы освободить массы от этого влияния. Однако политические удары и экономическое уничтожение — вещи разные, и мы совершили бы ошибку, если бы смешали их; новодемократическая революция ставит себе целью уничтожить лишь феодализм и

монополистический капитализм, лишь помещиков и бюрократическую буржуазию (крупную буржуазию), а не капитализм вообще и не мелкую и среднюю буржуазию. Вследствие отсталости китайской экономики, капиталистическому хозяйству, представляемому широкими слоями мелкой и средней буржуазии, должно быть разрешено существовать в течение длительного времени, даже после победы революции во всей стране. К тому же, в соответствии с разделением труда в народном хозяйстве, необходимо известное развитие тех отраслей, которые обслуживают интересы народного хозяйства в целом и будут оставаться его необходимой составной частью. Под мелкой буржуазией мы здесь подразумеваем владельцев мелких промышленных и торговых предприятий, которые пользуются наемным трудом. Кроме того, имеется еще большое число самостоятельных ремесленников и мелких торговцев, которые не пользуются наемным трудом. Ясно, что мы должны решительно защищать интересы таких ремесленников и торговцев.

После победы революции во всей стране в руках государства новой демократии будет находиться громадный государственный капитал, конфискованный у бюрократической буржуазии, контролирующей все экономические рычаги страны; кроме того, будет существовать сельское хозяйство, освобожденное от феодализма. Оно еще долго будет оставаться в основном распыленным и индивидуальным, но в дальнейшем может быть постепенно переключено на путь кооперативного развития. При этих условиях существование и развитие мелких и средних капиталистических элементов никакой опасности не представляет. То же самое можно сказать и о новых кулацких хозяйствах, которые неизбежно появятся в деревне после аграрной революции.

Совершенно недопустимо повторять ошибочную левацкую политику в отношении мелкой и средней буржуазии, проводившуюся в период с 1931 по 1934 гг. (слишком льготные условия для труда, слишком высокий подоходный налог, нарушение интересов промышленников и торговцев в ходе проведения земельной реформы, отказ от установки на развертывание производства, на развитие хозяйства при одновременном соблюдении общественных и частных интересов и обоюдных выгод рабочих и предпринимателей ради узко и однобоко понимаемого благосостояния трудящихся). Повторение этих ошибок неизбежно нанесло бы вред интересам трудящихся и государства, новой демократии.

В основных положениях земельного закона Китая имеется следующая статья: «Имущество и законные предприятия промышленников и торговцев считаются неприкосновенными и будут охраняться». Здесь под промышленниками и торговцами подразумеваются все самостоятельные мелкие ремесленники и торговцы и все мелкие и средние капиталистические элементы.

Подводя итог, можно сказать, что народное хозяйство нового Китая состоит из: 1) государственного хозяйства, которое играет в нем руководящую роль; 2) сельского хозяйства, которое постепенно развивается по пути от единоличных форм к коллективным; 3) частного хозяйства самостоятельных мелких ремесленников и торговцев и хозяйства мелких и средних капиталистов. Все это вместе составляет народное хозяйство новой демократии.

Основная линия в развитии народного хозяйства новой демократии должна точно соответствовать общей установке на развитие производства, расцвет экономики, соблюдение общественных и частных интересов и обоюдных выгод труда и капитала. Всякая линия, всякая политика, всякое мероприятие, которые отклоняются от этой главной цели, являются ошибочными.

VII

В октябре 1947 г. Народно-освободительная армия опубликовала декларацию, в которой говорилось: «Объединить угнетаемые слои населения: рабочих, крестьян, солдат, студентов, торговцев, все народные организации, демократические партии, национальные меньшинства, всех китайских эмигрантов и другие патриотические элементы и создать национальный единый фронт, свергнуть диктаторское правительство Чан Кайши и образовать демократическое коалиционное правительство». Это является основной политической программой Народно-освободительной армии и Коммунистической партии Китая. Со стороны может

показаться, будто наш революционный единый фронт в настоящее время сузился по сравнению с тем, каким он был в период войны против японских захватчиков. Но на самом деле только в настоящее время, после того как Чан Кайши продал национальные интересы американскому империализму и начал антинародную гражданскую войну во всем Китае, только после того, как перед лицом китайского народа были полностью разоблачены все преступления, совершенные американским империализмом и реакционной господствующей кликой Чан Кайши, наш единый национальный фронт действительно расширился.

Во время войны против японских захватчиков Чан Кайши и гоминьдан еще не окончательно потеряли свой авторитет в китайском народе, они еще могли обманывать народ. Теперь положение изменилось: весь их обман разоблачен их собственным поведением, за ними уже массы не идут и они оказались полностью изолированными. В противоположность гоминьдану, Коммунистическая партия Китая не только завоевала доверие самых широких народных масс в освобожденных районах, но и приобрела поддержку со стороны широких народных масс в тех районах и крупных городах, где господствует гоминьдан.

Если в 1946 г. в районах, находившихся под господством Чан Кайши, некоторая часть интеллигенции, принадлежащей к верхним слоям мелкой и средней буржуазии, еще лелеяла мечты о так называемом «третьем пути», то теперь эти мечты рухнули.

Проведение нашей партией последовательной аграрной политики завоевало ей искреннюю поддержку со стороны гораздо более широких крестьянских масс, чем это было во время войны против японских захватчиков. Агрессия американского империализма, гнет Чан Кайши и правильная политика нашей партии, направленная на решительную защиту интересов народных масс, — все это способствовало тому, что наша партия приобрела симпатии широких масс рабочего класса, крестьянства, мелкой и средней буржуазии в районах, находящихся под господством Чан Кайши. Вследствие того, что эти массы терпят голод, испытывают политический гнет и что антинародная гражданская война, затеянная Чан Кайши, лишает их возможности существовать, они непрерывно ведут борьбу против американского империализма и реакционного правительства Чан Кайши. Их основными лозунгами являются: «Против голода», «Против гнета», «Против гражданской войны», «Против вмешательства Америки во внутренние дела Китая». До начала войны против японских захватчиков и во время этой войны, а также в первый период после капитуляции Японии борьба еще не принимала таких размеров, как в настоящее время. Поэтому мы считаем, что сейчас наш единый фронт новодемократической революции гораздо шире и гораздо крепче, чем когда-либо в прошлом. Это обстоятельство связано не только с нашей аграрной политикой и политикой в городах; оно тесно связано с общей политической ситуацией, которая характеризуется военными успехами Народно-освободительной армии, переходом войск Чан Кайши от наступления к обороне, переходом Народно-освободительной армии от обороны к наступлению и вступлением китайской революции в новый период подъема. И вполне естественно, что теперь народ видит неизбежность крушения господства Чан Кайши и свои надежды возлагает на Коммунистическую партию Китая и Народно-освободительную армию.

Победа новодемократической революции Китая была бы невозможна без наличия самого широкого единого фронта, охватывающего подавляющее большинство населения всей страны. Вместе с тем этот единый фронт должен находиться под твердым руководством Коммунистической партии Китая. Без твердого руководства Коммунистической партии Китая никакой революционный единый фронт не сможет победить.

В 1927 г., когда Северный поход достиг наивысшего подъема, капитулянты из руководящих органов нашей партии сами отказались от права руководства крестьянскими массами, мелкой и средней буржуазией и, больше того, от права руководства вооруженными силами, в результате чего революция тогда потерпела поражение. В период войны против японских захватчиков наша партия боролась против аналогичных капитулянтских взглядов, которые выражались в стремлении идти на уступки антинародной политике гоминьдана, доверять гоминьдану больше, чем народным массам, в боязни всеми мерами поднимать народные массы на борьбу, в боязни расширять территорию освобожденных районов и увеличивать народную армию в оккупированных японцами районах, в стремлении уступить руководство антияпонской войной гоминьдану. Наша партия вела решительную борьбу против

этих взглядов, выражающих мягкотелую и гнилую идеологию, идущую вразрез с принципами марксизма-ленинизма, и решительно проводила правильную политическую линию, а именно: «развивать прогрессивные силы, завоевывать нейтральные, изолировать консервативные», решительно расширяла территорию освобожденных районов и увеличивала численность Народно-освободительной армии. Это не только обеспечило нашей партии победу над японским империализмом во время его вторжения, но и дало возможность успешно и без потерь перейти к народно-революционной войне против контрреволюционной войны, которую развязал Чан Кайши после капитуляции Японии, и дало возможность в короткое время одержать великие победы. Эти исторические уроки следует крепко помнить всем членам нашей партии.

VIII

Реакционная группировка Чан Кайши, развязывая в 1946 г. антинародную гражданскую войну во всей стране, решила на эту авантюру не только потому, что она рассчитывала на превосходство своих вооруженных сил, но и главным образом потому, что она опиралась на американский империализм, считая его необычайно могущественным, не имеющим себе равных в мире, так как он обладает атомной бомбой. С одной стороны, эта группировка рассчитывала, что ее военные и финансовые нужды будут без конца удовлетворяться, а с другой стороны, лелеяла сумасбродные мечты о «неизбежности советско-американской войны», «неизбежности возникновения третьей мировой войны».

Такая зависимость от американского империализма является общей чертой реакционных сил во всех странах после второй мировой войны. Это свидетельствует о серьезности удара, нанесенного мировому капитализму Второй мировой войной, о слабости реакционных сил во всех странах, об их паническом настроении, потере веры в себя; с другой стороны, оно говорит о могуществе революционных сил всего мира. Все это заставило реакционеров всех стран почувствовать, что у них нет другого выхода, кроме ориентации на помощь американского империализма.

Однако действительно ли американский империализм после Второй мировой войны так могуществен, как это представляют себе Чан Кайши и реакционеры в различных странах? Действительно ли американский империализм может неистощимо снабжать Чан Кайши и реакционеров различных стран? Нет, это отнюдь не так. Выросшая во время Второй мировой войны экономическая мощь американского империализма столкнулась с неустойчивостью и постоянным сужением внутреннего и международного рынка. При дальнейшем сужении рынка несомненно разразится экономический кризис. Военно-экономическое процветание США лишь временное явление. Могущество США только внешнее и преходящее. Кризис подобно вулкану все время угрожает американскому империализму, который сидит на этом вулкане. Это обстоятельство вынудило американских империалистов разработать план порабощения всего мира, и они подобно диким зверям носятся по Европе, Азии и другим частям света, собирая реакционные силы, отвергнутых народами подонков, сколачивают антидемократический, империалистический лагерь, противопоставляя его всем демократическим силам во главе с Советским Союзом, ведут подготовку к войне, замышляют когда-нибудь в будущем развязать третью мировую войну и разбить демократические силы. Это сумасбродный план. Демократические силы всех стран должны сорвать этот план, и они, безусловно, могут это сделать.

Международный антиимпериалистический лагерь сильнее империалистического лагеря. Преимущество на нашей стороне, а не на стороне противника. Антиимпериалистический лагерь во главе с Советским Союзом уже образовался. Мощь социалистического Советского Союза, который не знает кризисов и неуклонно развивается, пользуясь любовью и поддержкой широких народных масс всего мира, уже теперь превосходит силы американского империализма, который находится под угрозой серьезного кризиса, идет по нисходящей линии, к упадку, и против которого борются широкие народные массы всего мира. Страны новой демократии в Европе укрепляются и спланиваются между собой. Растут антиимпериалистические силы народов в буржуазных странах Европы, в первую очередь во

Франции и Италии. С каждым днем развиваются и крепнут демократические силы народа в США. Народы Латинской Америки не хотят больше быть покорными рабами американского империализма. Во всей Азии развернулось великое национально-освободительное движение. Силы антиимпериалистического лагеря сплываются и растут. Коммунистические партии девяти стран Европы уже создали Информационное бюро и опубликовали боевой призыв к народам всего мира подняться на борьбу против империалистического плана порабощения. Этот боевой призыв вдохновляет угнетенные народы всего мира, указывает им путь борьбы и укрепляет их веру в победу. Этот боевой призыв привел реакционеров всего мира в состояние растерянности и паники.

Всем антиимпериалистическим силам стран Востока необходимо также сплотиться для борьбы против гнета империализма и реакционеров своих стран с целью освобождения угнетенных народов Востока, насчитывающих более миллиарда человек. Мы должны взять свою судьбу в собственные руки. Мы должны освободиться от настроений слабости и беспомощности. Все взгляды, переоценивающие силы врага и недооценивающие силы народа, являются ошибочными.

Нам вместе с демократическими силами всего мира нужно лишь приложить усилия, и мы сорвем империалистические планы порабощения и предотвратим третью мировую войну, уничтожим гнет реакции и завоюем вечный мир для человечества. Мы ясно понимаем, что на пути может встретиться еще много препятствий и трудностей, и мы должны быть готовы преодолеть самое отчаянное сопротивление наших внутренних и внешних врагов. Однако нам нужно лишь овладеть марксистско-ленинской наукой, верить в массы, поддерживать тесную связь с массами и вести их вперед — и тогда мы несомненно сумеем преодолеть любые препятствия и любые трудности, тогда наши силы будут непобедимы. Теперь, в эту историческую эпоху, когда капитализм и империализм во всем мире идут к гибели, а социализм и демократия идут к победе, перед нами ясная перспектива, и мы должны работать не покладая рук.

Печ. по: Мао Цзэдун. Избранные произведения по военным вопросам. М.: Воениздат, 1958. С. 377—394.

Документ №2.

Запись беседы И.В. Сталина с Цзян Цзинго, личным представителем Чан Кайши 30 декабря 1945 г. 21.00

Присутствуют: Молотов, Павлов (НКВД), Фу Бинчан, посол Китая.

Цзян Цзинго вручает тов. Сталину письмо от Чан Кайши. Тов. Сталин спрашивает, вступили ли уже китайские войска в Мукден, и если нет, то кто им мешает это сделать. Может быть, коммунисты?

Цзян Цзинго отвечает, что китайские войска еще не вступили в Мукден, но скоро туда вступят. Коммунисты этому не мешают. Тов. Сталин спрашивает, что хочет сказать Цзян Цзинго. Цзян Цзинго отвечает, что Чан Кайши просил его передать Генералиссимусу Сталину благодарность за то, что советские войска, вступив в Маньчжурию, разбили японскую военщину и ускорили капитуляцию Японии, и за ту помощь, которую советские войска оказали в деле восстановления органов власти в Маньчжурии.

Цзян Цзинго говорит, что Чан Кайши, посылая своего представителя к Генералиссимусу Сталину, руководствовался следующими соображениями:

1. Он считает, что советско-китайские отношения после войны становятся еще теснее и они должны укрепляться с каждым днем в интересах обоих народов. Советско-китайские отношения могут и должны укрепляться, если будет соблюдено очень важное условие, а именно — если будет существовать полное взаимопонимание между Генералиссимусом Сталиным и Чан Кайши, который считает, что всякие неясности могут лишь затуманить вопросы, в то время как ясность поможет их разрешению.

2. Чан Кайши считает, что имеется ряд вопросов, которые не следует решать в

дипломатическом порядке. Поэтому Чан Кайши послал его, Цзян Цзинго, к Генералиссимусу Сталину, как к своему личному другу, для обсуждения вопросов советско-китайских отношений.

3. Чан Кайши просил его, Цзян Цзинго, выразить Генералиссимусу Сталину его уважение и доверие и обратиться к Генералиссимусу Сталину, как к личному другу, с просьбой, чтобы он высказал свое мнение о Китае, все имеющиеся у него сомнения и сообщил, в чем он не согласен с политикой, которую проводит Чан Кайши на данном этапе.

Он, Цзян Цзинго, хотел бы обсудить с Генералиссимусом Сталиным следующие вопросы:

Во-первых, он хотел бы переговорить по вопросу об объединении Китая. После 20-летней борьбы с японцами Китай стоит перед вопросом, как предупредить возможность японского заговора и японской интервенции. В течение 20 лет японцы все время стремились к уничтожению китайского народа. Поэтому Гоминьдан и Чан Кайши концентрировали свое внимание на разрешении национального вопроса. Как Генералиссимус Сталин знает, в Китае существуют разные политические группы. Чан Кайши стремился, с одной стороны, сосредоточить силы Китая на войне против Японии, а с другой стороны, он стремился к объединению Китая. Сейчас Япония разбита, и можно заняться демократизацией страны, ее объединением и решением вопросов социального порядка. Все эти вопросы в Китае могут быть успешно разрешены, когда Китай будет объединен. Решение этой задачи зависит прежде всего от урегулирования взаимоотношений с коммунистической партией Китая. Чан Кайши признает возможность сосуществования коммунистической партии Китая с Гоминьданом, который не имеет намерения ликвидировать коммунистическую партию Китая. Между политическими линиями Гоминьдана и коммунистической партии Китая нет противоречий. Надо прямо сказать, что если коммунистическая партия Китая жила бы в мире с Гоминьданом, то это уберегло бы Гоминьдан от разложения и заставило бы его быстрее двигаться вперед. Но для сосуществования коммунистической партии Китая и Гоминьдана необходимо, чтобы у коммунистической партии Китая не было намерения ликвидировать Гоминьдан.

Цзян Цзинго говорит, что до созыва национального собрания в мае месяце решено пригласить представителей коммунистической партии Китая принять участие в правительстве при условии сохранения структуры и законного положения национального правительства Китая.

Тов. Сталин спрашивает Цзян Цзинго об отношении китайского правительства к решениям о Китае, принятым на Конференции трех министров иностранных дел.

Цзян Цзинго говорит, что он еще не читал этих решений.

Тов. Стаспин отвечает, что три министра договорились о необходимости объединения и демократизации Китая под руководством национального правительства, о широком привлечении демократических элементов во все органы национального правительства и о прекращении гражданской борьбы.

Цзян Цзинго отвечает, что, как он думает, это совпадает с мнением Чан Кайши, так как в решении говорится о демократизации под руководством национального правительства Китая. Чан Кайши считает, что коммунисты могут участвовать в Комитете обороны государства, который является высшим органом в стране.

Следующий момент — это коммунистические войска. Коммунистическая партия Китая предложила правительству, чтобы оно разрешило существование от 16 до 20 дивизий коммунистических войск. Это предложение было выдвинуто Мао Цзэдуном во время его переговоров с Чан Кайши. Чан Кайши дает согласие на существование 16—20 дивизий коммунистических войск и гарантирует их безопасность. Однако, поскольку речь идет об объединении Китая, армия должна быть объединена, т.е. находиться под единым командованием. Чан Кайши считает, что коммунисты не должны использовать свои силы для раздробления страны. Другое условие — это единство государственного управления, требование того, чтобы коммунистические районы были подчинены центру. Он, Цзян Цзинго, помнит, что во время приема Сун Цзывения Генералиссимус Сталин говорил об объединении Китая при сохранении гегемонии Гоминьдана, но при участии широких демократических сил.

Цзян Цзинго заявляет, что, по мнению Чан Кайши, Советский Союз заинтересован в стабилизации и объединении Китая, и он просит Генералиссимуса Сталина высказать свое

мнение по этому поводу и те сомнения, которые у него могут быть. С другой стороны, Чан Кайши просит Генералиссимуса Сталина дать коммунистической партии Китая совет сотрудничать с Гоминьданом.

Тов. Сталин отвечает, что у Советского Союза было три представителя у коммунистов в Яньане, у американцев там было 30—32 представителя. Советское правительство отозвало всех своих представителей из Яньаня, так как оно было не согласно с действиями китайских коммунистов. Советское правительство не понимает, почему сорвались переговоры в Чунцине.

Тов. Сталин говорит, что китайские коммунисты не подчиняются русским коммунистам. Коминтерна больше нет. Русским коммунистам было бы очень трудно посредничать, так как они не хотели бы давать совет, который был бы отклонен впоследствии. К тому же китайские коммунисты не просят совета.

Цзян Цзинго замечает, что авторитет Генералиссимуса Сталина заставит китайских коммунистов последовать его совету.

Тов. Сталин отвечает, что советское правительство не знает, какое положение у китайских коммунистов. Они не просят сейчас никаких советов. Раньше, когда советские войска начали вступать в Маньчжурию и когда у Советского правительства было еще три представителя в Яньане, китайские коммунисты через этих представителей просили дать им совет. И им было отвечено, что, по мнению Центрального Комитета русских коммунистов, представителям китайских коммунистов следует поехать в Чунцин для переговоров. Китайские коммунисты не ожидали такого совета, и он вызвал большой переполох в их среде. Он, тов. Сталин, не знает, с какими планами китайские коммунисты поехали в Чунцин. Известно лишь, что переговоры потерпели неудачу.

Тов. Сталин говорит, что, когда коммунисты пожелали перекочевать в Маньчжурию, Советское командование их туда не пустило, так как Советское правительство не хотело вмешиваться во внутренние дела Китая, Вообще Чан Кайши невыгодно, чтобы иностранные войска вмешивались в дела Китая, так как это ведет к ослаблению авторитета центрального правительства.

Тов. Сталин говорит, что причины провала переговоров неизвестны, может быть, китайские коммунисты поехали туда для того, чтобы показать, что соглашения с Чан Кайши добиться невозможно.

Тов. Сталин говорит, что он не знает, чего хотят китайские коммунисты — советизации Китая или существования двух правительств.

Тов. Сталин говорит, что он не ожидал, что у центрального правительства Китая будут такие затруднения с коммунистами, что коммунисты задержат продвижение китайских войск.

Тов. Сталин заявляет, что точка зрения советского правительства изложена в коммюнике о Конференции трех министров и в договоре с Китаем. В обоих документах советское правительство заявляет, что оно признает правительство Чан Кайши как законное правительство Китая. Если национальное правительство Китая привлечет к участию в правительстве демократические элементы, то это будет хорошо и для него. Но, видимо, китайские коммунисты не разделяют этой концепции. Что может сделать здесь Советское правительство? Оно считает, что не может быть двух правительств и двух армий, но, как видно, китайские коммунисты не согласны с этим.

Цзян Цзинго замечает, что на китайских коммунистов может повлиять авторитет Генералиссимуса Сталина.

Тов. Сталин отвечает, что советско-китайский договор был опубликован, но, как видно, китайские коммунисты не посчитались с этим документом. Коммюнике о конференции министров тоже опубликовано. Дальнейшее покажет, согласятся ли китайские коммунисты. Видимо, нет.

Цзян Цзинго спрашивает, как лучше решить вопрос.

Тов. Сталин говорит, что, может быть, представителям китайских коммунистов и китайского правительства еще раз следует собраться.

Цзян Цзинго отвечает, что Чжоу Энлай с группой в 30 человек уже прибыл в Чунцин.

Тов. Сталин спрашивает, думает ли Цзян Цзинго, что китайские коммунисты прибыли в Чунцин для переговоров.

Цзян Цзинго отвечает утвердительно и говорит, что нужно решить вопрос. Нынешнее положение не может продолжаться. В Монголии между китайскими войсками и войсками центрального правительства происходили настоящие бои, причем китайские коммунисты вели пропаганду в том духе, что поскольку провозглашена независимость Внешней Монголии, то они будут добиваться независимости Внутренней Монголии.

Тов. Сталин отвечает, что это глупо, и говорит, что Советское правительство не может отвечать за действия китайских коммунистов.

Цзян Цзинго говорит, что можно было бы дать совет китайским коммунистам.

Тов. Сталин отвечает, что он не знает, хотят ли они получить совет. Если они обратятся за советом, то он им будет дан, а так — бог его знает. Однажды китайские коммунисты просили совета, поехали в Чунцин, но не договорились. С тех пор они за советом не обращались.

Цзян Цзинго спрашивает тов. Сталина, что он думает по поводу предложения Чан Кайши о количестве китайских дивизий.

Тов. Сталин отвечает, что он не знает, сколько и каких дивизий имеют коммунисты. Советское правительство получало разные сведения, иногда перехватывало сообщения по радио. Он, тов. Сталин, не знает, можно ли всем этим сообщениям верить, он не знает насчет количества дивизий. Что касается Гоминьдана, то, по его, тов. Сталина, мнению, Чан Кайши прав, так же как он прав в том, что в стране не может быть двух правительств и двух армий. Если Чан Кайши намерен оставить коммунистов как управителей некоторых провинций, — то, по его, тов. Сталина, мнению, можно это сделать, но, конечно, это дело Чан Кайши.

Тов. Сталин говорит, что Советское правительство не дает советов китайским коммунистам. Оно недоволено их поведением. За советом китайские коммунисты не обращались.

Цзян Цзинго спрашивает, как поступит Советское правительство в том случае, если китайские коммунисты обратятся за советом.

Тов. Сталин отвечает, что советское правительство даст им совет в духе того, что он, тов. Сталин, сказал Цзян Цзинго.

Цзян Цзинго спрашивает, что нужно, по мнению тов. Сталина, сделать для объединения Китая.

Тов. Сталин отвечает, что нужно переговорить с коммунистами и узнать, чего они требуют. Тов. Сталин спрашивает, почему переговоры в Чунцине потерпели неудачу и почему имели место бои между коммунистическими войсками и войсками национального правительства Китая.

Цзян Цзинго отвечает, что он этого не знает.

Тов. Сталин отвечает, что тем более этого не знает советское правительство.

Цзян Цзинго отвечает, что в чунцинских переговорах коммунисты требовали, чтобы все провинции, расположенные севернее Желтой реки, т.е. Жехэ, Суйюань, Хебэй и Ченду, возглавлялись коммунистами. Чан Кайши считает, что это было бы равнозначно разделению государства на две части. Это было главное разногласие в переговорах. Что касается боев между коммунистическими войсками и войсками национального правительства Китая, то приводятся различные причины их возникновения.

Тов. Сталин отвечает, что разделение Китая на две части, конечно, не годится.

Цзян Цзинго просит тов. Сталина подумать над тем, что он изложил.

Тов. Сталин отвечает, что Советское правительство не может дать совета китайским коммунистам, если китайские коммунисты не обратятся к нему за советом. Советское правительство не хочет попасть в неловкое положение в том случае, если бы его совет был отвергнут.

Цзян Цзинго говорит, что нужно договориться с китайскими коммунистами.

Тов. Сталин говорит, что, когда стороны договариваются, они делают взаимные уступки. Китайские коммунисты знают, что советское правительство придерживается иных, чем они, взглядов. Китайские коммунисты знают, что Советское правительство не согласно с ними. Тов. Сталин говорит, что, когда китайские коммунисты обратились за советом, он был им дан. Они выехали в Чунцин, но не договорились, кто виноват в этом, он, тов. Сталин, не знает. Он, тов. Сталин, думает, что китайские коммунисты больше не обратятся за советом. Они знают, что

Советское правительство с ними не согласно. Цзян Цзинго говорит, что скоро должно собраться политическое совещание в составе представителей Гоминьдана, Коммунистической партии Китая, Демократической лиги Китая и беспартийных.

Тов. Сталин говорит, что, может быть, коммунисты приехали в Чунцин для того, чтобы принять участие именно в этом совещании.

Цзян Цзинго отвечает, что, конечно, переговоры будут происходить, главным образом, между коммунистами и Гоминьданом.

Тов. Сталин отвечает, что если китайские коммунисты официально обратятся в Центральный Комитет русских коммунистов, то им будет дан совет. Сам же Центральный Комитет не хочет навязывать своего совета китайским коммунистам.

Цзян Цзинго отвечает, что, как он думает, все заинтересованы в этом вопросе.

Тов. Сталин говорит, что у коммунистов есть какая-то затаенная мысль. Ему, тов. Сталину, кажется, что коммунисты ездили в Чунцин для того, чтобы показать, что невозможно договориться с Чан Кайши. С другой стороны, Мао Цзэдун, видимо, не верит Чан Кайши, а последний не верит Мао Цзэдуну.

Цзян Цзинго говорит, что Чан Кайши и Мао Цзэдун вели очень дружеские беседы.

Сталин говорит, что это так, но что одновременно происходили бои между войсками обеих сторон. Видимо, таковы китайские нравы. Советское правительство этого не понимает.

Цзян Цзинго говорит, что следующий вопрос, который он хотел бы обсудить со Сталиным, — это вопрос о советско-китайских отношениях. Некоторые думают, что за спиной китайских коммунистов, которые ведут борьбу против национального правительства Китая, стоит Советский Союз.

Тов. Сталин отвечает, что неправильно думают.

Цзян Цзинго заявляет, что история советско-китайских отношений начинается с Октябрьской революции. Отношения между Советским Союзом и Китаем были самыми лучшими в 1923—1924 гг. Конечно, сейчас обстановка изменилась по сравнению с 1923—1924 гг., и, конечно, трудно применить старые формы, однако Чан Кайши считает, что в интересах обеих сторон вернуться к тому духу советско-китайских отношений, который существовал в 1923—1924 гг.

Тов. Сталин замечает, что тогда не было договора.

Цзян Цзинго говорит, что это было в то время, когда был еще жив Сун Ятсен. Это было перед северным походом, когда была создана школа ВАНПУ. Хотя времена сейчас изменились, Чан Кайши думает, что следовало бы вернуться к духу советско-китайских взаимоотношений того времени. Формы будут другие, но Чан Кайши смотрит далеко в будущее.

Тов. Сталин отвечает, что Советское правительство согласно с этим. Теперь Китай и Советский Союз обладают лучшими взаимоотношениями для налаживания тесных отношений. В 1923—1924 гг. обстановка была другая. Тогда острие было направлено против Англии и отчасти против Японии. Теперь Советский Союз и фактически Китай, поскольку он воевал вместе с Англией и США против Японии, находятся в союзе с Англией и США.

Тов. Сталин спрашивает, неужели же китайское правительство хочет, чтобы Советский Союз был против Англии.

Цзян Цзинго смеется и говорит, что, конечно, об этом не может быть и речи, но что китайское правительство хочет вернуться к духу советско-китайских отношений 1923—1924 гг. Оно стремится сделать эти взаимоотношения более близкими, чем теперь.

Тов. Сталин говорит, что если один вопрос будет решен, то это облегчит дело. Советское правительство готово на самые близкие отношения. Союз между Китаем и Советским Союзом служит формальным основанием для таких отношений.

Цзян Цзинго говорит, что в 1923 г. Китай в своей политике руководствовался тремя основными принципами: 1) союз с СССР, 2) союз рабочих и крестьян и 3) слияние коммунистической партии с Гоминьданом. В настоящее время первый и второй принципы остаются в силе, но третий принцип отпадает, он заменяется принципом привлечения коммунистов к управлению государством.

Цзян Цзинго говорит, что хорошо было бы договориться с коммунистами, и спрашивает, что, по мнению тов. Сталина, мешает соглашению.

Тов. Сталин говорит, что он не знает. Может быть, мешает то, что лидеры не верят друг другу. Может быть, Чжу Дэ или Мао думают, что Чан Кайши их обманывает. При переговорах между лидерами нет доверия. Он, тов. Сталин, не знает, как восстановить это доверие.

Тов. Сталин замечает, что американцы не обязаны верить русским и русские, в свою очередь, не обязаны верить американцам. Но когда русские и американцы заключают между собой соглашение, то каждая из сторон верит, что другая выполнит это соглашение. Вот такое нужно доверие при переговорах. Он, тов. Сталин, не уверен, что соглашение, если оно будет заключено, не будет нарушено.

Цзян Цзинго говорит, что китайскому народу надоело разногласия между китайскими коммунистами и национальным правительством.

Тов. Сталин замечает, что это вполне понятно, так как все это разыгрывается на спинах китайского народа.

Цзян Цзинго спрашивает тов. Сталина, согласно ли Советское правительство на установление самых тесных отношений с Китаем.

Тов. Сталин отвечает, что Советское правительство согласно на это. Цзян Цзинго говорит, что Чан Кайши просил его передать Генералиссимусу Сталину заверение в том, что при любых обстоятельствах и обстановке Китай не будет участвовать в делах, направленных против Советского Союза. Чан Кайши заявил, что, пока он у власти, этого не будет. Тов. Сталин просит передать за это благодарность Чан Кайши и заявляет, что советское правительство будет точно так же поступать в отношении Китая, только оно не испытывает каких-либо опасений. Американская и английская разведка распространяют слухи, что между Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и Америкой — с другой, скоро начнется война. Это — дезинформация. Американцы и англичане не смогут поднять свои войска на новую войну, так как нет цели; Япония побеждена, война надоела народу. Любое правительство в Англии и Америке, которое попытается поднять свои войска, обязательно падет. По тем же самым причинам и Советское правительство не сможет поднять войска на войну. Может быть, американская и английская разведка распространяют эту дезинформацию для того, чтобы запугать как Советский Союз, так и Китай. Тем не менее он, тов. Сталин, всегда верил и верит, что Китай не пойдет против Советского Союза. В свою очередь он, тов. Сталин, может заверить Чан Кайши, что Советский Союз не пойдет против Китая. В прошлом Советский Союз не раз уговаривали это сделать, но Советский Союз твердо придерживается того, чтобы идти вместе с Китаем.

Цзян Цзинго замечает, что Чан Кайши имеет в виду не настоящее время, а далекое будущее.

Тов. Сталин говорит, что тем лучше, ибо, конечно, через 20, 30 или 40 лет, может быть, что-либо и случится.

Цзян Цзинго заявляет, что следующий момент — это воспитание китайского народа. Чан Кайши наметил большую и обширную программу воспитания членов Гоминьдана и учащейся молодежи в духе сближения с Советским Союзом. Чан Кайши хочет, чтобы китайцы были расположены к дружбе с Советским Союзом. Надо сказать, что сейчас настроение китайцев не сосредоточено на дружбе с Советским Союзом.

Цзян Цзинго заявляет, что Чан Кайши просил его передать, что в будущих международных делах Китай будет заранее советоваться с Советским Союзом и будет договариваться с Советским Союзом с тем, чтобы выступать с общей точкой зрения.

Тов. Сталин говорит, что до сих пор китайские делегаты всегда выступали против советских. Так было в Сан-Франциско и в Лондоне. Например, в Сан-Франциско были большие споры по поводу того, кто должен быть председателем на конференции. Американцы решили, что председателем конференции должен быть их делегат. Советская делегация предложила, чтобы председательствовали по очереди представители четырех держав. При обсуждении этого предложения китайские представители выступили против советской делегации.

Цзян Цзинго отвечает, что в будущем китайцы будут выступать вместе с Советским Союзом. В свое время Чан Кайши прилагал усилия, чтобы найти выход из тупика Лондонской конференции. Тов. Сталин говорит, что он недавно узнал об этом. Кажется, ответ на предложение Чан Кайши не был дан. Тов. Молотов говорит, что в то время обстановка была

неопределенной, и Советское правительство ожидало, как она разрешится.

Тов. Сталин отвечает, что надо было бы тем не менее ответ дать. Действительно, положение было неопределенным. Советское правительство не знало, чем кончится дело. Американцы и англичане, с одной стороны, и Советское правительство — с другой, отстаивали свои позиции. В Москве они нашли выход из положения.

Цзян Цзинго говорит, что следующий вопрос касается Маньчжурии. Чан Кайши очень признателен за помощь советского командования в деле восстановления органов власти в Маньчжурии. В одной из бесед с китайским представителем Маршал Малиновский говорил о том, что Маньчжурия была плацдармом для нападения на СССР, и подчеркнул, что она в будущем не должна быть таким плацдармом. В связи с этим Чан Кайши поручил ему, Цзян Цзинго, заверить Генералиссимуса Сталина, что Маньчжурия никогда не будет плацдармом против Советского Союза. Китайские войска направляются в Маньчжурию лишь для того, чтобы поддержать там порядок. Китайское правительство было бы готово не держать своих войск на границе с Советским Союзом. В одной из своих бесед с Петровым Чан Кайши говорил, что он готов к установлению на советско-маньчжурской границе такого же режима, какой существует на границе между Америкой и Канадой. Что же касается политических мероприятий в Маньчжурии, то Чан Кайши сказал, что, поскольку Маньчжурия очень близка Советскому Союзу и поскольку там нужно все строить заново, демократизацию легче начать там.

В отношении экономики Маньчжурии Чан Кайши предлагает придерживаться политики открытых дверей, но с сохранением за Советским Союзом ведущей роли в экономике.

Тов. Сталин говорит, что хозяином, суверенной силой Маньчжурии должен быть Китай. Советский Союз не добивается для себя доминирующего положения в Маньчжурии.

Цзян Цзинго отвечает, что китайское правительство хочет предоставить это положение Советскому Союзу.

Тов. Сталин выражает за это благодарность.

Цзян Цзинго говорит, что в Маньчжурии имеются продукты, в получении которых заинтересован Советский Союз. С другой стороны, Маньчжурия будет нуждаться в экономической помощи СССР.

Тов. Сталин говорит, что Советский Союз будет покупать необходимые ему продукты в Маньчжурии и со своей стороны окажет ей возможную экономическую помощь.

Цзян Цзинго говорит, что теперь он хочет переговорить о смешанных советско-китайских обществах. Командование советских войск считает, что все предприятия Маньчжурии являются трофейными. Тов. Сталин замечает, что трофейными предприятиями считаются лишь те предприятия, которые обслуживали Квантунскую армию японцев. По законам войны такие предприятия являются трофейными. Следовательно, Советское правительство не претендует на все предприятия.

Цзян Цзинго говорит, что во избежание неблагоприятного впечатления, которое может сложиться у населения в результате передачи трофейных предприятий Советскому Союзу, Чан Кайши предлагает принять иную базу в оправдание их передачи. Чан Кайши предлагает сказать, что, учитывая, что Советская Армия ликвидировала японскую армию в Маньчжурии, потерпела при этом убытки, и принимая во внимание дружественные отношения между Советским Союзом и Китаем, китайское правительство передает половину общего количества предприятий Советскому Союзу.

Молотов говорит, что, следовательно, Чан Кайши не хотел бы, чтобы эти предприятия передавались Советскому Союзу как трофейные.

Цзян Цзинго подтверждает это.

Тов. Сталин говорит, что Советское правительство так же поступило в Польше, которая является союзной страной, как и Китай. Советское правительство не трогало в Польше польских предприятий, но там есть предприятия, построенные немцами. Когда Германия подвергалась бомбардировкам на западе, то немцы считали, что их предприятия будут в безопасности в Польше и что Красная Армия от нее далеко. Эти немецкие предприятия Советское правительство объявило трофейными, но оно не вывозило всего оборудования с заводов, а оставило около половины этого оборудования полякам. Таковы законы войны. Одни

страны ими не пользуются, а другие — пользуются.

Тов. Сталин обещает обдумать предложение Чан Кайши и сделать так, чтобы для Китая ничего не было обидного.

Цзян Цзинго говорит, что Маршал Малиновский вручил китайским представителям список 140 предприятий, которые должны управляться смешанными советско-китайскими обществами. Генералиссимусу Сталину известно, говорит Цзян Цзинго, что у Китая нет тяжелой промышленности. Поэтому Чан Кайши хотел бы, чтобы некоторая часть этих предприятий была оставлена в распоряжении Китая.

Тов. Сталин говорит, что этот вопрос можно рассмотреть и что он незнаком с ним.

Цзян Цзинго говорит, что китайское правительство не хотело бы создания одной советско-китайской компании. Лучше было бы создать несколько советско-китайских компаний для отдельных отраслей промышленности, например, для машиностроения, металлургии и т.д. В свое время у японцев была одна компания по эксплуатации богатств и предприятий Маньчжурии, и предложение Чан Кайши вызвано стремлением избежать впечатления, что копируется японская система.

Тов. Сталин отвечает, что это можно сделать. Цзян Цзинго заявляет, что Чан Кайши согласен с организацией советско-китайских смешанных обществ, но хотел бы, чтобы договор был подписан после отвода советских войск. Тем временем Чан Кайши согласен оставить советских людей на тех предприятиях, где они сейчас работают.

Тов. Сталин говорит, что переговоры и сейчас можно продолжать. Соглашение может быть подписано позднее, но чем скорее, тем лучше, так как имущество может подвергнуться расхищению.

Тов. Сталин говорит, что советское командование взяло кое-что из оборудования, но эти изъятия были такими, что они не помешали возобновлению работы заводов.

Тов. Сталин спрашивает, не будет ли китайское правительство снова просить у Советского правительства отложить вывод советских войск.

Цзян Цзинго отвечает, что просьба об отсрочке вывода советских войск от 1 февраля является последней просьбой китайского правительства.

Цзян Цзинго говорит, что имеется еще один вопрос: о выкупе денежных знаков.

Молотов говорит, что об этом соглашение уже заключено.

Цзян Цзинго говорит, что теперь он хотел бы говорить о Синьцзяне. Китайское правительство получило сообщение от советского посла, что представители повстанцев обратились к советскому консулу в Кульдже с просьбой посредничать в деле урегулирования конфликта. Представители повстанцев уже приезжали в Урумчи. Китайское правительство крайне заинтересовано в наискорейшем решении синьцзянского вопроса, ибо в результате прекращения торговли с Советским Союзом северная часть Китая оказалась в трудном экономическом положении. Повстанцы выдвинули одиннадцать условий, которые в основном были приняты правительством. Состоялось соглашение о том, что новое синьцзянское правительство будет состоять из 25 членов, из которых 15 будут избираться населением Синьцзяна, а 10 — будут назначены. Однако сейчас представители повстанцев выдвинули новые требования о том, чтобы войска Центрального правительства были в течение месяца выведены из Синьцзяна. Конечно, Центральное правительство выводит свои войска из Синьцзяна, но оно не хотело бы указывать в договоре, что войска будут выведены в течение одного месяца, ибо это несовместимо с престижем Центрального правительства.

Молотов спрашивает, отвода каких войск требуют представители повстанцев.

Цзян Цзинго отвечает, что они требуют отвода тех войск, которые были присланы с Синьцзяна для ликвидации восстания.

Тов. Сталин спрашивает, хочет ли Чан Кайши, чтобы Советское правительство вмешалось.

Цзян Цзинго отвечает, что Чан Кайши хочет, чтобы Советское правительство было посредником. Тов. Сталин отвечает, что Советское правительство сделает все возможное. Повстанцы не отвергают посредничества Советского правительства. Тов. Сталин обещает дать окончательный ответ после того, как будет получена информация от советского консула. Цзян Цзинго говорит, что теперь он перейдет к вопросу об отношениях Китая к Америке. Чан Кайши

поручил ему откровенно заявить Генералиссимусу Сталину, что Китай заинтересован в сотрудничестве между Китаем, Советским Союзом и США, так как союз между ними имеет большое значение не только для Дальнего Востока, но и для всего мира. Ни один американский представитель из числа тех, которые побывали в Китае и беседовали с Чан Кайши, и в частности генерал Маршалл, ни разу не отзывались плохо о Советском Союзе. Генерал Маршалл сказал, что он полностью доверяет Генералиссимусу Сталину. Разного рода рассуждениями занимаются лишь те люди, которые стремятся заработать себе на этом капитал. Чан Кайши заявляет, что он заинтересован в союзе Советского Союза, Китая и США.

Тов. Сталин замечает, что Чан Кайши прав.

Цзян Цзинго говорит, что, однако, в силу исторических и географических причин Китай ближе к Советскому Союзу. Китай прямо заявил, что он ожидает экономической помощи от США, но он не будет терять самостоятельности в политике.

Тов. Сталин говорит, что это правильно.

Цзян Цзинго говорит, что теперь он хотел бы сказать несколько слов об американской морской пехоте в Северном Китае. Пребывание американских войск в Северном Китае было предусмотрено соглашением, заключенным еще до капитуляции Японии. План предусматривал высадку семи американских дивизий. После капитуляции Японии в Северном Китае не оказалось войск Центрального правительства Китая, которые были оттеснены в южные районы, и для разоружения японцев были высажены американские войска.

Тов. Сталин спрашивает, неужели японские войска еще не разоружены. Тов. Сталин говорит, что в Чаньчуне 25 советских военных разоружили два корпуса японцев. Японцы не сопротивлялись. Все японские войска в Маньчжурии были разоружены советскими войсками в течение 10 дней. Японцы, говорит тов. Сталин, теперь не будут сопротивляться. Надо действовать смелее. Японцев разоружить легко.

Цзян Цзинго заявляет, что американские войска будут отведены, как только они выполнят свою задачу.

Тов. Сталин заявляет, что Советское правительство не хотело бы, чтобы американские войска вступили в Маньчжурию. Это — советская зона. Кажется, американцы и не намереваются вступать туда. В Маньчжурию не надо пускать ни английских, ни других иностранных войск.

Цзян Цзинго отвечает, что американские войска не войдут в Маньчжурию, и снова повторяет, что они вообще будут выведены из Китая, как только выполнят свою задачу.

Тов. Сталин заявляет, что присутствие иностранных войск в Китае приведет к подрыву авторитета Чан Кайши и что, наоборот, если иностранных войск в Китае не будет, то авторитет Чан Кайши будет выше.

Цзян Цзинго заявляет, что правительство США заявляет, что оно помогает Китаю в деле создания вооруженных сил, но он, Цзян Цзинго, должен заявить, что это только пропаганда.

Тов. Сталин замечает, что американцы помогли китайцам организовать несколько дивизий на юге Китая. В этом нет ничего плохого.

Цзян Цзинго говорит, что Чан Кайши хотел бы узнать мнение Генералиссимуса Сталина о том, как лучше поступить с Японией.

Тов. Сталин отвечает, что теперь будет создан Союзный Совет в Токио. Американцы не хотели этого. Все были против Советского правительства, которое отстаивало предложение о создании Союзного Совета.

Молотов замечает, что в Лондоне Ван Шицзе выразил сочувствие этому предложению, но хотел, чтобы оно обсуждалось не в Лондоне.

Тов. Сталин говорит, что теперь дело выиграно. В Токио будет создан Союзный Совет, где и нужно будет решить вопрос, поставленный Чан Кайши. Что касается Советского правительства, то оно стоит за то, чтобы не только отнять вооружение у Японии, но и за то, чтобы уничтожить в Японии те отрасли промышленности, которые производят боевые корабли и вооружение. Такова точка зрения Советского правительства. Оно не согласилось с американцами, которые не взяли в плен японскую армию. Советское правительство взяло в плен японскую армию. Он, тов. Сталин, говорил американцам, что Макартур должен, по крайней мере, отдать приказ об аресте 8—10 или 12 тыс. членов японского генералитета:

генералов сухопутной армии, адмиралов и генералов авиации. Теперь американцы их судят по одному.

Американцы рассуждают иначе, чем Советское правительство. Американцы поступают с Японией сейчас так же, как после прошлой мировой войны поступили с Германией, когда ей был сохранен офицерский корпус и генералитет. Он, тов. Сталин, несколько раз говорил американцам о том, чтобы они пленили японскую армию, но они отвечают, что им некуда будет девать людей. Во всяком случае, Советское правительство будет добиваться того, чтобы у Японии не осталось генералитета. Вот такова политика Советского правительства.

Цзян Цзинго замечает, что китайский народ никогда не забудет японцев.

Тов. Сталин говорит, что китайский народ хороший, но надо, чтобы и руководители были хорошими.

Цзян Цзинго говорит, что он помнит, как Генералиссимус Сталин говорил, что Япония может снова встать на ноги.

Тов. Сталин отвечает, что, конечно, это может случиться, ибо Япония является нацией многочисленной и мстительной. Япония пожелает подняться. Чтобы этому помешать, надо взять в плен 500—600 тыс. офицеров и тысяч 12 членов японского генералитета. Тов. Сталин говорит, что американцы не пережили оккупацию Японии, и поэтому они не все понимают. Китай испытал японскую оккупацию. Советский Союз — германскую и в свое время — японскую. Поэтому Китай и Советский Союз понимают, что врага нужно поставить в такие условия, чтобы он больше не мог воевать. Американцы же этого не понимают. Он, тов. Сталин, надеется, что они поймут это.

Цзян Цзинго спрашивает, как сейчас в Японии обстоит дело с полицией.

Молотов отвечает, что в Японии полиция японская.

Цзян Цзинго говорит, что японцы могут превратить полицию в армию.

Тов. Сталин замечает, что японцы, конечно, постараются сохранить в полиции свои офицерские кадры, но когда советские представители приедут в Токио, они постараются положить этому конец.

Цзян Цзинго заявляет, что он исчерпал все свои вопросы. В заключение беседы он, Цзян Цзинго, передает тов. Сталину и тов. Молотову привет от Сун Цзывэня.

Молотов спрашивает, решен ли вопрос о признании китайским правительством независимости Внешней Монголии.

Цзян Цзинго говорит, что решение китайского правительства о признании независимости Внешней Монголии будет опубликовано в первых числах января, когда китайское правительство переедет в Нанкин.

Беседа продолжалась 1 час 40 минут.

Печ. по: Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участников событий 1937—1952 гг. М., 1999. С. 15—29.

Документ №3.

Запись беседы Сталина с Цзян Цзинго, личным представителем Чан Кайши 3 января 1946 г. 23.00

Присутствуют: Молотов, Павлов (НКВД), Фу Бинчан, посол Китая.

Цзян Цзинго поздравляет тов. Сталина и тов. Молотова с Новым годом, выражает им пожелание новых побед в новом году.

Тов. Сталин благодарит.

Тов. Молотов благодарит и поздравляет Цзян Цзинго с Новым годом.

Тов. Сталин говорит, что он разговаривал по телефону с советскими военными. Они не согласны на то, чтобы не объявлять японские предприятия, обслуживавшие Квантунскую армию, трофейным имуществом. Советские военные обижены тем, что это имущество не хотят считать трофеями Красной Армии. Они хотят, чтобы с этим имуществом поступили так же, как с германским имуществом в Польше, Чехословакии и в других европейских странах, освобожденных Красной Армией. Китайская сторона от этого ничего не потеряет. Трофейные

предприятия будут совместно эксплуатироваться на равных началах китайской и советской сторонами, причем для эксплуатации их может быть создано несколько компаний по различным отраслям промышленности.

Цзян Цзинго говорит, что китайское правительство предлагает то же самое, но лишь в иной форме.

Тов. Сталин замечает, что форма, предлагаемая китайской стороной, обижает советских военных, которые говорят, что они проливали кровь и поэтому японские предприятия, обслуживавшие Квантунскую армию, должны быть признаны трофеями Красной Армии.

Тов. Сталин говорит, что надо конкретно на месте определить, какие предприятия японцы построили и эксплуатировали для обслуживания Квантунской армии.

Цзян Цзинго спрашивает, что думает тов. Сталин по поводу выделения для Китая некоторых предприятий тяжелой промышленности. Маршал Малиновский говорил, что этим вопросом должны заняться специалисты.

Тов. Сталин отвечает, что специалисты на месте, конечно, могут изучить этот вопрос.

Цзян Цзинго заявляет, что задача его поездки в Москву состоит в том, чтобы добиться полного взаимопонимания между Генералиссимусом Сталиным и Чан Кайши, который хотел бы, чтобы Генералиссимус Сталин откровенно и по-дружески изложил свое мнение о мероприятиях и политике, которые национальное правительство Китая проводило в последнее время. Чан Кайши хотел бы, чтобы Генералиссимус Сталин высказал свои сомнения и сообщил, с чем он не согласен. Высказывания Генералиссимуса Сталина будут очень полезны для определения политики правительства, которым руководит Чан Кайши.

Тов. Сталин отвечает, что он не знаком с основными фактами обстановки в Китае. Он, тов. Сталин, не все знает, что происходит в Китае. Советское правительство не понимает, почему тянут с разоружением японцев, почему оказывается невозможным соглашение между Чан Кайши и Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун — своеобразный человек и своеобразный коммунист. Он ходит по деревням, избегает городов и ими не интересуется. Он, тов. Сталин, не располагает фактами. И поэтому у него имеются только вопросы. Какой совет он может дать, если у него, тов. Сталина, мало фактов.

Касаясь политики Советского правительства в отношении Японии, тов. Сталин говорит, что, как он уже говорил, нужно добиваться того, чтобы Япония не могла воевать. Нужно взять в плен японские военные кадры и разоружить военную промышленность и ту промышленность, которая может работать для удовлетворения военных нужд.

Что касается политики Советского правительства в отношении Китая, то это политика дружбы и поддержки национального правительства Китая. Об этом было открыто сказано в опубликованных коммюнике.

Он, тов. Сталин, считает правильной политику дружбы Китая с Америкой, которую намерен проводить Чан Кайши. Советский Союз не может оказать большую экономическую помощь Китаю. Чан Кайши ждет помощи от США и поэтому его политика дружбы с США правильна.

Он, тов. Сталин, откровенно говорит то, что знает, и спрашивает о том, чего он не знает, т.е. насчет разоружения японской армии и соглашения между Чан Кайши и Мао Цзэдуном. Он, тов. Сталин, не знает, почему тянут с разоружением японцев. Советское командование быстро разоружило японцев, и при желании их можно быстро разоружить.

Цзян Цзинго отвечает, что первое время китайское правительство не располагало достаточными силами для разоружения японцев.

Тов. Сталин замечает, что для разоружения японцев почти никаких сил не нужно.

Цзян Цзинго заявляет, что сейчас китайское правительство располагает силами и с японцами будет покончено. Советско-китайский договор направлен против Японии и Генералиссимус Сталин может быть спокоен, что в своей политике по отношению к Японии Китай будет исходить из того, чтобы помешать Японии снова встать на ноги. Что касается разоружения японских войск в Китае, то разрешение этой задачи осложняется географическими обстоятельствами и тем фактом, что китайские войска были в свое время оттеснены японцами в южные районы.

Тов. Сталин спрашивает, почему японцев не разоружают американцы. Японцы не

сопротивляются. Ведь капитуляция японских войск уже объявлена.

Цзян Цзинго говорит, что, по его мнению, соглашение между китайскими коммунистами и правительством не удалось заключить потому, что лидеры обеих сторон не доверяют друг другу.

Тов. Сталин замечает, что какие-то уступки нужны, но какие именно — это должны решить сами стороны.

Цзян Цзинго говорит, что он слышал по радио о предложениях, которые национальное правительство сделало китайским коммунистам.

Молотов излагает сообщение печати о предложениях национального правительства и предложениях китайских коммунистов. Молотов указывает, что не все ясно в этих предложениях, но согласно предложениям китайского правительства получается так, что китайское правительство не даст согласия на прекращение военных действий против коммунистов до тех пор, пока не будет выработана процедура, при помощи которой между китайскими коммунистами и национальным правительством должно быть заключено соглашение.

Цзян Цзинго говорит, что китайский народ крайне заинтересован в том, чтобы соглашение состоялось, так как гражданская война — страшная вещь.

Тов. Сталин замечает, что в Советском Союзе знают, что такое гражданская война.

Молотов говорит, что американский генерал Ведемейер сделал заявление о намерении американского командования увеличить американские войска на 4 тыс. человек в целях обеспечения продвижения китайских войск в Маньчжурии и поддержания порядка на дорогах.

Цзян Цзинго говорит, что это заявление было сделано Ведемейером еще до заявления Трумэна о политике США в отношении Китая, т.е. еще до приезда генерала Маршалла в Китай.

Цзян Цзинго говорит, что главная трудность сейчас заключается в том, что между Бейпином и Нанкином нет железнодорожного сообщения, так как железная дорога перерезана коммунистическими отрядами. Даже на участке между Пекином и Тяньцзином длиной в 100 км поезда ходят через день или два. Нужно поскорее договориться, чтоб, в частности, наладить железнодорожное сообщение.

Тов. Сталин говорит, что соглашение между коммунистами и центральным правительством улучшит положение китайского народа и будет способствовать развитию торговли.

Цзян Цзинго соглашается с этим и говорит, что китайцы уже много лет воюют и сильно пострадали от войны.

Тов. Молотов замечает, что китайский народ устал от войны.

Цзян Цзинго говорит, что особенно страдает беднота в Китае. Он, Цзян Цзинго, считает, что в нынешней войне Советский Союз и Китай пострадали больше всех других стран.

Цзян Цзинго спрашивает, не выскажет ли ему тов. Сталин свои сомнения в отношении политики Чан Кайши.

Тов. Сталин отвечает, что он не знаком с фактами и что ему трудно сказать что-либо. У него, тов. Сталина, нет сомнений. У него были некоторые вопросы, о которых он и сообщил Цзян Цзинго.

Цзян Цзинго говорит, что в Китае все стоят на позиции необходимости демократизировать Китай.

Тов. Сталин спрашивает, является ли сейчас Китай республикой и нет ли в Китае монархических течений.

Цзян Цзинго отвечает, что Китай является республикой и что сейчас в Китае нет монархических течений.

Тов. Сталин говорит, что республика ближе стоит к демократии.

В Советском союзе нет враждебных классов и поэтому в Советском Союзе возможно существование однопартийной системы. В Китае, помимо Гоминьдана и коммунистической партии, должны существовать другие партии. Имеются ли такие партии в Китае?

Цзян Цзинго отвечает, что их очень мало.

Тов. Сталин говорит, что нужно ввести в Китае выборные начала. Правительство должно отвечать перед парламентом и президентом. Он, тов. Сталин, не знает, какую систему

парламента имеется в виду применить в Китае; однопалатную или двухпалатную.

Тов. Сталин спрашивает, остаются ли в Китае провинциальные правительства.

Цзян Цзинго отвечает утвердительно.

Тов. Сталин говорит, что он не знает, какие течения существуют в Китае — за одну палату или за две палаты. Но надо, чтобы в Китае были введены выборные начала, как во Франции, Польше, Югославии, Англии и Америке. Парламент должен быть выборным, а правительство должно назначаться парламентом и утверждаться президентом. В США президент является одновременно и премьером. Во Франции дело обстоит иначе. Там нижняя и верхняя палаты выбирают президента, и он не является премьером, хотя он и может участвовать на заседаниях правительства, действуя в качестве председателя. Но французская и американская системы отвечают принципам демократии.

Цзян Цзинго спрашивает, считает ли тов. Сталин приемлемыми для Китая формы, существующие в Югославии и в Польше.

Тов. Сталин говорит, что в Югославии и в Польше, как и во Франции, действует двухпалатная система. В Советском Союзе тоже имеются две палаты, пользующиеся равными правами. Например, Совет Союза может отвергнуть решение, принятое Советом Национальностей, и наоборот. В Англии — иначе. Там тоже существуют нижняя и верхняя палаты, но палата лордов располагает большими правами, чем палата общин. В Америке существует сенат и палата представителей, причем сенат имеет больше прав. Он, тов. Сталин, не знает, какая система существует в Китае.

Тов. Сталин спрашивает, что собою представляет юань.

Цзян Цзинго отвечает, что это что-то вроде палаты.

Тов. Сталин говорит, что название палат может быть любым, в зависимости от национальных особенностей, но они должны быть выборными органами.

Цзян Цзинго спрашивает, каким образом в СССР принимается решение в тех случаях, если между палатами обнаруживаются разногласия.

Тов. Молотов отвечает, что в таких случаях собирается совместное заседание обеих палат и решение принимается большинством голосов.

Цзян Цзинго спрашивает, какое соотношение между коммунистами и Гоминьданом должно быть, по мнению Сталина, в будущем китайском правительстве.

Тов. Сталин отвечает, что в Европе обычно число портфелей, которыми партия располагает в правительстве, соответствует числу ее депутатов в парламенте. В Америке и Англии правительства формируются из членов той партии, которая получила большинство. Например, на последних выборах в Англии лейбористы получили большинство, и они сформировали правительство, состоящее только из лейбористов. Тем не менее англичане и американцы требуют, чтобы в других странах, например в Румынии, Болгарии и Польше, в правительстве были представлены оппозиционные партии. Когда он, тов. Сталин, спрашивает англичан и американцев, почему они не пускают в свои правительства представителей оппозиции, они пожимают плечами.

Во Франции дело обстоит иначе. Существующая там система формирования правительства ближе к демократизму, поскольку в правительстве участвуют также представители партий, получивших меньшинство. Если не допускать представителей оппозиции в правительство, то она переходит на нелегальную борьбу. Если же допустить их, то оппозиция становится лояльной. В этом преимущество допуска представителей оппозиции в правительство.

Тов. Сталин приводит пример Венгрии, где Партия мелких сельских хозяев получила более половины голосов и тем не менее она допустила в правительство представителей социал-демократов, коммунистов и либералов, сохранив за собой большинство портфелей.

Цзян Цзинго отвечает, что, как он думает, Китай не должен применять у себя те формы демократии, которые существуют в Англии. Он, Цзян Цзинго, думает, что в китайском правительстве на данном этапе должны участвовать представители всех демократических партий.

Цзян Цзинго спрашивает, как тов. Сталин оценивает сейчас соотношение сил Гоминьдана и компартии.

Тов. Сталин говорит, что на этот вопрос ответить очень трудно. Во время Потсдамской конференции Черчилль и Иден считали, что консерваторы получают большинство. Эттли говорил, что он на большинство не надеялся. Он, тов. Сталин, сам считал, что консерваторы получают большинство на выборах, но победили лейбористы. В Китае не было выборов и поэтому трудно учесть, что думает народ. По всей вероятности, Гоминьдан должен получить большинство, но какое, он, тов. Сталин, затрудняется сказать.

Цзян Цзинго спрашивает, считает ли тов. Сталин возможным сосуществование Гоминьдана и Компартии и на каких условиях.

Тов. Сталин отвечает, что если будут свободные выборы, то коммунисты будут существовать, будет существовать и Гоминьдан. Например, Советский Союз уживается с американскими и английскими капиталистами, не дерется с ними. Тем более должны ужиться Гоминьдан и китайская компартия. Конечно, между партиями будет соревнование, но Гоминьдан и компартия будут существовать.

Цзян Цзинго спрашивает, каково мнение тов. Сталина о Гоминьдане. Многие недовольны Гоминьданом.

Тов. Сталин говорит, что Советское правительство тоже недовольно Гоминьданом. До сих пор в Маньчжурии распространяются листовки за подписью Гоминьдана. В этих листовках содержатся призывы резать русских. Конечно, это вызывает недовольство советского правительства.

Цзян Цзинго говорит, что в Маньчжурии это может быть японской провокацией.

Тов. Сталин отвечает, что, когда арестовывают китайцев, распространявших эти листовки, они заявляют, что они являются членами отрядов, входящих в Гоминьдан. У Гоминьдана два лица: одно легальное и другое — нелегальное. Гоминьдановцы, действующие нелегально в Маньчжурии, призывают население в листовках, которые распространялись в Чанчуне, Мукдене, Дайрене, изгонять советские войска из Маньчжурии. Такие действия Гоминьдана вызывают недовольство у Советского правительства. Советское правительство не допустит у себя в стране выступлений против Чан Кайши, поскольку оно подписало с ним договор и линия политики должна быть одна. Может быть, в Гоминьдане существуют разные группы.

Цзян Цзинго отвечает, что действительно в Гоминьдане существуют различные группы. В Гоминьдане имеются представители как капиталистов, так и помещиков. Однако, что касается организации Гоминьдана в Маньчжурии, то он, Цзян Цзинго, хорошо помнит, что Чан Кайши дал директиву организации Гоминьдана в Маньчжурии распускать организации Гоминьдана, занимающиеся антисоветской агитацией и даже арестовывать членов таких организаций.

Цзян Цзинго говорит, что нужно учитывать, что в Маньчжурии очень сложная обстановка.

Тов. Сталин говорит, что он это знает и что, может быть, в Маньчжурии действуют самозванцы, называющие себя членами Гоминьдана. Однако Гоминьдан не отмежевался официально от действий тех организаций, которые распространяют листовки, направленные против Советского Союза.

Цзян Цзинго отвечает, что в Маньчжурии многие организации Гоминьдана были распущены, и снова повторяет, что в Маньчжурии очень сложная обстановка.

Цзян Цзинго спрашивает, что еще может сказать тов. Сталин о Гоминьдане.

Тов. Сталин отвечает, что в Китае нужно установить систему терпимости, при которой, наряду с Гоминьданом, смогут существовать другие партии.

Цзян Цзинго отвечает, что в Китае условия очень своеобразные. Не имея достаточных сил, Чан Кайши действовал зигзагообразно в своей политике.

Тов. Сталин говорит, что такую политику очень трудно проводить в течение долгого времени.

Цзян Цзинго отвечает, что у Чан Кайши еще нет достаточных сил.

Тов. Сталин спрашивает, неужели коммунисты сильнее Чан Кайши. Мао Цзэдун кричит, что у него полтора миллиона войск, а американцы считают, что у него 600 тыс.

Цзян Цзинго говорит, что, конечно, эти цифры преувеличены.

Цзян Цзинго говорит, что многие считали, что Чан Кайши был за Японию. На самом же деле он вел подготовку к войне с Японией. Он, Цзян Цзинго, хочет, чтобы Генералиссимус

Сталин понял, что Чан Кайши стремится к новому.

Тов. Сталин говорит, что он знает, что Чан Кайши трудно, и спрашивает, не выдвинулись ли за время войны молодые кадры.

Цзян Цзинго отвечает, что новый военный министр в Китае из молодых кадров.

Цзян Цзинго замечает, что, как он полагает, тов. Сталин должен интересоваться Гоминьданом, поскольку Гоминьдан был создан в свое время при содействии Ленина.

Тов. Сталин отвечает, что Гоминьдан будет существовать как национальная либеральная партия. Те, кто думают, что коммунисты съедят Гоминьдан, — ошибаются. Гоминьдан, конечно, является более широкой и влиятельной партией, чем компартия.

Цзян Цзинго говорит, что он считает полезным для Гоминьдана, если будет существовать компартия, так как существование компартии предохранит Гоминьдан от разложения.

Цзян Цзинго говорит, что нужно перестроить Гоминьдан.

Тов. Сталин говорит, что Гоминьдан улучшат выборы, поскольку в процессе выборов происходит отбор людей: лучшие остаются, а худшие уходят.

Цзян Цзинго говорит, что во время войны выдвинулось много новых деятелей.

Тов. Сталин говорит, что если это так, то это хорошо, так как в Китае все еще мелькают старые деятели.

Цзян Цзинго говорит, что, наконец, он хотел бы обсудить с Генералиссимусом Сталиным вопрос об экономике Китая, которая сильно пострадала за восемь лет войны. Китай хотел бы выйти из положения полуколониальной страны.

Тов. Сталин отвечает, что для того, чтобы этого добиться, нужно иметь свою собственную промышленность. Нельзя увлекаться только торговлей. Если бы в Советском Союзе не было промышленности, то немцы разбили бы Советский Союз. Благодаря наличию в Советском Союзе промышленности во время войны оказалось возможным производить ежемесячно 3 тыс. самолетов, 3 тыс. танков, 5 тыс. орудий, 400 тыс. винтовок, 200 тыс. автоматов. Китаю нужно иметь свою собственную промышленность. Для этого в Китае имеются и сырье, и трудолюбивый народ.

Цзян Цзинго говорит, что сейчас в Китае происходит дискуссия о том, следует ли уделить больше внимания сельскому хозяйству или промышленности. Он, Цзян Цзинго, думает, что главная причина успехов Советского Союза в войне с Германией — это отсутствие частной собственности.

Тов. Сталин говорит, что, хотя в Америке существует частная собственность, промышленность там очень мощная.

Тов. Сталин говорит, что для того, чтобы развить сельское хозяйство, необходимо создать промышленность, построить железные дороги, построить заводы для производства удобрений, построить автомобильные заводы и т.д. В Китае не добывается нефть. Однако нефть имеется в Синьцзяне и должна быть на юге. Нужно организовать разведку и добычу нефти.

Цзян Цзинго спрашивает, считает ли тов. Сталин возможным, чтобы Китай развивал свою промышленность с помощью иностранного капитала.

Тов. Сталин отвечает, что с помощью иностранного капитала Китай может быстрее создать промышленность. В Советском Союзе дело создания промышленности облегчалось тем, что все находится в руках государства. В Китае индустриализацию осуществить труднее и поэтому Китаю нужно получить займы от иностранных держав, иначе индустриализация затянется на долгие годы.

Цзян Цзинго говорит, что китайцы боятся снова оказаться в положении полуколониальной державы.

Тов. Сталин говорит, что нужно бороться. Китай представляет собой большой рынок, и иностранные державы будут стремиться ввозить туда свои товары. Импорт товаров нужно разрешить, не допуская при этом навязывания иностранными державами каких-либо условий Китаю. Например, американцы недавно предложили Польше заем в 200 млн долларов, но поставили условие, чтобы эти деньги были израсходованы так, как хотят американцы. Конечно, иностранные державы будут требовать, чтобы Китай не развивал собственной тяжелой промышленности. Чтобы не попасть в кабалу, нужно бороться, и у Китая есть средства, чтобы вести эту борьбу.

Цзян Цзинго спрашивает, как тов. Сталин смотрит на политику открытых дверей.

Тов. Сталин отвечает, что иностранные державы хотели, чтобы Советский Союз открыл двери, но Советское правительство послало их к черту. Однако Китаю, как слабой стране, придется формально согласиться с политикой открытых дверей. Обычно открытых дверей требуют у полуколониальных стран.

Тов. Сталин говорит, что американцы обращались к Советскому правительству по поводу применения политики открытых дверей в Маньчжурии. Советское правительство ответило американцам, что оно не является хозяином в Маньчжурии и что по этому поводу следует обратиться к Китаю. Американцы были очень поражены этим ответом, но примирились с ним.

Цзян Цзинго спрашивает, не обсуждался ли вопрос о политике открытых дверей на Ялтинской конференции.

Тов. Сталин отвечает утвердительно и добавляет, что советские представители на Ялтинской конференции заявили, что это дело Китая.

Цзян Цзинго говорит, что Трумэн сообщил китайскому правительству, что Советское правительство не возражает против политики открытых дверей в Китае.

Тов. Сталин говорит, что советское правительство не возражает против политики открытых дверей, если с ней согласен Китай, но сам Советский Союз никаких открытых дверей не требует. Что можно посоветовать Китаю в этом вопросе? На нынешнем этапе Китаю трудно отвергнуть политику открытых дверей, поскольку Китай сильно пострадал во время войны и разорен. Но позже Китаю придется закрыть двери, чтобы создать свою собственную промышленность.

Цзян Цзинго говорит, что действительно Китай находится сейчас в очень тяжелом экономическом положении. Он, Цзян Цзинго думает, что никто, кроме СССР, не хочет возрождения Китая.

Тов. Сталин говорит, что он это понимает. Японцы разорили Китай. Советскому правительству известно, какими грабителями являются немцы.

Цзян Цзинго спрашивает, каким образом Советский Союз и Китай могут помогать друг другу.

Тов. Сталин отвечает, что Советский Союз поможет Китаю в создании своей промышленности и будет с ним торговать. Покупая у него сою, рис, если его много в Китае; хлопок; некоторое сырье; немного вольфрама и др. Взамен Советский Союз мог бы предоставить Китаю кое-какие станки, машины и оказать помощь специалистами.

Маньчжурия является довольно развитой промышленной страной с развитой железнодорожной сетью. Японцы хотели превратить Маньчжурию в свою промышленную базу на континенте.

Цзян Цзинго говорит, что в Маньчжурии среди китайского населения нет квалифицированных кадров.

Тов. Сталин отвечает, что китайцы — способный народ, и они научатся.

Цзян Цзинго говорит, что много китайской молодежи посылалось на учебу в Америку.

Тов. Сталин говорит, что это неплохо, и заявляет, что Китаю нужны свои инженеры, техники, механики, финансисты, экономисты и специалисты по сельскому хозяйству.

Цзян Цзинго говорит, что много квалифицированного персонала из китайцев потребуется для работы на Чанчуньской ж.д. В связи с этим он, Цзян Цзинго, хотел бы спросить Генералиссимуса Сталина, как он смотрит на посылку китайской молодежи в учебные заведения Советского Союза, особенно транспортные.

Тов. Сталин говорит, что хотя и имеются трудности, но это можно сделать.

Цзян Цзинго спрашивает, считает ли тов. Сталин целесообразным приезд в СССР китайской экономической делегации.

Тов. Сталин отвечает, что китайская экономическая делегация может приехать в Советский Союз и посмотреть фабрики и заводы.

Цзян Цзинго говорит, что он хотел бы обратить внимание Генералиссимуса Сталина на положение в Синьцзяне. В свое время там было много советских специалистов. Он, Цзян Цзинго, думает, что нужно восстановить прежнее положение.

Тов. Сталин отвечает, что Шэнь Шицай стал арестовывать советских специалистов, и

Советское правительство отозвало их из Синьцзяна. Если с советскими специалистами будут хорошо обращаться, то можно их туда послать. Он, тов. Сталин, выяснит это на днях.

Цзян Цзинго говорит, что Шэнь Шицзя сейчас уже нет в Синьцзяне.

Цзян Цзинго спрашивает, может ли экономика Китая развиваться на тех же основаниях, что и экономика Монгольской Народной Республики. Ведь в Монгольской Народной Республике имеются остатки феодализма, существуют капиталистические отношения и наряду с этим колхозы.

Тов. Сталин говорит, что в Монгольской Народной Республике не существует колхозов.

Цзян Цзинго говорит, что, как ему рассказывали, Монгольская Народная Республика имеет развитую промышленность и народ там хорошо живет.

Тов. Сталин говорит, что в Монгольской Народной Республике имеется кожевенный комбинат, проведена железная дорога, были сделаны кое-какие шаги по добыче ископаемых. Другой промышленности в Монгольской Народной Республике нет. Конечно, теперь монголы не такие уже дикие люди, как раньше. Однако Китай нельзя сравнивать с Монголией, отсталой страной. Китай может стать первоклассной державой. Что касается форм экономики, то Китай в отличие от Монголии не является скотоводческой страной. В Китае сельское хозяйство очень развито в смысле интенсивности. Там дорожат каждым клочком земли. В Китае все имеется для того, чтобы создать свою промышленность. В Монголии не ценят земли. Монголы занимаются скотоводством, причем они являются малокультурными скотоводами. Там на зиму не обеспечивают скот кормом. Монголия — страна кочевая и, следовательно, отсталая. Поэтому нельзя на одну доску ставить Китай и Монголию ни в смысле социальном, ни в смысле экономическом. Базой в Монгольской Народной Республике является скотоводство, а в Китае — земледелие.

Цзян Цзинго спрашивает, какие пожелания имеются у тов. Сталина в отношении политики китайского правительства в Маньчжурии.

Тов. Сталин говорит, что нужно, чтобы у китайского правительства была собственная, а не Чужая политика в Маньчжурии, чтобы она ни на кого не ориентировалась и не диктовалась другими государствами. Чан Кайши знает это. Тов. Сталин спрашивает, не намерены ли англичане вернуть Гонконг китайцам.

Цзян Цзинго отвечает отрицательно.

Тов. Сталин говорит, что Рузвельт был горячим сторонником возвращения Гонконга Китаю и в свое время горячо спорил с Черчиллем по этому поводу.

Цзян Цзинго отвечает, что пока англичане не собираются передавать Гонконг китайцам. Цзян Цзинго говорит, что послезавтра он вылетит обратно в Китай, и спрашивает, не желает ли тов. Сталин передать что-либо через него Чан Кайши.

Тов. Сталин отвечает, что он передаст письмо Чан Кайши.

Беседа продолжалась 1 час 30 мин.

Записал В. Павлов

Печ. по: Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участников событий 1937—1952 гг. М., 1999. С. 29—39.

Документ №4.

Записка А.И. Микояна в Президиум ЦК КПСС о поездке в Китай в январе — феврале 1949 г.

Сов. Секретно. ОСОБАЯ ПАПКА ЦК КПСС

В связи с выявившимися расхождениями между компартией Китая и компартиями других стран и предстоящим обсуждением этих вопросов, считаю необходимым разослать членам Президиума ЦК в целях ознакомления тексты сообщений, переданных мною в январе — феврале 1949 г. во время поездки в Китай, а также указаний ЦК, посылавшихся мне в тот же период.

Сообщения эти передавались шифром из Сибайпо, где тогда находились Революционный комитет и ЦК Компартии Китая, и приводятся без каких-либо изменений и дополнений, в

точной копии. При Мао Цзэдуна были тогда два советских армейских врача — Теребин (погиб впоследствии при аварии самолета в Советском Союзе) и Мельников, лечившие Мао Цзэдуна и его семью. Они имели радиостанцию и выполняли функции связи.

Считаю также необходимым коснуться некоторых обстоятельств, относящихся к моей поездке и хода переговоров.

В 1947—1948 гг. происходил обмен мнениями между нашим ЦК и Мао Цзэдуном о его приезде в Москву. В Москве он ни разу не был, и приглашение с нашей стороны было ему передано еще в июне 1947 г., выражалась готовность принять его для обсуждения вопросов китайской революции, проблем, которые встанут перед КПК после военной победы, в том числе и советско-китайских вопросов.

Однако сроки поездки неоднократно оттягивались из-за трудностей в средствах сообщения в связи с отдаленностью мест пребывания Мао Цзэдуна, из-за его болезни, осложнений в боевых действиях китайской революционной армии и по другим причинам.

К концу 1948 г. боевые действия китайских коммунистов развивались быстрыми темпами и в благоприятном направлении. В Северном Китае шли решающие бои. Китайская революционная армия, получившая оружие японской Квантунской семисоттысячной армии, которое было нами полностью передано Китаю, двигалась к центру Китая в направлении Пекина.

14 января 1949 г. на заседании Политбюро ЦК при обсуждении ответа Мао Цзэдуна на запрос о времени его приезда Сталин высказал соображение о том, что приезд Мао Цзэдуна в данное время вряд ли целесообразен. Он находился в то время в роли партизанского руководителя и хотя намечался его приезд инкогнито, но скрыть поездку было невозможно, сведения об его отъезде из Китая наверняка бы просочились. Поездка его, без сомнения, была бы истолкована на Западе как посещение Москвы для получения инструкций от Компартии Советского Союза, а сам он назван московским агентом. Это нанесло бы ущерб престижу КПК и было бы разыграно империалистами и кликой Чан Кайши против китайских коммунистов.

Между тем вскоре могло быть образовано официальное революционное правительство Китая, которое мог возглавить Мао Цзэдун. Тогда он получал уже возможность поездки не инкогнито, а официально в качестве главы правительства Китая и в целях переговоров с соседним государством. Это, наоборот, повысило бы престиж и авторитет китайского революционного правительства и приобрело бы большое международное значение.

Хотя такая отсрочка поездки Мао Цзэдуна в СССР оттягивала обсуждение назревших вопросов, но эту отрицательную сторону можно было устранить командированием в Китай одного из членов Политбюро нашего ЦК.

В то время все было уже подготовлено к приезду Мао Цзэдуна. Политбюро, обсудив этот вопрос, одобрило предложения Сталина, и он тут же продиктовал телеграмму Мао Цзэдуну, в которой говорилось:

«Мы все же настаиваем, чтобы Вы отложили временно Вашу поездку в Москву, так как Ваше пребывание в Китае очень необходимо в настоящее время. Если хотите, мы можем немедленно послать к Вам ответственного члена Политбюро в Харбин или в другое место для переговоров по интересующим нас вопросам».

Мао Цзэдун сообщил на это, что он решил временно отложить поездку в Москву и что они приветствуют направление члена Политбюро в Китай, высказав одновременно пожелание, чтобы его приезд состоялся в конце января или начале февраля и не в Харбин, а к месту их нахождения.

Сталин предложил поехать в Китай мне.

Чтобы иметь минимум трудностей в переговорах в Китае и быть лучше подготовленным, исключить излишние запросы Москвы, я набросал список возможных вопросов, которые китайцы могут поставить перед нами, обдумал возможные ответы и обсудил их со Сталиным и другими членами Политбюро.

К этому времени выявились два вопроса, которые были дискуссионными и к которым проявился различный подход нашего ЦК и ЦК КПК.

1. О несогласии нашего ЦК с точкой зрения КПК, считавшей, что после победы китайской революции все партии, кроме КПК, должны уйти с политической арены. В телеграмме Мао

Цзэдуна от 30 ноября 1947 г. говорилось: «В период окончательной победы китайской революции, по примеру СССР и Югославии, все политические партии, кроме КПК, должны будут уйти с политической арены, что значительно укрепит китайскую революцию».

В ответной телеграмме нашего ЦК, подписанной Сталиным 20 апреля 1948 года, по этому поводу в частности было сказано: «Мы с этим не согласны. Думаем, что различные оппозиционные политические партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения и стоящие против гоминьдановской клики, будут еще долго жить и киткомпартия вынуждена будет привлечь их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав, сохранив за собой гегемонию, то есть руководящее положение. Возможно, что некоторых представителей этих партий придется ввести в китайское народно-демократическое правительство, а само правительство объявить коалиционным, чтобы тем самым расширить базу этого правительства в населении и изолировать империалистов и их гоминьдановскую агентуру».

Как известно, в связи с этим советом КПК изменила свою политику в отношении буржуазных партий.

2. Об отношении к предложению нанкинского правительства Советскому правительству принять на себя посредничество между нанкинским правительством и КПК о прекращении войны и заключении мира.

9 января 1949 г. была получена нота нанкинского правительства, которое предложило правительству СССР (а также правительствам Франции, Англии и США) принять на себя посредничество между нанкинским правительством и КПК о прекращении войны и заключении мира.

В телеграмме Мао Цзэдуну наш ЦК сообщал:

«Мы думаем ответить таким образом: Советское правительство всегда стояло и продолжает стоять за прекращение войны и установление мира в Китае, и раньше, чем дать свое согласие на посредничество, оно хотело бы знать, согласна ли другая сторона — китайская компартия, принять посредничество СССР. Ввиду этого СССР хотел бы, чтобы другая сторона — китайская компартия, была осведомлена о мирной акции китайского правительства, и было бы запрошено согласие другой стороны на посредничество СССР. Мы думаем так ответить, и просим сообщить, согласны ли Вы на это. Если не согласны, подскажите нам более целесообразный ответ.

Мы думаем также, что Ваш ответ, если Вас попросят, должен быть примерно таким: китайская компартия всегда высказывалась за мир в Китае, ибо гражданскую войну в Китае начала не она, а нанки некое правительство, которое и должно нести ответственность за последствия войны. Китайская компартия стоит за переговоры с Гоминьданом, однако без участия тех военных преступников, которые развязали гражданскую войну в Китае. Китайская компартия стоит за непосредственные переговоры с Гоминьданом без каких-либо иностранных посредников».

К этой телеграмме от 10 января Сталиным 11 января 1949 г. было сделано разъясняющее дополнение:

«Как видно из сказанного выше, наш проект Вашего ответа на предложение Гоминьдана рассчитан на срыв мирных переговоров. Ясно, что Гоминьдан не пойдет на мирные переговоры без посредничества иностранных держав, особенно без посредничества США. Ясно также, что Гоминьдан не захочет вести переговоры без участия Чан Кайши и других военных преступников. Мы рассчитываем поэтому, что Гоминьдан откажется от мирных переговоров при тех условиях, которые выставляет КПК. В результате получится, что КПК согласна на мирные переговоры, ввиду чего ее нельзя обвинять в желании продолжать гражданскую войну. При этом Гоминьдан окажется виновником срыва мирных переговоров. Таким образом, мирный маневр гоминьдановцев и США будет сорван, и Вы можете продолжать победоносную освободительную войну. Ждем ответа».

12 января Мао Цзэдун послал ответ, в котором говорилось, что правительству СССР на ноту нанкинского правительства следовало бы ответить следующим образом: «Правительство СССР всегда желало, а также желает видеть мирный, демократический и единый Китай. Однако каким путем достичь мира, демократии и единства Китая — это собственное дело народа

Китая. Правительство СССР, основываясь на принципе невмешательства во внутренние дела других стран, считает неприемлемым участие в посредничестве между обеими сторонами в гражданской войне в Китае...

...Только СССР имеет крайне высокий авторитет среди народа Китая, поэтому, если СССР в ответе на ноту нанкинского правительства займет такую позицию, как было изложено в Вашей телеграмме от 10.1, то это приведет к тому, что США, Англия и Франция могут считать, что участие в посредничестве является должным и приведет к тому, что Гоминьдан получит повод для оскорбления нас как воинственно настроенных элементов. А широкие народные массы, которые недовольны Гоминьданом и питают свои надежды на скорую победу НОА, будут в отчаянии...

...Сейчас мы склонны к тому, чтобы со всей правотой отклонить мирный обман Гоминьдана, так как сейчас, исходя из того, что соотношение классовых сил в Китае уже имеет коренное изменение и международная общественность тоже не в пользу нанкинского правительства, а НОА летом сего года уже может перейти реку Янцзы и наступать на Нанкин.

Как будто нам не потребуется предпринимать еще раз обходный политический маневр. В настоящей обстановке, от проведения еще раз такого обходного маневра, больше вреда, чем пользы».

На это последовала подписанная Сталиным телеграмма Мао Цзэдуна от 14 января, в которой, в частности, говорилось: «Как можно ответить на такой маневр нанкинцев и США. Возможны два ответа. Первый ответ: прямо и неприкрыто отклонить мирные предложения нанкинцев и тем самым провозгласить необходимость продолжения гражданской войны. Но что это будет означать? Это значит, во-первых, что вы выложили на стол главный козырь и отдаете в руки гоминьдановцев такое важное оружие, как знамя мира. Это значит, во-вторых, что вы помогаете вашим врагам в Китае и вне Китая третировать компартию как сторонницу продолжения гражданской войны и хвалить Гоминьдан как защитника мира. Это значит, в-третьих, что вы даете возможность США обработать общественное мнение Европы и Америки в том направлении, что с компартией мир невозможен, так как она не хочет мира, что единственное средство добиться мира в Китае — организовать вооруженную интервенцию держав, вроде той интервенции, которая проводилась в России в течение четырех лет с 1918 г. по 1921 г.».

Далее говорилось о втором, гибком варианте ответа в духе уже изложенных в первой телеграмме советских предложений. В тот же день 14 января, Мао Цзэдун, сославшись на получение приведенного выше дополнения от 11 января, заявил в своей телеграмме, что «в основном курсе (срыв мирных переговоров с Гоминьданом, продолжение революционной войны до конца) мы с Вами совершенно едины», а также сообщил, что они в этот день опубликовали 8 условий, на которых согласны вести мирные переговоры с Гоминьданом. В связи с этим Мао Цзэдуна было сообщено, что из его последней телеграммы «видно, что между нами установилось единство взглядов по вопросу о мирном предложении нанкинцев и что Компартия Китая уже начала „мирную“ кампанию. Значит, вопрос надо считать исчерпанным».

В Китай я направился под фамилией Андреев и так и подписывал телеграммы, адресуя их на вымышленную фамилию Филиппова. Сделано это было по инициативе Сталина на случай, если бы из Китая просочилась информация о моем пребывании там.

Вылетел я в Китай 26 января, прибыл туда 30 января и пробыл до 8 февраля 1949 г. Со мной вместе были в Китае бывший министр путей сообщения Ковалев, намечавшийся тогда в качестве нашего представителя при ЦК КПК, и переводчик, работник аппарата ЦК тоже по фамилии Ковалев.

Из Порт-Артура вылетели рано утром до рассвета и к рассвету прибыли на бывший японский военный аэродром около Шицзячжуана.

Встречали главком Чжу Дэ, член политбюро Жень Биши и переводчик Ши Чжэ. Отсюда на трофейном додже ехали километров 160—170 к местонахождению ЦК партии и ревкома — Сибайпо, расположенному в горном ущелье.

Первые два дня Мао Цзэдун вводил в курс истории китайской революции и имевшей место фракционной борьбы внутри китайской компартии. Позже, при следующих встречах, также возвращался к этим вопросам истории КПК, много говорил, как тяжело ему было

бороться против левого и правого уклонов, как партия была разбита и армия была разгромлена из-за деятельности Ван Мина, которого поддерживал Коминтерн, как потом удалось исправить ошибки, как фракционеры уничтожали кадры китайских коммунистов, и что он сам едва жив остался, его арестовывали, исключали из партии, хотели уничтожить. Но с того времени, как Ван Мина и Ли Лисаня удалось разоблачить, Мао Цзэдун, по его словам, работает хорошо со своими товарищами, положил конец уничтожению партийных кадров. Он был и остается сторонником проявления терпимости внутри партии. Считает, что не надо выводить из ЦК за разногласия, не надо преследовать.

Вот Ван Мин, говорил Мао Цзэдун, сыграл плохую роль, но мы его оставили в ЦК, он находится в расположении ЦК, хотя никакой работы фактически не ведет. Он очень подробно говорил об ошибках Ван Мина, видимо хотел проверить, как мы к нему относимся и нет ли у нас попыток на него опереться или слушать его советы. Мне было известно о разногласиях между Мао Цзэдуном и Ван Мином и я не поддерживал разговоров о нем. Еще в Москве условились, что с Ван Мином я встречаться не буду, на беседах же у Мао Цзэдуна он ни разу не присутствовал и не пытался встретиться со мной.

Заслуживают внимания некоторые вопросы, обсужденные с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро КПК:

I. На мой вопрос, когда думает Мао Цзэдун завершить захват основных промышленных центров Китая — Нанкин, Шанхай и др., он сказал, что с этим не торопится. Он говорил, например, что «потребуется еще 1—2 года для того, чтобы мы были в состоянии целиком политически и экономически овладеть Китаем», давал понять, что до этого война кончиться не может.

При этом высказал и такую мысль, что они избегают брать крупные города, а стараются захватить сельские районы. Например, не хотят брать Шанхай. Шанхай — мол, крупный город, а у китайской компартии нет кадров. Компартия в основном состоит из крестьян, в Шанхае коммунистическая организация слабая. Наконец, Шанхай живет за счет привозного сырья и топлива. И если они возьмут Шанхай, то привоза топлива не будет, промышленность остановится, разрастется безработица, все это ухудшит положение населения. КПК должна подготовить кадры, к чему уже приступили, и в свое время, когда кадры будут готовы, они займут Шанхай и Нанкин.

Руководствуясь позицией нашего ЦК, выработанной еще до моего отъезда из Москвы, я оспаривал это, доказывал, что чем скорее они займут большие города, тем лучше, кадры вырастут в ходе борьбы. Рано или поздно, вопрос о продовольствии и сырье для Шанхая все равно встанет. Зато занятие Шанхая серьезно ослабит Чан Кайши, даст пролетарскую основу коммунистам.

II. Мао Цзэдун не придавал необходимого значения пролетарской прослойке в составе компартии, и внимание КПК к городу и рабочему классу было слабее, чем к крестьянству. Эта позиция коренилась в старом времени, когда компартия и армия действовали в горах, далеко от рабочих центров. Времена изменились, а отношение к рабочим осталось прежним.

Из записей бесед видно, например, что Мао Цзэдун «с удовольствием подчеркнул, что компартия пользуется безраздельным влиянием в деревне, там у нее нет конкурентов. В этом коммунистам помог Чан Кайши своей политикой в отношении крестьянства. Другое дело в городах. Здесь, если среди студенчества компартия пользуется сильным влиянием, то в рабочем классе Гоминьдан сильнее компартии. Например, в Шанхае после победы над Японией, когда компартия работала легально, ее влияние распространялось примерно на 200 тыс. рабочих из 500 тыс. рабочих, остальные шли за Гоминьданом».

Заслуживает внимания и такое высказывание Мао Цзэдуна: «Китайские крестьяне сознательнее всех американских рабочих и многих английских рабочих».

III. Руководствуясь указаниями ЦК, я уговаривал Мао Цзэдуна не откладывать образования революционного правительства Китая, создать его быстро на базе коалиции, что будет выгодно. Скажем, сразу после занятия Нанкина или Шанхая объявить о создании нового революционного правительства. Это было бы выгодно и в международном отношении — после этого коммунисты действовали бы уже не как партизаны, а как правительство — и это облегчило бы дальнейшую борьбу с Чан Кайши.

Мао Цзэдун считал, что не следует торопиться с созданием правительства, говорил даже, что им выгоднее жить без правительства. Если, мол, будет правительство, то будет коалиция, значит, и перед другими партиями нужно будет держать ответ за свои дела, что внесет сложность. Пока же они действовали как революционный комитет, независимо от партий, хотя и поддерживали связь с другими партиями. Это, утверждал Мао Цзэдун, помогает очистить страну от контрреволюционных элементов. Он упорствовал в этом деле, доказывал, что правительство надо организовать не сразу после взятия Нанкина (предполагалось в апреле), а лишь в июне или июле. Я же настаивал на том, что лишняя оттяжка образования правительства ослабляет силы революции.

Как известно, правительство было образовано 30 сентября.

IV. О Порт-Артуре. Мао Цзэдун рассказал, что к нему приходила одна женщина — буржуазный общественный деятель и поставила вопрос о том, что когда революционное правительство придет в Китае к власти, то Советскому Союзу уже не будет смысла сохранять военно-морскую базу в Порт-Артуре и что для Китая получить обратно эту базу будет великим делом.

Мао Цзэдун сказал, что, по его мнению, такая постановка вопроса неправильна, эта женщина не понимает политики, что в Китае коммунисты и в Советском Союзе коммунисты, но это не исключает, а вполне допускает, чтобы осталась советская база в Порт-Артуре. Поэтому они, китайские коммунисты, стоят за то, чтобы эта база сохранилась. Американский империализм сидит в Китае для угнетения, а Советский Союз сидит в Порт-Артуре для защиты от японского милитаризма. Когда Китай настолько окрепнет, что будет в состоянии защищаться от японской агрессии, тогда СССР сам не будет нуждаться в базе в Порт-Артуре.

Наш ЦК и Сталин имели иной подход к этому вопросу: не нужно иметь там базу, если правительство в Китае будет коммунистическим. Я изложил китайским товарищам эту позицию. Получив мое сообщение о китайской позиции в этом вопросе, Сталин писал в телеграмме для Мао Цзэдуна 5 февраля 1949 г.:

«...С приходом к власти китайских коммунистов обстановка меняется в корне. У Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор и увести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией и, следовательно, американские войска уйдут из Японии. Однако если Компартия Китая сочтет целесообразным немедленный вывод советских войск из Порт-Артурского района, то Советский Союз будет готов исполнить это пожелание КПК».

Мао Цзэдун настаивал на своем, но видно было, что у него какие-то свои тактические соображения, которые он не раскрывал.

V. О Синьцзяне. Этот вопрос также представляет интерес. У Мао Цзэдуна были подозрения в отношении наших намерений в Синьцзяне. Он говорил о том, что в Илийском округе Синьцзяна существует движение независимости, которое не подчиняется урумчинскому правительству и что там существует коммунистическая партия. Рассказывал, что когда он в 1945 г. встречался с Бай Чунси в Чунцине, тот передал, что в Илийском округе местные повстанцы располагают артиллерией, танками и самолетами советского производства.

Я ему четко заявил, что мы не стоим за движение независимости синьцзянских народностей и, тем более, не имеем никаких притязаний на синьцзянскую территорию, считая, что Синьцзян входит и должен входить в состав Китая.

Мао Цзэдун внес предложение о постройке железной дороги между Китаем и СССР через Синьцзян. Жэнь Биши, в качестве варианта, предложил построить такую дорогу через Монголию. Позже, когда обсуждался этот вопрос в Москве, Сталин высказался за то, чтобы строить дорогу через Монголию, поскольку путь короче и строительство дешевле, а во вторую очередь строить дорогу через Синьцзян.

VI. О Монголии. Мао Цзэдун по своей инициативе спросил, как мы относимся к объединению Внешней и Внутренней Монголии. Я ответил, что мы такое объединение не поддерживаем, так как оно привело бы к потере значительной территории Китая. Мао Цзэдун сказал — он считает, что Внешняя и Внутренняя Монголия могли бы объединиться и войти в состав Китайской Республики. На это я ему заявил, что это невозможно потому, что Монгольская Народная Республика давно пользуется независимостью. После победы над

Японией и китайское государство признало независимость Внешней Монголии. МНР имеет свою армию, свою культуру, быстро идет по пути культурного и хозяйственного развития, она давно поняла вкус независимости и вряд ли когда-нибудь добровольно от независимости откажется. Если она когда-нибудь и объединится с Внутренней Монголией, то в результате наверняка образуется объединенная независимая Монголия. Присутствовавший на беседе Жэнь Биши подал при этом реплику, что во Внутренней Монголии три миллиона населения, а во Внешней Монголии — один миллион. В связи с этой моей информацией Сталин прислал мне телеграмму для ознакомления Мао Цзэдуна, в которой указывалось:

«Руководители Внешней Монголии стоят за объединение всех монгольских районов Китая с Внешней Монголией под знаком независимости объединенного монгольского государства. Советское правительство высказывается против этого плана, так как он означает отрыв от Китая ряда районов, хотя этот план и не угрожает интересам Советского Союза. Мы не думаем, чтобы Внешняя Монголия пошла на отказ от своей независимости в пользу своей автономии в составе Китайского государства, если даже все монгольские районы будут объединены в автономную единицу. Понятно, что решающее слово в этом деле принадлежит самой Внешней Монголии».

По ознакомлению с этой телеграммой Мао Цзэдун сказал, что он принимает ее к сведению и что «они, конечно, не защищают великокитайскую шовинистическую линию и не будут ставить вопрос об объединении Монголии».

VII. О признании будущего революционного правительства другими странами. У Мао Цзэдуна было два варианта на этот счет — первый, чтобы иностранные государства и первым СССР сразу признали новое правительство Китая. Второй вариант, которому Мао Цзэдун явно отдавал предпочтение, заключался в том, чтобы не добиваться немедленного признания нового правительства, а если иностранное правительство заявит о своем желании признать его, то не отвергать, но и согласия пока не давать, продолжая такую тактику примерно в течение одного года. Выгоды второго варианта, говорили китайцы, заключаются в том, что, имея свободные руки, новое правительство легче может нажимать на все иностранное в Китае, не считаясь с протестами иностранных правительств.

Мао Цзэдун все время говорил, что они, ЦК КПК, ждут указаний и руководства от нашего ЦК. Я ему отвечал, что ЦК нашей партии не может вмешиваться в деятельность ЦК Коммунистической партии Китая, не может давать никаких указаний, не может руководить Компартией Китая. Каждая из наших партий самостоятельна, мы можем давать только советы, когда нас об этом попросят, но указаний давать не можем.

Мао Цзэдун упорствовал, заявлял, что ждет указаний и руководства от нашего ЦК, так как у них еще мало опыта, нарочито принижал свою роль, свое значение как руководителя и как теоретика партии, говорил, что он только ученик Сталина, что он не придает значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизм он не внес и проч.

Это, я думаю, восточная манера проявления скромности, но это не соответствует тому, что на деле Мао Цзэдун собой представляет и что он о себе думает.

В подтверждение сказанного выше приведу некоторые выдержки из имевших тогда место бесед с Мао Цзэдуном. Уже во время первой беседы он заявил:

«Прошу учесть, что Китай сильно отстал от России, мы слабые марксисты, делаем много ошибок, и если к нашей работе подходить с меркой России, то окажется, что у нас ничего нет».

Я ответил, что «эти слова, возможно, свидетельствуют о скромности лидеров ЦК КПК, но с ними трудно согласиться. Нельзя 20 лет руководить гражданской войной в Китае, привести ее к такой победе, будучи слабыми марксистами. Что касается ошибок, то они бывают у всех активно действующих партий. И наша партия совершает ошибки, но она твердо держится правила беспощадно вскрывать свои ошибки, чтобы их не повторять и учиться на них. Мао Цзэдун добавил, что ошибки они совершают честно» и исправляют честно, и привел пример. В 1946 г. ЦК КПК совершил ошибку в проведении земельной реформы. Когда стали разбираться, оказалось, что еще в 1933 г. о земельной реформе им было написано совершенно правильно, о чем забыли в 1946 г. Если бы снова в 1946 г. это прочитали, этих ошибок не совершили бы. Они вновь перепечатали в 1946 г. то, что было написано о земельной реформе в 1933 г., и открыто объявили крестьянам об этой своей ошибке, взяв на себя всю ответственность за ошибки, ибо

руководство отвечает за ошибки низовых работников, хотя само руководство этих ошибок не совершило.

Я заметил, что нельзя соглашаться с утверждением Мао Цзэдуна о том, что если подойти к китайской революции с российской меркой, то окажется — ничего нет.

Во-первых, китайская революция представляет из себя великое историческое событие, во-вторых, было бы неправильно применять российскую мерку без учета той конкретной действительности, в которой протекает революция в Китае.

Как бы в подтверждение этого, Мао Цзэдун сказал, что КПК в 1936 г. в советских районах «проявила догматизм, копируя советские методы, что привело тогда к серьезному поражению».

Далее Мао Цзэдун заявил, что «одной из больших задач КПК является марксистское просвещение кадров. Раньше у них считалось, что кадры должны прочесть всю марксистскую литературу. Теперь убедились, что это невозможно, ибо кадры учатся у них, одновременно ведя большую практическую работу. Поэтому они решили обязать свои кадры прочесть двенадцать марксистских произведений. Перечислив эти произведения (Манифест. От утопии к науке. Государство и революция. Вопросы ленинизма и другие), он не назвал ни одного китайского марксистского произведения.

Я тогда спросил Мао Цзэдуна, считает ли он правильным, что в списке 12 книг для партпросвещения кадров КПК нет ни одного произведения лидеров КПК, теоретически освещающего опыт китайской революции.

Мао Цзэдун ответил, что он, как лидер партии, ничего нового не внес в марксизм-ленинизм и не может себя ставить в один ряд с Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Подняв бокал за здоровье товарища Сталина, он подчеркнул, что в основе теперешних побед китайской революции лежит учение Ленина-Сталина и что Сталин не только учитель народов СССР, но и учитель китайского народа и народов всего мира. О себе Мао Цзэдун сказал, что он ученик Сталина и не придает значения своим теоретическим работам, что они только претворяют в жизнь учение марксизма-ленинизма, ничем его не обогащая.

Более того, он лично послал на места строгую телеграмму, запрещающую называть его фамилию вместе с фамилиями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, хотя об этом ему приходится спорить со своими ближайшими товарищами.

Я ответил, что это говорит о скромности Мао Цзэдуна, но с ним нельзя согласиться. Марксизм-ленинизм применяется в Китае не механически, а на основе учета особенностей, конкретных условий Китая. У китайской революции свой путь, дающий ей облик антиимпериалистической революции. Поэтому освещение опыта КПК не может не представлять теоретической ценности, не может не обогатить марксистскую науку. Разве можно отрицать также, что обобщение китайского опыта имеет теоретическую ценность для революционного движения стран Азии. Конечно, нельзя.

Мао Цзэдун заметил, что у них сильное ударение на особенности Китая делали сторонники Ван Мина для борьбы против линии партии.

На это я ответил, что обычно националистические элементы конкретные исторические особенности своих стран используют для того, чтобы свернуть партию на путь буржуазного перерождения, марксисты же учитывают эти особенности, чтобы по марксистски-ленински руководить революцией, с чем не стал спорить Мао Цзэдун.

В моей телеграмме от 5 февраля 1949 г. сообщалось, что в одной из бесед Мао Цзэдун «подчеркнул, что при разработке вопроса о характере китайской революции он основывался на высказываниях товарища Сталина, относящихся к 1927 г., и на его позднейших работах о характере китайской революции.

Мао Цзэдун сказал, что для него особенно ценным оказались указания товарища Сталина о том, что китайская революция является частью мировой революции, а также критика национализма Симича из Югославии.

Мао Цзэдун несколько раз подчеркнул, что он является учеником товарища Сталина и держится просоветской ориентации».

Во время последней беседы, состоявшейся 7 февраля, Мао Цзэдун выразил удовлетворение проведенным обсуждением важнейших вопросов и горячо благодарил Сталина

за заботу о китайской революции.

Когда я прибыл во Владивосток, туда позвонил Поскребышев и по поручению Сталина сообщил, что Политбюро очень довольно проделанной мной работой в Китае. Каждый день на Политбюро зачитывались и обсуждались мои телеграммы. Сталин просил поскорее прибыть в Москву и рассказать обо всем поподробнее.

Приехав в Москву, я действительно узнал, что Сталин и другие члены Политбюро были довольны и считали, что я хорошо выполнил свою миссию.

Прилагаются тексты моих телеграмм из Сибайпо и полученных мной ответов на них из Москвы.

А. Микоян

Печ. по: АП РФ.Ф. 3. Оп. 65. Д. 606. Л. 1—17.

Документ № 5.

Телеграмма И.В. Сталина Мао Цзэду 10 января 1949 г.

Товарищ Мао Цзэдун,

9 января получили от нанкинского правительства ноту с предложением Советскому правительству принять на себя посредничество между нанкинским правительством и Китайской компартией о прекращении войны и заключении мира. Аналогичное предложение одновременно послано правительствам США, Англии и Франции. Ответа от этих трех правительств нанкинское правительство еще не получило. Советское правительство также еще не дало ответа. По всему видно, что предложение правительства продиктовано американцами. Цель этого предложения — объявить нанкинское правительство сторонником прекращения войны и установления мира, а Компартию Китая объявить сторонником продолжения войны, если она прямо откажется от мирных переговоров с нанкинцами.

Мы думаем ответить таким образом: Советское правительство стояло и продолжает стоять за прекращение войны и установление мира в Китае, но раньше чем дать свое согласие на посредничество, оно хотело бы знать, согласна ли другая сторона — Китайская компартия — принять посредничество СССР. Ввиду этого СССР хотел бы, чтобы другая сторона — Китайская компартия — была осведомлена о мирной акции Китайского правительства, и было бы запрошено согласие другой стороны на посредничество СССР. Мы думаем так ответить и просим сообщить, согласны ли Вы на это. Если не согласны, подскажите нам более целесообразный ответ.

Мы думаем также, что Ваш ответ, если Вас попросят, должен быть, примерно, таким:

Китайская компартия всегда высказывалась за мир в Китае, ибо гражданскую войну в Китае начала не она, а нанкинское правительство, которое и должно нести ответственность за последствия войны. Китайская компартия стоит за переговоры с Гоминьданом, однако без участия тех военных преступников, которые развязали гражданскую войну в Китае. Китайская компартия стоит за непосредственные переговоры с Гоминьданом без каких-либо иностранных посредников. Китайская компартия особенно считает невозможным посредничество такой иностранной державы, которая своими вооруженными силами и флотом сама участвует в гражданской войне против китайских Народно-освободительных войск, ибо такая держава не может быть признана нейтральной и объективной в деле ликвидации войны в Китае. Мы думаем, что Ваш ответ должен быть, примерно, таким.

Если Вы не согласны, сообщите нам Ваше мнение.

Что касается Вашей поездки в Москву, то, мы думаем, что ввиду изложенных выше обстоятельств, Вам следовало бы, к сожалению, еще раз отложить Ваш отъезд на некоторое время, ибо Ваша поездка в Москву в этих условиях будет использована врагами для дискредитации китайской компартии, как силы, якобы несамостоятельной и зависимой от Москвы, что, конечно, невыгодно как для компартии Китая, так и для СССР.

Ждем ответа.

Филиппов⁶⁴⁸**Документ №6.****Продолжение предыдущей телеграммы И.В. Сталина Мао Цзэдуну 11 января 1949 г.**

Как видно из сказанного выше, наш проект Вашего ответа на предложение Гоминьдана рассчитан на срыв мирных переговоров. Ясно, что Гоминьдан не пойдет на мирные переговоры без посредничества иностранных держав, особенно без посредничества США. Ясно также, что Гоминьдан не захочет вести переговоры без участия Чан Кайши и других военных преступников. Мы рассчитываем поэтому, что Гоминьдан откажется от мирных переговоров при тех условиях, которые выставляет КПК. В результате получится, что КПК согласна на мирные переговоры, ввиду чего ее нельзя обвинять в желании продолжать гражданскую войну. При этом Гоминьдан окажется виновником срыва мирных переговоров. Таким образом мирный маневр гоминьдановцев и США будет сорван, и Вы можете продолжать победоносную освободительную войну.

Ждем ответа.

Филиппов

Печ. по: АП РФ.Ф. 45. Оп. 1. Д. 330. Л. 95—96, 97—99.

Документ № 7.**Телеграмма Мао Цзэдуна И.В. Сталину 13 января 1949 г.**

Тов. Филиппов, Вашу телеграмму от 10 января я получил.

1. Мы считаем, что правительству СССР в отношении ноты нанкинского правительства с предложением СССР принять посредничество о прекращении гражданской войны в Китае следовало бы ответить следующим образом:

Правительство СССР всегда желало, а также желает видеть мирный, демократический и единый Китай. Однако каким путем достичь мира, демократии и единства Китая, это собственное дело народа Китая. Правительство СССР, основываясь на принципе невмешательства во внутренние дела других стран, считает неприемлемым участие в посредничестве между обеими сторонами в гражданской войне в Китае.

2. Мы полагаем, что США, Англия и Франция, особенно США, хотя крайне и желают принять участие в посредничестве о прекращении войны в Китае и тем самым достичь цели — сохранения власти Гоминьдана, но правительства этих государств, особенно правительство США, уже потеряли авторитет среди китайского народа, а наряду с этим победы НОА во всей стране и гибель власти Гоминьдана уже стало делом, стоящим перед глазами, — желают ли они продолжать стоять на стороне помощи нанкинскому правительству и тем самым продолжать обижать НОА, как будто тоже является вопросом.

Только СССР имеет крайне высокий авторитет среди народа Китая, поэтому если СССР в ответе на ноту нанкинского правительства займет такую позицию, как было изложено в Вашей телеграмме от 10 января, то это приведет к тому, что США, Англия и Франция могут считать, что участие в посредничестве является должным, и приведет к тому, что Гоминьдан получит повод для оскорбления нас как воинственно настроенных элементов.

А широкие народные массы, которые недовольны Гоминьданом и питают свои надежды на скорую победу НОА, будут в отчаянии.

Поэтому, если СССР, исходя из интересов всех международных отношений, в ответе на ноту может занять позицию, предлагаемую нами, то мы весьма хотели бы, чтобы Вы одобрили наши предложения. Если Вы так поступите, то окажете нам огромную помощь.

3. Можно ли позволить лицам из нанкинского правительства, включая военных

⁶⁴⁸ Здесь и далее Филиппов — псевдоним И.В. Сталина в переписке с Мао Цзэдуном.

преступников, войти в переговоры с нами о мире, об этом еще следует подумать. Сейчас мы склонны занимать такую позицию: для того, чтобы народ Китая быстрее получил настоящий мир, требуется безусловная капитуляция нанкинского правительства.

Войну начало нанкинское правительство, оно совершило огромное преступление, ему уже не доверяет народ страны. Для быстрого окончания войны и установления мира, нанкинское правительство должно передать власть народу. У него нет никаких оснований задерживаться.

Мы считаем, что если сейчас вести переговоры о мире с Чжан Чжичжуном, Шао Лицзы и тому подобными лицами и от имени этих лиц вместе с нами создать коалиционное правительство, то это как раз и является желанием правительства США.

А это принесет народу Китая, демократическим партиям и народным организациям, частям НОА и даже в среду КПК большую смуту и принесет большой ущерб занятой нами сейчас позиции, по которой вся правота за нами.

Начиная с июля 1947 г. мы уже осторожно и длительное время уделяем внимание обманчивости переговоров, которые неизбежно будут вести правительства США и Гоминьдана в случае военного поражения последнего, а также на степень влияния, которое оказывает этот обман на народ Китая.

Мы были глубоко озабочены тем, что этот обман окажет большое влияние на народ, и приведет к тому, что мы будем вынуждены еще раз сделать политический обход, то есть не отклонять переговоры о мире с Гоминьданом. Мы замедляем создание коалиционного правительства. Основной причиной этого является именно то, чтобы американцы и гоминьдановцы выложили все свои козыри, а свои козыри мы выложим в самый последний момент.

Недавно мы опубликовали список военных преступников, 43 человека, это было сделано неофициально (заявление авторитетного лица). НОА еще не издала приказ об аресте этих военных преступников.

1 января Чан Кайши внес предложение о мире. На это мы тоже ответили неофициально (обзорная статья журналиста).

Словом, мы оставили ряд мест для поворота, чтобы посмотреть, как реагирует китайский народ и международная общественность на обман мирных переговоров Гоминьданом.

Но сейчас мы склонны к тому, чтобы со всей правотой отклонить мирный обман Гоминьдана, так как сейчас, исходя из того, что соотношение классовых сил в Китае уже имеет коренное изменение и международная общественность тоже не в пользу нанкинского правительства, НОА летом сего года уже может перейти реку Янцзы и наступать на Нанкин.

Как будто нам не потребуется предпринимать еще раз обходной политический маневр. В настоящей обстановке от проведения еще раз такого обходного маневра больше вреда, чем пользы.

4. Благодарю Вас за то, что Вы по такому важному вопросу запрашиваете наше мнение. Если Вы не согласны с изложенным выше моим мнением или если будете вносить изменения, прошу сообщить их мне.

Мао Цзэдун

12 января 1949 г.

Печ. по: АП РФ.Ф. 45. Оп. 1. Д. 330. Л. 100—103.

Документ №8.

Телеграмма И.В. Сталина Мао Цзэдуну 14 января 1949 г.

Товарищу Мао Цзэдуну.

Вашу большую телеграмму о нанкинском мирном предложении получили.

1. Конечно, было бы лучше, если бы мирного предложения нанкинского правительства не существовало, если бы не существовало всего этого мирного маневра США. Ясно, что этот маневр не желателен, так как он может причинить нашему общему делу неприятности. Но, к сожалению, маневр этот существует, он является фактом, и мы не можем закрывать глаза на этот факт, обязаны считаться с ним.

2. Несомненно, что мирное предложение нанкинцев и США является проявлением политики обмана. Во-первых, потому, что нанкинцы на самом деле не хотят мира с компартией, ибо мир с компартией означал бы отказ Гоминьдана от своей основной политики ликвидации компартии и ее войск, а этот отказ повел бы к политической смерти гоминьдановских руководителей и к полному развалу гоминьдановских войск. Во-вторых, потому, что они знают, что компартия не пойдет на мир с Гоминьданом, так как она не может отказаться от своей основной политики ликвидации Гоминьдана и его войск.

Чего же хотят нанкинцы в конце концов? Они хотят не мира с компартией, а перемирия с ней, временного прекращения военных действий, чтобы использовать перемирие как передышку, привести в порядок гоминьдановские войска, укрепить южный берег Янцзы, подвезти вооружение из США, накопить силы и потом сорвать перемирие и ударить по народно-освободительным войскам, взвалив вину за срыв переговоров на компартию. Минимум, чего они хотят, — это помешать компартии добить гоминьдановские войска.

В этом основа нынешней политики обмана, проводимой нанкинцами и США.

3. Как можно ответить на такой маневр нанкинцев и США? Возможны два ответа. Первый ответ: прямо и неприкрыто отклонить мирные предложения нанкинцев и тем самым провозгласить необходимость продолжения гражданской войны. Но что это будет означать? Это значит, во-первых, что вы выложили на стол свой главный козырь и отдаете в руки гоминьдановцев такое важное оружие, как знамя мира. Это значит, во-вторых, что вы помогаете вашим врагам в Китае и вне Китая третировать компартию как сторонницу продолжения гражданской войны и хвалить Гоминьдан как защитника мира. Это значит, в-третьих, что вы даете возможность США обработать общественное мнение Европы и Америки в таком направлении, что с компартией мир невозможен, так как она не хочет мира, что единственное средство добиться мира в Китае — организовать вооруженную интервенцию держав, вроде той интервенции, которая проводилась в России в течение четырех лет с 1918 по 1921 гг.

Мы думаем, что прямой и неприкрытый ответ хорош, когда имеешь дело с честными людьми, а если приходится иметь дело с политическими жуликами, вроде нанкинцев, то прямой и неприкрытый ответ может стать опасным.

Но возможен и другой ответ. А именно: а) признать желательным установление мира в Китае; б) переговоры между сторонами вести без иностранных посредников, ибо Китай является независимой страной и не нуждается в иностранных посредниках; в) переговоры вести между компартией и Гоминьданом как партией, а не с нанкинским правительством, являющимся виновником гражданской войны и потерявшим ввиду этого доверие народа; г) как только стороны придут к соглашению по вопросам мира и руководства Китаем, военные действия прекращаются.

Может ли Гоминьдан принять эти условия? Мы думаем, что не может. Но если Гоминьдан не примет этих условий, народ поймет, что виновником продолжения гражданской войны является Гоминьдан, а не компартия. Знамя мира в этом случае остается в руках компартии. Это обстоятельство важно особенно теперь, когда в Китае появилось множество людей, уставших от гражданской войны и готовых поддержать сторонников установления мира.

Но допустим невероятное и предположим, что Гоминьдан принял эти условия. Каковы должны быть планы действий компартии?

Нужно будет, во-первых, не прекращать военных действий, создать коалиционные центральные правительственные органы с таким расчетом, чтобы в Консультативном Совете примерно три пятых мест, а в правительстве две третьих портфелей оставалось у коммунистов, а остальные места и портфели распределить между другими демократическими партиями и Гоминьданом.

Нужно, во-вторых, чтобы посты премьера, главкома и, по возможности, президента остались за коммунистами.

Нужно, в-третьих, чтобы Консультативный Совет объявил созданное таким образом коалиционное правительство единственным правительством Китая, а всякое другое правительство, претендующее на роль правительства Китая, объявить мятежной и самозваной группой, подлежащей упразднению.

Нужно, наконец, чтобы коалиционное правительство издало приказ как вашим войскам,

так и войскам Гоминьдана о том, чтобы войска приняли присягу на верность коалиционному правительству, а также о том, что немедленно прекращаются военные действия против тех войск, которые присягнули, и будут продолжаться военные действия против тех войск, которые отказались принять присягу.

Едва ли гоминьдановцы пойдут на эти мероприятия, но если они не пойдут, тем хуже для них, ибо они будут окончательно изолированы, а эти мероприятия будут проведены и без гоминьдановцев.

4. Так мы понимаем дело, и таковы наши советы вам. Возможно, что в предыдущей телеграмме мы не вполне ясно изложили наши советы.

Мы просим вас рассматривать наши советы именно как советы, которые ни к чему вас не обязывают и которые можете принять или отклонить. Можете быть уверены, что отклонение наших советов не повлияет на наши отношения, и мы останемся такими же вашими друзьями, какими были всегда.

5. Что касается нашего ответа на предложение нанкинцев о посредничестве, наш ответ будет составлен в духе ваших пожеланий.

6. Мы все же настаиваем, чтобы вы отложили временно вашу поездку в Москву, так как ваше пребывание в Китае очень необходимо в настоящее время. Если хотите, мы можем немедленно послать к вам ответственного члена Политбюро в Харбин или в другое место для переговоров по интересующим вас вопросам.

Филиппов

14 января 1949 г.

Печ. по: АП РФ.Ф. 45. Оп. I. Д. 330. Л. 110—113.

Документ №9.

Отказ СССР от посреднической миссии в Китае (Ответ Советского правительства на меморандум нанкинского правительства, опубликованный в газете «Известия») 18 января 1949 г.

8 января Министерство иностранных дел Китая направило в посольство СССР в Китае меморандум, содержащий просьбу Китайского правительства к Советскому правительству выступить посредником в мирных переговорах между Китайским правительством и Китайской коммунистической партией. Как было сообщено советскому послу, Китайское правительство обратилось с таким же предложением к правительствам Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции.

17 января заместитель министра иностранных дел СССР тов. Вышинский А.Я. принял посла Китая в СССР г. Фу Бинчана и передал ему ответ Советского правительства, в котором указывается, что Советское правительство, неизменно придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других стран, не считает целесообразным принять на себя посредничество, о котором говорится в указанном меморандуме.

В ответе Советского правительства отмечается, что восстановление единства Китая, как демократического и миролюбивого государства, является делом самого китайского народа и что это единство могло бы быть достигнуто скорее всего путем непосредственных переговоров сторон, без иностранного вмешательства, внутренними силами Китая.

Печ. по: Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М., 1959. С. 209.

Приложение №3.

Советско-югославские отношения

Документ №1.

Запись беседы генералиссимуса И.В. Сталина с маршалом Тито от 27 мая 1946 г.

Секретно. 23.00

Присутствовали: со стороны СССР — В.М. Молотов, посол СССР в Югославии А.И. Лаврентьев; со стороны Югославии — Министр внутренних дел А. Ранкович, Начальник Генерального Штаба генерал-лейтенант К. Попович, Председатель Совета Министров Сербии Нешкович, Председатель Совета Министров Словении Кидрич, Посол Югославии в СССР В. Попович.

В начале беседы тов. Сталин спросил Тито, что в случае если для Триеста будет установлен статут вольного города, то будет ли идти речь только о городе или об окрестностях города, какой статут лучше — по типу Мемеля или по типу Данцига.

Тито ответил, что в окрестностях города живут словенцы. Может идти речь только о городе. Но он хотел бы и дальше настаивать на включении Триеста в состав Югославии. Далее Тито от имени Югославского Правительства выразил благодарность тов. В.М. Молотову за поддержку, оказанную Советской делегацией при рассмотрении вопроса об итало-югославской границе в Совете Министров иностранных дел в Париже.

Тов. Молотов дал справку о различии статутов Мемеля и Данцига, указав, что статут мемельского типа более благоприятен.

Тов. Сталин спросил Тито, каково положение в промышленности и в сельском хозяйстве Югославии.

Тито ответил, что все земли засеяны, ожидается средний урожай, и что промышленность работает хорошо.

Затем тов. Сталин предложил Тито изложить круг вопросов, по которым югославская делегация хотела бы говорить в этот вечер.

Тито назвал следующие вопросы: экономическое сотрудничество между СССР и Югославией, военное сотрудничество, отношения Югославии с Албанией.

По вопросу об экономическом сотрудничестве Тито сказал, что если бы Америка согласилась на предоставление займа, то это было бы связано с требованиями политических уступок со стороны Югославии, Югославия не имеет средств для дальнейшего развития промышленности. Югославское правительство хотело бы получить помощь от Советского Союза, в частности — через создание смешанных советско-югославских обществ. Югославия имеет достаточно минеральных и рудных богатств, но она не в состоянии организовать производство, ибо нет нужных машин. В частности, в Югославии имеется нефть, но нет бурильных станков.

Тов. Сталин сказал: «Поможем».

На вопросы тов. Сталина, производятся ли в Югославии алюминий, медь и свинец, Тито ответил утвердительно, заметив, что в «Югославии для производства этих металлов имеется много бокситов и руд».

Тов. Сталин заметил, что Министерство Внешней Торговли заявляло югославам о своей готовности вести переговоры об организации смешанных обществ, но от югославов не было получено определенного ответа. Поэтому создалось такое впечатление, что Югославия не хочет создавать эти общества.

Тито возразил, заявив, что он, наоборот, неоднократно говорил послу Садчикову о желании югославского правительства создать смешанные советско-югославские общества.

На замечание тов. Сталина, что после создания смешанных советско-югославских обществ не придется ли допустить в экономику Югославии и другие державы, Тито ответил, что югославское правительство не намерено допускать в свою экономику капитал других держав.

Затем, в качестве резюме, тов. Сталин сказал, что, таким образом, советско-югославское экономическое сотрудничество мыслится на базе создания смешанных обществ.

Тито подтвердил это, заявив, что он на следующий день намерен представить в письменном виде свои предложения по этому вопросу.

По вопросу о военном сотрудничестве Тито сказал, что югославское правительство хотело бы получать поставки из Советского Союза для военных нужд Югославии не в порядке торговых взаиморасчетов, а в порядке кредита. Югославия имеет небольшую военную промышленность, она может производить минометы, мины. В ряде мест имеются кадры. Но нет

соответствующего оборудования, поскольку немцы вывезли его. Югославское правительство хочет получить некоторые машины из Германии в счет репараций для восстановления некоторых военных заводов. Но все же военные потребности Югославия сама удовлетворить не может, и в этом отношении югославское правительство надеется на помощь Советского Союза.

Тов. Сталин сказал, что Югославия должна иметь некоторые военные заводы, например авиационные, ибо югославы могут производить алюминий при наличии богатых залежей бокситов. Также нужно иметь заводы по производству артиллерийских орудий.

Тито заметил, что можно было бы отливать стволы для пушек в Советском Союзе, а обрабатывать их в Югославии.

Коснувшись вопроса о югославской морской границе, тов. Сталин сказал, что для охраны ее нужно иметь хороший флот. Нужны торпедные катера, сторожевые и бронекатера. Хотя Советский Союз и слаб в этой области, но, как сказал тов. Сталин, — поможем.

Относительно Албании тов. Сталин указал на то, что внутривнутриполитическая обстановка в Албании неясна. Имеются сведения, говорящие о том, что там что-то происходит между Политбюро компартии и Энвером Ходжа. Поступило сообщение, что Коче Дзодзе желает приехать в Москву для рассмотрения некоторых вопросов. Перед съездом партии Энвер Ходжа также выразил желание приехать в Москву вместе с Дзодзе.

Тов. Сталин спросил Тито, известно ли ему что-либо о состоянии компартии в Албании.

Тито, оказавшись неосведомленным в этих вопросах, ответил, что в ближайшее время предполагается приезд в Белград Ходжи.

Поэтому он, Тито, полагает, что следует ответить албанцам, что вопрос о приезде Дзодзе и Ходжа в Москву будет рассмотрен после поездки Ходжа в Белград.

Тов. Молотов заметил, что мы сдерживали стремление албанцев приехать в Москву, но албанцы настаивают на этом.

Тов. Сталин указал, что приезд албанцев в Москву может вызвать неблагоприятную реакцию со стороны англичан и американцев и это дополнительно осложнит внешнеполитическое положение Албании.

Далее тов. Сталин спросил Тито, согласен ли Энвер Ходжа с тем, чтобы включить Албанию в состав федеративной Югославии. Тито ответил утвердительно.

Тов. Сталин сказал, что в данное время будет тяжело для Югославии решать одновременно два таких вопроса, как вопрос о включении Албании в состав Югославии и вопрос о Триесте. Тито с этим замечанием согласился.

Поэтому, заметил далее тов. Сталин, сначала следовало бы обсудить вопрос о дружбе и взаимопомощи между Албанией и Югославией.

Тито сказал, что в основной части этот договор должен предусмотреть защиту территориальной целостности и национальной независимости Албании.

Тов. Сталин сказал, что нужно найти формулу этого договора и поближе подвести Албанию к Югославии.

Тов. Сталин коснулся вопроса о включении Болгарии в Федерацию.

Тито сказал, что с Федерацией ничего не выйдет. Тов. Сталин бросил реплику: «Это нужно сделать».

Тито заявил, что не выйдет с федерацией потому, что на деле существуют два различных режима. Кроме того, в Болгарии сильно влияние других партий, в то время как в Югославии вся власть, при наличии других партий, фактически находится в руках коммунистической партии.

Тов. Сталин заметил, что этого бояться не нужно. На первых порах можно ограничиться пактом о дружбе и взаимной помощи, а по существу делать нужно больше.

Тито с этим согласился.

Тов. Молотов заметил, что в данный момент могут возникнуть трудности в связи с тем, что с Болгарией еще не заключен мирный договор. Болгария рассматривается как прежняя вражеская держава.

Тов. Сталин указал, что это не должно иметь существенного значения. Известно, что Советский Союз заключил договор о дружбе с Польшей, когда Польша не была еще признана другими державами.

Далее тов. Сталин резюмировал беседу так: то, чего хочет югославское правительство по

экономическим вопросам и по военным делам, можно устроить. Сейчас нужно создать комиссии для рассмотрения этих вопросов.

Тито информировал тов. Сталина об отношениях Югославии с Венгрией, сообщив о приезде в Белград Ракоши. Тито заявил, что югославское правительство решило не ставить вопрос в Совете Министров о территориальных требованиях Югославии к Венгрии (требования на Баньский треугольник). Тито выразил удовлетворение тем, что Югославия подписала с Венгрией соглашение о репарационных платежах.

Тов. Сталин заметил, что если Венгрия хочет мирных отношений с Югославией, то Югославия должна поддерживать эти стремления; имея в виду, что основные трудности для Югославии имеются в отношениях с Грецией и Италией.

Записал Лаврентьев.

Печ. по: АП РФ.Ф. 45. Оп. 1.Д. 397.Л. 107—110.

Приложение №4. О событиях в Венгрии

Документ №1.

Информация председателя КГБ СССР в ЦК КПСС об архивных материалах о деятельности венгерского руководителя Имре Надя

(На документе имеются пометы: «Согласен. М. Горбачев»; «Вопрос рассмотрен на заседании Политбюро ЦК 19.06.89. Принято решение согласиться. Сообщить о согласии. В. Болдин»; «О согласии сообщено в КГБ СССР».)

Поступающие данные показывают, что развернутая оппозиционными силами в Венгрии кампания в связи с бывшим главой венгерского правительства в период событий 1956 г. Имре Надем направлена на дискредитацию всего пути, пройденного ВСРП, подрыв авторитета партии и ее нынешнего руководства, разжигания недружественных Советскому Союзу настроений среди населения страны.

Оппозиционные организации требуют полной юридической и политической реабилитации Надя. Создается ореол мученика и бесребреника, исключительно честного и принципиального человека. Особый акцент во всей шумихе вокруг имени Надя делается на то, что он был «последовательным борцом со сталинизмом», «сторонником демократии и коренного обновления социализма». В целом ряде публикаций венгерской прессы прямо дается понять, что в результате нажима Советского Союза Надь был обвинен в контрреволюционной деятельности, приговорен к смерти и казнен. Поднимая на щит имя Надя, оппозиция стремится сделать из него своего рода символ «борьбы за демократию и прогресс, подлинную независимость Венгрии».

В руководстве ВСРП нет единой точки зрения на вопрос, как далеко следует идти с реабилитацией Надя. И. Пожгаи, М. Сюреш, И. Хорват, решая прежде всего задачи усиления своего влияния в партии и обществе, подчас откровенно подыгрывают оппозиции в воспевании заслуг и достоинств Надя. К. Грос, Р. Ньерш, М. Яшшо и другие, выступая за его юридическую реабилитацию, в то же время считают, что развязанная кампания безудержного восхваления Надя бьет прежде всего по ВСРП, советско-венгерским отношениям. Резко критически относятся к ней и многие венгерские коммунисты среднего и особенно старшего поколения. Среди них распространяется основанное на рассказах некоторых ветеранов партии мнение, что поведение Надя в 20—30-х годах в Венгрии и СССР не было столь безупречно, как это внушает венгерскому населению находящаяся под контролем оппозиции пресса.

В ходе работы в Комитете госбезопасности СССР над архивными материалами, относящимися к репрессиям в Советском Союзе во второй половине 30-х — начале 50-х годов, обнаружены документы, которые проливают свет на ранее неизвестные стороны деятельности в нашей стране Надя.

Как следует из указанных документов, эмигрировав в 1929 г. в СССР, Надь с самого

начала инициативно искал контакт с органами госбезопасности и в 1933 г. добровольно стал агентом (секретным осведомителем) Главного управления госбезопасности НКВД. Работал под псевдонимом «Володя». Он активно использовался для сбора сведений о попавших по тем или иным причинам в поле зрения НКВД венгерских и других политэмигрантах, а также гражданах СССР. Имеется документ, свидетельствующий, что в 1939 г. Надь предложил НКВД для «разработки» 38 венгерских политэмигрантов, в том числе Ф. Мюнниха. В другом списке он называет 150 знакомых ему венгров, болгар, русских, немцев, итальянцев, с которыми в случае необходимости он мог бы «работать».

По донесениям Надя — «Володи» было осуждено несколько групп политэмигрантов, состоявших из членов венгерской, германской и других компартий. Все они обвинялись в «антисоветской», «террористической», «контрреволюционной» деятельности (дела «Аграрники», «Неисправимые», «Агония обреченных» и другие). В одном из документов (июнь 1940 г.) указывается, что Надь «дал материалы» на 15 арестованных «врагов народа», работавших в Международном аграрном институте, Коминтерне, Всесоюзном радиокомитете. Деятельность «Володи» привела к аресту известного ученого Е. Варги, целого ряда деятелей компартии Венгрии (Б. Варга-Ваго, Г. Фаркаш, Э. Нейман, Ф. Габор и другие). Часть из них была расстреляна, часть приговорена к различным срокам заключения и ссылки. Многие в 1954—1963 гг. были реабилитированы.

Из имеющихся архивных материалов не следует, что Надь сотрудничал с НКВД по принуждению. Более того, в документах прямо указывается, что «Володя» проявляет большую заинтересованность и инициативу в работе, является квалифицированным агентом».

Учитывая развернутую в Венгрии пропагандистскую кампанию, ее характер и направленность, полагали бы целесообразным сообщить об имеющихся у нас документах Генеральному секретарю ВСРП К. Гросу и посоветоваться об их возможном использовании.

Председатель Комитета В. КРЮЧКОВ

Печ. по: Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». 1993, № 1. С. 71—72.

Документ №2.

Расписка Имре Надя о сотрудничестве с ОГПУ

Обязательство

Я, нижеподписавшийся, сотрудник Отдела ОГПУ (фамилия) Надь (имя) Имре (отчество) Иосифович, состоя на службе или будучи уволенным, настоящим обязуюсь (хранить) в строжайшем секрете все сведения и данные о работе ОГПУ (...) органов, ни под каким видом их не разглашать и не делиться (...) даже со своими ближайшими родственниками и друзьями.

Неисполнение настоящего грозит мне ответственностью (по) 121 ст. Уг. Код.

Приказ ОГПУ от 3 апреля 1923 г. № 133 и пр. РВС СССР (от) 19/VII — 27 г. № 372 мне объявлены.

Подпись Надь Имре

«4» сентября 1930 г.

Печ. по: Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». 1993, № 1. С. 72.

Документ №3.

Доклад Особой комиссии ООН по расследованию венгерских событий (главы 48—79) Осень 1957 г.

Состоявшийся в начале 1956 г. XX съезд КПСС оказал ободряющее влияние на формировавшееся внутри Венгерской партии трудящихся (ВПТ) движение, выступавшее за демократизацию, большую национальную самостоятельность и ослабление полицейского контроля. В марте 1956 г. Ракоши объявил, что, как было констатировано Верховным судом, Райк и другие были приговорены к смертной казни по «сфабрикованным обвинениям». Это

официальное признание совершенных режимом преступлений произвело на страну сильное впечатление. В июле Ракоши был смещен, а в начале октября при большом стечении народа состоялось торжественное перезахоронение останков Ласло Райка и других жертв сфабрикованных процессов 1949 г. Преемником Ракоши стал первый секретарь ЦК партии Эрне Герё. После падения Ракоши венгерский народ ждал смягчения режима. С памятью о лучших временах связывалось имя бывшего премьер-министра Имре Надья, во время деятельности которого в 1953—1955 гг. несколько ослаб введенный Ракоши контроль. За это Надь подвергся критике как правый уклонист, и хотя к суду его не привлекли, но исключили из партии и сместили со всех занимаемых им официальных постов. Для многих венгерских коммунистов его имя ассоциировалось с более либеральной политикой, поэтому они хотели его возвращения в общественную жизнь.

Несколько венгерских писателей еще осенью 1955 г. подняли свои голоса против господства приказной партийной системы. Их статьи в основном касались тезиса об обязательной партийности литературы, а также вмешательства партийных идеологов и функционеров в творческую деятельность писателей и художников. И хотя несколько писателей было арестовано, такого рода протесты начали охватывать все более широкие сферы, высказывались и другие обиды венгерского народа. Созданный летом 1956 г. Круг Петефи стал новым дискуссионным форумом, где нередко звучала критика в адрес режима. Круг действовал под эгидой Союза трудовой молодежи, поэтому большинство участников дискуссий были молодыми представителями коммунистической интеллигенции.

19 октября министр образования Альберт Коня объявил об изменениях, которые отвечали требованиям, выдвинутым венгерским студенчеством. Он, в частности, дал обещание отменить обязательное изучение русского языка в школах. За этим объявлением последовали студенческие демонстрации в Сегеде и в других городах, где их участники обсудили и приняли еще более далеко идущие требования. 19 октября поступили также сообщения о том, что Польша добилась значительной независимости от Советского Союза. Между двумя народами веками складывалась традиционная дружба.

Хотя по официальной версии советские войска были призваны на рассвете с 23 на 24 октября из-за возникших беспорядков, некоторые факты указывают на то, что советские власти уже начиная с 20—22 октября начали подготовку к вводу вооруженных сил в Венгрию. 20 и 21 октября близ Захони на венгеро-советской границе были наведены понтонные мосты. 20 и 21 октября на прилегающих к венгерской границе румынских территориях были призваны к месту службы находившиеся в отпусках советские офицеры, а также говорившие по-венгерски офицеры запаса. 22 октября на дорогах Западной Венгрии видели расположенные там советские войска, двигавшиеся в сторону Будапешта.

Митинги и демонстрации

За день до массовых выступлений, то есть 22 октября, в Будапеште прошли студенческие митинги. На самом значительном из них, состоявшемся в Политехническом университете, студенты приняли программу требований из 16 пунктов, в которой сформулировали свои взгляды на политику страны. Значительная часть этих пунктов почти не претерпела никаких изменений в ходе восстания: немедленный вывод советских войск, создание нового правительства во главе с Имре Надем (которого тем временем снова приняли в коммунистическую партию), свободные выборы, свобода слова, восстановление в правах политических партий и целый ряд глубоких изменений в положении рабочего класса и крестьянства. В ходе митинга поступили сообщения о том, что Венгерский союз писателей готовится к тому, чтобы выразить свою солидарность с Польшей и на следующий день собирается возложить венок к памятнику герою освободительной войны 1848—1849 гг., генералу Бему, поляку по происхождению. Студенты приняли решение участвовать в этой молчаливой демонстрации.

К раннему утру следующего дня уже весь Будапешт знал о выдвинутых студентами требованиях. Свидетели рассказывают о накаленной и исполненной надежд атмосфере. Будапештское радио передало сообщение о планирующейся демонстрации, но затем передало

указ министра внутренних дел, в котором он запретил эту демонстрацию. Однако в ранние послеобеденные часы, когда демонстрация уже началась, запрет был снят. В демонстрации приняли участие тысячи юношей и девушек, среди которых были студенты, заводские рабочие, солдаты в форме и другие. Такая же демонстрация состоялась и возле памятника Петефи.

У памятника Бему председатель Венгерского союза писателей Петер Вереш зачитал перед собравшейся толпой манифест, были зачитаны также и требования студентов, сформулированные в 16 пунктах. Большая часть собравшихся после этого переправилась через Дунай, чтобы присоединиться к участникам демонстрации перед Парламентом, где к 6 часам вечера собралось 200—300 тысяч человек. В ответ на многократные призывы, раздававшиеся из толпы, бывший премьер-министр Имре Надь появился на балконе Парламента и обратился к присутствовавшим с короткой речью.

Первые выстрелы

До этого момента все указывало на то, что демонстрация закончится тем, что собравшиеся мирно разойдутся. Однако в 8 часов вечера произошло событие, до предела накалившее страсти. Первый секретарь ЦК партии Эрне Герё утром того дня возвратился из Югославии, где находился с визитом у маршала Тито, и люди с напряженным интересом ожидали его речи по радио, объявленной на вечер того же дня. Все надеялись, что Герё с пониманием отнесется к выдвинутым студентами требованиям и сделает в связи с этим примиряющее заявление. Однако эта речь по радио не содержала ничего похожего на уступки, а тон ее вызвал у людей справедливый гнев. На другом конце города собравшиеся демонстранты приступили к выполнению одного из требований студентов, к сносу огромной статуи Сталина. Вечером к 9.30 они свалили статую и дали волю своему недовольству, вызванному пресловутой речью по радио.

Еще 22 октября вечером несколько студентов, желая довести до сведения всего венгерского народа свои требования, сделали попытку зачитать по радио свои 16 пунктов. Однако цензурное ведомство не согласилось пропустить в эфир пункты с требованием вывода советских войск и проведения свободных выборов, студенты же отказались обнародовать заявление в неполном виде. На другой день, 23 октября, несколько студентов от памятника Бему прошли к зданию Радио, чтобы еще раз попытаться передать свои требования в эфир. К тому времени вокруг здания уже собралась большая толпа, которую охраняла полиция госбезопасности (АВХ). Делегацию студентов пропустили в здание для ведения переговоров с директором. Толпа перед зданием напрасно ждала возвращения делегации, и прошел слух о том, что одного из делегатов убили. Вскоре после 9 часов вечера из окна на первом этаже выбросили гранаты со слезоточивым газом, а через одну-две минуты сотрудники госбезопасности (АВХ) открыли огонь по толпе. Много было убитых и раненых. Если вообще возможно выделить момент, когда мирная демонстрация переходит в бурное столкновение, то таким поворотным пунктом стало выступление и до того непопулярных, вызывавших ужас в народе сил госбезопасности против беззащитных людей. Гнев народа лишь усилился, когда появились белые с красными крестами машины «скорой помощи». Вместо врачей из машин выскочили одетые в белые халаты сотрудники все той же госбезопасности. Разъяренная толпа набросилась на них и отобрала у них первое свое оружие. На помощь АВХ были направлены к месту происшествия части венгерской армии, но солдаты после минутного колебания стали на сторону толпы.

Тем временем трудящиеся Чепеля, Уйпешта и других рабочих районов по телефонному сообщению узнали о событиях. Они нашли несколько грузовиков и прибыли на них в центр Будапешта. По пути им удалось достать оружие у дружески настроенных солдат и полицейских, а также в известных им казармах и арсеналах. Примерно с 11 часов вечера здание Радио обстреливалось стрелковым оружием, а примерно в полночь Радио объявило, что «в ряде пунктов города произошли столкновения». На рассвете 24 октября демонстранты заняли здание Радио, но их быстро вытеснили оттуда. Из здания редакции газеты коммунистической партии «Сабад неп» сотрудники госбезопасности и полицейские открыли огонь по безоружным демонстрантам. Позже, однако, доставшие оружие повстанцы прорвали оборону гэбистов и

заняли помещения редакции.

В то время как вокруг здания Радио шел бой, около 2 часов ночи на 24 октября в Будапеште появились первые советские танки, которые почти тут же приступили к действиям. До 9 часов утра никакого официального сообщения о советском вмешательстве не было дано.

Вооруженное восстание

Будапештское Радио, прежде чем упомянуть о советских войсках, в 8 часов 13 минут утра объявило о том, что на ночном заседании ЦК Венгерской партии трудящихся премьер-министром был назначен Имре Надь. Спустя полчаса Радио сообщило об учреждении военно-полевых судов, указ о котором, по словам диктора, подписал «председатель Совета министров Имре Надь». Только после этого в 9 часов было объявлено, что правительство «обратилось за помощью к расположенным в Венгрии советским частям». Никакой информации не было передано о том, в какой форме была сделана эта предполагаемая просьба о помощи. Хотя Радио весьма искусно освещало события, наводя на мысль о том, что ответственность за происходящее несет Имре Надь, многие подозревали здесь мошенничество, так как помнили об отношении премьер-министра к произволу и незаконным мерам и о его борьбе за смягчение режима. Да и вообще за день до этого Имре Надь еще не занимал никакого официального поста. Всем было ясно, что, если бы действительно он обратился за помощью, советские части из Цегледа и Секешфехервара не могли бы прибыть в Будапешт в 2 часа на рассвете 24 октября.

Первые выстрелы, прозвучавшие у здания Радио, ознаменовали собой начало той жестокой пятидневной битвы, которую народ Будапешта вел с советскими танками и силами венгерской госбезопасности. Полиция симпатизировала восставшим, передавала им оружие и сражалась на их стороне. Отдельные части венгерской армии организовано перешли на сторону восставших, но сама армия с начала восстания развалилась. При малейшей возможности солдаты отдавали свое оружие и боеприпасы сражавшимся соотечественникам и во многих случаях по одному или группами переходили на их сторону. Однако офицеры высокого ранга в основном были настроены просоветски, и повстанцы им не доверяли. Но не известно ни одного случая, когда бы венгерские части воевали на советской стороне против соотечественников.

Повстанцы — в большинстве своем рабочие и частично студенты — как правило, сражались небольшими группами, но некоторые создали такие центры сопротивления, как например, кинотеатр «Корвин». Наиболее употребительным оружием против советских танков был так называемый «Коктейль Молотова» — неплотно заткнутая бутылка с бензином, которая взрывалась от удара о танк. Такие созданные экспромтом доморощенные методы оказались очень эффективными в борьбе с советскими танками, которые с трудом могли маневрировать, особенно в узких улочках, и водители не могли соперничать в подвижности с молодыми боевиками, часто детьми. Действенность советских танковых сил снижало и то, что поддержка пехоты и снабжение продовольствием в равной мере были неудовлетворительны. По свидетельству очевидцев, русские солдаты неохотно выполняли поставленную перед ними задачу. Те, кто уже и до этого находился в Венгрии, зачастую поддерживали дружеские связи с местным населением, многие венгры говорили с ними по-русски. Кое-где они прямо братались с венграми.

Революционные и рабочие советы

Большая часть имевшихся в распоряжении советских войск была направлена в Будапешт, так что в провинции было сравнительно мало боев, там в первые дни восстания власть из рук коммунистической бюрократии перешла в руки новых революционных и рабочих советов. В большинстве случаев эти советы взяли власть без сопротивления, хотя местами были и столкновения. Эти спонтанно образованные советы представляли оппозицию приказным методам бывшего режима. Революционные советы выполняли различные функции местных властей. Революционные советы или комитеты образовались в армии, в министерствах и среди

представителей различных свободных профессий, а также в таких учреждениях, как, к примеру, Радио и Венгерское телеграфное агентство (МТИ). Члены этих советов, как правило, избирались на собраниях той или иной организации, коллектива и были призваны работать над созданием действительно демократического правящего строя. Советы сформулировали различные политические и экономические требования, такие, к примеру, как отвод советских войск, свободные и тайные выборы, полная свобода мнений и упразднение однопартийной системы. Среди этих органов наиболее влиятельным был, пожалуй, Задунайский национальный совет, который представлял народ Западной Венгрии. Через Дьерскую радиостанцию этот совет требовал, чтобы Венгрия вышла из Варшавского Договора и объявила о своем нейтралитете. В случае, если его требования не будут выполнены, совет планировал создание своего независимого правительства.

Рабочие советы, сформировавшиеся на некоторых заводах, шахтах, промышленных предприятиях и т.п., также выдвигали политические требования и пользовались значительным влиянием. Но насущной их целью было дать рабочим возможность принимать участие в управлении предприятиями и осуществлять представительство их интересов. Они отменили такие непопулярные правила, как обязательная для каждого рабочего «норма» выработки. Появление по всей стране революционных и рабочих советов было одной из наиболее характерных особенностей этого восстания. Это было первым практическим шагом к восстановлению порядка и экономической реорганизации, социалистической, но без строгого партийного контроля и полицейской машины.

Политические события

25 октября произошел тяжелый инцидент, вызвавший в народе глубокую горечь и снизивший популярность Имре Надья, чья роль в призыве советских войск оставалась невыясненной. Охранявшие Парламент и канцелярию председателя Совета министров советские танки при поддержке АВХ открыли огонь по безоружным демонстрантам. Эта кровавая баня со многими убитыми потрясла нацию. Венгерский народ не знал, что, в то время как советские танки стреляли в безоружную толпу, Имре Надья держали под арестом в здании коммунистической партии.

В тот же день повстанцев ободрило известие о том, что первым секретарем ЦК партии вместо Эрне Герё стал Янош Кадар. На другой день Эрне Герё бежал под защиту советских танков, а позже в Советский Союз. Бывший премьер-министр, заместитель председателя Совета министров Андраш Хегедюш также сбежал из здания компартии.

Имре Надь теперь мог свободно водвориться в здании Парламента. 27 октября он сформировал правительство, в которое вошли как коммунисты, так и некоммунисты. Среди последних были бывший глава государства Золтан Тилди, бывший генеральный секретарь Независимой партии мелких хозяев (НПМХ) Бела Ковач и Ференц Эрдеи из Национальной крестьянской партии. Правда, некоммунисты были выбраны на основе их личных заслуг, а не как представители своей партии, кроме того, в правительство снова вошло и несколько «сталинистов».

После того как Герё и Хегедюш скрылись, ЦК ВПТ объявил, что правительство начнет переговоры о немедленном отзыве советских войск. 28 октября правительство Имре Надья объявило о прекращении огня. Приостановка боев была благоприятна в основном для повстанцев. И не только потому, что они успешно применяли партизанские методы боя, но и потому, что крупные повстанческие формирования с успехом противостояли советским танкам в таких укрепленных центрах, каким был проулок Корвин. В казарме им. Килиана неизменно успешно отбивали повторявшиеся атаки части венгерской армии под командованием полковника Пала Малетера, которого вывели против повстанцев, но он перешел на их сторону.

Имре Надь проясняет позицию

В тот же день, когда правительство Надья объявило о прекращении огня, премьер-министр заявил, что после восстановления порядка распустит АВХ. Однако гнев

народа был таким всеобщим и глубоким, что Надью уже на другой день, 29 октября, пришлось издать указ об этом. Он и сам только теперь освободился в первый раз из цепких лап АВХ, работавшего по указке коммунистического партийного руководства. Эта мера неизбежно влекла за собой крах режима; за который в Венгрии только АВХ было готово бороться. 30 октября Имре Надь объявил, что правительство упразднило «однопартийную систему». От имени коммунистов выступил Янош Кадар, все еще остававшийся первым секретарем ЦК ВПГ. Он поддержал эту меру, которая, по его словам, поможет «избежать дальнейшего кровопролития». Бывший руководитель Независимой партии мелких хозяев Золтан Тилди заявил, что по всей Венгрии будут проведены свободные выборы. Представители Независимой партии мелких хозяев и Национальной крестьянской партии вместе получили в правительстве столько же мест, сколько и коммунисты. Одно место было оставлено представителю социал-демократов.

Как только АВХ было распущено, Надь почувствовал, что теперь может свободно объяснить свое поведение 24 октября и в последующие дни. Лично или через своих представителей он сделал в прессе и на Радио ряд заявлений. В важнейшем заявлении говорилось, что Надь не подписывал никакого указа, в котором просил бы вмешательства советских войск, отмежевался он и от указа о военно-полевых судах. Он отметил также, что и задним числом не одобрил обращения к советским войскам. Выяснение этих вопросов, а также принятые Надьем политические решения рассеяли сомнения народа касательно отношения Имре Надя к восстанию и вскоре сделали его снова очень популярным.

Хотя прекращение огня было объявлено еще 28 октября, то там, то здесь продолжали вспыхивать изолированные бои. Когда, однако, новое правительство 30 октября заняло место в своей канцелярии, перемирие вступило в полную силу. В тот же день советские войска начали отступление из Будапешта. Все надеялись на то, что переговоры, ведущиеся об их полном удалении с территории Венгрии, вскоре приведут к желаемому результату. Многочисленные революционные органы, новые политические партии и вновь оживающие газеты безоговорочно поддерживали усилия правительства, направленные на преодоление беспорядков. По словам многих заслуживающих доверия свидетелей, нигде не было грабежей, хотя многие витрины были разбиты, но ценные товары, даже драгоценности, лежали нетронутыми, несмотря на то, что за ними достаточно было протянуть руку. Вследствие артобстрела сотни домов в Будапеште превратились в развалины, а многие тысячи были серьезно повреждены, хотя были районы, которые почти не пострадали.

В дни после объявления перемирия и вплоть до 4 ноября население Будапешта начало разбор развалин, восстановление порядка и нормальных условий жизни. Все пришли к согласию с 5 ноября вновь приступить к работе. Роспуск АВХ, возобновившееся доверие к личности Имре Надя, а также победная борьба повстанцев — все это вместе создало такую добрую, исполненную надежд атмосферу, которая на всех наблюдателей произвела глубокое впечатление. 2 ноября правительство призвало бывших работников госбезопасности явиться к властям для направления в проверочные комиссии. На следующий день и в самом деле большое число гэбистов обратилось в прокуратуры. В то же время были освобождены арестованные и подвергавшиеся пыткам политические заключенные. Из обретших таким образом свободу политических заключенных самым уважаемым, встреченным с наибольшим ликованием был кардинал Миндсенти, который вернулся в Будапешт и обратился по Радио к венгерской нации. Похоже, что, когда были открыты тюрьмы, освободились и уголовные преступники. В начале ноября повстанцы настояли на том, чтобы при сохранении своего первоначального статуса влиться в Национальную гвардию, кроме членов которой, а также кроме армии и полиции, никто не получил права ношения оружия.

3 ноября было сформировано новое правительство. Ряд коммунистов удалили с занимаемых постов, некоторых сместили собственные подчиненные, работники тех или иных министерств. По три министерских портфеля получили коммунисты, члены НПМХ и социал-демократы, партия Петефи получила два министерских портфеля. Эти коалиционные партии были теми же, которые в 1945 г. получили одобрение Союзнической контрольной комиссии, в том числе и Советского Союза. Имре Надь стал, таким образом, главой временного правительства. Народ считал его «добрым венгром», которому можно доверить и организацию

требуемых революционными и рабочими советами всеобщих свободных выборов, и ведение переговоров с советским руководством о выводе советских войск из страны и об установлении новых связей с Советским Союзом. Один из облеченных наибольшим доверием руководителей революции Пал Малетер уже в генеральском звании стал министром обороны. Различные ведущие политики делали успокоительные заявления касательно будущего политического курса. Член Национальной крестьянской партии, государственный министр Ференц Фаркаш заявил, что четыре партии, согласно воле народа, единодушно поддерживают сохранение всех тех социалистических завоеваний, которые совместимы со свободным демократическим и социалистическим строем. Они недвусмысленно высказались о том, что осуждение поверженного строя, выразившееся в восстании, не касается коллективной собственности сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Крестьянские партии не во всем соглашались с социал-демократами, но и они твердо выступали против восстановления крупных поместий, как и против насильственно проведенной коммунистическим режимом коллективизации и введенной обязательной продразверстки.

Коммунистическая партия и сама признала, что ей необходимо коренным образом пересмотреть свои методы, если она хочет вернуть доверие своих разочарованных сторонников. 1 ноября вечером в 9.50 Янош Кадар зачитал по будапештскому радио сообщение Подготовительной комиссии о том, какой будет реформированная Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП). Он сказал и о восстании, в котором «коммунистические писатели, журналисты, студенты, молодые члены круга Петефи, тысячи рабочих и крестьян вместе со старыми коммунистами, несправедливо брошенными в тюрьмы, плечом к плечу сражались против ракошистского произвола и преступной до мозга костей политики». Новая партия, сказал он, будет защищать дело демократии и социализма, «не рабски копируя зарубежные образцы, а идя по пути, который соответствует историческим и экономическим особенностям нашей страны...». Кадар призвал «вновь образованные демократические партии» укрепить правительство «во избежание опасности» вмешательства извне. Венгерский народ доказал свою непреклонность в стремлении поддержать усилия правительства, направленные на полный вывод советских войск. «Мы больше не хотим ни от кого зависеть, не хотим, чтобы наша страна стала полем сражений».

Декларация о нейтралитете

1 ноября утром Имре Надь лично взял на себя ведение иностранных дел. Он пригласил к себе советского посла и сообщил ему, что, по имеющимся у него достоверным сведениям, в Венгрию вторглись новые советские военные части. Он обратил внимание посла на то, что эта акция означает нарушение Варшавского Договора, и венгерское правительство выйдет из этой организации, если из страны не будут выведены войсковые подкрепления. Позже в течение того же дня советский посол заявил, что советские части перешли границу только для того, чтобы сменить части, принимавшие участие в боях и защищавшие советских гражданских лиц. Он сообщил, что советское правительство готово к переговорам о частичном выводе войск и предложил назначить по две делегации с каждой стороны, одну для обсуждения политических, а другую для обсуждения технических вопросов, связанных с выводом войск. В 2 часа пополудни Имре Надь позвонил советскому послу и сообщил ему, что за прошедшие три часа границу перешли новые советские части. Вследствие этого Венгрия незамедлительно выходит из Варшавского Договора. В 4 часа пополудни Совет министров, в заседании которого принял участие и Янош Кадар, единогласно принял это постановление, и на том же заседании была принята Декларация о нейтралитете Венгрии. В 5 часов вечера Совет министров пригласил к себе советского посла и проинформировал его о вышеуказанных постановлениях. Венгерское правительство проинформировало об этом и руководителей аккредитованных в Будапеште дипломатических представительств, сообщив им также, что Имре Надь обратился к Организации Объединенных Наций с посланием, в котором просил помощи четырех великих держав для защиты венгерского нейтралитета. Вечером в 19 часов 45 минут Имре Надь обратился по радио к венгерскому народу с речью, в которой огласил Декларацию о нейтралитете. Свое выступление он завершил следующими словами:

«Призываем наших соседей, как ближние, так и дальние страны, уважать неизменное решение венгерского народа. Несомненно, что наш народ так един в этом решении, как, пожалуй, никогда еще в течение всей своей истории. Миллионы венгерских трудящихся! Храните и укрепляйте с революционной решимостью, самоотверженным трудом и восстановлением порядка свободную, независимую, демократическую и нейтральную Венгрию».

Новое вмешательство советских войск

В то время как поступали сообщения о концентрации советских танковых сил, переговоры о выводе советских войск из Венгрии продолжали вестись. Во второй половине дня 3 ноября казалось, что соглашение уже близко и осталось решить только несколько второстепенных вопросов. Венгерскую делегацию, состоявшую из министра обороны генерала Пала Малетера, государственного министра Ференца Эрдеи, начальника генштаба генерала Ковача и полковника Сюча, пригласили для решения этих второстепенных вопросов прибыть к 10 часам вечера в ставку советского военного командования в селе Текел близ Будапешта. Члены венгерской делегации приняли участие в торжественном ужине, устроенном для них советскими военными представителями. Была уже почти полночь, когда прием был прерван прибытием шефа советской госбезопасности генерала Серова, который в сопровождении офицеров НКВД вошел в зал и приказал арестовать венгерскую делегацию.

Когда связь между правительством Надья и Малетером была прервана, в здании Парламента воцарилось сильное беспокойство. В течение ночи в Парламенте постоянно раздавались телефонные звонки, извещавшие о том, что положение продолжает ухудшаться. Из промышленных районов в окрестностях Будапешта и различных революционных советов из провинции поступали сообщения о происходившем в боевом порядке движении советских войск. Революционные органы просили срочной помощи для того, чтобы иметь возможность оказать вооруженное сопротивление. По подсчетам, 3 ноября в Венгрии было сосредоточено примерно 2500 советских танков и 1000 бронетранспортеров. Все стратегические центры, аэродромы, железные и шоссейные дороги находились под советским контролем. Однако Имре Надь дал четкое указание не стрелять в советские войска, потому что еще надеялся, что переговоры о выводе войск могут быть закончены успешно. Этот приказ был отменен только тогда, когда прошел слух, что Кадар сформировал другое правительство. Надь созвал Совет министров, который принял решение оказать вооруженное сопротивление советским войскам. Утром в 5 часов 20 минут Имре Надь выступил по будапештскому радио и объявил, что советские войска напали на столицу «с явным намерением свергнуть законное демократическое правительство Венгрии». Он сообщил, что правительство на своем месте и венгерские войска вступили в бой. По главным магистралям на подступах к Будапешту действительно шли бои. Несмотря на превосходящие силы советских войск, построенные венгерскими бойцами хлипкие баррикады все же препятствовали их продвижению. Венгерская армия плечом к плечу с Национальной гвардией и оснащенными в основном легким стрелковым оружием группами повстанцев сражались против рвущихся вперед танков. Вскоре после 8 часов утра будапештское радио последний раз вышло в эфир, и перед прекращением передачи обратилось к писателям и ученым мира с призывом помочь венгерскому народу. Но тогда уже советские танковые части прорвали оборону Будапешта и заняли мосты через Дунай, Парламент и телефонную станцию.

Янош Кадар формирует правительство

В 5 часов 15 минут утра, почти одновременно с сообщением Имре Надья о втором советском вмешательстве, другая радиостанция объявила о том, что Янош Кадар сформировал правительство. Это сообщение было составлено в форме открытого письма, которое подписали Кадар и три других бывших члена правительства Имре Надья. Они заявляли, что 1 ноября вышли из правительства Имре Надья, потому что это правительство было неспособно бороться «с контрреволюционной опасностью». Для подавления «фашизма и реакции» они

сформировали Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство. В 6 часов утра на тех же волнах можно было услышать голос Кадара, который объявил состав своего правительства. Он утверждал, что реакционные элементы хотели свергнуть социалистический общественный строй в Венгрии и восстановить господство помещиков и капиталистов. Новое правительство, сказал Янош Кадар, обратилось к советским войскам с просьбой помочь подавить «реакционные силы».

Кадар не объяснил, почему он изменил свою позицию с ночи 1 ноября, когда по радио высказался в поддержку Имре Надья. Нет никаких свидетельств того, что он отмежевался от политики Имре Надья или отказался от поста в его правительстве. Известно, что после своего выступления по радио ночью 1 ноября он пошел в советское посольство, но на следующий день присутствовал на переговорах с делегатами революционных советов. Мраком неизвестности покрыты обстоятельства формирования его правительства, а также то, где он и его министры находились в то время. Есть свидетели, утверждающие, что в начале ноября Кадар был в Москве и что ни он, ни его министры не показывались на публике до своей инаугурации 7 ноября. Власть в Венгрии осуществляло Советское военное командование. Этот орган отдал приказ венгерскому народу есть оружие, он направлял движение по шоссе дорогам, руководил раздачей продовольствия и решением дел, входящих в компетенцию гражданских властей. Ничто не указывает на то, чтобы какая-либо венгерская группа выступала против мероприятий Имре Надья, которые в большинстве случаев были направлены на осуществление раздававшихся с начала восстания требований революционных и рабочих советов. Все указывает на то, что одни только советские войска вели бои с венграми. За исключением нескольких бывших гэбистов и горстки бывших партийных функционеров, ни поодиночке, ни в организованном порядке ни один венгр не сражался на стороне русских. Введенные в Венгрию в ходе второго вмешательства советские части прибыли в основном из дальних округов Средней Азии. Многие солдаты думали, что находятся в Египте и их привезли сражаться с англо-французскими «империалистами». Похоже, что советские власти почли за лучшее положиться на такие части, которые никогда не были в контакте с европейцами и на которых, как предполагалось, не повлияет поведение венгерского народа.

После того как советские войска заняли Будапешт, в основных точках города вспыхнули местные очаги сопротивления. Жестокие бои продолжались вплоть до вечера вторника, 6 ноября; к этому времени у большинства венгерских бойцов кончились боеприпасы. Несколько очагов сопротивления внутри города продержались до 8 ноября, а в окраинных промышленных районах бои продолжались до 11 ноября. Советские войска причинили немало разрушений и погубили немало человеческой жизни, потому что часто направляли артиллерийский огонь на стоящие вдоль улиц дома. Во время второго советского вмешательства самые ожесточенные бои развернулись в рабочих пригородах Будапешта, в том числе в Чепеле и в Уйпеште. Чепельские рабочие проигнорировали повторный советский призыв сдать оружие и сопротивлялись до вечера 9 ноября, хотя их со всех сторон подвергли артиллерийскому обстрелу, а также бомбардировали с воздуха. В ранее переименованном в Сталинварош селе Дунапентеле, ставшем значительным промышленным центром, рабочие проявили не меньшую решимость в борьбе с советскими войсками. 7 ноября в ходе сражения, продолжавшегося целый день, рабочие отразили нападение крупных танковых частей, механизированной артиллерии и самолетов-истребителей, направленное на них с трех сторон. Очевидцы рассказывают о том, какое полное единство наблюдалось между заводскими рабочими, офицерами и рядовым составом гарнизона, невзирая на политические и религиозные расхождения. Одни только бывшие члены АВХ отвергли политику революционного совета.

Похищение Имре Надья

Когда советские вооруженные силы свергли правительство Имре Надья, власть взяли русские командиры, а не правительство Кадара. Судьба Надья и его ближайшего окружения быстро обнаружила, что венгерское правительство зависит полностью от советских властей. В 6 часов утра 4 ноября Имре Надь покинул здание Парламента и попросил убежища в югославском посольстве. Позже в течение дня к нему присоединился ряд венгерских ведущих

деятелей, в том числе и вдова Ласло Райка, 15 женщин и 17 детей. Югославское правительство провело в ноябре переговоры с Кадаром, в ходе которых попросило Кадара поручиться в письменном виде за то, что Имре Надь и сопровождающие его лица могут свободно вернуться домой, а если это невозможно, позволить им выехать в Югославию. Кадар пытался побудить Имре Надя искать убежища в Румынии, однако Надь отверг эту идею. Имре Надь посчитал неприемлемыми и другие пожелания правительства Кадара, а именно: отказаться от занимаемого им в правительстве поста, подвергнуть себя самокритике и благоприятно отзываться о правительстве Кадара. В конце концов югославское правительство обратилось письменно к Кадару, подтверждая, что согласится отпустить Имре Надя и его окружение только в том случае, если Кадар как венгерский премьер-министр в письменном виде даст гарантии их свободного и беспрепятственного возвращения домой. Кадар в своем письменном ответе подтвердил, что венгерское правительство не собирается принимать против Имре Надя и членов его группы репрессивных мер за их деятельность в прошлом.

На следующий день, 22 ноября, в 6 часов 30 минут вечера перед югославским посольством остановился автобус, который должен был доставить домой членов группы. Появились советские солдаты, настоявшие на том, чтобы тоже сесть в автобус, после чего югославский посол попросил, чтобы два работника посольства также заняли в нем места с целью проследить, действительно ли Имре Надь и его товарищи благополучно доставлены домой. Автобус направился напрямик в ставку советского командования, где советский подполковник попросил двух сотрудников югославского посольства удалиться. После этого автобус в сопровождении двух советских танков отбыл в неизвестном направлении.

Югославское правительство в устной ноте осудило венгерские действия как «явное нарушение предварительного соглашения». В ноте отмечалось, что Имре Надь и его товарищи отказались поехать в Румынию, в ней подчеркивалось также, что действия венгерской стороны свидетельствуют о полном пренебрежении общепринятой практикой, соответствующей нормам международного права. Несмотря на этот протест, правительство Яноша Кадара опубликовало сообщение, согласно которому Надь с несколькими коллегами, скрывавшимися в югославском посольстве, по собственной просьбе были выдворены в Румынию в соответствии с их прежним решением удалиться на территорию другой социалистической страны.

Советская военная оккупация

Вмешательство советского военного командования после соглашения правительства Кадара с югославским посольством показывает, насколько Янош Кадар был подчинен советским военным силам. Поставив Венгрию на колени путем военного вмешательства, советским властям пришлось самим взять в свои руки административное управление страной, так как после свержения поддерживавшегося народом правительства административная система полностью оказалась парализованной. У приведенного к власти Советским Союзом правительства Кадара не было сторонников в стране, кроме нескольких бывших гэбистов и высокопоставленных офицеров венгерской армии, а также горстки коммунистических партийных функционеров, которых во время восстания сместили с занимаемых постов. После того, как массированным наступлением было подавлено вооруженное сопротивление венгерского народа, советским властям пришлось столкнуться с его пассивным сопротивлением. В этом отношении особенно отличились рабочие, принимавшие также участие в большинстве боев. В промышленных и шахтерских районах рабочие твердо настаивали на своих требованиях.

Столкнувшись с сопротивлением целой нации, советское военное руководство обратилось к массовым арестам. Среди арестованных было много таких, кто не принимал участия в боях. Во многих случаях арестованных не передавали венгерским властям, а, посадив их в поезда и грузовики, под военной охраной депортировали в Советский Союз. Случалось, что, опасаясь сопротивления венгерских железнодорожников, поезда отправляли с чисто русским обслуживающим персоналом. У нас нет точных данных о числе депортированных венгерских граждан, но несомненно речь идет о тысячах. В январе 1957 г. кое-кого из них доставили обратно в Венгрию, но похоже, что значительное число их и позже не имело возможности на

возвращение домой из Советского Союза.

Желая завоевать поддержку народа, Кадар объявил, что в своей правительственной политике осуществит различные требования, выдвинутые во время восстания, а именно: повышение уровня жизни рабочего класса, руководство заводами посредством рабочих советов и освобождение крестьян от обязательной безвозмездной сдачи государству части урожая. Однако эти обещания не удовлетворили население, которое продолжало настойчиво требовать вывода советских войск, проведения свободных выборов и возвращения Имре Надья. С 23 октября в промышленном производстве царил полнейший хаос, а после 4 ноября положение еще более усугубилось, так как рабочие отказывались приступить к работе, пока не будут выполнены их требования.

Как и в период пребывания Имре Надья на посту премьер-министра, требования рабочих передавались правительству Кадара через рабочие советы, Советы вовсе не считали переговоры удовлетворительными. 14 ноября рабочие советы предприятий, желая создать единый фронт, учредили Рабочий совет Большого Будапешта. До своего роспуска, последовавшего 9 декабря, совет стремился прийти к соглашению с правительством Яноша Кадара. Из поведения правительства, однако, ясно было видно, что оно не собирается выполнять требования рабочих. Тем временем для обеспечения контроля над всей страной была организована новая служба безопасности, в которую вошли многие бывшие агенты АВХ. Путем арестов членов рабочих советов и выдвижения на ключевые посты надежных членов партии власть советов постепенно была подорвана. Когда Рабочий совет Большого Будапешта объявил на 11—12 декабря 48-часовую забастовку, правительство издало указ о роспуске советов выше уровня предприятий и обладающих большей сферой полномочий. Кроме того, были изданы постановления, предусматривавшие смертную казнь за целый ряд провинностей, в том числе и за участие в забастовке.

Венгерские промышленные предприятия примерно на два месяца совершенно прекратили работу. Электростанции поставляли минимальное количество электроэнергии, потому что угольные шахты работали в замедленном темпе. Однако венгерские рабочие не могли до бесконечности использовать оружие пассивного сопротивления. Около середины декабря насущная необходимость заставила их снова приняться за работу. На заводах и шахтах их ждал сюрприз — советские солдаты.

Последние события

С целью укрепления власти правительства Кадара над венгерским народом было создано учреждение для контроля над прессой — Государственное управление по делам информации. Для начала «независимые» ежедневные газеты постепенно вынудили следовать официальной линии. 9 декабря был распущен Революционный совет представителей интеллигенции, а 21 апреля такая же участь постигла и Союз писателей, заклеивший советское вмешательство в Венгрии как «историческую ошибку». Прекратил свое существование и Круг Петефи, таким образом, были упразднены все форумы, на которых венгры могли высказать свое мнение. Больше не осталось надежды на формирование коалиционного правительства, хотя в ходе переговоров с Кадаром основные демократические партии ясно дали понять, что принимают сохранение общественной собственности на средства производства и согласны «защищать завоевания социализма». С начала 1957 г. некоммунистические организации полностью исключили из общественной жизни. Официально было заявлено, что социал-демократическая партия не получит разрешения на свою деятельность, руководителей Независимой партии мелких хозяев (НПМХ) удалили из общественной жизни, партию Петефи фактически распустили. Мандат венгерского Госсобрания, который истекал 17 мая 1957 г., продлили еще на два года, внося поправку в конституцию и тем самым лишив венгерский народ возможности воспользоваться основным своим политическим правом — участвовать в управлении страной по своему усмотрению через своих избранных представителей.

Резюме и выводы

Согласно поручению, полученному от Генеральной Ассамблеи, в задачи особой комиссии входило проведение исчерпывающего и объективного расследования всех аспектов советского (вооруженного и осуществлявшегося другими методами) вмешательства в Венгрии, а также того, как это вмешательство влияло на формирование и развитие положения в стране. Выполняя эту задачу, комиссия изучила обширнейший документальный материал, который частично был предоставлен в ее распоряжение различными правительствами, частично поступил из других источников. Помимо этого, путем опроса свидетелей, представлявших все слои венгерского общества, комиссия получила подробные свидетельские показания, тексты которых составили 1000 страниц. Генеральная Ассамблея ООН считала, что расследования должны быть проведены и в самой Венгрии, но позиция, занятая венгерским правительством, сделала это невозможным. Комиссия в нижеследующих 13 пунктах сформулировала важнейшие факты, касающиеся венгерского восстания:

(I) В Венгрии произошло спонтанное национальное восстание, которое было вызвано старыми обидами, в том числе и подчиненным по отношению к Советскому Союзу положением страны.

(II) Восстанием руководили студенты, рабочие, солдаты и интеллигенция, многие из которых были коммунистами или бывшими коммунистами. Восставшие подчеркивали, что основой венгерской политической структуры должен быть демократический социализм, а также собирались оставить в неприкосновенности земельную реформу и другие социалистические завоевания. Не соответствует истине утверждение, что будто к мятежу подстрекали венгерские реакционные круги или то, что восставшие опирались на западные «империалистические» силы.

(III) Восстание не было запланировано заранее и, в сущности, удивило даже самих участников. Оно совпало с теми событиями, в ходе которых Польше удалось добиться большей независимости от Советского Союза, а также с тем разочарованием, которое вызвала речь Эрне Герё, произнесенная им 23 октября по возвращении из Югославии. Многие ожидали, что в ней будет высказано доброе отношение к общим требованиям, выдвинутым венгерским студенчеством 22 октября.

(IV) Похоже, что советские власти начали готовиться к возможному вооруженному вмешательству 20 октября. Доказано, что с указанного дня проводились или планировались перемещения войск и уже при первом вмешательстве мобилизовали и войска, не располагавшиеся на территории Венгрии. В Венгрии еще и до 23 октября наблюдались признаки оппозиционных настроений.

(V) Демонстрации 23 октября сначала носили совершенно мирный характер: ничто не указывало на то, что кто-то из демонстрантов собирается применить насилие. Перелом в событиях последовал после того, как сотрудники венгерской госбезопасности (АВХ) открыли огонь по безоружной толпе, собравшейся перед зданием Радио, а также введения советских солдат в качестве враждебной силы.

(VI) Имре Надь подчеркнул, что он не просил советские войска о вмешательстве; комиссия не располагает данными о том, при каких обстоятельствах такая просьба была получена советскими властями, а также не смогла установить, была ли вообще такая просьба направлена. То же относится и к призыву Я ноша Кадара, в котором он от имени своего правительства якобы попросил советские войска о втором вмешательстве. Существует, однако, много доказательств того, что советские вооруженные силы с последних дней октября вели подготовку к вторжению.

(VII) Имре Надь в самом начале не мог свободно пользоваться властью, данной ему постом премьер-министра. Когда ослабело влияние АВХ, подлинная власть перешла в руки революционных и рабочих советов. Имре Надь, видя, что его соотечественники единодушно желают иной формы правления и настаивают на выводе советских войск, встал на сторону восставших.

(VIII) За несколько дней, прошедших под знаком свободы, народный характер восстания отразился в свободной прессе и в передачах свободного радио, а также в радостном ликовании населения.

(IX) Жертвами линчевания и избиений, совершенных толпой, почти во всех случаях были

сотрудники АВХ или лица, о которых ходили слухи, что они сотрудничают с АВХ.

(X) Мероприятия, проведенные за этот период рабочими советами, были призваны осуществить на национализированных предприятиях настоящий рабочий контроль и упразднить непопулярные установления, например, систему производственных норм. В то же самое время велись переговоры о полном выводе советских войск, и в Будапеште жизнь уже начинала входить в привычное русло.

(XI) В противовес вышеописанному периоду, в ходе которого требования были направлены на восстановление политических прав, правительства, работавшие до 23 октября и особенно до 1955 года, серьезно попирали основные права венгерского народа, и попрание этих прав снова стоит на повестке дня после 4 ноября. Следует считать достоверными многочисленные свидетельства о жестоких пытках и издевательствах в АВХ. Руководствуясь стремлением подавить венгерскую революцию, многих венгров депортировали в Советский Союз, в том числе и женщин, многие из них, возможно, не вернулись и до сих пор.

(XII) Со второго советского вмешательства, начавшегося 4 ноября, нет никаких признаков того, что народ поддерживает правительство Кадара. Янош Кадар методично упразднил власть рабочих. Были проведены жестокие репрессии, а выборы отложили на два года. В нынешних условиях Янош Кадар отказался вести переговоры о выводе советских войск. Из страны бежало 190 тысяч венгров, среди них почти никто не откликнулся на обращенный к ним призыв и мало кто возвратился на родину.

(XIII) Организация Объединенных Наций располагает достаточным юридическим основанием для того, чтобы рассмотреть венгерский вопрос, и 7 абзац 2 параграфа Устава не может служить правовым основанием для отказа от расследования. Вторжение одной державы с большими силами на территорию другой державы с намерением вмешаться в ее внутренние дела (сам Советский Союз определил так понятие агрессии) закономерно дает повод для международной обеспокоенности.

Печ. по: Доклад особой комиссии ООН // Мост. Трибуна европейского сотрудничества. 1992, № 1—2. С. 22—29.

Приложение №5.

Советско-американские отношения в период Карибского кризиса

Документ № 1.

Военно-политическая обстановка в мире с 5 по 16 ноября 1962 г.

ЦК КПСС

Секретно

Докладываю обстановку и положение войск за период с 5 по 16 ноября 1962 года.

1. Войска НАТО в Европе продолжают находиться в повышенной боевой готовности, изменений в дислокации войск нет.

С 11 по 13 ноября в районе Бремен, Ольденбург, Мюнстер (ФРГ) проводилось учение частей ФРГ под условным наименованием «Марафон». В учении участвовало свыше 15 000 человек личного состава, до 250 танков и до 3000 автомашин.

Группировка стратегической авиации США без изменений.

На передовых авиабазах США находилось ежедневно до 216 стратегических бомбардировщиков, в том числе: в Европейской зоне — до 178 самолетов Б-47; в Дальневосточной зоне — до 36 самолетов Б-47 и два самолета Б-52.

По операции «Хромированный купол» отмечались ежедневные полеты до 74 стратегических бомбардировщиков Б-52.

Разведывательные полеты одиночных самолетов отмечались над нейтральными водами Балтийского, Черного и Японского морей, вдоль государственных границ ГДР и ЧССР, а также вдоль советско-турецкой и советско-иранской границ.

Атомные подводные лодки-ракетоносцы США в Европе 16.11 находились: 5 — на боевом патрулировании в Норвежском море, 2 — в базе Холи-Лох и 1 — в базе Чарлстон (США).

II. Обстановка на Кубе.

Военно-морские силы США продолжают блокаду Кубы. В зоне Карибского моря количество боевых кораблей США 5 ноября было равно 97, затем 10 ноября увеличилось до 153, а к 16 ноября уменьшилось до 1.11 кораблей, в их числе 102 корабля США и 9 кораблей Венесуэлы, Аргентины и Доминиканской Республики.

За последнее время резко увеличилось количество нарушений воздушного пространства Кубы американскими самолетами. За период с 6 по 15 ноября с. г. было отмечено 121 нарушение.

15 ноября с. г. Фидель Кастро направил письмо исполняющему обязанности секретаря ООН У. Тану и предупредил, что впредь самолеты-нарушители США будут сбиваться кубинскими средствами.

17.11 Отдано распоряжение тов. Павлову о запрещении открывать огонь по американским самолетам-нарушителям советскими средствами, даже если на этот счет будет приказ Фиделя Кастро.

16.11 Полетов американских самолетов над территорией Кубы не отмечалось.

Кубинские войска находятся в постоянной, а Группа советских войск на Кубе — в повышенной боевой готовности.

6 ноября командование кубинской армии приняло решение о демобилизации личного состава, призванного после 22 октября. К 8 ноября демобилизовано 51 000 человек из 148 000 призванных.

12 советских транспортов, убывших из портов Кубы в период с 5 по 10 ноября с личным составом, ракетами и техникой ракетных частей, продолжают движение в порты Советского Союза.

III. Обстановка в ГДР и Берлине спокойная. {...}

IV. По Вооруженным Силам СССР.

Ракетные войска стратегического назначения, Войска ПВО страны, дальняя авиация, флоты, группы советских войск за границей, приграничные военные округа и войска стран-участниц Варшавского Договора продолжают находиться в повышенной боевой готовности.

17 ноября 1962 года

Р. Малиновский

М. Захаров

Документ № 2.

Военно-политическая обстановка в мире с 17 по 23 ноября 1962 г.

ЦК КПСС

Секретно

Докладаваю обстановку и положение войск за периоде 17 по 23 ноября 1962 года.

I. В войсках НАТО 21 ноября с. г. состояние особой боевой готовности было отменено. Изменений в дислокации войск не отмечалось.

В районе южнее Гамбург (Люнебургская пустошь) началось учение АК (ФРГ).

Группировка стратегической авиации США. На передних авиабазах США находилось ежедневно до 220 стратегических бомбардировщиков, в том числе: в Европейской зоне — до 182 самолетов Б-47; в Дальневосточной зоне — до 36 самолетов Б-47 и 2 самолета Б-52.

По операции «Хромированный купол» до 21 ноября отмечались ежедневные полеты 72—74 стратегических бомбардировщиков Б-52, а с 22 ноября их количество уменьшилось до обычного и 23—24.11 составляло 12 самолетов.

Разведывательные полеты одиночных самолетов отмечались над нейтральными водами Балтийского, Черного и Японского морей, вдоль государственных границ ГДР и ЧССР, а также вдоль советско-турецкой и советско-иранской границ.

Атомные подводные лодки-ракетоносцы США 24.11 находились: 5 — на боевом

патрулировании в Норвежском море, 3 — на базе Холи-Лох (Великобритания).

II. Обстановка на Кубе. Группировка военно-морских сил США в зоне Карибского моря со снятием блокады Республики Куба уменьшилась на 30 кораблей и на 24.11.62 г. составляет 76 американских кораблей и 9 кораблей Аргентины, Венесуэлы и Доминиканской Республики.

В периоде 17 по 20 ноября американская авиация 14 раз нарушала воздушное пространство Кубы. После 20.11 нарушений нет.

Кубинская армия продолжает оставаться в постоянной боевой готовности, а группа советских войск — в повышенной готовности.

С 17 по 23 ноября из Кубы в Советский Союз прибыло 7 транспортов с личным составом и ракетной техникой. Всего прибыло 18 ракет. На 24.11 на переходе морем находится 8 транспортов.

III. {...} 20.11.62 г. тов. Павлову отдано распоряжение о подготовке к отправке в Советский Союз авиационных частей, вооруженных самолетами ИЛ-28.

Начало погрузки самолетов ИЛ-28 на транспорты «Касимов» и «Красноград» запланировано на 29—30 ноября 1962 г.

IV. По Вооруженным Силам СССР.

В соответствии с Постановлением Совета Министров от 20 ноября с. г. с 0.00 21 ноября в Ракетных войсках стратегического назначения, в Войсках ПВО страны, Дальней авиации, флотах, Труппах советских войск за границей, приграничных военных округах и войсках стран-участниц Варшавского Договора повышенная боевая готовность снята. Все войска перешли к нормальной деятельности и учебе.

24 ноября 1962 года

Р. Малиновский

М. Захаров

Документ № 3.

Военно-политическая обстановка в мире с 1 по 7 декабря 1962 г.

ЦК КПСС

Секретно

Докладаваю обстановку и положение войск за период с 1 по 7 декабря 1962 года.

I. В войсках НАТО. Изменений в группировке сухопутных войск и ВВС не произошло.

7 декабря с. г. в состав объединенных вооруженных сил НАТО передана одиннадцатая по счету дивизия ФРГ — 10-я мотопехотная дивизия.

В период с 3 по 6 декабря с. г. в районе Фульда, Гиссен, Франкфурт-на-Майне и Ашаффенбург проводилось учение 5 ак США под условным наименованием «Сейбр Нот».

Группировка стратегической авиации США. На передовых авиабазах США находилось ежедневно до 230 стратегических бомбардировщиков, в том числе:

в Европейской зоне — до 192 самолетов Б-47;

в Дальневосточной зоне — до 36 самолетов Б-47 и 2 самолета Б-52.

По операции «Хромированный купол» отмечались ежедневные полеты 12 самолетов Б-52.

Разведывательные полеты одиночных самолетов отмечались над нейтральными водами Балтийского, Черного, Японского, Охотского, Восточно-Сибирского и Берингова морей, вдоль границ ГДР, ЧССР, советско-иранской и вдоль Курильских островов.

Атомные подводные лодки-ракетоносцы США 8.12 находились: на боевом патрулировании в Норвежском море — 5, на базе Холи-Лох — 3.

II. Обстановка на Кубе. ВМС США в количестве 60—70 боевых кораблей в зоне Карибского моря занимались боевой подготовкой и вели наблюдение за судами, идущими на Кубу и обратно.

Американская авиация девять раз нарушала воздушное пространство Республики Куба.

Группа советских войск продолжала заниматься боевой и политической подготовкой.

Войска Кубинской армии, находясь в пунктах постоянной дислокации, готовили учебную базу к новому учебному году.

В период с 4 по 6 декабря с. г. с Кубы в СССР отправлены все 42 самолета ИЛ-28: на

транспорте «Охотск» — 12 самолетов и по 15 самолетов на транспортах «Касимов» и «Красноград». Эти транспорты подвергались неоднократным облетам авиацией США.

Все 4 подводные лодки 69-й бригады подводных лодок, находившиеся на позициях в районе восточнее Багамских островов, к 6 декабря с.г. возвратились в базу Северного флота.

На переходе морем в Советский Союз с Кубы на 8.12.62 г. находится 9 транспортов с личным составом ракетных частей, ВВС и ВМФ.

III. {...} В Вооруженных Силах СССР войска занимаются боевой и политической подготовкой, приемом молодого пополнения, увольнением в запас старослужащих солдат и сержантов и подготовкой к новому учебному году.

8 декабря 1962 года

Р. Малиновский

В. Иванов

Документ №4.

Военно-политическая обстановка в мире с 8 по 14 декабря 1962 г.

ЦК КПСС

Секретно

I. Докладываю обстановку и положение войск с 8 по 14 декабря 1962 года.

В войсках НАТО. Изменений в группировке сухопутных войск и ВВС не произошло. Соединения и части занимались боевой подготовкой в районах постоянной дислокации и на учебных полях.

По полученным данным от достоверного источника, 30 ноября в Риме состоялось совещание начальников информационных служб США, Великобритании, Италии и штаба НАТО.

Участники совещания признали правильной итальянскую точку зрения (в противоположность греческой и турецкой), по которой Югославия должна рассматриваться вражеской страной с первых дней военного конфликта.

Группировка стратегической авиации США. На передовых авиабазах США находилось ежедневно до 229 стратегических бомбардировщиков.

По операции «Хромированный купол» отмечались ежедневные полеты 12 самолетов Б-52.

Разведывательные полеты одиночных самолетов проводились над нейтральными водами Балтийского, Черного, Японского, Охотского, Восточно-Сибирского, Берингова и Баренцева морей, вдоль границ ГДР, ЧССР, советско-иранской границы и вдоль Курильских островов.

Атомные подводные лодки-ракетоносцы США на 15.12 находились: на боевом патрулировании в Норвежском море — 5, на базах Холи-Лох — 3.

II. Обстановка на Кубе. В зоне Карибского моря на 15.12 находилось 28 боевых кораблей ВМС США.

За истекшую неделю авиация США 5 раз нарушала воздушное пространство Кубы.

По данным кубинской разведки, за период с 6 по 13.12 из военно-морской базы США Гуантанамо (о. Куба) вывезено 3000 солдат морской пехоты.

Авиацией США в Атлантическом океане продолжают облеты транспортов, идущих с Кубы в Советский Союз. Датским самолетом в зоне Балтийских проливов 13.12 четыре раза был облетан теплоход «Балтика».

Соединения и части Группы советских войск на Кубе занимались боевой и политической подготовкой, несли боевое дежурство, совершенствовали инженерное оборудование и маскировку позиций зенитно-ракетных войск. Штабы разрабатывали программы для переучивания личного состава Кубинской армии на советскую технику, находящуюся в Группе, и проводили показательные занятия для кубинских офицеров.

При радиотехнических частях Группы организована переподготовка 119 кубинских военнослужащих, а при вертолетном полку — 44 летчика и 102 авиамеханика Кубинской армии.

6.12 на закрытии учебно-методических сборов руководящего состава Кубинской армии выступил тов. Рауль Кастро. В своем выступлении он подчеркнул, что материально Кубу

поддерживает только один Советский Союз, порой даже в ущерб самому себе, хотя морально поддерживают многие. Он также отметил огромную помощь Советского Союза в создании и укреплении Кубинской армии.

На переходе морем с Кубы в Советский Союз находятся 10 транспортов с личным составом и техникой Ракетных войск, ВВС и ВМФ. С погрузкой и отправкой транспорта «Климовск» заканчивается отправка ракетных войск с Кубы в Советский Союз. {...}

IV. В Вооруженных Силах СССР войска занимаются боевой и политической подготовкой, приемом молодого пополнения, увольнением в запас старослужащих солдат и сержантов и подготовкой к новому учебному году.

15 декабря 1962 года

Р. Малиновский.

В. Иванов.

Документ № 5.

Военно-политическая обстановка в мире с 15 по 21 декабря 1962 г.

ЦК КПСС

Секретно

Докладываю обстановку и положение войск с 15 по 21 декабря 1962 года.

I. В войсках НАТО. Изменений в группировке сухопутных войск и ВВС не произошло.

17.12 на территории ФРГ в районе Баден-Баден в 2 АК (Франции) началось командно-штабное учение с участием штабов 1 и 3-й дивизий.

Группировка стратегической авиации США. На передовых авиабазах США находилось ежедневно до 215 стратегических бомбардировщиков.

По операции «Хромированный купол» отмечались ежедневные полеты 12 самолетов Б-52.

19.12. 57 стратегических бомбардировщиков Великобритании проводили учебно-тренировочные полеты в районе Англии, Северного моря и южной части Норвегии.

Атомные подводные лодки-ракетоносцы США на 22.12 находились: на боевом патрулировании в Норвежском море — 4, в базе Холи-Лох — 4 и 1 — в военно-морской базе Чарлстон (США).

II. Обстановка на Кубе. Изменений в группировке ВМС США в зоне Карибского моря не отмечено. На 22.12 с. г. в этом районе находилось 39 боевых кораблей.

С 15 по 22.12 с. г. американская авиация 15 раз нарушала воздушное пространство Республики Куба.

Кубинской разведкой в течение недели отмечалось убытие с военно-морской базы США Гуантанамо кораблей с американскими войсками и вооружением. Всего к 18.12 с. г. с базы вывезено 6000 солдат морской пехоты и 50 танков. Отмечается возвращение на базу Гуантанамо семей военнослужащих и гражданского персонала США, убывших ранее в связи с Кубинским кризисом.

Установлено, что в период с 1.1 по 30.4.63 г. намечается учение ВМС и ВВС США в районе Карибского моря, в котором примут участие до 100 боевых кораблей и 20 авиаэскадрилий. На учении будут отрабатываться вопросы поддержания боевой готовности боевых, резервных и учебных частей ВМС и ВВС США.

Соединения и части Группы советских войск несли боевое дежурство, занимались боевой и политической подготовкой, обучали кубинских специалистов и оказывали помощь Кубинской армии в подготовке к военному параду, который будет проведен 2 января 1963 года в День победы Кубинской революции.

В настоящее время при частях Группы советских войск обучается 463 кубинских специалиста.

17.12 с Кубы в Советский Союз убыл транспорт «Климовск». С убытием этого транспорта закончена отправка в Советский Союз частей Ракетных войск.

К 20.12 все 42 самолета ИЛ-28 и все специальные заряды для ракет и авиабомб доставлены с Кубы в Советский Союз.

На 22.12 на переходе морем с Кубы в Советский Союз находится 6 транспортов с личным

составом и техникой Ракетных войск, ВВС и ВМФ.

111. В Вооруженных Силах СССР войска занимаются боевой и политической подготовкой, увольнением в запас старослужащих солдат и сержантов и подготовкой к новому учебному году.

22 декабря 1962 года

Р. Малиновский

В. Иванов

Документ № 6.

Военно-политическая обстановка в мире. с 22 по 29 декабря 1962 г.

ЦК КПСС

Секретно

Докладываю обстановку и положение войск с 22 по 29 декабря 1962 года.

I. В войсках НАТО. Изменений в группировке сухопутных войск и ВВС не произошло. Стратегическая авиация США. На аэродромах американского континента находится до 1375 стратегических бомбардировщиков, на передовых авиабазах США — до 188.

По операции «Хромированный купол» ежедневно дежурили в воздухе 12 самолетов Б-52. Атомные подводные лодки США с ракетами «Поларис» на 30.12 находились: на боевом патрулировании в Норвежском море — 5 и в базе Холи-Лох — 3.

II. Обстановка на Кубе. В зоне Карибского моря на 29.12 отмечен 31 корабль ВМС США. За период с 22 по 29 декабря американская авиация 12 раз нарушала воздушное пространство Республики Куба, а 23 декабря подводная лодка неустановленной принадлежности нарушила территориальные воды Кубы.

Кубинской разведкой установлено, что в военно-морской базе США Гуантанамо снимаются с позиций установки ЗУРС типа «Хок» и частично переводятся на консервацию артиллерия и танки.

По договоренности между правительствами Кубы и США к 27 декабря из Республики Куба закончен вывоз в США 1113 пленных кубинских контрреволюционеров, принимавших участие в нападении на Кубу в районе Плайя-Хирон. Взамен этого из США на Кубу доставляются медикаменты, медицинское оборудование и питание для детей на сумму 63 млн долларов.

Соединения и части Группы советских войск несли боевое дежурство, занимались боевой и политической подготовкой, совершенствовали инженерное оборудование и маскировку позиций ЗРВ, продолжали строительство военных городков, учебных баз и оказывали помощь кубинским войскам в подготовке к параду.

Во исполнение решений Президиума ЦК КПСС № П73/33 от 13.12 и П75/46 от 27.12 для участия в военном параде Кубинской армии, который будет проводиться 2 января 1963 года в День 4-й годовщины Кубинской революции, от Группы советских войск выделены и готовятся к параду 6 ракет зенитно-ракетного дивизиона, 2 ракеты берегового ракетного дивизиона «Сопка» с расчетами и водителями из личного состава Кубинской армии, 3 самолета МИГ-21 и 10 вертолетов Ми-4 с советскими экипажами.

24 декабря тов. Павлов имел беседу с тов. Раулем Кастро, в ходе которой решались вопросы дальнейшего устройства войск Группы, а также ускорения укомплектования учебных подразделений кубинских ВВС для обучения их на передаваемой советской технике из частей аэродромного обслуживания и обеспечения. Тов. Рауль Кастро в беседе с тов. Павловым все время подчеркивал, что кубинцы глубоко преданы нашей партии, Советскому Союзу и что они — наши друзья навеки. Он также заявил, что если бы не помощь Советского Союза, то Кубинская революция могла бы погибнуть.

На переходе морем в Советский Союз с личным составом и автотракторной техникой находятся 5 транспортов. {...}

IV. В Вооруженных Силах СССР закончена подготовка к новому учебному году.

30 декабря 1962 года

Р. Малиновский

М. Захаров

Документ № 7.

Беседа шеф-редактора журнала «Проблемы мира и социализма» А.М. Румянцева с членом секретариата национального руководства Объединенных революционных организаций Кубы Блас Рока

Беседа состоялась на правительственной вилле в Праге 2 ноября 1962 года. Присутствовали на беседе сотрудники редакции журнала тт. Кремнев и Семенов.

Тов. Блас Рока предупредил, что в этой беседе он высказывает сугубо личное мнение, основанное на данных европейской прессы. Он не имел возможности консультироваться с членами национального руководства и срочно выезжает в воскресенье в Гавану, получив телеграфный вызов от кубинского правительства.

По мнению т. Блас Рока, последние события, связанные с кубинской проблемой, следует рассматривать как поражение.

Блас Рока считает, что сложившуюся сейчас ситуацию следует рассматривать трезво и объективно, исходя из убеждения в превосходстве сил социалистического лагеря над лагерем империализма и из веры в конечное торжество социализма.

Если бы советские корабли силой прорвали американскую блокаду и затем, после консультации с кубинским правительством и при его участии, были бы начаты переговоры о демонтаже советских ракетных баз на Кубе, тогда нынешние события можно было бы рассматривать как победу. Поскольку дипломатические переговоры ведутся после двустороннего обмена телеграммами между Н.С. Хрущевым и Кеннеди, без предварительной консультации с Кубой, причем позиция кубинского правительства игнорировалась, поскольку советские ракетные базы на о. Кубе были демонтированы под дулами американских пушек, события в Карибском море следует рассматривать как временное отступление.

В нынешнем году были проведены переговоры между советским и кубинским правительствами, в результате которых на Кубе были построены советские ракетные базы. Это была победа социалистического лагеря. Кубинское правительство отдавало себе отчет в том, что строительство советских ракетных баз на Кубе не могло пройти незамеченным. Об этом предупреждали и военные специалисты. Кубинское правительство отдавало себе отчет в том, что в условиях термоядерной войны Куба была бы стерта с лица земли; к тому же на Кубе нет ни одного противоядерного убежища. Однако кубинское правительство дало согласие на размещение советских ракетных баз, так как это укрепляло оборону Кубы, Советского Союза, обороноспособность социалистического лагеря, а следовательно, представляло собой вклад в дело защиты мира.

О наличии советских ракетных баз на Кубе предполагалось сделать открытое заявление в ноябре. Правительство Соединенных Штатов лишь на две недели опередило это заявление. Таким образом, происшедшее нельзя считать неожиданностью. Встает вопрос, привели ли мир на грань войны советские ракетные базы на Кубе?

Гарантии правительства Соединенных Штатов о ненападении на Кубу, о ненападении их союзников остаются часто словесными. Перед нападением наемников на Плайя-Хирон Кеннеди тоже дал торжественное обещание не вторгаться на Кубу. Представитель США в ООН Стивенсон с трибуны ООН клятвенно заверял, что Кубу подвергли бомбардировке не американские, а кубинские самолеты. Все эти заверения оказались лживыми.

Американская блокада Кубы остается в силе. Американские самолеты летают над Кубой.

Поэтому демонтаж советских ракетных баз на Кубе следует считать отступлением.

Конечно, у Кубы имеется оружие для отражения иностранного вторжения. Конечно, советские ракетные базы на Кубе не являлись решающим фактором в деле обороны социалистического лагеря, так как Советский Союз имеет межконтинентальные ракеты.

Однако нынешние события в Карибском море нельзя рассматривать иначе как временное поражение.

Когда обостряются противоречия между США и их союзниками, мы рассматриваем это

как наш успех. Нынешние события в Карибском море вызвали разногласия между кубинским и советским правительствами. Эти разногласия касаются прежде всего проблемы инспекции кубинской территории силами ООН. Фидель Кастро неоднократно заявлял, что Куба не согласится на инспекцию ООН, так как не хочет стать вторым Конго. Советское правительство поставило кубинское правительство в трудное положение. Приезд т. Микояна на Кубу несомненно поможет устранению всяких разногласий. Главным козырем контрреволюционеров на Кубе всегда был антисоветизм. Лично я, сказал т. Блас Рока, испытываю глубокое внутреннее удовлетворение тем, что в последнее время нам удалось добиться такого положения, что Фидель Кастро испытывал абсолютное доверие к советскому правительству, к КПСС и личное восхищение Н.С. Хрущевым. Последние события нанесли определенный удар по чувству доверия и любви к Советскому Союзу. Надеюсь, что визит т. Микояна поможет преодолеть это.

Создание советских ракетных баз на Кубе способствовало усилению революционного процесса в Латинской Америке. Революция в Латинской Америке связала бы руки Соединенным Штатам и не позволила бы им броситься в мировую войну. Если эта революция не развивалась более быстрым темпом, то только потому, что аргентинские, венесуэльские, бразильские и чилийские товарищи, несмотря на то что в этих странах сложилась гораздо более благоприятная для победы революции ситуация, чем была на Кубе в 1958 году, продолжают занимать оборонительные позиции и боятся переходить в наступление.

Демонтирование советских ракетных баз на Кубе и наступление противника, по мнению Блас Рока, несомненно, приведут к усилению оборонительных настроений среди наших товарищей в Латинской Америке, которые будут ссылаться на необходимость защиты легальности, избежания насилия, привлечения к союзу национальной буржуазии, как будто это представляет собой самоцель, а не средство для завоевания власти. Таким образом, нынешние события в Карибском море затормозят развитие революционного процесса в Латинской Америке, а следовательно, ослабят борьбу за социализм и за мир во всем мире.

Все это, по мнению Блас Рока, дает основание рассматривать события в Карибском море как временное отступление.

Тов. Блас Рока подчеркнул, что он верит в превосходство сил социализма над силами империализма. Но если великан не употребляет свои силы, а только говорит о своем превосходстве, то он рискует потерпеть поражение от рук карлика, который напрягает все силы, действует активно. Блас Рока выразил сожаление, что у Кубы нет хотя бы одного торпедного катера для прорыва силой американской военной блокады.

Тов. Блас Рока говорит, что смысл его жизни, как коммуниста, состоящего в партии с 1929 года, заключается в том, чтобы крепить дружбу и единство между кубинским и советским народами. При всех обстоятельствах, при всех поворотах он всегда стоял на стороне Советского Союза. Тов. Блас Рока заверил, что и впредь он будет бороться за укрепление этого единства и видит в этом смысл своей жизни.

Документ № 8.

Беседа А.И. Микояна с Фиделем Кастро 3 ноября 1962 г.

А.И. Микоян после взаимных приветствий передал Фиделю Кастро привет от Центрального Комитета КПСС и Никиты Сергеевича Хрущева, отметил, что ЦК КПСС высоко ценит мужество товарища Ф. Кастро и всего кубинского народа, решительно отстаивающего свободу и независимость своей страны. А.И. Микоян сказал, что ему лично приятно выполнить поручение ЦК КПСС, так как он знает Кубу, знает руководителей Кубинской революции.

К сожалению, отметил А.И. Микоян, возникли некоторые расхождения во взглядах между руководством Республики Куба и нашим руководством. Посол Алексеев информировал нас об этих расхождениях, а также о речи Ф. Кастро 1 ноября 1962 года, в которой он разъяснил народу Кубы позицию революционного правительства.

ЦК КПСС, подчеркивает А.И. Микоян, направил меня на Кубу, чтобы со всей откровенностью обсудить с кубинскими товарищами все неясные вопросы. Судя по приему, оказанному на аэродроме, кубинские руководители считают эту встречу полезной. Я приехал

сюда, продолжает А.И. Микоян, чтобы искренне и открыто поговорить с вами. Сейчас, мне кажется, было бы полезным, чтобы Вы, товарищ Фидель Кастро, откровенно сказали мне, какие вопросы Вас беспокоят. Только говоря откровенно, можно обеспечить полное доверие и взаимопонимание... В ответ на это Ф. Кастро заявил, что кубинские руководители рады вновь видеть А.И. Микояна на Кубе, говорить с ним по важным для обеих сторон вопросам. Мы знаем, пошутил Ф. Кастро, что Н.С. Хрущев как-то сказал, что «в ЦК КПСС есть кубинец. И этот кубинец — А.И. Микоян». Мы можем говорить с Вами, продолжает Ф. Кастро, вполне откровенно, мы глубоко доверяем Советскому Союзу.

Что касается вопросов, в связи с которыми, как мы объявили народу, возникли некоторые расхождения, хочу сказать следующее.

Вопросы эти вызваны, в первую очередь, психологическими факторами. Мне хотелось бы отметить, что в дни, когда возникла серьезная опасность, весь народ наш почувствовал огромную ответственность за судьбы родины. Все силы народа были напряжены. Чувствовалось, что народ един в своей решимости отстоять Кубу. Все кубинцы готовы были с оружием в руках выступить против агрессоров, готовы были отдать свою жизнь, защищая свою страну. Весь народ сплотила глубокая ненависть к империализму США. В те дни мы даже не арестовали никого, так как единство народа было поразительным. Это единство явилось результатом большой идеологической работы, которую мы проводили, разъясняя народу значение помощи Кубе со стороны Советского Союза, разъясняя чистоту принципов политики СССР.

Мы говорили народу о высоких патриотических целях, которые преследуем, вооружая страну для защиты от агрессии. Мы говорили, что стратегическое оружие — залог прочности нашей обороны. Мы не проводили классификации оружия на оборонительное и наступательное, поскольку все зависит от целей, для которых оно используется.

Говоря о психологических вопросах, хотел бы подчеркнуть, что кубинский народ нас понял. Он понял, что мы получили советское оружие, что оборонительные возможности Кубы неизмеримо выросли. Поэтому, когда Кеннеди попытался нас запугивать, народ Кубы реагировал очень решительно, очень патриотически. Трудно себе представить, с каким энтузиазмом, с какой верой в победу записывались кубинцы в те дни добровольцами в армию. Народ чувствовал в себе огромные силы. Зная о действенной солидарности советского правительства и народа, кубинцы психологически чувствовали себя сильными. Солидарность со стороны Советского Союза нашла свое материальное воплощение, стала знаменем, вокруг которого сплотились воедино сила и мужество нашего народа.

Народ Кубы чувствовал огромную ответственность перед странами социалистического лагеря, видя советское стратегическое оружие на своей территории. Он сознавал, что это могучее оружие должно быть сохранено во имя интересов всего лагеря социализма. Поэтому, несмотря на то что самолеты США постоянно нарушали наше воздушное пространство, мы пошли на то, чтобы ослабить противовоздушную оборону Гаваны, но усилили одновременно ПВО районов размещения ракет. Наш народ с гордостью сознавал свою роль защитника интересов стран социализма. Зенитчики и все солдаты, охранявшие районы размещения ракет, были полны энтузиазма, были готовы оборонять их ценой своих собственных жизней.

Напряженность обстановки росла, росла и психологическая напряженность. Весь народ Кубы был готов к обороне...

И вдруг — уступки...

Уступки со стороны Советского Союза произвели гнетущее впечатление. Психологически народ наш не был готов к этому. Возникло чувство глубокого разочарования, горечи, боли. Как будто нас лишили не ракет, а самого символа солидарности. Сообщение о демонтаже ракетных установок и возвращении их в СССР сначала показалось нашему народу наглой ложью. Ведь народ Кубы не знал о соглашении, не знал о том, что ракеты продолжают принадлежать советской стороне. Кубинский народ не представлял себе юридического статуса этого оружия. Он привык к тому, что Советский Союз передавал нам оружие и оно становилось нашей собственностью.

И вдруг сообщение американского агентства ЮПИ о том, что «советский премьер дал приказ советскому персоналу о демонтаже ракетных установок и их возвращении в СССР».

Народ не мог поверить этому сообщению. Оно вызвало глубокое замешательство. Народ не понял самой постановки вопроса о возможности вывоза ракетного оружия с Кубы, если США ликвидируют свои базы в Турции.

Я говорил, продолжает Ф. Кастро, что за годы после революции мы провели большую идеологическую работу с народом, готовя его к пониманию идей социализма, идей марксизма. Эти идеи пустили глубокие корни в народе. Он восхищается политикой советского правительства, учится на примере советского народа, к которому испытывает чувства сердечной благодарности за неоценимую помощь и поддержку. Но в этот трудный момент наш народ как бы сбился с пути. Сообщение о том, что 28 октября Н.С. Хрущев отдал приказ о демонтаже ракетных установок, что инструкции об этом даны советским офицерам, что в послании нет ни одной строки о согласии правительства Кубы, потрясло народ. Чувство разочарования, растерянности, горечи охватило кубинцев. Я выходил на улицы, выезжал в воинские части и видел, что народ не понимает этого решения.

Почему это решение принято односторонне, почему у нас забирают ракеты? Не возмут ли обратно все оружие? Эти вопросы волновали весь наш народ. За какие-нибудь 48 часов это чувство горечи и боли распространилось среди всего народа. События следовали быстро, одно за другим. 27 октября было выдвинуто предложение о выводе оружия с Кубы при условии ликвидации баз в Турции. 28 октября последовали приказ о демонтаже и согласие на инспекцию.

Нас очень беспокоил тот факт, что моральный дух народа резко упал. Это сказалось и на его боевом духе. К тому же участились наглые полеты американских самолетов в воздушном пространстве Кубы, а нас попросили не открывать по ним огня. Все это произвело сильное деморализующее воздействие. Чувства разочарования, боли и горечи, охватившие народ, могли быть использованы контрреволюцией для разжигания антисоветских настроений. Враги могли воспользоваться тем, что правовые нормы, о которых мы так много говорили народу, оказались забыты. Решение было принято без консультаций, без согласования с нашим правительством.

Никто в это не хотел верить, все думали, что это — ложь.

В послании не было ни строки о предварительном согласии Кубы. Казалось бы, что это согласие — лишь элемент формальный. Но Куба — это больше, чем маленькая страна со смелым, но маленьким народом. Наша революция важнее, чем судьба нашей страны, чем судьба самого нашего народа. Мы должны защищать и беречь нашу революцию для всего мира. Нашему народу казалось, что решения, принятые без согласования с правительством Кубы, нанесли моральный ущерб нашей революции, сказались на ее авторитете в глазах Латинской Америки. А о престиже нашей революции, сказал Ф. Кастро, мы всегда помним. Поймите нас правильно, народ беспокоило не чувство обиды и оскорбленной гордости, а то, что наш престиж в Латинской Америке может быть подорван. Понятно, что в таких условиях многие кубинцы могли сбиться с правильного пути. Тем более что в истории нашей страны были прецеденты ущемления нашего престижа, нашего суверенитета. Поэтому наш народ особенно к этому восприимчив. Ведь после окончания войны за независимость американцы навязали «поправку Платта», ограничив таким образом сферу действия конституции Кубы. Наша страна в силу этой «поправки» не имела права предоставлять без согласия правительства США свою территорию под иностранные военные базы. Американцы, используя эту «поправку», нагло вмешивались в кубинские дела...

И в эти дни многим показалось, что «поправка Платта» воскресла...

Во время мирных переговоров в Париже после окончания войны за независимость все вопросы решались американцами и испанцами. Кубу даже не пригласили, хотя народ Кубы сыграл решающую роль в борьбе за освобождение острова от испанского владычества.

С тех пор наш народ стал очень болезненно относиться к вопросам суверенитета. К тому же после нынешнего кризиса юридически положение осталось неизменным, «статус кво» не изменился.

1) Осталась блокада, организованная правительствами США. США продолжают попираť свободу мореплавания.

2) Американцы пытаются определять, какие виды оружия мы можем иметь. Организуется контроль. Складывается обстановка, подобная той, которая существовала или существует в

Марокко, Гвинею, Гане, на Цейлоне и в Йемене.

3) США продолжают нарушать воздушное пространство Кубы, а мы должны терпеть. Кроме того, без нас дано согласие на инспектирование.

Все это казалось народу шагом назад, отступлением. Получается, что мы должны принять инспектирование, признать право США определять, какие виды оружия мы можем использовать.

Наша революция прочно опирается на народные массы. Падение морального духа могло бы быть опасным для дела революции.

Советский Союз давно укрепился как государство, он может проводить гибкую политику, может маневрировать. Советский народ легко понимает свое правительство, безраздельно верит ему.

Куба — молодое, развивающееся государство. Наш народ очень импульсивен. Моральный фактор имеет в нашей стране особенное значение.

Мы боялись, что эти решения могут вызвать трещину в единстве народа, подорвать престиж революции в глазах латиноамериканских народов, в глазах народов всего мира.

Куба служит примером многим странам. Влияние Кубинской революции на алжирских руководителей очень сильное. В силу этих обстоятельств у нас нет возможностей для маневрирования, для проведения гибкой политики.

В США известие о выводе советских ракет с Кубы вызвало огромное ликование. Американцы рассчитывают, что в нынешней обстановке облегчаются условия для активизации контрреволюции. Вся пресса США ликует.

Есть еще два вопроса. Со стороны США мы не получаем никаких гарантий, все висит в воздухе. Конечно, мы будем в любом случае решительно бороться, но дело не в этом.

В свете современных событий нам трудно понять причины вывода советского стратегического оружия. Возникает вопрос: достаточно ли хорошо был продуман и изучен этот вопрос? Или с самого начала предполагалось, что ракеты будут выведены, а мы не знали об этом. Мы не были достаточно информированы о намерениях и планах советской стороны. Когда Че Гевара ездил в Москву, ставился вопрос об опубликовании текста соглашения. Вопрос остался неясным. Мы думали, что главное иметь ракеты на Кубе. Поэтому нам было так трудно поверить в то, что их возвращают в Советский Союз.

Когда ракеты были на Кубе, мы чувствовали свою ответственность перед всем социалистическим лагерем. Народу показалось, что вывоз ракет с Кубы осуществлен за счет ущемления наших национальных интересов. Если бы был поставлен вопрос об одновременной ликвидации американской базы Гуантанамо, то наш народ понял бы это требование.

Нам было очень трудно объяснить народу сложившееся положение. Если бы попросить перемирия, согласовать вопрос, мы оказались бы в лучшем положении.

А.И. Микоян заметил, что угроза агрессии была столь острой, что времени для консультаций не было.

Ф. Кастро добавил, что, несмотря на все жалобы и расхождения, кубинцы — верные друзья Советского Союза. Мы прежде всего марксисты-ленинцы! Между Советским Союзом и Кубой брешей не будет! Мы верим в принципиальную политику советского правительства. Мы прежде всего революционеры. Наш народ готов к борьбе, он вдохновляется примером Советского Союза. Мы будем как зеницу ока беречь дружбу с Советским Союзом, защищать узы дружбы и крепить их. И вот для защиты этих уз мы и решили выступить перед народом. Было необходимо что-то сказать, поднять дух нашего народа.

Я очень много думал, продолжал Ф. Кастро, советовался с товарищами из руководства, и мы решили сказать народу о некоторых расхождениях, чтобы вырвать почву из-под ног у контрреволюционеров, которые могли бы начать антисоветскую пропаганду, ссылаясь на то, что вопросы решаются без нас.

Это выступление было необходимо с тактической точки зрения. Мы сказали, что расхождения есть, но мы их преодолеем путем обсуждения. Пусть народ не беспокоится — мы все обсудим. Мы подчеркнули огромную, самоотверженную помощь Кубе со стороны Советского Союза, его правительства, его партии. Мы специально уделили большое внимание в печати Вашему заявлению, сделанному перед отлетом из Нью-Йорка. Оно имело огромное

значение, произвело большой эффект. Народ должен забыть об обиде. Наша задача — полностью восстановить доверие народа. Положение нашего правительства сейчас хорошее. Мы решили, что будет полезно обсудить расхождения, но ни в коем случае не допускать антисоветских высказываний. Дружба с Советским Союзом — это главное.

А.И. Микоян поблагодарил Ф. Кастро за откровенность и еще раз подчеркнул, что только искренность, откровенность помогает друзьям преодолевать расхождения во взглядах, прийти к общему мнению. С врагами — другое дело, их можно и обмануть.

Психологический момент, продолжал А.И. Микоян, действительно имеет очень большое значение. Особенно для Кубы, в силу исторических условий. Нам понятно ваше беспокойство в связи с чувствами разочарования среди кубинских товарищей, которые не знали всех сторон этих сложных проблем и не могли составить правильного суждения. Тактически Вы поступили очень правильно, сказав народу о некоторых расхождениях. Мы понимаем, какой эффект должно иметь это заявление. Оно выбивает почву из-под ног у контрреволюционеров, рассчитывающих разжечь антисоветские настроения.

Обстоятельства сложились так, что посоветоваться перед принятием решения с Вами мы не могли. Представьте себе, наступил момент, когда решалась судьба Кубы, а может быть, и не только Кубы. Правительство США приняло решение об осуществлении агрессии. Оно сосредоточило военные корабли с войсками в Карибском море, подготовило бомбардировочную авиацию. Все было готово для нападения. Если бы мы направили вам свои предложения, то, учитывая время на шифровку и перевод, ответ мог бы быть получен через 1—2 дня. Такого времени у нас не было. Нужно было решать в тот же день. На следующий день Куба могла бы быть уничтожена. И не атомным оружием, а с помощью бомбардировщиков с ракетами, несущими обычные заряды. Такой массированный удар мог уничтожить ракетные установки на территории Кубы, обеспечить условия для десанта флота. Необходимо было без промедления решать этот сложный вопрос. В воскресенье, часов в 12 дня, мы собрались, получив шифровку через посла Алексева. В ней сообщалось о том, что получены сведения о форсированных приготовлениях к агрессии. Из других источников мы получили информацию, подтверждающую, что нападение на Кубу со стороны США — вопрос часов. Мы должны были решать сами вопрос о спасении Кубы.

Ф. Кастро спросил, нельзя ли было договориться о перемирии на один-два дня.

А.И. Микоян ответил, что в тот момент американцы не пошли бы на это перемирие. В настоящее время сложилась обстановка перемирия. Но в тот момент США не отказались бы от своих планов, они нанесли бы удар. Районы расположения ракетных установок были уже известны американцам. Они их сфотографировали и имели точные данные. Здесь, на Кубе, за короткое время мы не могли замаскировать достаточно хорошо ракетные установки. В наших условиях мы делаем их невидимыми для аэрофоторазведки.

Разведывательная служба США получила первые сведения о наших ракетах на Кубе от западногерманской разведки. Эти сведения дошли до Кеннеди, который сначала думал, что наше оружие на Кубе — только оборонительное. Еще раньше их получили сторонники жесткого курса в отношении Кубы. Они яростно обрушились на Кеннеди. Он не подал вида при встрече с Громыко, что знает об атомном оружии на Кубе, но приказал провести фоторазведку. Так были получены американцами данные о наших ракетных установках на Кубе.

В создавшихся условиях мы не могли медлить. Угроза агрессии была неминуемой.

Мы вынуждены были решать. Потеря Кубы была бы невосполнимой утратой для всего международного коммунистического движения. Судьба Кубы постоянно тревожит нас. Н.С. Хрущев был с визитом в Болгарии. И потом он мне рассказывал: «Знаешь, все эти 3 дня в Болгарии я думал, как бы лучше помочь Кубе».

Куба находится очень далеко от Советского Союза. Военно-морской флот США сильный, его базы расположены в самом Карибском море. Мы не располагаем таким большим надводным флотом, как США. У нас сильный подводный флот с ракетным оружием. Наши подлодки есть и в Карибском море, но им трудно действовать на таком удалении, без баз. Мы не можем сопровождать подлодками все наши суда. Это — сложный вопрос.

Нам не обязательно иметь ракеты на Кубе для нанесения удара по США в случае необходимости. Мы это можем сделать со своей территории. У нас, Вы знаете, есть

соответствующее оружие.

Наши ракеты на Кубе были обнаружены слишком рано. Предполагалось, что после выборов в конгресс США, к середине ноября, мы сможем опубликовать декларацию. Тогда бы кубинскому народу было бы легче разобраться в обстановке. Почему мы согласились на контроль за демонтажем ракет на Кубе? Американцы боятся, что мы их смонтируем на других площадках, а это усиливает напряженность. Прецеденты международного контроля существуют. Речь в данном случае не идет о контроле со стороны США, а о контроле, организуемом ООН силами представителей нейтральных стран, в целях проверки исполнения достигнутой договоренности. При разработке в ООН мер по предотвращению внезапного нападения мы, например, не возражали против международного контроля в крупных морских портах, на железнодорожных узлах, на автомагистралях и в аэропортах.

В случае с Кубой речь не идет об инспекции всей территории Кубы, а только о контроле демонтажа ракетных установок в определенных, уже известных районах.

Печ. по: У края ядерной бездны (Из истории Карибского кризиса 1962 года. Факты. Свидетельства. Оценки...). Мемуарно-монографический очерк. Под общей редакцией А.И. Грибкова, М., 1998. С. 365—377.

Приложение № 6. К событиям в Чехословакии

Документ № 1.

Записка заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран К.В. Русакова в ЦК КПСС от 26 июня 1968 г.

В соответствии с поручением, вносим предложение о приглашении в СССР на отдых тт. Дубчека, Черника и Биляка.

Тов. Дубчек в беседе с совпослом 12 июня по вопросу о встрече руководителей КПСС и КПЧ, высказал соображения о возможности такой встречи в первой половине июля в Крыму, куда я (Дубчек), Черник и другие чехословацкие товарищи могли бы приехать вместе с семьями для кратковременного отдыха (тел. спец.: 964—967 от 13 июня с. г.).

Секретарь ЦК КПЧ т. Индра сказал совпослу, что до 6 июля т. Дубчек будет занят в различных крупных политических мероприятиях и на партийных конференциях (тел. спец. 1024—1026 от 24 июня).

Учитывая изложенное, полагали бы целесообразным пригласить от имени Политбюро ЦК КПСС тт. Дубчека, Черника, Биляка и других товарищей (по усмотрению т. Дубчека) приехать с семьями в Крым на отдых во второй декаде июля с тем, чтобы провести там намечавшиеся беседы.

Печ. по: «От правды никуда не уйдешь...» (Новые документы о событиях в Чехословакии 1968 г.) // Кентавр. Историко-политологический журнал. 1993, сентябрь-октябрь. С. 90—91.

Документ №2.

Из стенограммы переговоров Л.И. Брежнева, А.Н. Косыгина, Н.В. Подгорного, Г.И. Воронова с А. Дубчеком 23 августа 1968 г.

Л.И. Брежнев. Как чувствует себя т. Черник?

А. Дубчек. Плохо, как и все.

Н.В. Подгорный. Здоровье плохое или настроение?

А. Дубчек. Тяжело.

Л.И. Брежнев. Давай условимся не уходить в прошлое, а спокойно беседовать исходя из сложившейся теперь обстановки, чтобы найти такое решение, которое послужило бы на пользу Коммунистической партии Чехословакии, чтобы она могла нормально самостоятельно

действовать на тех принципах, которые обусловлены в Братиславской декларации. Пусть себе самостоятельно действует. Мы не хотели и не думаем в дальнейшем вмешиваться. И правительство пусть работает на принципах январского и майского Пленумов ЦК КПЧ. Об этом мы говорили в своих документах и готовы еще раз подтвердить. Конечно, мы не можем сказать, что у вас веселое настроение. Но дело не в настроении. Надо благоразумно и трезво вести беседу в направлении поисков решения. Можно было сказать просто, что невыполнение обязательств, которые были зафиксированы, побудило пять стран к крайним мерам, которые явились неизбежными. Ход событий, который проистекает, полностью подтверждает, что за твоей спиной (мы ни в коей мере не хотим сказать, что во главе этого стоишь ты) правые силы (мы их скромно называем антисоциалистическими) готовили и съезд, и все действия. Теперь вскрылись и подпольные станции, и склады оружия. Все это теперь вышло наружу. Мы не хотим предъявлять претензий к тебе лично, что ты виноват. Ты мог этого и не знать, правые силы довольно широко все это организовали.

Мы хотели бы найти наиболее приемлемые решения, которые послужили бы делу стабилизации в стране, нормализации работы партии без влияния правых и нормализации работы правительства, тоже свободного от этого влияния.

Надо не скрывать друг перед другом, что если мы найдем хорошее решение, то потребуются время для нормализации. Никто не должен строить иллюзий, будто сразу все станет в розовом цвете. Но если мы найдем правильное решение, то пройдет время, и каждый день будет приносить нам успех, начнутся деловые переговоры, контакты, опадет угар, нормально начнет действовать пропаганда, идеология. Рабочий класс поймет, что правые за спиной Центрального Комитета и руководства правительства вели подготовку к превращению Чехословакии из социалистической в буржуазную республику. Теперь это все ясно. Начнутся переговоры по экономическим и другим вопросам. На каких-то деловых принципах начнется отход войск и т.д. Мы же не оккупировали Чехословакию, не собираемся держать ее в «оккупации», а хотим, чтобы она была свободной и проводила социалистическое сотрудничество, о чем договорились в Братиславе. Вот на этой базе мы хотели с тобой побеседовать и найти деловое решение. Если нужно, то можно вместе с т. Черником. Если мы будем молчать, то мы не улучшим положения и не избавим чешский, словацкий и русский народы от напряжения. А правые с каждым днем будут разжигать шовинистические настроения против всех соцстран, а в первую очередь против Советского Союза. В таких условиях, конечно, нельзя вывести войска, вообще это нам не на пользу. Вот на этой почве, на этой основе мы хотели бы провести беседу — как ты думаешь, как лучше поступить? Мы готовы прислушаться. Никакого диктата у нас нет, давай искать вместе какой-то вариант.

И мы бы были очень благодарны тебе, если бы ты свободно высказал различные варианты, не в раздраженной форме, а спокойно нашел подходящий вариант. Мы считаем тебя честным коммунистом-социалистом. Дубчек, у тебя неудачно получилось, был срыв. Давай отбросим в сторону все то, что было. Если мы начнем говорить, кто из нас прав, то это ни к чему не приведет, а давай говорить на базе того, что есть, и в этих условиях нужно найти выход из положения, как бы ты мыслил, и как бы надо было поступить.

А. Дубчек. Вы сделали такое вводное слово. Я бы хотел, тов. Брежнев, также сказать несколько слов, хотя я нахожусь в очень тяжелом душевном расположении. Я три дня не был дома. Я бы тоже хотел сказать, что правильно то, что нужно опять-таки смотреть вперед. Это правда, существует определенная реальная обстановка.

Н.В. Подгорный. Именно поэтому мы так и хотим беседовать, смотреть вперед.

А. Дубчек. Сейчас создана определенная обстановка. Но я, тов. Брежнев, уже слышал и в Чопе, что надо смотреть вперед.

После Братиславы обстановка в Чехословакии и в Компартии во всех отношениях получила сначала положительное явление, включая даже вопрос подготовки съезда и включая вопросы, касающиеся намерений пропагандистской работы, — подготовка съезда, кадровые вопросы. Это все записано в решениях Президиума ЦК КПЧ. Я, конечно, не знал, как это все закончится, я верил тому, что и с вашей стороны будет обращено внимание главным образом вперед. Но на практике оказалось, что этого не случилось...

Поэтому мне и товарищам не понятно, почему через такое короткое время, хочу особо

подчеркнуть, еще перед пленумом ЦК партии, перед съездом, были осуществлены эти военные мероприятия пяти государств. Я говорю «перед» пленумом ЦК партии, тогда как по-другому мы не могли поступить, потому что только во вторник одобрили тезис федерации, и пленум нужно созвать по определенному пункту, чтобы иметь некоторые готовые вопросы к решению в связи с подготовкой съезда. Мы на это обратили внимание. Положение в стране и в партии улучшилось {...}

Без уведомления Президиума ЦК КПЧ, меня лично, президента, председателя правительства, председателя Национального собрания были приняты крайние шаги, крайние мероприятия, которые, по-моему, не только нашу и вашу партии, но и международное коммунистическое движение поставили перед самой сложной проблемой, которая когда-либо вставала перед коммунистическим движением.

Трудно мне с ходу после такого тяжелого душевного состояния сразу высказать свое мнение по поводу того, что нужно предпринять в решении реальной обстановки, которая сложилась. Я, тт. Брежнев, Косыгин, Подгорный и Воронов, не знаю обстановки дома. В первый день прихода Советской Армии я и остальные товарищи были изолированы и попали сюда, ничего не зная. Так что я не могу знать, как этот акт отразился на мнении чешского и словацкого народов, как он отразился на внутрипартийной жизни и в международном масштабе. Это очень важно для того, чтобы принять правильные меры по решению этой сложной ситуации. Я могу только предполагать, что могло случиться. В первый момент члены Президиума у меня в секретариате были взяты в ЦК партии под контроль советских органов. Я видел через окно несколько сот человек, собравшихся у здания. Через окно было слышно, как они кричали: «Хотим видеть Свободу!», «Хотим видеть президента!», «Хотим Дубчека!» Слышал несколько лозунгов. После этого выстрелы. Это была последняя картина, которую я видел. С тех пор больше ничего не знаю и не могу представить себе, что происходит в стране и в партии.

Я говорю, и это очень важно, о том, что считаю, тов. Брежнев, что этот акт был приготовлен не через правительство, не через партийную и государственную власть, и поэтому этот акт будет встречен внутри партии с большим непониманием, и я боюсь, что это поставит партию, коммунистов против этого акта. Я могу только предполагать, конечно. Хотелось бы, чтобы коммунисты поняли всю реальность обстановки, которая была этим создана, но боюсь, что не поймут, так как и я сам не понимаю. Я считаю, что такое вооруженное вторжение было преждевременным, тем более что не были употреблены внутренние вооруженные силы и остальные органы насилия.

Самое важное в том, например, что первый акт, который произошел, который можно признать как проявление антипартийных действий, это было примерно два дня тому назад, когда человек 180 собралось вокруг ЦК партии в вечернее время, и несколько человек из этой группы провозгласили лозунги против партии, и, как описывают наши работники госбезопасности и политической службы, двое из них бросили камни в здание, не выбив ни одного окна. Это был единственный акт. Вышел политический работник на площадь, побеседовал, и они разошлись. Никаких других открытых выступлений в стране не было. Но это уже другой вопрос. Не могу знать, как этот акт принял рабочий класс. Я, товарищи, считаю, что рабочий класс Чехословакии принял это плохо. Поэтому нужно очень реально, без всяких иллюзий, посмотреть правде в лицо, нужно увидеть реальную обстановку.

Как коммунист, который несет большую ответственность за дальнейшие события, я уверен, что не только в Чехословакии, а и в Европе, во всем коммунистическом движении этот акт приведет к тому, что мы потерпим крупнейшее поражение — в развале и в крупном нарушении рядов Коммунистической партии в зарубежных странах, в странах капиталистических государств.

Я и перед этим всегда вас открыто информировал, хотя знаю, что это не всегда, может быть, было приятно. Но я человек такой: я работал в районе, работал в ЦК, всегда шел в открытую, прямо высказывал свое мнение, хотя, может быть, хотелось услышать другое. Но от правды никуда не уйдешь, а поэтому я и вам высказывал всегда правдивые свои соображения, потому что знаю партию, знаю народ. Но, видимо, не это было решающим в вашем вступлении в направлении Чехословакии и в политике правительства в этой области. Но это уже в

прошлом. Я думаю, что теперь опять, как и перед Братиславой, нужно прямо взглянуть на обстановку, подумать, как помочь и как решить эту сложную проблему. Хотя я согласен с вами, тов. Брежнев, что это нельзя решить в день-два и что это будет один из самых сложных вопросов, перед какими мы вообще стояли, — и наша, и ваша партии, и наши отношения, и отношение к мировому коммунистическому движению. И, несмотря на это, все равно нужно обратить взгляд в будущее, потому что я полагаю, что нашу партию и народ это затронуло отрицательно.

В истории чехословацкого народа всегда, сотни лет тому назад, к России со времен русофильства отношение нашего народа было положительное, не было теневой стороны в этом направлении. Теперь, по-моему, случилось что-то такое, что народ и партия не понимают, потому что они не могут понять, что в стране создалась реальная обстановка для открытой контрреволюции, что нужно было принять такие меры. Все это, по-моему, создает сложную обстановку, с которой необходимо считаться.

Я только предполагаю, потому что у меня нет контактов, я не знаю, что там происходит, но все равно я знаю народ, знаю партию, и я даже не только предполагаю, но я уверен в том, что мои высказывания реальные.

Почему я это говорю? Я это говорю не для того, чтобы выражать какие-то более или менее неприятные вещи, я это говорю только для того, чтобы посмотреть на реальность положения. Потому что, если опять-таки с вашей стороны будет оценено положение нереально, то методы и поступки в решении вопроса будут неправильными и результаты не будут такими, как, может быть, вы полагаете сделать. Нужен исходный пункт в оценке реальности положения, это нужно для того, чтобы установить тактику и дальнейшие намерения в соответствии позитивного результата. С вашей стороны была нереальная оценка, хотя я думаю, что на эту тему у нас дискуссии не будет, и я бы считал правильным, чтобы ее не было, потому что в целом мы, видимо, диаметрально разошлись.

Создалась новая обстановка. Если бы я мог чем-нибудь помочь, осознавая свой партийный долг, хотя я сам не могу себе представить, что я могу сделать, чтобы помочь делу и не потерять свое коммунистическое лицо перед партией и народом, потому что меня народ и партия знают как человека, который никогда не скрывал правду. Я вышел на такую работу из первичной партийной организации, и вот теперь такая сложная и трагическая обстановка. Но нужно думать, как быть дальше.

Я, товарищи, не могу сделать никакого предложения, потому что я видел последнюю сцену из окна своей канцелярии, но потом вошли ваши люди с автоматами, вырвали телефоны — и все. С тех пор ни с кем не было контакта, и мы не знаем, что случилось. Я встретился с т. Черником, он говорит, что тоже ничего не знает, потому что его взяли таким же образом, как и меня. Был он в подвале вместе с остальными, пока не разобрались. Так мы попали сюда. Мы не знаем, что происходит, кто управляет, как идет жизнь в стране. Хотелось бы вместе с вами найти решение. Я согласен с вами, что нужно серьезно подумать, как помочь, потому что это страшная трагедия.

Л.И. Брежнев. Мы правильно понимаем, Александр Степанович, что не будем сейчас толковать ваше сообщение, это не поможет делу. Важно найти сейчас действительный выход, найти такое решение, которое бы, конечно, не сегодня и не завтра, а в будущем, восстановило положение. Поэтому мы понимаем твои последние слова как желание обоюдно с нами, со всеми другими соцстранами найти такое решение, которое проведет нас через определенные трудности, но приведет к дружбе. Мы этого хотим. На этой основе мы хотим беседовать. Так мы понимаем тебя?

А. Дубчек. Да.

Л.И. Брежнев. Теперь объективно должен оказать, что происходит. Войска прошли без единого выстрела. Армия выполнила свой долг. Ваши вооруженные силы были призваны президентом и вашими деятелями не вступать в сопротивление, поэтому человеческих жертв не произошло.

А. Дубчек. Я считаю, что одним из основных шагов, предпринятых Президиумом ЦК КПЧ (хорошо, что был телефон), было указание с нашей стороны по линии армии и государственной безопасности, рабочей милиции, было обращение к народу, чтобы ни в коем случае нигде не

было никакого отпора, что это наше желание и наш призыв.

Л.И. Брежнев. Это мы тебе говорим, что жертв не было при вступлении во все города, рабочие и рабочая милиция сопротивления нам не оказывали и не оказывают по сегодняшний день, организованно не выступают. Но что, конечно, при вводе войск неприятное впечатление при всех обстоятельствах было и что, конечно, какая-то часть населения это могла принять плохо, это естественно.

Наши хотели взять и овладеть средствами пропаганды, скажем телевидением, радиостанциями и «Руде право». Остальные газеты мы не трогали. Никакого вооруженного сопротивления не было. Но огромные толпы людей были организованы в момент прихода наших войск. Получилось так, что наши стоят и те стоят. Радиостанция в это время работает и ругает Советскую власть. Наши имели приказ не стрелять, не бить. И так проходила борьба целые сутки. А станция работает, там сидят правые и дуют всю правую пропаганду против Советского Союза. Потом взяли «Руде право», и та же самая история, тоже без жертв.

Мы получили сообщение, что Швестка арестован. Наши войска освободили Швестку. Надо сказать, что он был в шоковом состоянии. Он был два часа в шоковом состоянии. При помощи врачей пришел в себя и сейчас чувствует себя лучше.

Начались всякие демонстрации, но без рабочего класса, без рабочей молодежи, главным образом молодчики. В некоторых местах было большое скопление народа, в других — небольшое скопление. Все проходило без стрельбы. Убили только нашего часового ночью — он ходил патрулировал, и его убили из-за угла. В Братиславе молодчики сбросили в Дунай легковую машину с двумя нашими людьми. Как будто один спасся, другой утонул. При взятии радиостанции имела место перестрелка, 13 человек наших ранено. Вот все кровавые столкновения.

Н. В Подгорный. Из окон стреляли в Праге.

Л.И. Брежнев. Стреляли с чердаков, из окон в Праге и в Братиславе. Блокировали эти дома, но никто не выходил оттуда.

Наибольше бурлит Прага.

Ты должен знать, мы не можем скрывать. Вчера, в один день, провели съезд. Здесь надо отметить о том, как у них организовано это. Собрались на автозаводе. Не знаю, правда это или неправда, но официально передают.

Н.В. Подгорный. На электроприборах.

Л.И. Брежнев. Съезд провели в клубе завода. Называют разную цифру делегатов — 800, 900, 1000 человек. Нам известно, что словаков не было там. Было только 5 словаков...

Н.В. Подгорный. Ни одного из членов Президиума не было.

Л.И. Брежнев. Избирали они, как сообщают, открытым голосованием. Пленум неизвестно какой избрали, но избрали такой центральный комитет компартии Чехословакии (зачитывает).

Печ. по: «От правды никуда не уйдешь...» (Новые документы о событиях в Чехословакии 1968 г.) // Кентавр. Историко-политологический журнал. 1993, сентябрь-октябрь. С. 91—96.

Документ №3.

Политическое письмо Посольства СССР в США об основных направлениях американской пропаганды в связи с событиями в Чехословакии

3 октября 1968 г.

Американская антисоветская и антикоммунистическая пропаганда по поводу вступления союзных войск в Чехословакию с самого начала была направлена на достижение ряда вполне определенных целей идеологической и внешнеполитической борьбы против Советского Союза и других социалистических стран, а также явилась средством воздействия реакционных сил на внутрисполитическое положение в США, на настроения среди американской общественности.

Вопрос о прямой военной «помощи» Чехословакии со стороны США не вставал ни в первый момент, ни в дальнейшем. Хотя правительство США и заняло пропагандистскую позицию «непризнания раздела сфер влияния» между США и СССР, по существу его первая реакция и последующие действия в связи с Чехословакией исходили из фактического

признания того, что Чехословакия входит в социалистический лагерь, в сферу интересов СССР и стран Варшавского Договора.

Однако в условиях ослабления идеологических и внешнеполитических позиций США за рубежом за последние годы — главным образом в результате вьетнамской войны и обострившихся расовых и социальных конфликтов в Америке — правительство США и его внешнеполитический и пропагандистский аппарат, а также разного рода реакционные круги постарались раздуть и использовать в своих целях широкую кампанию антисоветской и антикоммунистической пропаганды.

Как показывает анализ высказываний американских официальных лиц — как в их публичных выступлениях, так и в беседах с нами и с другими дипломатическими представителями в Вашингтоне — а также наши наблюдения за деятельностью в эти дни американской прессы, радио и телевидения, американская пропаганда, проводя клеветническую кампанию вокруг Чехословакии, стремится

— воздействовать на ход событий в самой Чехословакии, всячески поощряя антисоциалистические силы в ней, оказывая этим силам моральную, политическую поддержку и «мобилизуя» на оказание такой поддержки реакцию как в США, так и в других капиталистических странах;

— затруднить проведение Советским Союзом и другими странами Варшавского Договора мер по нормализации положения в Чехословакии;

— поддержать и активизировать антисоциалистические силы в таких странах, как Югославия или Румыния, и различного рода идеологически незрелые и неустойчивые элементы в странах Варшавского Договора, войска которых находятся в Чехословакии;

— бросить тень на Советский Союз как на основную опору антиимпериалистических сил в мире, в глазах прогрессивной общественности западных стран и стран «третьего мира» с целью ослабления советского влияния в этих странах и внешнеполитических позиций СССР в целом;

— отвлечь внимание от агрессивной войны США во Вьетнаме и империалистической политики США на Ближнем Востоке, а также в других районах мира.

Следует отметить, что направленная на достижение этих целей антисоветская пропаганда в определенной мере вступила в противоречие с такими целями внешнеполитического курса администрации Джонсона, как подготовка американо-советских переговоров по взаимно интересующим оба правительства вопросам или ограничение военно-политических устремлений Бонна некоторыми рамками, за которые американская дипломатия в данное время предпочитала бы не выходить, учитывая связанность политики и ресурсов Соединенных Штатов вьетнамской войной. В своей практической линии Белый Дом и госдепартамент принимали некоторые меры, учитывающие эти внешнеполитические моменты (и сами они непосредственно проявляли определенную осторожность в своей публичной реакции, особенно в первые дни). Однако в общем эти меры не оказали реального сдерживающего влияния на американскую пропаганду, да и у самих руководящих американских лиц имелся немалый соблазн, как выразился один из них, «наставить побольше пропагандистских синяков Советскому Союзу».

Организация пропагандистской кампании в связи с событиями в Чехословакии

Характерной чертой этой кампании с организационной стороны является то, что она строилась, особенно в первые дни, на наличии небывало многочисленной группы корреспондентов американской прессы, радио и телевидения в ЧССР как в период, предшествовавший введению союзных войск, так и в последующем.

Эти журналисты поставляли обширный печатный, фото — и телевизионный материал, заполнявший в первые дни почти целиком первые полосы газет, обычные и специальные выпуски последних известий радио и телевидения. Можно сказать, что именно этими материалами, подаваемыми в духе сенсации и «драматизма», буквально нагнеталась антисоветская истерия в США. Распространялись слухи об «убийствах», вымыслы о «терроре» и т.п., которые хотя в некоторых случаях и опровергались затем, но, тем не менее, оказывали определенное воздействие на американского обывателя.

На этой основе, с использованием эмоционального воздействия сообщений американских

корреспондентов, выступавших в роли «очевидцев в Праге», велась обработка населения и подготовка разного рода «демонстраций», «протестов» в печати и т.п. Одновременно американская пропаганда поставляла материал (и при этом задавала тон) империалистической и проимпериалистической пропаганде в других странах, особенно в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Что касается Европы, где, как известно, усердствовали английская, западногерманская и французская пропагандистские службы, то здесь имело место самое тесное «сотрудничество»: в США, например, широко перепечатывались «аналитические» статьи В. Зорзы, а европейская буржуазная печать использовала и клеветнические материалы американских телеграфных агентств, газет и радио.

Содержание и основные тезисы американской пропаганды в связи с Чехословакией

В настоящее время, когда сенсационность так называемого «чехословацкого вопроса» спала и даже империалистическая пропаганда не может скрыть того факта, что положение в Чехословакии постепенно нормализуется, пропагандистский аппарат США переходит к планомерной разработке тезисов и «аргументации», которые, судя по всему, имеются в виду использовать в долгосрочном плане в области идеологической борьбы, на международных форумах, как официальных — ООН и другие, так и по линии общественных организаций и т.д.

Резюмируя основное содержание и акцентировку этих пропагандистских тезисов в том виде, как они выявляются на сегодняшний день, можно отметить следующее.

В идеологическом плане американская пропаганда стремится представить вступление войск СССР и союзных стран на территорию Чехословакии как свидетельство якобы боязни КПСС и компартий этих стран перед лицом «эрозии» социалистического строя, имеющей будто бы место во всех социалистических странах, но особенно быстро и радикально развернувшейся с января с. г. в Чехословакии.

При этом делается попытка «доказать» на примере Чехословакии, что само существование демократии и демократических свобод несовместимо якобы с руководящим положением коммунистической партии в социалистической стране, что только буржуазная демократия американского образца обеспечивает якобы действительную свободу слова, свободу творческой критики и т.д. В этих целях американская пропаганда с самого начала изображает представителей антисоциалистических сил и особенно их руководителей поборниками «гуманного социализма», как бы жертвами своей неизменной веры в идеи марксизма. Эти «либералы» — «истинные» представители прогресса, утверждает империалистическая пропаганда, и они имеются во всех социалистических странах, включая СССР, а события в Чехословакии «открыли им глаза» в том смысле, что только путем подражания Западу и возможно более тесного сближения с ним можно добиться действенной «либерализации» порядков в своих странах. Характерно, например, что именно в дни начала событий в Чехословакии американская пресса начала очередную рекламную шумиху вокруг Солженицына (книга которого «Первый круг» вышла сейчас {и поступила} в продажу в США), Вознесенского, Евтушенко, П. Литвинова, жены Даниэля и других.

О том, какое значение в США придается идеологической обработке неустойчивых элементов среди населения СССР, показывает попытка правительства США официально «протестовать» против мер с советской стороны по противодействию разнузданной антисоветской пропаганде «Голоса Америки» на Советский Союз на ряде языков его национальностей. Не случайна также и публикация в августе с. г. в органе ЮСИА «Проблемы коммунизма» большой подборки «протестов» и «заявлений» разного рода отщепенцев, выдаваемых американской пропагандой за «представителей советского общества».

В передаче сообщений из Чехословакии американская пресса, радио и телевидение всячески подчеркивают то, что не только чехословацкая интеллигенция, но и рабочий класс и Коммунистическая партия ЧССР встали якобы целиком на сторону «либеральных» руководителей — этим подсовывается вывод о непрочности социалистического порядка вообще, отсутствии у него поддержки среди общественности и широких кругов населения. Чехословацкие события якобы являются лишь «ярким примером», своего рода «катализатором» происходящего широкого кризиса».

Другим направлением антикоммунистической пропаганды в связи с событиями в Чехословакии является стремление дискредитировать идеи пролетарского интернационализма

как основу отношений между СССР и другими социалистическими странами. С этой целью советская внешняя политика изображается как прямое продолжение политики русского царизма, направленной на захват и закрепление сфер влияния и эксплуатации, а политика «патриотически мыслящих» и «либеральных» элементов в странах Восточной Европы — как стремление противостоять «русской агрессии» и развивать отношения со «свободным миром».

Американская пропаганда внимательно следит и немедленно подхватывает любые проявления правореформистских шатаний, взглядов и оценок в выступлениях руководящих деятелей и печати Чехословакии, афиширует деятельность «либеральных» элементов в чехословацком руководстве. Значительные усилия в настоящее время направляются на то, чтобы возбуждать среди общественности ЧССР, СССР и других социалистических стран кампанию требований вывода «оккупационных» войск, подстрекать чехословацкое население к «пассивному сопротивлению» союзникам.

Обращают на себя также внимание призывы в прессе США к более активному использованию форм и методов психологической войны, в том числе усилению радиовойны с помощью специально созданных на Западе радиостанций, вещающих от имени «чехословацкого подполья». Один из пропагандистских приемов состоит в том, что с целью воздействия на личные чувства нынешних руководителей Чехословакии распространяются слухи о «намерении Москвы настоять на отставке» Дубчека, Смирковского и других.

Заметную роль играет также использование низкопробных приемов для обвинения Советского Союза, Польши и других соцстран в проведении политики антисемитизма (так, печать уверяет, что последние изменения в составе чехословацкого руководства коснулись якобы в первую очередь лиц еврейского происхождения и т.п.). Подобная «аргументация», как показывают наблюдения, влияет и на еврейские круги в США, способствует развитию у них антисоветских настроений.

Особо циничский характер носят сейчас рассуждения американской печати о «невыгодах» для Чехословакии сотрудничества с Советским Союзом и об открывшихся было «радужных» перспективах политического, экономического, культурного и прочего сближения ЧССР с Западной Германией. Всемерно раздуваются и преувеличиваются «проблемы» территориальных претензий и нацменьшинств между СССР и Румынией (Молдавия), Венгрией и Румынией (Трансильвания), Болгарией и Югославией (Македония), Венгрией и Чехословакией (Словакия и венгерское нацменьшинство в Словакии).

Все это многократно повторяется и варьируется с целью разжигания настроений буржуазного национализма, национального эгоизма и ограниченности в странах Восточной Европы.

Наконец, с прямой целью возбуждения антисоветских настроений империалистическая пропаганда США не упускает случая поднять шумиху насчет т. н. «жертв» и материального ущерба населению, которыми якобы сопровождалось и продолжает сопровождаться пребывание советских и союзных войск на территории Чехословакии. При этом в первую очередь используется фото и телевидение — снимки траурных церемоний, интервью с родственниками и т.п. Вымыслы первых дней пребывания союзных войск в ЧССР сейчас сравнительно редко вспоминаются в центральной печати США, и она даже признает дисциплинированность и выдержку советских солдат и офицеров. Однако в глубинных районах США, как показывают наблюдения советских работников, выезжающих в командировки, осели в головах жителей нелепые вымыслы о «советских зверствах в Чехословакии».

Во внешнеполитическом плане имеется ряд направлений, в которых американская пропаганда и наиболее реакционные организации и политические деятели «обыгрывают» чехословацкие события. Пожалуй, основная атака ведется здесь против нас по вопросу о суверенитете и невмешательстве. Причем, обходя молчанием вопрос об угрозе контрреволюционного переворота в Чехословакии, американская пропаганда в то же время упорно пытается представить советскую концепцию суверенитета на примере Чехословакии как таящую в себе угрозу и для социалистических, и для западных стран.

События в Чехословакии и вокруг нее стремятся представить как «доказательство воинственных устремлений Советского Союза» и необходимости для США строить отношения с ним с позиции силы, хотя и не отказываться от диалога с ним по важнейшим международным

проблемам, представляющим общий интерес. (Последнее свидетельствует о том, что нереальность прежних лозунгов периода «холодной войны» является в США общепризнанной, и фактически чехословацкие события не вызвали здесь в этом смысле рецидива былых воинственных настроений.)

Спекулируя на этом вопросе в целях «ужесточения» американской политики и усиления гонки вооружений, соответствующая пропаганда в данном направлении имеет достаточно широкий размах в США. Подчеркивая высокую эффективность и четкость проведения операции по введению советских войск на территорию Чехословакии, американская пропаганда подчеркивает, что в США до этого существовала «недооценка русской военной мощи», и тут же подкидывает мысль о том, что советские войска могут быть так же внезапно введены в Румынию, Югославию или в ФРГ. Распространяются различные слухи о «концентрациях» советских войск у границ той или другой страны, соседней с СССР, и т.п.

В связи с этим пропагандируется укрепление НАТО, «проведение оборонительных мероприятий» в районе Средиземного моря и т.д.

Что касается практического использования тезиса о «советской угрозе свободному миру», то наряду с пропагандой идеей укрепления НАТО ввиду «нарушения военного баланса сил в Европе», «угрозы советского нападения на Западную Германию» и т.п. американская дипломатия, а за нею и печать довольно явно стараются делать акцент на укрепление сотрудничества европейских стран с США путем увеличения военного и дипломатического «вклада» самих этих стран в «совместную оборону», а не каких-то серьезных акций со стороны самих США.

В связи с чехословацкими событиями особое звучание в американской пропаганде приобрела т. н. «политика строительства мостов» в отношениях США с социалистическими странами. В ходе дискуссий в политических кругах и в печати относительно того, как следует Соединенным Штатам вести дело с этими странами, выявилось, какое значение придается в США «строительству мостов» как политике экспорта буржуазной идеологии в социалистические страны, вбивания клиньев между ними, отрыва от Советского Союза и втягивания в западную сферу влияния — особенно тех из них, где, как в Чехословакии, заметно активизировались антисоциалистические силы. О необходимости продолжения и дальнейшей активизации политики «строительства мостов» как орудия борьбы против социалистического строя в странах, к которым эта политика применяется, в американской пропаганде пишется и говорится сейчас с полной откровенностью.

Во внутривнутриполитическом плане в самих США антикоммунистическая и антисоветская шумиха американской пропаганды вокруг событий в Чехословакии используется против либеральных движений и кругов — и путем компрометации их, как «несущих моральную ответственность за советскую агрессию», и путем разложения идеологически неустойчивых элементов (причем весьма многочисленных в этих движениях) — внесения замешательства, натравливания на Советский Союз и т.п. Определенная часть американских «либералов» вроде квакеров, некоторых участников движения сторонников мира и др. поспешили «приравнять» вступление советских и союзных войск в Чехословакию к американской агрессии во Вьетнаме. Опасаясь, видимо, быть заподозренными в «мягкости к коммунизму», они порой превосходят в своем антисоветизме даже откровенную реакцию.

В сложной и напряженной обстановке предвыборной борьбы в США эти явления повели к дальнейшему идеологическому разобщению антивоенных сил и либеральных движений — американская пропаганда вокруг событий в Чехословакии сыграла здесь свою определенную подрывную роль, и в дальнейшем, видимо, потребует серьезная работа для преодоления заблуждений и путаницы в сознании американских либеральных кругов, в частности творческой интеллигенции, университетской профессуры и студенчества.

Предложения по контрпропагандистским мерам.

Посольство, разумеется, использует все имеющиеся возможности для проведения соответствующей контрпропагандистской работы среди американской общественности, в дипкорпусе и т.д. Мы имеем в виду определенным образом использовать также в этих целях и мероприятия, намеченные в связи с предстоящим 100-летием со дня рождения В.И. Ленина.

Одновременно с этим Посольство хотело бы высказать также некоторые дополнительные

предложения по вопросу о мерах по контрпропаганде:

— продолжая публикацию статей, брошюр и документальных материалов о положении в Чехословакии, предназначенных специально для зарубежной общественности, обратить внимание на разоблачение указанных выше конкретных тезисов американской пропаганды, разработку и выдвижение нашей соответствующей аргументации, публикацию фактических данных, например характеризующих заговорщическую и подрывную деятельность антисоциалистических сил и т.д.;

— обратить внимание на более активное использование нами фото-, телевизионных и кратких кинофильмов-репортажей специально для распространения и показа по каналам печати и телевидения западных стран. Возможности для этого имеются, и необходимость в подобных материалах особенно ощущается в связи с тем, что враждебные нам материалы фото и телевидения привлекли здесь большое внимание. Мы понимаем трудности, связанные, видимо, в данный момент с подготовкой таких материалов, но, учитывая особенности нынешней кампании американской пропаганды, считали бы необходимым изыскать и использовать все имеющиеся возможности в этом отношении;

— обратить внимание на пропаганду (в форме кратких легко доступных для понимания фактических справок, брошюр и т.д.) достижений экономического и культурного сотрудничества СССР и социалистических стран Восточной Европы, как в историческом плане, так и на сегодняшний день.

— в данное время было бы целесообразно продумать и вопрос относительно формы подачи информации в советской печати о положении в Чехословакии. Публикуемые нами информации ТАСС по этому вопросу американская пропаганда нередко пытается представлять как «официальные сводки оккупационных властей» и т.п. Чтобы устранить всякий повод для подобных клеветнических ухищрений, возможно, было бы лучше давать все материалы так, как делают «Правда» и «Известия», за подписями корреспондентов — их авторов.

Посол СССР в США А. Добрынин

Печ. по: ЦХСД.Ф. 5. Оп. 60. Д. 469. Л. 57—69.